АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

І. В. ГЕССЕНОМЪ

III

БЕРЛИНЪ 1921

Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области

С. Добровольскаго

Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись

Тургеневъ

Отъ автора

Настоящая работа имѣетъ своей цѣлью освѣтить одинъ изъ эпизодовъ гражданской войны — борьбу на нашемъ далекомъ Сѣверѣ съ большевиками. Въ газетѣ и журналахъ удѣлялось много мѣста фронтамъ Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича и лишь борьба въ Сѣверной Области мало привлекала общественное вниманіе, такъ какъ этотъ клочекъ Россіи казался далекимъ отъ ея жизненныхъ центровъ и силы его борцовъ столь ничтожными, что этотъ фронтъ не могъ сыграть роль рѣшающаго фактора въ борьбѣ. Между тѣмъ событія, которыя разыгрались здѣсь, далеко не лишены интереса. Это былъ единственный фронтъ, гдѣ фактически была осуществлена интервенція путемъ вмѣшательства въ нашу внутреннюю борьбу вооруженныхъ силъ союзниковъ. Архангельскъ, хотя и не на большой срокъ, вошелъ въ орбиту вліяній высокой политики пословъ великихъ державъ, нашедшихъ въ немъ гостепріимный пріютъ послѣ покинутія ими Совѣтской Россіи, заключившей позорный Брестъ-Литовскій договоръ, и здѣсь искренно и честно была произведена попытка возрожденія Россіи на началахъ правового строя и демократическаго режима, положенныхъ въ основаніе государственнаго бытія всѣхъ европейскихъ странъ.

Мнѣ пришлось тоже принять въ этой борьбѣ свое посильное участіе; мои впечатлѣнія и воспоминанія и составляютъ содержаніе настоящей работы*. Судьба поставила меня въ счастливое положеніе въ смыслѣ возможности прослѣдить какъ вооруженную борьбу нашей маленькой арміи, такъ и попытки государственнаго строительства на новыхъ началахъ. Находясь во

* За исключеніемъ 3ей главы I части, въ которой вкратцѣ со словъ другихъ лицъ описаны событія, имѣвшія мѣсто до моего прибытія вв Сѣверную область.

главѣ военно-судебнаго вѣдомства Области, я какъ военный былъ въ непрерывной связи съ представителями арміи, а какъ юристъ принималъ самое широкое участіе въ творческой дѣятельности власти, входя для этого въ общеніе какъ съ членами Правительства, такъ и съ представителями общественно-политическихъ круговъ.

При изложеніи я старался возможно объективнѣе и точнѣе описать тѣ событія, свидѣтелемъ или участникомъ которыхъ мнѣ пришлось быть, пропуская весь матеріалъ не только черезъ горнило своего скромнаго разума, ни и тщательно прислушиваясь къ голосу своей совѣсти.

Цѣль работы — выяснить причины гибели носителей національно-патріотической идеи возрожденія родины и торжества въ нашей отсталой странѣ героевъ III интернаціонала. Цѣль эта побуждаетъ не утаивать ничего и держаться только правды, какой бы горькой она не оказалась, что мною обѣщано тѣмъ моимъ лучшимъ друзьямъ изъ доблестной офицерской среды, которые или погибли въ неравной борьбѣ со смертельными врагами нашей несчастной родины, или, что пожалуй еще хуже, попали въ руки терзающихъ ее до сихъ поръ палачей и тѣмъ обречены на тяжкія и длительныя страданія... Ихъ свѣтлой памяти и посвященъ мой скромный трудъ.

Декабрь 1920 г.

Введеніе

Февральская революція застала меня въ гор. Кременцѣ Военнымъ Прокуроромъ XI арміи. Съ быстротой кинематографической драмы въ нѣсколько десятковъ тысячъ метровъ пронеслись передо мною выдающіяся событія этой богатой впечатлѣніями эпохи развитія революціоннаго процесса въ арміи. Здѣсь не время и не мѣсто отдаваться имъ: оѣ заслонены сейчасъ не менѣе яркими событіями гражданской войны на бѣлыхъ фронтахъ, участникомъ которой мнѣ суждено было сдѣлаться въ Архангельскѣ и описанію которой и будутъ посвящены дальнѣйшія строки.

Въ Ноябрѣ 1917 г. власть въ XI арміи перешла въ руки революціоннаго большевистскаго комитета, открывшаго военныя дѣйствія противъ самоопредѣлившейся Украйны; я не счелъ болѣе возможнымъ оставаться въ арміи и въ первыхъ числахъ Декабря отбылъ въ Петроградъ.

Я не буду утомлять вниманіе читателей описаніемъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть за время годичнаго пребыванія въ Петроградѣ при большевикахъ. Весь разрушительный процессъ дѣятельности Совѣтской власти и попытка строительства жизни на новыхъ коммунистическихъ началахъ, все это произошло на моихъ глазахъ и было предметомъ самаго внимательнаго наблюденія съ моей стороны. Только испытавъ дѣйствіе такого эксперимента надъ собой и окружающими, человѣкъ понимаетъ все безуміе этой затѣи и пріобрѣтаетъ увѣренность, что она

никогда не уцѣлѣетъ и будетъ отброшена жизнью, а, кромѣ того, только такимъ путемъ пріобрѣтается тотъ опытъ и усвоеніе цѣлей и методовъ борьбы, безъ которыхъ трудно достичь полной побѣды надъ такимъ грознымъ явленіемъ современности, какъ большевизмъ, жертвой котораго уже три года является наша родина и который угрожаетъ благополучію всего міра.

Послѣ годичныхъ мытарствъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба, голодовки, ужаснаго нравственнаго состоянія, въ связи съ необходимостью почти все время мѣнять мѣсто ночлега, въ виду систематическихъ обысковъ и попытокъ къ аресту, мнѣ удалось въ Ноябрѣ послѣ долгихъ хлопотъ отправить семью въ Финляндію. Руки были развязаны и начались хлопоты о личномъ бѣгствѣ туда же. О переходѣ границы въ частномъ порядкѣ при посредствѣ финновъ-проводниковъ, бравшихъ большія суммы (отъ 3000—15000 р.), нечего было и мечтать, а потому я приступилъ къ розыску бѣлыхъ организацій, чтобы прибѣгнуть къ ихъ помощи. Принимая во вниманіе конспиративность такихъ организацій, задача была нелегкая, но, какъ часто бываетъ, помогъ случай. Въ одной хорошо знакомой морской семьѣ я познакомился съ однимъ изъ членовъ морской бѣлой организаціи, который, узнавъ, что цѣлью моего ухода изъ совдепіи является желаніе принять активное участіе въ борьбѣ съ большевиками, обѣщалъ мнѣ оказать свое содѣйствіе. Черезъ нѣсколько дней мнѣ была назначена явка на конспиративную квартиру, гдѣ я долженъ былъ быть переданъ «по принадлежности» представителю сухопутной бѣлой организаціи. Не безъ волненія переступилъ я порогъ конспиративной квартиры, занимаемой одной извѣстной русской артисткой, такъ какъ со времени вступленія въ связь съ организаціей можно было всегда ожидать всякихъ непріятныхъ неожиданностей: тогда только что былъ опубликованъ списокъ разстрѣлянныхъ членовъ морской организаціи во главѣ съ докторомъ Балтійскаго флота Ковалевскимъ; но обаятельная личность встрѣтившаго меня моряка сразу же подѣйствовала успокоительно. Появившійся вскорѣ послѣ этого представитель «сухопутной» организаціи былъ столь удачно загримированъ подъ «товарища» въ своемъ «френчевомъ нарядѣ» и съ напомаженнымъ чубомъ на лбу, что хозяинъ поспѣшилъ представить его, послѣ чего при общемъ нашемъ смѣхѣ по поводу такого удачнаго маскарада мы приступили къ обсужденію нашего дѣла. Поразительны то мужество и самоотверженность, съ которой эти люди творили въ Петроградѣ свое опасное дѣло въ обстановкѣ провокаціи и блестяще организованнаго большевиками сыска. Какъ мнѣ послѣ стало извѣстно, одинъ изъ тогдашнихъ моихъ собесѣдниковъ былъ разстрѣлянъ послѣ наступленія ген. Юденича на Петроградъ. Еще болѣе поразительна та скромность, съ которой они расцѣнивали свою опасную работу. Прощаясь со мной, тотъ изъ нихъ, кто помогъ мнѣ прибѣгнуть къ помощи бѣлой организаціи, просилъ меня, какъ представителя военной прокуратуры, заступиться въ будущемъ за него, когда его привлекутъ къ отвѣтственности за службу въ красномъ флотѣ. Тогда мнѣ эта мысль показалась и чудовищной и смѣшной, но потомъ заграницей въ кругахъ россійскихъ обывателей, своевременно «эвакуировавшихся» изъ Россіи въ первый періодъ революціи, или уже очутившихся тамъ до ея начала, мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, палецъ объ палецъ не ударившихъ для дѣла спасенія родины, кровожадные разговоры о примѣрномъ наказаніи безъ всякаго разбора всѣхъ тѣхъ, кто очутился на службѣ у большевиковъ. Такихъ господъ много снуетъ въ тылу бѣлыхъ фронтовъ, гдѣ они большей частью

занимаются спекуляціей, еще больше ихъ устроилось по заграничнымъ центрамъ, гдѣ они, устроившись на теплыхъ мѣстахъ, ждутъ того момента, когда усиліями борцовъ на бѣлыхъ фронтахъ и тѣхъ самоотверженныхъ героевъ, о которыхъ я упомянулъ выше, будетъ для нихъ открыта граница Россіи. Увы, ихъ много, этихъ господъ, и имъ мы должны быть главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что часто европейское мнѣніе слагается не въ пользу Бѣлой Россіи.

21 Декабря съ трехъ часовъ дня началось мое путешествіе въ Финляндію. Съ небольшимъ чемоданчикомъ и съ пустой крынкой изъ подъ молока (для маскировки намѣреній) прибылъ я на одну изъ площадей Петрограда, гдѣ «сухопутный» представитель передалъ меня изъ рукъ въ руки проводнику — крестьянину финну. Началось томительное и жуткое путешествіе сначала въ трамваѣ, а затѣмъ въ вагонѣ одной изъ мало извѣстныхъ желѣзнодорожныхъ линій, полнаго крестьянами финнами, привозящими въ Петроградъ молоко. Разговоры ихъ, которые я понималъ, такъ какъ немного владѣю финскимъ языкомъ, сводились всѣ къ обмѣну впечатлѣніями объ обыскахъ, которые, хотя и не каждый день, но по нѣсколько разъ въ недѣлю производились на одной изъ станцій, которую намъ предстояло проѣхать. Трудно передать тѣ ощущенія, которыя охватили меня, при приближеніи къ этой станціи. Остановка, холодный воздухъ отъ вливанія новой пассажирской волны, а затѣмъ передаваемыя шопотомъ сверлящія душу фразы: «Идутъ» — «Никто не идетъ» — «Какъ не идутъ, уже начали обходъ съ двухъ концовъ поѣзда» — «Плохо будетъ, если ѣдетъ кто-нибудь изъ буржуевъ или офицеровъ, доберутся до него и арестуютъ» — «Вчера былъ обходъ и одного вытащили» — «Ну, значитъ, сегодня не пойдутъ, разъ вчера обходили». Только уцѣпишься за эту отрадную мысль, какъ опять слышишь: «Идутъ, уже осматриваютъ въ сосѣднемъ вагонѣ». Болѣзненно сжимается сердце и слышишь черезъ толстое пальто сильное біеніе его. Свистокъ, поѣздъ трогается. Не пришли! Кровь приливаетъ къ лицу, радостно бьется сердце, крѣпнетъ вѣра въ счастливый исходъ предпринятаго путешествія, на душѣ тепло и хочется обнять симпатичныхъ финновъ, польщенныхъ моимъ умѣніемъ говорить на ихъ родномъ языкѣ и радушно угощающихъ меня, голоднаго петроградца, хлѣбомъ.

Пересадка въ товарную теплушку, небольшой перегонъ стоя и мы высаживаемся на маленькой станціи среди сосноваго лѣса. Проводникъ подхватываетъ чемоданчикъ и мы идемъ по занесенной снѣгомъ дорогѣ. Послѣ двухъ верстъ ходьбы мы въ избѣ у проводника. Большая семья въ девять душъ, проводникъ — старшій сынъ 18 лѣтъ. Хозяйка угощаетъ меня кофе и со слезами на глазахъ разсказываетъ свою печальную повѣсть. Мужа убили красные, а теперь хотятъ окончательно загубить семью, требуя 15.000 р. единовременнаго налога и угрожая въ случаѣ неуплаты конфискаціей дома съ земельнымъ участкомъ. «Слава Богу, сынъ зарабатываетъ, но вѣдь его дѣло опасное, могутъ донести и его разстрѣляютъ». И, какъ всегда послѣ такого рода разговоровъ, мучительный вопросъ: «Какъ вы полагаете, скоро ли все это кончится?»

Въ два часа ночи подаютъ лошадь; прощаюсь съ гостепріимной хозяйкой и начинаю усаживаться въ сани. Кучеръ помогаетъ садиться и чистымъ русскимъ языкомъ безъ всякаго акцента, дружески улыбаясь, говоритъ: «Закутайтесь хорошенько, г-нъ полковникъ, холодно, а дорога длинная». Не

успѣваю выяснить, кто онъ, проводникъ вскакиваетъ къ нему на облучекъ и среди завывающей метели, завязая въ снѣгу, совершаемъ путешествіе въ 17 верстъ до второго проводника, который долженъ будетъ перевести меня черезъ границу.

Маленькая избушка на курьихъ ножкахъ и новый радушный пріемъ въ простой финской семьѣ. Угощаютъ чаемъ съ ватрушками изъ чернаго хлѣба съ картофелемъ вмѣсто творога. Угощеніе кажется царскимъ послѣ петроградской голодовки. За ѣдой кучеръ расшифровывается — это молодой фельдфебель одного изъ полковъ, стоявшаго когда-то подъ Петроградомъ. Онъ смертельно ненавидитъ большевиковъ и самъ готовится бѣжать къ бѣлымъ въ случаѣ объявленія мобилизаціи красными. Сердечно расцѣловавшись, прощаюсь съ нимъ и съ первымъ проводникомъ и ложусь на дровни для дальнѣйшаго путешествія. Плывемъ въ снѣгу, лошадь вязнетъ по горло и только немного легче становится въ лѣсу, гдѣ дорога не такъ занесена. Послѣ двухчасового путешествія выѣзжаемъ въ поле, по которому гуляетъ снѣжная метель. Оставляемъ лошадь привязанной у какого-то одинокаго сарая, такъ какъ кругомъ жилья нѣтъ, проводникъ вскидываетъ мой чемоданъ на плечи и начинается самый переходъ границы по поясъ въ снѣгу черезъ болотистое поле, изрытое канавами. Часа два продолжается эта мука съ провалами въ воду; временами кажется, что истощенный голодомъ организмъ не выдержитъ этого испытанія, но собираешь послѣднія силы и движешься впередъ. Среди почти механическихъ движеній, связанныхъ съ вытаскиваніемъ все время вязнущихъ ногъ, забываешь, что переходишь границу и что въ карманѣ два конверта съ секретными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ штаба красной арміи. Достигаемъ лѣса; дорога немного лучше, но она становится совсѣмъ легкой послѣ того, какъ проводникъ оборачивается и со свѣтящейся при лунѣ улыбкой заявляетъ: «А мы уже въ Финляндіи, граница за нами въ трехъ километрахъ». И бурная радость заливаетъ душу, вырвавшуюся изъ совѣтскаго ада; не чувствуешь болѣе усталости и начинаешь наслаждаться картиной первобытнаго густого лѣса съ постукивающими дятлами и загадочными тѣнями, падающими на узкую дорогу отъ мерцающей луны, которую то открываютъ, то закрываютъ летящія снѣжныя тучи. Но вотъ, видно жилье и въ 6 часовъ утра входимъ въ финскую деревню. Предстояло сдѣлать 75 километровъ до ст. Теріоки и вновь началось тяжелое путешествіе при невѣроятной стужѣ и метели, съ одного воинскаго поста на другой. Подъѣзжая вечеромъ къ Теріоки, я совсѣмъ закоченѣлъ, а моя усталость послѣ физическихъ и нравственныхъ переживаній дошла до того, что я положительно сталъ галлюцинировать и въ сосновомъ лѣсу, среди котораго мы проѣзжали, мнѣ мерещились огромные замки съ зеркальными стеклами.

Въ 7 часовъ вечера я предсталъ передъ теріокскимъ комендантомъ, который отпустилъ меня ночевать въ гостинницу, гдѣ я сразу же легъ спать и лишь на слѣдующій день, проснувшись около часу, отправился отыскивать представителей бѣлой русской организаціи, которымъ я долженъ былъ передать доставленные изъ Петрограда пакеты.

Каждый изъ насъ, испытавшихъ ужасы петроградской жизни при большевикахъ, знаютъ, что обитатели Петрограда жили и живутъ до сихъ поръ иллюзіями о приходѣ извнѣ избавителей, причемъ положеніе большинства петроградцевъ столь тяжкое, что они согласны купить свое спасеніе какой угодно цѣной, а потому приближеніе непріятеля къ столицѣ въ 1918 году

вызвало среди населенія нескрываемую радость. Въ періодъ перехода мною границы, Петроградъ жилъ иллюзіями объ англійской помощи и всюду можно было услышать передаваемыя изъ «достовѣрныхъ» источниковъ свѣдѣнія объ англійскомъ штабѣ въ Теріокахъ и войскахъ ген. Юденича на финляндской границѣ. Иллюзіи эти въ своихъ интересахъ поддерживались и бѣлыми организаціями въ Петроградѣ въ цѣляхъ привлеченія большаго количества участниковъ въ свои кадры. Каково же было мое разочарованіе, когда вмѣсто всего этого я нашелъ въ Теріокахъ лишь конспиративную квартиру, гдѣ нѣсколько русскихъ офицеровъ въ своей своеобразной полувоенной формѣ влачили жалкое существованіе въ пустой дачѣ съ кроватями безъ одѣялъ и бѣлья. Ими очень быстро я былъ информированъ, что организація ген. Юденича еще только что зарождается, а объ иностранной помощи ничего и не слышно.

Среди этихъ офицеровъ мое вниманіе привлекъ морской лейтенантъ Г., только что вернувшійся со свѣжими новостями изъ за границы. Онъ выдѣлялся среди другихъ своимъ широкимъ развитіемъ и большой освѣдомленностью въ дѣлахъ бѣлыхъ. Въ то время въ антибольшевистскихъ кругахъ преобладало мнѣніе, что безъ помощи союзныхъ вооруженныхъ силъ съ большевиками не справиться. Лейтенантъ Г. рѣзко высказывался противъ подобнаго мнѣнія, утверждая, что интервенція принесетъ только вредъ, такъ какъ союзники преслѣдуютъ лишь свои интересы и спасеніемъ Россіи не интересуются; единомыслія въ русскомъ вопросѣ среди нихъ нѣтъ, Россіи они совершенно не знаютъ и не понимаютъ, потому надѣлаютъ массу глупостей и вмѣшательство ихъ, даже при удачѣ, будетъ дорого стоить русскому народу. Кромѣ того, вмѣшательство иностранцевъ позволитъ большевикамъ играть на патріотическихъ чувствахъ русскаго народа, придавая борьбѣ съ бѣлыми національный характеръ, и лишитъ бѣлыхъ должной самостоятельности и инціативы, такъ какъ иностранцы при оказаніи помощи будутъ претендовать на руководящую роль. Опора на иностранные штыки, а не на свою собственную силу, деморализирующе отразится на бѣлыхъ, вызывая у нихъ ложное представленіе, что спасеніе Россіи придетъ извнѣ, а не благодаря самоотверженности и патріотизму ея сыновъ, и лишитъ бѣлыхъ той энергіи и вѣры въ свои собственныя силы, которыя однѣ только смогутъ обезпечить имъ побѣду. Подѣлившись далѣе своими грустными впечатлѣніями отъ тѣхъ темныхъ элементовъ, которые уже тогда «примазывались» къ бѣлымъ организаціямъ и отъ отсутствія въ средѣ бѣлыхъ политическаго единомыслія, лейтенантъ Г., проведя параллель между великой французской революціей и развитіемъ революціоннаго процесса у насъ, высказалъ опасеніе, какъ бы борьба бѣлыхъ не только не принесла бы пользы, но даже вредъ, задержавъ то естественное изжитіе большевизма внутри, которое уже началось и будетъ имѣть свой логическій конецъ . . .

Часть I

Путешествіе въ Сѣверную Область и исторія возникновенія въ ней борьбы

Глава I

Россійскій посланникъ въ Стокгольмѣ г. Гулькевичъ. Дорожныя впечатлѣнія и бесѣды. Фіорды

Въ Январѣ 1918 года мною была получена телеграмма отъ Россійскаго посланника въ Стокгольмѣ г. Гулькевича съ предложеніемъ ѣхать въ Архангельскъ для занятія должности по военно-судебному вѣдомству, такъ какъ глава Временнаго Правительства Сѣверной Области Чайковскій вызывалъ туда спеціалистовъ. Я тотчасъ же отвѣтилъ принципіальнымъ согласіемъ, но отъѣздъ мой изъ Финляндіи затянулся, такъ какъ я хотѣлъ устроиться въ возникшую къ этому времени въ Финляндіи организацію ген. Юденича. считая, что мнѣ нѣтъ никакой надобности ѣхать такъ далеко, когда работать можно здѣсь же на мѣстѣ.

Убѣдившись, однако, что предпріятіе ген. Юденича принимаетъ затяжной характеръ, я рѣшилъ ѣхать на Сѣверъ и, исхлопотавъ необходимыя визы, въ томъ числѣ и англійскую на право въѣзда въ Архангельскъ, выѣхалъ 5 Апрѣля изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ. Въ нарядной столицѣ Швеціи я пробылъ 9 дней, поджидая партію офицеровъ изъ Финляндіи, съ которыми долженъ былъ ѣхать на Сѣверъ. Здѣсь я былъ представленъ Россійскому посланнику г. Гулькевичу, обаятельная личность котораго произвела на меня самое чарующее впечатлѣніе. Чрезвычайно внимательный ко всѣмъ, г. Гулькевичъ поражалъ своей удивительной освѣдомленностью во всѣхъ вопросахъ, касающихся внутренняго и внѣшняго положенія Россіи, а также своимъ поразительнымъ умѣніемъ вѣрно оцѣнить переживаемыя событія и сдѣлать изъ всей обстановки правильный выводъ. И немудрено: для него не существовало среди насъ, русскихъ, гражданъ перваго и второго разряда, онъ принималъ всѣхъ и выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ каждаго. Сильное впечатлѣніе произвела на него переданная мною

просьба представителей бѣлой организаціи въ Петроградѣ поспѣшить съ помощью, такъ какъ они, по ихъ словамъ, могли удержаться только до весны, когда имъ предстояло или ждать кровавой ликвидаціи, или выступить противъ бѣлыхъ. Онъ попросилъ меня составить объ этомъ депешу, которая и была немедленно отправлена въ Парижъ.

15 Апрѣля въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ я выѣхалъ изъ Стокгольма по желѣзной дорогѣ въ Нарвикъ — одинъ изъ маленькихъ портовъ Сѣверной Норвегіи. Судьба послала мнѣ въ дорогѣ очень интереснаго спутника, полковника ген. штаба Б., только что бѣжавшаго изъ совдепіи. На его перепетіяхъ намъ стоитъ немного остановиться. Разъединенный съ женой, которая находилась въ Новониколаевскѣ, Б. рѣшилъ бѣжать черезъ линію восточнаго фронта въ Сибирь. Но попытка эта не удалась; онъ былъ схваченъ красными и ему угрожалъ разстрѣлъ, когда было получено распоряженіе Троцкаго предложить ему на выборъ, какъ «спецу», или начальника штаба арміи или разстрѣлъ. Б. согласился на службу большевикамъ и вскорѣ выхлопоталъ себѣ болѣе спокойное мѣсто — инспектора пѣхоты Сѣвернаго фронта, штабъ котораго находился въ то время въ Ярославлѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ въ отдѣльномъ салонъ-вагонѣ съ почетнымъ карауломъ выѣхалъ на инспекцію пѣхотныхъ частей фронта въ Лугу. Въ Петроградѣ ночью, въ то время, какъ его вагонъ передавали съ Николаевскаго вокзала на Варшавскій, онъ бѣжалъ черезъ финляндскую границу.

Съ виду мрачный и необщительный, но въ дѣйствительности сердечный и крайне симпатичный, полк. Б. прекрасно разбирался въ положеніи у большевиковъ, обнаруживая большой умъ и наблюдательность. Онъ сознавалъ всю силу противника и трудность борьбы съ нимъ, но считалъ, что у насъ есть три могучихъ союзника, съ которыми большевикамъ никакъ не справиться — продовольственный кризисъ, разстройство транспорта и отсутствіе топлива. Невольно всѣ разговоры вертѣлись вокругъ вопроса, что насъ ожидаетъ на далекомъ Сѣверѣ, причемъ, такъ какъ составъ правительства мы не знали, то естественно, что мы интересовались личностями генераловъ, стоявшихъ во главѣ военнаго вѣдомства: Миллеромъ и М—скимъ. О генералѣ Миллерѣ полковникъ Б. былъ самаго высокаго мнѣнія, сохранивъ о немъ самыя лучшія воспоминанія по совмѣстной службѣ въ Московскомъ военномъ округѣ. Его отличительными свойствами онъ считалъ: глубокій проницательный умъ, чрезвычайную работоспособность и гуманное отношеніе къ своимъ подчиненнымъ. Что же касается оцѣнки личности ген. М—скаго, то полковникъ Б. отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, хотя и способномъ, но порывистомъ, поверхностномъ, лѣнивомъ и неспособномъ къ систематической, вдумчивой работѣ.

17 Апрѣля въ 1 часъ дня мы прибыли въ Нарвикъ, гдѣ намъ суждено было просидѣть до 20-го и встрѣтить Пасху, такъ какъ, по случаю «Великой Пятницы», чтимой норвежцами болѣе самой Пасхи, очередной пароходъ на Ледингенъ не пошелъ. Здѣсь мы могли ознакомиться съ радушіемъ и гостепріимствомъ норвежцевъ и ихъ сердечнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ намъ. Хозяйка гостинницы и всѣ служащіе приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы своимъ вниманіемъ скрасить встрѣчу нами Свѣтлаго Праздника на чужбинѣ. Еще болѣе незабываемой сердечности было намъ проявлено тогда, когда мы, вторично потерявъ родину, попали въ Норвегію въ порядкѣ бѣгства изъ Сѣверной Области, но объ этомъ ниже.

Съ Нарвика началось наше знакомство съ норвежскими фіордами и трехдневное путешествіе по нимъ до Вардэ. Извиваясь голубой лентой, какъ рѣка, потянулись они среди безконечной цѣпи снѣговыхъ горъ, у подножья которыхъ, гдѣ-то внизу, какъ карточные домики, расположились рыбачьи поселки. И такая панорама продолжается положительно до безконечности . . . Закроешь глаза и вновь черезъ нѣкоторое время откроешь, — все та же картина: голубое небо, голубая вода и безконечная цѣпь снѣжныхъ горъ поразительной бѣлизны. Начинаешь понимать всю силу характера героевъ Ибсеновскихъ драмъ — Бранта и др., и то созерцательно углубленное настроеніе, вызываемое окружающей природой, которое конденсируетъ глубокія чувства и сильныя страсти, вырывающіяся иногда могучимъ фонтаномъ, какъ горячій гейзеръ на ледяной Исландіи, изъ-подъ ледяной маски внѣшней невозмутимости и спокойствія.

А, вѣдь, на фонѣ этой мертвой величественной природы люди тоже пылали другъ къ другу ненавистью на почвѣ соціальныхъ противорѣчій (д-ръ Штокманъ) и на днѣ чистаго, прозрачнаго, голубого фіорда остался заигравшійся на пристани и нечаянно упавшій въ воду, «Маленькій Эольфъ», котораго не спасли бѣдные рыбаки, питавшіе ненависть къ его родителямъ-богачамъ . . .

23 Апрѣля рано утромъ мы прибыли въ послѣдній пунктъ нашего пребыванія заграницей — Вардэ, маленькій норвежскій городокъ на голой скалѣ, со всѣхъ сторонъ открытый для вѣчно дующаго холоднаго вѣтра. Здѣсь намъ пришлось пробыть три дня въ ожиданіи русскаго парохода, который долженъ былъ насъ доставить на родину.

Глава II

«Купава». Незамерзающій русскій портъ Мурманскъ. Русскій административный персоналъ и союзное командованіе. Ледовитый океанъ. Борьба со льдами. Прибытіе въ Архангельскъ

26 Апрѣля вечеромъ мы вступили на бортъ русскаго парохода «Купава». Грязный пароходъ съ неряшливо одѣтой и смотрѣвшей исподлобья командой несомнѣнно большевистской оріентаціи, видѣвшихъ въ насъ враговъ народа, ѣдущихъ «пить его кровушку», произвелъ на меня и на моихъ спутниковъ тяжелое впечатлѣніе: мы ожидали другой встрѣчи въ Бѣлой Россіи. Только развѣвавшійся на кормѣ нашъ русскій національный флагъ радовалъ сердце и напоминалъ намъ, что мы у себя дома. Ночь была бурная, штормовая и причинила намъ много непріятностей: мы почти всѣ переболѣли морской болѣзнью.

Лишь подъ утро все стихло: мы стали приближаться заливомъ, составляющимъ какъ бы продолженіе норвежскихъ фіордовъ, къ незамерзающему русскому порту Мурманску и около 12 часовъ дня причалили къ одной изъ

его грандіозныхъ пристаней. Больно рѣзнула по сердцу провѣрка нашихъ паспортовъ союзнымъ военнымъ контролемъ и англійской военной полиціей; оказывается, мы еще пока у себя не хозяева. Рельсовыми путями черезъ грязный портъ, заваленный издающими зловоніе пустыми ящиками и консервными коробками, мимо маленькой замурзанной станціи «Мурманскъ» и составовъ поѣздовъ, частью пустыхъ, а частью занятыхъ подъ постой союзныхъ войскъ и учрежденій, прибыли мы по непролазной грязи въ нештатный городъ Мурманскъ — небольшой поселокъ со свѣжими срубами для жилья и переносными бараками американскаго типа, занятыми союзными войсками. Даже прекрасная солнечная погода не моглъ скрасить неказистый видъ этого молодого русскаго портоваго города, расположеннаго среди болотистой мѣстности, покрытой лишаїниками, мелкими кустами березняка, и прижатаго къ морю снѣговыми горами. Но все это искупается никогда не замерзающей и защищенной отъ вѣтровъ обширной гаванью, допускающей по своей глубинѣ стоянку самыхъ крупныхъ океанскихъ судовъ.

Устроившись въ старомъ и грязномъ вагонѣ 1 класса, который намъ отвели для ночлега, мы пришли въ штабъ начальника военнаго отдѣла Мурманскаго раіона, расположенный въ небольшомъ деревянномъ зданіи. Здѣсь мы познакомились съ встрѣтившимъ насъ чрезвычайно радушно Начальникомъ военнаго отдѣла, полковникомъ Л. И. Костанди, молодымъ и способнымъ офицеромъ Ген. Штаба, который въ теченіе десятидневнаго пребыванія нашего въ Мурманскѣ ознакомилъ насъ съ исторіей бѣлаго переворота на Мурманѣ и съ положеніемъ, которое существовало тамъ къ нашему пріѣзду, а также съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ.

Самый переворотъ произошелъ совершенно безболѣзненно въ порядкѣ соглашенія союзниковъ съ Мурманскимъ совдепомъ послѣ разрыва его съ Москвой, въ виду заключенія послѣдней Брестъ-Литовскаго договора. Предсѣдатель Мурманскаго совѣта, кочегаръ Юрьевъ, сообщилъ объ этомъ соглашеніи по прямому проводу Ленину, обозвавъ его при этомъ измѣнникомъ. Такимъ образомъ, разрывъ произошелъ лишь на почвѣ разногласія въ международной политикѣ, а совѣтская организація была сохранена, что нисколько не смущало союзниковъ, преслѣдовавшихъ свои спеціальныя цѣли — защиту Мурманска отъ возможнаго появленія туда оперировавшихъ въ то время въ Финляндіи германцевъ, для борьбы съ которыми были приняты на англійскую военную службу бѣжавшіе изъ Финляндіи красные финны, образовавшіе отдѣльный отрядъ во главѣ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ народныхъ комиссаровъ Токоемъ. Власть совѣтовъ на Мурманскѣ была уничтожена лишь послѣ образованія въ Архангельскѣ сначала Верховнаго Управленія, а затѣмъ Временнаго Правительства Сѣверной Области, въ составъ которой вошелъ и Мурманскъ. Совѣтская власть пустила на Мурманѣ, особенно въ Мурманскѣ, глубокіе корни, такъ какъ большинство населенія составляло пришлый элементъ рабочихъ вновь выстроенной желѣзной дороги (Мурманъ—стройка); недаромъ Мурманскъ, лишенный осѣдлыхъ буржуазныхъ элементовъ, считался центральной совѣтской властью «удобнымъ полемъ для соціалистическихъ опытовъ», какъ-то и значилось въ одномъ изъ попавшихъ мнѣ потомъ въ руки большевистскихъ документовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда мы могли сами воочію убѣдиться въ большевистскихъ симпатіяхъ населенія. Согласно приказа Командующаго войсками Сѣверной Области, ген. М—скаго, былъ разрѣшенъ свободный выѣздъ въ

совдепію всѣмъ желавшимъ туда ѣхать и, вотъ, на нашихъ глазахъ отошелъ поѣздъ, перегруженный красными, которыхъ дружески, съ явнымъ сочувствіемъ провожало почти все остальное населеніе Мурманска. На меня это произвело тогда крайне непріятное впечатлѣніе, а изъ бесѣды съ высшими чинами англійскаго штаба я убѣдился, что ихъ это сочувствіе населенія большевикамъ привело положительно въ ярость и, можетъ быть, послужило впослѣдствіи однимъ изъ мотивовъ ихъ нежеланія оставаться тамъ для нашей поддержки. Я помню, тогда мы подѣлились съ полковникомъ Б. опасеніями, что станетъ съ русской властью, въ случаѣ ухода союзниковъ, и наши опасенія оказались не безосновательными, ибо Мурманскъ сыгралъ печальную роль при ликвидаціи Сѣверной Области, такъ какъ съ него началось возстаніе на Мурманѣ, повлекшее за собою паденіе Мурманскаго фронта.

Въ описываемый моментъ русскія вооруженныя силы Мурманскаго фронта состояли изъ . . . двухъ полковъ, причемъ одинъ изъ нихъ былъ добровольческій подъ англійскимъ командованіемъ; борьбу вели партизанскаго характера. Изъ союзныхъ войскъ большую часть составляли англичане, которымъ и принадлежало высшее командованіе въ лицѣ генерала Мейнарда.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда, полковникъ Б. и я были приняты имъ въ присутствіи чиновъ его штаба. Генералъ прежде всего поздравилъ насъ съ благополучнымъ избавленіемъ отъ большевиковъ, а затѣмъ приступилъ къ самому подробному разспросу о положеніи въ Совѣтской Россіи. Узнавъ, что полк. Б. былъ Инспекторомъ пѣхоты Сѣвернаго фронта у большевиковъ, онъ прежде всего съ любезной улыбкой попросилъ его разсказать о состояніи «ввѣренной ему пѣхоты». Выслушавъ обстоятельный докладъ полк. Б. о состояніи красной арміи, генералъ долго интервьюировалъ меня о политическомъ и финансово-экономическомъ положеніи въ Совѣтской Россіи, а также о царящемъ тамъ террорѣ. Видно было желаніе узнать правду о Россіи и чувствовалось искреннее и сердечное расположеніе къ намъ, а отъ полк. Костанди намъ было извѣстно, что генералъ не ограничивается словами, а проявляетъ свое расположеніе и на дѣлѣ, побуждая свое правительство къ активной поддержкѣ. На другой день послѣ пріема насъ генераломъ Мейнардомъ, къ намъ зашелъ глава французской военной миссіи, полковникъ Бигу, обмѣнъ мнѣніями съ которымъ носилъ самый оживленный характеръ. На наши сѣтованія о слабой поддержкѣ насъ союзниками полковникъ Бигу объяснилъ, что такое невмѣшательство вызывается необходимостью истеченія извѣстнаго срока для изжитія большевизма самимъ русскимъ народомъ, ибо иначе для насильственнаго водворенія порядка потребовались бы громадныя вооруженныя силы и все таки врядъ ли бы этотъ порядокъ былъ бы обезпеченъ подобнымъ методомъ дѣйствій. Свою мысль о томъ, что время работаетъ противъ большевиковъ и преждевременное вмѣшательство въ этотъ цѣлительный процессъ только вредитъ дѣлу, полк. Бигу иллюстрировалъ выступленіемъ чехо-словаковъ на Волгѣ, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, и гдѣ народныя массы неохотно поддерживали бѣлыхъ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней я и полк. Б. представились Начальнику Мурманскаго края Е., который произвелъ на насъ впечатлѣніе человѣка практической складки, прекрасно учитывающаго моментъ и чуждаго бюрократической рутины. Между прочимъ, онъ вполнѣ опредѣленно высказался, что будущимъ хозяиномъ земли русской будетъ крестьянинъ,

которому должна быть уступлена захваченная имъ въ революціонномъ порядкѣ земля, а поэтому онъ, лично, окончательно и безповоротно разстался со своимъ имѣніемъ, находящимся въ одной изъ южныхъ губерній Россіи. Свою дѣятельность на Мурманѣ и въ Олонецкой губерніи онъ развивалъ на базисѣ дружной и дѣловой работы съ волостными земствами, выѣзжая обыкновенно на мѣста сразу же послѣ освобожденія ихъ отъ большевиковъ.

Задержка съ ледоколами вызвала наше десятидневное пребываніе въ Мурманскѣ, въ теченіе котораго полковникъ Костанди подробно ознакомилъ насъ съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ. Отзывъ его, равно какъ и Е., о генералѣ Миллерѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ оцѣнкѣ личности послѣдняго полк. Б.

Большихъ усилій стоило намъ устроиться на одинъ изъ ледоколовъ, отходящихъ въ Архангельскъ 7 мая. Отправка судовъ, распредѣленіе на нихъ мѣстъ и груза, — все это находилось въ рукахъ англичанъ и намъ пришлось неоднократно ходить въ штабъ генерала Мейнарда, союзный военный контроль (контръ-развѣдка) и къ старшему морскому транспортному офицеру, чтобы добиться разрѣшенія проѣхать изъ одного русскаго города въ другой. Наконецъ, наряду съ англійской визой, поставленной мнѣ въ Стокгольмѣ на въѣздъ въ Архангельскъ, появилась «виза» союзнаго военнаго контроля, разрѣшающая слѣдовать туда же на ледоколѣ «Бонавенчуръ».

7 мая полк. Б., я и еще двое офицеровъ сѣли на «Бонавенчуръ», оказавшійся русскимъ ледоколомъ «Русановымъ», зачисленнымъ вмѣстѣ со всей своей командой на службу по англійскому адмиралтейству. Всѣ лучшія мѣста на пароходѣ были отведены англійскимъ офицерамъ, а намъ были предоставлены мѣста въ трюмѣ, гдѣ царило зловоніе отъ погруженныхъ туда продуктовъ, и въ которомъ намъ предстояло путешествовать въ обществѣ нѣсколькихъ сумасшедшихъ и моихъ будущихъ кліентовъ — арестантовъ, которыхъ везли на судъ въ Архангельскъ. Нечего и говорить, что нашему возмущенію не было предѣла; оно раздѣлялось даже «красной» русской командой ледокола, задѣтой вмѣстѣ съ нами въ патріотическихъ чувствахъ. Возмутительное отношеніе къ намъ иностранцевъ, распоряжавшихся на нашемъ же суднѣ, слило насъ въ единую русскую семью, причемъ матросы выражали намъ свое сочувствіе и старались быть съ нами любезными и внимательными. Старый «ледяной» капитанъ «Бонавенчура-Русанова» Стессель вошелъ въ наше положеніе и обѣщалъ намъ, какъ только ледоколъ тронется, открыть лазаретъ, гдѣ и устроить всѣхъ насъ, но попросилъ насъ выждать отхода ледокола, чтобы и лазаретъ отъ насъ не отняли англійскіе офицеры...

Уже во время самаго хода ледокола мы убѣдились въ возможности такого «джентельменскаго» поступка со стороны послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что каютъ-кампанія ледокола была ими занята подъ свою столовую, гдѣ имъ сервировали то первый завтракъ, то второй завтракъ, затѣмъ чай, обѣдъ и, наконецъ, ужинъ. Въ одинъ изъ промежутковъ между ихъ ѣдой, ѣхавшій на ледоколѣ коммерческій капитанъ рѣшилъ тоже отобѣдать въ каютъ-кампаніи вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и директоромъ отдѣленія Московскаго банка въ Архангельскѣ. Только что они расположились, какъ появился одинъ изъ англійскихъ офицеровъ и потребовалъ, чтобы они удалились вонъ, такъ какъ каютъ-кампанія находится въ полномъ и исключительномъ распоряженіи англичанъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету

капитана и старикъ Стессель быстро осадилъ зарвавшагося иностранца, объяснивъ ему, что въ морѣ онъ единственный распорядитель на суднѣ и что въ случаѣ повторенія подобной выходки онъ закроетъ каютъ-кампанію для всѣхъ англійскихъ офицеровъ. Выступленіе капитана имѣло самыя благопріятныя послѣдствія: виновникъ происшествія ретировался, принеся предварительно извиненія передъ коммерческимъ капитаномъ, но послѣ этого инцидента мы рѣшили, что общество ѣхавшихъ съ нами англійскихъ офицеровъ не «наше общество» и столовались отдѣльно отъ нихъ въ канцеляріи, любезно отведенной намъ старшимъ помощникомъ капитана.

Но вернусь опять назадъ. Около 7 часовъ вечера мы покинули Мурманскъ и вслѣдъ за ледоколомъ «Ольга» (бывшій Илья Муромецъ), шедшимъ подъ французскимъ флагомъ и съ французской командой, вышли въ открытое море. Вѣтеръ былъ «свѣжій», какъ говорятъ моряки, и мы, спасаясь отъ морской болѣзни, поспѣшили устроиться на койкахъ отведеннаго намъ лазарета. До вечера слѣдующаго дня, когда мы вошли во льды, насъ все время качало и, выходя на палубу нашего громаднаго, скованнаго изъ желѣза и стали ледокола, я любовался, не безъ жуткаго чувства, тѣмъ, какъ могучія, зеленыя волны Ледовитаго Океана, величиной съ многоэтажный домъ, бросали его, какъ перышко. Около 6 часовъ вечера мы вступили во льды; качка сразу же прекратилась и началось красивое и невиданное зрѣлище, для котораго одного можно было бы продѣлать наше путешествіе: началась борьба со льдами — торжество геніальной технической мысли человѣка надъ могучей природой. Сначала ровныя ледяныя поля, хотя и изъ толстаго льда, но не представляющія серьезной преграды для ледокола. Бѣгу на носъ и вижу какъ, налѣзая на ледъ своимъ приподнятымъ брюхомъ, ледоколъ рѣжетъ или вѣрнѣе колетъ его такъ, какъ прежде всѣмъ извѣстная въ домашнемъ обиходѣ ручная машинка для колки сахара раскалывала сахарную голову. Но вотъ, на встрѣчу приближаются поля торросовъ — сжатыхъ въ горлѣ бѣлаго моря теченіями и вѣтрами льдовъ, спаявшихся въ одну массу невѣроятной толщины подъ водой и съ цѣлыми ледяными горами на верху, обильно усыпанными снѣгомъ. Дается задній ходъ, а затѣмъ ледоколъ съ разбѣга бросается впередъ и на полномъ ходу врѣзается въ ледяной массивъ. Съ невѣроятнымъ шумомъ рушатся ледяныя глыбы, корпусъ ледокола трещитъ отъ сжимающихъ его льдовъ и весь дрожитъ отъ могучаго дѣйствія его мощныхъ машинъ. Все тщетно, — нѣтъ никакого продвиженія впередъ, несмотря на то, что особые винты, размѣщенные подъ корпусомъ ледокола, стараются своимъ вращеніемъ подтянуть и подмять разбитыя льдины подъ себя. Со всѣхъ сторонъ идутъ льдины на приступъ, атакуютъ ледоколъ и лѣзутъ на него, какъ живые люди, переваливаясь иногда черезъ бортъ на палубу. Становится жутко, кажется, что тебя завалитъ, раздавитъ въ ледяной безднѣ. Но вотъ, раздается электрическій звонокъ — «задній ходъ» и, напрягая всѣ свои мышцы, какъ живой человѣкъ, ледоколъ могучимъ порывомъ вырывается изъ ледяныхъ объятій и отлетаетъ назадъ, чтобы снова съ разбѣга нанести новый мощный ударъ торросу. Бѣда не вырваться изъ этихъ желѣзныхъ объятій: попадешь въ ледяную пробку и тогда вмѣстѣ со льдами можетъ угнать далеко, какъ былъ угнанъ въ Карское море «Соловей Будимировичъ», откуда его лишь черезъ шесть мѣсяцевъ вывелъ ледоколъ «Святогоръ». А по дорогѣ льды могутъ нанести подхваченное судно на мель или камень и тогда конецъ:

оно будетъ немедленно раздавлено движущимися льдами. Болѣе сильная «Ольга» нѣсколько разъ помогала намъ выбираться; возвращалась назадъ и, обходя насъ кругомъ почти около самаго борта, бросалась впередъ, чтобы расчистить намъ дорогу. Эта титаническая работа продолжалась всю ночь и сонъ нашъ подъ этотъ трескъ, шумъ, лязгъ и содроганіе всего корпуса ледокола былъ очень тревоженъ. Весь слѣдующій день и ночь продолжалась эта борьба и лишь 10 мая утромъ намъ удалось окончательно вырваться на свѣжую воду. Оказывается по словамъ слѣдовавшихъ съ нами ледокольныхъ капитановъ, ледъ былъ легкій... Мы потратили на то, чтобы пробраться всего два дня, а при тяжелыхъ льдахъ на это требуется отъ одной до двухъ недѣль. Благодаримъ капитановъ за компетентное разъясненіе: съ насъ вполнѣ довольно и легкаго перехода.

Вода постепенно начинаетъ мѣнять свой цвѣтъ съ зелено-синяго на сѣровато коричневый: начинаемъ приближаться къ истокамъ Сѣверной Двины. Минуемъ громадный унылаго вида островъ съ нѣсколькими постройками казарменнаго типа на берегу. Это мрачный Мудюгъ съ каторжной тюрьмой для уголовныхъ преступниковъ и большевиковъ. Часа черезъ полтора входимъ въ Маймаксу, одинъ изъ рукавовъ дельты Сѣверной Двины.

По обоимъ берегамъ громадные лѣсопильные заводы, а среди нихъ русскія двухъярусныя избы съ мезонинами и балкончиками. На берегу въ своихъ обычныхъ костюмахъ крестьяне, бабы и дѣти привѣтливо машутъ намъ платками. Эта родная картина вызываетъ у насъ съ полк. Б. глубокое волненіе, глаза у насъ застилаются какъ бы сѣткой тумана, но мы не стѣсняемся своихъ чувствъ и обмѣниваемся другъ съ другомъ короткими радостными фразами...

Но вотъ, каменныя зданія и большая церковь. Это Архангельскъ? Нѣтъ, это его предмѣстье Соломбала съ красивымъ стариннымъ зданіемъ флотскаго полуэкипажа. Соломбала? Что за странное названіе? Директоръ Московскаго банка объясняетъ его историческое происхожденіе, связанное съ нашимъ Великимъ Преобразователемъ. Петръ Великій пріѣзжалъ въ Архангельскъ и далъ балъ въ нынѣшней Соломбалѣ; гости послѣ неумѣреннаго возліянія были слишкомъ невоздержанны и вызвали гнѣвъ царя, который велѣлъ ихъ выдрать. Балъ оказался солонъ, отсюда — Соломбала.

Двигаемся дальше. Рѣка расширяется и на берегу, окаймленномъ красивой набережной, вдоль которой тянется бульваръ, передъ нашими глазами вырисовывается весь Архангельскъ — живописный городъ со старинными зданіями на берегу. Любуемся на свой родной русскій городъ. Къ сожалѣнію на палубѣ холодно и, несмотря на 10 мая, я кутаюсь въ свой зимній тулупъ на мѣху. Ледоколъ медленно пристаетъ къ пристани. Послѣ провѣрки документовъ насъ выпускаютъ на берегъ, куда мы радостные сбѣгаемъ по сходнямъ. Мы у себя дома, на родинѣ, въ Россіи.

Глава III

Прибытіе союзниковъ и переворотъ 2 Августа 1918 года. Верховное Управленіе Сѣверной Области. Coup d'état 6 Сентября. Образованіе Временнаго Правительства Сѣверной Области. Прибытіе ген. Миллера

Прежде чѣмъ перейти къ описанію того, что мнѣ пришлось самому пережить въ Сѣверной Области, я считаю необходимымъ, хотя бы вкратцѣ, остановиться на томъ, что имѣло мѣсто до моего пріѣзда, такъ какъ иначе не получится полной картины той борьбы, которая разыгралась съ большевиками па Сѣверѣ. Мнѣ поневолѣ приходится пропустить подробности этого интереснаго періода первыхъ мѣсяцевъ существованія Области, когда организація власти, какъ военной, такъ и гражданской, еще не выкристаллизовалась и носила сумбурный характеръ.

Нѣкоторыя событія того времени носили характеръ буффонады, гдѣ смѣшались въ одну кучу и «высокая» политика пословъ великихъ державъ и полное непониманія русской жизни поведеніе высшаго англійскаго командованія, и неизлѣчимое политиканство и конкуренція съ большевиками въ области соціальныхъ опытовъ перваго правительства черновско-эсеровской оріентаціи и, наконецъ, непримиримое отношеніе нѣкоторыхъ, правда немногочисленныхъ, офицерскихъ круговъ къ новому строю, съ тенденціей возвратить русскую жизнь вооруженной рукой въ русло ея безвозвратнаго прошлаго. Я могу только ручаться за то, что я постараюсь, излагая схему этихъ событій, по возможности точно передать все то, что мнѣ было разсказано ихъ участниками или свидѣтелями, принадлежащими къ самымъ разнообразнымъ кругамъ общества, какъ по своему положенію, такъ и по своимъ политическимъ воззрѣніямъ.

Еще задолго до прибытія союзниковъ стали стекаться въ Архангельскъ представители бѣлыхъ организацій, проникавшіе туда или при содѣйствіи англійской контръ-развѣдки въ Петроградѣ, или въ порядкѣ частной иниціативы путемъ вступленія на службу въ совѣтскія войска и учрежденія. Часть ихъ группировалась около капитана II ранга Ч., дѣйствовавшаго подъ видомъ англійскаго офицера Томсона, а главное ядро находилось въ Бѣломорскомъ конномъ отрядѣ, сформированномъ изъ конно-горцевъ ротмистромъ N., который еще въ Петроградѣ навербовалъ въ него много офицеровъ для организаціи выступленія въ Архангельскѣ. Ротмистръ N. находился въ сношеніяхъ съ французами въ лицѣ полк. Д., съ которымъ они часто встрѣчались для переговоровъ на набережной Сѣверной Двины. Мѣстныя совѣтскія власти въ лицѣ комиссаровъ вели въ то время осторожную политику въ отношеніи иностранныхъ представителей, находившихся въ Архангельскѣ, боясь открытаго разрыва и прибытія морскихъ вооруженныхъ силъ, которымъ они не могли ничего противопоставить, а командовавшіе сухопутными силами полк. Потаповъ и краснымъ флотомъ адмиралъ В., какъ то было установлено впослѣдствіи произведеннымъ о ихъ дѣятельности предварительнымъ слѣдствіемъ, находились въ сношеніяхъ съ союзниками и къ моменту прибытія послѣднихъ приложили всѣ усилія къ тому, чтобы парализовать всѣ тѣ мѣры, которыя были приняты Совѣтомъ обороны во главѣ съ комиссаромъ Кедровымъ для отраженія союзнаго десанта. Потаповъ, къ моменту

прихода союзниковъ, такъ сгруппировалъ красныя войска, что большая часть ихъ очутилась внѣ Архангельска за Сѣверной Двиной, чѣмъ и обезпечилъ свободу дѣйствій конно-горскому отряду ротмистра N., а адмиралъ В. примѣнилъ саботажъ, проявивъ полное бездѣйствіе власти въ принятіи мѣръ къ загражденію фарватера для воспрепятствованія прохода союзнаго флота къ Архангельску.

Когда слухи о приближеніи союзниковъ распространились съ молніеносной быстротой по городу, вызвавъ ликованіе всего населенія, комиссаровъ охватила паника и они начали стремительную эвакуацію на югъ по желѣзной дорогѣ и вверхъ по Сѣверной Двинѣ. Отправленные для затопленія фарватера ледоколы «Святогоръ» и «Микула Селяниновичъ» были затоплены внѣ его, оставивъ союзникамъ свободный проходъ, а огонь Мудюжскихъ батарей оказался недѣйствительнымъ и стрѣлявшая тамъ батарея была приведена къ молчанію союзнымъ флотомъ.

Самый переворотъ и захватъ власти былъ произведенъ до высадки союзниковъ конно-горскимъ отрядомъ ротмистра N., который быстро разоружилъ и арестовалъ растерявшихся и брошенныхъ своимъ начальствомъ и комиссарами красноармейцевъ, а огнемъ своего единственнаго орудія понудилъ къ сдачѣ посыльное судно «Гориславу», пытавшуюся обстрѣливать берега Сѣверной Двины. Большинство комиссаровъ къ сожалѣнію бѣжало и въ руки бѣлыхъ попалось лишь нѣсколько видныхъ коммунистовъ. Высадившіяся войска были ничтожны, но большевики были въ такой паникѣ, что очищеніе Архангельской губерніи произошло подъ давленіемъ небольшихъ отрядовъ смѣшаннаго характера, въ которые на ряду съ союзными войсками входили русскіе партизане-крестьяне, офицеры и польскіе добровольцы.

Слава, выпавшая на конно-горскій отрядъ за его смѣлое выступленіе, которое могло стоить участникамъ его головы, если бы большевики не такъ растерялись, была омрачена эпизодомъ, отразившимся впослѣдствіи въ приговорѣ военно-окружнаго суда Сѣверной Области. Во время занятія въ Архангельскѣ штаба красныхъ войскъ, чинами отряда былъ захваченъ казенный денежный ящикъ съ четырьмя милліонами рублей, который ротмистръ N., по соглашенію съ нѣкоторыми офицерами отряда, подѣлилъ между собой и горцами, причемъ каждому участнику дѣлежа было выдано офицеру — 150—400 тысячъ рублей, а простому всаднику 10—20 тысячъ. Этотъ поступокъ вызвалъ рѣзкое осужденіе въ широкихъ кругахъ общества, справедливо указывавшихъ, что авторы его ничѣмъ не отличаются отъ большевиковъ, противъ грабежей и насилій которыхъ и было поднято возстаніе, а офицерская среда считала, что дѣлежъ поставилъ участниковъ его на одинъ уровень съ той деморализованной солдатской массой, которая во время паденія національнаго фронта дѣлила между собой казенное имущество. Нельзя не признать, что подобный поступокъ сильно подрывалъ моральный авторитетъ бѣлыхъ, давая большевикамъ отличный поводъ для агитаціи на тему о деморализаціи «бѣлогвардейскихъ бандъ». Приговоромъ военно-окружнаго суда былъ положенъ конецъ этой печальной исторіи: виновные были присуждены къ тюрьмѣ на разные сроки съ законными праволишеніями, часть изъ нихъ своими подвигами на фронтѣ заслужили полное прощеніе и возстановили свое доброе имя. Сразу же послѣ захвата власти ротмистръ N. провозгласилъ себя главнокомандующимъ, но «операція» съ денежнымъ ящикомъ и рѣзкое заявленіе его Предсѣдателю только что образовавшагося Верховнаго

Управленія Сѣверной Области, Чайковскому, что онъ не желаетъ признавать послѣдняго, вызвали его отставку и назначеніе командующимъ войсками, несомнѣнно не безъ англійскаго вліянія, капитана II ранга Ч.

Мнѣ неизвѣстно, при какихъ условіяхъ произошло образованіе Верховнаго Управленія Сѣверной области и захватъ имъ въ свои руки власти, вырванной отъ большевиковъ. Судя по той поддержкѣ, которая потомъ оказывалась Верховному Управленію очутившимися въ Архангельскѣ послами великихъ державъ — Нюлансомъ (Франція), Френсисомъ (Америка) и Де-Ла-Торетта (Италія), тутъ тоже не обошлось безъ вмѣшательства иностранцевъ.

Въ составъ Верховнаго Управленія вошли члены Учредительнаго собранія Архангельской и другихъ сѣверныхъ губерній: Н. В. Чайковскій (н. соц.), Лихачъ (с.-р.), Масловъ (с.-р.), Ивановъ (с.-р.) и Гуковскій (с.-р.), всѣ, за исключеніемъ Чайковскаго, принадлежавшіе къ нашимъ крайнимъ эсеровскимъ теченіямъ, а нѣкоторые, какъ напримѣръ Лихачъ, приложившіе свою руку къ дѣлу развала нашей прежней арміи.

Первыми же актами Верховнаго Управленія, немного страдавшими революціонной фразеологіей и начинавшимися каждый словами: «Во имя спасенія родины и революціи», было объявлено возстановленіе упраздненныхъ большевиками судовъ, органовъ земскаго и городского самоуправленія и администраціи, что, конечно, нельзя было не привѣтствовать, но вся дальнѣйшая дѣятельность Верховнаго Управленія показала, что члены его далеки отъ пониманія жестокой реальной дѣйствительности, не изжили еще своихъ утопическихъ теорій и склонны продолжать ту линію поведенія, которая была взята въ Учредительномъ Собраніи конкурирующимъ съ большевиками въ демагогіи Черновымъ, заслужившимъ за это мѣткое названіе «большевика второго сорта». Дѣло управленія областью совершенно не спорилось въ ихъ неопытныхъ рукахъ. «Своего» административнаго персонала они не имѣли, а къ назначеннымъ изъ прежнихъ кадровъ относились съ недовѣріемъ, заподазривая ихъ въ контръ-революціонности.

Для вновь образовавшейся области возникла опасность — безболѣзненнаго слиянія съ совдепіей, если бы не послѣдовало военнаго переворота, хотя и легкомысленнаго и достаточно нелѣпаго по цѣлямъ и характеру своего выступленія, но имѣвшаго положительные результаты въ смыслѣ повода для реконструкціи власти на болѣе разумныхъ началахъ.

6 сентября группа офицеровъ во главѣ съ Командующимъ Войсками капитаномъ II ранга Ч. арестовала членовъ Верховнаго Управленія и свезла ихъ въ Соловецкій монастырь, причемъ Сѣверная Область осталась безъ всякаго правительства, такъ какъ легкомысленные «переворотчики», какъ ихъ шутя называли впослѣдствіи, даже не подготовили замѣстителей на мѣсто арестованныхъ. Событіе это привело въ дѣйствіе цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ силъ. Члены Верховнаго Управленія Лихачъ и А. Ивановъ успѣли выпустить обращеніе къ населенію съ описаніемъ учиненнаго надъ Верховнымъ Управленіемъ насилія и съ воззваніемъ противъ офицеровъ, которые «желаютъ возстановить царя и съ этой цѣлью скрываютъ въ Архангельскѣ Великаго Князя Михаила Александровича». Воззваніе это вызвало движеніе на Архангельскъ вооруженныхъ крестьянъ во главѣ съ мѣстнымъ агрономомъ эсеромъ Капустинымъ, причемъ крестьянская депутація во главѣ съ нимъ была принята и выслушана американскимъ посланникомъ Френсисомъ. Съ другой стороны англійское командованіе немедленно выставило

рогатки на улицахъ, выслало патрули и городъ принялъ видъ вооруженнаго лагеря. Начальникъ союзной контръ-развѣдки, англійскій полковникъ Т., арестовалъ цѣлый рядъ лицъ, распускавшихъ слухи о Михаилѣ Александровичѣ, и, вызвавъ крестьянъ, прибывшихъ съ Капустинымъ, требовалъ въ цѣляхъ изобличенія лжи, чтобы арестованныя лица указали крестьянамъ адресъ квартиры, въ которой офицеры скрываютъ Великаго Князя.

Въ это же время происходило совѣщаніе пословъ великихъ державъ съ англійскимъ главнокомандующимъ ген. Пулемъ, носившее чрезвычайно бурный характеръ, такъ какъ послы настаивали на возвращеніи къ власти членовъ Верховнаго Управленія и арестованіи офицеровъ, учинившихъ надъ ними насиліе. Въ концѣ концовъ, было принято компромиссное рѣшеніе: арестовать совершившихъ переворотъ офицеровъ, якобы для защиты ихъ отъ пришедшихъ въ городъ крестьянъ, а членовъ Верховнаго Управленія возвратить изъ Соловокъ, предложивъ Чайковскому сформировать новое правительство изъ болѣе умѣренныхъ элементовъ. Въ результатѣ такого рѣшенія было сформировано новое правительство съ Чайковскимъ въ качествѣ предсѣдателя, въ которое вошли: бывшій управляющій дѣлами Верховнаго Управленія П. Ю. Зубовъ, членъ Союза Возрожд. Россіи (земледѣліе), бывшій попечитель учебнаго округа кн. Куракинъ (финансы), бывшій членъ государственной думы докторъ Мефодіевъ, к.-д. (торговля и промышленность), Предсѣдатель суда С. Н. Городецкій (юстиція) и М. М. Федоровъ, нар. соц. (нар. просвѣщеніе).

Для выясненія виновниковъ переворота и степени ихъ участія была организована слѣдственная комиссія; формальному обслѣдованію было также подвергнуто и вооруженное выступленіе крестьянъ, но распоряженіемъ Правительства отъ 1 октября всѣ участники того и другого выступленія были амнистированы.

Взамѣнъ скомпрометировавшаго себя выступленіемъ кап. II ранга Ч., командующимъ войсками и генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ вызванный изъ Лондона полк. Ген.-Штаба Д., а начальникомъ Управленія командующаго войсками — Ген.-Штаба ген. С. Штабъ командующаго войсками капитана II ранга Ч., въ которомъ, благодаря его неопытности въ сухопутныхъ дѣлахъ, царилъ полный безпорядокъ, былъ упраздненъ, причемъ и на этотъ разъ не обошлось безъ новой печальной исторіи: Начальникъ его штаба подп. N. былъ изобличенъ въ присвоеніи и растратѣ на сумму около 50,000 р. и приговоромъ военно-окружнаго суда Сѣв. Области, уже состоявшимся при мнѣ, былъ присужденъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на полтора года. Отправленный въ порядкѣ смягченія наказанія на фронтъ рядовымъ, N. заслужилъ тамъ своей работой полное прощеніе и былъ возстановленъ въ своихъ правахъ.

Съ дѣятельностью полк. Д. и его ближайшаго сотрудника по военной части ген. С. я имѣлъ возможность ознакомиться не только по разсказамъ другихъ лицъ, но и по побывавшему въ моихъ рукахъ слѣдственному производству по поводу безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ Архангелогородскомъ пѣх. полку, расположенномъ въ Архангельскѣ, произведенному комиссіей подъ предсѣдательствомъ ген. С—ча. Изъ этого слѣдствія было видно, что, хотя войскъ къ этому времени было очень мало, такъ какъ фронтъ защищался союзниками, а въ Архангельскѣ были расположены лишь пѣхотный полкъ, батарея артиллеріи и автомобильный дивизіонъ, высшая военная

власть, въ лицѣ полк. Д. и ген. С., не обнаруживала никакой заботливости, какъ о размѣщеніи и питаніи этихъ частей, такъ и о поддержаніи въ нихъ воинской дисциплины. До разыгравшихся въ полку безпорядковъ они ни разу даже не побывали въ немъ, а между тѣмъ, это была первая попытка созданія мобилизованныхъ частей, то-есть пополненія ихъ людьми, которые были участниками или свидѣтелями развала нашей старой арміи, съ неуравновѣшенной еще революціонной психологіей, и которымъ нужно было постепенно, но твердо и настойчиво, упорнымъ трудомъ, внушить правильныя понятія о военной службѣ и ея требованіяхъ. Ничего этого сдѣлано не было, части были предоставлены самимъ себѣ, а всѣ распоряженія, приказы и уставы полк. Д. носили на себѣ отпечатокъ того, что получило въ арміи мѣткое названіе «керенщины» и что характеризуетъ собою отсутствіе твердости, демагогическую болтовню и безсиліе лишеннаго дисциплинарной власти командного состава. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что никакая армія въ такихъ условіяхъ существовать не можетъ, какой бы политическій режимъ въ странѣ не былъ, республиканскій или монархическій, и даже Совѣтская республика, какъ только большевики захотѣли создать у себя прочную красную армію, ввела въ ней воинскую дисциплину, заставивъ солдатскія массы навсегда бросить мечты о всякомъ самоуправленіи и тѣхъ комитетахъ, при посредствѣ которыхъ большевики сами разложили нашу старую армію. Увы, въ глазахъ лицъ категоріи полк. Д. и ген. С. всякое мѣропріятіе, направленное къ поднятію воинской дисциплины, вызывало опасеніе, какъ бы не прослыть контръ-революціонеромъ, и парализовало ихъ волю, толкая ихъ на компромиссное рѣшеніе въ духѣ уговариванія офицеровъ «помириться съ оскорбившими ихъ солдатами и простить ихъ» и митингованія съ послѣдними въ цѣляхъ ихъ увѣщеванія.

Такое поведеніе полк. Д. объясняли тѣмъ, что февральская революція застала его заграницей и онъ, не переживъ всего революціоннаго процесса разложенія арміи, при возникновеніи безпорядковъ терялся и слѣдовалъ совѣтамъ «демократическаго» генерала С., бывшаго въ періодъ февральской революціи однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ А. Ф. Керенскаго.

Отсутствіе твердой власти и организаціонной дѣятельности выводило изъ себя англичанъ, неоднократно предупреждавшихъ, что они пришли не на вѣчныя времена, а поэтому русскимъ надо спѣшить самимъ организоваться, и многія мѣропріятія, какъ, напримѣръ, учрежденіе военныхъ судовъ, прошло подъ непосредственнымъ нажимомъ ген. Пуля, угрожавшаго въ противномъ случаѣ судить виновныхъ въ англійскомъ военномъ судѣ.

Такое направленіе дѣятельности полк. Д. и ген. С. побудило многихъ строевыхъ офицеровъ отказаться отъ службы въ русскихъ войскахъ и вступить въ сформированные союзниками славяно-британскіе и французскіе легіоны, несмотря на то, что имъ тамъ было тоже не легко, такъ какъ они должны были начинать службу въ легіонахъ простыми рядовыми.

Къ этому же времени англичанами была открыта въ Архангельскѣ артиллерійская школа для русскихъ офицеровъ, гдѣ послѣдніе были тоже на положеніи солдатъ, причемъ отношеніе къ нимъ англійскихъ офицеровъ оставляло желать много лучшаго. Англійскіе сержанты также обращались грубо и былъ даже случай, когда одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взысканія.

Общее недовольство полк. Д. и ген. С. и ихъ неспособность создать русскія вооруженныя силы побудили Временное Правительство, по соглашенію съ союзнымъ командованіемъ, вызвать на Сѣверъ генерала Миллера и генерала М—скаго. Первымъ прибылъ ген. М—скій, извѣстный союзникамъ по своей службѣ во Франціи, гдѣ онъ въ послѣднюю войну командовалъ на фронтѣ особой бригадой. Приблизительно въ это же время совершилась перемѣна и въ высшемъ союзномъ командованіи: ген. Пуль покинулъ свой постъ и былъ замѣщенъ генераломъ Айронсайдомъ.

По своемъ прибытіи ген. М—скій реорганизовалъ Управленіе командующаго войсками въ Штабъ, назначивъ начальникомъ штаба молодого полковника Ген. Штаба Ж., изъ мѣстныхъ старожиловъ. Первые шаги дѣятельности ген. М—скаго отличались энергіей и распорядительностью и увѣнчались полнымъ успѣхомъ по подавленію мятежнаго духа въ мобилизованныхъ войскахъ. Попытка мятежа въ Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку была имъ энергично подавлена, что обезпечило ему довѣріе Правительства, войскъ и населенія и привлекло въ русскія войска тѣхъ лучшихъ нашихъ офицеровъ, которые до сихъ поръ уклонялись отъ этого при полковникѣ Д.

Одновременно съ ген. М—скимъ былъ вызванъ и ген. Миллеръ. Насколько мнѣ удалось выяснить, причиной вызова ген. Миллера послужило желаніе создать въ лицѣ его «буферъ» между Временнымъ Правительствомъ и высшимъ англійскимъ командованіемъ, которое относилось съ явнымъ недовѣріемъ къ внутренней политикѣ Чайковскаго. Пока еще не скрылись съ архангельскаго горизонта послы великихъ державъ, Чайковскій, какъ представитель демократіи, находилъ въ нихъ поддержку, но послѣ ихъ отъѣзда англійское военное командованіе, не считавшееся съ замѣнившими пословъ повѣренными въ дѣлахъ, усилило нажимъ на Правительство и позиція послѣдняго оказалась совсѣмъ слабою. Для отраженія этого натиска и противопоставленія англичанамъ авторитета образованнаго русскаго генерала и былъ вызванъ ген. Миллеръ, котораго Чайковскій лично не зналъ, но онъ показался ему подходящимъ для намѣченной роли по рекомендаціи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ кабинета Керенскаго—Терещенко, съ которымъ ген. Миллеръ видѣлся, впрочемъ, всего лишь одинъ разъ.

По прибытіи 13 Января 1919 года въ Архангельскъ, ген. Миллеръ отъ Чайковскаго узналъ, что онъ былъ вызванъ для принятія должности Командующаго войсками и Генералъ-Губернатора, но оказалось, что во главѣ войскъ уже находился ген. М—скій, завоевавшій, благодаря первымъ удачнымъ шагамъ своей дѣятельности, довѣріе со стороны Правительства, что же касается должности Генералъ-Губернатора, которая могла быть предоставлена генералу Миллеру, то она сводилась къ завѣдыванію морскими силами и путями сообщенія, такъ какъ всѣми дѣлами гражданско-административнаго управленія вѣдалъ губернскій комиссаръ (начальникъ губерніи) В. И. Игнатьевъ (нар. соціалистъ). Послѣдній подчинялся исполнявшему должность Генералъ-Губернатора ген. М—скому, но на второй день пріѣзда ген. Миллера, Игнатьевъ, личнымъ указомъ Предсѣдателя Вр. Правительства Чайковскаго, въ силу его верховныхъ правъ, какъ онъ разъяснилъ это потомъ въ Правительствѣ, былъ назначенъ Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ безъ подчиненія его ген. Миллеру, какъ Генералъ-Губернатору. Такое оригинальное пониманіе функціи Генералъ-Губернатора не встрѣтило сочувствія среди другихъ членовъ Временнаго Правительства и, послѣ

длинныхъ и горячихъ дебатовъ по этому поводу въ присутствіи самого же генерала Миллера, при явномъ недовольствѣ В. И. Игнатьева, было рѣшено, что послѣдній будетъ подчиненъ генералу Миллеру, какъ Начальникъ губерніи, но не какъ Управляющій Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Трудно понять смыслъ этого не удовлетворившаго никого компромиссаго рѣшенія, но для меня несомнѣнно, что оно было принято въ цѣляхъ охраненія демократическихъ принциповъ путемъ оставленія руководства по дѣламъ внутренней политики въ рукахъ нар. соц. Игнатьева и съ возложеніемъ дѣлового, чисто техническаго руководства на обладавшаго большимъ военно-административнымъ опытомъ ген. Миллера, который, кромѣ того, своимъ участіемъ въ этихъ дѣлахъ какъ бы страховалъ политику Правительства въ глазахъ англійскаго военнаго командованія.

Н. В. Чайковскій, судя по единолично изданному имъ распоряженію, хотѣлъ совершенно исключить вліяніе ген. Миллера на внутреннія дѣла. Врядъ ли будетъ справедливо, строго судить его за это, вѣдь онъ почти всю свою жизнь боролся съ властью, главную опору которой составляла военная сила, а потому несомнѣнно въ каждомъ носящемъ генеральскіе погоны подозрѣвалъ «врага свободы и демократіи». Надо цѣнить въ этомъ старомъ честномъ революціонерѣ то, что онъ сумѣлъ подавлять въ себѣ эти естественныя для него чувства подозрѣнія и недовѣрія и охотно шелъ на поддержку всякаго честнаго патріотическаго дѣла, разъ оно преслѣдовало святую цѣль спасенія родины, ничуть не опасаясь «загубить свою революціонную репутацію» и обнаруживая гораздо болѣе терпимости къ своимъ политическимъ противникамъ, чѣмъ они къ нему.

Генералъ Миллеръ засталъ Правительство въ томъ же составѣ, который былъ указанъ выше, включая еще В. И. Игнатьева и Предсѣдателя Финансово-Экономическаго Совѣта Л., пользовавшагося лишь правомъ совѣщательнаго голоса. 24 Января Н. В. Чайковскій уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ вошелъ въ составъ Всероссійской дипломатической делегаціи (Сазоновъ, Маклаковъ, кн. Львовъ, Чайковскій и Савинковъ), оставивъ своимъ замѣстителемъ П. Ю. Зубова, а въ Апрѣлѣ, для установленія связи съ Правительствомъ Адм. Колчака, въ Сибирь отбылъ кн. Куракинъ, передавъ отдѣлъ финансовъ П. Ю. Зубову.

Важнѣйшими актами Правительства за этотъ періодъ были принадлежащіе перу ген. Миллера: «Отвѣтъ союзникамъ на предложеніе ѣхать на Принцевы острова» (въ концѣ Января) и «Соображенія о необходимости признать адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ и подчиниться ему (въ концѣ Марта), вскорѣ послѣ чего было получено предложеніе упомянутаго выше дипломатическаго совѣщанія признать верховенство Правительства адмирала Колчака.

30 Апрѣля это рѣшеніе было единогласно принято Временнымъ Правительствомъ Сѣверной Области, о чемъ адмиралу Колчаку въ Омскъ была дана телеграмма, объявленная населенію области въ официальномъ сообщеніи: вотъ ея текстъ:

«Въ интересахъ возстановленія единой Россіи и ея Національнаго государственнаго возрожденія и въ согласіи съ предложеніемъ Русскаго политическаго совѣщанія въ Парижѣ, Временное Правительство Сѣверной Области, въ засѣданіи своемъ 30 Апрѣля 1919 года, постановило: Офиціально

признать объединяющей и главенствующей властью нынѣ дѣйствующее правительство въ Омскѣ какъ Временное Всероссійское Національное Правительство, сохраняя за собою требуемую обстоятельствами самостоятельность въ области практическихъ дѣйствій впредь до непосредственнаго соединенія.

Исходя изъ этого основного постановленія, Временное Правительство Сѣверной Области, впредь до полученія полныхъ и исчерпывающихъ директивъ отъ Всероссійскаго Правительства и согласованія уже изданныхъ Сибирскимъ Правительствомъ и Правительствомъ Сѣверной Области основныхъ законоположеній, будетъ продолжать свою дѣятельность на прежнихъ основаніяхъ.

Кн. Куракина просимъ считать по прежнему членомъ нашего Правительства для связи и согласованія нашей дѣятельности.

Замѣститель Предсѣдателя Временнаго Правительства

Зубовъ».

Одновременно съ этимъ Правительство обратилось къ населенію Области съ воззваніемъ, въ которомъ оно главнымъ мотивомъ своего рѣшенія признать верховенство Правительства адмирала Колчака выставляло, какъ причины международнаго характера, такъ и ту главную роль, которую играло Сибирское Правительство въ очищеніи Россіи отъ большевиковъ.

Сношенія съ Омскомъ были все время очень затруднительны и лишь 13 Іюня Сѣвернымъ Правительствомъ былъ полученъ нижеслѣдующій телеграфный отвѣтъ на телеграмму его съ признаніемъ верховенства Сибирскаго Правительства:

«Россійское Правительство въ Омскѣ привѣтствуетъ мудрое патріотическое рѣшеніе Сѣвера. Правительство признаетъ за вами вызываемую чрезвычайными обстоятельствами самостоятельность въ конкретныхъ практическихъ мѣропріятіяхъ.

Согласно общему принципу Всероссійскаго Правительства, постановленія и распоряженія Областныхъ Правительствъ сохраняютъ силу до согласованія или отмѣны.

Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Вологодскій.

Управляющій дѣлами Тальбергъ».

Въ экстренномъ засѣданіи того же 13 Іюня, Правительство Сѣверной Области постановило: 1) Принять телеграмму къ свѣдѣнію и опубликовать, 2) Впредь всѣ приговоры, рѣшенія и опредѣленія судебныхъ мѣстъ Сѣверной Области объявлять отъ имени Всероссійскаго Временнаго Правительства въ слѣдующей формѣ: «По указу Всероссійскаго Временнаго Правительства».

Часть II

До ухода союзниковъ

Глава I

Первыя архангельскія впечатлѣнія. Генералъ М—скій и генералъ Миллеръ. Организація военной власти и военной юстиціи. Замѣститель Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубовъ

Возвращаюсь къ своему прибытію въ Архангельскъ. Сразу же съ парохода полковникъ Б., ротмистръ Ч. и я отправились въ Штабъ Командующаго войсками для подачи рапортовъ о своемъ прибытіи и для выясненія вопроса, гдѣ намъ остановиться. Дежурный офицеръ, принявшій отъ насъ документы, видимо доложилъ находившемуся въ штабѣ ген. М—скому о нашемъ прибытіи, потому что мы получили приглашеніе послѣдняго зайти къ нему въ кабинетъ.

Ознакомившись съ нашимъ служебнымъ стажемъ и узнавъ, что мы недавно покинули Совѣтскую Россію, гдѣ полк. Б. занималъ видное мѣсто въ красной арміи на Сѣверномъ фронтѣ, ген. М—скій, хотя разговоръ нашъ длился не менѣе часа, не обнаружилъ никакого интереса оріентироваться въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы располагали, и не назначилъ намъ другого дня для подробнаго доклада. Бесѣда носила совершенно частный характеръ, причемъ особенное вниманіе ген. М—скій удѣлилъ формѣ, жалуясь на то, что нигдѣ не могъ достать шпоръ, на что штабъ-ротмистръ Ч., носившій шпоры, сконфуженно заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ бы уступилъ ему свои, но для него онѣ дороги по воспоминаніямъ, такъ какъ принадлежали убитому германцами товарищу по полку.

На слѣдующій день мы представились ген. Миллеру, который обстоятельно разспрашивалъ насъ о всемъ, произведя на насъ сразу же чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе своей вдумчивостью и серьезностью.

Устроившись временно въ общежитіи военнаго собранія, мы съ полк. Б. стали изучать по приказамъ организацію военнаго управленія и войсковыхъ частей, а я, кромѣ того, и конструкцію военно-судебной власти.

Согласно собраннымъ даннымъ выяснилось, что всѣ функціи военнаго управленія и снабженія были сосредоточены въ рукахъ высшаго англійскаго

командованія — въ Главномъ Штабѣ Союзнаго экспедиціоннаго корпуса. Штабъ ген. М—скаго не имѣлъ даже оперативнаго отдѣленія, а хозяйственно-административныя функціи его сводились къ учету и регистраціи того имущества и продовольствія, которымъ англичане сами снабжали русскія войска. Между тѣмъ, Штабъ Командующаго войсками, при наличіи на фронтѣ не болѣе одной дивизіи, широко расположился въ зданіи Торгово-Промышленнаго клуба со своими отдѣленіями: общимъ инспекторскимъ, награзнымъ и суднымъ, а также всѣхъ видовъ снабженія (артиллерійскаго, инженернаго, интендантскаго и ремонтнаго). Неизвѣстно чему посвящало большую часть своего времени это грандіозное учрежденіе, такъ какъ при уходѣ англичанъ выяснилось, что оно даже не подготовилось къ принятію отъ нихъ всего аппарата управленія и снабженія.

Около 12 часовъ дня въ Штабѣ обыкновенно начинался докладъ у ген. М—скаго. Онъ появлялся какъ метеоръ, всегда куда-то спѣша, и часто въ его кабинетѣ одновременно толпилось нѣсколько докладчиковъ и посѣтителей, которыхъ онъ принималъ на ходу. Я самъ былъ свидѣтелемъ такого скоропалительнаго пріема и удивлялся тому, какъ онъ можетъ усвоить что-нибудь въ такой обстановкѣ, но видимо онъ привыкъ такъ работать, такъ какъ всѣмъ офицерамъ Сѣверной Области памятенъ его приказъ, въ которомъ онъ проситъ посѣтителей и докладчиковъ «не тратить лишнихъ словъ, такъ какъ онъ понимаетъ все съ полуслова». Такъ протекла въ это время дѣятельность Штаба ген. М—скаго, сводившаяся въ сущности къ назначеніямъ и наградамъ личнаго состава одной дивизіи. Въ оправданіе ея ссылались на засилье англичанъ, якобы умышленно забравшихъ все въ свои руки. Какъ мы увидимъ ниже, послѣдніе передъ своимъ уходомъ категорически отвергали это и, наоборотъ, упрекали насъ въ полной бездѣятельности и неумѣніи организоваться до ихъ ухода подъ ихъ прикрытіемъ и при ихъ помощи.

Такую бездѣятельность ничѣмъ нельзя было оправдать и ее какъ рукой сняло, когда военное командованіе перешло къ ген. Миллеру, а Штабъ попалъ въ руки человѣка исключительной работоспособности, ген. К—скаго, что должны признать даже его враги.

Въ моментъ моего прибытія ген. Миллеръ имѣлъ косвенное отношеніе къ военнымъ дѣламъ, больше освѣдомляясь о нихъ отъ ген. М—скаго, чѣмъ непосредственно управляя ими, несмотря на то, что Временное Правительство Сѣверной Области надѣлило его въ отношеніи русскихъ войскъ правами Военнаго Министра и даже, въ нѣкоторыхъ хозяйственно-административныхъ вопросахъ, — Верховнаго Главнокомандующаго. Что было причиной его пассивнаго отношенія къ военнымъ дѣламъ въ этотъ періодъ, установить точно не удалось. Вѣрнѣе всего, что это объясняется однимъ изъ основныхъ свойствъ его характера — врожденной деликатностью, которая диктовала ему щепетильное отношеніе къ правамъ ген. М—скаго, раньше его пріѣхавшаго и фактически командовавшаго войсками.

Ознакомленіе съ законоположеніями по военно-судебному вѣдомству привело меня къ отрадному заключенію, что въ основу ихъ были положены основные принципы законовъ, изданныхъ Временнымъ Правительствомъ послѣ революціи, такъ какъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія наряду съ военнымъ начальствомъ принадлежало военной прокуратурѣ, которая располагала вмѣстѣ съ тѣмъ исключительнымъ правомъ преданія суду.

Однако, ознакомленіе съ приказами Командующаго войсками и бесѣды съ чинами военно-судебнаго вѣдомства установили, что принципы организаціи военной юстиціи проведены только на бумагѣ, а въ дѣйствительности вся власть по прежнему принадлежала военному начальству, такъ какъ всѣ назначенія производились распоряженіями ген. М—скаго и даже должность, стоявшаго во главѣ военно-судебнаго вѣдомства, Главнаго Военнаго Прокурора была учреждена приказомъ Командующаго войсками. Ген. М—скій систематически вмѣшивался въ отправленіе правосудія, вызывая къ себѣ предсѣдателя суда и дѣлая ему въ рѣзкой формѣ замѣчанія за неправильные съ его точки зрѣнія приговоры. Въ виду всего этого, я рѣшилъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на коренномъ измѣненіи организаціи военно-судебнаго вѣдомства и, когда возникъ вопросъ о фактическомъ привлеченіи меня къ работѣ по моей спеціальности, составилъ докладъ, сущность котораго сводилась къ слѣдующему: Должность Главнаго Военнаго Прокурора упразднялась, какъ несоотвѣтствующая по своему характеру и цѣлямъ объективной обстановкѣ Сѣверной Области, тѣмъ болѣе, что наличіе Всероссійскаго Правительства въ Омскѣ заставляло предполагать, что тамъ уже учреждена такая должность въ порядкѣ образованія центральныхъ органовъ Военнаго Министерства, что, какъ оказалось, и имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Принимая во вниманіе, что войска Сѣверной Области образовывали отдѣльный фронтъ, учреждалась должность Полевого Военнаго Прокурора, съ подчиненіемъ непосредственно ген. Миллеру, какъ Военному Министру. Ген. Миллеръ утвердилъ мой докладъ и, такимъ образомъ, произошло полное отдѣленіе военно-судебной власти отъ административной, такъ какъ права ген. Миллера, какъ Военнаго Министра были строго урегулированы закономъ, а всѣ назначенія были изъяты изъ Штаба Командующаго войсками и перешли въ вѣдѣніе Управленія Полевого Военнаго Прокурора.

26 Мая состоялось мое назначеніе Полевымъ Военнымъ Прокуроромъ, въ связи съ чѣмъ мнѣ пришлось сдѣлать визиты различнымъ административнымъ лицамъ и, въ числѣ ихъ, Замѣстителю Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубову, Управляющему Отдѣломъ Юстиціи С. Н. Городецкому и Управляющему Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ и Архангельскому Губернскому Комиссару В. И. Игнатьеву, то-есть тѣмъ членамъ Временнаго Правительства, съ которыми мнѣ надо было имѣть постоянно дѣла по своей будущей дѣятельности.

П. Ю. Зубовъ сразу же произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Спокойный, вдумчивый, серьезный, лишенный и тѣни желанія «позировать и играть роль», онъ съ перваго взгляда казался немного вялымъ, апатичнымъ и лишеннымъ волевыхъ импульсовъ. Однако, такой выводъ былъ бы ошибочнымъ, такъ какъ онъ умѣлъ быть очень стойкимъ въ моментъ политическихъ кризисовъ и натиска на него лѣво-эсеровскихъ элементовъ и спокойнымъ, сохраняющимъ полное самообладаніе во время паники, которая возникала, увы, не только въ обывательскихъ кругахъ, во время эвакуаціи англичанъ и незадолго до паденія нашего фронта, когда самое существованіе области висѣло на волоскѣ. Апатичность, вялость, въ связи съ полнѣйшимъ отсутствіемъ честолюбія, часто вредили ему, такъ какъ онъ способенъ былъ иногда во время политическихъ кризисовъ слишкомъ откровенно подчеркивать, что Правительство не дорожитъ властью и охотно уступитъ ее

своимъ политическимъ противникамъ. Это расцѣнивалось какъ слабость, вызывало злорадство и усиленіе натиска у противниковъ слѣва и рѣзкія обвиненія въ неспособности проявить твердую власть справа. Къ минусамъ его надо отнести и нѣкоторую техническую неосвѣдомленность въ тѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, руководителемъ которыхъ его другой разъ случайно ставила судьба: къ нему попеременно переходили въ руки портфели министра земледѣлія, финансовъ и юстиціи, причемъ особенное нареканіе вызвала его дѣятельность въ области финансовъ, но вѣдь въ данномъ случаѣ приходилось считаться съ его скромнымъ стажемъ земскаго дѣятеля. Мнѣ приходилось съ нимъ имѣть дѣла офиціально — по отдѣлу юстиціи и во время засѣданія Временнаго Правительства, а неофиціально во время нашихъ частыхъ бесѣдъ по текущему политическому моменту, причемъ въ дѣлахъ судебныхъ онъ обнаруживалъ широту взгляда, чуткость и аполитичность, которая не всегда была свойственна его ближайшимъ помощникамъ по гражданской юстиціи, и тѣ же свойства, равно какъ и большая терпимость въ отношеніи инакомыслящихъ, характеризовали его какъ политическаго дѣятеля. Честность и доброта были настолько его неотъемлемыми качествами, что находили признаніе со стороны его враговъ.

Съ характеристикой личностей С. Н. Городецкаго и В. И. Игнатьева мы познакомимся ниже при описаніи работы тѣхъ Отдѣловъ, которыми они руководили.

Глава II

Прибытіе въ Архангельскъ англійскихъ добровольцевъ. Парадъ по случаю дня рожденія англійскаго короля. Дайеровскій баталіонъ

Конецъ Мая, сопровождавшійся дивной солнечной погодой, совпалъ съ періодомъ чрезвычайнаго подъема настроенія въ населеніи Архангельска, въ связи съ прибытіемъ англійскихъ войскъ, состоявшихъ изъ добровольцевъ. Весь городъ разукрасился союзными флагами, протянувшимися пестрой лентой отъ красивой набережной Сѣверной Двины по широкому, уже пестрѣвшему зеленью садовъ Троицкому проспекту (главная улица Ахрангельска), до самой Соломбалы, гдѣ англичане должны были временно расположиться передъ отправленіемъ на фронтъ. На Соборной площади, недалеко отъ памятника Петру Великому, была воздвигнута грандіозная арка съ надписью «Welcome» (добро пожаловать). Почетный караулъ отъ 1 Сѣв. стрѣлк. полка съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ высадившихся на самой пристани.

У арки они были привѣтствованы Городскимъ Головой Багриновскимъ, а затѣмъ началось ихъ тріумфальное шествіе мимо шпалерами выстроенныхъ русскихъ войскъ, учебныхъ заведеній и административнаго персонала всѣхъ учрежденій Архангельска во главѣ съ Временнымъ Правительствомъ.

Населеніе встрѣчало съ энтузіазмомъ проходившія части, которыя были составлены изъ отборныхъ элементовъ и производили самое лучшее впечатлѣніе своимъ здоровымъ молодцеватымъ видомъ, военной выправкой и новымъ

обмундированіемъ. У большинства на груди пестрѣли цвѣтныя ленточки орденовъ, полученныхъ за бои на поляхъ Франціи.

Въ тотъ же день въ присутствіи представителей иностранныхъ миссій, членовъ Временнаго Правительства, высшаго военнаго и административнаго персонала, представителей земства и города состоялся торжественный пріемъ англійскихъ офицеровъ въ Городской Думѣ, гдѣ вторично Гор. Голова Багриновскій и англійскій генералъ, командовавшій прибывшими войсками, обмѣнялись привѣтствіями, сущность которыхъ сводилась къ тому, что мы благодарили свою союзницу Англію за присылку лучшихъ сыновъ на борьбу съ насильниками, терзающими нашу родину, а англичане выражали увѣренность, что силами оставшагося вѣрнымъ союзникамъ русскаго народа въ Россіи будутъ возстановлены порядокъ и свобода и наша обновленная родина войдетъ въ семью европейскихъ народовъ такой же великой, какой она была раньше.

Вскорѣ послѣ прибытія англійскихъ добровольцевъ, въ день рожденія англійскаго короля, на Соборной площади состоялся торжественный парадъ англійскихъ войскъ, причемъ для того, чтобы подчеркнуть свое уваженіе къ русской высшей власти края, войсками командовалъ самъ Главнокомандующій ген. Айронсайдъ, а парадъ принималъ ген. Миллеръ.

Эта демонстрація въ честь нашей несчастной, всѣми попираемой родины вызывала чувство глубочайшаго удовлетворенія и порождала всеобщее праздничное настроеніе. Лишь одна воинская часть, принимавшая участіе въ парадѣ, мрачнымъ, озлобленнымъ видомъ своихъ солдатъ производила тягостное впечатлѣніе, а между тѣмъ надъ ней единственной развивался русскій трехцвѣтный флагъ, такъ какъ другія части русскаго гарнизона Архангельска не участвовали. Это былъ, такъ-называемый, Дайеровскій баталіонъ, сформированный англичанами изъ большевиковъ, сидѣвшихъ по различнымъ тюремнымъ учрежденіямъ Архангельска. Исторія сформированія этого баталіона довольно любопытна и я считаю необходимымъ подѣлиться ею съ читателями. Тюремныя учрежденія Архангельска были послѣ переворота и захвата власти бѣлыми переполнены большевистскими элементами, причемъ «населеніе» это весьма медленно уменьшалось въ своемъ составѣ, такъ какъ гражданское судебное вѣдомство, не располагая достаточнымъ служебнымъ персоналомъ, вело чрезвычайно медленно разслѣдованіе, которое благодаря этому принимало характеръ безконечной волокиты. Въ перегруженной тюрьмѣ начался тифъ, что вызвало походъ на Правительство соціалистическихъ элементовъ Гор. Думы и осмотръ тюрьмы представителями Краснаго Креста союзныхъ странъ, которые однако нашли всѣ указанія на «свирѣпствующій тифъ» преувеличенными.

Между тѣмъ тюремные сидѣльцы засыпали высшее англійское командованіе жалобами на якобы несправедливое ихъ содержаніе подъ стражей, чѣмъ и вывели изъ себя плохо разбиравшихся въ нашихъ дѣлахъ практичныхъ англичанъ. Въ одинъ прекрасный день ген. Айронсайдъ рѣшилъ разрубить «Гордіевъ узелъ» и, забравъ съ собой прокурора Архангельскаго Окружнаго Суда и другихъ высшихъ административныхъ лицъ, отправился лично въ тюрьму набирать тамъ . . . добровольцевъ. Безъ всякаго разбора, не обращая вниманія на протесты прокурорскаго надзора и тюремной администраціи, указывавшихъ ему на всю недопустимость и опасность такого опыта, онъ забралъ изъ тюрьмы всѣхъ выразившихъ «желаніе» служить

у него и тутъ же «раскаявшихся въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ» и направилъ ихъ на службу въ Дайеровскій баталіонъ, носившій это имя въ честь погибшаго на Сѣверномъ фронтѣ въ бояхъ англійскаго капитана Дайера, зачатки каковогo баталіона состояли изъ забранныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ. Лояльное поведеніе послѣднихъ и ввело, главнымъ образомъ, ген. Айронсайда въ заблужденіе, повлекшее за собой описанный выше оригинальный наборъ волонтеровъ, но онъ забывалъ, что красноармейцы были не партійные коммунисты или комиссары, а набранные въ красныя войска русскіе крестьяне, тогда какъ тюремные сидѣльцы состояли преимущественно или изъ крайнихъ элементовъ большевизма, или изъ озлобленныхъ низовъ населенія съ неизжитой еще идеологіей классовой борьбы. Всѣхъ ихъ прекрасно обмундировали и устроили на «англійскій паекъ», превосходившій по качествамъ получаемый нашими войсками, но подвергли строгой дисциплинѣ подъ руководствомъ лучшихъ русскихъ и англійскихъ офицеровъ, причемъ высшее командованіе принадлежало послѣднимъ.

Можно себѣ представить чувства этихъ людей, когда они съ русскимъ національнымъ знаменемъ, врученнымъ знаменщику — уѣздному комиссару изъ коммунистовъ, кричали въ честь англійскаго короля вмѣстѣ съ остальными войсками троекратное ура.

Весь этотъ опытъ и особенно описанный выше парадъ съ «красными», какъ мнѣ это точно извѣстно, чрезвычайно «забавлялъ» ген. Айронсайда, но, какъ мы увидимъ ниже, за нѣкоторыя забавы приходится иногда расплачиваться очень дорогой цѣной. Досадно было, что ген. Миллеръ не исправилъ хоть отчасти на парадѣ ошибки ген. Айронсайда и не обратился къ «Дайеровцамъ» съ теплымъ задушевнымъ русскимъ словомъ съ выраженіемъ надежды, что они сумѣютъ оправдать то братское довѣріе, съ которымъ они приняты обратно въ свою родную семью и забыть свое прошлое также, какъ оно забыто нами; извѣстно вѣдь, что доброе слово всегда находитъ откликъ въ самой зачерствѣлой русской душѣ. Можетъ быть, этотъ пробѣлъ объясняется тѣмъ, что ген. Миллеръ слишкомъ отрицательно относился къ произведенному ген. Айронсайдомъ опыту и ни при какихъ условіяхъ не ожидалъ отъ него благопріятныхъ результатовъ.

Послѣ парада я представлялся ген. Айронсайду. Громаднаго роста и атлетическаго сложенія генералъ принялъ меня въ своемъ служебномъ кабинетѣ. На вопросъ, какъ мнѣ понравился парадъ, я выразилъ восхищеніе отъ блестящаго вида англійскихъ войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ то тяжелое впечатлѣніе, которое произвели на меня «Дайеровцы». Съ видомъ убѣжденнаго знатока Россіи, генералъ сталъ развивать передо мной мысль, что наши солдатскіе бунты происходили, главнымъ образомъ, отъ неумѣлаго и нехорошаго обращенія съ солдатами, которые въ свою очередь, одурманенные революціей, забыли то хорошее, что было въ традиціяхъ лучшаго русскаго офицерства и производили безпорядки и нарушенія дисциплины, недопустимые ни въ одной правильно организованной арміи. «Но теперь все пойдетъ по хорошему», заявилъ генералъ, «они раскаялись, я имъ назначилъ хорошихъ офицеровъ, они отлично одѣты, получаютъ прекрасный паекъ и я увѣренъ, что они покажутъ себя молодцами, а васъ я избавилъ отъ лишней работы, такъ какъ они всѣ были вашими кліентами». Я не удержался и доложилъ генералу свои опасенія, какъ бы они опять не стали

моими клієнтами, что видимо не понравилось ему и аудіенція была прекращена.

Въ связи съ пріѣздомъ англійскихъ добровольцевъ, ген. Айронсайдомъ были приняты представители мѣстной печати, которымъ онъ объявилъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ онъ переходитъ въ энергичное наступленіе для соединенія съ адмираломъ Колчакомъ въ раіонѣ Котласа и Вятки и для передачи ему привезенныхъ въ громадномъ количествѣ вооруженія и снаряженія, въ которыхъ Сибирская армія терпитъ острую нужду. Въ нашихъ военныхъ кругахъ это заявленіе находили неосторожнымъ и открывающимъ планы врагу, но въ обывательской средѣ оно вызвало большой подъемъ настроенія.

Къ этому же моменту необходимо отнести отъѣздъ ген. М—скаго въ Финляндію для выясненія вопроса о совмѣстномъ выступленіи съ нами генерала Юденича, а также самой Финляндіи.

Чувствовалось, что мы наканунѣ крупныхъ и рѣшительныхъ событій на всѣхъ бѣлыхъ фронтахъ, и это создавало крайне приподнятое настроеніе, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на благопріятный исходъ борьбы и близкую побѣду.

Глава III

Процессъ Бечина. Отраженіе въ немъ настроенія рабочихъ

Въ концѣ Іюня, въ военно-окружномъ судѣ Сѣв. Области состоялся процессъ предсѣдателя правленія профессіональныхъ союзовъ и члена Гор. Думы Бечина и членовъ того же правленія Наволочнаго, Цейтлина и Клюева, а также секретаря Гор. Думы Антушевича. Процессъ этотъ еще разъ блестяще иллюстрировалъ то неоспоримое положеніе, что нигдѣ жизнь въ ея самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ не отражается такъ отчетливо и полно, какъ на судѣ, дѣйствующемъ съ соблюденіемъ принциповъ устности, гласности и состязательности, положенныхъ въ основу современнаго уголовнаго процесса, поэтому я считаю необходимымъ немного подробнѣе остановиться на немъ.

Передъ судомъ по этому дѣлу, прошедшему при открытыхъ дверяхъ, продефилировали въ качествѣ свидѣтелей представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія Сѣверной Области, начиная съ членовъ Правительства и кончая простыми рабочими. Подвергнутые перекрестному допросу сторонъ, они развернули передъ судомъ яркую картину тѣхъ политическихъ страстей, въ объятіяхъ которыхъ до сихъ поръ судорожно бьется младенческая русская политическая мысль, лишенная богатаго опыта многолѣтней конституціонной жизни западно-европейскихъ странъ. Недаромъ процессъ Бечина привлекъ вниманіе не только всего архангельскаго общества, но и иностранныхъ миссій, заставлявшихъ для себя переводить подробные отчеты, печатаемые въ газетахъ. Союзники стремились сдѣлать изъ него выводъ, насколько мы излѣчились отъ язвъ большевизма и достойны того, чтобы на насъ ставить карту въ продолжавшейся гражданской войнѣ. Для меня же и большинства другихъ русскихъ гражданъ Сѣверной Области разрѣшался

мучительный вопросъ, по какой равнодѣйствующей пойдетъ дальнѣшая борьба силъ, приведенныхъ въ дѣйствіе гражданской войной у насъ въ Сѣверной Области, когда мы лишимся могучей поддержки союзниковъ и будемъ предоставлены самимъ себѣ.

Поводомъ для возникновенія дѣла послужило выступленіе Бечина, Наволочнаго и Цетлина, а также скрывшихся отъ слѣдствія и суда секретаря союза пищевиковъ Симакова и члена Городской Управы Успенскаго, въ день празднованія второй годовщины русской революціи на торжественныхъ засѣданіяхъ, устроенныхъ 12 Марта 1919 года совѣтомъ профессіональныхъ союзовъ на судоремонтномъ заводѣ и Городской Думой въ ея зданіи. Засѣданія эти быстро превратились въ митинги, причемъ перечисленные ораторы открыто призывали къ ниспроверженію Временнаго Правительства Сѣверной Области.

На слѣдствіи и судѣ картина этихъ событій развернулась въ слѣдующемъ видѣ. Особенно многолюдно было собраніе на судостроительномъ заводѣ подъ предсѣдательствомъ Бечина, гдѣ присутствовало до тысячи человѣкъ рабочихъ и гдѣ съ призывомъ для борьбы противъ Временнаго Правительства выступали Успенскій, Цейтлинъ и Симаковъ, развивая классовую точку зрѣнія захвата рабочими власти въ свои руки. Особенно опредѣленной въ этомъ отношеніи была рѣчь Цейтлина, указывавшаго, что всѣ образовавшіяся на окраинахъ правительства ведутъ реакціонную политику, и видѣвшаго выходъ въ разгорающейся міровой революціи, которая передастъ всю власть въ руки рабочихъ массъ. Наиболѣе рѣзкое выступленіе принадлежало здѣсь Бечину, который говорилъ о Совѣтской власти, какъ о естественной и единственной защитницѣ интересовъ рабочаго класса и защищалъ ее отъ обвиненій въ грабежахъ, безчинствахъ и разстрѣлахъ.

Протестуя противъ участія союзниковъ въ борьбѣ съ большевиками, Бечинъ указалъ на солидарность съ нимъ въ этомъ отношеніи солдатской массы, сославшись на полученное съ фронта письмо, въ которомъ будто бы было сказано, что «товарищи солдаты всегда пойдутъ съ рабочими въ защитѣ ихъ интересовъ» и «союзникамъ себя за банку консервовъ и табаку не продадутъ».

Тотъ же характеръ имѣли выступленія этихъ лицъ на торжественномъ засѣданіи Городской Думы, гдѣ Бечинъ, выступавшій отъ имени Совѣта профессіональныхъ союзовъ, произнесъ еще болѣе рѣзкую рѣчь, чѣмъ на судоремонтномъ заводѣ. Указавъ, что Правительство Сѣверной Области держится лишь при помощи штыковъ «заморскихъ гостей» и что сознаніе пролетаріата прояснилось и его первоначальное преклоненіе передъ союзниками смѣнилось ненавистью къ нимъ, онъ призывалъ къ борьбѣ противъ Правительства и союзниковъ.

Въ отношеніи Цейтлина и Клюева выяснилось на судѣ еще одно чрезвычайно характерное обстоятельство, а именно то, что при обсужденіи въ Союзѣ торгово-промышленныхъ служащихъ вопроса объ ассигнованіи извѣстной суммы въ пользу борющихся противъ большевиковъ партизанъ-крестьянъ, Цейтлинъ горячо протестовалъ противъ этого, указывая, что партизаны противники пролетаріата, и его въ этомъ отношеніи горячо поддерживалъ Клюевъ.

Интересъ процесса сосредоточился вокругъ личности Бечина, человѣка неглупаго, честнаго, чрезвычайно популярнаго среди рабочихъ массъ, который въ періодъ пребыванія въ области большевиковъ занималъ весьма

умѣренную позицію и боролся противъ ихъ насилій и произвола, беря часто подъ свою защиту представителей гонимаго буржуазнаго класса.

Усилія судебныхъ властей были направлены на то, чтобы выяснить причины, которыя вызвали столь рѣзкій политическій сдвигъ влѣво въ средѣ, взгляды которой отражалъ Бечинъ, и побудили ея представителей вступить на путь классовой борьбы. Ихъ удалось установить и онѣ составили кульминаціонный интересъ всего процесса.

Оказалось, что никакихъ серьезныхъ реальныхъ основаній къ недовольству рабочихъ массъ не было и всѣ требованія матеріальнаго характера были удовлетворены полностью, но предоставленные самимъ себѣ въ области сознательно-политической жизни, они сдѣлались жертвой исключительнаго вліянія находившихся внѣ области партійныхъ центровъ, ставшихъ къ этому времени на совѣтскую платформу. Было установлено, что описаннымъ выше выступленіямъ Бечина и другихъ предшествовалъ рѣзкій поворотъ въ направленіи дѣятельности соціалистическихъ партій въ Совѣтской Россіи.

Прежде соціалъ-демократы меньшевики, а затѣмъ и соціалисты-революціонеры стояли на опредѣленно противо-большевистской позиціи и вели съ большевиками упорную борьбу, объединяясь въ ней со всѣми государственно настроенными элементами, въ томъ числѣ и съ буржуазными, а также и съ союзниками. Но политика эта оказалась лишь одной изъ формъ борьбы за власть. Видя, что значеніе въ государственномъ управленіи въ освобожденныхъ отъ большевиковъ областяхъ Россіи и, главнымъ образомъ, въ Сибири, постепенно переходитъ къ болѣе умѣреннымъ кругамъ политической мысли и, чувствуя неизбѣжное паденіе своего вліянія, эти соціалистическія партіи стали становиться въ оппозицію областнымъ правительствамъ и союзникамъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало и формальное перемиріе съ большевиками.

Первыми примирились съ большевиками и объединились съ ними для борьбы съ враждебными большевизму правительствами соціалъ-демократы «меньшевики». Вслѣдъ за меньшевиками по этому пути пошли и соціалисты-революціонеры. Рядъ видныхъ и отвѣтственныхъ дѣятелей этой партіи (Вольскій, Святицкій и др.) выступили съ соотвѣтствующими деклараціями и воззваніями. Особенно важнымъ для характеристики этого примиренія явилось воззваніе делегаціи членовъ Учредительнаго Собранія и партіи соціалъ-революціонеровъ, озаглавленное: «Ко всѣмъ гражданамъ Россійской Республики» и подписанное Святицкимъ. Рѣзко враждебное къ правительствамъ Колчака и Деникина, именуя ихъ «героями контръ-революціонныхъ вожделѣній», «шакалами буржуазіи», а ихъ войска «добровольческими черносотенными бандами», оно сообщаетъ о начатой комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія подготовкѣ военнаго выступленія противъ «Колчаковской диктатуры» и призываетъ къ объединенію всѣхъ силъ трудовой демократіи, то-есть исключительно «рабочихъ и крестьянъ» къ борьбѣ съ черносотенной реакціей областныхъ правительствъ.

Воззваніе это категорически возражало противъ какой либо коалиціи съ буржуазными группами и протестовало противъ оказываемой союзниками помощи государственнымъ элементамъ въ борьбѣ съ большевиками, называя эту помощь «преступнымъ и для демократіи россійской непріемлемымъ вмѣшательствомъ во внутреннія русскія дѣла» и предлагало подать руку революціонерамъ

Германіи, Австріи и другихъ странъ, въ которыхъ гордо рѣетъ красное знамя міровоіі соціальноіі революціи.

Извѣстія о перемѣнѣ фронта соціалистическихъ партій стали проникать и въ Сѣверную Область. Черезъ военно-плѣнныхъ и путемъ установленной большевиками постоянной связи черезъ линію фронта, въ Архангельскѣ стали получаться призывы къ соотвѣтствующему измѣненію образа дѣйствій и сообщенія о томъ, что уже всѣ архангельскіе меньшевики, покинувшіе съ приходомъ союзниковъ Сѣверную Область, работаютъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, что положеніе большевиковъ блестяще и что всѣ слухи о творящихся внутри Россіи ужасахъ являются наглой ложью и клеветой, распространяемой въ своихъ интересахъ противниками совѣтской власти.

Воззванія эти нашли благодарную почву въ отравленномъ классовой борьбоіі самосознаніи рабочихъ массъ Архангельска, причемъ не обошлось безъ идейнаго руководства со стороны мѣстныхъ лидеровъ упомянутыхъ выше партій, изъ числа лишенныхъ власти членовъ Верховнаго Управленія Сѣверной Области. Честный, но ограниченный, какъ всѣ малообразованные фанатики, вышедшіе изъ рабочей среды, Бечинъ, для котораго соціальныя доктрины носили характеръ непреложныхъ истинъ, сыгралъ роль грамофонной пластинки въ болѣе искусныхъ рукахъ.

Еще за мѣсяцъ до собранія 12 Марта Бечину и Цейтлину стало извѣстно о состоявшемся въ Совѣтской Россіи соглашеніи эсеровъ и меньшевиковъ съ большевиками, и уже 23 Февраля Бечинъ выступилъ въ союзѣ металлистовъ при судоремонтномъ заводѣ съ рѣчью и, касаясь въ ней общихъ политическихъ вопросовъ, между прочимъ, опредѣленно заявилъ, что въ центрѣ Россіи партіи соціалистовъ объединились и создали одинъ центральный комитетъ, что войскамъ Учредительнаго Собранія данъ приказъ не вступать въ бой съ большевиками, причемъ убѣждалъ не вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ о неблагопріятномъ положеніи внутри Россіи и говорилъ о необходимости прекратить войну съ большевиками, называя ее бойней.

Эта соглашательская политика «мира», примѣняемая всегда односторонне лишь въ лагерѣ бѣлыхъ, такъ какъ въ Совдепіи она стоила бы ея авторамъ головы въ порядкѣ примѣненія къ нимъ суровыхъ правилъ желѣзной пролетарской диктатуры, играла въ руку большевикамъ, расширяя поле для ихъ преступной дѣятельности.

На судѣ было съ непреложностью установлено, что большевики принимали самое активное участіе въ организаціи выступленій 12 Марта, такъ какъ въ выработкѣ программы этого выступленія президіумомъ совѣта профессіональныхъ союзовъ участвовалъ разстрѣлянный по приговору военно-полевого суда коммунистъ Тѣснановъ.

Описанныя выше событія составили фактическій матеріалъ, легшій въ основаніе моей обвинительной рѣчи, основной мыслью которой было противопоставленіе исповѣдуемой подсудимыми классовой точкѣ зрѣнія идеи національно-государственнаго строительства на правовыхъ началахъ. Подчеркнувъ, что побѣда надъ врагомъ можетъ быть достигнута лишь при сохраненіи полнаго спокойствія въ тылу, который въ политическомъ отношеніи долженъ представлять единый національный фронтъ и указавъ на необходимость считаться съ тѣми матеріальными лишеніями и ограниченіями въ сферѣ политическо-правовой, которыя вызываетъ вооруженная борьба, такъ какъ въ это время наши братья на фронтѣ ежеминутно подвергаются

смертельной опасности, я обратилъ вниманіе на то, какія печальныя послѣдствія съ точки зрѣнія государственной безопасности и общественнаго спокойствія можетъ вызвать проведеніе рѣзкой классовой точки зрѣнія въ тылу и какое впечатлѣніе произведутъ на союзниковъ ненавистническіе выпады по ихъ адресу съ ссылкой на солидарность въ этомъ отношеніи съ солдатской массой.

Роль военной юстиціи мною была опредѣлена какъ охранительницы государственнаго порядка въ тылу, причемъ я отмѣтилъ абсолютную аполитичность военнаго суда, какъ органа правосудія и какъ охранителя дисциплины въ арміи, стоящей внѣ всякой политики. Это положеніе было мною конкретизировано отказомъ отъ обвиненія секретаря Городской Думы Антушевича, привлеченнаго къ отвѣтственности за составленіе и оглашеніе черезъ Бечина въ Думѣ рѣзкой деклараціи противъ Правительства по вопросу о распространеніи тифа и цынги въ тюрьмѣ. Тонъ деклараціи былъ рѣзкій и неумѣстный и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе на то, что, къ сожалѣнію, нѣкоторые наши политическіе круги не могутъ удержаться отъ внесенія «политики» въ самый дѣловой вопросъ, ибо на судѣ была установлена солидарность съ деклараціей соціалистическаго блока Думы, но я не нашелъ въ ней призыва къ ниспроверженію власти Правительства, не пойдя въ этомъ отношеніи за гражданской юстиціей.

Приговоромъ военно-окружнаго суда отъ 2 Іюля 1919 года Антушевичъ былъ оправданъ, а Бечинъ, Цейтлинъ, Наволочный и Клюевъ были признаны виновными и приговорены къ каторгѣ, срокомъ на 15 лѣтъ каждый.

Проведеніе дѣла Бечина при открытыхъ дверяхъ съ допущеніемъ представителей печати и съ предоставленіемъ всѣхъ средствъ защиты, несмотря на строгій приговоръ военнаго суда, создало вокругъ послѣдняго благопріятную атмосферу, благодаря строгому проведенію принципа аполитичности военной юстиціи, налагающей свою суровую руку лишь на агентовъ Совѣтской власти. Приговоръ суда вызвалъ удовлетвореніе въ широкихъ слояхъ архангельскаго населенія, включая даже интеллигентскіе демократическіе круги; недовольными остались лишь крайне лѣвые элементы, представителями которыхъ являлись осужденные, но съ ними приходилось считаться какъ съ врагами и для нихъ приговоръ былъ грознымъ предостереженіемъ.

На меня процессъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе: я осозналъ ту пропасть, которая лежала между классовымъ міровоззрѣніемъ рабочей среды и національно-патріотическими кругами общества. Засыпать эту пропасть у насъ было некому, такъ какъ демократическіе интеллигентскіе элементы еще не «самоопредѣлились» и переживали внутреннюю борьбу, въ которой проблески государственной національной мысли еще затемнялись отзвуками прежнихъ тяготѣній въ область соціальныхъ утопій съ тенденціей, вопреки жестокой реальной дѣйствительности, воплотить послѣднія въ жизнь.

Процессъ ясно показалъ, гдѣ друзья и гдѣ враги, давъ возможность произвести точный учетъ силъ, вовлеченныхъ въ круговоротъ политической борьбы у насъ на Сѣверѣ, и выяснивъ исключительное вліяніе на направленіе ихъ дѣятельности центральныхъ партійныхъ организацій, находящихся внутри Россіи и заграницей. Заранѣе можно было предвидѣть, что внутренняя борьба при первомъ же удобномъ случаѣ вспыхнетъ у насъ яркимъ пламенемъ, и «третьимъ радующимся» окажется грозный врагъ, скованный желѣзной дисциплиной пролетарской диктатуры.

Союзники сдѣлали тоже соотвѣтствующій выводъ изъ процесса: онъ укрѣпилъ въ нихъ уже зрѣющее сознаніе, что вмѣшательство ихъ въ наши внутреннія дѣла было преждевременно и что сознаніе народныхъ массъ еще недостаточно прояснилось, нуждаясь въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на нихъ большевизма.

Глава IV

Первыя вѣсти изъ Сибири. Докладъ ген. М—скаго по финляндскому вопросу въ Правительствѣ. Первые слухи объ уходѣ союзниковъ. Національное ополченіе

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, совершивъ громадный путь на лошадяхъ и оленяхъ, въ Архангельскъ прибылъ представитель Штаба Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака, штабсъ-капитанъ Б., присланный состоять для связи при штабѣ нашихъ войскъ. Цѣль пріѣзда штабсъ-капитана Б. заключалась въ постоянномъ и точномъ информированіи гражданской и военной власти Сѣверной Области о дѣйствительномъ положеніи арміи и о всѣхъ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ Всероссійскаго Правительства, возглавляемаго адмираломъ Колчакомъ.

Скоро я имѣлъ случай познакомиться съ штабсъ-капитаномъ Б., оказавшимся въ курсѣ всѣхъ происшедшихъ въ Сибири событій, такъ какъ послѣ развала большевиками арміи онъ уѣхалъ на Поволжье, гдѣ состоялъ активнымъ работникомъ крупной военной организаціи, поставившей своей цѣлью сверженіе власти большевиковъ, и послѣ Уфимскаго Государственнаго совѣщанія въ Сентябрѣ 1918 года непрерывно состоялъ въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ краткихъ словахъ штабсъ-капитанъ Б. ознакомилъ меня съ исторіей ликвидаціи Директоріи, произведенной адмираломъ Колчакомъ въ полномъ согласіи съ Сибирскимъ Правительствомъ, включавшимъ въ себя представителей соціалистическихъ партій, а также съ дальнѣйшей работой Омскаго Правительства по объединенію власти въ своихъ рукахъ, происходившей не безъ противодѣйствія какъ со стороны сибирскихъ сепаратистовъ, мечтающихъ отложиться отъ Россіи и даже войти особымъ штатомъ въ составъ Сѣверной Америки, такъ и со стороны небезызвѣстнаго Забайкальскаго атамана Семенова, съ именемъ котораго связали свои вожделѣнія монархическія группы, мечтавшія о реставраціи и диктатурѣ Великаго Князя Михаила Александровича, о чемъ открыто говорилъ офиціозъ атамана «Русскій Востокъ».

Пресловутый атаманъ одно время причинилъ много хлопотъ адмиралу Колчаку, прервавъ его сообщеніе съ Дальнимъ Востокомъ, гдѣ отрѣзанный отъ центральной власти ген. Хорватъ былъ по этому случаю снабженъ особыми полномочіями, но когда реальное соотношеніе силъ сложилось не въ пользу Семенова, послѣдній смирился, а адмиралъ Колчакъ, принимая во вниманіе его безпрерывную борьбу съ большевиками, приказомъ Верховнаго Правителя въ Маѣ 1919 года возстановилъ Семенова во всѣхъ его правахъ и назначилъ командиромъ Средне-Сибирскаго корпуса, то-есть тѣхъ войскъ, которыми онъ командовалъ и раньше, вскорѣ послѣ чего Семеновъ и двинулъ эти доблестныя, испытанныя войска на Сибирскій фронтъ. Такъ

въ мукахъ родилась сначала единая Сибирская, а затѣмъ Всероссійская власть, списокъ членовъ которой, за исключеніемъ члена Госуд. Думы Пепеляева (к. д.), пестрѣлъ незнакомыми именами провинціальныхъ дѣятелей.

Что касается свѣдѣній, сообщенныхъ штабсъ-капитаномъ Б. о сибирской арміи, то хотя онъ и подчеркнулъ ея недостатки въ одеждѣ, обуви и вооруженіи, вызывавшіе необходимость въ снабженіи себя за счетъ непріятеля, путемъ захвата у послѣдняго въ качествѣ военной добычи — оружія, снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ и другого интендантскаго имущества, но зато не поскупился въ похвалахъ ея организаціи, дисциплинѣ и бодрости духа, что будто бы вызвало даже замѣчаніе военныхъ представителей союзныхъ державъ, что эти войска лучше той арміи, которой располагала Россія въ первый періодъ войны. Составъ арміи, занимавшей правда колоссальный фронтъ, штабсъ-капитанъ Б. опредѣлилъ грандіозной цифрой 700.000, изъ которыхъ большая часть находилась въ боевой линіи. Меня такой офиціальный оптимизмъ приводилъ въ немалое смущеніе, такъ какъ изъ Американской миссіи мною были получены свѣдѣнія совершенно противоположнаго характера, которыя, увы, вскорѣ получили полное подтвержденіе, такъ какъ Сибирская армія стала сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе откатываться на востокъ, пока ея пораженіе не приняло характера полной катастрофы.

Въ первыхъ числахъ Іюля возвратился изъ Финляндіи ген. М—скій и представилъ Временному Правительству докладъ о результатахъ своей поѣздки. Со свойственною ему способностью быстро оріентироваться въ обстановкѣ, ген. М—скій сразу же опредѣлилъ, что отъ предпріятія ген. Юденича нельзя ожидать никакихъ благопріятныхъ результатовъ и что необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы побудить къ совмѣстному выступленію съ нами Финляндію, располагающую достаточными организованными силами, чтобы нанести большевикамъ ударъ въ самомъ важномъ и кратчайшемъ направленіи на Петроградъ.

Одновременно съ этимъ ген. Юденичемъ, видимо также мало расчитывавшимъ на собственныя силы, были переданы адмиралу Колчаку тѣ условія, на которыхъ можно было ожидать выступленія Финляндіи, съ содержаніемъ которыхъ я былъ ознакомленъ штабсъ-капитаномъ Б., передававшимъ ихъ по радіо въ Сибирь. Я обращаю вниманіе на подчеркнутыя мною слова «можно было ожидать», такъ какъ ген. Юденичъ, перечисливъ, если мнѣ память не измѣняетъ, 19 пунктовъ финляндскихъ требованій, заканчивалъ свою телеграмму указаніемъ, что лишь при принятіи ихъ ген. Маннергеймъ расчитываетъ склонить къ выступленію правительство и страну, общественное мнѣніе которой вообще не склонно было къ активности въ этомъ вопросѣ.

Ген. Юденичъ настаивалъ на принятіи этихъ требованій, прося дать ему отвѣтъ въ кратчайшій срокъ, такъ какъ выборы президента республики предстояли черезъ двѣ недѣли и кандидатура ген. Маннергейма на этотъ постъ имѣла очень мало шансовъ, а съ уходомъ его терялась всякая надежда на активную помощь со стороны Финляндіи. Къ этому ген. Юденичъ добавлялъ, что если онъ не получитъ своевременно отвѣта, то возьметъ рѣшеніе на себя, такъ какъ обстановка диктуетъ ему необходимость принятія такого шага. Временное Правительство Сѣверной Области, выслушавъ докладъ генерала М—скаго, рѣшило поддержать передъ Всероссійскимъ Правительствомъ

ходатайство ген. Юденича и въ этомъ смыслѣ была отправлена депеша адмиралу Колчаку.

Вскорѣ на телеграмму ген. Юденича послѣдовалъ краткій отвѣтъ: «Помощь Финляндіи считаю сомнительной, а требованія чрезмѣрными», а затѣмъ была получена и болѣе подробная депеша министерства иностранныхъ дѣлъ за подписью Сукина, съ сообщеніемъ, что Верховный Правитель, независимо отъ чрезмѣрно тяжелыхъ требованій, предъявленныхъ Финляндіей, обратилъ вниманіе на то, что даже принятіе ихъ еще не гарантируетъ выступленія ея, такъ какъ послужитъ только почвой для подготовки общественнаго мнѣнія страны къ активному выступленію, при чемъ адмиралъ Колчакъ выражалъ сомнѣніе, чтобы это можно было успѣть сдѣлать въ короткій двухнедѣльный срокъ. Въ заключеніе онъ категорически запрещалъ ген. Юденичу лично входить въ какія либо соглашенія, указавъ ему, что въ области международныхъ отношеній онъ не имѣетъ права выходить изъ рамокъ, опредѣленныхъ Главнокомандующему Положеніемъ о Полевомъ Управленіи войскъ въ военное время.

Ген. М—скій рѣзко порицалъ въ то время адмирала Колчака за его недальновидность при разрѣшеніи вопроса о выступленіи Финляндіи и, дѣйствительно, послѣ неудачнаго похода ген. Юденича, когда войска его принуждены были оставить уже захваченныя ими предмѣстья Петрограда, многіе пришли къ заключенію, что вооруженныя силы Финляндіи могли бы сыграть рѣшающую роль и можетъ быть судьба всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ была бы другой, но не будемъ строго судить за это адмирала Колчака и предоставимъ разрѣшенію этого вопроса суду исторіи.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести поступленіе съ Сибирскаго фронта все болѣе и болѣе тревожныхъ свѣдѣній. Войска адмирала Колчака начинаютъ свое стремительное отступленіе, очистивъ раіонъ Котласъ—Вятка, гдѣ предполагалось наше соединеніе съ ними и передача имъ снаряженія, привезеннаго англичанами.

Вскорѣ послѣ полученія непріятныхъ извѣстій съ Сибирскаго фронта, на праздникѣ во французской миссіи, 14 Іюля, по случаю взятія Бастиліи, веселье отравляется первыми слухами «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ» объ оставленіи союзниками въ недалекомъ будущемъ Сѣверной Области. Слухи эти принимаютъ характеръ вполнѣ точныхъ и провѣренныхъ свѣдѣній къ концу Іюля, и на парадѣ 2 Августа по случаю годовщины прибытія союзниковъ и изгнанія большевиковъ союзныя войска отсутствуютъ, а ихъ старшіе начальники уклоняются отъ принятія почестей и замѣняютъ себя «дублерами» меньшихъ чиновъ, которымъ приходится сконфуженно выслушивать «ура» русскихъ войскъ въ честь «вѣрныхъ союзниковъ».

Парадъ русскихъ войскъ проходитъ великолѣпно, при чемъ въ немъ принимаетъ участіе въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ воинскія части, прекрасно обученное національное ополченіе, организованное по образцу финляндскихъ охранныхъ дружинъ изъ гражданъ добровольцевъ, не подлежащихъ службѣ въ войскахъ. Состоявшее изъ лояльныхъ элементовъ всѣхъ слоевъ населенія при гарантіи личной благонадежности каждаго ополченца квартальнымъ комитетомъ, національное ополченіе сыграло выдающуюся роль въ охраненіи порядка въ Архангельскѣ и его окрестностяхъ. При отсутствіи у насъ надежной милиціи, полицейско-караульная служба всей своей тяжестью ложилась на національное ополченіе, несшее ее въ чрезвычайно

тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ зимой морозы въ Архангельскѣ часто достигали 40⁰. Патрулированіе улицъ, обученіе строю и стрѣльбѣ отнимало массу времени отъ весьма небольшого досуга, которымъ располагало большинство ополченцевъ, занятыхъ службой по разнымъ частнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Наличіе этого ополченія сыграло выдающуюся роль въ моментъ ухода союзниковъ и эвакуаціи нами области и предохранило насъ отъ массовыхъ эксцессовъ, которые могли имѣть катастрофическія послѣдствія. Честь и хвала всѣмъ тѣмъ, кто потрудился для его организаціи и всѣмъ тѣмъ, кто тихо, скромно и самоотверженно отбывалъ въ его рядахъ свою тяжелую службу; они навѣрно тяжелой цѣной расплачиваются сейчасъ за нее у большевиковъ. Къ сожалѣнію, не всѣ понимали, какой подвигъ они несли, и мы увидимъ ниже, какимъ оскорбленіямъ они часто подвергались со стороны нѣкоторыхъ пьянствовавшихъ и буйствовавшихъ офицеровъ, при старательномъ соблюденіи ими требованій караульной службы.

На парадѣ впервые также выступила офицерская рота, изъ числа пріѣхавшихъ только что изъ Англіи русскихъ офицеровъ, большая часть которыхъ прямо съ пароходовъ была отправлена на фронтъ, гдѣ въ связи съ уходомъ союзниковъ ожидали наступленія весьма серьезныхъ событій и крупныхъ военныхъ операцій. Многіе изъ нихъ въ первыхъ же бояхъ нашли свою смерть.

Вмѣстѣ съ этими офицерами прибыла группа престарѣлыхъ генераловъ, пріѣздъ которыхъ и особенно находившагося среди нихъ бывшаго Нач. Штаба Зап. фронта ген. К., вызвалъ недовольство и тревогу въ офицерскихъ кругахъ. Ихъ считали принадлежащими недоброму старому времени и ничего хорошаго отъ нихъ не ждали.

Въ связи со слухами объ уходѣ союзниковъ повсюду царило приподнятонервное настроеніе, которое находило себѣ благопріятную почву для бѣшенной агитаціи большевиковъ, старавшихся использовать моментъ и развалить нашъ фронтъ. Агитація эта, отозвавшаяся вспышками возстаній на многихъ участкахъ нашего громаднаго по своему протяженію фронта, еще болѣе усиливала тревогу и напряженіе мысли, проникнутой однимъ навязчивымъ вопросомъ: какъ отзовется на судьбѣ Сѣверной Области уходъ союзниковъ?

Глава V

Возстанія въ войскахъ. Причины возстаній. Заявленіе англичанъ объ уходѣ. Увольненіе ген. М—скаго и вступленіе ген. Миллера въ командованіе войсками

Приходится теперь приступить къ самымъ грустнымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ кровопролитіемъ на почвѣ продолжающейся до сихъ поръ братоубійственной гражданской войны. Воспоминанія эти ярки и незабываемы, хотя они почерпнуты большею частью изъ холодныхъ, сухихъ страницъ военно-слѣдственнаго матеріала, но на ряду съ этимъ приходилось и лично выслушивать разсказы нѣкоторыхъ живыхъ свидѣтелей-офицеровъ, которыхъ иногда только чудо спасало отъ неминуемой гибели.

Наша маленькая Сѣверная армія занимала громадный фронтъ протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ верстъ. Конечно, о непрерывной линіи защиты

не могло быть и рѣчи, да въ ней и не было надобности: ее создавала природа своими непроходимыми лѣсами характера сибирской тайги. Отдѣльнымъ небольшимъ отрядамъ силою до одного полка, съ придачею громаднаго количества пулеметовъ и сильной артиллеріи, правда легкаго полевого типа, приходилось защищать лишь дефиле, образуемые протекающими рѣками и идущими на Архангельскъ желѣзной и грунтовыми дорогами. Соотвѣтственно съ такимъ распредѣленіемъ вооруженныхъ силъ образовались укрѣпленные раіоны: Онежскій, Желѣзнодорожный, Селецкій, Двинскій, Пинежскій, Мезенскій и Печорскій, причемъ на Желѣзнодорожномъ фронтѣ въ виду защиты кратчайшаго и важнѣйшаго направленія на административный центръ Сѣверной Области — Архангельскъ, было сосредоточено наибольшее количество войскъ, до трехъ полковъ съ придачей имъ не только легкой, но и тяжелой артиллеріи и бронированныхъ поѣздовъ.

Къ Онежскому раіону прилегалъ Мурманскій, который занималъ громадное протяженіе, примыкая своимъ правымъ флангомъ къ финляндской границѣ, и по количеству своихъ войскъ занималъ первое мѣсто. Жизнь его въ военномъ и административномъ отношеніи, въ виду весьма неудовлетворительнаго сообщенія съ Архангельскомъ, носила обособленный отъ всѣхъ другихъ раіоновъ Сѣвернаго фронта характеръ и мнѣ въ дальнѣйшемъ придется ея коснуться лишь съ точки зрѣнія создавшихся съ этимъ раіономъ ненормальныхъ отношеній и неумѣнія центральной власти своевременно подготовить и использовать его какъ редюитъ для войскъ Архангельскаго фронта.

Защита была организована по системѣ вынесенныхъ впередъ и занятыхъ пѣхотой блокгаузовъ (маленькихъ укрѣпленій изъ срубленнаго лѣса, опутанныхъ проволочными загражденіями) съ осиными пулеметными гнѣздами, а главныя силы и артиллерія располагались скрыто сзади. Взять эти укрѣпленія въ лобъ было почти невозможно, такъ какъ пришлось бы принести въ жертву колоссальныя неоправдываемыя цѣлью силы, эшелонировавъ въ затылокъ нѣсколько дивизій, поэтому борьба носила характеръ глубокихъ обходныхъ движеній, которыя можно было производить, главнымъ образомъ, въ осеннее время, такъ какъ зимой мѣшалъ глубокій, выше человѣческаго роста снѣгъ, а весной и лѣтомъ наступала такъ-называемая «распута», при которой почва обращалась въ непроходимое болото. Кромѣ того, въ дебряхъ непроходимаго вѣкового лѣса было очень трудно оріентироваться и поддерживать связь обходныхъ колоннъ съ командными центрами. Все это побуждало большевиковъ къ излюбленному методу своихъ дѣйствій, а именно къ разложенію бѣлыхъ частей агитаціей и пропагандой и захвату власти путемъ организаціи возстаній.

Пинежское и Тулгасовское возстанія имѣли мѣсто незадолго до моего пріѣзда въ Сѣверную Область. На Пинегѣ произошло возстаніе въ 8 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку, причемъ жертвами его оказались нѣсколько офицеровъ, часть которыхъ была убита мятежниками, а часть покончила съ собою, взорвавъ себя ручными гранатами. Возстаніе было подавлено Верхне-Пинежскими партизанами-крестьянами, сурово расправившимися съ возставшими. Разслѣдованіе установило, что причиной возстанія послужило недовольство населенія Нижней Пинеги и мѣстныхъ войскъ перфораціей (штемпелеваніемъ керенокъ и царскихъ) и неполученіе сѣмянъ для обсѣмененія полей. Съ перфораціей мы подробнѣе познакомимся въ отдѣлѣ финансовой политики Правительства, здѣсь же необходимо отмѣтить, что для штемпелеванія деньги

отбирались у населенія подъ расписки и оно оставалось на продолжительный срокъ безъ денежныхъ знаковъ, такъ какъ штемпелеванныя кредитки и казначейскіе знаки возвращались съ большимъ опозданіемъ, что вызывало неудовольствіе, ибо мѣшало обычной торговлѣ.

Неудовольствіе это использовали большевики, развивъ агитацію на тему о томъ, что генералы и офицеры собираются бѣжать изъ области и на дорогу собираютъ себѣ деньги, отбирая ихъ у населенія подъ видомъ необходимости ихъ штемпелеванія. Поэтому возставшимъ рекомендовалось захватить Пинежское уѣздное казначейство, гдѣ хранилось около полутора милліоновъ рублей, и бѣжать съ ними къ большевикамъ для спасенія отъ «бѣлогвардейскихъ» офицеровъ народныхъ денегъ, неудачная попытка къ чему и была произведена бунтовщиками.

Разслѣдованіемъ, между прочимъ, было установлено, что между нижне- и верхне-пинежцами существовала вражда, такъ какъ нижне-пинежцы, деревни которыхъ находились въ раіонѣ бѣлыхъ, считали, что война у нихъ ведется изъ-за верхне-пинежскихъ партизанъ, желавшихъ отобрать свои родныя деревни, находившіяся въ рукахъ красныхъ.

Но были еще болѣе грустныя обстоятельства, которыя къ сожалѣнію обнаружились гораздо позже, когда военное командованіе уже перешло къ ген. Миллеру, а командованіе на Пинегѣ хотя и къ престарѣлому и неспособному оріентироваться въ текущихъ событіяхъ, но честному ген. П., который попросилъ меня прислать въ Пинегу военнаго слѣдователя. Оказалось, что въ войскахъ были хищенія и утайки пайка, что, конечно, волновало солдатъ. Произошло это сначала отъ безпечности и полнѣйшаго непониманія хозяйства перваго организатора пинежскихъ отрядовъ молодого, легкомысленнаго и самоувѣреннаго кап. N., который, между прочимъ, занимался обмѣномъ подареннаго ему англичанами рома на мѣха, вызывая такимъ неосторожнымъ поведеніемъ толки среди солдатъ объ утайкѣ ихъ рома для этой операціи.

Его смѣнилъ «фаворитъ» ген. М—скаго, полк. N. Вѣчно пьяный, разнузданный, онъ окружилъ себя соотвѣтствующимъ штабомъ и часто, гарцуя на улицахъ Пинеги, требовалъ, чтобы жители при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапки, побивъ однажды за неисполненіе этого требованія предсѣдателя мѣстной земской управы. Мѣстной почтенной учительницѣ онъ тоже въ пьяномъ видѣ заявилъ, что такъ какъ она по своему возрасту не годится въ проститутки, то онъ рекомендуетъ ей, бросивъ педагогическую дѣятельность, открыть публичное заведеніе. Получивъ въ свое безконтрольное распоряженіе 11.000 рублей для цѣлей контръ-развѣдки, онъ обратилъ ихъ въ свою пользу и вернулъ ихъ значительно позже, уже находясь на службѣ въ Мурманскѣ послѣ моего телеграфнаго требованія объ уплатѣ или представленіи отчета. Ему не избѣжать было бы скамьи подсудимыхъ, чему помѣшала лишь наша эвакуація. Дальнѣйшая участь его была очень печальна: онъ былъ разстрѣлянъ возставшими въ Мурманскѣ красными.

Тулгасовское возстаніе произошло въ Двинскомъ раіонѣ, гдѣ взбунтовался одинъ изъ баталіоновъ 3 Сѣвернаго стрѣлковаго полка, перебившій своихъ офицеровъ и сдѣлавшій попытку захватить артиллерію для передачи орудій непріятелю. Артиллерія мужественно огнемъ своихъ орудій и пулеметовъ отбила атаки мятежниковъ и отступила, протащивъ 70 верстъ на

рукахъ свои 4 орудія и прокладывая себѣ дорогу и мосты. Все это было продѣлано группой въ сто человѣкъ, оставшихся вѣрными своему долгу.

Разслѣдованіе установило неосторожность и безпечность молодого и храбраго командира баталіона, 28-лѣтняго полк. Г., не процѣдившаго какъ слѣдуетъ, вопреки указаніямъ свыше, прибывшія въ полкъ пополненія изъ плѣнныхъ красныхъ, часть которыхъ и оказалась организаторами возстанія.

Тотъ же 3 Сѣв. стрѣлковый полкъ, реорганизованный своимъ доблестнымъ командиромъ полк. В., подавилъ въ концѣ Іюля возстаніе Дайеровскаго баталіона, расположеннаго также въ Двинскомъ раіонѣ. Оно началось ночью, причемъ возставшіе прежде всего бросились на штабъ своего баталіона и убили спящими 4 англійскихъ и 3 русскихъ офицеровъ. Та же участь постигла бы и штабъ двинскаго раіона, если бы не осталась вѣрной пулеметная команда баталіона, отогнавшая отъ штаба наступавшихъ бунтовщиковъ. Большинству изъ нихъ удалось бѣжать къ большевикамъ, пойманныхъ же ликвидировали на мѣстѣ англичане.

Не успѣли разсѣяться впечатлѣнія отъ этого крупнаго возстанія, какъ разыгралась кровавая трагедія на Онегѣ. Расположенный тамъ 5 Сѣверный стрѣлк. полкъ былъ укомплектованъ жителями Онежскаго уѣзда, весьма неблагонадежными и тяготѣвшими къ краснымъ. Особеннымъ большевистскимъ духомъ отличались расположенныя на рѣкѣ Онегѣ два большихъ богатыхъ села — Порогъ и Запорожье, жители которыхъ владѣли богатыми рыбными промыслами (семга-порогъ), но среди которыхъ издавна процвѣтало также тунеядство и хулиганство, благодаря громаднымъ подачкамъ отъ извѣстнаго отца Іоанна Кронштадтскаго — уроженца этой мѣстности.

Непосредственнымъ поводомъ къ возстанію послужило недовольство отвлеченіемъ мобилизованныхъ отъ сѣнокоса и другихъ полевыхъ работъ, что и использовали большевики, захватившіе въ результатѣ возстанія весь Онежскій раіонъ.

Возставшіе арестовали почти всѣхъ офицеровъ во главѣ съ командиромъ полка, полк. М., которому на шею накинули веревку и утащили къ большевикамъ. Двѣнадцать человѣкъ офицеровъ были окружены въ одной избѣ и, не пожелавъ сдаться, покончили сами съ собой. Сначала болѣе сильные духомъ застрѣлили другихъ, а потомъ застрѣлились сами. Тѣла ихъ послѣ очищенія раіона Онеги отъ большевиковъ, происшедшаго уже послѣ ухода англичанъ, были вырыты изъ ямы, куда они были брошены большевиками раздѣтыми, и похоронены съ воинскими почестями.

Вслѣдъ за Онежскимъ возстаніемъ послѣдовала попытка къ возстанію въ 6 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку на желѣзнодорожномъ фронтѣ и одновременное раскрытіе заговора въ 7 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку, расположенномъ въ сосѣднемъ Селецкомъ раіонѣ. Незадолго до этого на Двинѣ была произведена соединенными русскими и англійскими силами удачная крупная операція съ захватомъ большого раіона у большевиковъ, который затѣмъ по приказанію англійскаго командованія былъ очищенъ, а мужское населеніе взято по мобилизаціи въ наши войска. Вотъ эти то мобилизованные и явились душой заговора въ желѣзнодорожномъ и Селецкомъ раіонахъ, составивъ цѣлый планъ возстанія и открытія фронта большевикамъ и войдя съ послѣдними въ соглашеніе по этому поводу. Согласно этому плану предполагалось обходное движеніе довольно крупными силами большевиковъ, которые должны были, войдя въ тылъ линіи блокгаузовъ, атаковать

артиллерійскую батарею, прикрытіе которой изъ 2 роты 6-го Сѣвернаго стрѣлковаго полка было подготовлено пропагандой къ открытію фронта.

Незадолго до начала этой операціи дрогнула совѣсть у одного изъ бывшихъ въ курсѣ дѣла заговорщиковъ — бывшаго унтеръ-офицера одного изъ нашихъ старыхъ гвардейскихъ полковъ и онъ предупредилъ командира 6 полка о назрѣвающей опасности. 2-я рота немедленно была снята съ позиціи, арестована и замѣнена надежными войсками, которыя вмѣстѣ съ артиллеріей приготовились встрѣтить обходную колонну большевиковъ. Къ сожалѣнію, уже не было времени предупредить роты, находившіяся впереди въ блокгаузахъ. Большевики не заставили себя долго ждать и скоро безъ особыхъ мѣръ предосторожности появились на опушкѣ лѣса противъ того мѣста, гдѣ должна была быть расположена 2 рота. Ихъ встрѣтилъ здѣсь ураганный пулеметный и орудійный огонь, который еще болѣе усилился, когда послышались крики: «Товарищи, не стрѣляйте, свои, свои». Большевики потеряли здѣсь болѣе баталіона убитыми и ранеными.

Въ это время на блокгаузы тоже было произведено нападеніе, причемъ часть гарнизона ихъ, благодаря измѣнѣ, капитулировала и, захвативъ своихъ офицеровъ, передалась противнику.

Въ Селецкомъ раіонѣ обошлось болѣе благополучно. Тамъ, благодаря своевременному обнаруженію одного изъ заговорщиковъ, подвергнутаго строгому допросу, была раскрыта цѣлая организація, дѣйствовавшая въ связи съ заговорщиками желѣзнодорожнаго раіона, которая ставила своей задачей перебить всѣхъ офицеровъ и открыть фронтъ противнику. Участники ея въ количествѣ около 20 человѣкъ были разстрѣляны по приговору военно-полевого суда.

Вездѣ среди участниковъ заговора были отмѣчены фельдфебеля и унтеръ-офицеры, то-есть лучшіе по выправкѣ и дисциплинѣ солдаты, при чемъ разслѣдованіемъ удалось установить, что въ инструкцію организаціи коммунистическихъ ячеекъ въ бѣлыхъ полкахъ входило строжайшее соблюденіе передъ начальствомъ чинопочитанія и повиновенія, дабы своимъ поведеніемъ усыпить бдительность начальства и, занявъ командные солдатскіе посты, пріобрѣсти наибольшее вліяніе на солдатъ. Тѣмъ же разслѣдованіемъ было обнаружено, что разложеніе нашихъ частей велось по строго разработанной системѣ скрыто образуемыхъ въ нихъ коммунистическихъ ячеекъ, находившихся въ непрерывной связи съ непріятелемъ. Когда часть была достаточно подготовлена къ выступленію, отъ краснаго штаба получался детально разработанный планъ открытія фронта въ связи съ одновременнымъ наступленіемъ красныхъ, причемъ офицеровъ приказывалось перебить, замѣнивъ ихъ намѣченными заранѣе лицами.

Дайеровское и Онежское возстанія совершенно вывели изъ душевнаго равновѣсія высшее англійское командованіе и создали приподнятое настроеніе въ англійскихъ войскахъ. Недоброжелатели ген. Айронсайда изъ англійскихъ же круговъ сообщили въ Англію, что убитые дайеровцами англійскіе офицеры являются жертвами легкомысленнаго опыта, произведеннаго генераломъ, и въ англійской печати появились обвиненія его въ введеніи въ заблужденіе англійскаго общества сообщеніями о возрожденіи русской арміи на Сѣверѣ. Айронсайдъ, чувствуя вину въ дайеровскомъ дѣлѣ, рѣшилъ для реабилитаціи себя рѣзко измѣнить свою позицію въ отношеніи насъ и сталъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на уходѣ англійскихъ войскъ,

указывая на примѣрѣ 5 Сѣв. стрѣлковаго полка, считавшагося однимъ изъ лучшихъ нашихъ полковъ, что на нашихъ солдатъ абсолютно положиться нельзя и никакая совмѣстная боевая дѣятельность съ нами невозможна. Въ руку ему сыграло то обстоятельство, что ген. М—скій наканунѣ самаго возстанія посѣтилъ 5 Сѣв. стрѣлк. полкъ и, вернувшись оттуда, объявилъ въ приказѣ, что онъ нашелъ полкъ въ блестящемъ состояніи. Такимъ образомъ, англичанамъ была демонстрирована несостоятельность самого командующаго войсками въ оцѣнкѣ степени благонадежности его войскъ, что они, конечно, и поспѣшили использовать въ своихъ интересахъ. Въ мѣропріятіяхъ ихъ почувствовалась растерянность и полнѣйшее нежеланіе быть съ нами въ контактѣ. На Онегу былъ посланъ мониторъ для выручки арестованныхъ большевиками англичанъ. Обстрѣлявъ городъ Онегу изъ тяжелыхъ орудій и истребивъ, такимъ образомъ, лучшую часть города, англичане добились черезъ парламентеровъ выдачи своихъ офицеровъ, но категорически отказались предъявить требованіе о нашихъ офицерахъ и поддержать десантную операцію высланнаго нами маленькаго отряда.

Недовѣріе и паника проникли и въ ихъ солдатскую среду, очень враждебно настроенную къ большевикамъ. Характеренъ слѣдующій маленькій эпизодъ. Конвою англичанъ, сопровождавшихъ подъ начальствомъ сержанта небольшую группу нашихъ арестованныхъ солдатъ на пароходѣ изъ Онеги въ Архангельскъ, показалось подозрительнымъ поведеніе послѣднихъ. На пароходѣ создалось приподнято-нервное настроеніе, которое благодаря произведенному кѣмъ то случайному выстрѣлу, вылилось въ безпорядочную стрѣльбу англичанъ по русскимъ солдатамъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ было ранено, а двое убито. Характерно, что ѣхавшій тутъ-же русскій офицеръ былъ немедленно изолированъ англичанами отъ солдатъ и ихъ сержантъ, добродушно похлопывая его по плечу, стремился выразить ему свои симпатіи и успокоить его, говоря ломаннымъ языкомъ: «Русскій офицеръ не надо бояться, русскій офицеръ карошъ, а русскій солдатъ с.....ь, большевикъ».

Такимъ образомъ, если до сихъ поръ уходъ англичанъ мотивировался, главнымъ образомъ, измѣненіемъ курса высшей политики по русскому вопросу, то послѣ дайеровскаго и онежскаго возстаній приходилось считаться съ тѣмъ же рѣшеніемъ высшаго военнаго командованія. По словамъ ген. Миллера ген. Айронсайдъ сталъ неузнаваемъ и насколько онъ прежде крайне радужно смотрѣлъ на наше будущее и шелъ навстрѣчу нашимъ начинаніямъ, настолько онъ теперь впалъ въ преувеличенный пессимизмъ и обнаруживалъ явное недоброжелательство, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы эвакуироваться самому и, во что бы то ни стало, склонить къ этому и наше военное командованіе, что послужило бы оправданіемъ и его ухода. Въ этомъ смыслѣ имъ и было составлено предложеніе ген. Миллеру эвакуироваться, которое было отклонено ген. Миллеромъ сначала 30 іюля принципіально, а затѣмъ окончательно 12 августа послѣ совѣщанія со старшими чинами Штаба и строевыми начальниками, о чемъ подробно въ слѣдующей главѣ.

Одновременно съ этимъ послѣдовало личное вступленіе ген. Миллера въ командованіе войсками вмѣсто ген. М—скаго, вызванное по словамъ ген. Миллера тѣмъ, что ген. М—скій не вѣрилъ въ возможность нашего оставленія въ Архангельскѣ послѣ ухода англичанъ, и такое же настроеніе

создавалъ среди старшихъ начальниковъ. Однако, врядъ ли это было единственной причиной увольненія ген. М—скаго; такихъ «маловѣровъ» среди высшаго русскаго командованія было очень много и они, однако, сохранили свои мѣста. Несомнѣнно, что тутъ сыграло роль и паденіе работоспособности ген. М—скаго, такъ какъ ген. Миллеръ самъ какъ то замѣтилъ мнѣ, что послѣдній «несомнѣнно утрировалъ въ его глазахъ свою чрезмѣрную переобремененность дѣлами».

Приказомъ Верховнаго Правителя ген. Миллеръ былъ утвержденъ въ должности Главнокомандующаго русскими вооруженными силами Сѣвернаго фронта. Штабъ Командующаго войсками былъ реорганизованъ въ Штабъ Главнокомандующаго и Начальникомъ Штаба былъ назначенъ ген. лейт. К.

Глава VI

Прибытіе «спеціалиста по эвакуаціи» англійскаго фельдмаршала Роллинсона. Совѣщаніе ген. Миллера съ офицерами Ген. Штаба и командирами полковъ объ эвакуаціи

Сопровождаемый громадной свитой, прибылъ въ іюлѣ мѣсяцѣ англійскій фельдмаршалъ Роллинсонъ, пользующійся среди англичанъ репутаціей выдающагося полководца за ликвидацію, въ качествѣ командующаго одной изъ англійскихъ армій во Франціи, послѣдняго нѣмецкаго прорыва на западномъ фронтѣ и нанесеніе послѣ этого нѣмцамъ рѣшительнаго пораженія.

Но, увы, къ намъ фельдмаршалъ прибылъ не для проявленія своего стратегическаго таланта, а въ качествѣ выдающагося спеціалиста по «эвакуаціи», каковая репутація установилась за нимъ при ликвидаціи Дарданельскаго предпріятія союзниковъ.

Въ связи съ его пріѣздомъ ген. Миллеръ получилъ отъ англійскаго командованія предложеніе эвакуироваться вмѣстѣ съ союзниками, которое онъ рѣшилъ подвергнуть всестороннему обсужденію совѣщанія старшихъ чиновъ Штаба и командировъ строевыхъ частей. Въ совѣщаніи этомъ приняли участіе Начальникъ Штаба ген. К., ген. М—скій и другіе офицеры Ген. Штаба, а въ качествѣ представителей строя Командующіе Пинежско-Мезенскимъ и Желѣзнодорожнымъ раіонами и командиры 6, 7, и 8 Сѣв. стрѣлк. полковъ. Мурманскій раіонъ былъ представленъ Начальникомъ Штаба полк. А., Командующій же войсками Двинскаго раіона Ген. Штаба полк. князь М. и командиры 3 и 4 Сѣв. стрѣлк. полковъ отсутствовали, такъ какъ къ этому времени англійскимъ командованіемъ въ цѣляхъ демонстративнаго прикрытія своего ухода, была предпринята на Двинѣ наступательная операція, въ которой принимали участіе русскія войска. На разрѣшеніе совѣщанія были поставлены вопросы: 1) слѣдуетъ ли оставаться въ области послѣ ухода англичанъ, 2) можно ли будетъ впослѣдствіи благополучно эвакуироваться безъ нихъ и 3) возможно ли провести наступательную операцію безъ поддержки союзниковъ. Представители строя единодушно дали отрицательный отвѣтъ на всѣ поставленные вопросы, за исключеніемъ ген. П., только что прибывшаго въ Область, не побывавшаго на фронтѣ и въ

силу этого совершенно не знакомаго съ настроеніемъ войскъ и нашими матеріальными средствами, и, съ упорствомъ стараго военнаго служаки, твердившаго, что надо поступить такъ, какъ прикажетъ начальство.

Сущность соображеній представителей строя сводилась къ тому, что настроеніе среди войскъ было болѣе чѣмъ сомнительно, особенно еще потому, что англійское командованіе предложило эвакуироваться всѣмъ желающимъ изъ числа добровольцевъ, находившихся въ славяно-британскихъ и французскихъ легіонахъ, а также понуждало наше командованіе, основываясь на принципѣ самоопредѣленія, отпустить эстонцевъ, латышей и поляковъ. На самыя грустныя размышленія наводили и прошедшія волной по всему фронту описанныя выше возстанія, а также поднятая большевиками по поводу ухода союзниковъ агитація съ указаніемъ, что подъ вліяніемъ рабочихъ иностранныя правительства рѣшили увести свои войска и не поддерживать больше генеральскую контръ-революцію. Офицерскій корпусъ, кромѣ того, былъ встревоженъ полной необезпеченностью тыла въ случаѣ неудачи, считая, что безъ англичанъ никакая эвакуація немыслима, ибо солдаты ихъ не выпустятъ и выдадутъ, какъ виновниковъ войны, большевикамъ.

Исходя изъ настроенія войскъ, а также изъ того, что все снабженіе, средства связи и управленіе находилось до сихъ поръ въ рукахъ англичанъ, строевые начальники признали полную невозможность какого нибудь наступленія безъ помощи послѣднихъ, хотя бы техническими средствами. Изъ числа офицеровъ Ген. Штаба точку зрѣнія строевыхъ офицеровъ поддерживалъ полк. К.; Начальникъ Штаба Мурманскаго раіона полк. А. заявилъ, что обстановка Мурманскаго раіона и настроеніе тамъ войскъ говоритъ за продолженіе борьбы послѣ ухода англичанъ, но оборона Архангельскаго фронта при наличіи той картины, которую нарисовали представители этого фронта, врядъ ли представляется возможной.

На продолженіи борьбы въ Архангельскѣ особенно упорно настаивалъ Начальникъ Штаба ген. К., только что вступившій въ эту должность, не посѣтившій еще фронта для ознакомленія съ положеніемъ на мѣстѣ, чего онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ ни разу за все время своего пребыванія Начальникомъ Штаба, ограничиваясь лишь кабинетной работой. Между тѣмъ посѣщеніе фронта его правой рукой — Начальникомъ Операціоннаго Отдѣла Штаба, генераломъ К., привело послѣдняго къ выводамъ, сдѣланнымъ изъ общаго положенія строевыми начальниками.

Ген. М—скій держался въ сторонѣ и своей точки зрѣнія не высказывалъ, такъ что пренія велись, главнымъ образомъ, между представителями строя и Нач. Штаба ген. К., который въ концѣ концовъ въ качествѣ аргумента за продолженіе обороны выдвинулъ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака защищать Область до конца. На это представители строя совершенно резонно заявили, что если существуетъ такой приказъ Верховнаго Главнокомандующаго, то дальнѣйшее обсужденіе вопроса объ оставленіи Области не имѣетъ смысла, такъ какъ они, какъ солдаты, обязаны подчиниться распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго, послѣ чего перешли къ вопросу о наступленіи, при чемъ единогласно было постановлено, что разъ рѣшено оставаться, то наступленіе необходимо, такъ какъ оно подниметъ настроеніе войскъ и, кромѣ того, выражалась надежда, что успѣшное

развитіе его можетъ вызвать измѣненіе точки зрѣнія англійскаго командованія и оставленіе англичанъ въ Области.

Для провѣрки этого предположенія, а главное для полученія отъ англичанъ поддержки, безъ чего организація наступленія считалась невозможной, было рѣшено на слѣдующій день всѣмъ еще разъ собраться у генерала Миллера и оттуда отправиться къ фельдмаршалу Роллинсону, такъ какъ въ 12 часовъ дня генералъ Миллеръ далъ обѣщаніе англійскому командованію дать окончательный отвѣтъ, остается ли онъ послѣ ухода англичанъ или эвакуируется съ ними.

Командиры полковъ, возмущенные тѣмъ, что участь строевыхъ офицеровъ опять рѣшается, вопреки ихъ мнѣнію, штабомъ, который не разъ по ихъ мнѣнію, былъ причиной ихъ гибели въ Японскую и послѣднюю войну, рѣшили вечеромъ отдѣльно зайти къ ген. Миллеру и изложить ему еще разъ свою точку зрѣнія на текущій моментъ. Придя къ нему, они заявили, что рѣшили сказать ему «всю правду» съ глаза на глазъ въ отсутствіе офицеровъ Ген. Штаба, такъ какъ послѣдніе въ силу своего образованія, владѣя лучше словомъ, «забили» ихъ своимъ краснорѣчіемъ и не дали имъ возможности высказать всего того, что у нихъ лежало на душѣ. Послѣ этого они въ самой рѣзкой и опредѣленной формѣ обрисовали безъ прикрасъ положеніе строевыхъ частей на фронтѣ, бывшихъ всецѣло въ строевомъ, хозяйственномъ и техническомъ отношеніи на попеченіи англичанъ, и указали на то, что съ уходомъ послѣднихъ они останутся безъ всего, такъ какъ нашъ штабъ не позаботился о своевременномъ оборудованіи и подготовкѣ ихъ къ самостоятельной жизни, обнаруживъ полное бездѣйствіе въ этомъ отношеніи и предоставивъ все англичанамъ, вслѣдствіе чего солдаты въ русскомъ командованіи и офицерахъ видѣли только контръ-революціонеровъ, возстановившихъ ненавистную имъ дисциплину, тогда какъ всѣ матеріальныя блага, столь цѣнимыя нашимъ простолюдиномъ, получались изъ рукъ иностранцевъ. Ген. Миллеръ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ докладчикамъ, стараясь своимъ спокойнымъ сердечнымъ тономъ смягчить остроту создавшагося положенія, объяснивъ, между прочимъ, что онъ не можетъ принять на себя всю отвѣтственность за предыдущую дѣятельность штаба, такъ какъ наше высшее командованіе находилось не въ его рукахъ. Онъ обѣщалъ устранить указанные ему дефекты установленіемъ большей связи съ войсками и заботливостью о ихъ духовномъ и матеріальномъ благополучіи.

На слѣдующій день утромъ всѣ вновь собрались въ кабинетѣ ген. Миллера, причемъ тутъ немало удивилъ всѣхъ ген. М—скій, который на частномъ совѣщаніи съ командирами полковъ, имѣвшемъ мѣсто наканунѣ перваго совѣщанія у ген. Миллера, былъ солидаренъ съ ними въ вопросѣ о необходимости покинуть Архангельскую Область, а здѣсь вдругъ неожиданно заявилъ, что надо не только самимъ остаться, но и «заставить» англичанъ остаться, и, когда ген. Миллеръ спросилъ его, какими средствами можно осуществить послѣднюю мѣру, онъ отвѣтилъ, что можно прибѣгнуть и къ силѣ, на что ген. Миллеръ только развелъ руками. Утреннее совѣщаніе осталось при прежнемъ рѣшеніи и носило спѣшный характеръ, такъ какъ къ 12 часамъ нужно было быть у фельдмаршала Роллинсона, а англичане не выносили опозданій.

Фельдмаршалъ Роллинсонъ принялъ всѣхъ чрезвычайно любезно, начавъ съ привѣтствія, въ лицѣ полковыхъ командировъ, доблестныхъ боевыхъ

сотоварищей по минувшей кампаніи. Выслушавъ затѣмъ рѣшеніе русскаго командованія остаться и перейти въ наступленіе, онъ заявилъ, что объ оставленіи англичанъ не можетъ быть и рѣчи, ибо такова воля Правительства, опирающагося на Парламентъ, а поэтому какихъ бы успѣховъ не достигли русскія войска въ своемъ наступленіи, захвати они не только Вологду и Вятку, но Москву и Петроградъ, онъ долженъ будетъ, какъ солдатъ, привести въ исполненіе распоряженіе Правительства и эвакуировать Сѣверную Область. Онъ обѣщалъ передать въ Англію просьбу русскаго командованія объ оставленіи англійскихъ войскъ, но заранѣе предупреждалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, что же касается предполагаемой операціи, онъ обѣщалъ оказать самую широкую поддержку техническими и матеріальными средствами, но отказался предоставить войска для наступленія, а лишь для выполненія оборонительныхъ заданій на занимаемыхъ позиціяхъ.

Гораздо болѣе рѣзкую позицію занялъ присутствовавшій при этомъ ген. Айронсайдъ, который наше оставленіе въ Области считалъ чистѣйшей авантюрой и, желая подорвать въ глазахъ фельдмаршала Роллинсона авторитетъ нашего командного состава, попросилъ его задать командирамъ полковъ вопросъ: «Ручаются ли они за спокойствіе и благонадежность ввѣренныхъ имъ частей». Выслушавъ отрицательный отвѣтъ, онъ настаивалъ на эвакуаціи, указавъ, что мы и въ техническомъ отношеніи неподготовлены для самостоятельной дѣятельности и, обратившись къ стоявшему въ сторонѣ ген. М—скому, попросилъ его доложить совѣщанію, приготовилъ ли онъ персоналъ, необходимый для обслуживанія тыла, на каковой работѣ у него, ген. Айронсайда, было нѣсколько тысячъ человѣкъ.

На совѣщаніи былъ между прочимъ поднятъ вопросъ объ отходѣ на Мурманъ, причемъ англійское командованіе одобрило этотъ проектъ, обѣщавъ предоставить средства для эвакуаціи туда не только войскъ, но и до 10,000 человѣкъ населенія.

Изложенныя выше свѣдѣнія о совѣщаніяхъ съ ген. Миллеромъ и представителями высшаго союзнаго командованія почерпнуты мной отъ нѣсколькихъ участниковъ этихъ совѣщаній, между прочимъ и отъ ген. Миллера, съ которымъ въ указанный періодъ времени мои отношенія приняли по цѣлому ряду поводовъ, характеръ, выходящій изъ предѣловъ обычныхъ служебныхъ докладовъ по моей спеціальности и наши совмѣстныя бесѣды касались естественно и самаго животрепещущаго вопроса — эвакуаціи.

Какъ мы увидимъ ниже, мы въ этотъ моментъ переживали подъемъ патріотическихъ чувствъ, что по моему мнѣнію и склонило окончательно ген. Миллера къ рѣшенію остаться въ области. Однако, этимъ пылкимъ патріотическимъ выступленіямъ не слѣдовало придавать серьезнаго значенія, такъ какъ ихъ нельзя было считать результатомъ выношеннаго въ спокойномъ состояніи духа рѣшенія созрѣвшихъ для политической жизни гражданъ, которые выявили это рѣшеніе въ бурной формѣ, благодаря охватившему ихъ порыву въ связи съ уходомъ союзниковъ и предоставленію насъ своей собственной участи, а нужно было видѣть лишь отраженныя непрочныя настроенія отъ успѣховъ на всѣхъ другихъ бѣлыхъ фронтахъ, ибо въ этотъ моментъ зашевелился на Петроградскомъ направленіи ген. Юденичъ, совершалъ полнымъ ходомъ свое побѣдное шествіе ген. Деникинъ и даже сибирскія войска задержались и перешли въ частичное контръ-наступленіе.

Обыватель опредѣлилъ этотъ моментъ, какъ начало конца большевиковъ, и сыгралъ печальную роль, давъ иллюзію поддержки, которую отъ него склонны были ожидать и при измѣненіи обстановки къ худшему.

Но болѣе всего страшила меня необезпеченность эвакуаціи нашей арміи безъ англичанъ. Въ отступленіе сухопутнымъ путемъ на Мурманъ я абсолютно не вѣрилъ и считалъ это плодомъ досужей фантазіи штаба, вѣрнѣе оторванной отъ всякой реальной дѣйствительности кабинетно-стратегической мысли ген. К., ибо было совершенно непонятно, почему Мурманскія войска должны были бы удержаться послѣ паденія Архангельскаго фронта и почему противникъ долженъ былъ начать съ ликвидаціи нашего фронта, а не попытался бы лишить насъ сначала Мурманскаго редюита. Бесѣды же съ Командующимъ морскими силами Ледовитаго Океана адмираломъ И. привели меня къ убѣжденію, что въ періодъ ледяной кампаніи эвакуація моремъ составляла бы невозможную задачу даже для англичанъ. Достаточно читателямъ вспомнить описанную мною выше картину борьбы ледокола со льдами въ горлѣ Бѣлаго моря, чтобы каждому стало понятно, что массовая эвакуація моремъ въ періодъ льдовъ была еще болѣе злостной фантазіей, чѣмъ отступленіе сухимъ путемъ.

Въ періодъ ухода англичанъ ледоколовъ у насъ еще и не было, они всѣ были въ Англіи въ полномъ ея распоряженіи и намъ только было обѣщано ихъ возвращеніе. Что касается вопроса объ углѣ, то адмиралъ И. предупреждалъ, что по расчету онъ долженъ былъ кончиться у насъ къ 1 Января, а получить его было почти невозможно, такъ какъ Англія сама испытывала въ немъ недостатокъ, да и англійскіе рабочіе бдительно наблюдали за тѣмъ, чтобы уголь не попалъ въ руки «контръ-революціонеровъ». Наши команды на ледоколахъ, какъ и слѣдовало ожидать, тоже оказались болѣе чѣмъ ненадежными, такъ что англійскому адмиралтейству во избѣжаніе скандаловъ со своими портовыми рабочими и нашими матросами пришлось, направляя впослѣдствіе ледоколы къ намъ, выправлять бумаги на сѣверную Францію. Въ виду всего этого адмиралъ И. высказывалъ убѣжденіе, которое, къ сожалѣнію, претворилось въ дѣйствительность, что никакой планомѣрной эвакуаціи области не будетъ, а на нѣсколькихъ судахъ, которые окажутся въ нужный моментъ подъ рукой, выберутся лишь тѣ, кто случайно очутится въ это время у берега.

Обмѣнъ мнѣніями съ адмираломъ И., нѣкоторыми строевыми участниками описанныхъ выше совѣщаній, а также съ прибывшими съ фронта командиромъ 3 стрѣлк. полка, полк. В., и командиромъ артил. дивизіона, полк. N. привелъ меня къ убѣжденію, что намъ надо уходить на Мурманъ. Всѣ строевые начальники ручались, что отъ половины до трехъ четвертей ихъ солдатъ послѣдуютъ туда за ними, что по самому скромному подсчету обезпечивало 8000 стойкихъ и надежныхъ бойцовъ съ громаднымъ количествомъ матеріальной части и продовольствія, которыхъ англичане обѣщали перевезти на Мурманъ. Подкрѣпивъ здѣсь прочныя и бодро настроенныя части Мурманскаго фронта и, главное, обезпечивъ порядокъ въ тылу, который имѣлъ въ глубину до 800 верстъ и за недостаткомъ войскъ почти не охранялся, мы, обезпеченные съ праваго фланга бѣлой Финляндіей, съ лѣваго озерами, а съ тыла незамерзающимъ моремъ, могли спокойно оперировать на Петрозаводскъ и Званку, облегчить генералу Юденичу его наступленіе на Петроградъ. Оставаясь на Архангельскомъ фронтѣ, мы горсть

нашихъ стойкихъ борцовъ разжижали весьма ненадежными элементами и свои ничтожныя силы растягивали на громадномъ протяженіи, не имѣя возможности перебрасывать ихъ изъ одного раіона въ другой. Мы ничего не выгадывали и въ отношеніи оттягиванія силъ противника съ сибирскаго фронта, такъ какъ сибирскія войска къ этому времени откатились далеко за Уралъ и наше операціонное направленіе на Вятку для соединенія съ ними потеряло всякое значеніе. Съ нашимъ уходомъ продовольствіе было бы увезено изъ Архангельскаго раіона, всѣ морскія и портовыя средства были бы отэвакуированы на Мурманъ, куда была обезпечена эвакуація и желающимъ благонадежнымъ элементамъ населенія, число которыхъ врядъ ли бы превысило 10,000 человѣкъ, и мы оставили бы большевикамъ голую Сѣверную Двину и пустой городъ, предоставивъ оставшемуся добровольно населенію изжитіе большевизма въ порядкѣ естественнаго процесса. Эти соображенія были доступны всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кому принадлежало окончательное рѣшеніе этого вопроса.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ бесѣдовать по этому поводу съ начальникомъ штаба, ген. К. и съ ген. Миллеромъ и я не слышалъ отъ нихъ соображеній, лежащихъ въ окружающей насъ обстановкѣ, которыя могли бы поколебать меня въ томъ, что уходъ на Мурманъ являлся единственно правильнымъ рѣшеніемъ при создавшемся тогда положеніи. Ген. К. твердилъ о желѣзномъ кольцѣ, въ которомъ мы составляемъ звено, не имѣя права вырывать его въ то время, когда кольцо это сжимается со всѣхъ сторонъ и даже самъ Верховный Главнокомандующій перешелъ въ наступленіе. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, онъ настаивалъ, что ему не измѣняетъ его чутье человѣка большого житейскаго и боевого опыта, привыкшаго въ рѣшительныя минуты слѣдовать той неуловимой интуиціи, которая одна только и подсказываетъ правильное рѣшеніе и которая и привела его къ убѣжденію въ необходимости остаться на Архангельскомъ фронтѣ съ принятіемъ на себя всей отвѣтственности за такое рѣшеніе.

Я нарочно останавливаюсь подробно на его мнѣніи, такъ какъ оно было положено въ основаніе рѣшенія по этому вопросу ген. Миллера, на котораго ген. К. въ военномъ дѣлѣ имѣлъ исключительное вліяніе. Офицеры были освѣдомлены объ этомъ прекрасно и считая, что онъ обрекаетъ ихъ на гибель, лишая ихъ всякой надежды на возможность эвакуироваться въ случаѣ катастрофы на фронтѣ и тѣмъ предавая ихъ на жестокія муки непріятелю, питали къ нему самыя непріязненныя чувства. Этотъ его поступокъ не можетъ быть искупленъ той незаурядной работой, которую онъ выполнилъ въ Сѣверной Области по организаціи и руководству штабомъ фронта, который при немъ работалъ съ полнымъ напряженіемъ.

Что касается ген. Миллера, то онъ считалъ, что переходъ на Мурманъ не далъ бы намъ никакихъ выгодъ, такъ какъ непріятель снялъ бы съ Архангельскаго фронта свои войска и перевелъ бы ихъ на Мурманскій фронтъ. На мое замѣчаніе, что оставленіе наше въ Архангельскомъ раіонѣ при необезпеченномъ тылѣ носитъ характеръ чистѣйшей авантюры, которая можетъ стоить жизни опять сотнямъ нашихъ лучшихъ офицеровъ, уже достаточно принесшихъ жертвъ родинѣ, сначала въ національную, а затѣмъ въ гражданскую войну, и не можетъ быть оправдано защитой населенія, большая часть котораго не изжила большевизма и равнодушно относится къ приходу большевиковъ, не вѣря въ ихъ звѣрства, онъ заявилъ, что война

не ведется безъ жертвъ и что онъ не знаетъ въ военной исторіи ни одного случая, чтобы Главнокомандующій безъ натиска непріятеля и имѣя на лицо успѣхъ на фронтѣ и поддержку населенія въ тылу, оставилъ бы безъ боя фронтъ. Онъ не считалъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность за такое рѣшеніе.

Какъ тогда, такъ и сейчасъ я не могу согласиться съ ссылкой его на военную исторію, которая знала національную, а не гражданскую войну, гдѣ плѣнныхъ не берутъ, а безпощадно разстрѣливаютъ, что же касается вопроса объ отвѣтственности, то, несмотря на чувство глубочайшаго уваженія и преданности къ генералу Миллеру, выдающаяся дѣятельность котораго будетъ освѣщена мною особо, такъ какъ все лучшее, что было сдѣлано въ Области, связано неразрывно съ его свѣтлымъ именемъ, — я въ оцѣнкѣ рѣшенія его остаться въ Архангельскѣ присоединяюсь къ мнѣнію англійскаго полк. Т., который заявилъ, что «вашему Главнокомандующему надо было имѣть гораздо болѣе мужества, чтобы уйти изъ Архангельска, чѣмъ остаться въ немъ».

Рѣшеніе не покидать Сѣверной Области было объявлено ген. Миллеромъ офицерамъ, собраннымъ спеціально для этого случая, и принято было послѣдними безъ всякаго энтузіазма, холодно и мрачно. Отъ штаба послѣдовало объявленіе населенію, въ которомъ, между прочимъ, было указано, что войска остаются въ Области по приказанію Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака. Между тѣмъ, штабсъ-капитанъ Б. показывалъ мнѣ подлинную радіо-телеграмму адм. Колчака, въ которой онъ разрѣшеніе вопроса объ уводѣ войскъ Сѣвернаго фронта предоставлялъ всецѣло усмотрѣнію Главнокомандующаго, разрѣшая въ зависимости отъ обстановки эвакуировать ихъ на Мурманъ, а также къ ген. Юденичу или къ генералу Деникину. Пріѣзжавшій въ это время Командующій войсками Мурманскаго раіона ген. С., раздѣлявшій мои взгляды о необходимости оставленія Архангельскаго раіона, доложилъ объ этомъ генералу Миллеру, заявивъ, что прибытіе нашихъ войскъ въ порядкѣ планомѣрной эвакуаціи будетъ радостно привѣтствоваться Мурманомъ, но бѣгство туда съ внесеніемъ паники будетъ встрѣчено огнемъ артиллеріи и пулеметовъ. Заявленіе это также успѣха не имѣло и роковое рѣшеніе осталось въ силѣ.

Какъ я уже упомянулъ выше, однимъ изъ основныхъ факторовъ, повліявшимъ на наше оставленіе въ Области, было удачное наступленіе на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ и на нашемъ. Дѣйствительно, проведенная въ это время съ англичанами Двинская операція, въ которой главная роль принадлежала 3 Сѣв. стрѣлковому полку, дала самые блестящіе результаты, такъ какъ нами былъ захваченъ въ плѣнъ большевистскій полкъ въ составѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ со штабомъ полка и штабомъ бригады.

Военноплѣнные производили самое тягостное впечатлѣніе, едва держась на ногахъ отъ голода, истощенные, съ желтыми, опухшими лицами, полураздѣтые и оборванные со слѣдами порки на спинахъ. Не могу забыть такой картины. По Соборной улицѣ проходитъ, еле волоча ноги, партія въ нѣсколько сотъ человѣкъ выходцевъ съ того свѣта — гражданъ пролетарской рабоче-крестьянской республики, а на встрѣчу имъ возвращается съ работы, насвистывая какой-то веселый мотивъ, рота англичанъ, цвѣтущій видъ которыхъ производитъ впечатлѣніе интеллигентныхъ спортсменовъ, возвращающихся съ очередного футбольнаго матча — несчастныя жертвы имперіализма

и пьющей народную кровь буржуазіи, спасти которыхъ отъ эксплуатаціи и предназначены красныя войска. Эта яркая демонстрація гибели націи, подвергнутой вивисекціи фанатиковъ, производила неизгладимое впечатлѣніе, повергая положительно въ отчаяніе отъ мысли, до чего доведутъ нашу несчастную родину терзающіе ее кровавые палачи.

Ненависть красноармейцевъ къ своимъ комиссарамъ и коммунистамъ не знала предѣловъ и они обыкновенно собственноручно разстрѣливали послѣднихъ. Исполосованныя спины плѣнныхъ были лучшимъ средствомъ агитаціи противъ большевиковъ. Они охотно демонстрировали ихъ передъ нашими войсками и деревенскимъ населеніемъ, разсказывая о тѣхъ дисциплинарныхъ мѣрахъ, которыя примѣняла рабоче-крестьянская власть, поддерживая пролетарскую желѣзную дисциплину въ своей арміи. Кромѣ розогъ въ качествѣ наказаній примѣнялись тяжелыя принудительныя работы съ переводомъ на голодный паекъ и разстрѣлъ. Можно легко себѣ представить ихъ настроеніе, когда вмѣсто кровавой массовой расправы и «палочной офицерской дисциплины», о чемъ имъ прожужжала уши большевистская агитаціонная литература, ихъ встрѣчало человѣческое обращеніе, обильный паекъ и отличное обмундированіе. Какими легкими казались имъ обычныя требованія воинской дисциплины, и видно было, съ какой охотою они ихъ выполняли. За исключеніемъ ничтожной части, признанной мало надежной, вся прочая масса ихъ была взята въ наши войска, причемъ составленныя изъ нихъ войсковыя части до конца оставались вѣрными намъ.

Для допроса взятаго въ плѣнъ командира полка мною былъ командированъ одинъ изъ состоящихъ въ моемъ распоряженіи офицеровъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которому я предложилъ по возможности выяснить положеніе въ красной арміи и виды большевиковъ на ближайшее будущее. Командиръ полка, прапорщикъ военнаго времени, оказался идейнымъ коммунистомъ изъ народныхъ учителей. Считая свою участь предрѣшенной, онъ вѣжливо и спокойно обрисовалъ положеніе Совѣтской власти крайне тяжелымъ, въ виду не только пассивнаго, но прямо таки враждебнаго къ ней отношенія большинства населенія. Въ частности у него въ полку только 20% считалось сочувствующими Совѣтской власти, остальные же 80% были настроены крайне враждебно къ ней, тяготились войной и ждали перваго удобнаго случая, чтобы расправиться со своими руководителями. Несмотря на это, онъ выразилъ увѣренность въ конечной побѣдѣ Совѣтской власти, которая сумѣетъ силой заставить массы выполнить поставленныя ею задачи, ибо для воздѣйствія на несочувствующихъ она какъ власть «народная», располагаетъ той «роскошью въ средствахъ», которую не могутъ себѣ позволить бѣлые. Въ качествѣ иллюстраціи послѣдней мысли онъ сослался на разстрѣлъ ими цѣлаго красноармейскаго полка на нашемъ фронтѣ, отказавшагося исполнить приказъ о наступленіи.

Я позволилъ себѣ маленькое отступленіе въ сторону описанія нашихъ удачныхъ боевыхъ дѣйствій и настроенія, господствовавшаго въ лагерѣ враговъ, потому, что эти данныя въ связи съ успѣхами на другихъ фронтахъ создавали не только въ обывательскихъ кругахъ, но даже въ Правительствѣ и нашемъ высшемъ командованіи впечатлѣніе, что послѣдній часъ совѣтской власти близокъ. Совершенно на другой точкѣ зрѣнія стояли очевидно болѣе освѣдомленные въ нашихъ дѣлахъ союзники и въ интересахъ полнаго безпристрастія я считаю своимъ долгомъ остановиться на тѣхъ

соображеніяхъ, которыя мнѣ приходилось слышать въ ихъ кругахъ въ связи съ оставленіемъ области и прекращеніемъ всякаго дальнѣйшаго вооруженнаго вмѣшательства въ наши дѣла.

Сѣверная Область въ періодъ пребыванія въ ней пословъ входила въ зону общесоюзническаго вліянія, но съ ихъ отъѣздомъ дипломатическій корпусъ въ лицѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ потерялъ всякое значеніе и Область очутилась въ зонѣ исключительнаго вліянія, осуществляемаго всемогущимъ англійскимъ командованіемъ. Не слѣдуетъ забывать того, что англичанинъ не допускаетъ и мысли о постороннемъ вмѣшательствѣ въ его внутреннія дѣла. Отсюда съ неумолимой логикой вытекаетъ то положеніе, что избавленіе Россіи отъ большевизма можетъ быть произведено только руками самого русскаго народа. Вмѣшательство въ наши дѣла вооруженной рукой могло быть произведено первоначально лишь на базисѣ продолженія войны съ Германіей, которая въ это время черезъ Финляндію протягивала свою руку къ нашему Сѣверу, а затѣмъ на предоставленіи помощи русскому народу, большинство котораго путемъ вооруженнаго возстанія выявило свою волю къ освобожденію отъ большевиковъ. Поэтому, какъ я уже отмѣчалъ выше, первый англійскій Главнокомандующій ген. Пуль сразу по своемъ прибытіи объявилъ, что союзники явились для защиты своихъ интересовъ, нарушенныхъ появленіемъ въ Финляндіи германцевъ, съ которыми продолжалась война, а въ дальнѣйшемъ неоднократно предупреждалъ мѣстныя власти, что пребываніе англичанъ въ Области не вѣчно и рекомендовалъ возможно скорѣе приступить къ строительству государственной жизни, пользуясь прикрытіемъ союзныхъ вооруженныхъ силъ. Прибывшій на его смѣну ген. Айронсайдъ прокламировалъ наступленіе на Вятку—Котласъ для соединенія съ адмираломъ Колчакомъ и передачи ему привезеннаго для его арміи имущества.

Къ этому моменту война съ Германіей была окончена и громоздкій апаратъ англійскаго управленія, основанный на сочетаніи трехъ могучихъ элементовъ — Правительства, Парламента и общественнаго мнѣнія всей страны, держалъ ставку на Всероссійское Правительство адмирала Колчака, исходя изъ взгляда, что оно являлось руководителемъ могучаго народнаго движенія, направленнаго къ сверженію большевистской власти. Отсюда понятно, какія послѣдствія должно было вызвать разложеніе арміи и паденіе фронта адмирала Колчака. Ставка на оздоровленіе русскихъ народныхъ массъ и изжитіе ими большевизма считалась проигранной, что подкрѣплялось свѣдѣніями англійскаго военнаго командованія изъ Архангельска о систематическихъ возстаніяхъ въ нашихъ войсковыхъ частяхъ, а также письмами солдатъ экспедиціоннаго корпуса на родину о томъ, что населеніе Области заражено большевизмомъ, относится къ нимъ враждебно и вовсе не дорожитъ помощью, оказываемой англичанами. Письма эти попали, между прочимъ, въ руки членовъ рабочей партіи и послужили матеріаломъ для запроса въ Парламентѣ, кого собственно говоря поддерживаетъ въ Россіи англійскій народъ въ борьбѣ съ большевиками.

Выводъ, который былъ сдѣланъ изъ создавшагося положенія руководящими политическими кругами Англіи, извѣстенъ — вооруженныя силы Англіи покинули нашу территорію, но нельзя не отмѣтить, что техническая помощь продолжалась.

Въ отказѣ отъ дальнѣйшей интервенціи были тогда солидарны всѣ союзники. Такое рѣшеніе диктовалось имъ съ одной стороны тѣмъ серьезнымъ положеніемъ, которое создалось у нихъ внутри, какъ послѣдствіе міровой войны, съ другой — неудачнымъ развитіемъ событій на нашихъ бѣлыхъ фронтахъ, о чемъ они были прекрасно освѣдомлены. Американская миссія въ Архангельскѣ располагала точными свѣдѣніями о томъ, что дѣлается въ Сибири, и задолго до катастрофы арміи адм. Колчака выражала опасеніе за печальный исходъ событій на этомъ фронтѣ. Однако вѣры въ русскій народъ и въ его будущее возрожденіе она никогда не теряла и мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ глава миссіи г. Кооль восхищался здравымъ смысломъ, присущимъ нашему крестьянину, и выражалъ увѣренность въ будущемъ величіи Россіи.

Справедливость требуетъ снять съ англійскаго командованія обвиненіе, что оно, создавъ Архангельскій фронтъ, бросило его на произволъ судьбы, обрекая своихъ сотоварищей по оружію на гибель. Англійское командованіе предложило намъ эвакуироваться на любой изъ другихъ фронтовъ, считая наше оставленіе въ Архангельскѣ послѣ ихъ ухода чистѣйшей авантюрой. Планъ эвакуаціи былъ подробно разработанъ, для обезпеченія ея прибыли лучшія шотландскія войска и крупныя военныя суда, вооруженныя могучей артиллеріей, причемъ ген. Айронсайдъ ручался за полную безопасность эвакуаціи, какъ нашихъ вооруженныхъ силъ, такъ и тѣхъ жителей, которые пожелали бы покинуть Архангельскъ.

Наше командованіе категорически отказалось отъ этого и тѣмъ приняло всю отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу оставшихся войскъ на себя.

Можетъ быть, въ порядкѣ исторической перспективы продолженіе нами борьбы на Архангельскомъ фронтѣ и будетъ признано правильнымъ, но, какъ мы увидимъ ниже, никогда не найдетъ себѣ оправданія то обстоятельство, что, въ теченіе пятимѣсячнаго самостоятельнаго существованія области послѣ ухода англичанъ, не было принято никакихъ разумныхъ мѣръ къ обезпеченію въ нужный моментъ эвакуаціи войскъ и лояльныхъ элементовъ населенія.

Глава VII

Земско-городское совѣщаніе. Реконструкція власти. Требованіе политической амнистіи

Кризисъ, вызванный уходомъ союзниковъ, совпалъ съ земско-городскимъ совѣщаніемъ, идея созыва котораго принадлежала Управляющему Отдѣломъ Внутреннихъ дѣлъ В. Игнатьеву, который къ этому моменту уже покинулъ Сѣверную Область, уѣхавъ съ морской экспедиціей въ Сибирь. Совѣщаніе это должно было собраться гораздо раньше, но оно откладывалось со дня на день и созывъ его пришелся на такой моментъ, когда больше всего нужно было избѣгать нарушенія единства антибольшевистскаго фронта, между тѣмъ предстоявшая неизбѣжно въ связи съ Совѣщаніемъ политическая борьба не сулила въ этомъ отношеніи ничего хорошаго. Положеніе осложнилось еще тѣмъ, что Правительство, не сочувствовавшее созыву Совѣщанія, не подготовилось къ тому, чтобы предстать передъ нимъ съ подробно разработанной

дѣловой программой, ознакомленіе съ которой расхолодило бы политическія страсти и придало бы работѣ дѣловой характеръ.

Совѣщаніе открылось рѣчью, избраннаго въ предсѣдатели, предсѣдателя губернской земской управы П. П. Скоморохова (с.-р.), подвергшаго самой рѣзкой критикѣ дѣятельность Правительства во всѣхъ областяхъ управленія. Къ сожалѣнію дѣятельность нѣкоторыхъ членовъ Правительства дѣйствительно давала основательные поводы къ неудовольствію, что и вызвало отставку Управляющаго Отдѣломъ Торг. и Пром. Мефодіева и Управл. Отдѣломъ Юстиціи Городецкаго, но несомнѣнно также, что во многихъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ въ вопросѣ о произвольныхъ массовыхъ арестахъ, Правительство явилось «козломъ отпущенія» за дѣйствія высшаго англійскаго командованія.

Замѣститель Предсѣдателя Правительства Зубовъ не сумѣлъ въ твердой и опредѣленной формѣ дать исчерпывающія объясненія на предъявленныя Правительству обвиненія, а своимъ заявленіемъ, что Правительство не держится за власть и согласно уступить ее каждому, кто считаетъ себя болѣе способнымъ къ руководительству Областью, создалъ представленіе о слабости власти и признаніи ею своей вины.

Хорошо еще, что выступившій вслѣдъ за тѣмъ ген. Миллеръ создалъ на нѣкоторое время трезвое настроеніе, обратившись съ привѣтственной рѣчью, въ которой онъ обрисовалъ всю серьезность создавшагося положенія, благодаря уходу союзниковъ, и предложилъ Совѣщанію не только на словахъ, но и на дѣлѣ оказать поддержку военному командованію, такъ какъ иначе онъ долженъ будетъ принять предложеніе союзниковъ объ эвакуаціи всѣхъ, кто пожелаетъ продолжать борьбу на другихъ фронтахъ.

Заявленіе это произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Совѣщаніе, членамъ котораго конечно не могла улыбаться мысль быть переданными въ руки большевиковъ наканунѣ ожидаемаго въ то время паденія Совѣтской власти и оно вынесло единогласное рѣшеніе оказать съ своей стороны поддержку военному командованію.

Нажимъ со стороны Совѣщанія на Правительство и сознаніе послѣднимъ своей несостоятельности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія привели къ реконструкціи власти, произведенной Правительствомъ по соглашенію съ членами Совѣщанія, въ результатѣ чего въ Правительство, кромѣ оставшихся въ его составѣ Замѣстителя Предсѣдателя П. Ю. Зубова, соединившаго въ своихъ рукахъ управленіе Отдѣлами Юстиціи и Земледѣлія, ген. Миллера (Военно-Морскія и Иностр. дѣла) и Федорова (Нар. просв.), вошли городской голова Багриновскій (Внутр. дѣла), инженеръ Цапенко (Отдѣлъ Труда) и, безъ портфелей, предсѣдатель губернской земской управы Скомороховъ и членъ той же управы Едовинъ. Всѣ перечисленные члены Правительства обладали правомъ рѣшающаго голоса, причемъ принадлежность большинства изъ нихъ къ соціалистическимъ партіямъ (Скомороховъ с.-р., Едовинъ с.-р. и Федоровъ нар. соц.) или демократическимъ элементамъ нашей общественности (Зубовъ, Цапенко и Багриновскій) вызывало значительный сдвигъ Правительства влѣво.

Вслѣдъ за образованіемъ новаго состава Правительства земско-городское Совѣщаніе обратилось съ воззваніемъ къ населенію и съ грамотой къ войскамъ, въ которыхъ оно оповѣщало, что послѣ всесторонняго обсужденія создавшагося положенія оно пришло къ твердому заключенію, что

область должна обороняться. Выразивъ убѣжденіе, что противникъ еще никогда не былъ такъ слабъ и что Совѣтская власть находится наканунѣ полнаго пораженія, Совѣщаніе призывало всѣхъ сплотиться вокругъ арміи для борьбы за охрану края и за Всероссійское Учредительное Собраніе. Оповѣщая о томъ же войска, земско-городское Совѣщаніе просило ихъ «держать крѣпко винтовку въ своихъ рукахъ, не поддаваться слухамъ и большевистской лжи, вѣрить своимъ начальникамъ и исполнять ихъ боевые приказы, такъ какъ армія безъ дисциплины не существуетъ».

Нельзя не признать, что эти воззванія сыграли громадную роль, поднявъ духъ и настроеніе въ войскахъ, но ими и ограничилась вся положительная сторона дѣятельности земско-городского Совѣщанія, которое вмѣсто того, чтобы выполнить данное въ грамотѣ войскамъ обѣщаніе, «быть въ рѣшительныя минуты въ ихъ рядахъ», или заняться дѣловой работой, въ которую его хотѣло вовлечь новое Правительство, вступило на путь самаго энергичнаго вмѣшательства въ правительственную дѣятельность съ нескрываемой тенденціей захвата власти для проведенія мѣропріятій, которыя тяжко бы отозвались на безопасности тыла.

Провозгласивъ въ своихъ воззваніяхъ къ населенію и арміи о дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками, земско-городское Совѣщаніе выступило съ требованіемъ политической амнистіи для лицъ, осужденныхъ за большевизмъ. Во всѣхъ газетахъ появился поразительный по своей безграмотности проэктъ земско-городского Совѣщанія объ амнистіи, въ которомъ указывалось, что большевизмъ есть столь неопредѣленное и неуловимое для юридической квалификаціи явленіе, что подведеніе его подъ тѣ или другія статьи уголовнаго закона представляется совершенно невозможнымъ. Исходя изъ этихъ соображеній, совѣщаніе считало, что отвѣтственность по дѣйствующимъ законамъ могутъ нести только члены коммунистической партіи, а лица, не входившіе въ ея составъ и осужденные «за большевизмъ», подлежатъ полной амнистіи. На ряду съ требованіями послѣдней тѣмъ же проектомъ устанавливалось упраздненіе Особой Слѣдственной Комиссіи и вводился 24часовой срокъ для предъявленія обвиненія каждому арестованному, при отсутствіи чего онъ по истеченіи указаннаго срока освобождался изъ-подъ стражи. Необходимо прежде всего отмѣтить, что послѣдніе два пункта никакого отношенія къ амнистіи не имѣли и, если упраздненіе Слѣдственной Комиссіи, которая дѣйствительно страшно затягивала дѣла, вызывая этимъ общее неудовольствіе, и имѣло извѣстное основаніе, то претвореніе въ жизнь упомянутаго правила объ арестахъ являлось совершенно неосуществимымъ, какъ по техническимъ соображеніямъ, такъ и въ видахъ охраненія государственной безопасности и порядка, ибо во время войны, національной или гражданской, установленіе такой гарантіи парализовало всякую борьбу власти съ подозрительными и преступными элементами и особенно съ провокаторами и шпіонами изъ непріятельскаго лагеря.

Обезпокоенный принятой Совѣщаніемъ линіей поведенія Предсѣдатель Правительства Зубовъ вызвалъ меня къ себѣ и попросилъ отправиться въ комиссію земско-городского Совѣщанія по амнистіи, гдѣ своими разъясненіями постараться направить возбужденный объ амнистіи вопросъ въ законное русло. Пригласивъ съ собой Военнаго Прокурора Военно-Окружнаго Суда и Прокурора Архангельскаго Окружнаго Суда, я въ тотъ же день вечеромъ отправился въ упомянутую комиссію, гдѣ намъ пришлось встрѣтиться съ

нашими старыми знакомыми. Предсѣдателемъ комиссіи оказался оправданный по дѣлу Бечина г. Антушевичъ, а приглашеннымъ туда «экспертомъ» — защитникъ Бечина, бывшій Управляющій Отдѣломъ Юстиціи Верховнаго Управленія Сѣв. Области г. Гуковскій. Кромѣ того въ составъ комиссіи входило двое крестьянъ, одинъ рабочій и присяжный повѣренный Постниковъ к.-д., очень разумный и образованный адвокатъ-цивилистъ. Въ порядкѣ возникшей между нами и г. экспертомъ полемики выяснилось, что дѣло идетъ не о помилованіи тѣхъ или другихъ лицъ, участь которыхъ земско-городское Совѣщаніе могло бы считать со своей точки зрѣнія отягощенной судебными приговорами, а о политической амнистіи цѣлой категоріи лицъ, считавшихся до сихъ поръ преступными, но послѣ политическаго переворота и связаннаго съ нимъ политическаго сдвига подлежащихъ переводу на положеніе лояльныхъ гражданъ.

Я сразу же заявилъ, что мнѣ ничего не извѣстно, чтобы произошелъ какой-нибудь политическій переворотъ, ибо я не могу считать таковымъ измѣненія, происшедшія въ составѣ Правительства по соглашенію съ земско-городскимъ Совѣщаніемъ, созваннымъ для выясненія нуждъ населенія, и что если комиссія будетъ настаивать на томъ, что требованія Совѣщанія вытекаютъ изъ какого-то политическаго переворота, то я долженъ буду, какъ представитель законной власти, покинуть засѣданіе комиссіи. Кромѣ того я добавилъ, что права Верховной власти принадлежатъ Всероссійскому Правительству адмирала Колчака, отъ имени котораго выносятся судебные приговоры и каковому Правительству только и принадлежитъ право аннулировать эти приговоры въ порядкѣ политической амнистіи.

Прокуроръ Окружнаго Суда г. Д. развилъ мою мысль, заявивъ, что, соглашаясь съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое далъ политической амнистіи г. Гуковскій, онъ никакъ не можетъ понять, какой политическій сдвигъ могъ бы привести къ амнистіи большевиковъ, ибо, насколько ему извѣстно, представители послѣднихъ въ составъ новаго Правительства не вошли и послѣднее по примѣру бывшихъ въ Сѣв. Области Правительствъ стоитъ на антибольшевистской платформѣ и за продолженіе борьбы съ Совѣтской властью.

Послѣ нашихъ заявленій предсѣдатель комиссіи поспѣшилъ отгородиться отъ г. эксперта, заявивъ намъ, что изложенный г. Гуковскимъ взглядъ составляетъ его личное мнѣніе.

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что члены комиссіи никакъ не могли понять, какъ можно осудить за принадлежность къ «большевизму» лицъ, не принадлежащихъ къ Россійской коммунистической партіи большевиковъ. Пришлось терпѣливо приступить къ долгимъ объясненіямъ, что съ точки зрѣнія закона приходится имѣть дѣло съ двумя преступными сообществами, изъ которыхъ одно именуетъ себя Россійской коммунистической партіей (большевиковъ), а другое Совѣтской властью. Ядро второго сообщества составляютъ Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ и другіе, но кромѣ нихъ въ составъ его входятъ не только партійные коммунисты, но и другія лица, сознательно, а не въ силу принужденія или изъ-за куска хлѣба, примкнувшіе къ этому сообществу, причемъ иногда не въ силу какихъ либо идейныхъ соображеній, а просто потому, что они въ порядкѣ борьбы поставили ставку на Совѣтскую власть. Дѣятельность такихъ лицъ въ объективномъ смыслѣ приноситъ не меньшій вредъ и въ оцѣнкѣ ея судебная власть не исходитъ

изъ партійной принадлежности, а лишь разрѣшаетъ вопросъ, поскольку данное лицо является сознательнымъ агентомъ Совѣтской власти. Для иллюстраціи своей мысли я просилъ членовъ комиссіи отвѣтить, чья дѣятельность является болѣе преступной, какого нибудь мелкаго коммуниста или Командующаго противъ насъ красными войсками генерала Ген. Штаба Самойло.

Обращаясь къ вопросу о помилованіи, такъ какъ съ моей точки зрѣнія объ амнистіи не могло быть и рѣчи, я обратилъ вниманіе комиссіи на то, что и оно не будетъ понято на фронтѣ, гдѣ среди солдатъ уже начались разговоры: «Зачѣмъ насъ заставляютъ проливать кровь противъ большевиковъ, когда ихъ хотятъ выпустить на свободу въ тылу.»

Съ тяжелымъ чувствомъ покинулъ я комиссію земско-городского Совѣщанія по амнистіи. Ясно было видно, что на почвѣ выработаннаго вѣками недовѣрія къ правящимъ классамъ, наши объясненія не будутъ имѣть успѣха и истолкуются какъ нежеланіе дѣятелей стараго режима прислушаться къ голосу народныхъ представителей.

Опасеніе это быстро подтвердилось, такъ какъ на слѣдующій день я былъ опять вызванъ Зубовымъ, у котораго я засталъ бывшаго Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи Предсѣдателя Арх. Окр. Суда Городецкаго и прокурора того же суда. Д. Зубовъ объявилъ намъ, что такъ какъ земско-городское Совѣщаніе, выслушавъ послѣ нашего посѣщенія комиссію по амнистіи, продолжаетъ настаивать на ней, то Правительство рѣшило дать ему исчерпывающія объясненія о невозможности ея, при чемъ попросилъ меня принять эту обязанность на себя, ибо онъ въ этомъ вопросѣ не компетентенъ, а С. Н. Городецкому нельзя было выступать, такъ какъ имя его, по словамъ Зубова, носило для лѣвыхъ круговъ «одіозный» характеръ и именно его дѣятельность больше всего подверглась нападкамъ земско-городского Совѣщанія. Я далъ свое согласіе на выступленіе, но выразилъ сомнѣніе въ цѣлесообразности такой игры въ парламентаризмъ въ переживаемый нами моментъ, заявивъ при этомъ, что если членовъ Совѣщанія было трудно убѣдить черезъ комиссію, то врядъ ли это удастся въ пленумѣ, гдѣ подъ вліяніемъ преній политическія страсти разыграются еще больше.

На слѣдующій день утромъ я узналъ, что земско-городское Совѣщаніе рѣшило во что бы то ни стало настаивать на амнистіи, постановивъ не расходиться до объявленія ея Правительствомъ. Въ виду этого, я рѣшилъ, что мое выступленіе при такомъ положеніи не только не могло принести пользы, но, наоборотъ, могло создать такую обстановку, при которой неизбѣжна была открытая борьба между Правительствомъ и земско-городскимъ Совѣщаніемъ, чего никакъ нельзя было допустить по условіямъ переживаемаго момента. Поэтому я немедленно отправился къ ген. Миллеру и, вызвавъ его съ происходившаго въ это время засѣданія Правительства, изложилъ ему свою точку зрѣнія, настаивая на томъ, чтобы Правительство само отклонило какъ политическую амнистію, такъ и массовое помилованіе, поставивъ земско-городское Совѣщаніе передъ совершившимся фактомъ. Ген. Миллеръ тутъ же провелъ меня на засѣданіе Правительства, въ которомъ кромѣ него принимали участіе Зубовъ, Багриновскій, Цапенко и Скомороховъ.

Возбужденный мною вопросъ былъ немедленно поставленъ на повѣстку и я прочелъ Правительству докладъ, въ которомъ я настаивалъ на томъ,

что ни общая политическая амнистія, ни массовое помилованіе не допустимы, и указалъ на возможность лишь персональнаго помилованія нѣкоторыхъ лицъ по усмотрѣнію Временнаго Правительства Сѣв. Области, считая, что этимъ прерогативы Верховной власти Всероссійскаго Правительства не нарушаются, такъ какъ такое право по закону принадлежитъ даже власти Главнокомандующаго. При этомъ я указывалъ, что объявленіе амнистіи или массового помилованія будетъ принято широкими слоями населенія не какъ актъ свободнаго волеизъявленія, а какъ мѣропріятіе, вырванное подъ натискомъ земско-городского Совѣщанія, что создастъ впечатлѣніе о слабости власти и ея колебаніяхъ.

Единственнымъ оппонентомъ мнѣ оказался г. Скомороховъ, причемъ соображенія его свидѣтельствовали, что онъ былъ инспирированъ г. Гуковскимъ, нѣкоторые доводы котораго, уже знакомые мнѣ по комиссіи земско-городского Совѣщанія, онъ повторялъ слово въ слово. Особенно меня поразили его рѣзкіе выпады противъ Всероссійскаго Правительства адмирала Колчака, въ связи съ моимъ указаніемъ, что политическая амнистія составляетъ прерогативу послѣдняго.

Правительство, однако, согласилось съ основными положеніями моего доклада и постановило ходатайство земско-городского Совѣщанія объ общей политической амнистіи отклонить и признать лишь возможнымъ персональное помилованіе нѣкоторыхъ осужденныхъ, выборъ которыхъ произвести особо назначенной для этого комиссіей, подъ моимъ предсѣдательствомъ, изъ представителей военнаго и гражданскаго судебныхъ вѣдомствъ, при участіи членовъ земско-городского Совѣщанія.

Рѣшеніе это на слѣдующій день было объявлено земско-городскому Совѣщанію вмѣстѣ съ актомъ объ роспускѣ его, причемъ постановленіе послѣдняго «не расходиться пока не будетъ дана общая амнистія» представляло собой чистѣйшій блёфъ, такъ какъ хотя и меньшая, но все-таки значительная часть Совѣщанія была противъ такого рѣшенія и члены его мирно разъѣхались по домамъ, оставивъ лишь функціонировать нѣсколько образованныхъ Совѣщаніемъ комиссій.

Требованіе амнистіи взбудоражило положительно все населеніе области, вызвавъ между прочимъ негодованіе на фронтѣ, гдѣ шла въ то время кровавая борьба съ большевиками, между тѣмъ, какъ выяснилось въ комиссіи о «персональномъ помилованіи нѣкоторыхъ осужденныхъ» и еще раньше во время совѣщаній Правительства, вся шумиха была поднята политическими друзьями Бечина изъ демократическихъ и рабочихъ круговъ Архангельска, съ цѣлью его освобожденія. Но если земско-городское Совѣщаніе, руководимое интеллигенціей и сдерживаемое оппозиціей своего праваго крыла, не претворило въ дѣйствіе своей угрозы «не расходиться» послѣ отказа Правительства въ общей амнистіи, то рабочіе не склонны были къ такимъ половинчатымъ рѣшеніямъ и 1 Сентября въ Архангельскѣ вспыхнула политическая забастовка. Руководителемъ ея оказался спеціально организованный стачечный комитетъ, въ составъ котораго вошли предсѣдатель совѣта профессіональныхъ союзовъ Капустинъ и другіе члены того же совѣта

Прокламаціи стачечнаго комитета начинались лозунгами: «Долой гражданскую войну», «Долой военно-полевые суды», «Долой смертную казнь» и содержали въ себѣ требованія политической амнистіи. Такъ какъ въ ночь съ 30 августа на 1 сентября началось общее наступленіе нашихъ войскъ,

что было прекрасно извѣстно членамъ стачечнаго комитета, то несомнѣнно, что эти дѣйствія носили чисто измѣнническій характеръ, вызвавъ сразу же забастовку портовыхъ рабочихъ, вслѣдствіе чего на фронтъ не могли быть отправлены баржи съ артиллерійскими снарядами, нагрузка которыхъ была прекращена принудительнымъ снятіемъ рабочихъ забастовщиками. Главнокомандующій въ это время былъ на фронтѣ и я отправился къ Нач. Штаба ген. К. для того, чтобы настоять на преданіи стачечнаго комитета и главарей забастовки за измѣну военно-полевому суду, съ чѣмъ ген. К. вполнѣ согласился, а прибывшій вскорѣ ген. Миллеръ тоже одобрилъ принятіе этой мѣры. Однако послѣдняя не была осуществлена и виновные были только арестованы и высланы на Печору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ за подписью ген. Миллера появилось сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что хотя Правительству было заранѣе извѣстно, что именно въ рабочей средѣ ведется злонамѣренная пропаганда о необходимости сближенія и соглашенія съ большевиками, толкающая рабочихъ на такія дѣйствія и выступленія, которыя, разрушая нарождающіяся силы области и вновь предавая ее во власть Совѣтскихъ комиссаровъ, не могутъ быть названы иначе, какъ измѣной дѣлу освобожденія страны, но что Правительство не принимало какихъ либо репрессивныхъ мѣръ въ этомъ направленіи, твердо вѣря, что здравый смыслъ и сознаніе долга подскажетъ каждому гражданину сознаніе недопустимости нарушенія спокойнаго хода общественной жизни въ настоящее время. Захвативъ экземпляръ этого воззванія, я отправился къ ген. Миллеру и доложилъ ему, что воззваніе это напоминаетъ мнѣ заявленіе Керенскаго, неоднократно возвѣщавшаго въ своихъ выступленіяхъ о томъ, что хотя Временное Правительство и освѣдомлено относительно готовящихся посягательствъ на его власть, но «что оно столь авторитетно, что не нуждается въ защитѣ своего авторитета». Указавъ, что врядъ ли Правительство Сѣверной Области имѣетъ основаніе позволить себѣ по условіямъ переживаемаго момента и реальнаго соотношенія силъ такую роскошь, чтобы игнорировать заранѣе извѣстное ему посягательство на самое его существованіе, я совершенно откровенно заявилъ, что считаю, что въ этомъ обращеніи къ населенію заключаются указанія на попустительство высшихъ властей къ государственной измѣнѣ, или на бездѣйствіе власти, уже имѣвшее свои важныя послѣдствія въ видѣ политической забастовки.

Къ этому же моменту у меня въ рукахъ были интересныя данныя о вдохновителяхъ и подстрекателяхъ къ политической амнистіи, съ цѣлью выпуска на свободу своихъ единомышленниковъ, а также къ натиску на Правительство для захвата власти. Данныя эти получены были мною отъ начальника военно-регистраціонной службы, бывшаго судебнаго слѣдователя Арх. Окр. Суда Р., нынѣ уже разстрѣляннаго большевиками, въ рукахъ котораго была сосредоточена розыскная служба въ предѣлахъ Сѣверной Области.

Оказалось, что въ указанный періодъ члены Правительства, Скомороховъ (с.-р.) и Едовинъ (с.-р.), предсѣдатель совѣта профессіональныхъ союзовъ, Капустинъ (с.-р.) и защитникъ Бечина, Гуковскій (с.-р.) имѣли постоянныя секретныя совѣщанія съ прибывшимъ изъ за границы виднымъ эсеромъ, членомъ Учредительнаго Собранія и бывшимъ секретаремъ Керенскаго, докторомъ Борисомъ Соколовымъ, прибывшимъ въ нашу область по порученію группы Керенскаго, Минора, Зензинова и др., для связи съ

мѣстными эсерами и руководства ихъ дѣятельностью. Прибытіе его сразу же отразилось на мѣстной печати, такъ какъ стоявшая до сихъ поръ за поддержку Правительства газета «Возрожденіе Сѣвера» (органъ соціалистической мысли) взяла рѣзко-оппозиціонный тонъ и въ ней появился цѣлый рядъ статей доктора Соколова за подписью Бориса Чужого, въ которыхъ онъ рѣзко порицалъ адмирала Колчака, указывая, что «теперь всякій проходимецъ пытается захватить власть путемъ обѣщанія доставить голодному народу хлѣбъ», и призывалъ демократію въ лицѣ рабочихъ и крестьянъ сплотиться, такъ какъ власть должна принадлежать самому народу, а не офицерамъ, которые «позволили себѣ въ пьяномъ видѣ свергнуть Директорію». Изъ того же источника мнѣ стало извѣстно, что въ описанный моментъ отъ группы Керенскаго были получены директивы приступить немедленно, въ виду того, что дни Совѣтской власти сочтены, къ захвату власти въ царствѣ бѣлыхъ генераловъ, не останавливаясь передъ мѣрами террора, такъ какъ иначе власть останется въ рукахъ буржуазіи, кадетъ и бѣлогвардейскаго офицерства. Эти свѣдѣнія давали возможность разобраться во всѣхъ нашихъ разнообразныхъ событіяхъ и связывали послѣднія единой цѣлью, которую опять намѣтилъ, какъ и въ мартовскомъ выступленіи Бечина, партійный центръ, находившійся за границей. Становилась ясной и позиція соціалистическаго блока земско-городского Совѣщанія въ вопросѣ о политической амнистіи и реконструкціи власти съ вдохновителемъ въ лицѣ «эксперта» г. Гуковскаго, поведеніе г. Скоморохова въ Правительствѣ при отклоненіи амнистіи и забастовка рабочихъ, которые подъ вліяніемъ использовавшихъ нашу внутреннюю борьбу большевиковъ, какъ всегда, пошли дальше своихъ подстрекателей, провозгласивъ конецъ гражданской войнѣ.

Между тѣмъ Правительство, не ограничиваясь помилованіемъ и смягченіемъ участи только тѣхъ лицъ, за которыхъ высказалась комиссія, но подъ вліяніемъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ просьбъ осужденныхъ и ихъ родственниковъ, поднятыхъ на ноги слухами объ общей амнистіи, продолжало выпускать одного за другимъ на свободу видныхъ совѣтскихъ дѣятелей, сводя этимъ на нѣтъ всю дѣятельность судебныхъ властей и создавая въ населеніи впечатлѣніе о чрезмѣрной строгости и явной неправосудности ихъ приговоровъ.

Не рѣшившись отклонить совсѣмъ поступившее къ нему ходатайство членовъ земско-городского Совѣщанія о помилованіи Бечина, Наволочнаго, Цейтлина и Клюева, Правительство постановило освободить ихъ «въ случаѣ представленія ими достаточныхъ гарантій, что будучи освобождены они явятся не противниками, а пособниками въ дѣлѣ борьбы съ большевиками», то-есть стало въ плоскость заключенія недопустимыхъ и не имѣвшихъ никогда мѣста договорныхъ соглашеній между преступниками съ одной стороны и той Верховной Властью, которая ихъ милуетъ съ другой. Сношенія съ названными осужденными для полученія отъ нихъ заявленій «съ раскаяніемъ и обѣщаніемъ не выступать болѣе противъ Правительства Сѣв. Области» было возложено на Управляющаго Отд. Внутр. Дѣлъ Багриновскаго, который, по остроумному выраженію Прокурора Арх. Окр. Суда г. Д., вошелъ въ «оживленную переписку съ кліентами послѣдняго».

Глава VIII

Объявленіе англичанъ населенію объ эвакуаціи. Разведеніе ими паники въ войскахъ и населеніи. Возстаніе на Мудюгѣ. Осадное положеніе

Наступили тревожные дни, полные самой лихорадочной дѣятельности. Англійское командованіе открыто объявило населенію и войскамъ о своемъ предстоящемъ уходѣ изъ Области. Всюду на видныхъ мѣстахъ города появились спеціально выстроенныя деревянныя подстановки для плакатовъ, ярко освѣщенныя по ночамъ электричествомъ. На нихъ каждый день стали появляться аншлаги англійскаго командованія самыхъ разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ съ призывами къ населенію спѣшить покинуть область вмѣстѣ съ союзниками. Въ этихъ объявленіяхъ нѣсколько разъ повторялось предложеніе ген. Айронсайда «поторопиться съ отъѣздомъ, такъ какъ послѣдній пароходъ» отходитъ тогда то, послѣ чего англійское командованіе снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за безопасность оставшихся жителей, не пожелавшихъ эвакуироваться вмѣстѣ съ союзниками.

Легко можно себѣ представить, какую панику вызывали эти объявленія въ обывательскихъ кругахъ, въ испуганномъ воображеніи которыхъ, подъ вліяніемъ этихъ воззваній, сразу же послѣ ухода союзниковъ рисовался бунтъ, захватъ области большевиками и рѣзня ими «презрѣнныхъ наемниковъ и прихвостней англо-французскаго капитала», о чемъ въ своей агитаціонной литературѣ возвѣщали большевики, которые, конечно, использовали въ своихъ интересахъ разведенную союзниками панику. Однако, пароходы уходили съ большимъ количествомъ пустыхъ мѣстъ, такъ какъ воспользоваться совѣтомъ эвакуироваться могли только или люди со средствами, могущіе расчитывать устроиться за границей, или тѣ, кто имѣлъ интересы на югѣ и въ новообразовавшихся окраинныхъ государствахъ; средній же обыватель, связанный съ Архангельскомъ своей служебной или частной дѣятельностью, хотя и трепеталъ за свою судьбу, могъ только съ завистью смотрѣть на отъѣздъ счастливчиковъ. Мнѣ пришлось присутствовать при отъѣздѣ иностранныхъ миссій, на одномъ пароходѣ съ которыми отъѣзжали сливки архангельскаго буржуазнаго общества, въ томъ числѣ и довольно большая иностранная колонія Архангельска. Провожать ихъ явилось полъгорода, при чемъ если у провожавшихъ настроеніе было невеселое, то отъѣзжающіе чувствовали себя тоже неважно, являя въ своихъ собственныхъ глазахъ «крысъ, бѣгущихъ съ тонущаго корабля». Среди нихъ было довольно много спекулянтовъ, связанныхъ своей коммерческой дѣятельнотью съ союзниками и прибѣгнувшихъ къ ихъ могучему авторитету для полученія разрѣшенія покинуть область, такъ какъ къ этому времени была объявлена широкая мобилизація въ армію и національное ополченіе. Многіе возмущались ихъ бѣгствомъ, но я радовался такому «очищенію атмосферы», зная что они все равно принесли бы намъ одинъ вредъ, если бы мы ихъ задержали принудительно въ области. Такую точку зрѣнія раздѣлялъ и ген. Миллеръ.

Любопытно прошелъ на моихъ глазахъ и отъѣздъ французской военной миссіи во главѣ съ полк. Д. Незадолго до своего отъѣзда полк. Д. обратился къ Командующему морскими силами адмиралу И. съ требованіемъ предоставить ему особый пароходъ для увоза во Францію пустыхъ бочекъ отъ

проданнаго намъ краснаго вина, такъ какъ онѣ очень дорого стоятъ и область можетъ этимъ отблагодарить французовъ за ту помощь, которую они ей оказали. Адмиралъ въ самой категорической формѣ отказалъ въ предоставленіи парохода, заявивъ, что врядъ ли Франція больше заинтересована въ пустыхъ бочкахъ, чѣмъ въ спасеніи человѣческихъ жизней своей союзницы, для чего предполагается тотъ скромный русскій тоннажъ, который остается въ распоряженіи адмирала, на случай эвакуаціи женщинъ и дѣтей, если таковая потребуется послѣ ухода союзниковъ. Получивъ отказъ, полк. Д. зафрахтовалъ небольшой пароходъ Соловецкаго монастыря «Михаилъ Архангелъ», который долженъ былъ доставить миссію съ пустыми бочками до Мурмана. Расчетливые монахи, кромѣ пустыхъ французскихъ бочекъ, погрузили обернутую въ рогожу смолу, заваливъ этимъ грузомъ всю верхнюю палубу, по которой сновали съ иголочки одѣтые французскіе офицеры, старавшіеся не выпачкаться въ смолѣ, и среди нихъ полк. Д., возмущенный тѣмъ, что монахи нарушили договоръ и нагрузили на пароходъ посторонній грузъ. Насъ такой отъѣздъ представителей «исконной союзницы Россіи» болѣе смѣшилъ, чѣмъ возмущалъ, хотя мы не могли не испытывать ослабленія своихъ союзническихъ симпатій. Пріятно было сознавать въ эту минуту, что несмотря на всю неясность и непрочность нашего положенія и трагическое состояніе нашей родины, въ переживаемый моментъ моральный ущербъ наносился не нашему національному самолюбію.

За дня два до отъѣзда французской военной миссіи, на Мудюгѣ произошелъ бунтъ каторжанъ, главная масса которыхъ состояла изъ осужденныхъ агентовъ Совѣтской власти. Поводомъ къ бунту послужили слухи о томъ, что союзники покинули Архангельскъ и что тамъ власть перешла въ руки красныхъ. Возставшіе бросились на конвойныхъ, перебили ихъ, а затѣмъ направились къ зданію, занимаемому стражей, для захвата оружія. Къ счастью находившіеся тамъ семь стражниковъ не растерялись и открыли по нападавшимъ пулеметный и ружейный огонь, которымъ было убито и ранено нѣсколько бунтовщиковъ. Такой исходъ столкновенія со стражей, видимо, побудилъ большую часть арестантовъ уклониться отъ принятія участія въ бунтѣ и изъ тюрьмы сбѣжало только 52 человѣка, которые на лодкахъ, заранѣе приготовленныхъ для нихъ ихъ единомышленниками изъ числа косившихъ на Мудюгѣ сѣно крестьянъ, покинули Мудюгъ и высадились на материкѣ, предварительно сваливъ телеграфные столбы и перерѣзавъ проволоку, чѣмъ и вызвали временное прекращеніе сношеній съ Мудюгомъ. Пришлось отправить небольшой карательный отрядъ съ военно-полевымъ судомъ, для поимки сбѣжавшихъ, выясненія виновныхъ и преданія ихъ суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Произведеннымъ разслѣдованіемъ была установлена виновность 11 лицъ, принимавшихъ самое активное участіе въ бунтѣ въ качествѣ руководителей, которые были разстрѣляны по приговору военно-полевого суда, причемъ во время разстрѣла они кричали: «Да здравствуетъ Совѣтская власть». Въ числѣ нихъ оказалось нѣсколько человѣкъ, о полномъ помилованіи которыхъ ходатайствовали члены земско-городского Совѣщанія, увѣряя, что они оказались совѣтскими дѣятелями по недоразумѣнію и ручаясь за ихъ лояльность. Возстаніе на Мудюгѣ блестяще иллюстрировало справедливость противоположной точки зрѣнія и дальнѣйшее помилованіе осужденныхъ дѣятелей Совѣтской власти было пріостановлено спеціальнымъ правительственнымъ актомъ. Большинство изъ бѣжавшихъ съ

Мудюга арестантовъ было переловлено крестьянами, доставившими ихъ властямъ, и только нѣкоторымъ удалось бѣжать къ краснымъ такъ называемой «каторжной тропой», проходившей въ раіонѣ Пинежскаго фронта.

Для обезпеченія порядка въ городѣ въ связи съ уходомъ союзныхъ войскъ, на основаніи исключительныхъ правъ, предоставленныхъ по закону Главнокомандующему, были приняты энергичныя мѣры къ очищенію города отъ всякихъ подозрительныхъ и преступныхъ большевистскихъ элементовъ путемъ высылки ихъ на Іокангу, изолированный полуостровъ, лежащій недалеко отъ Мурмана. Въ основу оцѣнки степени неблагонадежности подлежащихъ высылкѣ лицъ былъ положенъ матеріалъ, собранный Отдѣломъ военно-регистраціонной службы въ порядкѣ внутренняго розыска и провѣренный въ особой комиссіи съ участіемъ представителей администраціи и военно-судебнаго вѣдомства. Несомнѣнно, что среди высланныхъ могло очутиться нѣсколько человѣкъ, попавшихъ туда по недоразумѣнію, въ виду проведенія этой высылки въ спѣшномъ порядкѣ, но они были возвращены съ Іоканги съ первыми же пароходами; остальная же масса была вполнѣ достойна своей участи и относительно ея возникалъ только вопросъ, выбросить ли ее къ ея политическимъ друзьямъ за линію фронта или отправить на Іокангу. Рѣшено было не усиливать непріятеля притокомъ свѣжихъ силъ и отправить ихъ на Іокангу, присоединивъ къ нимъ «населеніе» Архангельской тюрьмы и только что бунтовавшаго Мудюга. Все это составило довольно внушительную цифру въ 1200 человѣкъ, изъ которыхъ только 400 человѣкъ были высланы въ административномъ порядкѣ, а остальные принадлежали къ преступному элементу, осужденному по приговорамъ военнаго и гражданскаго судовъ.

Мѣра эта произвела сильное и отрезвляющее впечатлѣніе на населеніе Архангельска. Всѣмъ стало ясно, что власть оставила путь слабости и колебанія и твердой рукой рѣшила подавить всякое посягательство на ея авторитетъ. Для усиленія боеспособности Архангельскаго гарнизона все надежное и могущее владѣть оружіемъ населеніе Архангельска было призвано въ національное ополченіе, возросшее до 2000 человѣкъ, не считая отправленныхъ на фронтъ для окарауливанія штабовъ, дорогъ и конвоированія арестантовъ и плѣнныхъ. Изъ находившихся на службѣ въ штабахъ и учрежденіяхъ Архангельска офицеровъ и чиновниковъ была сформирована особая офицерская рота, снабженная въ изобиліи пулеметами, къ которой по тревогѣ должны были примыкать пріѣзжавшіе съ фронта офицеры, что въ общей сложности обезпечивало 400 человѣкъ надежныхъ бойцовъ, жившихъ въ одномъ спеціально особо освѣщаемомъ по ночамъ раіонѣ, гдѣ было приказано поселиться всѣмъ офицерамъ.

Расположенные въ Архангельскѣ части изъ изжившихъ большевизмъ красныхъ военноплѣнныхъ, благодаря своимъ блестящимъ руководителямъ и отлично подобранному офицерскому составу не внушали никакихъ опасеній и тревогу возбуждали только морскія силы въ лицѣ экипажа броненосца «Чесмы», гдѣ по даннымъ военно-регистраціонной службы красные имѣли прочное гнѣздо. Несмотря на то, что на «Чесмѣ» было около 30 офицеровъ и 80 человѣкъ національнаго ополченія, соотношеніе силъ было не въ пользу бѣлыхъ, такъ какъ изъ матросской команды въ 400 человѣкъ едва можно было насчитать 100 человѣкъ благонадежныхъ. Послѣ переговоровъ съ адмираломъ удалось разгрузить «Чесму» отъ неблагонадежныхъ элементовъ:

200 человѣкъ было списано и отправлено для несенія гарнизонной службы въ Холмогорскій уѣздъ, причемъ ихъ вооружили японскими ружьями, къ которымъ не было патроновъ. Кромѣ того съ «Чесмы» были сняты всѣ тяжелые снаряды. Такимъ образомъ, всѣ мѣры на случай возстанія были приняты и, имѣя ночью подъ рукою винтовку и патроны, можно было спокойно спать до того момента, когда троекратный гудокъ сирены далъ бы намъ знать о тревогѣ и необходимости спѣшить на сборный пунктъ.

Между тѣмъ англійское командованіе не ограничилось разведеніемъ паники въ тылу, а перенесло свою дѣятельность и на фронтъ, гдѣ имъ было предложено эвакуироваться всѣмъ бойцамъ, принадлежавшимъ къ самоопредѣлившимся націямъ, а также русскимъ добровольцамъ, состоявшимъ на службѣ въ славяно-британскихъ легіонахъ. Къ счастью, лучшіе солдаты послѣднихъ подъ вліяніемъ своихъ офицеровъ остались на фронтѣ. Затѣмъ началось снятіе съ фронта англійскихъ частей, сопровождаемое порчей и уничтоженіемъ излишняго военнаго имущества. На глазахъ нашихъ солдатъ на фронтѣ и населенія въ тылу началась порча и сожженіе аэроплановъ, утопленіе въ рѣкѣ имущества, снарядовъ, патроновъ, муки и консервовъ. Въ Селецкомъ раіонѣ французскій легіонъ былъ снятъ съ фронта англійскимъ командованіемъ во время боя и была прервана связь нашихъ войскъ со Штабомъ снятіемъ техническихъ средствъ связи. Въ Архангельскѣ публика сдѣлалась свидѣтельницей утопленія въ Сѣв. Двинѣ пускаемыхъ для этого въ ходъ пустыхъ автомобилей и громаднаго количества патроновъ. Въ защиту такого поведенія англійскаго командованія приводилось указаніе, что всѣмъ необходимымъ мы были снабжены и что уничтожалось лишнее имущество, чтобы оно не попало въ руки большевиковъ, такъ какъ англичане не вѣрили въ то, что мы удержимся безъ нихъ на Сѣверѣ. Если самую причину ликвидаціи имущества можно было съ извѣстной натяжкой признать основательной, то какъ и чѣмъ можно было оправдать самый способъ такой ликвидаціи? Почему она производилась не скрытно по ночамъ, а открыто на глазахъ населенія и нашихъ войскъ? Неужели авторы такихъ мѣръ не учитывали того деморализующаго вліянія, которое онѣ оказывали на наши войска? Неужели вѣрно, что это продѣлывалось умышленно съ цѣлью сорвать нашъ фронтъ для доказательства правильности ихъ соображеній о необходимости нашей эвакуаціи или это была «провокація» съ добрыми побужденіями съ цѣлью вызвать возстаніе и побудить насъ эвакуироваться вмѣстѣ? Всѣ эти вопросы получатъ правильные отвѣты лишь въ порядкѣ историческаго освѣщенія пережитыхъ нами тогда событій и мысль современниковъ послѣднихъ безсильна вскрыть ихъ причину, но факты остаются фактами, замалчивать ихъ нельзя, также какъ нельзя удержаться отъ постановки вопросовъ объ ихъ причинахъ.

Какихъ послѣдствій можно было ожидать отъ всего этого хаоса, созданнаго уходомъ союзниковъ, политиканствомъ земско-городского Совѣщанія и обывательской тревоги при бѣшенной агитаціи большевиковъ, старавшихся использовать благопріятный моментъ? Возстанія? Развала фронта? Ближайшая дѣйствительность подарила насъ побѣдой, которая дала намъ 8000 плѣнныхъ при двадцатитысячномъ составѣ нашей арміи. Войска всѣхъ раіоновъ конкурировали другъ съ другомъ въ своей доблести и наступательномъ порывѣ, а Онежскій раіонъ, въ которомъ англичане проявили передъ своимъ уходомъ такое безсиліе, располагая крупными морскими и сухопутными

силами, былъ очищенъ «волчьей сотней» въ 160 человѣкъ, въ которую вошли 60 офицеровъ и 100 солдатъ добровольцевъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что на ряду съ нашими войсками на Желѣзнодорожномъ фронтѣ дрались 80 человѣкъ австралійцевъ, принявшихъ добровольно по своему собственному почину участіе въ нашемъ наступленіи. Воспитанные на охотѣ на дикихъ звѣрей, смѣлые, стремительные, великолѣпно владѣющіе оружіемъ они бросались въ атаку, имѣя обыкновенно ножи въ зубахъ, чтобы въ нужную минуту пустить въ ходъ это излюбленное и́хъ оружіе, наводя на большевиковъ панику своимъ видомъ ковбоевъ, на которыхъ они были похожи своими круглыми широкополыми шляпами. Командующій ими маіоръ былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги и ему грозила ампутація. За свою доблесть онъ былъ награжденъ георгіевскимъ оружіемъ.

Наши неожиданные успѣхи еще разъ подтвердили правильность того положенія, что мы являемся страной «неограниченныхъ возможностей», но несомнѣнно, что нѣкоторыя причины наступательнаго порыва и успѣха нашихъ войскъ понятны и могли быть заранѣе учтены: 1) противникъ въ то время терпѣлъ пораженіе на всѣхъ фронтахъ; нашего наступленія онъ никакъ не ожидалъ и оно его застало врасплохъ и 2) крестьяне наши только что собрали урожай, который они не склонны были отдать безпощадно реквизирующему все непріятелю. Въ числѣ непредвидѣнныхъ причинъ подъема настроенія и наступательной энергіи войскъ необходимо отмѣтить довольно интересный взглядъ на уходъ союзниковъ солдатской среды, извѣстный мнѣ со словъ многихъ строевыхъ офицеровъ: «Для англичанъ мы не желали захватывать землю, а для себя будемъ». Очевидно господство и безцеремонное хозяйничаніе у насъ англійскаго командованія создало у нихъ на фонѣ агитаціи большевиковъ «о хищничествѣ и эксплуатаціи русскаго народа англо-французскимъ капиталомъ» представленіе о томъ, что союзники, а особенно англичане, оказывая намъ помощь, преслѣдуютъ свои корыстные интересы.

Уходъ англичанъ производился постепенно и окончательная эвакуація Архангельска предполагалась въ среднихъ числахъ октября, но въ ночь съ 26 на 27 сентября они незамѣтно исчезли. Когда утромъ 27 я выѣхалъ изъ своей квартиры на автомобилѣ къ адмиралу И., штабъ котораго находился на яхтѣ «Ярославна», стоявшей у пристани дальняго плаванія, меня поразили царившія въ городѣ безлюдіе и тишина. Проѣзжая мимо Главнаго Штаба Союзныхъ войскъ и зданія Ломоносовской гимназіи, занимаемой шотландскими войсками, я вмѣсто англійскихъ часовыхъ замѣтилъ нашихъ, что навело меня на мысль, что англичане уже ушли, но окончательно все для меня разъяснилось, когда я выѣхалъ на набережную Сѣв. Двины: рѣка была совершенно пуста, такъ какъ на ней виднѣлись только «Чесма», «Ярославна» и два три мелкихъ нашихъ парохода.

Порядокъ въ городѣ царилъ образцовый и онъ весь представлялся мнѣ въ какомъ то совершенно новомъ освѣщеніи. Когда я черезъ нѣкоторое время, отпустивъ автомобиль, шелъ уже пѣшкомъ и подошедшій ко мнѣ веселый и сіяющій офицеръ Штаба адмирала Колчака штабсъ-кап. Б. радостно заявилъ: «Поздравляю васъ, мы опять въ Россіи, какъ вамъ нравится русскій городъ Архангельскъ?», для меня ясно стало, почему этотъ городъ, къ которому я уже успѣлъ привязаться, кажется мнѣ сегодня особенно милымъ и дорогимъ.

На углахъ публика читала только что вывѣшенные приказы Главнокомандующаго объ осадномъ положеніи, по своему объясняя другъ другу, въ чемъ оно состоитъ. Видно было, что объявленіе его произвело надлежащее впечатлѣніе, указывая на то, что власть сильна и стоитъ на стражѣ порядка.

Черезъ двѣ недѣли Главнокомандующій отмѣнилъ осадное положеніе, поблагодаривъ населеніе въ особомъ обращеніи за тотъ порядокъ и дисциплину, которые оно обнаружило въ этотъ критическій моментъ существованія области.

Часть III

Послѣ ухода союзниковъ

Глава I

Положеніе Области въ военномъ отношеніи. Командный составъ, офицерскій корпусъ и солдатская масса. Боевая дѣятельность и досугъ. Культурно-просвѣтительная дѣятельность Штаба. Передвижная труппа во главѣ съ В. Н. Давыдовымъ

Сѣверная Областъ образовалась въ порядкѣ вооруженной борьбы съ большевиками. Всѣ ея силы, какъ интеллектуальныя, такъ и матеріальныя. были напряжены для достиженія успѣха въ этой борьбѣ, а потому первыя страницы этого отдѣла моихъ воспоминаній будутъ посвящены военнымъ дѣламъ.

Временное Правительство Сѣверной Области проявляло самую широкую заботливость о войскахъ области, идя всегда навстрѣчу всѣмъ требованіямъ военнаго командованія по улучшенію быта солдатъ и офицеровъ и ихъ матеріальнаго обезпеченія. Нигдѣ, ни на одномъ бѣломъ фронтѣ офицеры и солдаты не получали такого содержанія, какъ у насъ, причемъ оклады измѣнялись въ зависимости отъ паденія нашего рубля и повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости. Семьи солдатъ были обезпечены прекраснымъ пособіемъ, но еще лучше были обезпечены семьи офицеровъ, находившіяся за границей, которыя получали болѣе чѣмъ приличное пособіе въ валютѣ. Положа руку на сердце, каждый офицеръ Сѣверной Области можетъ сказать, что Временное Правительство Сѣверной Области сдѣлало максимумъ того, что оно могло сдѣлать для его матеріальнаго обезпеченія, и даже тогда, когда насъ постигла катастрофа, оно приняло на свои средства содержаніе въ лагеряхъ болѣе двухъ тысячъ бѣженцевъ, среди которыхъ основную массу составляли солдаты и офицеры со своими семьями, а при ликвидаціи лагерей снабдило ихъ всѣхъ пособіями, достаточными для того, чтобы до пріисканія работы временно не очутиться въ безвыходномъ положеніи. Для того, чтобы оцѣнить всю эту заботливость, надо только вспомнить, что испытали чины Сѣверо-западной арміи ген. Юденича послѣ ея ликвидаціи. Однимъ словомъ, при отличномъ пайкѣ и обмундированіи офицеры

и солдаты Сѣверной арміи находились въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ они не скоро очутятся при возстановленіи государственнаго порядка въ Россіи, чему, правда, мы въ значительной степени были обязаны англичанамъ.

Во внутреннюю жизнь и организацію арміи Временное Правительство абсолютно не вмѣшивалось, предоставляя полную свободу дѣйствій генералу Миллеру, къ которому оно относилось съ полнымъ и исключительнымъ довѣріемъ. Вся военная власть принадлежала Главнокомандующему всѣми русскими вооруженными силами на Сѣверномъ фронтѣ ген. Миллеру, который входилъ въ составъ Правительства съ правами Военнаго и Морского Министра.

Въ его же рукахъ находились иностранныя дѣла и вѣдомство путей сообщенія, а къ внутреннимъ дѣламъ онъ также имѣлъ самое близкое отношеніе, сначала въ качествѣ Генералъ-Губернатора, а затѣмъ Главнокомандующаго черезъ свою гражданскую канцелярію.

Однако, онъ не ограничивался этимъ и принималъ самое активное участіе въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, входившихъ въ компетенцію Вр. Правительства, стараясь вникнуть и изучить какъ земельный и рабочій вопросы, такъ и ознакомиться съ тѣми основами, которыя обезпечиваютъ правильное отправленіе правосудія.

За исключеніемъ 5, 6 часовъ, удѣляемыхъ сну, ген. Миллеръ былъ остальное время въ работѣ. Эта самоотверженная работа стяжала ему заслуженную популярность какъ въ широкихъ кругахъ населенія, такъ и въ солдатской массѣ. Послѣднюю онъ подкупалъ не пышными рѣчами и игрой на популярность, а своей неустанной заботливостью объ улучшеніи ея быта и матеріальныхъ нуждъ, что больше всего цѣнитъ нашъ народъ.

Популярность его въ обществѣ и политическихъ кругахъ носила исключительный характеръ. Какія бы перемѣны въ составѣ Правительства у насъ не происходили, никогда никакихъ возраженій противъ нахожденія его въ составѣ Правительства не было и этого ген. Миллеръ достигъ не подыгрываніемъ къ тѣмъ или инымъ политическимъ кругамъ, а своимъ безкорыстнымъ идейнымъ служеніемъ родинѣ, полнымъ безпристрастіемъ и невмѣшательствомъ въ политическую борьбу при отсутствіи всякихъ диктаторскихъ замашекъ и контръ-революціонныхъ тенденцій.

Недаромъ мнѣ приходилось слышать заявленія нѣкоторыхъ отвѣтственныхъ демократическихъ дѣятелей, что судьба особенно благоволила къ Сѣверной Области, пославъ ей такого «конституціоннаго» по своей натурѣ генерала.

По свойствамъ своего характера ген. Миллеръ былъ скорѣй администраторомъ, чѣмъ Главнокомандующимъ, администраторомъ идеальнымъ въ условіяхъ нормальнаго мирнаго времени по своему умѣнію уловить пульсъ общественно-политической жизни, найти удовлетворяющую всѣхъ линію компромисса и съ удивительнымъ терпѣніемъ и выдержкой, сохраняя полное безпристрастіе и спокойствіе, слѣдовать въ своей дѣятельности по этой линіи.

Извѣстно, при какихъ условіяхъ сформировался Штабъ Главнокомандующаго и принялъ на себя какъ управленіе войсками, такъ и снабженіе ихъ. Англичане, уходя, все побросали, такъ что надо было приступить къ розыску и регистраціи въ большомъ количествѣ оставленнаго ими имущества, а затѣмъ къ пріему и организаціи его храненія и выдачи. Это

совпало съ принятіемъ имъ на себя руководства боевой дѣятельностью войскъ, которыя не находились въ то время на отдыхѣ, а перешли въ энергичное наступленіе. Если вспомнить при этомъ, что въ Штабѣ ген. М—скаго даже не существовало оперативнаго отдѣленія и что этотъ штабъ ни самъ не подготовился и не подготовилъ никакихъ кадровъ для принятія имущества отъ англичанъ, то станетъ понятно, какая задача выпала на вновь сформированный Штабъ Главнокомандующаго. Даже враги его руководителя ген. К. должны признать, что Штабъ какъ никакъ, но справился съ выпавшей на него тяжелой ролью, благодаря интенсивной работѣ, которая кипѣла въ немъ съ утра до вечера и часто съ вечера до утра, вдохновителемъ которой былъ самъ Начальникъ Штаба, поражавшій всѣхъ своей работоспособностью и выносливостью, несмотря на свой солидный возрастъ.

Руководство боевой дѣятельностью на фронтѣ находилось въ рукахъ командующихъ войсками раіоновъ, изъ числа которыхъ своимъ мужествомъ и доблестью выдѣлялись командовавшій послѣдовательно Двинскимъ, а затѣмъ Желѣзнодорожнымъ раіономъ Ген. Штаба генералъ кн. М., отличавшійся, кромѣ того, большими способностями въ проведеніи поручаемыхъ ему военныхъ операцій и командовавшій послѣ него Желѣзнодорожнымъ раіономъ, вплоть до самаго паденія фронта, ген. В. Послѣдній сильно уступалъ кн. М. въ руководительствѣ боевою дѣятельностью, но зато отличался выдающейся храбростью, принимая личное участіе въ атакахъ впереди своихъ войскъ.

Съ именами кн. М. и ген. В. связаны неразрывно самыя блестящія страницы нашей боевой дѣятельности на Двинѣ и въ Желѣзнодорожномъ раіонѣ.

Войсками Двинскаго раіона командовалъ немного тяжеловатый на подъемъ, но старый опытный солдатъ ген. Д., не терявшій обыкновенно головы въ переживаемыя нами тяжелыя минуты.

Командованіе войсками Пинежско-Мезенскаго раіона находилось въ рукахъ престарѣлаго ген. П., абсолютно неумѣвшаго сообразоваться съ потребностями текущаго момента и изводившаго своихъ подчиненныхъ мелочными требованіями соблюденія воинскаго артикула и настойчивымъ проведеніемъ въ жизнь всѣхъ приказаній Нач. Штаба ген. К., какъ бы они ни были иногда неосуществимы. Его громадными достоинствами были безукоризненная честность и заботливость о солдатахъ, а также трезвый и религіозный образъ жизни, что несомнѣнно дѣлало старика популярнымъ въ солдатской средѣ, бывшей въ періодъ его предшественника полк. N. свидѣтельницей пьянства и хищеній. Всей своей фигурой, взглядами, онъ принадлежалъ далекому прошлому «временъ Очакова и покоренья Крыма» и нѣкоторыя распоряженія его носили положительно анекдотическій характеръ. Такъ напримѣръ отсылка въ «тайную» развѣдку въ раіонъ непріятеля сопровождалась молитвословіемъ съ колокольнымъ звономъ, такъ что скоро всѣ жители, а черезъ нихъ, конечно, и противникъ были въ курсѣ дѣла этой секретной дѣятельности генерала.

Офицерскій корпусъ состоялъ изъ весьма разнообразныхъ элементовъ, которые однако можно свести къ тремъ основнымъ группамъ: мобилизованные мѣстные офицеры, прибывшіе въ область добровольцы и офицеры, доставленные въ область англичанами тоже по добровольному своему желанію изъ англійскихъ лагерей, куда они попали послѣ разгрома Скоропадскаго на

Украинѣ. Основную массу этихъ трехъ группъ составляли офицеры военнаго времени, а кадровые представляли среди нихъ рѣдкое исключеніе.

Мѣстные офицеры, связанные съ краемъ прочными интересами частнаго или служебнаго характера раздѣлялись тоже на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличавшіяся категоріи. Одни изъ нихъ не склонны были къ активной борьбѣ, учитывая возможность перехода области къ противнику, а поэтому старались преимущественно устроиться въ тыловыхъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ и въ моменты военныхъ кризисовъ въ нихъ всегда очень громко говорили инстинкты самосохраненія. Другая группа мѣстныхъ офицеровъ принадлежала къ самымъ доблестнымъ и самоотверженнымъ бойцамъ, покрывшимъ свои имена неувядаемой славой. Среди нихъ необходимо отмѣтить «Тарасовцевъ» и «Шенкурцевъ», вышедшихъ изъ простой среды партизанъ-крестьянъ Шенкурскаго уѣзда и Тарасовской волости. Правда, офицерскаго въ нихъ было очень мало, такъ какъ по своему образованію и развитію они очень мало отличались отъ солдатской массы, изъ которой вышли сами и для которой были мало авторитетны. Солдаты въ нихъ видѣли своихъ школьныхъ и деревенскихъ товарищей и имъ трудно было признать надъ собой авторитетъ и дисциплинарную власть «Колекъ» или «Петекъ» и величать ихъ «г. поручикъ», а часто даже «г. капитанъ» и «г. подполковникъ», такъ какъ производство носило у насъ интенсивный характеръ. Къ сожалѣнію, среди шенкурцевъ, которые были сосредоточены въ 3 Сѣв. стрѣлковомъ полку, царило пьянство съ тяжелыми эксцессами въ тылу, составлявшими богатую хронику обвинительныхъ актовъ военно-окружнаго суда Сѣверной Области.

Этой слабости были, хотя и въ значительно меньшей степени, подвержены и другія категоріи офицерства; она давала крупный козырь для агитаціи большевиковъ и положительно составляла нашъ бичъ, несмотря на принимаемыя крутыя мѣры вплоть до разжалованія въ рядовые въ административномъ порядкѣ. Но не будемъ безпощадно строги къ нимъ, вспомнимъ, что они 6-ой годъ смотрѣли въ глаза смерти, что они принимали участіе въ братоубійственной гражданской войнѣ, тяжело ложившейся на ихъ душу, и что они рисковали ежеминутно быть убитыми своими же подчиненными во время очередного возстанія. Многіе пьяные эксцессы носили такой изступленный истерическій характеръ, давали такую картину душевнаго надрыва подъ тяжестью слишкомъ сильныхъ для человѣческой психики впечатлѣній, что мы считали необходимымъ подходить къ оцѣнкѣ ихъ не съ формально-юридической точки зрѣнія, а какъ къ явленіямъ психо-патологическаго характера, тѣмъ болѣе, что часто виновниками ихъ были самые отважные офицеры, совершавшіе на фронтѣ положительно чудеса храбрости.

Прибывшіе въ область офицеры въ большей своей части отличались тоже мужественнымъ и доблестнымъ исполненіемъ своего долга. Къ сожалѣнію, между ними не было полной солидарности, такъ какъ офицеры, спасенные на Украинѣ отъ большевиковъ нѣмцами, не смотря на болѣе чѣмъ внимательное отношеніе къ нимъ въ англійскихъ лагеряхъ, вплоть до полученія каждымъ подарка отъ англійскаго короля въ видѣ хронометра-часовъ, — были проникнуты германофильствомъ, что возмущало офицеровъ, хотя и прошедшихъ суровую школу въ иностранныхъ легіонахъ, но сохранившихъ вѣрность Антантѣ. Все это антантофильство и германофильство, конечно, не носило серьезнаго характера, но, къ сожалѣнію, давало поводъ

для ссоръ и недоразумѣній. Много выше стояла офицерская среда въ артиллеріи, производя своимъ поведеніемъ, воспитанностью и уровнемъ образованія впечатлѣніе офицеровъ мирнаго времени.

Цвѣтъ офицерства составляла небольшая группа кадровыхъ офицеровъ, командовавшихъ отдѣльными войсковыми частями пѣхоты и артиллеріи, на которыхъ собственно говоря и держалась наша маленькая армія. Съ большинствомъ изъ нихъ меня связывали исключительно хорошія отношенія, а дружная совмѣстная работа съ ними въ критическіе моменты нашего существованія навсегда будетъ сохранена въ моей памяти и то довѣріе, которое они мнѣ оказывали, составляетъ предметъ моей гордости.

Переходя къ описанію солдатской массы и господствовавшаго въ ней настроенія, я долженъ прежде всего оговориться, что мои выводы будутъ строиться на данныхъ, полученныхъ съ трехъ ближайшихъ къ Архангельску фронтовъ: Пинежскаго, Двинскаго и Желѣзнодорожнаго (включая Селецкій), такъ какъ стоявшіе въ Мезенскомъ раіонѣ 1 Сѣв. стрѣлк. полкъ, на Печорѣ 10 и на Мурманѣ 2, 9, 11, 12 и 13 полки были слишкомъ далеко расположены отъ Архангельска, а потому не входили въ зону моего ближайшаго наблюденія. Однако, получаемый мною оттуда информаціонный матеріалъ отъ пріѣзжавшихъ офицеровъ, а также отъ солдатъ, слушателей культурно-просвѣтительныхъ курсовъ Штаба, даетъ мнѣ возможность сдѣлать выводъ, что настроеніе солдатъ этихъ раіоновъ мало отличалось отъ того, которое господствовало у насъ.

Солдатскую массу можно тоже раздѣлить на три основныя группы: мобилизованныхъ, добровольцевъ и бывшихъ красноармейцевъ. Среди мобилизованныхъ часть чрезвычайно добросовѣстно относилась къ исполненію своего долга. Къ нимъ преимущественно относились крестьяне ближайшихъ къ фронту волостей, наиболѣе освѣдомленные о томъ, что дѣлается у большевиковъ, а потому не склонные подчиниться имъ. Чѣмъ дальше отъ фронта, тѣмъ становилось хуже, и наиболѣе ненадежный элементъ представляли собой солдаты изъ Архангельскаго, Холмогорскаго и Онежскаго уѣздовъ. Здѣсь не только играло роль обычное для нашего простолюдина соображеніе, что «моя хата съ краю» и что «до насъ, молъ, далеко, а потому это насъ не касаемо», но и большевистская пропаганда, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ административныхъ центрахъ Сѣверной Области — Архангельскѣ, Онегѣ и Холмогорахъ. Хуже ихъ были, пожалуй, только взятые по мобилизаціи въ Шенкурскомъ уѣздѣ во время нашего наступленія, которые были озлоблены этой мобилизаціей и послѣ отхода нашихъ войскъ изъ ихъ раіона стремились удрать домой.

Вторую группу солдатъ составляли добровольцы: легіонеры французскихъ и славяно-британскихъ легіоновъ и шенкурскіе, тарасовскіе и пинежскіе партизане. Часть славяно-британскихъ легіоновъ была отборнаго по своимъ боевымъ качествамъ состава, но среди славо-бриттовъ были элементы вродѣ Дайеровскаго баталіона. Недалеко отъ послѣднихъ ушли и французскіе легіонеры, среди которыхъ были преступники и большевики, не выдаваемые намъ для суда по принципу экстерриторіальности союзныхъ войскъ. Приходилось только радоваться, когда эти добровольцы эвакуировались съ англичанами, такъ какъ только лучшіе изъ нихъ пожелали остаться и выполнили свой долгъ до конца.

Шенкурскіе партизане или, какъ ихъ называли, «шенкурята», хотя и непримиримо были настроены къ большевикамъ и по прибытіи союзниковъ были во главѣ разгорѣвшагося противъ совѣтской власти возстанія въ Архангельской губерніи, но представляли собой весьма безпокойный элементъ. Потомки Новгородской вольницы, они были сплошь проникнуты эсеровскими тенденціями, а потому были склонны болѣе подчиняться своимъ партійнымъ центрамъ въ Архангельскѣ, чѣмъ военному начальству, не желая вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдать требованія воинскаго порядка и дисциплины. Въ минуты колебанія ихъ партійныхъ вождей они жили настроеніями послѣднихъ и часто нельзя было быть увѣреннымъ, что они вдругъ не станутъ на совѣтскую платформу.

Самый прочный элементъ добровольческой среды представляли собой партизане-крестьяне тарасовцы и пинежцы. Здѣсь на почвѣ охраненія собственническихъ интересовъ, нарушаемыхъ большевистскими опытами и реквизиціями въ пользу красной арміи, царила непримиримая вражда къ Совѣтской власти. Безъ рисовки и лишнихъ словъ, молча и упорно, велась борьба не на жизнь, а на смерть за право работать на своемъ собственномъ клочкѣ родной земли. Насчетъ военной муштры и точнаго соблюденія правилъ воинской дисциплины здѣсь тоже было неважно и одѣтые въ англійское обмундированіе «бородачи» такъ и оставались неуклюжими пахарями; однако несоблюденіе мелочей военнаго артикула не носило тутъ вызывающаго характера и не вызывало никакихъ опасеній у военнаго начальства. Здѣсь царила подлинная Русь, которая никогда и ни при какихъ условіяхъ большевикамъ не подчинится и будетъ вести съ ними непримиримую борьбу. Партизане эти, входя въ избу командира полка, не рапортовали о своемъ прибытіи по уставу внутренней службы, а истово перекрестившись на иконы и нѣсколько разъ глубоко поклонившись имъ, говорили ему: «А я къ Вашей (а то и твоей) милости пришелъ». Въ обращеніи не чувствовалось рабской манеры; народъ на сѣверѣ свободолюбивъ и, давно привыкнувъ къ самостоятельной жизни, держитъ себя съ достоинствомъ, а начальнику отдаетъ дань уваженія въ той формѣ, къ которой привыкъ. Въ боевомъ отношеніи эти люди представляли собой исключительный по своей доблести матеріалъ.

Третью категорію составляли бывшіе красноармейцы. Часть ихъ безъ остатка изжила большевизмъ и, выдавъ и разстрѣлявъ своихъ комиссаровъ и коммунистовъ, до конца выполняла свой долгъ, зная, что и врагъ не дастъ пощады, если опять попадешь въ его руки. Правда, въ критическія минуты здѣсь могла восторжествовать та точка зрѣнія, что для заслуженія милости, въ случаѣ возможной побѣды врага, нужно перебить своихъ офицеровъ и цѣной измѣны спасти свою жизнь.

Остальные элементы этой категоріи были неустойчивы и настроеніе ихъ измѣнялось въ зависимости отъ развитія боевыхъ дѣйствій. Когда шло общее наступленіе на всѣхъ бѣлыхъ фронтахъ, они съ яростью бросались на врага, самоотверженно рискуя своей жизнью; съ поворотами же счастья не въ нашу пользу они массами, не видя конца борьбѣ, дезертировали домой, куда ихъ влекла тоска по родинѣ, причемъ старались миновать непріятельскія линіи, чтобы тамъ опять не забрали на службу.

Между войсковыми частями эта солдатская масса, доходившая съ тыловыми до 50 тысячъ, была распредѣлена слѣдующимъ образомъ. На Пинегѣ стоялъ 8 Сѣв. стрѣлковый полкъ, состоявшій частью изъ пинежскихъ

партизанъ, частью изъ мобилизованныхъ. На Двинѣ находился малонадежный 4 Сѣв. стрѣлковый полкъ изъ мобилизованныхъ элементовъ и наиболѣе активную роль въ борьбѣ игралъ здѣсь Шенкурскій добровольческій баталіонъ. Въ Селецкомъ направленіи работалъ 7 Сѣв. стрѣлк. полкъ, по общимъ отзывамъ лучшій изъ пѣхотныхъ полковъ Сѣвернаго фронта. Основу его составляли тарасовскіе партизане, а изъ мобилизованныхъ вполнѣ надежный элементъ составляли крестьяне Мезенскаго уѣзда. На Желѣзнодорожномъ фронтѣ были сгруппированы: 6 Сѣв. стрѣлк. полкъ, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлявшійся ни въ худую, ни въ хорошую сторону, Архангелогородскій стрѣлк. полкъ, составленный почти сплошь изъ красноармейцевъ, и укомплектованный какъ добровольцами, такъ и мобилизованными Шенкурскаго уѣзда, 3 Сѣв. стрѣлк. полкъ, покрывшій себя славой во время боевъ на Двинѣ и на желѣзной дорогѣ, но впослѣдствіи сыгравшій очень печальную роль при паденіи нашего фронта. Въ Архангельскѣ былъ расположенъ запасный полкъ изъ красноармейцевъ, до самаго послѣдняго момента сохранившій дисциплину и порядокъ. Артиллерія наполовину была наполнена учащейся интеллигентной молодежью, подъ вліяніемъ которой и остальные солдаты ея представляли сознательный и надежный элементъ, а наличіе во главѣ ея прекрасныхъ офицеровъ дѣлало этотъ родъ оружія положительно опорой фронта.

Техническая сторона боевой дѣятельности нашего фронта, веденной по строгимъ правиламъ военнаго искусства, уже была вкратцѣ описана мной выше, здѣсь я хочу въ нѣсколькихъ словахъ коснуться самаго характера борьбы съ точки зрѣнія бытовой, принимая во вниманіе, что война велась не національная, а гражданская.

Во время крупныхъ операцій этотъ специфическій ея характеръ какъ-то забывался въ виду отвлеченія всѣхъ выполненіемъ технической стороны боя. Сведеніе же «политическихъ счетовъ» велось въ порядкѣ мелкой партизанской войны, когда пощады другъ другу не давали, а также при захватѣ въ плѣнъ, когда приходилось вмѣшиваться командному составу для смягченія жестокаго отношенія солдатъ къ противнику. На Пинегѣ партизане были до того свирѣпо настроены, что командиръ 8 полка полк. Б. рѣшилъ выпустить брошюру о гуманномъ отношеніи къ плѣннымъ и организовать по этому поводу бесѣды, но эту мысль пришлось оставить, такъ какъ составлявшіе опору полка пинежскіе партизане выразили свое явное неудовольствіе по поводу такого мѣропріятія, сославшись на тѣ жестокости, которыя учиняли надъ ихъ близкими красные въ занятыхъ послѣдними ихъ деревняхъ. На Печорѣ населеніе, занимающееся охотничьимъ промысломъ, ставило силки для ловли красныхъ. Одинъ мой знакомый путейскій инженеръ, узнавъ отъ одного изъ такихъ «охотниковъ за черепами», что имъ единолично было поймано и истреблено 60 красныхъ, пришелъ въ ужасъ и пробовалъ убѣдить въ невозможности такого метода дѣйствій, но получилъ категорическій отвѣтъ: «Намъ съ ними не жить, либо они, либо мы». Оказалось, что у этого крестьянина всѣ близкіе были убиты краснымъ отрядомъ Мандельбаума, а самъ онъ совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшнымъ пыткамъ; грудь его была вся въ язвахъ, такъ какъ его выдержали подъ открытымъ краномъ кипящаго самовара, пока оттуда не вытекала вся вода. Отрядъ Мандельбаума навелъ ужасъ на всю Печору. Окруживъ какое-нибудь бѣлое селеніе, онъ сгонялъ всѣхъ жителей его на исходъ и

объявлялъ, что мужчинъ онъ оставляетъ только до окончанія полевыхъ работъ, послѣ чего они вмѣстѣ съ дѣтьми будутъ истреблены, а жены ихъ будутъ оставлены въ живыхъ, такъ какъ еще «пригодятся» для красныхъ. Можно себѣ представить, какой характеръ послѣ этого принимала взаимная борьба, принимая во вниманіе невысокій культурный уровень населенія, большую часть котораго составляли полудикіе зыряне.

Партизане несли на себѣ главную тяжесть борьбы. Они ходили въ развѣдку въ глубокій тылъ непріятеля, а въ бояхъ яростно бросались въ штыки, но и у нихъ были свои недостатки, съ которыми Штабъ не считался, несмотря на предупрежденіе строевыхъ начальниковъ. Въ борьбѣ они преслѣдовали, главнымъ образомъ, свои мѣстные интересы и поэтому «шенкурята» 3 Сѣв. стрѣлк. полка дрались героями на Двинѣ, когда они имѣли цѣлью своихъ дѣйствій захватъ своихъ родныхъ деревень, и переводъ ихъ на Желѣзнодорожный фронтъ сразу же вызвалъ ихъ неудовольствіе, которое постепенно все усугублялось, пока не разразилось катастрофой. Тарасовцы 7 полка еще до захвата своихъ деревень заявили своему командиру полка, что впередъ они согласны идти, куда угодно, но назадъ не отступятъ ни на шагъ и, въ случаѣ отхода фронта, не оставятъ своихъ родныхъ деревень. Они были вѣрны своему слову и послѣ взятія своихъ деревень безропотно двинулись на станцію Плесецкую, потерявъ сразу же у родныхъ избушекъ 70 человѣкъ убитыми, которыхъ тутъ же съ почестями похоронили, но мы увидимъ ниже, что они держались своего слова до конца и остались въ своихъ деревняхъ во время нашего отступленія, что вызвало для насъ самыя тягостныя послѣдствія.

Борьба политическихъ партій въ тылу несомнѣнно отражалась крайне неблагопріятно на фронтѣ, причемъ наиболѣе чувствительно реагировали на нее мобилизованные и шенкурскіе добровольцы, а бывшіе красноармейцы и остальные партизане были къ ней довольно равнодушны.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи на фронтѣ агитаціи и пропаганды съ цѣлью борьбы съ большевистской агитаціей и внѣдренія въ солдатскія массы разумныхъ государственныхъ идей, необходимо съ грустью признать, что это дѣло было поставлено у большевиковъ гораздо лучше, чѣмъ у насъ. При ген. М—скомъ у насъ въ этой области ничего предпринято не было и войска даже не снабжались, какъ слѣдуетъ, газетами, черпая всѣ свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ изъ большевистской литературы, въ изобиліи разбрасываемой непріятелемъ.

По сформированіи Штаба Главнокомандующаго, при немъ было учреждено спеціальное отдѣленіе «агитаціи и пропаганды», впослѣдствіи переименованное въ культурно-просвѣтительное, которое немедленно наладило доставку газетъ на фронтъ. Въ выборѣ газетъ, если и было нарушено безпристрастіе, то скорѣе въ пользу лѣвыхъ теченій, такъ какъ самое большое количество выписываемыхъ Штабомъ газетъ падало на органъ соціалистической мысли «Возрожденіе Сѣвера», а самый меньшій тиражъ имѣла газета «Отечество», органъ праваго блока гор. Думы, приблизительно октябристскаго характера.

Культурно-просвѣтительное отдѣленіе Штаба приступило къ изданію агитаціонной литературы и нѣкоторыя его воззванія были очень удачны, но самый масштабъ дѣятельности носилъ въ этой области скромный характеръ и не могъ сравниться съ тѣмъ широкимъ размахомъ, который былъ присущъ

противнику, считавшему агитацію и пропаганду самыми вѣрными орудіями своей борьбы. Во то время какъ наши плакаты были скромныхъ размѣровъ и большею частью безъ рисунковъ, противникъ выпускалъ ихъ грандіозныхъ размѣровъ, иллюстрируя свои лозунги великолѣпными рисунками. Чувствовалось, что мы еще не оцѣнили всего вліянія этого могучаго средства борьбы на психологію народныхъ массъ, что мы не умѣемъ спуститься до уровня пониманія послѣднихъ и судимъ по самимъ себѣ, брезгливо относясь къ тому дешевому въ нашихъ глазахъ эфекту, который эти плакаты на насъ производятъ. Противникъ лучше насъ зналъ и понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и билъ насъ въ этой области на каждомъ шагу, хотя казалось бы, что его безобразная дѣятельность давала куда больше матеріала для использованія его въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

Вскорѣ послѣ ухода англичанъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, при Штабѣ открылись курсы агитаціи и пропаганды, цѣлью которыхъ было не такъ подготовить кадры опытныхъ агитаторовъ и пропагандистовъ, какъ внести черезъ посредство самихъ же солдатъ въ ихъ среду ясныя понятія о цѣнности для человѣчества государственныхъ формъ бытія, а также дать имъ элементарныя понятія о государственномъ устройствѣ преимущественно демократическихъ странъ Западной Европы, гдѣ идеи народоправства уже прочно воплотились въ жизнь. Въ соотвѣтствіи съ такимъ заданіемъ на частномъ совѣщаніи съ нѣкоторыми мѣстными общественными и политическими дѣятелями, примыкавшими къ кадетамъ и къ болѣе радикальнымъ, но не соціалистическимъ теченіямъ, была намѣчена программа лекцій, расчитанныхъ на трехнедѣльный непрерывный курсъ. Къ сожалѣнію, мнѣ приходится по памяти возстанавливать эту программу, такъ какъ у меня на рукахъ нѣтъ ни одного экземпляра ея, но, насколько могу припомнить, слушатели должны были быть ознакомлены немного съ исторіей, какъ русской, такъ и общей, и сдѣлать небольшой экскурсъ въ область государственнаго права и соціальныхъ наукъ. Кромѣ того, рѣшено было ознакомить ихъ съ организаціей современныхъ армій и со значеніемъ и сущностью воинской дисциплины.

Въ соотвѣтствіи съ такой программой и принимая во вниманіе переживаемыя нами событія, по общей исторіи были прочитаны лекціи на темы: «Великая французская революція», «Революціонное движеніе 1848 года» и «Парижская комунна 1871 года», а по русской исторіи были даны нѣкоторыя свѣдѣнія о «Смутномъ времени на Руси» и изъ исторіи нашего освободительнаго движенія; по государственному праву: «Организація государственной власти» и «Конституціи современныхъ государствъ», а изъ области соціальныхъ наукъ было сдѣлано нѣсколько сообщеній по аграрному и рабочему вопросамъ, а также объ организаціи въ современныхъ государствахъ финансовъ, торговли и промышленности.

Первый курсъ, при 60 слушателяхъ, открылся въ присутствіи Главнокомандующаго моимъ сообщеніемъ на тему: «Переживаемый моментъ», въ которомъ я, опредѣливъ большевизмъ, какъ начало контръ-революціи и отнятія у народа всѣхъ завоеваній февральской революціи, для достиженія которыхъ было принесено столько жертвъ лучшими борцами революціонной демократіи, уцѣлѣвшіе представители которыхъ въ лицѣ Предсѣдателя Правительства Чайковскаго и др. идутъ съ нами, а не съ большевиками, цѣлью борьбы съ послѣдними ставилъ возстановленіе на началахъ народоправства государственности, какъ защиты свободы, культуры и порядка. Освѣщеніе разрушительной

дѣятельности большевиковъ во всѣхъ областяхъ нашей государственной жизни составляло главнѣйшее содержаніе моего сообщенія съ цитированіемъ большевистскихъ декретовъ и иллюстраціей всей преступности и безумія ихъ затѣи на примѣрахъ, которымъ я самъ былъ свидѣтелемъ за время годичнаго пребыванія въ Россіи при большевикахъ.

Всего мы успѣли пропустить шесть курсовъ. Читая на нихъ лекціи объ «Организаціи современныхъ армій и о сущности и значеніи воинской дисциплины», мнѣ пришлось убѣдиться, что солдатская аудиторія слушала ихъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Опытъ такихъ же сообщеній въ XI арміи послѣ февральской революціи убѣдилъ меня, что успѣхъ въ солдатской средѣ имъ обезпеченъ, такъ какъ изложенныя сухимъ языкомъ требованія воинскихъ уставовъ, по приведеніи ихъ въ извѣстную систему и сообщеніи въ живой образной формѣ, пріобрѣтали для солдатъ характеръ простыхъ и ясныхъ житейскихъ истинъ, вытекающихъ изъ условій своеобразнаго военнаго быта. Эти лекціи доставляли мнѣ громадное удовольствіе; я положительно отдыхалъ душой среди этой простой, сердечной и нетребовательной аудиторіи, платившей всегда сторицей за хорошее къ ней отношеніе. Съ каждой лекціей чувствовалось, что аудиторія вначалѣ холодная и настороженная оттаиваетъ и старается потомъ мелкими знаками вниманія выразить свои симпатіи и добрыя чувства.

Культурно-просвѣтительные курсы вызывали нападки справа, съ указаніемъ, что на нихъ ведется эсеровская пропаганда, а слѣва обвиненія въ черносотенно-кадетскомъ направленіи. Взаимно исключая другъ друга, эти обвиненія свидѣтельствовали о томъ, что принятая руководителями курсовъ линія поведенія была взята довольно правильно. Я знаю, что завѣдывавшій курсами ротмистръ Г., на рѣдкость честный и порядочный человѣкъ, чуждый по своимъ взглядамъ и тѣни какой нибудь контръ-революціонности, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отыскать въ Архангельскѣ какого нибудь государственника-соціалиста типа Носке или Шейдемана, чтобы привлечь его къ чтенію лекцій на курсахъ. Увы, въ Архангельскѣ такого не нашлось, да и есть ли они вообще у насъ, ихъ присутствіе, что-то до сихъ поръ не чувствуется...

Культурно-просвѣтительному отдѣленію Штаба принадлежитъ громадная заслуга по организаціи разумныхъ развлеченій для заполненія солдатскаго досуга. Во время пребыванія въ области союзныхъ войскъ наши солдаты могли только съ завистью смотрѣть на многочисленные клубы, организованные для развлеченія солдатъ всѣхъ націй, кромѣ нашей, и соотвѣтствующія предложенія, сдѣланныя ген. М—скому представителями американскаго союза христіанской молодежи, не нашли никакого отклика.

Совсѣмъ иначе это дѣло пошло со вступленіемъ въ командованіе ген. Миллера. На организацію его были отпущены громадныя средства и вскорѣ въ самомъ лучшемъ общественномъ зданіи Архангельска — коммерческомъ собраніи, открылся русскій солдатскій клубъ. Открытіе его было произведено при торжественной обстановкѣ самимъ Главнокомандующимъ, сказавшимъ по этому поводу краткое задушевное слово.

Въ числѣ прочихъ, сопровождавшихъ ген. Миллера лицъ, я обошелъ всѣ обширныя помѣщенія клуба съ читальней, билліардной, столовыми и громадной чистой кухней, гдѣ лежали горы сладкихъ булокъ и варился кофе, чай и какао, отпускавшіеся солдатамъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Между

двумя залами помѣщалась кантина (солдатская лавочка), гдѣ продавались папиросы, спички, почтовая бумага и другіе мелкіе предметы солдатскаго обихода. Послѣ обхода помѣщеній, мы заняли мѣста въ верхнихъ ложахъ зрительнаго зала для присутствованія на спектаклѣ, которымъ началось открытіе сезона законтрактованной штабомъ передвижной труппой, во главѣ съ знаменитымъ артистомъ Александринскаго театра Владиміромъ Николаевичемъ Давыдовымъ. Шелъ старый веселый водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ: «Прежде скончались, потомъ повѣнчались», въ которомъ старый артистъ развернулся во всей красотѣ своего богатаго дарованія.

Залъ, вмѣщавшій не менѣе 800 человѣкъ, былъ биткомъ набитъ солдатами, привѣтствовавшими игру артистовъ, особенно старика Давыдова, громомъ апплодисментовъ. Послѣ водевиля состоялся короткій дивертисментъ изъ музыкальныхъ и вокальныхъ номеровъ. Во время спектакля царилъ образцовый порядокъ, который, впрочемъ, за все время существованія солдатскаго клуба строго поддерживался самими его членами солдатами.

Каждую недѣлю давался одинъ спектакль и одинъ концертъ, а кромѣ того читались лекціи культурно-просвѣтительнаго характера. Клубъ былъ чрезвычайно популяренъ въ солдатской средѣ и всегда полонъ посѣтителями. Вся хозяйственная сторона лежала на женскомъ патріотическомъ союзѣ, представительницы котораго по очереди дежурили, работая на кухнѣ и въ кладовыхъ, продавая въ кантинѣ и буфетѣ. Присутствіе интеллигентныхъ женщинъ чрезвычайно благотворно дѣйствовало на солдатскую среду, оказывавшую имъ сердечное вниманіе.

Передвижная труппа не ограничивалась игрой въ Архангельскѣ, а объѣзжала ближайшіе участки фронта, побывавъ въ Желѣзнодорожномъ, Двинскомъ и Пинежскомъ раіонахъ. Старикъ Давыдовъ, не взирая на свой преклонный возрастъ, неутомимо ѣздилъ всюду, несмотря на то, что приходилось по нѣсколько сотъ верстъ дѣлать на лошадяхъ въ невѣроятную стужу. Онъ самъ со смѣхомъ разсказывалъ мнѣ, какъ долженъ былъ въ холодномъ сараѣ, при 40^{0} морозѣ на дворѣ, въ одномъ пиджакѣ, по ходу пьесы изображать, что онъ изнываетъ отъ жары. Понятно, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣчали на фронтѣ «дѣдушку», какъ его величали солдаты. Въ Желѣзнодорожномъ раіонѣ солдаты, принеся его на рукахъ къ поѣзду, не хотѣли отпускать послѣдній, пока «дѣдушка» не разскажетъ имъ еще что-нибудь передъ отъѣздомъ. Жители Пинеги и другихъ захолустныхъ уголковъ тоже получили возможность увидѣть игру великаго артиста. Пожалуй, талантливый артистъ былъ лучшимъ агитаторомъ и пропагандистомъ культурно-просвѣтительнаго отдѣленія Штаба: его безподобная игра размягчала сердца, пробуждая въ нихъ добрыя человѣческія чувства.

26 ноября по старому стилю я былъ приглашенъ въ солдатскій клубъ на обѣдъ Георгіевскихъ Кавалеровъ — офицеровъ и солдатъ. Около 600 человѣкъ усѣлось за столы, у которыхъ прислуживали дамы женскаго патріотическаго союза. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ: борща съ пирогомъ, котлетъ съ картофелемъ и какао, а для провозглашенія тостовъ былъ предложенъ горячій глинтвейнъ. Подъ звуки оркестра обѣдъ прошелъ чрезвычайно дружно и оживленно, при образцовомъ порядкѣ, который былъ внесенъ дѣятельностью чрезвычайно умѣло прислуживавшихъ представительницъ женскаго патріотическаго союза. Здравица Главнокомандующаго за

георгіевскимъ кавалеромъ была покрыта могучимъ «ура», послѣ чего солдаты посадили его на стулъ и, пронеся по всему помѣщенію, долго качали.

Такъ создавалась и крѣпла связь между офицерскимъ корпусомъ въ лицѣ Главнокомандующаго и солдатской массой на Сѣверѣ. Она была порвана при очередномъ поворотѣ не въ нашу пользу колеса исторіи, но я глубоко убѣжденъ, что, зажженныя тогда рукой ген. Миллера искры благодарности въ солдатскихъ сердцахъ за его неустанныя заботы о нихъ на Сѣверѣ, тлѣютъ до сихъ поръ и ихъ не удастся заглушить тѣмъ, кто еще разъ оказался временнымъ побѣдителемъ, сыгравъ на не изжитыхъ еще до конца злобныхъ инстинктахъ, пробужденныхъ призывами къ классовой борьбѣ.

Глава II

Морское вѣдомство. Сибирская экспедиція

Существуютъ не только отдѣльныя лица, но цѣлыя корпораціи, для которыхъ не дѣйствительны никакіе, хотя бы самые жестокіе, уроки. Чего только не натерпѣлись наши морскіе офицеры отъ своихъ озвѣрѣвшихъ командъ въ періодъ еще февральской революціи, сколько жертвъ понесли они въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, которыхъ не просто убивали, а предварительно подвергали самымъ мучительнымъ пыткамъ, и, однако, это нисколько не вразумило уцѣлѣвшихъ и, когда они волею судебъ вновь становились у власти, они опять съ какимъ-то непонятнымъ упорствомъ повторяли всѣ свои старыя ошибки, которыя уже разъ привели къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Печальный опытъ Русско-Японской войны былъ учтенъ выдающимися нашими моряками въ лицѣ адмирала Эссена и его славныхъ учениковъ Непенина, Колчака и др. лишь въ смыслѣ нашей технической отсталости. Къ устраненію ея были приняты рѣшительныя мѣры и въ минувшую войну нашъ флотъ блестяще справился съ тѣми задачами, которыя ему ставились въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Но не даромъ говорятъ, что мы рабы своихъ привычекъ и что послѣдніе составляютъ нашу вторую натуру. Технику, несмотря на нашу отсталость, было легче измѣнить, чѣмъ вкоренившіяся вѣками традиціи, и бытъ во флотѣ остался прежній. На судахъ господствовала феодальная система. Офицеры представляли собой замкнутую корпорацію представителей лучшихъ дворянскихъ семей, которая смотрѣла свысока даже на своихъ сухопутныхъ коллегъ по оружію, а матросы, набираемые преимущественно изъ сознательныхъ элементовъ уральскихъ заводовъ, представляли собой готовый авангардъ для пролетарской революціи. Жизнь однихъ протекла въ каютъ-кампаніи, а другихъ — въ лабиринтѣ кубриковъ (помѣщеніе для матросовъ на судахъ), куда не проникалъ и не стремился проникать начальническій глазъ; соединялись всѣ только на занятіяхъ. Не было принято никакихъ мѣръ для сближенія этихъ столь разнородныхъ элементовъ, и вполнѣ понятно, что должно было произойти, когда реальное соотношеніе силъ было нарушено революціей.

Казалось бы, изъ происшедшей тяжкой катастрофы нужно было сдѣлать соотвѣтствующій выводъ: осторожно приступать къ набору новыхъ командъ, стараясь на ряду съ малонадежнымъ техническимъ элементомъ имѣть

надежную опору въ лицѣ морской пѣхоты, да и самый техническій персоналъ стараться пополнить призывомъ на службу благонадежныхъ лицъ, преимущественно интеллигентной среды. Несомнѣнно нужно было отказаться разъ на всегда отъ обособленной жизни и постараться сблизиться съ матросской массой, использовавъ въ этомъ отношеніи опытъ сухопутныхъ войскъ, гдѣ офицерскому составу давно уже вмѣнено въ обязанность не одно техническое руководство, а и удовлетвореніе духовныхъ запросовъ ихъ подчиненныхъ. Посмотримъ же, что имѣло мѣсто у насъ на Сѣверѣ.

Морское вѣдомство во главѣ съ Командующимъ морскими силами и Главнымъ Командиромъ портовъ Ледовитаго Океана было подчинено Главнокомандующему на правахъ Морского Министра. Въ составъ его входили не только морская и рѣчная флотиліи и военные порты, но и гражданское управленіе портовъ и мореплаванія съ морскимъ и рѣчнымъ транспортомъ, такъ какъ по условіямъ боевой обстановки считалось необходимымъ сосредоточить все въ однѣхъ рукахъ.

По пріѣздѣ въ Архангельскъ, я засталъ во главѣ морского вѣдомства адмирала В., чрезвычайно опытнаго и искуснаго моряка, но не пользовавшагося въ морской средѣ авторитетомъ и популярностью, такъ какъ онъ командовалъ флотомъ Ледовитаго Океана при большевикахъ. Обстоятельство это было необслѣдовано въ законномъ порядкѣ, что необходимо было сдѣлать въ цѣляхъ всесторонняго выясненія дѣятельности адмирала В., для преданія его въ случаѣ виновности суду, или для реабилитаціи его имени, если бы обвиненіе его въ сознательномъ содѣйствіи Совѣтской власти не подтвердилось. Послѣ долгихъ и неоднократныхъ моихъ настояній ген. Миллеръ согласился на производство предварительнаго слѣдствія, данныя котораго оказались чрезвычайно благопріятными для адмирала В. и дѣло о немъ было прекращено въ законномъ порядкѣ. Но одновременно съ началомъ слѣдствія Главнокомандующій не нашелъ возможнымъ оставить В. на своемъ посту и вмѣсто него Командующимъ морскими силами былъ назначенъ адмиралъ И.

Однимъ изъ первыхъ удачныхъ мѣропріятій адмирала И. было отправленіе въ Сибирь ледокольной экспедиціи, которой онъ долженъ былъ бы руководить самъ, если бы не состоялось его назначеніе. Обслѣдованіе пути, а равно подготовка и руководство выполненіемъ этой сложной задачи, выпало на извѣстнаго изслѣдователя нашихъ полярныхъ путей кап. I ранга В., который и отправился впередъ на ледоколѣ «Вайгачъ». Отправленная вслѣдъ за нимъ экспедиція въ составѣ нѣсколькихъ ледоколовъ подъ командой кап. II ранга М., очень дѣльнаго и толковаго офицера, использовала указанія кап. I ранга В. и благополучно прибыла въ Сибирь, гдѣ, взамѣнъ отправленныхъ для сибирской арміи винтовокъ, получила хлѣбъ и валенки, которые и доставила къ зимѣ въ Архангелскъ для нашей Сѣверной арміи.

Эта экспедиція, организованная на скромныя средства нашей маленькой области и проведенная вполнѣ благополучно, несмотря на предрекаемый ей союзниками, а также спеціалистами изъ норвежскихъ круговъ неуспѣхъ, составляетъ несомнѣнную заслугу нашего маленькаго сѣвернаго флота.

Привлеченіе къ активной дѣятельности адмирала И. вызвало притокъ новыхъ силъ въ морскую среду, но и послѣ этого адміралъ ощущалъ большой недостатокъ въ личномъ составѣ.

Очень печально обстояло также дѣло съ углемъ. Наличные запасы его были расчитаны до 1 января 1920 года, а полученіе заказаннаго въ Англіи было болѣе чѣмъ сомнительно. Все это диктовало строжайшую экономію въ его расходованіи, вслѣдствіе чего электрическая станція города была переведена на дровяное отопленіе. Между тѣмъ броненосецъ «Чесма» и яхта «Ярославна», на которую съ уходомъ англичанъ перешелъ морской штабъ, поглощали массу угля. Мы уже знаемъ, что броненосецъ «Чесма» не только не представлялъ поддержки нашимъ скромнымъ силамъ, но, наоборотъ, приходилось принимать чрезвычайныя мѣры для его разгрузки отъ зловредныхъ элементовъ. Однако, это разумное мѣропріятіе носило временный характеръ и скоро команда его опять дошла до 350 человѣкъ, причемъ несшіе на немъ охрану ополченцы, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, покинули его и онъ, какъ мы увидимъ ниже, опять сдѣлался цитаделью красныхъ. Жизнь на немъ протекала въ условіяхъ, описанныхъ въ началѣ главы, что мнѣ было извѣстно отъ нѣкоторыхъ офицеровъ, которые просились ко мнѣ на службу для того, чтобы, во что бы то ни стало, списаться съ него. Когда я какъ то спросилъ Начальника Штаба морскихъ силъ, чѣмъ занята команда «Чесмы» и надежна ли она, онъ весело и увѣрено отвѣтилъ, что все въ полномъ порядкѣ, такъ какъ матросы заняты развлеченіями, спектаклями и танцами. Дѣйствительно, всѣ «танцульки» и по вечерамъ Троицкій проспектъ были наполнены матросами, причемъ по внѣшнему виду они ничѣмъ не отличались отъ своихъ коллегъ краснаго флота: тѣ же вызывающія лица съ выпущенными чубами на лбу, декольтированныя груди и брюки клошъ.

Гораздо разумнѣе было бы, снявъ съ броненосца команду, лишить его всякаго военнаго значенія, причемъ мы выиграли бы не только въ экономіи угля, но и въ смыслѣ обезпеченія нашего спокойствія отъ всякихъ неожиданностей. Впрочемъ, въ оправданіе адмирала И. необходимо отмѣтить, что такой задачи ему никто не ставилъ, а, наоборотъ, Штабъ Главнокомандующаго самъ вначалѣ разсматривалъ «Чесму», какъ одинъ изъ нашихъ опорныхъ пунктовъ во время ухода союзниковъ. Много нареканій вызвалъ переѣздъ морского штаба на «Ярославну», такъ какъ это также вызывало непроизводительную трату угля, тогда какъ въ городѣ было много подходящихъ для штаба зданій, которыя могли отопляться дровами.

Командующему морскими силами была подчинена также рѣчная флотилія, во главѣ которой стоялъ кап. I ранга Ч., извѣстный по учиненному имъ 6 сентября 1918 года перевороту и аресту членовъ Верховнаго Управленія. Подвижной, энергичный, смѣлый, окруженный такими же сотрудниками изъ морской молодежи, онъ былъ положительно незамѣнимъ въ критическіе моменты нашего существованія. Съ уходомъ англичанъ, охрана Двины перешла въ его руки и надо было видѣть, съ какой стремительностью онъ вынесся туда на наскоро собранныхъ баржахъ и пароходахъ, вооруженныхъ артиллеріей и какъ смѣло оперировалъ тамъ, несмотря на слабыя силы и весьма ненадежный техническій персоналъ своего экипажа.

Но насколько онъ и окружавшіе его сотрудники были способны къ самоотверженному порыву въ минуту опасности, настолько же они были неспособны ни къ какой планомѣрной организаціонной работѣ въ условіяхъ нормальнаго существованія. Когда замерзла Двина, Ч. пришла злосчастная мысль изъ его неблагонадежнаго экипажа сформировать морской стрѣлковый полкъ. Было сформировано нѣсколько ротъ, поселенныхъ въ казармахъ;

внутренняя жизнь морскихъ стрѣлковъ приняла характеръ, основныя черты котораго были отмѣчены выше. Предоставленные самимъ себѣ, морскіе стрѣлки быстро самоопредѣлились въ смыслѣ большевистской оріентаціи. Начальникъ военно-регистраціонной службы Р. многократно докладывалъ по начальству, вплоть до Главнокомандующаго, что положеніе въ морскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ носитъ угрожающій характеръ и можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія. Однако, все шло своимъ чередомъ, несмотря на то, что Главнокомандующій, посѣтивъ какъ то казармы, пришелъ въ ужасъ отъ мрачнаго и озлобленнаго вида людей и былъ страшно возмущенъ тѣмъ, что спрошенные имъ офицеры не знали матросовъ своего взвода по фамиліи.

Когда вступаешь въ полосу бѣдствій, то надъ рѣшеніями людей начинаетъ тяготѣть какой то рокъ. Несмотря на то, что всѣ данныя говорили за немедленное расформированіе морскихъ стрѣлковъ, которые не стѣсняясь по всему городу открыто объявляли, что если ихъ отправятъ сражаться, то они откроютъ фронтъ, они все-таки въ концѣ января были отправлены туда. Ген. Д. отказался ихъ принять къ себѣ на Двину, поэтому двѣ роты были расположены въ Холмогорскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ прибытіе сразу же ознаменовалось насиліями надъ жителями и большевистской пропагандой, о чемъ ген. Д. докладывалъ при мнѣ впослѣдствіи Главнокомандующему. Командующій же Желѣзнодорожнымъ раіономъ ген. В. принялъ къ себѣ двѣ роты, что, какъ мы увидимъ ниже, сыграло роковую роль не только для Желѣзнодорожнаго раіона, но и всего нашего фронта.

Всѣ описанныя выше грустныя обстоятельства имѣли мѣсто, несмотря на то, что способнаго и опытнаго моряка адмирала В. смѣнилъ не менѣе опытный и образованный адмиралъ И., обладавшій широкимъ кругозоромъ, что видно, напримѣръ, изъ того, какъ онъ великолѣпно разбирался въ общемъ положеніи въ критическіе моменты нашего существованія. Однако, они оба не въ силахъ были справиться съ выработанной вѣками рутиной и гибельными навыками, вошедшими въ плоть и кровь личнаго состава нашего флота, ибо дѣло было не въ людяхъ, а въ системѣ.

Глава III

Внутренняя политика. Городская дума и земство. Печать

Сѣверная Область включала въ себя неполную Архангельскую губернію, между тѣмъ въ этихъ скромныхъ предѣлахъ приходилось считаться съ нагроможденіемъ властей, имѣвшихъ прямое отношеніе къ внутренней политикѣ въ лицѣ Временнаго Правительства, Управляющаго отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, Генералъ Губернатора и Начальника Губерніи. Если наличіе Временнаго Правительства оправдывалось самымъ процессомъ возстановленія въ этой части Россіи государственной власти послѣ изгнанія изъ нея большевиковъ, а постъ Начальника Губерніи, соединенный съ Управляющимъ отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, былъ также необходимъ, то несомнѣнно, что Генералъ-губернаторство было совершенно излишнимъ учрежденіемъ и, со вступленіемъ ген. Миллера въ должность Главнокомандующаго, оно было упразднено. Однако, такъ какъ Главнокомандующему принадлежали

крупныя права въ области гражданскаго управленія въ смыслѣ охраненія государственной и общественной безопасности, то гражданская канцелярія Ген. Губернатора не была упразднена, а получила наименованіе гражданской канцеляріи Главнокомандующаго.

Такое нагроможденіе властей врядъ ли способствовало успѣху дѣла, создавая взаимныя тренія и волокиту, но въ этой главѣ я хочу коснуться не административной техники управленія, а общаго направленія политическаго курса, такъ какъ только это и можетъ составить интересъ для широкой публики.

Прежде всего, конечно, придется остановиться на дѣятельности въ этой области Временнаго Правительства, такъ какъ несомнѣнно ему принадлежала руководящая роль и на его засѣданіяхъ разрѣшались конфликты, возникавшіе между отдѣльными руководителями внутренней политики.

Мы уже выше ознакомились съ персональнымъ составомъ Правительства до и послѣ реконструкціи власти и партійной принадлежностью его членовъ, а также съ основнымъ направленіемъ его дѣятельности въ моментъ перваго нашего кризиса, вызваннаго уходомъ союзниковъ и открытіемъ земско-Городского совѣщанія. Ниже въ другихъ главахъ я остановлюсь на господствовавшихъ въ Правительствѣ теченіяхъ въ связи съ послѣдующими правительственными кризисами, а поэтому здѣсь я ограничусь лишь сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о внутренней политической группировкѣ его членовъ при разсмотрѣніи вопросовъ принципіальнаго характера.

До земско-городского совѣщанія, при разногласіяхъ намѣчались всегда три теченія. Лѣвое было представлено Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ Игнатьевымъ и Управляющимъ Отдѣломъ Народн. Просв. Федоровымъ (народные соціалисты) правое — Управляющимъ Отдѣломъ Торг. и Промышленности Мефодіевымъ (к.-д.) и Управляющимъ Отдѣломъ Юстиціи Городецкимъ, а центръ — Зубовымъ (союзъ возрожд. Россіи) и ген. Миллеромъ. Рѣшающая роль несомнѣнно принадлежала центру, въ который входилъ Предсѣдатель Правительства, а также Главнокомандующій, имѣвшій исключительное вліяніе на весь курсъ правительственной дѣятельности, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ голосовалъ обыкновенно и входившій въ составъ Правительства ген. М—скій.

Послѣ реконструкціи власти правое крыло въ лицѣ Городецкаго и Мефодіева отпало и одно время лѣвое крыло оказывало сильное вліяніе на правительственный курсъ, благодаря наличію Скоморохова (с.-р.), который, какъ мы увидимъ ниже, отличался незаурядным природнымъ умомъ и энергіей. Его партійный товарищъ, Едовинъ слѣпо слѣдовалъ за нимъ, плохо разбираясь при этомъ въ государственныхъ дѣлахъ. Однако, и при этомъ составѣ Правительства умѣренное теченіе въ лицѣ центра имѣло несомнѣнный перевѣсъ, такъ какъ центръ, въ лицѣ Зубова и ген. Миллера, усилился Багриновскимъ и Цапенко, да и Федоровъ былъ далекъ отъ поддержки во всѣхъ случаяхъ Скоморохова и Едовина. Послѣдніе, чувствуя послѣ отклоненія амнистіи и принятія энергичныхъ мѣръ къ сохраненію порядка въ связи съ уходомъ союзниковъ игру свою проигранной, выбыли изъ состава Правительства, если не ошибаюсь, въ концѣ октября, или, какъ они выражались въ своемъ заявленіи по этому поводу, «сложили свои полномочія», считая, что это должно было вызвать уходъ и другихъ членовъ, такъ какъ все Правительство было призвано къ власти земско-городскимъ совѣщаніемъ.

Однако, Правительство не раздѣлило такой точки зрѣнія, считая себя однимъ изъ органовъ Всероссійской власти, въ виду сохраненія преемственности съ таковой въ лицѣ своего Предсѣдателя Н. В. Чайковскаго, а потому полномочія свои не сложило, а Скоморохова и Едовина освободило отъ дальнѣйшаго участія въ составѣ Правительства.

Мотивируя свой уходъ, Скомороховъ заявилъ, что онъ считаетъ новый составъ Правительства болѣе контръ-революціоннымъ, чѣмъ до реконструкціи власти, но никакихъ данныхъ въ обоснованіе такого своего взгляда не привелъ, а лишь сослался на отклоненіе амнистіи. Однако, этотъ вопросъ потерялъ къ этому времени всякую свою остроту, ибо, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, всѣ осужденные за «большевизмъ» совѣтскіе дѣятели были выпущены Правительствомъ въ порядкѣ персональнаго помилованія, а въ заключеніи оставались только Бечинъ, Цейтлинъ и Клюевъ, не пожелавшіе подать требуемое отъ нихъ Правительствомъ заявленіе о томъ, что они «обязуются больше не выступать противъ Правительства Сѣверной Области и раскаиваются въ учиненныхъ ими преступныхъ дѣяніяхъ».

Непосредственное руководство внутренней политической дѣятельностью лежало на Управляющемъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ рукахъ котораго находился весь административный аппаратъ, такъ какъ этотъ постъ былъ совмѣщенъ съ должностью Начальника Губерніи. На этомъ посту я засталъ В. И. Игнатьева, причемъ, еще до своего личнаго знакомства съ нимъ, мнѣ пришлось со всѣхъ сторонъ слышать, что онъ претендовалъ на руководящую роль въ правительствѣ и что претензіи его въ этомъ отношеніи иногда увѣнчивались успѣхомъ. Не было другого такого лица въ Архангельскѣ, которое сумѣло бы всѣхъ такъ объединить въ чувствѣ недоброжелательства къ себѣ, какъ В. И. Игнатьевъ. Своей заносчивостью и олимпійскимъ величіемъ, столь негармонировавшими съ его прошлымъ политическаго ссыльнаго въ административномъ порядкѣ и настоящимъ — демократическаго дѣятеля, вышедшаго изъ рядовъ народно-соціалистической партіи, онъ отталкивалъ отъ себя не только рабочихъ, но и гораздо болѣе умѣренные демократическіе элементы въ лицѣ представителей земства и кооперацій; тѣ же качества выводили изъ себя его политическихъ противниковъ справа, считавшихъ его выскочкой, претендующимъ играть роль прежняго губернатора. Къ сожалѣнію, онъ самъ подавалъ поводъ къ подобнымъ обвиненіямъ, не только своей манерой держаться, но и нѣкоторыми своими поступками, какъ напримѣръ арестованіемъ зазѣвавшагося и не отдавшаго ему чести милиціонера, о чемъ имъ былъ отданъ офиціальный приказъ, окончательно подорвавшій его престижъ въ демократическихъ кругахъ. Мнѣ скажутъ, что это мелочь, но она характерна, а самое печальное это то, что въ его дѣятельности не было ничего крупнаго, что было бы достойно отмѣтить на страницахъ моихъ воспоминаній. Ни одного серьезнаго труда въ разнообразныхъ отрасляхъ ввѣреннаго ему управленія и лишь пышная, но дешевая революціонная фразеологія въ выступленіяхъ, столь не вяжущаяся при этомъ съ натянутымъ и напыщеннымъ видомъ снобирующаго бюрократа, и газетные фельетоны вмѣсто законопроектовъ. Появленіе его у власти было положительно загадкой, причемъ видимо онъ былъ въ этомъ отношеніи обязанъ болѣе всего своей личной энергіи, такъ какъ, по словамъ управлявшаго дѣлами Временнаго Правительства К. Г. Маймистова, Чайковскій не склоненъ былъ сначала привлекать его къ активной

дѣятельности, но онъ предъявилъ ему какіе то серьезные мандаты центральнаго комитета народно-соціалистической партіи и союза возрожденія Россіи, которые склонили Чайковскаго къ предоставленію ему поста Начальника Губерніи, а затѣмъ и Управляющаго отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ.

В. И. Игнатьева замѣстилъ Городской Голова Архангельской Городской Думы И. В. Багриновскій, на котораго, въ связи съ его энергичной дѣятельностью въ области городского самоуправленія, возлагались большія надежды. Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ его общественныхъ выступленій, которыя рисовали его человѣкомъ искреннимъ, разумнымъ, толково разбирающимся въ окружающей сложной обстановкѣ. Такое же впечатлѣніе было и отъ его первыхъ шаговъ въ качествѣ руководителя внутренней политики, совпавшихъ съ тревожными днями созыва земско-городского совѣщанія и уходомъ союзниковъ, когда онъ твердо и увѣренно поддерживалъ въ Правительствѣ и проводилъ въ жизнь мѣропріятія, которыя дали намъ возможность выйти съ честью изъ выпавшаго тогда на насъ тяжкаго испытанія. Но тѣ, кто его хорошо зналъ, предсказывали, что его не на долго хватитъ для планомѣрной и систематической работы, такъ какъ основными чертами его характера являлись порывъ и настроеніе. Къ сожалѣнію эти предсказанія оправдались и онъ, несмотря на вступленіе наше въ полосу критическихъ событій, отдался своимъ личнымъ дѣламъ, которыя конечно не являются темой для нашего изслѣдованія.

Выдвинувшая его Городская Дума, какъ мы уже видѣли по дѣлу ея оправданнаго секретаря Антушевича, склонна была принимать самое активное участіе въ политической жизни края, не только тогда, когда члены ея привлекались къ этому въ порядкѣ созыва земско-городского совѣщанія, но и тогда, когда на повѣсткахъ ея стояли болѣе скромные вопросы городского хозяйства. Извѣстна свойственная намъ русскимъ черта брать на себя смѣлость переустройства всего міра на новыхъ основаніяхъ, когда мы часто не можемъ справиться съ лопнувшей водопроводной трубой. Давно отмѣчено также, что въ политикѣ не только внутренней, но даже международной, каждый невѣжда считаетъ себя компетентнымъ. Поэтому засѣданія Думы временами не носили твердаго, дѣлового характера и каждый поставленный на повѣстку вопросъ вызывалъ схватку праваго и соціалистическаго блоковъ. Послѣ ухода изъ Думы И. В. Багриновскаго, на выборахъ его замѣстителя, побѣдилъ правый блокъ и постъ Городского Головы занялъ крупный мѣстный торговецъ г. Александровъ. Это вызвало не только длительное противодѣйствіе со стороны соціалистическаго блока, но и оппозицію служащихъ Городской Управы, большая часть которыхъ принадлежала къ демократическимъ элементамъ. Однако, въ своихъ политическихъ выступленіяхъ Городская Дума, какъ въ періодъ Земско-Городского совѣщанія, такъ и въ послѣдній критическій моментъ существованія области была носительницей умѣренныхъ теченій политической мысли и до конца оказывала поддержку Правительству и высшему военному командованію.

Земство было въ рукахъ эсеровъ всѣхъ трехъ группъ (лѣвыхъ, правыхъ и центра) со Скомороховымъ въ качествѣ Предсѣдателя Губернской Земской Управы во главѣ. Правое оборончеcкое крыло его было незначительно, имѣя своимъ лидеромъ редактора «Возрожденія Сѣвера» А. Иванова. Душой, вдохновителемъ, вѣрнѣе полновластнымъ руководителемъ земства былъ Скомороховъ, авторитету котораго безпрекословно подчинялись представители

лѣвыхъ эсеровъ и центра. Отличительными чертами этой незаурядной фигуры являлись природный умъ и сильная воля, а принимая во вниманіе ту исключительную роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ области, я позволю себѣ немного подробнѣе остановиться на характеристикѣ его личности. Мальчикомъ онъ былъ взятъ на побѣгушки въ магазинъ мѣстнаго крупнаго торговца Антонова, у котораго онъ потомъ сдѣлался отвѣтственнымъ приказчикомъ. Съ дѣтскаго возраста онъ весь свой досугъ посвящалъ самообразованію, усвоивъ самоучкой не только грамоту, но пройдя самостоятельно курсъ «гимназіи на дому». Однако, онъ не ограничился этимъ, и, прибѣгнувъ къ содѣйствію проживавшихъ въ Архангельскѣ политическихъ ссыльныхъ, подъ ихъ руководствомъ познакомился съ экономическими и соціальными науками, чѣмъ и опредѣлилось видимо его міровоззрѣніе и партійная принадлежность еще задолго до революціи. Упомянутый выше докторъ Борисъ Соколовъ отзывался о немъ, какъ о надежнѣйшемъ и преданнѣйшемъ членѣ эсеровской партіи, но если вѣрить въ искренность оборончества самого доктора Соколова, то онъ въ Скомороховѣ ошибся, считая его принадлежавшимъ къ правому эсеровскому крылу. Какъ большинство самоучекъ, Скомороховъ былъ самоувѣренъ, а усвоенныя имъ соціальныя доктрины носили для него непреложное значеніе символа вѣры. Все это вмѣстѣ съ конденсированной классовой злобой придавало его энергіи сатанинскій характеръ, когда онъ начиналъ кампанію противъ своихъ враговъ, причемъ нелегальная дѣятельность въ періодъ царскаго режима выработала въ немъ искусные навыки къ подпольной работѣ. Мы увидимъ ниже, какъ онъ послѣ ухода изъ Правительства организовалъ очередной натискъ на послѣднее и въ критическій моментъ нанесъ ударъ, который оказался роковымъ не только для Правительства, но и для самаго существованія области.

Съ дѣятельностью земства въ земельномъ вопросѣ мы познакомимся въ отдѣльной главѣ, а пока отмѣтимъ нѣкоторыя характерныя черты его хозяйственной дѣятельности.

Архангельское земство насчитывало только нѣсколько лѣтъ своего существованія, оно не имѣло ни опыта, ни традицій, ни средствъ, которыми располагали старыя земства сосѣднихъ Вологодской и Вятской губерній. Мы знаемъ какъ даже въ старыхъ земствахъ косная крестьянская масса тяготилась земскими повинностями въ связи съ расходами, которые вызывались открытіемъ школъ, больницъ и проведеніемъ и улучшеніемъ путей сообщенія. Можетъ быть, совѣтская система съ ея первоначальными лозунгами власти на мѣстахъ въ значительной степени и имѣла успѣхъ потому, что сельскіе совдепы использовали ее въ смыслѣ избавленія отъ всякихъ тяготъ не только земскихъ но и государственныхъ, въ силу чего Совѣтской власти при переходѣ къ государственной централизаціи приходится выколачивать сейчасъ налоги въ порядкѣ карательныхъ экспедицій. Поэтому понятно, какъ тяжело должно было чувствовать себя молодое Архангельское губернское земство, считаясь съ явной тенденціей волостныхъ земствъ избавиться отъ земскаго обложенія, особенно въ связи съ реквизиціями, квартирной и подводной повинностями и всякими другими поборами, вызываемыми военными дѣйствіями. Въ виду этого губернское земство существовало исключительно на правительственныя средства, представляя собой какъ бы избранный населеніемъ аппаратъ для осуществленія той отрасли государственной дѣятельности, которую Правительство не брало на себя, а возлагало на

законный органъ самоуправленія, не желая подъ предлогомъ отсутствія средствъ у послѣдняго узурпировать его права. Существуя на правительственныя средства, земство настолько неудовлетворительно вело свое хозяйство, что возникалъ даже вопросъ о правительственной ревизіи. Наряду съ неумѣніемъ и безтолковостью были допущены и прямыя злоупотребленія, что можно было усмотрѣть изъ разслѣдованія, произведеннаго по поводу поставки земствомъ недоброкачественной рыбы военному вѣдомству. Разслѣдованіе это какъ разъ совпало съ послѣднимъ натискомъ земскаго собранія на правительство и матеріалъ его послужилъ прекраснымъ оружіемъ въ рукахъ Главнокомандующаго для охлажденія пылкихъ демагоговъ, подвергшихъ безпощадной критикѣ правительственную политику. Очень жалко, что послѣдовавшее черезъ двѣ недѣли послѣ этого паденіе области помѣшало привлечь къ законной отвѣтственности тѣхъ господъ изъ земской среды, которые проливали крокодиловы слезы о «несчастныхъ солдатахъ, понуждаемыхъ офицерами къ безсмысленной братоубійственной бойнѣ», и одновременно поставляли недоброкачественную рыбу, употребленіе которой могло вывести изъ строя не одинъ десятокъ человѣкъ.

Отсутствіе разумной и добросовѣстной хозяйственной дѣятельности земство компенсировало политическими выступленіями съ обвиненіемъ Временнаго Правительства въ контръ-революціонности и посягательствѣ на народныя права, не имѣя при этомъ никакихъ конкретныхъ данныхъ для фактическаго обоснованія своихъ обвиненій. Если въ чемъ и можно было обвинить Правительство, такъ это въ томъ, что оно слишкомъ щепетильно относилось къ охраненію принциповъ земскаго самоуправленія и на безпочвенные нападки не отвѣтило ревизіей земскихъ учрежденій и передачей виновныхъ прокурорскому надзору. Правительство содержало на казенныя средства не только законную оппозицію, но, какъ мы увидимъ ниже, и прямыхъ предателей, съ которыми можно и должно было разговаривать только въ порядкѣ военно-полевого суда.

Принимая участіе въ земско-городскомъ совѣщаніи, земство усиливало въ немъ лѣвое крыло, давая явный перевѣсъ соціалистическимъ элементамъ, что обезпечивало Скоморохову предсѣдательское мѣсто и исключительное вліяніе на работу земско-городского совѣщанія. Съ дѣятельностью послѣдняго мы уже ознакомились при разсмотрѣніи вопроса о политической амнистіи, ничѣмъ болѣе реальнымъ эта работа не выразилась, что удостовѣрено было даже самимъ Земско-Городскимъ совѣщаніемъ въ проектѣ его конституціи, который принадлежалъ перу одного изъ его членовъ, молодому помощнику присяжнаго повѣреннаго, принадлежавшему къ соціалистическому блоку. Проектъ этотъ былъ одобренъ юридической секціей совѣщанія и предложенъ вниманію Правительства для проведенія его въ жизнь. Рѣдко мнѣ приходилось видѣть что нибудь болѣе безграмотное въ юридическомъ смыслѣ. Указывая на то, что земско-городское совѣщаніе обнаружило «дѣйственность» (?!) и жизнеспособность особенно въ поднятомъ по его иниціативѣ вопросѣ объ общей политической амнистіи, проектъ предлагалъ сохранить этотъ органъ какъ представительный для періодическаго его собранія на предметъ контроля правительственной дѣятельности. Не устанавливая фактической отвѣтственности Правительства передъ земско-городскимъ совѣщаніемъ и не конструируя этотъ органъ, въ смыслѣ его правъ, обязанностей и отвѣтственности его членовъ, на началахъ, положенныхъ въ

основаніе представительныхъ органовъ демократическихъ государствъ, проектъ устанавливалъ право, какъ самого земско-городского совѣщанія, такъ и дѣйствующихъ во время перерыва между сессіями комиссій, провѣрять и контролировать дѣятельность органовъ правительственной власти, не только въ центрѣ, но и на мѣстахъ, съ правомъ допуска и ознакомленія съ дѣлами всѣхъ правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, и устраненія замѣченныхъ злоупотребленій. Однимъ словомъ на ряду съ Временнымъ Правительствомъ долженъ былъ появиться совденъ временъ начала февральской революціи и мы, несмотря на жестокій опытъ большевизма, закончившійся благодаря такому двоевластію захватомъ власти совѣтами, возвращались авторами проекта къ тому, съ чего начали. Проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе консультаціи при Управляющемъ отдѣломъ юстиціи, которая подвергла его заслуженной жестокой критикѣ, послѣ чего онъ былъ отвергнутъ въ Правительствѣ всѣми голосами противъ Едовина и Скоморохова, который, между прочимъ, по поводу замѣчаній консультаціи на проектъ заявилъ, что «чиновники не желаютъ признавать народныхъ правъ и хотятъ править сами», — выводъ, продиктованный невѣжествомъ въ союзѣ съ классовой злобой.

Остается въ связи съ освѣщеніемъ нашей внутренней политической жизни сказать еще нѣсколько словъ о печати, этомъ могучемъ отразителѣ и двигателѣ политическихъ настроеній каждой, свободной демократической страны.

Въ Архангельскѣ выходили четыре газеты: «Сѣверное Утро», «Отечество», «Русскій Сѣверъ» и «Возрожденіе Сѣвера». «Сѣверное Утро», носило безпартійный характеръ, не представляя собою интереса въ смыслѣ отраженія тѣхъ или иныхъ господствовавшихъ на Сѣверѣ политическихъ теченій, но зато обладало наибольшимъ информаціоннымъ матеріаломъ, въ силу чего охотно читалось, какъ частной публикой, такъ и на фронтѣ. «Отечество» было органомъ праваго крыла праваго блока Гор. Думы, лидеромъ котораго былъ и редакторъ этой газеты Е. П. Семеновъ. Она имѣла скромный тиражъ и неохотно читалась на фронтѣ, въ виду непопулярности въ массахъ проводимыхъ ею политическихъ тенденцій, между тѣмъ иногда печатаемыя ею свѣдѣнія были очень интересны, такъ какъ Е. П. Семеновъ располагалъ большимъ информаціоннымъ матеріаломъ, особенно о дѣятельности Всероссійскаго Правительства адмирала Колчака.

Очень интересной и содержательной газетой былъ «Русскій Сѣверъ», издаваемый группой видныхъ мѣстныхъ кадетъ, но здѣсь иногда позволяли себѣ слишкомъ неумѣренные выпады противъ Правительства на почвѣ защиты эгоистической политики мѣстныхъ торгово-промышленныхъ круговъ, съ которыми газета была связана прочными узами.

Наибольшее распространеніе имѣла газета «Возрожденіе Сѣрева», что, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что она была единственнымъ органомъ «соціалистической мысли», но надо отдать ей справедливость, что она располагала богатымъ матеріаломъ и статьи ея были весьма интересны по своему содержанію. Къ сожалѣнію, какъ я уже отмѣтилъ выше, она послѣ пріѣзда доктора Бориса Соколова взяла рѣзкій оппозиціонный тонъ какъ къ Правительству адмирала Колчака, такъ и къ Правительству Сѣверной Области, а въ послѣдній критическій фазисъ нашего существованія, въ редакціи ея побѣдили крайніе элементы въ лицѣ всѣмъ памятнаго по Архангельску мистера Кептэна, подъ псевдонимомъ котораго скрывался нѣкій Долговъ,

подозрительный субъектъ, называвшій себя анархистомъ, который, между прочимъ, даже позволилъ себѣ какъ-то въ стихотворной формѣ восхвалять Ленина и Троцкаго.

Военная цензура, бывшая сначала въ рукахъ военной канцеляріи Генералъ-Губернатора, а съ упраздненіемъ этой канцеляріи перешедшая въ руки военно-цензурнаго отдѣленія Штаба Главнокомандующаго, носила болѣе чѣмъ снисходительный характеръ, строго держась лишь недопущенія въ печать свѣдѣній, которыя могли бы повредить намъ въ военномъ отношеніи.

Правительство имѣло свой собственный органъ «Правительственный Вѣстникъ Сѣверной Области», но литературная сторона его представляла мало интереса и онъ имѣлъ значеніе лишь какъ офиціозный освѣдомитель о распоряженіяхъ Правительства и различнаго рода административныхъ назначеніяхъ. Въ качествѣ правительственнаго органа освѣдомленія и агитаціи существовало Сѣверное бюро печати, или какъ его называли «Арбюръ» (Архангельское бюро), издававшее газету «За свободу Россіи»; въ составъ его входили лица, политическую физіономію которыхъ очень трудно было уловить. Въ періодъ успѣховъ на бѣлыхъ фронтахъ газета «За свободу Россіи» держалась боевого тона въ отношеніи большевиковъ, ярко проявляя патріотическія тенденціи. Но съ паденіемъ другихъ бѣлыхъ фронтовъ дѣятельность Арбюра начинаетъ принимать тревожный характеръ. Въ витринахъ его къ удивленію и возмущенію архангельской публики появлялись, то картины стройныхъ парадовъ красныхъ войскъ, принимаемыхъ Троцкимъ, то очередное агитаціонное воззваніе Ленина или Троцкаго, сопровождаемое наивной фразой: «Вотъ какъ они собираются завоевать міръ» или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Командующіе войсками раіоновъ, вызывавшіеся къ ген. Миллеру на совѣщаніе незадолго до ликвидаціи нашего фронта, указывали, что въ арміи, благодаря культурно-просвѣтительному отдѣленію Штаба, кое что дѣлается въ смыслѣ агитаціи и пропаганды, но тылъ совершенно заброшенъ и населеніе его поражаетъ своей полной неосвѣдомленностью о событіяхъ, которыя мы переживали, и цѣляхъ, которыя мы преслѣдовали въ борьбѣ съ большевиками. Очевидно, въ порядкѣ борьбы съ «неподходящимъ» для него правительствомъ бюро прибѣгло къ скрытой формѣ саботажа, причины котораго обнаружились въ критическій періодъ нашего существованія, когда Арбюръ вошелъ въ зону исключительнаго вліянія эсеровскихъ теченій, поддерживая самыя тѣсныя сношенія съ докторомъ Б. Соколовымъ, который въ дни катастрофы очутился въ составѣ послѣдняго Правительства какъ разъ въ качествѣ руководителя агитаціи и пропаганды.

Глава IV

Аграрный вопросъ. Рабочій вопросъ.

Аграрный вопросъ не носилъ въ Сѣверной Области характера остроты, такъ какъ помѣщичьихъ земель тамъ не было и лишь монастыри были крупными земельными собственниками. Распоряженіемъ Временнаго Правительства Сѣверной Области церковныя и монастырскія земли были конфискованы и обращены въ національный фондъ. Кромѣ постановленія о монастырскихъ земляхъ были опубликованы еще два закона: о расчисткахъ

и оброчныхъ статьяхъ. Расчистками назывались участки земли, предоставляемые издавна на Сѣверѣ на льготныхъ основаніяхъ тѣмъ, кто брался ихъ расчищать для заведенія на нихъ крестьянскаго хозяйства. Постановленіемъ Временнаго Правительства въ отношеніи оброчныхъ статей и расчистокъ устанавливался максимумъ владѣній на одного домохозяина въ 11 десятинъ. Лишь въ предѣлахъ этого максимума владѣльцу земли предоставлялась возможность спокойно пользоваться его участкомъ, если послѣдній эксплуатировался въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ, такъ какъ, согласно общаго характера всѣхъ вышеназванныхъ трехъ земельныхъ законовъ, земля каждой волости находилась въ полномъ распоряженіи волостного земства, которое имѣло право поступать съ нею по своему усмотрѣнію. Такъ какъ въ каждой волости были свои порядки и воззрѣнія, а между волостями не было опредѣленныхъ границъ, то законы, базируясь на усмотрѣніи волостного земства, устанавливали полный хаосъ въ области земельныхъ отношеній, создавая массовые споры между волостями о компетенціи той или иной волости рѣшать спорное дѣло. При спорѣ крестьянъ разныхъ волостей между собой выигрывалъ тяжбу обыкновенно тотъ, волость котораго принимала участіе въ разрѣшеніи спора. При столкновеніи интересовъ отдѣльнаго владѣльца съ волостью, которая по закону была не только судьей, но и хозяиномъ земель, поступившихъ въ волостной фондъ, конечно процессъ всегда выигрывала волость, которая была заинтересована въ томъ, чтобы отобрать лишній кусокъ земли и хозяйничать надъ нимъ. Путаницу усугубляло еще и то обстоятельство, что съ формальной стороны постановленія волостной земской управы подлежали обжалованію административнаго суда, а по существу — волостного земскаго собранія, которое было въ этомъ отношеніи послѣдней и окончательной инстанціей, что тоже часто вызывало острые конфликты между судебными учрежденіями и земствомъ.

Въ законѣ о расчисткахъ ясно была видна тенденція сохранить землю за захватчиками ея въ порядкѣ развитія революціоннаго процесса, а не за тѣми, кто дѣйствительно въ свое время потратилъ колоссальный трудъ на ея расчистку. Постоянныя недоразумѣнія порождались также между новыми владѣльцами монастырской земли и бывшими арендаторами ея у монастырей.

Безъ всякихъ поясненій понятно, вліяніе какихъ партійныхъ теченій отразилось на всѣхъ этихъ земельныхъ законахъ, красной нитью черезъ которые проходитъ искорененіе въ области землевладѣнія собственническаго начала.

Законы эти прошли во Временномъ Правительствѣ подъ сильнымъ личнымъ давленіемъ Чайковскаго, за нѣсколько дней до его отъѣзда за-границу.

Однако и въ этомъ своемъ видѣ они не удовлетворяли губернское земство во главѣ со Скомороховымъ, которое особенно настойчиво, сначала въ видѣ ходатайствъ, а потомъ и прямыхъ требованій, настаивало передъ Правительствомъ на отмѣнѣ ограниченія, установленнаго въ отношеніи спокойнаго пользованія владѣльцемъ землей въ предѣлахъ законнаго максимума въ одиннадцать десятинъ и на предоставленіи волостнымъ земствамъ права отбирать земельные участки у владѣльцевъ, не считаясь ни съ нормой, ни съ характеромъ владѣнія. Такъ какъ ограниченіе это продолжало сохранять свою силу, то земство попыталось отмѣнить его своей инструкціей, которую оно должно было составить въ силу закона. Инструкція

эта подвергалась критикѣ консультаціи при управляющемъ отдѣломъ юстиціи, послѣ чего земство пошло уже походомъ на Временное Правительство, которое однако тянуло съ разрѣшеніемъ этого вопроса и своего рѣшительнаго слова по нему не сказало.

Между прочимъ, въ нашу крестьянскую среду проникли свѣдѣнія о томъ, что въ Сибири къ разрѣшенію аграрнаго вопроса подошли болѣе осторожно, съ бережнымъ отношеніемъ къ принципу частной земельной собственности, что имѣло у насъ своимъ послѣдствіемъ столкновеніе въ крестьянской средѣ, часть которой привѣтствовала сибирскіе законы и указывала на необходимость примѣненія ихъ у насъ, а часть рѣзко протестовала противъ нихъ, причемъ не обошлось даже безъ эксцессовъ, одинъ изъ которыхъ въ порядкѣ предварительнаго слѣдствія дошелъ и до меня. По этому поводу я имѣлъ случай побесѣдовать о мѣстныхъ земельныхъ законахъ съ Управляющимъ Отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, В. И. Игнатьевымъ, который приложилъ къ нимъ въ періодъ ихъ созданія свою руку и руководилъ проведеніемъ ихъ въ жизнь. На мои сѣтованія, что они страдаютъ неопредѣленностью и что главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что Правительство въ стадіи ихъ фактическаго осуществленія отстранилось отъ руководства, предоставивъ собственно говоря все земству, онъ, не мало не смущаясь, заявилъ мнѣ, что въ неопредѣленности содержанія этихъ законовъ и заключается главное достоинство, такъ какъ она придаетъ имъ ту гибкость и эластичность, которая въ зависимости отъ послѣдующаго разрѣшенія аграрнаго вопроса во всероссійскомъ масштабѣ дастъ возможность сдѣлать изъ нихъ выводъ или въ сторону укрѣпленія собственности, или въ развитіе идеи соціализаціи земли.

Рабочій вопросъ тоже не могъ имѣть въ Сѣверной Области особой остроты уже по одному тому, что количество рабочихъ по сравненію съ остальной массой было ничтожно, такъ какъ даже въ Архангельскѣ при пятидесятитысячномъ населеніи ихъ насчитывалось немного болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, да и въ смыслѣ матеріальнаго благополучія они стояли много выше средней обывательской среды, такъ какъ оклады ихъ превышали таковые же мелкихъ служащихъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ учрежденій.

Англійское командованіе, имѣя дѣло съ нашими рабочими судоремонтнаго завода и портовыми, выпустило для ихъ вразумленія сравнительную шкалу заработка англійскихъ и нашихъ рабочихъ со справкой о цѣнахъ на предметы первой необходимости, причемъ оказалось, что наши рабочіе совершенно не были обижены въ расцѣнкѣ своего труда, что объяснялось отчасти тѣмъ, что рубль нашъ, утративъ цѣнность на внѣшнемъ рынкѣ, сохранилъ довольно высокую покупательную стоимость на внутреннемъ и цѣны не только на нормированные продукты, но даже и на ненормированные, какъ напримѣръ рыбу, составлявшую основной продуктъ питанія сѣверянъ, были въ области не высоки.

Дѣло Бечина показало, что никакихъ поводовъ матеріальнаго характера къ выступленію рабочихъ противъ Правительства не было и что оно преслѣдовало исключительно политическія цѣли, благодаря тому, что рабочая среда была лишена разумнаго идейнаго руководительства и чувствовала себя совершенно заброшенной демократическимъ Правительствомъ, игнорировавшимъ, какъ духовные запросы рабочихъ, такъ и дѣятельность ихъ

профессіональныхъ союзовъ. Доложивъ объ этомъ Главнокомандующему послѣ процесса, я высказалъ соображеніе, что военный судъ является слишкомъ суровой школой государственности и что необходимо принять какія нибудь другія мѣры. Въ это время рабочій вопросъ входилъ въ компетенцію управляющаго отдѣломъ торговли и промышленности Мефодіева, а въ качествѣ охранителя общественныхъ и государственныхъ интересовъ къ нему имѣлъ касательство В. И. Игнатьевъ. Ни тотъ, ни другой ничего для разрѣшенія его не сдѣлали, хотя Игнатьевъ сначала горячо взялся за дѣло и рѣшилъ издать законъ объ организаціи труда. Кому онъ поручилъ составленіе его — неизвѣстно, но только вмѣсто закона вышелъ фельетонъ обо всемъ вообще, что касается труда, вслѣдствіи чего этотъ законопроектъ и не былъ принятъ Правительствомъ.

При реконструкціи Правительства въ августѣ, въ связи съ созывомъ земско-городского совѣщанія, Правительство рѣшило принять мѣры къ урегулированію рабочаго вопроса и, въ связи съ этимъ, имъ былъ учрежденъ отдѣлъ труда, который былъ врученъ вошедшему въ составъ Правительства директору судоремонтнаго завода инженеру Цапенко, чрезвычайно любимому рабочими и пользовавшемуся въ ихъ средѣ большой популярностью. По полученіи изъ Сибири, приблизительно въ октябрѣ мѣсяцѣ, законоположеній объ организаціи и охранѣ труда, инженеръ Цапенко занялся разработкой примѣненія этихъ законовъ къ архангельскимъ условіямъ, результатомъ чего явился къ новому году довольно объемистый и серьезный трудъ, который однако Временное Правительство не успѣло разсмотрѣть, такъ какъ слишкомъ много было другихъ горячихъ и животрепещущихъ вопросовъ на повѣсткахъ Правительства послѣдніе два мѣсяца его существованія.

Глава V

Финансы, торговля и промышленность

Сѣверная Область, какъ это уже было отмѣчено въ одной изъ предыдущихъ главъ, вмѣщалась въ предѣлы прежней Архангельской губерніи, которая хотя и обладала значительными природными богатствами въ видѣ лѣса, рыбы и пушнины, но зато не имѣла въ достаточномъ количествѣ своего хлѣба, принадлежа въ этомъ отношеніи къ числу не производительныхъ, а потребительныхъ губерній. Конечно, разумное использованіе лѣсныхъ богатствъ и рыбныхъ промысловъ давало бы возможность области свести концы съ концами въ порядкѣ обмѣна этихъ цѣнностей на хлѣбъ, но нельзя забывать, что мы находились въ состояніи войны, для которой, какъ извѣстно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще разъ деньги. Вполнѣ понятно, что область не въ состояніи была на свои скромныя средства вести вооруженную борьбу, которая конечно требовала колоссальныхъ затратъ. Ясно, что въ этомъ отношеніи нельзя было обойтись безъ посторонней помощи, которую несомнѣнно не въ силахъ было оказать Омское Правительство, а поэтому она всецѣло пала на союзниковъ, вѣрнѣе на англичанъ. Мнѣ не извѣстенъ точно порядокъ расчета съ ними за предоставленное ими въ большомъ количествѣ вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе и продовольствіе для арміи, очевидно тутъ сыграли нѣкоторую роль довольно крупныя

средства, имѣвшіяся заграницей у нашихъ дипломатическихъ представителей для расчета за военные заказы въ связи съ національной войной, но помощь была оказана не только въ военной, но и въ чисто финансовой области, путемъ выпуска сѣверныхъ кредитокъ, обезпеченныхъ Англійскимъ банкомъ.

Когда я пріѣхалъ въ область, я засталъ въ обращеніи самые разнообразные денежные знаки. Наибольшею цѣнностью обладали сѣверныя деньги, выпущенныя англичанами и получаемыя изъ Англіи, гдѣ онѣ печатались. Онѣ считались по офиціальному курсу вдвое дороже всѣхъ другихъ знаковъ, а такъ какъ фунтъ стерлинговъ расцѣнивался въ сорокъ рублей сѣверныхъ, то и курсъ обыкновеннаго рубля стоялъ на Сѣверѣ довольно высоко. Этого курса Правительство придерживалось и въ дальнѣйшемъ, уже послѣ изъятія изъ обращенія сѣверныхъ денегъ, что конечно не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію вещей, ибо стоимость нашего рубля все падала.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, Правительство отдало распоряженіе о перфораціи (штемпелеваніи) царскихъ, думскихъ и керенокъ, объявивъ извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онѣ должны были быть представлены для перфораціи, послѣ истеченія котораго непроштемпелеванные денежные знаки перечисленныхъ категорій подлежали изъятію изъ обращенія. Насколько мнѣ удалось выяснить, мѣра эта была принята подъ вліяніемъ полученныхъ изъ Омска распоряженій, гдѣ были проведены еще болѣе энергичныя мѣропріятія къ аннулированію керенокъ, что вызвало страшное неудовольствіе сибирскаго крестьянства и, какъ потомъ это оповѣщалось большевиками, послужило однимъ изъ поводовъ паденія адмирала Колчака. У насъ штемпелеваніе имѣло главной цѣлью прекратить наплывъ этихъ денегъ изъ-за границы и совдепіи, а также установить количество обращаемыхъ въ области денежныхъ знаковъ, для выясненія нужды въ таковыхъ населенія области и въ связи съ эмиссіоннымъ правомъ Областного банка.

Я уже указывалъ выше, описывая возстаніе на Пинегѣ, какое неудовольствіе вызвала эта мѣра въ крестьянскомъ населеніи и какъ ее въ своихъ интересахъ использовали большевики. Нетрудно понять причины этого неудовольствія, особенно въ прифронтовой полосѣ, гдѣ населеніе переходило то къ краснымъ, то къ бѣлымъ и гдѣ оно, слѣдовательно, нуждалось въ денежныхъ знакахъ, имѣвшихъ значеніе для обѣихъ сторонъ, а ему какъ разъ «портили» самыя цѣнныя съ его точки зрѣнія деньги. Но и въ Архангельскѣ эту мѣру встрѣтили съ большимъ возмущеніемъ, тѣмъ болѣе что выполненіе штемпелевки было поставлено безобразно, такъ какъ она проводилась въ кратчайшій срокъ и вызвала скопленіе публики, которая, простаивая часами въ хвостахъ, подвергала принятую Правительствомъ мѣру самой озлобленной критикѣ. Правда, вскорѣ обыватель нашелъ довольно простой выходъ изъ положенія. Такъ какъ способъ штемпелевки былъ очень простой и состоялъ въ пробитіи маленькихъ отверстій съ изображеніемъ очередного номера штемпеля, то приступили къ перфораціи домашнимъ способомъ при посредствѣ шпилекъ и булавокъ, при чемъ «перфорированныя» такимъ образомъ деньги, даже при самой грубой поддѣлкѣ, имѣли свободное обращеніе. Однако большинство населенія совершенно уклонилось отъ штемпелеванія особенно крупныхъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ нештемпелеванные стали приниматься охотнѣе и даже ихъ расцѣнивали дороже въ сравненіи со штемпелеванными равнаго съ ними достоинства. Чтобы

покончить съ неудачными мѣропріятіями Правительства въ этой области, необходимо еще отмѣтить то неудовольствіе, которое вызывало въ населеніи отсутствіе мелкихъ денежныхъ знаковъ, изъ-за чего происходили постоянныя пререканія въ трамваяхъ и магазинахъ, которые чтобы исправить это неудобство завели особыя чековыя книжки. Съ вопросомъ этимъ такъ тянули, что машины для напечатанія этихъ денежныхъ знаковъ прибыли изъ-за границы незадолго до паденія области.

Согласно имѣвшимся въ моихъ рукахъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ торгово-промышленныхъ круговъ, торговля при союзникахъ находилась почти вся въ ихъ рукахъ, такъ какъ они были распорядителями морского транспорта и лишь 16% вывозимаго груза приходилось на нашу долю. Подъ прикрытіемъ военнаго мундира въ Архангельскѣ появились многочисленные представители англійскаго торговаго міра, вродѣ селедочнаго короля П—ра, снабдившаго насъ между прочимъ весьма недоброкачественными норвежскими сельдями стараго засола.

Для урегулированія валютнаго вопроса Правительство потребовало отъ экспортеровъ выдачи подписокъ о сдачѣ областному банку вырученной отъ продажи лѣса и другихъ товаровъ валюты, безъ чего не выдавало разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на вывозъ. Союзники съ своей стороны не склонны были считаться съ этими правилами и разрѣшали вывозъ товаровъ по выдаваемымъ ими такъ-называемымъ компенсаціоннымъ свидѣтельствамъ, обезпечивавшимъ экспортерамъ оставленіе въ ихъ рукахъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи товаровъ заграницу.

Такъ работали въ этой области англичане, но отъ нихъ не отставали и французы, которые подошли къ этому вопросу немного иначе. Въ Архангельскѣ появился громадный французскій пароходъ «Торъ», нагруженный исключительно предметами роскоши: виномъ, парфюмеріей, сладостями и принадлежностями дамскаго туалета, причемъ всѣ эти товары продавались только на сѣверныя деньги. Такимъ образомъ выкачиваніе валюты пошло путемъ импорта, причемъ когда была сдѣлана попытка запротестовать, то ловкіе друзья сослались на Н. В. Чайковскаго, котораго имъ дѣйствительно удалось убѣдить въ Парижѣ оказать содѣйствіе къ проведенію этой гибельной для нашего финансоваго благополучія операціи. Но мало этого, у валюты появился еще болѣе грозный «внутренній» врагъ въ лицѣ Управляющаго Областнымъ банкомъ г. Б. Послѣдній располагалъ правомъ, при расплатахъ съ частными банками и фирмами, часть суммы выдавать сѣверными, а часть другими денежными знаками. Онъ использовалъ это свое право въ интересахъ одного банка, съ которымъ былъ связанъ близкими отношеніями, путемъ расплаты съ послѣднимъ сѣверными деньгами, причемъ таковая производилась обыкновенно наканунѣ поднятія курса этихъ денегъ, такъ что мало того, что тратилась валюта, но Правительство еще теряло и на курсѣ.

Всѣ указанные выше промахи и недочеты объяснялись въ значительной степени тѣмъ, что финансы находились въ рукахъ слишкомъ довѣрчиваго и мало компетентнаго въ этомъ вопросѣ П. Ю. Зубова, а торговля и промышленность были ввѣрены доктору Мефодіеву, который по своей медицинской спеціальности врядъ ли былъ на высотѣ пониманія врученнаго его руководству дѣла.

Съ созывомъ земско-городского совѣщанія и образованіемъ новаго состава Правительства, Мефодіевъ и г. Б. покинули свои посты. Управляющимъ Областнымъ банкомъ былъ назначенъ г. Р., а соединенные въ одинъ отдѣлъ финансы, торговля и промышленность были вручены инженеру К., одному изъ директоровъ Коломенскихъ заводовъ.

Первые шаги его дѣятельности были ознаменованы крайне рѣзкимъ выступленіемъ въ отношеніи представителей торгово-промышленнаго класса, которыхъ онъ вызвалъ къ себѣ для переговоровъ въ связи съ испытываемыми областью финансовыми затрудненіями, потребовавъ отъ нихъ выполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ по сдачѣ валюты. Предполагаю, что это послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ для открытія противъ него кампаніи, которая приняла въ концѣ концовъ ожесточенный характеръ. Переговоры во всякомъ случаѣ не привели ни къ какимъ реальнымъ результатамъ, а между тѣмъ область испытывала въ означенный періодъ крайнюю нужду въ платежныхъ средствахъ за-границей.

Въ виду этого, я былъ вызванъ къ Главнокомандующему, гдѣ на совмѣстномъ совѣщаніи съ инженеромъ К. было рѣшено принять исключительныя мѣры для побужденія внесенія валюты тѣми лицами, которыя нарушили свой долгъ и не выполнили принятыхъ передъ Правительствомъ обязательствъ. Въ результатѣ этого былъ изданъ 29 Октября приказъ Главнокомандующаго слѣдующаго содержанія:

«Для борьбы съ врагомъ армія и флотъ нуждаются въ хлѣбѣ, фуражѣ и углѣ, которые можно пріобрѣсти главнымъ образомъ за-границей за счетъ иностранной валюты. Безъ этой валюты Сѣверная Область лишена возможности удовлетворять эти жизненныя потребности своихъ вооруженныхъ силъ, а потому полученіе ея Правительствомъ составляетъ насущную и неотложную потребность для облегченія возможности продолженія вооруженной борьбы. Въ цѣляхъ успѣха веденія войны считаю необходимымъ въ порядкѣ исключительныхъ правъ, предоставленныхъ мнѣ, какъ Главнокомандующему, принять нижеслѣдующія мѣры:

1) Лица, обязавшіяся подпиской о сдачѣ иностранной валюты Сѣверному Областному банку по вывознымъ разрѣшеніямъ и не сдавшія таковой по требованію Отдѣла финансовъ въ назначенный этимъ отдѣломъ срокъ, подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ отъ 4 до 6 лѣтъ и, сверхъ того, отобранію всего принадлежащаго имущества въ казну.

Основаніе: ст. 12 Правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи.

2) На основаніи второго пункта ст. 19 тѣхъ же Правилъ дѣла объ упомянутыхъ выше преступленіяхъ изъемлю изъ общей гражданской подсудности съ передачей ихъ на разсмотрѣніе военнаго суда».

Приказъ этотъ имѣлъ самые благопріятные матеріальные результаты, ибо, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ прикосновенныя къ нему лица, находившіяся въ Архангельскѣ, рѣшили, что съ военнымъ командованіемъ шутки плохи и немедленно внесли въ распоряженіе Областного банка ту валюту, которую они, въ нарушеніе выданныхъ ими обязательствъ, не представляли до сихъ поръ.

Конечно, такое мѣропріятіе, нарушающее нормальныя гражданско-правовыя отношенія Правительства и частныхъ лицъ, могло быть предпринято

только въ порядкѣ исключительныхъ обстоятельствъ и подлежало самому ограничительному толкованію. Между тѣмъ г. К. была обнаружена тенденція дать ему распространительное примѣненіе направленіемъ военно-прокурорскому надзору дѣлъ, которыя ни съ какой стороны подъ этотъ приказъ не подходили. Возвращеніе ему ихъ обратно побудило его обратиться ко мнѣ съ укоромъ, что я лишаю этимъ область продовольствія, которое не можетъ быть пріобрѣтено безъ валюты, на что я отвѣтилъ ему, что военная прокуратура не является нормальнымъ органомъ снабженія и что я сомнѣваюсь, чтобы его финансовыя мѣропріятія могли имѣть успѣхъ, если онъ ихъ собирается проводить черезъ прокурорскій надзоръ.

Отношенія г. К. съ торгово-промышленными кругами обострялись все больше и больше и, наконецъ, дошли до своего кульминаціоннаго пункта послѣ того, какъ послѣднимъ стала извѣстна составленная Управляющимъ Областнымъ банкомъ г. Р. записка объ организаціи импорта и экспорта. Записка эта дѣйствительно носила чрезвычайно поверхностный характеръ, создавая какой-то непонятный органъ изъ представителей отдѣла финансовъ, торгово-промышленнаго класса и общественности, который долженъ былъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю. Но кромѣ того, эта записка была совершенно недопустима по своему тону, своими рѣзкими выпадами противъ торгово-промышленнаго класса, которому во всероссійскомъ масштабѣ приписывались всѣ наши бѣдствія, будто бы имѣвшія своимъ источникомъ его корыстолюбіе и нежеланіе поступиться своими интересами для общаго блага. Не говоря уже о томъ, что такое огульное и необоснованное обвиненіе одного класса представлялось совершенно несправедливымъ, такъ какъ вина за нашу разруху несомнѣнно была общая, это обвиненіе было особенно неосторожно, такъ какъ исходило отъ одного изъ отвѣтственныхъ дѣятелей финансовой политики Правительства, обязаннаго къ особой сдержанности по своему служебному положенію.

Нельзя было не согласиться съ представителями торговли и промышленности, что проектъ этотъ носилъ на себѣ отпечатокъ большевизма, ничѣмъ не отличаясь отъ большевистскаго декрета о національзаціи внѣшней торговли и названіе «совнархозъ», мѣтко брошенное кѣмъ-то, болѣе всего подходило къ проектированному органу. Недаромъ проектъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ среди нашихъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, что, какъ оказывается, имѣлъ въ виду и самъ авторъ его, уже крѣпко къ этому времени связавшій съ ними свою судьбу черезъ Арбюръ.

Торгово-промышленные круги выступили въ отвѣтъ на проектъ г. Р. съ подробной критикой, изложенной въ представленной Главнокомандующему и Правительству особой запискѣ, любезно врученной мнѣ однимъ изъ представителей торгово-промышленнаго класса. Записка эта указывала на всѣ отмѣченные мною выше промахи, допущенные самимъ Правительствомъ при разрѣшеніи валютнаго вопроса, и, съ приложеніемъ діаграмъ и цифровыхъ данныхъ, доказывала, что при установленномъ низкомъ курсѣ на контръ-валюту никакая торговая дѣятельность невозможна, такъ какъ никто себѣ въ убытокъ торговать не станетъ. Поэтому Правительству предлагалось установить болѣе нормальный и соотвѣтствующій рыночнымъ цѣнамъ курсъ на валюту и не требовать по окончаніи торговой операціи сдачи вырученной суммы цѣликомъ, оставляя часть ея владѣльцу въ качествѣ фонда для послѣдующихъ операцій и для поощренія его для дальнѣйшихъ предпріятій.

Дѣятельность гг. К. и Р. подверглась самой безпощадной критикѣ съ указаніемъ, что они дискредитировали себя экзекутированіемъ банковскихъ счетовъ старыхъ клiентовъ, подрывая этимъ всякое довѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ и вызывая параличъ въ торговой дѣятельности. Одновременно въ запискѣ указывалось на несправедливыя льготы, оказываемыя коопераціи, которой почему-то была возвращена Правительствомъ валюта, представленная ею по разрѣшительному вывозному свидѣтельству, при чемъ выражалось пожеланіе, чтобы въ будущемъ эта несправедливость была устранена и торговля частныхъ фирмъ и коопераціи была поставлена въ одинаковыя условія свободы и конкуренціи, чѣмъ лучше всего будутъ обезпечены интересы какъ широкихъ круговъ населенія, такъ и государства, что видно по опыту всѣхъ культурныхъ европейскихъ странъ, гдѣ Правительства, ища выхода изъ труднаго экономическаго положенія, стараются въ равной степени использовать какъ общественно-кооперативныя организаціи, такъ и частную предпріимчивость.

Одновременно Правительство подверглось отповѣди и со стороны кооперативныхъ организацій въ лицѣ представителя «Центросоюза» г. С., поводомъ къ чему послужило рѣзкое выступленіе Управляющаго Отдѣломъ Финансовъ Торговли и Промышленности г. К. на совѣщаніи изъ представителей Правительства, торгово-промышленнаго класса и коопераціи, на которомъ онъ позволилъ себѣ упрекнуть публично мѣстную кооперацію въ своекорыстной дѣятельности и въ полученіи за свое посредничество ростовщическихъ процентовъ. Представитель центросоюза представилъ Главнокомандующему особую докладную записку, въ которой просилъ указать ему порядокъ привлеченія за клевету члена Временнаго Правительства г. К., а затѣмъ подробно обрисовалъ всю дѣятельность кооперативныхъ организацій на Сѣверѣ, направленную, согласно запискѣ, на снабженіе области дешевыми продуктами и предметами первой необходимости.

Я не берусь быть судьей того, кто былъ правъ въ возникшемъ тогда столкновеніи между представителями Правительства съ одной стороны, и торгово-промышленными кругами и кооперативами, съ другой. Изъ бесѣдъ съ Предсѣдателемъ Правительства П. Ю. Зубовымъ я вынесъ впечатлѣніе, что Правительство въ вопросахъ финансовой и торговой политики держится взглядовъ, которые положены сейчасъ въ основу дѣятельности правящихъ круговъ почти всѣхъ странъ, испытавшихъ на себѣ послѣдствія міровой войны и которые сводятся къ урегулированію ввоза, съ устраненіемъ изъ него такъ-называемыхъ предметовъ роскоши и къ всемѣрному поощренію производства и вывоза, но съ сосредоточеніемъ въ рукахъ Правительства экспортной валюты, для поддержанія падающаго курса денегъ и уменьшенія или хотя бы задержанія вздорожанія жизни на предметы и продукты первой необходимости.

Цѣны на послѣдніе, которыя мнѣ удалось сохранить въ своей памяти, могутъ отчасти служить иллюстраціей того, что Правительство въ значительной степени достигло указанной цѣли. Населеніе получало ежедневно по фунту бѣлаго хлѣба, стоившаго 55 коп. фунтъ. Рыба въ изобиліи предлагалась на рынкѣ и въ кооперативахъ отъ 2 р. 50 к. (треска) до 4 рублей (камбала, навага и др.) за фунтъ. Мясо было труднѣе достать, но и оно стоило всего отъ 8 до 9 р. фунтъ. Дороже было масло — 40 р. фунтъ и молоко — 10—12 р. бутылка. Конечно я беру архангельскія

цѣны самаго послѣдняго времени, которыя были много выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ напримѣръ въ Селецкомъ раіонѣ бутылка молока стоила отъ 80 коп .до 1 рубля. Въ офицерскомъ собраніи обѣдъ до послѣдняго времени стоилъ 6 рублей, трамвай въ зависимости отъ перегона отъ 1 до 3 рублей, газета 1 рубль за номеръ. Мнѣ неизвѣстно, что произошло съ цѣнами на продукты при появленіи въ Архангельскѣ большевиковъ, я только знаю точно, что стоившій при насъ 300 рублей англійскій френчъ сразу же послѣ возстановленія рабоче-крестьянской власти сталъ расцѣниваться отъ 15 до 20 тысячъ рублей, а затѣмъ цѣна на него поднялась до 80 тысячъ рублей.

Возвращаясь къ описанію упомянутыхъ выше разногласій, считаю необходимымъ отмѣтить, что они совпали съ критическимъ моментомъ нашего существованія, когда всѣ остальные фронты уже пошатнулись и требовалось особое единеніе и сплоченіе всѣхъ антибольшевистскихъ элементовъ, между тѣмъ оппозиція держалась непримиримаго тона, способствуя этимъ приближенію правительственнаго кризиса, который былъ совсѣмъ не по времени.

Особенно жалко было Главнокомандующаго, котораго засыпали въ это время записками со всѣхъ сторонъ съ обвиненіями другъ друга, причемъ онъ конечно врядъ ли былъ въ состояніи разобраться, кто былъ правъ и кто виноватъ, и его лишь пугала мысль, что въ результатѣ этихъ препирательствъ область останется безъ всякихъ средствъ.

Эти раздоры больше всего были на руку крайнимъ оппозиціоннымъ элементамъ и въ частности ихъ лидеру Скоморохову, который очень ловко использовалъ въ своихъ интересахъ создавшееся противъ Правительства настроеніе. Притворившись сочувствующимъ г. К., онъ всячески поощрялъ натискъ послѣдняго на кооперативы, жалуясь, что тѣ при заключеніи контрактовъ съ земствомъ стараются содрать съ него ростовщическіе проценты, а одновременно съ этимъ собирая у себя совѣщаніе представителей всѣхъ демократическихъ теченій въ томъ числѣ и руководителей кооперативныхъ организацій и указывая на всю недопустимость и нелѣпость финансовой политики Правительства и на притѣсненія, которыя оно чинитъ такимъ демократическимъ организаціямъ, какъ кооперативы, несмотря на всю ихъ апполитичность, — призывалъ всѣхъ къ сплоченію и борьбѣ съ Правительствомъ, предлагая даже въ этомъ отношеніи использовать и недовольство торгово-промышленныхъ круговъ.

Подъ его руководствомъ, незамѣтно, съ экономическихъ вопросовъ переходили на политическіе и въ нужный моментъ онъ ловко выдвигалъ новый лейтъ-мотивъ: «Нужно мириться, такъ какъ генералы на всѣхъ фронтахъ загубили революцію», послѣ чего упорно подчеркивалась мысль, что даже большевики лучше, и если съ ними во время заключить миръ, то и переходъ власти къ нимъ совершится безболѣзненно, безъ всякихъ репрессій съ ихъ стороны. Самое ужасное, что на этихъ засѣданіяхъ присутствовали солдаты, принадлежавшіе къ партійнымъ эсерамъ, черезъ которыхъ эти предательско-соглашательскія тенденціи дѣлались достояніемъ остальной солдатской массы.

Глава VI

Гражданская и военная юстиція

Правильно организованная юстиція составляетъ основу государственнаго порядка, поэтому возстановленіе судебнаго аппарата было одной изъ первыхъ задачъ, сразу же послѣ изгнанія большевиковъ изъ области. Въ отношеніи гражданскаго вѣдомства это было сравнительно нетрудно сдѣлать, такъ какъ, немедленно съ возстановленіемъ государственнаго порядка, мировые суды и Архангельскій Окружный судъ открыли свою дѣятельность и наличный составъ ихъ служащихъ приступилъ къ прерванной большевиками работѣ. Однако, передъ гражданской юстиціей возникли новыя задачи въ связи съ самостоятельнымъ существованіемъ области, что вызвало появленіе въ составѣ Правительства Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, при которомъ впослѣдствіи была организована консультація, игравшая роль маленькаго сената въ смыслѣ окончательнаго редактированія и согласованія законопроектовъ передъ внесеніемъ ихъ во Временное Правительство, послѣ утвержденія имъ они воспринимали силу законовъ и печатались въ Правительственномъ Вѣстникѣ, а также въ Собраніяхъ узаконеній и распоряженій Временнаго Правительства Сѣверной Области.

Въ консультаціи кромѣ предсѣдателя ея — Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, принимали участіе: Предсѣдатель Кассаціоннаго Присутствія Сѣвернаго фронта, Прокуроръ Архангельскаго Окружнаго суда, представители гражданскаго и уголовнаго отдѣленій этого суда и представители адвокатуры. Консультація, какъ я уже отмѣтилъ выше играла видную роль въ приданіи правительственнымъ узаконеніямъ надлежащей формы и яснаго содержанія, что обезпечивалось составомъ ея участниковъ изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ юристовъ области.

Для ликвидаціи послѣдствій большевистскаго режима была учреждена Особая Слѣдственная Комиссія изъ чиновъ гражданской магистратуры и прокуратуры при участіи представителя военнаго вѣдомства. Она пользовалась исключительными правами въ смыслѣ привлеченія всѣхъ лицъ, скомпрометировавшихъ себя при большевикахъ, независимо отъ ихъ служебнаго положенія, наблюдательныя же прокурорскія функціи въ отношеніи ея были возложены на Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи.

Дѣятельность этой комиссіи вызывала нареканія со всѣхъ сторонъ, такъ какъ работа ея велась столь замедленнымъ темпомъ, что создавала впечатлѣніе безконечной волокиты. Произошло это потому, что поставленная комиссіи задача совершенно не соотвѣтствовала силамъ гражданскаго судебнаго вѣдомства, испытывавшаго колоссальный недостатокъ въ личномъ составѣ, да и была неправильна по существу, такъ какъ несомнѣнно, что главарей большевистскаго движенія нужно было ликвидировать въ порядкѣ военно-полевого суда, а въ отношеніи остальныхъ второстепенныхъ дѣятелей проявить большую осторожность, избѣгая предварительнаго содержанія ихъ подъ стражей и ограничиваясь привлеченіемъ минимальнаго количества наиболѣе скомпрометированныхъ совѣтскихъ служащихъ съ освобожденіемъ остальныхъ отъ всякой уголовной отвѣтственности. Между тѣмъ комиссія широко раскинула свои сѣти и заарестовала массу лицъ, дѣла о которыхъ съ момента переворота и изгнанія большевиковъ — 2 августа 1918 года тянулись вплоть до паденія области, причемъ большая часть привлеченныхъ была въ

результатѣ освобождена самой комиссіей, или оправдана военно-окружнымъ судомъ.

Не только волокита вызывала неудовольствіе, но и обнаруженная комиссіей безпомощность, выразившаяся въ необслѣдованіи дѣятельности болѣе видныхъ представителей совѣтской власти на ряду съ содержаніемъ подъ стражей многихъ мелкихъ агентовъ ея. Особенно въ этомъ отношеніи оказался не на высотѣ филіалъ комиссіи на Мурманѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, большинство совѣтскихъ дѣятелей могло быть привлечено лишь за соціалистическіе опыты, правда причинившіе краю большіе матеріальные убытки, но гдѣ совѣты не запятнали себя измѣной, составлявшей одинъ изъ характерныхъ моментовъ преступной дѣятельности московскихъ большевиковъ. Однако, и здѣсь большинство привлеченныхъ тоже находилось подъ стражей, безконечно ожидая результатовъ слѣдствія, а въ то же время не былъ привлеченъ къ отвѣтственности бывшій военный руководитель красной арміи ген. З., который, послѣ того какъ предсѣдатель Мурманскаго совдепа кочегаръ Юрьевъ прервалъ сношенія съ Москвой, обозвавъ Ленина измѣнникомъ, продолжалъ сноситься съ большевистскимъ командованіемъ въ лицѣ комиссаровъ и ген. Огородникова, сообщая имъ свѣдѣнія о количествѣ прибывшихъ союзныхъ силъ. Этотъ ловкій генералъ, бывшій лейбъ-гусаръ и флигель-адъютантъ, душа въ душу работалъ съ большевистской властью. Не могу не отмѣтить чрезвычайно интереснаго эпизода, характеризующаго его личность и извѣстнаго мнѣ изъ предварительнаго слѣдствія о Мурманскомъ совдепѣ. Прибывъ какъ то въ Мурманскъ изъ Москвы, гдѣ онъ былъ въ командировкѣ, онъ привезъ Мурманскому совѣту низкій поклонъ «революціонныхъ вождей товарищей Ленина и Троцкаго», причемъ, передавая его, всталъ и фактически низко поклонился Мурманскому совѣту.

По ознакомленіи съ дѣломъ Мурманскаго совѣта я потребовалъ привлеченія ген. З. къ уголовной отвѣтственности, что и было исполнено.

Дѣятельность слѣдственной комиссіи вызывала неудовольствіе не только общественныхъ круговъ, но членовъ Правительства и Главнокомандующаго, а земско-городское совѣщаніе, какъ извѣстно, даже потребовало совсѣмъ упразднить ее.

Но не только это обстоятельство вызвало нареканіе на руководителя гражданскаго судебнаго вѣдомства, управляющаго отдѣломъ юстиціи и предсѣдателя Архангельскаго окружнаго суда С. Н. Городецкаго, — его также усиленно обвиняли въ томъ, что дѣятельность его была проникнута духомъ партійности. Объясняется это тѣмъ, что С. Н. Городецкій былъ втянутъ въ круговоротъ политической борьбы не только по своей должности управляющаго отдѣломъ юстиціи, но и какъ гласный буржуазнаго блока городской думы и предсѣдатель союза интеллигенціи. Между тѣмъ, привлеченію его къ широкой общественной и политической дѣятельности способствовали его общительность и чрезвычайно привлекательныя черты его характера.

Какъ одинъ изъ дефектовъ организаціи гражданской юстиціи необходимо отмѣтить то, что не было создано апелляціонной и — главное — кассаціонной инстанціи, что придавало дѣламъ, въ случаѣ ихъ опротестованія или обжалованія, незаконченный характеръ, вызывая иногда въ населеніи представленіе объ отказѣ въ правосудіи, иллюстраціей чего можетъ служить одно маленькое дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ нѣкіимъ господиномъ N своей прислуги. По жалобѣ послѣдней обидчикъ былъ осужденъ мировымъ

судьей и приговоръ былъ утвержденъ мировымъ съѣздомъ; виновный принесъ на рѣшеніе послѣдняго кассаціонную жалобу и тѣмъ избавился отъ приведенія приговора въ исполненіе, что вызвало въ демократическихъ слояхъ населенія, не разбирающихся въ тонкостяхъ процесса, представленіе о томъ, что судъ «мирволитъ буржуямъ», разрѣшая имъ безнаказанно «обижать простой народъ».

Отсутствіе кассаціонной инстанціи нельзя было оправдать ни ссылкой на то, что обжалованные приговоры будутъ разсмотрѣны Сенатомъ въ Омскѣ при первой къ тому возможности, ни ограниченнымъ составомъ служащихъ, такъ какъ испытывавшее въ этомъ вопросѣ не меньшія затрудненія военно-судебное вѣдомство еще до моего прибытія открыло кассаціонное присутствіе.

За исключеніемъ этихъ дефектовъ гражданскія судебныя установленія съ честью выполняли выпавшую на нихъ тяжелую и отвѣтственную работу, которая при болѣе чѣмъ скромномъ численномъ составѣ служащихъ требовала величайшаго напряженія. Сессіи уголовнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей шли непрерывно какъ въ Архангельскѣ, такъ и въ уѣздахъ, куда приходилось выѣзжать за сотни верстъ, подвергаясь большимъ неудобствамъ и лишеніямъ какъ въ пути такъ и на мѣстахъ.

С. Н. Городецкій, чрезвычайно опытный и образованный юристъ, выдѣлялся своимъ искуснымъ руководительствомъ судебныхъ засѣданій, пользуясь большой популярностью среди присяжныхъ засѣдателей, чрезвычайно чутко прислушивавшихся къ его образцовымъ резюме. Его ближайшій сотрудникъ прокуроръ Архангельскаго Окружнаго суда г. Д., на котораго по его должности выпадала главная часть работы гражданскаго судебнаго вѣдомства, отличался исключительной работоспособностью, и обладалъ широкими познаніями и яркимъ юридическимъ мышленіемъ.

Необходимо также отмѣтить, что С. Н. Городецкій былъ однимъ изъ создателей національнаго ополченія, почтенная роль котораго была отмѣчена мною выше, и что, начиная съ прокурора суда г. Д., всѣ чины гражданскаго судебнаго вѣдомства состояли ополченцами и, въ качествѣ таковыхъ, съ винтовками въ рукахъ выполнили свой долгъ до конца, неся караульную службу во время посадки на суда и оставленія нами Сѣверной Области.

Военно-судебное вѣдомство включало въ свой составъ Военно-Окружный Судъ Сѣверной Области и Кассаціонное присутствіе Сѣвернаго фронта, замѣнявшее собой Главный Военный Судъ, благодаря чему всѣ дѣла могли имѣть вполнѣ законченный характеръ. Я уже отмѣтилъ выше при описаніи прибытія моего въ Архангельскъ, что въ основу организаціи военно-судебнаго вѣдомства были положены правильные принципы, что составляло громадную заслугу всѣхъ тѣхъ гражданскихъ юристовъ, на которыхъ выпала трудная задача организаціи военно-судебныхъ установленій на Сѣверѣ. Моя роль свелась лишь къ тому, чтобы обезпечить фактическое проведеніе указанныхъ принциповъ въ жизнь, путемъ рѣшительнаго отдѣленія судебной власти отъ административной.

Въ войскахъ въ качествѣ судовъ низшей инстанціи были организованы полковые суды, а для разсмотрѣнія исключительныхъ правонарушеній особые военные суды (военно-полевые). Для наблюденія за правильнымъ отправленіемъ правосудія въ послѣднихъ и полковыхъ судахъ, при всѣхъ Командующихъ войсками раіоновъ, а также при Штабѣ Главнокомандующаго были учреждены завѣдывающіе военно-судебной частью, назначаемые преимуще-

ственно изъ офицеровъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, черезъ которыхъ военная прокуратура осуществляла свой контроль надъ военно-полевыми и полковыми судами, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы дѣятельность послѣднихъ носила закономѣрный характеръ, что, между прочимъ, также обезпечивалось пересмотромъ приговоровъ послѣднихъ въ порядкѣ обжалованія въ Военно-Окружномъ судѣ.

Въ послѣднемъ, при полномъ единомысліи между собой юридическихъ элементовъ — военныхъ судей и представителей строя — временныхъ членовъ, протекала важнѣйшая дѣятельность военно-судебнаго вѣдомства, на которое, какъ то видно изъ описаннаго выше дѣла Бечина, выпала главная роль по борьбѣ съ преступными проявленіями большевизма, а также устраненіе злоупотребленій и поддержаніе дисциплины и воинскаго порядка въ арміи.

Большая работа была выполнена также по пересмотру и изданію новыхъ законоположеній, какъ матеріальнаго такъ и процессуальнаго характера, а также воинскихъ уставовъ: внутренней службы и дисциплинарнаго. При пересмотрѣ послѣднихъ были устранены всѣ недопустимые пережитки прошлаго, трактовавшіе солдата, какъ «нижняго» чина, съ сохраненіемъ всѣхъ тѣхъ незыблемыхъ требованій воинской дисциплины, какъ въ области повиновенія и чинопочитанія, такъ и при регламентаціи внутренней и внѣказарменной жизни, которыя положены въ основаніе соотвѣтствующихъ уставовъ демократическихъ странъ.

Я не нахожу возможнымъ входить здѣсь въ оцѣнку принципіальной стороны дѣятельности военно-судебнаго вѣдомства, ибо мнѣ пришлось бы быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но я считаю себя въ правѣ отмѣтить успѣшность технической стороны работы, которая благодаря тому, что во главѣ суда и прокурорскаго надзора стояли такіе выдающіеся по своимъ способностямъ лица, какъ А. Н. З. и Н. И. С., носила образцовый характеръ. Служащіе суда и надзора отличались чрезвычайной добросовѣстностью и работоспособностью, отлично справляясь съ выпавшей на нихъ тяжелой работой, несмотря на то, что всѣ они также какъ и ихъ непосредственные руководители были не военными, а гражданскими юристами, и только двое изъ нихъ, предсѣдатель суда и военный судья В. М. А., во время національной войны пріобрѣли основательный стажъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ.

Глава VII

Сношенія съ Всероссійскимъ Правительствомъ и распоряженіе послѣдняго объ упраздненіи Вр. Правительства Сѣверной Области

Прежде чѣмъ закончить описаніе сравнительно спокойнаго періода нашего строительства и перейти къ критическому фазису нашего существованія, я позволю себѣ остановить вниманіе читателей на нашихъ сношеніяхъ съ Сибирью, которыя чуть было не привели къ упраздненію нашего Правительства, причемъ не въ силу какого нибудь конфликта, а въ порядкѣ

предпринятаго Омскимъ Правительствомъ объединенія всей власти въ своихъ рукахъ. Еще 10 сентября Главнокомандующимъ была получена радіотелеграмма изъ Омска съ сообщеніемъ объ утвержденіи 29 августа Верховнымъ Правителемъ принятаго совѣтомъ Министровъ «Положенія объ управленіи Сѣвернымъ краемъ» и присвоеніи Главнокомандующему правъ Главнаго Начальника этого края, съ введеніемъ изложеннаго правительственнаго постановленія въ дѣйствіе по телеграфу. Независимо отъ того, что постановленіе это, вызвавшее принятіе такой серьезной и отвѣтственной мѣры, какъ упраздненіе Временнаго Правительства Сѣверной Области, носило характеръ полной неожиданности, такъ какъ нашъ представитель въ Сибири кн. Куракинъ не освѣдомилъ предварительно о немъ ни Правительство, ни Главнокомандующаго, полученіе его совпало съ уходомъ союзниковъ, созывомъ земско-городского совѣщанія и реконструкціей власти по соглашенію съ послѣднимъ, что, видимо, заставило Главнокомандующаго отнестись болѣе чѣмъ осторожно къ проведенію его въ жизнь, тѣмъ болѣе, что переданный по радіо текстъ положенія объ управленіи Сѣвернымъ краемъ страдалъ существенными пропусками и даже самое поверхностное ознакомленіе съ нимъ вызывало полное недоумѣніе — настолько онъ былъ неудовлетворителенъ по своему содержанію. Поэтому Главнокомандующій обратился съ просьбой повторить текстъ этого положенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, запросилъ у кн. Куракина болѣе подробныхъ объясненій по поводу принятія Всероссійскимъ Правительствомъ такой серьезной мѣры въ столь спѣшномъ порядкѣ и безъ всякихъ предупрежденій.

Пока шли эти сношенія, которыя носили весьма несовершенный характеръ, такъ какъ связь по радіо была налажена плохо, да и сибирская армія начала въ этотъ моментъ свое поспѣшное отступленіе, изъ Сибири возвратилась ледокольная экспедиція, причемъ, вмѣстѣ съ ней прибыли представители Всероссійскаго Правительства во главѣ съ г. Фельдманомъ, доставившіе намъ законы Всероссійскаго Правительства, напечатанные въ Правительственномъ Вѣстникѣ и Собраніи Узаконеній и Распоряженій.

При первоначальномъ разсмотрѣніи ихъ въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго, въ которой я также принялъ участіе, наше общее недоумѣніе вызвало то обстоятельство, что сила дѣйствія многихъ законовъ Омскаго Правительства уже была распространена на нашу область съ отмѣной несогласованныхъ съ ними постановленій нашего Правительства, о чемъ послѣднее не было поставлено въ извѣстность, несмотря на то, что въ пересмотрѣ и отмѣнѣ ихъ опять таки принялъ участіе нашъ представитель кн. Куракинъ. Такъ какъ это мѣропріятіе противорѣчило постановленію самого же Всероссійскаго Правительства, сообщенному въ отвѣтъ на признаніе его Верховенства Правительствомъ Сѣверной Области, согласно которому послѣднее сохранило и послѣ этого право законодательства въ области практическихъ мѣропріятій, то рѣшено было приступить къ тщательному пересмотру присланныхъ законоположеній съ опубликованіемъ и введеніемъ въ дѣйствіе лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя не вызывали коренной ломки нашего законодательства, что могло бы вызвать крайне нежелательныя внутреннія осложненія.

Вмѣстѣ со своими ближайшими сотрудниками не безъ волненія приступилъ и я къ пересмотру законовъ по военно-судебному вѣдомству. Тревожилъ вопросъ, сохранились ли въ законодательствѣ Омскаго Правительства

основные принципы законодательнаго творчества перваго революціоннаго Правительства Россіи, которыми клался рѣшительный предѣлъ административному вмѣшательству въ судебныя дѣла, и военная прокуратура освобождалась отъ опеки всемогущаго военнаго начальства.

Организація военной юстиціи — одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ показателей политическаго курса правительства и не даромъ я съ тяжелымъ чувствомъ, еще до прибытія на Сѣверъ, прочелъ въ правилахъ Добровольческой арміи ген. Деникина о возстановленіи военно-судебныхъ законовъ и уставовъ, дѣйствовавшихъ до 27 февраля 1917 года. Для меня было достаточно одной этой фразы, чтобы понять, куда идутъ и куда приведутъ насъ руководители Южнаго Правительства.

Однако, всѣмъ сомнѣніямъ было суждено быстро разсѣяться. Завоеванія революціи въ этой области были сохранены и, несмотря на то, что законодательство Сѣверной Области и Сибири протекало совершенно сепаратно другъ отъ друга, оно абсолютно совпало во всѣхъ главнѣйшихъ своихъ положеніяхъ.

Проглядывая и изучая законодательство по военно-судебному вѣдомству, мы считали необходимымъ хотя бы бѣгло ознакомиться съ дѣятельностью Всероссійскаго Правительства во всѣхъ другихъ важнѣйшихъ областяхъ государственной жизни, причемъ ознакомленіе это вызвало у насъ чувство полнаго удовлетворенія, ибо изъ правительственныхъ декларацій и распоряженій можно было усмотрѣть, что въ основу правительственной дѣятельности было положено искреннее желаніе возродить нашу государственность на началахъ правового строя и демократическаго режима.

Одновременно съ прибытіемъ Сибирской экспедиціи полученъ былъ подробный текстъ положенія о Главномъ Начальникѣ Сѣвернаго края съ категорическимъ требованіемъ адмирала Колчака немедленно ввести его въ дѣйствіе. Главнокомандующій не нашелъ болѣе возможнымъ откладывать разрѣшеніе этого вопроса и онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Временнаго Правительства, причемъ, по распоряженію Главнокомандующаго, съ докладами по этому поводу выступили юрисконсультъ гражданской канцеляріи Главнокомандующаго г. П. и я. Послѣ нашего доклада Правительство пришло къ единодушному рѣшенію, что временное положеніе объ управленіи Сѣвернымъ краемъ, предоставлявшее Начальнику края лишь права Генералъ-Губернатора, представляется абсолютно непріемлемымъ, такъ какъ Область, въ виду отсутствія нормальной связи съ Сибирью, попала бы въ безвыходное положеніе при разрѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ административнаго, законодательнаго и особенно финансоваго характера.

Въ виду этого Правительство рѣшило переработать это положеніе въ смыслѣ предоставленія болѣе широкихъ полномочій Главному Начальнику края, что было возложено на комиссію подъ моимъ предсѣдательствомъ въ составѣ юрисконсульта г. П. и Управляющаго Областнымъ Государственнымъ банкомъ г. Р. Работа эта была закончена въ кратчайшій срокъ и уже черезъ недѣлю Правительство получило возможность приступить къ разсмотрѣнію изготовленнаго нами проекта новаго положенія, сущность котораго сводилась къ передачѣ всѣхъ полномочій Временнаго Правительства Сѣверной Области Главнокомандующему, какъ Главному Начальнику Сѣвернаго края, впредь до установленія правильныхъ и устойчивыхъ средствъ сообщенія, обезпечивающихъ во всѣхъ отношеніяхъ связь Сѣверной Области

съ Всероссійскимъ Правительствомъ. Для устраненія всякой ломки въ существующемъ и уже налаженномъ правительственномъ аппаратѣ, а также возможныхъ нареканій, что проектируемыя измѣненія преслѣдуютъ контръ-революціонныя цѣли, рѣшено было персональный составъ Временнаго Правительства сохранить съ оставленіемъ всѣхъ Управляющихъ Отдѣлами, которые въ своей совокупности составили бы Гражданское управленіе края, съ помощникомъ Главнаго Начальника края по гражданской части во главѣ, въ лицѣ Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубова. Всѣ дѣла законодательнаго характера подлежали обязательному внесенію въ Совѣтъ при Главномъ Начальникѣ края, состоящій изъ Управляющихъ отдѣлами, предсѣдателя финансово-экономическаго совѣщанія области, предсѣдателя Архангельской губернской земской управы и городского головы гор. Архангельска.

Выработанное комиссіей положеніе объ управленіи Сѣвернымъ краемъ, не вызвавъ почти никакихъ возраженій по существу, сдѣлалось предметомъ горячихъ дебатовъ въ виду возникшихъ основательныхъ сомнѣній въ своевременности его проведенія въ жизнь. Сибирскій фронтъ продолжалъ катиться на востокъ и дальнѣйшее благополучіе Омскаго Правительства было подъ большимъ знакомъ вопроса, что заставляло быть весьма осторожнымъ въ установленіи прочной связи съ нимъ, можетъ быть, наканунѣ его паденія. Къ этому же присоединились соображенія внутренно-политическаго характера; было извѣстно, что мѣстные демократическіе круги настроены крайне отрицательно къ проекту, усматривая въ немъ очередное «coup d'état». Послѣднее обстоятельство побудило члена Правительства М. М. Федорова воздержаться отъ голосованія при разрѣшеніи этого вопроса, что онъ объяснилъ полнѣйшимъ своимъ несочувствіемъ постановкѣ самаго вопроса объ упраздненіи Правительства на обсужденіе послѣдняго. Голоса остальныхъ членовъ Правительства подѣлились пополамъ, причемъ за принятіе законопроекта голосовали Главнокомандующій и Цапенко, а противъ Зубовъ и Багриновскій.

Въ виду такого разногласія, въ Сибирь были сообщены не только сущность проекта, но встрѣченныя при обсужденіи проведенія его въ жизнь затрудненія, на что отвѣта не послѣдовало, такъ какъ пораженіе на сибирскомъ фронтѣ скоро приняло характеръ полной катастрофы.

Причины этой катастрофы были бы совершенно непонятны, если бы мы ограничили свое изслѣдованіе таковыхъ анализомъ правительственной дѣятельности, поскольку она нашла свое отраженіе въ офиціальныхъ государственныхъ актахъ, которые, насколько удалось съ ними ознакомиться, носили несомнѣнно демократическій характеръ. Но документальная сторона, къ сожалѣнію, не соотвѣтствовала дѣйствительности, на которую пролили довольно яркій свѣтъ проѣзжавшіе въ это время черезъ область два чехословацкихъ офицера, командированные въ Прагу съ подробными докладами къ Министру-Предсѣдателю Бенешу о положеніи въ Сибири.

Относясь съ большимъ уваженіемъ къ свѣтлой личности адмирала Колчака и къ его искреннимъ и честнымъ стремленіямъ возстановить нашу государственность на новыхъ началахъ, они не находили въ окружавшей его средѣ элементовъ, необходимыхъ для проведенія этихъ началъ въ жизнь. Безлюдіе и тяготѣніе къ прошлому на верхахъ, отсутствіе дисциплины и разложеніе въ арміи, которая по ихъ мнѣнію значительно уступала во всѣхъ

отношеніяхъ по своимъ качествамъ красной, и эгоизмъ и отсутствіе гражданскаго долга въ средѣ сибирскаго крестьянства, не испытавшаго большевизма, который до созданія бѣлаго фронта имѣлъ распространеніе только по сибирской магистрали, а потому деревня жила внѣ условій гражданской войны, не платя къ тому же податей и налоговъ, — все это вмѣстѣ взятое приводило чехо-словацкихъ представителей къ пессимистическому выводу о полной безнадежности не только сибирскаго фронта, но и всего бѣлаго движенія въ Россіи. Чехо-словацкіе легіоны рвались домой и слышать больше не хотѣли объ оказаніи намъ дальнѣйшей поддержки.

Какъ чехо-словацкимъ офицерамъ, такъ и представителямъ Сибирскаго Правительства, царившій у насъ на Сѣверѣ и особенно въ Архангельскѣ порядокъ, носившій характеръ нормальной жизни мирнаго времени, показался недосягаемымъ идеаломъ по сравненію съ имѣвшей мѣсто въ Сибири неурядицей.

При такихъ условіяхъ, конечно, не могло и быть вопроса объ упраздненіи Временнаго Правительства Сѣверной Области и обращеніи насъ въ одну изъ провинцій, подчиненныхъ Сибири.

Между тѣмъ, существованіе областныхъ правительствъ на ряду съ Всероссійскимъ несомнѣнно вредило намъ въ международномъ отношеніи, создавая впечатлѣніе отсутствія единой національной власти, достойной международнаго признанія, и, кромѣ того, давало въ руки большевиковъ отличный поводъ для агитаціи въ смыслѣ трактованія насъ всѣхъ, какъ бунтовщиковъ противъ единой законной власти совѣтскаго правительства. При наличіи же только одного Всероссійскаго Правительства сама совѣтская власть принимала характеръ сообщества, посягнувшаго на ниспроверженіе государственнаго строя, возглавляемаго единой національной властью.

Что касается спеціально Сѣверной Области, то упраздненіе въ ней Правительства въ значительной степени избавило бы насъ отъ партійной борьбы за власть въ самые критическіе моменты нашего существованія, которая могла кончиться и, какъ мы увидимъ ниже, въ дѣйствительности и закончилась полной для насъ катастрофой.

Часть IV

Разваль фронта и эвакуація

Глава I

Конфликтъ между Штабомъ и фронтомъ. Дѣло штабъ-ротмистра N.

Наступилъ еще болѣе тревожный періодъ, чѣмъ передъ оставленіемъ насъ союзниками: пришли извѣстія о развалѣ всѣхъ остальныхъ бѣлыхъ фронтовъ. Была отброшена отъ Петрограда и ликвидировалась армія Юденича, агонизировала загнанная вглубь Сибири армія адмирала Колчака и началось поспѣшное отступленіе Южной добровольческой арміи. Мы оставались одни противъ могучаго противника, что вызывало такую тревогу среди населенія, что Главнокомандующій выступилъ черезъ представителя бюро печати съ пространными объясненіями по поводу создавшагося положенія, стараясь успокоить населеніе.

Такъ какъ наше военное положеніе въ переживаемый моментъ представляло наибольшій интересъ для всѣхъ круговъ населенія, которое опять, какъ и въ дни предшествовавшіе уходу союзниковъ, задавалось вопросомъ: «Что будетъ съ нами, когда мы останемся одни противъ большевиковъ», то я считаю нужнымъ подробнѣе остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность Штаба Главнокомандующаго въ этотъ моментъ вызывала въ строевой офицерской средѣ очередное общее неудовольствіе.

Цѣлью нашего первоначальнаго удачнаго наступленія, предшествовавшаго еще уходу союзниковъ, былъ захватъ узловыхъ путей для сокращенія фронта путемъ объединенія Селецкаго и Онежскаго раіоновъ съ желѣзнодорожнымъ, послѣ чего возникала возможность освободить часть войскъ для отдыха въ резервъ, гдѣ бы они могли немного и развлечься, причемъ для разумнаго использованія ими досуга былъ принятъ цѣлый рядъ описанныхъ выше мѣръ культурно-просвѣтительнаго характера.

Но даже эта разумная по своей цѣли операція стоила намъ большихъ жертвъ, которыя были для насъ очень чувствительны, такъ какъ ресурсы нашей живой силы были болѣе чѣмъ ограничены. Поэтому, уже въ этотъ періодъ, командный составъ строевыхъ частей былъ противъ неосторожнаго и чрезмѣрнаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ неоправдываемаго даже поставленною цѣлью, форсированія нашихъ скромныхъ силъ.

Казалось бы, что паденіе другихъ фронтовъ должно было повлечь за собой подготовку къ длительной оборонѣ на занимаемыхъ позиціяхъ съ сокращеніемъ нашего тысячеверстнаго фронта путемъ увода нашихъ войскъ изъ отдаленныхъ раіоновъ, что дало бы возможность имѣть и необходимый резервъ, отсутствіе котораго въ случаѣ прорыва на фронтѣ могло поставить насъ въ катастрофическое положеніе. Между тѣмъ, Штабъ повелъ грандіозныя операціи съ захватомъ отдаленныхъ отъ насъ на сотни и тысячи верстъ мѣстностей въ Пинежскомъ, Мезенскомъ и Печорскомъ раіонахъ, а также Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ Вологодской губерніи, причемъ въ нѣкоторыхъ раіонахъ, какъ напримѣръ на Пинегѣ, большевики сами очистили занятую ими территорію, предоставивъ намъ кормить брошенное ими голодавшее населеніе. Захватъ новыхъ громадныхъ пространствъ еще болѣе растянулъ нашъ фронтъ, распыляя наши скромныя боевыя силы, повлекъ за собой удлиненіе комуникаціонныхъ линій, расходъ транспорта и, главное, продовольствія, въ которомъ мы сами начинали ощущать недостатокъ, принужденные сокращать пайки сахара и хлѣба не только населенію, но и въ арміи, что неизбѣжно должно было вызвать громадное неудовольствіе. Между тѣмъ, Штабъ продолжалъ развивать въ этомъ направленіи бурную дѣятельность и оторванная отъ реальной дѣйствительности стратегическая мысль кабинетныхъ полководцевъ витала въ мірѣ грандіозныхъ операцій, о которыхъ возвѣщалось въ пышныхъ реляціяхъ съ указаніемъ на захватъ территорій равныхъ по своей величинѣ Франціи или Германіи.

Все это, а также необезпеченность эвакуаціи привело сначала къ скрытому, а потомъ и явному неудовольствію Штабомъ, причемъ много масла въ огонь подлило некорректное отношеніе къ строевымъ офицерамъ отдѣла Штаба, вѣдавшаго личнымъ составомъ, куда офицерамъ постоянно приходилось обращаться за справками и съ различными ходатайствами.

Препирательства нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ со штабомъ приняли острый характеръ недопустимыхъ съ точки зрѣнія воинской дисциплины отношеній и сдѣлались, благодаря неоправдываемой неосторожности нѣкоторыхъ изъ нихъ, достояніемъ офицерской среды, что чуть было не вызвало рѣзкаго активнаго выступленія противъ Штаба.

Поводомъ къ предполагаемому выступленію послужило преданіе военно-окружному суду одного офицера желѣзнодорожнаго раіона за пьянство, буйство и оскорбленіе на словахъ патруля національнаго ополченія и нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ Штаба, принимавшихъ мѣры къ прекращенію учиненнаго имъ безпорядка. Произведенное разслѣдованіе показало, что всѣ эти эксцессы явились слѣдствіемъ крайне нездоровой атмосферы, создавшейся на почвѣ обвиненій Штаба въ томъ, что онъ самъ «сидитъ въ безопасности въ тылу», а строевымъ ставитъ невыполнимыя задачи. Такъ какъ эксцессы были учинены въ пьяномъ видѣ, то злоба была сорвана на нѣсколькихъ достойныхъ старшихъ офицеровъ Штаба, совершенно неповинныхъ въ политикѣ его руководителя, и, какъ представителямъ тыла, досталось также ополченцамъ, которые подверглись оскорбленію за то, что, выполняя добросовѣстно обязанности патрульныхъ, приняли мѣры къ прекращенію произведеннаго на улицѣ безпорядка.

Такихъ дѣлъ въ описываемый періодъ, къ сожалѣнію, было не мало и они составляли довольно богатый матеріалъ для милицейской хроники и обвинительныхъ актовъ военно-окружнаго суда. Я уже имѣлъ случай выше

объяснить причины того душевнаго надрыва, который вызывалъ стремленіе, хотя бы на короткій мигъ, забыться среди тѣхъ тяжкихъ переживаній, которыми была такъ богата жестокая дѣйствительность. Къ этимъ причинамъ въ описанный моментъ прибавилось гнетущее душу предчувствіе близкой катастрофы, уже постигшей другіе фронты, неизбѣжность которой инстинктивно чувствовалась всѣми и вызывала представленіе о безцѣльности какъ уже принесенныхъ жертвъ, такъ и тѣхъ, которыя еще предстояло принести.

Конечно, для потерпѣвшихъ мотивы такихъ выступленій были безразличны и архангельское населеніе очень чутко реагировало на нихъ, возмущаясь тѣми незаслуженными обидами, которымъ подвергались его близкіе за свою самоотверженную работу по охранѣ города.

Однако, упомянутое дѣло не привлекло бы особаго вниманія, если бы командовавшему желѣзнодорожнымъ раіономъ кн. М. не пришла крайне неудачная мысль использовать предстоящее судебное засѣданіе въ цѣляхъ демонстраціи противъ Штаба, для чего онъ рѣшилъ выступить защитникомъ самъ и привлечь къ защитѣ еще двухъ лицъ: состоявшаго въ его штабѣ доктора К. и извѣстнаго въ Архангельскѣ присяжнаго повѣреннаго С.

Около дѣла создалась невѣроятная шумиха, дошло до нелѣпыхъ разговоровъ о поворотѣ въ случаѣ надобности княземъ М. фронта на Архангельскъ, о чемъ невоздержанно болтала при солдатахъ сбитая съ толку офицерская молодежь. Надо было, во что бы то ни стало, парализовать скандалъ, который могъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія и, несмотря на то, что дѣло само по себѣ не заслуживало никакого вниманія, мнѣ самому пришлось выступить обвинителемъ. Главнокомандующаго очень взволновала вся эта исторія и онъ хотѣлъ сначала не допускать кн. М. къ защитѣ и совершенно закрыть въ порядкѣ охраненія дисциплины двери засѣданія, но я убѣдилъ его не дѣлать этого и допустить къ слушанію дѣла возможно болѣе офицеровъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, подъ вліяніемъ строгой обстановки судебнаго засѣданія, которое по своему обыкновенію спокойно и образцово провелъ чрезвычайно опытный предсѣдатель суда А. Н. З., страсти улеглись и къ моменту судебныхъ преній создалась совершенно спокойная атмосфера, не вызывавшая никакихъ опасеній. Подвергнувъ жестокой критикѣ поведеніе подсудимаго, я предоставилъ сдѣлать выводъ каждому, насколько нелѣпо и преступно было въ переживаемый нами моментъ нарушать единство въ нашей офицерской средѣ противопоставленіемъ фронта тылу и въ періодъ классовой борьбы называть представителей національнаго ополченія, состоявшаго преимущественно изъ неимущихъ лицъ интеллигентской среды, «буржуями» съ оскорбленіемъ ихъ площадной бранью. Однако, въ интересахъ безпристрастія я остановился на томъ тяжеломъ психическомъ состояніи, которое господствовало въ переживаемый моментъ въ средѣ строевыхъ офицеровъ и не настаивалъ на высшей мѣрѣ наказанія, принимая во вниманіе, что подсудимый особенно отличался душевной неуравновѣшенностью, подъ вліяніемъ тяжкихъ поврежденій черепа, полученныхъ имъ, какъ летчикомъ, во время одного изъ очередныхъ полетовъ.

Защита ограничилась характеристикой личности подсудимаго и описаніемъ тяжкихъ переживаній, выпавшихъ на долю нашего офицерства. Противъ высшаго командованія и Штаба не только не послѣдовало какихъ либо рѣзкихъ выступленій, но даже одинъ изъ защитниковъ подчеркнулъ, что

штабы въ національную войну никогда не проявляли такой заботливости въ вопросѣ снабженія арміи, какъ это имѣло мѣсто на Сѣверѣ.

Судъ приговорилъ подсудимаго къ заключенію въ крѣпость срокомъ на два мѣсяца съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ.

Кн. М. вскорѣ послѣ описаннаго процесса покинулъ Сѣверную Область и его въ качествѣ Командующаго Желѣзнодорожнымъ раіономъ замѣнилъ ген. В. Хотя отношенія со Штабомъ потеряли прежній острый характеръ, но все же продолжали быть натянутыми и холодными. Къ сожалѣнію обостреніе отношеній со Штабомъ сыграло свою печальную роль, породивъ въ офицерской средѣ наиболѣе любимаго и выдѣляемаго княземъ М. 3 Сѣв. стрѣлк. полка духъ неумѣстной критики, передавшейся въ солдатскую массу. Офицерство этого полка преимущественно отличалось пьяными эксцессами, подавая дурной и, къ сожалѣнію, заразительный примѣръ своимъ солдатамъ. Пріѣзжавшіе въ Архангельскъ солдаты поражали своимъ разнузданнымъ видомъ и отличались массовымъ нежеланіемъ отдавать честь, заявляя, что въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку это не принято. Послѣдовавшія вскорѣ за тѣмъ боевыя дѣйствія показали, что прежній славный боевой духъ полка исчезъ совершенно, такъ какъ въ атаку ходили ген. В., командиръ полка и нѣсколько храбрѣйшихъ офицеровъ, сопровождаемые кучкой вѣрныхъ солдатъ, а весь остальной полкъ только принималъ на себя славу этихъ героевъ. Дурная слава о полкѣ пріобрѣла широкую извѣстность. Послѣ оставленія полка генераломъ В. никто изъ старшихъ офицеровъ не хотѣлъ принимать командованія полкомъ и онъ оставался въ рукахъ молодого подполковника П., который не обладалъ служебнымъ опытомъ и несмотря на свою выдающуюся храбрость не пользовался авторитетомъ, такъ какъ началъ службу въ этомъ полку съ маленькихъ чиновъ, происходя самъ изъ простыхъ шенкурскихъ добровольцевъ. Главнокомандующему и Начальнику Штаба со всѣхъ сторонъ докладывали о томъ, что необходимо принять мѣры къ оздоровленію полка, а нѣкоторые даже совѣтовали расформировать его, считая, что мѣры къ его исправленію уже запоздали, но, какъ и въ исторіи съ морскими стрѣлками, ничего сдѣлано не было и все было предоставлено естественному развитію событій, которыя и привели насъ къ катастрофѣ, началомъ чему послужило возстаніе въ 3 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку.

Глава II

Пропаганда мира большевиками. Эвакуаціонный вопросъ

Паденіе другихъ бѣлыхъ фронтовъ было немедленно использовано большевиками въ агитаціонныхъ цѣляхъ для разложенія нашего фронта. Какъ изъ рога изобилія посыпались на насъ прокламаціи съ призывомъ немедленнаго прекращенія борьбы. Нужно отдать справедливость, что составлены онѣ были чрезвычайно искусно и несомнѣнно должны были произвести сильное впечатлѣніе не только на солдатскія массы и населеніе, но даже и на офицеровъ. Такъ какъ наше Правительство не давало повода для обвиненія въ контръ-революціонности, то политическіе вопросы въ прокламаціяхъ большей

частью совершенно обходились и центръ тяжести былъ перенесенъ на доказательство безразсудности и безсмысленности нашего дальнѣйшаго сопротивленія всей остальной Россіи.

«Неужели вы серьезно предполагаете продолжать борьбу съ нами? Вѣдь мы можемъ васъ въ любой моментъ сбросить съ вашего пятачка пинкомъ ноги въ море», — твердили воззванія къ населенію и войскамъ, послѣ чего рекомендовалось немедленно прекратить безсмысленную бойню, а если офицеры будутъ сопротивляться этому, то связать ихъ и выдать. Однако и послѣдніе не были обойдены вниманіемъ, и къ нимъ послѣдовали спеціальныя обращенія за многочисленными подписями офицеровъ красной арміи.

«Братья офицеры, опомнитесь», взывало одно изъ обращеній, «перестаньте быть наймитами своего и иностраннаго капитала. Неужели васъ ничему не научилъ горькій опытъ ведущейся борьбы. Васъ бросили французы въ Одессѣ, чехи въ Сибири и англичане въ Архангельскѣ. Перестаньте приносить безчисленныя жертвы международному капиталу». Далѣе слѣдовало приглашеніе безбоязненно переходить къ непріятелю, гдѣ офицеры возстановлены въ прежнихъ правахъ, какъ въ смыслѣ своего престижа, такъ и въ отношеніи дисциплинарной власти: въ арміи введена прежняя дисциплина, комиссары дружно работаютъ съ командным составомъ, офицеры получаютъ отличное вознагражденіе и вмѣстѣ со своими семьями обезпечены пайкомъ, причемъ даже имѣютъ по прежнему денщиковъ. Послѣ текста на одномъ изъ воззваній слѣдовало около ста шестидесяти подписей, среди которыхъ я нашелъ фамиліи нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ генераловъ и старшихъ кадровыхъ офицеровъ, съ указаніемъ ихъ прежняго чина и мѣста службы.

Конечно, на каждое изъ этихъ воззваній можно было дать и давался достойный и исчерпывающій отвѣтъ, но нельзя не признать, что они производили очень сильное впечатлѣніе, такъ какъ обстановка борьбы дѣйствительно складывалась не въ нашу пользу и мы оставались одинокими. Конечно, трудно было убѣдить населеніе въ возможности борьбы области съ количествомъ жителей въ 450 тысячъ человѣкъ, то-есть равнымъ приблизительно народонаселенію Петроградской стороны гор. Петрограда, со всей остальной Россіей, а главное, также какъ во время національной войны, намъ приходилось призывать къ продолженію борьбы и самопожертвованію, противоположная же сторона опять играла на шкурническихъ инстинктахъ, призывая къ миру.

Пока мы принимали всѣ мѣры къ тому, чтобъ парализовать преступную пропаганду мира большевиками, намъ въ этомъ отношеніи былъ нанесенъ новый мощный ударъ изъ такихъ круговъ, которые до сихъ поръ, хотя лишь въ сферѣ дѣловыхъ отношеній, но поддерживали насъ. Въ печати появились заграничныя телеграммы о томъ, что кооперативы въ лицѣ Центросоюза выступили съ проектомъ торговли съ Совѣтской Россіей, который однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей Центросоюза, г. Беркенгеймомъ, былъ предложенъ вниманію Ллойдъ-Джорджа, Клемансо и Нитти. Хотя полученныя вскорѣ подробности проекта содержали въ себѣ такія данныя, что почти не было никакихъ шансовъ на его осуществленіе, ибо при проведеніи этой торговой операціи въ Совѣтской Россіи Центросоюзъ долженъ былъ функціонировать, какъ государство въ государствѣ на условіяхъ экстерриторіальности, имѣя дѣло съ русскимъ народомъ, а не съ совѣтской властью, — однако широкими кругами населенія изъ проекта этого мѣропріятія было усвоено только одно: бло-

када снимается и начинается торговля съ Совѣтской Россіей, а при этихъ условіяхъ наша дальнѣйшая борьба совершенно ни къ чему.

Тяжелый грѣхъ взяли себѣ на душу руководители Центросоюза, выступивъ съ этимъ неосторожнымъ проектомъ, изъ котораго впослѣдствіи, какъ и слѣдовало ожидать, ровно ничего не вышло. Я съ полной отвѣтственностью за свои слова утверждаю, что этотъ проектъ Центросоюза сыгралъ у насъ болѣе роковую роль, чѣмъ прокламаціи большевиковъ о прекращеніи борьбы. Мѣстные кооператоры, до этого державшіеся въ сторонѣ отъ политики, сразу же ринулись въ объятія г. Скоморохова, который, какъ я уже указывалъ выше, развилъ къ этому времени чрезвычайно бурную дѣятельность по подготовкѣ натиска на Правительство съ цѣлью захвата власти. Оборонческіе эсеровскіе круги въ лицѣ доктора Соколова и А. Иванова шли съ нимъ вмѣстѣ, имѣя, видимо, желаніе и послѣ вступленія въ Правительство продолжать борьбу съ большевиками, но самъ Скоморохъ, пользуясь ими, какъ прикрытіемъ въ глазахъ политическихъ противниковъ, имѣлъ другую цѣль — заключеніе мира. Онъ усиленно обрабатывалъ въ этомъ направленіи кооператоровъ и особенно представителей земства, подготовляя послѣднихъ къ активному выступленію противъ Правительства на предстоявшемъ 3 февраля Губернскомъ Земскомъ собраніи.

Въ бесѣдѣ съ Начальникомъ военныхъ сообщеній ген. Б., имѣвшимъ съ нимъ постоянныя сношенія, по поводу подводной повинности земства, онъ прямо заявилъ, что по его личному мнѣнію врядъ ли цѣлесообразно продолжать дальнѣйшую борьбу и намекнулъ, что необходимо выдвинуть къ власти элементы, которые могли бы безболѣзненно ликвидировать область. При этомъ онъ обнаружилъ чрезвычайную заботливость объ офицерахъ, заявивъ, что, конечно, надо принять всѣ мѣры къ обезпеченію ихъ личной неприкосновенности, для чего онъ согласенъ самъ войти въ списокъ заложниковъ за нихъ передъ большевиками. Не говоря уже о томъ, что его поручительство отнюдь не могло служить гарантіей чьей нибудь неприкосновенности, надо было имѣть очень много наивности, чтобы повѣрить въ искренность этихъ его заявленій, принимая во вниманіе ту злобу, которую онъ питалъ къ своимъ классовымъ врагамъ и которую онъ даже не пытался скрывать.

Зная близкія личныя отношенія ген. Б. къ Главнокомандующему, онъ, желая, чтобы его слова дошли до послѣдняго, подчеркнулъ необходимость считаться съ его совѣтами, такъ какъ «связи его съ фронтомъ очень прочны, что онъ можетъ доказать въ любую минуту».

Тревожное настроеніе, созданное паденіемъ другихъ фронтовъ и агитаціей большевиковъ, привлекло вниманіе къ эвакуаціонному вопросу въ связи съ возможнымъ паденіемъ Архангельскаго фронта. Еще въ періодъ ухода союзниковъ высшее командованіе рѣшило принять нѣкоторыя подготовительныя мѣры къ обезпеченію эвакуаціи населенія и войскъ на Мурманъ, который являлся нашимъ естественнымъ и ближайшимъ редюитомъ. Однако, мѣропріятія эти носили крайне несерьезный характеръ, давъ больше пищи для насмѣшки и негодованія. Вмѣсто того, чтобы отпустить Начальнику Мурманскаго края достаточное количество средствъ и командировать къ нему инженеровъ и, главное, рабочихъ, была создана цѣлая эвакуаціонная комиссія, во главѣ которой былъ поставленъ докторъ Б. Снабженіе его колоссальными полномочіями пріостановлять и отмѣнять въ случаѣ надобности распоряженія

мурманскихъ военныхъ и гражданскихъ властей, вызвало довольно остроумное присвоеніе ему титула «эвакуаціоннаго диктатора», что звучало чрезвычайно комично въ связи съ его маленькой штатской фигуркой. Однако, было и не до смѣха; на Мурманѣ, гдѣ и такъ не было единой авторитетной для всѣхъ власти, прибавилось еще одно административное лицо съ крупными полномочіями, а докторъ, кромѣ того, создалъ сейчасъ же внушительные штаты съ соотвѣтствующими окладами и суточными, что тоже вызвало въ обществѣ совершенно справедливыя нареканія, въ виду тѣхъ скромныхъ средствъ, которыми располагала область. Появленіе доктора Б. на Мурманѣ еще болѣе обострило имѣвшій тамъ мѣсто кризисъ рабочихъ рукъ, что вызвало тренія между нимъ и Начальникомъ Мурманскаго края, а дѣятельность его выразилась главнымъ образомъ въ вставленіи стеколъ въ многочисленныхъ оставленныхъ союзниками баракахъ.

Однако, въ эвакуаціонномъ вопросѣ всѣхъ не такъ интересовало будущее размѣщеніе, какъ средства и способы перехода на Мурманъ и обезпеченіе послѣдняго въ военномъ отношеніи. Для «успокоенія» публики по гражданской канцеляріи Главнокомандующаго было выпущено объявленіе, которое съ одной стороны всѣхъ раззабавило, а съ другой еще болѣе усилило тревогу. Начиналось оно съ указанія, что населеніе почему то склонно въ послѣднее время впадать «то въ черезчуръ оптимистическое, то въ чрезмѣрно пессимистическое» настроеніе, между тѣмъ никого не задерживали, когда уѣзжали союзники и всѣ желающіе могли эвакуироваться съ ними, такъ какъ въ дальнѣйшемъ наши власти на себя въ этомъ вопросѣ никакой отвѣтственности не принимали. Послѣ такого неутѣшительнаго введенія тѣмъ не менѣе было подчеркнуто, что планъ эвакуаціи выработанъ и «усвоенъ штабомъ», причемъ за отсутствіемъ достаточныхъ морскихъ средствъ предполагается, въ случаѣ неудачи на фронтѣ, планомѣрное отступленіе сухимъ путемъ на Мурманъ и на Печору. Послѣднее было особенно утѣшительно, такъ какъ въ конечномъ результатѣ все равно обрекало на эвакуацію въ руки большевиковъ, и почему для этого нужно было предварительно путешествовать на Печору, было совершенно непонятно.

Одновременно въ Штабѣ былъ разработанъ планъ отхода нашихъ войскъ на Мурманъ, который долженъ былъ совершиться по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Я помню, съ какимъ негодованіемъ мнѣ разсказывалъ о всѣхъ фантазіяхъ ген. К. въ этой области Начальникъ оперативнаго отдѣленія Штаба талантливый полковникъ Ген. Штаба К., которому была поручена разработка этой операціи. Точно дѣло шло на маневрахъ съ обозначеннымъ противникомъ или предстоялъ очередной эпизодъ національной войны, причемъ въ нашемъ распоряженіи находились прежніе лучшіе полки старой арміи, проникнутые единой національной идеей, боевыми традиціями и товариществомъ и безпрекословнымъ подчиненіемъ волѣ начальства, тогда какъ въ дѣйствительности шла гражданская война въ условіяхъ постоянной измѣны, предательства и возможности въ любой моментъ неожиданнаго образованія внутренняго фронта въ тылу.

Недаромъ на фронтѣ параллельно вели другую работу, организуя на случай катастрофы прочныя ячейки въ частяхъ и заранѣе взвѣшивая всѣ возможности, которыя могла создать причудливая дѣйствительность гражданской войны. Планы ген. К. расцѣнивались тамъ какъ штабныя фантазіи и

дѣятельность его вызывала такое недовѣріе, что считалось необходимымъ скрывать отъ него свои проекты.

Плохо обстояло дѣло и съ морскимъ транспортомъ. Уголь былъ на исходѣ, да и ледоколы все время осуществляли очередныя заданія по перевозкѣ продовольствія, такъ что одновременно въ Архангельскѣ никогда не находилось болѣе двухъ, а бывали періоды, когда оставался одинъ ледоколъ. Адмиралъ на укоры его въ Правительствѣ, совершенно резонно заявилъ, что онъ обо всемъ этомъ своевременно предупреждалъ, а на растерянные вопросы, какъ же эвакуироваться, посовѣтовалъ запастить валенками.

Не принималось никакихъ мѣръ и къ обезпеченію Мурманскаго редюита, а тамъ во многихъ отношеніяхъ было весьма неблагополучно. Военное командованіе находилось тамъ въ очень опытныхъ рукахъ въ смыслѣ чисто боевого руководства, но не ладилось дѣло снабженія, а главное, очень неспокойно было въ тылу, охрана котораго уже не входила въ компетенцію военнаго начальства и всецѣло лежала на обязанности Начальника Мурманскаго края г. Е.

Желѣзнодорожный транспортъ пришелъ въ полное разстройство изъ за отсутствія ремонта и топлива; обслуживавшій его составъ мелкихъ служащихъ былъ болѣе чѣмъ неблагонадеженъ въ политическомъ отношеніи, а нѣкоторые старшіе служащіе — инженеры позволили себѣ самовольно покинуть свои посты и эвакуировались съ англичанами. Для охраны громаднаго тыла, имѣвшаго въ глубину до 800 верстъ, не хватало людей, такъ какъ войскъ съ фронта снимать было нельзя, а милиція была немногочисленна и мало-надежна. Административный персоналъ былъ неопытенъ и крайне малочисленъ для обслуживанія такого большого края, органы юстиціи также почти отсутствовали. Функціи властей не были точно разграничены и въ тылу одновременно наводили порядокъ какъ военные отряды, высланные съ фронта, такъ и организованные Начальникомъ Мурманскаго края г. Е. Послѣдній послѣ ухода англичанъ совсѣмъ потерялъ голову, размѣнялся на мелочи, вмѣшиваясь лично во всѣ дѣла и входя изъ за этого въ пререканія съ неподчиненными ему вѣдомствами. Во всѣхъ областяхъ жизни тутъ же у него подъ бокомъ, въ самомъ Мурманскѣ, царили неразбериха и хаосъ и все кишѣло красными, а Начальникъ края находилъ возможнымъ наводить рѣзкую критику на центральное Правительство, посылая Главнокомандующему телеграммы, составленные въ недопустимомъ тонѣ, съ выкриками, что онъ не желаетъ признавать Правительства Сѣверной Области, а своимъ единственнымъ Начальникомъ считаетъ Главнокомандующаго, хотя имѣетъ силы и возможность поднять бунтъ и отдѣлиться. Ген. Миллеръ, называя такія телеграммы очередной истерикой, спокойно ихъ складывалъ въ ящики своего письменнаго стола, не придавая имъ серьезнаго значенія, хотя было извѣстно, что это не однѣ пустыя словесныя угрозы, но что Начальникъ края обзаводится собственной валютой и усиленно муссируетъ среди своихъ подчиненныхъ мысль о необходимости образовать какой то отдѣльный штатъ подъ покровительствомъ англичанъ. Несомнѣнно, что поводомъ къ такому сепаратизму служило неудовлетвореніе Архангельскомъ многихъ настоятельныхъ нуждъ Мурманскаго края, бывшаго на положеніи пасынка.

Таковы были порядки на Мурманѣ, который долженъ былъ быть въ случаѣ катастрофы нашимъ редюитомъ. Если онъ и держался, то благодаря крѣпкому фронту и наличію въ администраціи Олонецкой губерніи во главѣ

съ очень дѣльнымъ Начальникомъ Губерніи К., нѣсколькихъ опытныхъ уѣздныхъ начальниковъ вродѣ бывшаго земскаго дѣятеля Б-на и бывшаго лѣсничаго Т-на.

Наконецъ, жалобы, сыпавшіяся на г. Е. со всѣхъ сторонъ, собственныя его выходки и доклады всѣхъ командированныхъ на Мурманъ съ разными порученіями административныхъ лицъ привели Главнокомандующаго къ выводу, что дальше такое положеніе вещей не можетъ продолжаться. Начался длительный періодъ проектовъ и раздумій о томъ, какъ огранизовать тамъ власть. Ясно было, что надо было ввѣрить управленіе одному лицу, такъ какъ многовластіе вело тамъ къ полному безвластію, а между тѣмъ Штабъ Главнокомандующаго выступилъ съ проектомъ, согласно которому на Мурманѣ въ тылу учреждался военный округъ, въ подчиненіе къ которому входилъ Начальникъ Мурманскаго края, а фронтъ оставался самостоятельнымъ и по прежнему подчинялся Архангельску. Главнокомандующій, отвергнувъ этотъ проектъ, не нашелъ возможнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни подчинить Командующаго Войсками Мурманскаго раіона ген. С. во всѣхъ отношеніяхъ Начальнику Мурманскаго края, ни тѣмъ болѣе послѣдняго генералу С., заявивъ, что военное командованіе на Мурманѣ не въ достаточной степени обладаетъ административнымъ опытомъ и еще менѣе можетъ справиться со всѣми сложными вопросами въ области финансовой, административной и земельной, чѣмъ г. Е.

Вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ, какъ въ смыслѣ организаціи правильнаго управленія края, такъ и въ смыслѣ оказанія ему реальной помощи по укрѣпленію порядка въ тылу. Наоборотъ, посланные на Мурманъ изъ Архангельска паровозы оказались никуда негодными, а вмѣсто усиленія тыла надежными элементами и поддержанія его въ военномъ отношеніи, въ Мурманскій портъ изъ Архангельска прибыла цѣлая флотилія судовъ съ краснымъ экипажемъ, который немедленно занялся большевистской пропагандой. На Мурманъ же были направлены освобожденные съ Іоканги солдаты, своевременно высланные туда съ Архангельскаго фронта за свою политическую неблагонадежность, прибывшій же изъ за границы отрядъ датчанъ добровольцевъ былъ изъ Мурманска переведенъ въ Архангельскъ.

Всѣ эти распоряженія вызвали очередные рѣзкіе и энергичные протесты, какъ г. Е., такъ и ген. С., которые однако никакого успѣха не имѣли и дальнѣйшій ходъ событій на Мурманѣ былъ предоставленъ неизбѣжному естественному теченію, имѣвшему для насъ весьма непріятныя послѣдствія.

Глава III

Совѣщаніе старшихъ начальниковъ съ Главнокомандующимъ и членами Временнаго Правительства. Неожиданный правительственный кризисъ

Создавшееся болѣе чѣмъ серьезное положеніе въ связи съ непринятіемъ какихъ либо существенныхъ мѣръ къ парализованію возможной катастрофы какъ со стороны Правительства и Главнокомандующаго, такъ и Штаба, гдѣ зарывшійся въ бумагу ген. К. пытался уложить нашу бурную,

напоминающую непрерывные взрывы работающаго бензино-мотора, жизнь въ канцелярскія формулы его резолюцій, — побудило нѣсколькихъ старшихъ начальниковъ и руководителей вѣдомствъ обсудить совмѣстно тѣ мѣропріятія, которыя надлежало принять въ спѣшномъ порядкѣ для выхода изъ создавшагося положенія. Въ эту группу, созданную по инціативѣ генералъ-квартирмейстера Штаба ген. К., вошли кромѣ него предсѣдатель финансово-экономическаго совѣщанія и начальникъ Національнаго ополченія ген. С., начальникъ военныхъ сообщеній ген. Б. и я; кромѣ того на первыхъ засѣданіяхъ присутствовалъ Начальникъ гражданской канцеляріи Главнокомандующаго г. Ш. На первомъ же совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто въ началѣ января, было рѣшено всѣмъ вмѣстѣ пойти къ Главнокомандующему и, обрисовавъ ему существующую обстановку, побудить его на принятіе болѣе энергичныхъ мѣропріятій, такъ какъ онъ въ слишкомъ оптимистическихъ тонахъ расцѣнивалъ ее, находясь въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ Начальника Штаба, тогда какъ оставленный для связи при нашемъ Штабѣ послѣ ухода союзниковъ англійскій лейтенантъ Н. считалъ наше военное положеніе настолько непрочнымъ, что даже опредѣлилъ конечный срокъ нашего пребыванія въ области, заявивъ, что мы врядъ ли продержимся болѣе полутора, двухъ мѣсяцевъ.

Прибывъ къ Главнокомандующему, мы изложили ему подробно нашъ взглядъ на существующее положеніе, причемъ намѣтили тѣ мѣры, которыя по нашему единодушному мнѣнію должны были быть осуществлены въ срочномъ порядкѣ.

Исходя изъ того, что мы остались одни противъ противника, располагавшаго колоссальными силами, мы указали на необходимость немедленнаго установленія самыхъ дружественныхъ отношеній съ тѣми изъ новыхъ окраинныхъ государствъ, которыя находились въ состояніи войны съ большевиками, а, въ частности, съ Финляндіей, войска которой примыкали къ нашимъ и представитель военнаго командованія которой находился при Мурманскомъ Штабѣ. Предположено было отправить въ Финляндію особую миссію для обезпеченія себѣ на извѣстныхъ условіяхъ болѣе активной помощи, а также для принятія подготовительныхъ мѣръ къ предоставленію намъ убѣжища въ случаѣ катастрофы. Такъ какъ къ этому времени чрезвычайно обострился карельскій вопросъ, причемъ нѣкоторыя волости выступили противъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ, захвативъ заложникомъ одного изъ уѣздныхъ начальниковъ Олонецкой губерніи бар. Т. и угрожая перерывомъ сообщенія на Мурманской жел. дорогѣ, то предположено было войти черезъ особую миссію въ переговоры съ такъ называемымъ Ухтинскимъ карельскимъ правительствомъ и урегулировать этотъ вопросъ также съ Финляндіей черезъ посылаемую туда миссію.

Въ связи съ карельскимъ вопросомъ было обращено особое вниманіе на Мурманскій раіонъ, какъ на наше будущее убѣжище въ случаѣ катастрофы; было указано на необходимость скорѣйшей смѣны Начальника Мурманскаго края г. Е., обострившаго, между прочимъ, наши отношенія съ карелами, и на принятіе цѣлаго ряда мѣръ по военному и гражданскому управленію для обезпеченія этого нашего единственнаго редюита. Вопросъ возможной эвакуаціи также былъ обсужденъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, съ указаніемъ на необходимость улучшить немедленно дороги на Мурманъ и принять экстренныя мѣры къ обезпеченію насъ углемъ и морскими перевозоч-

ными средствами, а также къ созданію за границей извѣстнаго валютнаго фонда, дабы, въ случаѣ катастрофы, бѣженцы Сѣверной Области не очутились въ безвыходномъ положеніи. Но особое вниманіе было удѣлено конечно укрѣпленію нашего фронта и обезпеченію порядка въ тылу. Не задолго до этого состоялся первый съѣздъ Командующихъ войсками ближайшихъ раіоновъ для совмѣстнаго совѣщанія съ Главнокомандующимъ и чинами Штаба, на которомъ уже было обнаружено, въ чемъ болѣе всего нуждаются войска. Командующіе войсками жаловались на неудовлетворительную постановку агитаціи и пропаганды, особенно въ тылу, а также указывали на необходимость улучшенія продовольственнаго вопроса и организаціи транспорта.

Дѣйствительно, въ области снабженія были крупные недочеты и чувствовалось неумѣніе использовать нашъ богатый рыбой, дичью и оленьимъ мясомъ край. Во главѣ снабженія стоялъ подчиненный Начальнику Штаба честный и старательный, но престарѣлый и никогда въ жизни этимъ дѣломъ не занимавшійся ген. Б., который съ усердіемъ дѣлилъ оставленные намъ англичанами консервы «по расчету $^3/_8$ банки на $5^1/_2$ человѣкъ», какъ острили по этому поводу въ строю. Неважно также обстояло дѣло и съ транспортомъ. въ чемъ, правда, больше вины падало не на отдѣлъ военныхъ сообщеній, а на земство, которое, боясь крестьянъ и играя на популярность среди населенія, принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы избавить его отъ ненавидимой имъ подводной повинности и не выполняло заданій Отдѣла военныхъ сообщеній, который за это подвергался нападкамъ со стороны фронта.

Такъ какъ послѣ съѣзда Командующихъ войсками никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію указанныхъ дефектовъ Штабомъ принято не было, то совѣщаніе обратило вниманіе Главнокомандующаго на необходимость отдѣленія снабженія и отдѣла военныхъ сообщеній отъ Штаба, на точномъ основаніи Положенія о полевомъ Управленіи войскъ, съ освобожденіемъ ген. Б. отъ лично тяготившихъ его обязанностей, съ которыми онъ съ очевидностью для всѣхъ не справлялся.

Ген. Б. былъ уволенъ и снабженіе, отдѣленное отъ Штаба, было ввѣрено въ опытныя руки ген. С., который прежде занималъ этотъ постъ въ арміи во время національной войны, обладалъ громаднымъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ, а какъ предсѣдатель финансово-экономическаго совѣта Сѣверной Области, великолѣпно былъ знакомъ съ положеніемъ мѣстнаго рынка и могъ использовать широко свои связи съ торгово-промышленнымъ міромъ. Къ сожалѣнію, назначеніе его состоялось приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ нашего перваго совѣщанія и по своему обыкновенію мы и съ этой мѣрой запоздали.

Наше маленькое совѣщаніе имѣло возможность повторить всѣ свои соображенія передъ приглашенными Главнокомандующимъ членами Правительства въ лицѣ Предсѣдателя П. Ю. Зубова и Управляющаго Отдѣломъ Торговли и Промышленности г. К., послѣ чего всѣ предположенія совѣщанія были предметомъ обсужденія въ Правительствѣ, въ результатѣ каковаго были намѣчены миссіи въ Финляндію — во главѣ съ Начальникомъ военныхъ сообщеній ген. Б. и въ Карелію — во главѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ ген. К., которые послѣ снабженія ихъ надлежащими полномочіями и отбыли по своему назначенію.

Для поднятія настроенія въ войскахъ на фронтъ выѣхали члены комиссіи земско-городского совѣщанія по оборонѣ, принадлежавшіе какъ къ правому, такъ и къ соціалистическому блоку, причемъ среди послѣднихъ необходимо отмѣтить А. Иванова (правый эсеръ), который до конца выполнилъ свой долгъ и старался въ своихъ рѣчахъ доказать необходимость продолженія самой упорной борьбы съ большевиками.

Къ означенному періоду относится также неожиданно создавшійся правительственный кризисъ. Почти всѣ члены Правительства принадлежали къ Союзу Возрожденія Россіи и, такъ какъ дѣятельность ихъ вызывала рѣзкую критику со стороны демократическихъ элементовъ, то Архангельское отдѣленіе союза рѣшило устроить экстренное собраніе всѣхъ членовъ, дабы обсудить создавшееся положеніе.

На этомъ совѣщаніи, численный составъ котораго выразился въ весьма скромной цифрѣ, если не ошибаюсь, 17 человѣкъ, дѣятельность принадлежавшихъ къ союзу членовъ Правительства подверглась самой ожесточенной критикѣ со стороны остальныхъ членовъ союза, причемъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, критика эта носила совершенно безпредметный характеръ перебранки и личныхъ выпадовъ на почвѣ того нервнаго настроенія, которое создалось тогда въ Архангельскѣ. Тѣмъ не менѣе, члены Правительства, не находя поддержки въ своей средѣ, рѣшили сложить свои полномочія и вручили свои портфели Главнокомандующему, который попросилъ ихъ временно продолжать работу.

Такимъ образомъ, въ самый отвѣтственный моментъ передъ созывомъ земскаго собранія, которое должно было открыться 3 февраля, когда ожидался очередной натискъ на Правительство и внутреннее положеніе области стало особенно тревожнымъ, Временное Правительство само усугубило серьезность положенія, придавъ своему существованію вдвойнѣ временный характеръ. Недаромъ въ широкихъ кругахъ архангельскаго общества членовъ его рѣзко осуждали за такой шагъ, приписывая ту легкость, съ которой они разстались со своими портфелями, отсутствію гражданскаго мужества и нежеланію нести бремя власти въ столь тяжкій и отвѣтственный моментъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ членовъ Правительства заговорили о своемъ чрезмѣрномъ утомленіи и желаніи для отдыха отбыть заграницу.

Въ первыхъ числахъ февраля состоялось второе совѣщаніе Главнокомандующаго и старшихъ чиновъ Штаба съ Командующими войсками раіоновъ, на которое пріѣхали только ген. В. и ген. Д., командовавшіе ближайшими раіонами — Двинскимъ и Желѣзнодорожнымъ. Совѣщаніе это совпало съ состоявшимся 3 февраля открытіемъ Губернскаго Земскаго Собранія, сразу же поведшимъ энергичную атаку на Правительство, — и успѣло подѣлиться главнымъ образомъ тревожными опасеніями, какъ бы вновь затѣваемая политическая борьба не сорвала намъ фронта; къ детальному обсужденію многочисленныхъ вопросовъ, возбужденныхъ Штабомъ, перейти не удалось, такъ какъ 4 Февраля большевики начали энергичное наступленіе на Двинѣ, которое постепенно вылилось въ бои на всѣхъ участкахъ Архангельскаго фронта, что вызвало экстренный отъѣздъ туда Командующихъ войсками. Было извѣстно, что непріятель рѣшилъ сдѣлать серьезную попытку ликвидировать насъ, а въ случаѣ ея неудачи собирался оставить занимаемыя имъ

въ то время позиціи, не имѣя возможности изъ-за отсутствія транспорта поддерживать сообщеніе на своихъ громадныхъ комуникаціонныхъ линіяхъ. Мы вступили въ самый рѣшительный фазисъ борьбы.

Глава IV

Попытка Архангельскаго Губернскаго Земскаго Собранія захватить власть въ свои руки. Возстаніе въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку. Образованіе новаго Правительства

Если Земско-Городское Совѣщаніе могло претендовать на политическую роль, такъ какъ въ немъ было сосредоточено представительство населенія всей области и оно представляло собой органъ, выходившій по своему назначенію и цѣлямъ изъ рамокъ хозяйственной дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія, то Архангельское Губернское Земское Собраніе отнюдь не могло претендовать на эту роль, такъ какъ въ составъ его не входили представители города Архангельска и Мурманскаго края, включившаго въ себя значительную часть Олонецкой губерніи, гдѣ функціонировали свои органы земскаго самоуправленія.

Между тѣмъ, открывшееся 3 Февраля подъ предсѣдательствомъ Скоморохова Губернское Земское Собраніе сразу же отложило въ сторону всѣ хозяйственные вопросы, для разрѣшенія которыхъ оно было созвано по закону, и выступило на путь самой рѣшительной политической борьбы. Засѣданія приняли сразу же характеръ митинга, причемъ на повѣсткахъ оказались вопросы о реконструкціи власти и цѣлесообразности продолженія дальнѣйшей вооруженной борьбы. Встревоженный Главнокомандующій попросилъ посѣтить собраніе Управляющаго Отдѣломъ Народнаго Просвѣщенія М. М. Федорова, который какъ членъ Правительства менѣе другихъ вызывалъ нападки со стороны крайнихъ демократическихъ элементовъ, но послѣдній никакъ не могъ добиться, въ чемъ собственно конкретно состояли тѣ правительственные промахи, которые вызвали такіе яростные нападки на Правительство.

Между тѣмъ, страсти митинговавшей аудиторіи разгорались все больше и больше и, наконецъ, при обсужденіи вопроса о продолженіи вооруженной борьбы дошло уже до прямыхъ призывовъ къ измѣнѣ. Партійный составъ собранія, состоявшаго изъ 40 человѣкъ, былъ однороденъ, въ виду принадлежности почти всѣхъ его членовъ къ эсерамъ, однако при голосованіи упомянутаго вопроса они раскололись на три группы. Правая группа въ 8 человѣкъ, во главѣ съ А. Ивановымъ, обнаружила ярко оборонческія тенденціи, идя подъ лозунгомъ борьбы до конца. Центръ, насчитывавшій 22 члена, придерживался черновской политики колебаній и виляній, указывая на возможность и необходимость борьбы «постольку, поскольку» Правительство пойдетъ на уступки и подчинится требованіямъ собранія, а также въ зависимости отъ общей обстановки и военнаго положенія области, и, наконецъ, лѣвая группа въ 8 человѣкъ взяла рѣзко пораженческій тонъ, настаивая на немедленномъ прекращеніи борьбы, съ указаніемъ, что въ случаѣ сопротивленія офицеровъ ихъ надо связать и выдать большевикамъ, такъ

какъ съ контръ-революціонерами «и бѣло-гадами» нечего стѣсняться, разъ они не желаютъ подчиниться народной волѣ. Все это конечно стало достояніемъ широкой публики и въ томъ числѣ солдатъ.

Обезпокоенный Главнокомандующій вызвалъ къ себѣ для объясненій Скоморохова, А. Иванова и Едемскаго (тоже членъ собранія), но если послѣдніе двое и склонны были идти на нѣкоторыя уступки, то Скоморохов смотрѣлъ волкомъ и прямо заявилъ, что Главнокомандующій обязанъ подчиниться народной волѣ, хотя бы таковая высказалась за миръ, причемъ добавилъ, что можетъ быть и онъ самъ склоненъ къ тому, что дальнѣйшая борьба безполезна.

Выжидательная позиція, занятая Правительствомъ и Главнокомандующимъ въ отношеніи собранія, создала въ немъ представленіе о полной капитуляціи передъ нимъ законныхъ властей и собраніе рѣшило встать на путь активныхъ выступленій въ видѣ очередного coup d'état. Была составлена и принята декларація, въ которой послѣ обвиненія Временнаго Правительства въ контръ-революціонности послѣднее приглашалось немедленно сложить свои полномочія и передать таковыя Земскому Собранію, которое объявлялось законодательнымъ органомъ и должно было выдѣлить изъ своей среды отвѣтственное передъ нимъ Правительство. Декларація эта была принята поздней ночью, причемъ Собраніе первоначально рѣшило всѣмъ составомъ направиться къ Главнокомандующему для предъявленія ему ея въ ультимативной формѣ.

Эти наглыя выходки, учиняемыя въ то время, когда на Двинскомъ фронтѣ положеніе съ часу на часъ становилось все хуже и хуже, когда наши немногочисленныя войска въ составѣ 4 Сѣв. стрѣлк. полка и Шенкурскаго баталіона должны были подъ натискомъ свѣжихъ превосходныхъ силъ непріятеля очистить позиціи, предварительно разгромленныя тяжелой артиллеріей красныхъ, и продолжали, хотя и медленно, свое отступленіе, геройски цѣпляясь за каждый клочекъ земли, — вывели изъ себя даже спокойнаго и уравновѣшеннаго ген. Миллера, и имъ была приготовлена комендантская рота запаснаго полка для ликвидаціи возникшаго инцидента. Зная, что бывшіе красноармейцы, изъ которыхъ состоялъ полкъ, расправятся съ измѣнниками самымъ безпощаднымъ образомъ, собраніе благоразумно рѣшило уклониться отъ прогулки къ Главнокомандующему и делегировало для этого своихъ двухъ членовъ, А. Иванова и Едовина (бывшій членъ Временнаго Правительства), которые и прибыли къ Главнокомандующему около часу ночи. Ознакомившись съ деклараціей, Главнокомандующій заявилъ, что онъ дастъ отвѣтъ на нее на слѣдующій день, но при этомъ просилъ предупредить членовъ собранія, что если они будутъ настаивать на немедленномъ претвореніи ихъ деклараціи въ жизнь, то онъ принужденъ будетъ отнестись къ врученному документу такъ, какъ онъ того заслуживаетъ, и передать его немедленно судебнымъ властямъ для привлеченія составителей къ законной отвѣтственности.

На слѣдующій день утромъ, прибывъ къ Главнокомандующему, я былъ немедленно приглашенъ къ нему, гдѣ я засталъ Начальника Штаба ген. К. и Начальника Національнаго ополченія генерала С.; Главнокомандующій, подѣлившись съ нами впечатлѣніями отъ предыдущей тревожной ночи, заявилъ, что онъ въ 12 час. дня ѣдетъ самъ на засѣданіе Земскаго Собранія

для ликвидаціи возникшаго инцидента, и попросилъ подѣлиться тѣми соображеніями, которыми можно было бы дополнить его предполагаемое обращеніе къ Земскому собранію. Ген. С., какъ предсѣдатель финансово-экономическаго совѣта, уже былъ въ качествѣ члена Правительства освѣдомленъ о всемъ и заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ добавить къ тому, что говорилось имъ въ Правительствѣ, уже обсуждавшемъ этотъ вопросъ. Ознакомившись съ проектомъ отвѣта ген. Миллера, я лично предложилъ дополнить его развитіемъ слѣдующей мысли. Борьба на территоріи Сѣверной Области началась не въ силу мѣстныхъ интересовъ, а во всероссійскомъ масштабѣ при участіи въ ней вооруженныхъ союзныхъ силъ, причемъ образовавшіе Верховное Управленіе Сѣверной Области члены Всероссійскаго Учредительнаго Собранія подчеркнули этотъ всероссійскій характеръ борьбы, начиная всѣ свои акты съ воззванія: «Во имя спасенія Родины и революціи». Во главѣ Правительства Сѣверной Области находится Н. В. Чайковскій, въ лицѣ котораго осуществляется преемственность власти и который вмѣстѣ съ тѣмъ является въ Парижѣ и представителемъ Всероссійскаго Правительства. Если признавать возможность за каждымъ изъ земскихъ собраній въ Россіи самовольное, въ порядкѣ захвата власти, принятіе на себя значенія законодательнаго органа, то этимъ сознательно становятся на путь анархіи и внутренней борьбы, ибо тогда вся территорія Россіи покроется такими парламентами, которые еще болѣе углубятъ взаимныя распри. За примѣромъ ходить недалеко, ибо Архангельская Городская Дума вовсе не склонна подчиниться рѣшенію Губернскаго Земскаго Собранія и протестуетъ противъ его попытокъ къ захвату власти самымъ энергичнымъ образомъ. Въ виду этого я считалъ необходимымъ предложить собранію аннулировать принятую имъ декларацію и встать на путь мирнаго сотрудничества съ властью для сформированія новаго Правительства изъ представителей всѣхъ политическихъ теченій на условіи преемственности власти въ лицѣ Н. В. Чайковскаго.

Главнокомандующій, дополнивъ свои замѣтки изложенными выше соображеніями, отправился на засѣданіе Земскаго Собранія, гдѣ въ подробной рѣчи подѣлился съ членами собранія своими взглядами на переживаемый моментъ. Онъ подробно остановился на безпочвенной критикѣ Правительства, указавъ, что хозяйственная дѣятельность земства, которому приходится разрѣшать гораздо болѣе скромныя задачи, чѣмъ Правительству, тоже далеко не на высотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнулъ, что собраніе, требуя ухода Правительства, ломится въ открытыя двери, такъ какъ ему прекрасно извѣстно, что всѣ члены Правительства уже сложили свои полномочія и лишь временно исполняютъ свои обязанности. Не имѣя ничего противъ включенія въ составъ новаго Правительства представителей Земскаго Собранія, Главнокомандующій категорически отвергнулъ монопольное право послѣдняго на представительство интересовъ всего края, указавъ, что при сформированіи новаго Правительства онъ станетъ на путь использованія всѣхъ безъ исключенія политическихъ теченій, представители которыхъ находятся не только въ Земскомъ Собраніи.

Развивъ изложенные выше тезисы о преемственности власти и о веденіи борьбы во всероссійскомъ масштабѣ, Главнокомандующій подчеркнулъ также, что онъ не считаетъ возможнымъ отступить отъ этихъ принциповъ въ силу международныхъ отношеній, ибо онъ не увѣренъ, что корабли, везущіе въ область хлѣбъ и другіе предметы продовольствія и снаряженія въ адресъ

Правительства Чайковскаго, не повернуть свой носъ въ другую сторону подъ вліяніемъ рискованныхъ политическихъ экспериментовъ Земскаго Собранія.

Закончивъ свое слово, произведшее весьма сильное впечатлѣніе, Главнокомандующій, уже покидая собраніе, еще разъ обратился къ нему съ просьбой подумать надъ тѣмъ, куда оно толкаетъ область своими опрометчивыми рѣшеніями, и попросилъ собраніе болѣе ясно опредѣлить свое отношеніе къ вооруженной борьбѣ, такъ какъ занятая имъ въ этомъ вопросѣ позиція вызываетъ немалое смущеніе какъ въ населеніи, такъ и въ войскахъ.

Слова эти возымѣли свое дѣйствіе, декларація была положена подъ сукно, а Земское Собраніе обратилось къ войскамъ съ воззваніемъ, призывая спокойно продолжать борьбу, такъ какъ оно взяло на себя охраненіе политическихъ интересовъ передъ Правительствомъ, сформированіе котораго ведется при его участіи.

Большую поддержку Главнокомандующему въ эти тревожные дни оказала Архангельская Городская Дума, обратившаяся къ нему съ особымъ адресомъ, въ которомъ она въ рѣзкой формѣ критиковала позицію, занятую Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ и заявляла о готовности отдать всѣ свои силы на защиту провозглашенныхъ Главнокомандующимъ идей. Вообще Архангельское населеніе, за исключеніемъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, было все настроено враждебно къ политическому курсу, принятому Земскимъ Собраніемъ, что, видимо, и побудило послѣднее объявить себя единственнымъ правомочнымъ законодательнымъ органомъ области, такъ какъ оно не расчитывало въ порядкѣ созыва Земско-Городского Совѣщанія склонить къ принятому имъ образу дѣйствія членовъ Городской Думы. Оборонческая группа Земскаго Собранія состояла преимущественно изъ представителей волостей Печорскаго края и Пинежскаго раіона, только что освобожденныхъ отъ большевиковъ, гдѣ всѣ достаточно вкусили прелесть большевистскаго режима и не склонны были вновь подвергнуться ему. Къ сожалѣнію, это было невразумительно для Скоморохова и его политическихъ друзей, которыхъ неизжитая классовая злоба толкала въ объятія большевиковъ.

Началось сформированіе новаго Правительства, что выпало на долю самого Главнокомандующаго, который одинъ уцѣлѣлъ изъ прежняго его состава, съ одной стороны какъ представитель Всероссійской власти по должности Главнокомандующаго, а съ другой потому, что вступленіе его въ составъ Правительства не только не встрѣчало возраженій, но привѣтствовалось всѣми, безъ различія партій, настолько онъ сумѣлъ завоевать симпатіи всѣхъ своей аполитичностью и умѣніемъ во время политическихъ кризисовъ соблюдать строгій нейтралитетъ среди борющихся. Но еще болѣе приходилось считаться съ той популярностью, которой пользовалось его имя во всѣхъ слояхъ населенія и въ войскахъ, гдѣ было извѣстно, какъ онъ, не жалѣя себя, работаетъ съ утра до вечера, руководимый одной заботой — обезпечить благополучіе ввѣренныхъ ему войскъ.

Жалко было въ эти дни смотрѣть на него, настолько онъ имѣлъ измученный видъ отъ всѣхъ этихъ нескончаемыхъ разговоровъ съ мѣстными лидерами политическихъ группъ и партій, въ то время, когда вѣсти съ фронта носили все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Если лѣвые обнаруживали узкую партійность и непримиримость, неохотно идя на встрѣчу идеѣ сформированія каолиціоннаго кабинета и ссылаясь на уже имѣвшій мѣсто неудачный опытъ Земско-Городского Совѣщанія, то съ правыми было еще труд-

нѣе разговаривать, потому что здѣсь остро чувствовался недостатокъ въ людяхъ, а во взглядахъ царили полнѣйшій хаосъ и неразбериха.

Каждый день приходилось вести бесѣды съ Главнокомандующимъ, причемъ я, какъ и нѣкоторые другіе старшіе чины арміи, въ лицѣ Командующихъ войсками раіоновъ генераловъ Д. и В., считали своимъ долгомъ предупредить его, что въ предѣлахъ проведенія оборонческой программы для насъ партійный составъ Правительства совершенно безразличенъ, поэтому мы будемъ привѣтствовать вступленіе въ него такихъ дѣятелей какъ А. Ивановъ и другихъ правыхъ эсеровъ, но появленіе у власти господъ вродѣ Скоморохова вызоветъ нашъ немедленный уходъ, ибо мы не желаемъ сознательно предавать себя въ руки непріятеля.

Реконструкція власти совпала и съ перемѣнами въ командномъ составѣ. Ген. К., въ виду общаго отрицательнаго отношенія къ нему въ военныхъ кругахъ, а также недовольный отдѣленіемъ отъ него отдѣла снабженія, ввѣреннаго ген. С., покинулъ постъ Начальника Штаба Главнокомандующаго и лишь временно исполнялъ свои обязанности. Главнокомандующій по своему обыкновенію медлилъ съ вопросомъ объ его замѣстителѣ и, хотя предложилъ этотъ постъ Командующему войсками Мурманскаго раіона ген. С., но не вызывалъ его съ Мурмана, считая невозможнымъ въ такой отвѣтственный моментъ мѣнять тамъ командованіе. Между тѣмъ, дальнѣйшее пребываніе ген. К. у власти вызывало такое неудовольствіе въ арміи, что свѣдѣнія объ этомъ проникли въ отвѣтственные политическіе круги, которые выступили со своими кандидатами передъ ген. Миллеромъ. Послѣдній совершенно правильно отклонилъ это вмѣшательство въ сферу его спеціальныхъ правъ, но, съ другой стороны, этотъ вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ до паденія фронта.

Вопросъ съ формированіемъ новаго Правительства принялъ затяжной характеръ, главнымъ образомъ, изъ-за отдѣла финансовъ, торговли и промышленности, на руководство которымъ предъявили особую претензію торгово-промышленные круги, заявивъ, что они не заинтересованы въ распредѣленіи другихъ портфелей. Это неосторожное выступленіе, обнаружившее при этомъ стремленіе охранить только свои спеціальные интересы, повлекло за собой настойчивое требованіе лѣвыхъ круговъ предоставить управленіе этимъ отдѣломъ Управляющему Государственнымъ Банкомъ г. Р., который къ этому времени прочно связалъ себя черезъ Арбюро съ представителями соціалистическихъ партій и пріобрѣлъ себѣ тамъ исключительную популярность своимъ проектомъ о національзаціи внѣшней торговли, такъ взволновавшимъ въ свое время торгово-промышленные круги. Его кандидатура встрѣтила рѣзкій протестъ со стороны послѣднихъ и неизвѣстно, какъ бы мы выбрались изъ этихъ взаимно исключающихъ противорѣчій, если бы обрушившіяся на насъ несчастія не побудили пойти на взаимныя уступки; новое Правительство въ концѣ концовъ было сконструировано; однако, это совершилось въ такой моментъ, когда уже никто не могъ насъ спасти отъ неминуемой гибели.

Какъ я уже упомянулъ выше, 4 Февраля началось наступленіе на Двинѣ, которое постепенно вылилось въ общее сраженіе на всѣхъ ближайшихъ къ Архангельску участкахъ фронта. Особенно ожесточенный характеръ носили бои въ Селецкомъ раіонѣ, гдѣ большевики вели повторныя атаки на Средь-Михреньгу, упорно защищаемую 7 Сѣв. стрѣлк. полкомъ, въ составъ кото-

раго входили Тарасовскіе партизане, зубами державшіеся за свои родныя деревни. Атака слѣдовала за атакой, но сломить упорное сопротивленіе партизанъ не удавалось. Отошедшія со своихъ позицій войска Двинскаго фронта, благодаря Шенкурскимъ добровольцамъ, тоже остановились, причемъ возникла надежда съ подходомъ туда резервовъ окончательно ликвидировать въ этомъ направленіи дальнѣйшее продвиженіе большевиковъ. Но въ этотъ моментъ прибыло потрясающее извѣстіе съ Желѣзнодорожнаго фронта.

Въ ночь съ 6 на 7 Февраля взбунтовался 3 Сѣв. стрѣлк. полкъ, открывъ фронтъ непріятелю. Полученныя вскорѣ шифрованныя телеграммы Командующаго войсками ген. В. указывали на причастность къ возстанію членовъ Земскаго Собранія Скоморохова и др., вслѣдствіе чего мною немедленно были командированы для разслѣдованія военно-слѣдственныя власти. Законченное въ теченіе нѣсколькихъ дней предварительное слѣдствіе, а также разсказы одного изъ офицеровъ, руководившихъ подавленіемъ возстанія, возстановили во всей полнотѣ картину послѣдняго.

Числа 5, 6 Февраля агентами контръ-развѣдки совершенно случайно, благодаря неосторожной болтовнѣ одного лежавшаго въ лазаретѣ больного матроса, была открыта преступная организація въ одной изъ морскихъ стрѣлковыхъ ротъ, расположенной на Желѣзнодорожномъ фронтѣ; эта организація поставила своей цѣлью открытіе фронта непріятелю и вошла для этого въ сношеніе съ такой же группой въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку, стоявшемъ въ это время на позиціяхъ у группы деревень, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Денисславье. Предполагалось немедленно по отводѣ 3 Сѣв. стрѣлк. полка въ резервъ и замѣнѣ его Архангелогородскимъ стрѣлк. полкомъ поднять возстаніе въ тылу этого полка, чтобы одновременно увлечь и этотъ послѣдній за собой, такъ какъ онъ обнаруживалъ колебаніе и особой увѣренности въ томъ, что онъ тоже выступитъ, не было, и, такимъ образомъ, обнажить на этомъ участкѣ фронтъ, что повлекло бы по плану возставшихъ и измѣну стоявшаго на самой желѣзной дорогѣ 6 Сѣв. стрѣлк. полка, недовольнаго тѣмъ, что его долго не смѣняютъ съ позицій. Такъ какъ допросомъ 11 матросовъ, входившихъ въ преступную организацію, были точно установлены фамиліи заговорщиковъ 3 Сѣв. стрѣлк. полка, то командиру послѣдняго подполковнику П. было сообщено требованіе арестовать ихъ. Послѣдній, получивъ списокъ, былъ ошеломленъ его составомъ, такъ какъ въ него входили наиболѣе преданные и надежные съ его точки зрѣнія солдаты, составлявшіе личную охрану штаба и такъ называемую службу связи, поэтому онъ заколебался и началъ выяснять, не произошло ли недоразумѣнія. Между тѣмъ, видимо, свѣдѣнія о предполагаемомъ арестѣ проникли въ среду заговорщиковъ, они рѣшили ускорить свое выступленіе и въ ночь съ 7 на 8 Февраля ими было поднято возстаніе. Стоявшія на позиціяхъ роты, захвативъ 12 человѣкъ своихъ офицеровъ, перешли къ противнику. Въ это время другія возставшія роты, расположенныя въ деревнѣ, захватили стоявшія тамъ орудія, прислуга которыхъ, не желая присоединяться къ бунтовщикамъ, ушла прочь. Одновременно въ сосѣдней деревнѣ бунтовщиками были также арестованы офицеры и къ нимъ былъ приставленъ караулъ. Оставшаяся вѣрной своему долгу артиллерія, расположенная недалеко отъ этихъ двухъ деревень, открыла огонь сначала по ближайшей деревнѣ, гдѣ были захвачены пушки, вслѣдствіе чего бунтовщики бросили ихъ и сбѣжали, а прислуга

этихъ орудій подъ вліяніемъ офицеровъ возвратилась на мѣста. Послѣ этого орудійный огонь былъ перенесенъ на ту деревню, гдѣ находились арестованные офицеры, причемъ окарауливавшіе ихъ бунтовщики разбѣжались. Въ это время началось наступленіе большевиковъ, во главѣ которыхъ шли уже соединившіеся съ ними бунтовщики. Батарея, стоявшая въ деревнѣ, открыла по нимъ огонь, а оставшіеся вѣрными долгу стрѣлки во главѣ съ командиромъ полка подполк. П. отбили атаку пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Однако, силы были слишкомъ неравны и маленькая группа, человѣкъ въ сто, такъ быстро таяла, что пришлось оставить Денисславье, тѣмъ болѣе, что противникъ уже сталъ заходить въ тылъ, причемъ отступавшіе попали при этомъ подъ сильный пулеметный огонь, которымъ имъ были причинены тяжелыя потери и. въ частности, у подполк. П. была раздроблена лѣвая рука.

Измѣна 3 Сѣв. стрѣлк. полка повлекла за собой неисчислимыя бѣдствія и ее несомнѣнно нужно считать началомъ конца. Стоявшій въ резервѣ баталіонъ этого полка вызывалъ столь основательныя подозрѣнія, что его не рѣшались вводить въ боевую линію. Архангелогородскій полкъ двинулся на позицію съ явнымъ неудовольствіемъ, и вѣры въ его прочность не было, такъ какъ онъ былъ укомплектованъ изъ красноармейцевъ, лучшіе изъ которыхъ уже полегли въ бояхъ, а оставшіеся, благодаря неуспѣхамъ на другихъ фронтахъ, обнаружили тенденцію къ дезертирству, стараясь при этомъ миновать и красныя войска и стремясь пробраться незамѣченными домой. Высланные въ развѣдку или въ полевой караулъ часто обратно не возвращались, причемъ иногда у оставленныхъ винтовокъ находили записки съ просьбой не винить ихъ за измѣну, такъ какъ, не видя конца борьбѣ, они соскучились по роднымъ и рѣшили пробраться домой. Морскія стрѣлковыя роты были уведены въ тылъ и разоружены, а 6 Сѣв. стрѣлк. полкъ вызывалъ также массу опасеній въ виду его недовольства продолжительнымъ стояніемъ на позиціяхъ.

Такимъ образомъ, на самомъ главномъ участкѣ фронта создалось чрезвычайно непрочное положеніе, вызванное не побѣдой большевиковъ, а измѣной. Непріятель не располагалъ въ этомъ направленіи хорошими частями и показаніями офицеровъ, которые были сначала арестованы, а затѣмъ брошены своимъ конвоемъ и послѣ этого, застрявъ изъ-за артиллерійскаго огня въ деревнѣ, сдѣлались невольными свидѣтелями наступленія большевиковъ, было установлено, что красныя войска шли въ бой неохотно, понукаемыя площадной бранью и ударами палокъ.

Честь большевистской побѣды выпала на долю членовъ Земскаго Собранія гг. Скоморохова, Едовина и Едемскаго, такъ какъ разслѣдованіемъ была установлена связь ихъ съ заговорщиками въ лицѣ родного брата послѣдняго, унтеръ-офицера Едемскаго, состоявшаго при Штабѣ полка и др. Пропаганда велась подъ лозунгомъ мира съ большевиками при соблюденіи трехъ условій: 1) Земля должна была остаться въ пользованіи у крестьянъ на существующихъ въ Сѣверной Области условіяхъ, 2) Войска Сѣверной Области могли быть употреблены только для караульной службы въ ея предѣлахъ, и 3) Виновники гражданской войны (очевидно — офицеры) подлежали выдачѣ большевикамъ.

Тѣмъ же разслѣдованіемъ было установлено, что въ тылу фронта въ деревняхъ велась также пропаганда за немедленный миръ, причемъ крестьянъ увѣряли, что ген. Миллеръ уже уѣхалъ съ офицерами. Недаромъ

многихъ пріѣзжавшихъ въ деревню по дѣламъ лѣсниковъ и инженеровъ поражало, что крестьяне очень интересовались тѣмъ, находится ли еще Главнокомандующій въ Архангельскѣ.

Такимъ образомъ очередное предательство совершилось, предательство гнусное и безсмысленное, ибо изъ него, какъ и всегда, пользу извлекли не сами предатели, а большевики. Для заключенія мира съ послѣдними на указанныхъ выше условіяхъ была установлена черезъ линію фронта связь какъ въ желѣзнодорожномъ раіонѣ, такъ и на Двинскомъ направленіи. Въ связи съ этими сношеніями необходимо отмѣтить, что наступленіе на насъ совпало съ открытіемъ Земскаго Собранія, такъ что ударъ намъ наносился одновременно какъ съ фронта, такъ и съ тыла.

Главнокомандующій выпустилъ обращеніе къ населенію съ указаніемъ, что политиканство и преступная болтовня въ нѣкоторыхъ кругахъ населенія повлекли за собой возстаніе въ 3 полку, вызвавшее кровопролитіе, такъ какъ оставшіяся вѣрными долгу войска имѣли штыковую схватку съ бунтовщиками.

Создавшееся грозное положеніе отрезвило наши политическіе круги и новое Правительство сконструировалось съ Главнокомандующимъ во главѣ въ качествѣ замѣстителя Н. В. Чайковскаго. Подъ вліяніемъ Земскаго Собранія отдѣлы народнаго просвѣщенія, юстиціи и земледѣлія были упразднены и въ составъ Правительства вошли: Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ дѣлъ бар. Тизенгаузенъ, уѣздный начальникъ на Мурманѣ, правый эсеръ, оборонецъ, по общимъ отзывамъ очень энергичный человѣкъ, кандидатура котораго привѣтствовалась даже правыми; къ сожалѣнію, онъ въ это время находился въ плѣну у карелъ и надежда извлечь его оттуда въ ближайшемъ будущемъ была невелика; финансы, торговля и промышленность были ввѣрены Управляющему Областнымъ Государственнымъ Банкомъ А. Репману, которому въ помощь по отдѣлу торговли и промышленности долженъ былъ быть делегированъ представитель мѣстныхъ торгово-промышленныхъ круговъ. Докторъ Борисъ Соколовъ, правый эсеръ, бывшій секретарь А. Ф. Керенскаго, получилъ въ свои руки агитацію и пропаганду и, кромѣ того, безъ портфелей въ составъ Правительства вошли изъ лѣвыхъ круговъ А. Ивановъ, правый эсеръ, оборонецъ, а отъ буржуазнаго блока докторъ Поповъ, личность совершенно безцвѣтная, партійная принадлежность котораго мнѣ неизвѣстна.

Очень много разговоровъ Главнокомандующій имѣлъ съ докторомъ Соколовымъ въ стадіи предварительнаго обсужденія его кандидатуры, причемъ послѣдній старался убѣдить ген. Миллера въ томъ, что, хотя онъ и близокъ къ Керенскому и сотрудничалъ съ нимъ, но во многомъ не раздѣляетъ взглядовъ послѣдняго. Пропаганду онъ обѣщалъ поставить на такую высоту, что фронтъ нашъ сразу же воспрянетъ, а большевики начнутъ разваливаться. Многихъ тогда въ Архангельскѣ интересовалъ вопросъ, какъ попалъ въ составъ Правительства скромный докторъ санитарнаго поѣзда, до того остававшійся въ тѣни, такъ какъ публикѣ была неизвѣстна та роль, которую Б. Соколовъ игралъ въ Архангельскихъ эсеровскихъ кругахъ. Когда кандидатура его была въ осторожной формѣ выдвинута Скомороховымъ, то Главнокомандующій заинтересовался, почему выдвигается пріѣзжій и никому неизвѣстный врачъ, тѣмъ болѣе, что соціалистическій блокъ находилъ участіе пришлыхъ элементовъ въ Правительствѣ нежелательнымъ, на что Скомороховъ

скромно замѣтилъ, что мѣстные соціалистическіе круги ощущаютъ большой недостатокъ въ культурныхъ силахъ, почему кандидатура доктора Соколова, какъ человѣка образованнаго, встрѣтила въ нихъ сочувствіе.

Новое Правительство имѣло всего лишь нѣсколько засѣданій, выпустивъ обращеніе къ населенію и войскамъ съ призывомъ къ оборонѣ и давъ отвѣтъ на предложеніе большевиковъ о мирѣ. Послѣднее носило несомнѣнно провокаціонный характеръ съ цѣлью отнять послѣдній импульсъ къ борьбѣ, такъ какъ въ немъ указывалось на неприкосновенность командного состава въ случаѣ капитуляціи. Ясно, что этому вѣрить было нельзя, но въ массахъ это создавало впечатлѣніе, что генералы, во что бы то ни стало, хотятъ продолжать борьбу, несмотря на то, что великодушная совѣтская власть прощаетъ имъ ихъ прежнія заблужденія.

Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о томъ, что Правительство отвѣтило на предложеніе мира, кажется, оно требовало при заключеніи его соблюденія тѣхъ условій и гарантій, которыя въ нормальномъ порядкѣ борьбы культурныхъ государствъ между собою кладутся въ основаніе такого рода договоровъ, но конечно всякому здравомыслящему человѣку, знакомому со взглядами и методами дѣйствія большевиковъ, должно быть ясно, что расчитывать на соблюденіе этого договора ими, можно было лишь обладая большимъ запасомъ наивности. Я полагаю, что Правительство и само не вѣрило въ то, чтобы его отвѣтъ могъ имѣть какія либо реальныя послѣдствія и дало отвѣтъ на предложеніе мира лишь для того, чтобы сгладить впечатлѣніе отъ ловкаго агитаціоннаго пріема, употребленнаго противникомъ, и чтобы населеніе не могло обвинять его въ томъ, что оно оттолкнуло протянутую непріятелемъ руку. Независимо отъ этого, отвѣтъ носилъ конечно запоздалый характеръ, ибо Правительство къ этому моменту не располагало властью и вооруженной силой, наличность которой обезпечивала бы ему право договаривающейся стороны: фронтъ уже развалился и жалкіе остатки его неудержимо катились къ Архангельску.

Глава V

Паденіе фронта. Послѣдняя ночь въ Архангельскѣ

Въ эти послѣдніе дни нашего существованія въ Архангельскѣ мнѣ, какъ и другимъ старшимъ начальникамъ, было не до Правительства съ его высшей политикой. Надо было спѣшно принимать мѣры къ обезпеченію эвакуаціи, такъ какъ Главнокомандующій былъ отвлеченъ политическими дѣлами, а Штабъ проявлялъ полную бездѣятельность, ибо руководитель его или не понималъ, или не желалъ понять, что катастрофа можетъ разразиться съ часу на часъ.

Сразу же послѣ возстанія 3 Сѣв. стрѣлк. полка, я далъ телеграмму Командующему Желѣзнодорожнымъ раіономъ ген. В. съ просьбой пріѣхать лично для переговоровъ со мной, или командировать кого-нибудь изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, и 12 Февраля ко мнѣ прибылъ полк. N. Разсказавъ мнѣ подробности возстанія, онъ заявилъ, что ген. В. и другіе строевые начальники считаютъ это возстаніе началомъ конца, такъ какъ духъ войскъ пошатнулся и надежныхъ частей на фронтѣ нѣтъ. По ихъ мнѣнію намъ,

считая съ момента возстанія, осталось до полной ликвидаціи отъ двухъ недѣль до мѣсяца, причемъ строевые начальники считаютъ двѣ недѣли болѣе вѣрнымъ срокомъ. Я немедленно доложилъ объ этомъ Главнокомандующему и попросилъ полк. N. сдѣлать то же самое, но ген. Миллеръ нашелъ, что о ликвидаціи фронта преждевременно говорить.

Между тѣмъ, событія продолжали развиваться довольно быстро. Вскорѣ была уступлена врагу станція Плесецкая, что вызывало необходимость отхода войскъ Селецкаго раіона, которыя послѣ этого не могли сохранять свое выдвинутое положеніе. Но Тарасовскіе партизане оказались вѣрны данному ими слову не бросать своихъ родныхъ деревень. Они, какъ я уже отмѣчалъ выше, заранѣе предупреждали, что впередъ пойдутъ куда угодно, но назадъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ не желаютъ подвергать своихъ женъ и дѣтей большевистскому террору. Обо всемъ этомъ былъ своевременно освѣдомленъ Штабъ, но ген. К. съ голосомъ строя не считался и «велъ военную игру» не съ существующими въ дѣйствительности войсками, а съ отвлеченными боевыми единицами, числившимися у него на бумагѣ.

Отходъ по стратегическимъ соображеніямъ 7 Сѣв. стрѣлк. полка имѣлъ своимъ послѣдствіемъ выбытіе почти всего полка изъ строя, такъ какъ съ командиромъ полка отошло только около 150 человѣкъ, а весь остальной полкъ со своими офицерами остался въ родныхъ деревняхъ. Однако, даже это не отрезвило высшее командованіе и когда 16 утромъ я и полк. N. вновь посѣтили Главнокомандующаго и доложили ему, что намъ остается до полной ликвидаціи отъ трехъ до семи дней, то онъ назвалъ нашу оцѣнку событій слишкомъ пессимистической, такъ какъ по его мнѣнію, хотя и видно было, что паденіе Архангельскаго фронта неизбѣжно, но что врядъ ли таковое могло послѣдовать въ ближайшіе дни.

Съ тяжелымъ чувствомъ разстался я съ уѣхавшимъ на фронтъ полк. N., однимъ изъ лучшихъ нашихъ офицеровъ на Сѣверѣ; предчувствіе не обмануло меня, мы съ нимъ уже больше не встрѣтились. Того же 16 Февраля меня посѣтилъ командиръ одной изъ лучшихъ въ Архангельскѣ строевыхъ частей съ просьбой поддержать передъ Главнокомандующимъ и Начальникомъ Штаба его ходатайство о немедленномъ выводѣ его части изъ Архангельска на Мурманъ, такъ какъ солдаты волнуются подъ вліяніемъ агитаціи матросовъ, побуждавшихъ ихъ къ немедленному выступленію и перевороту, причемъ имѣли уже съ ними схватки, при которыхъ въ ходъ были даже пущены штыки. Каждый день промедленія вызывалъ, по мнѣнію полк. N., усиленіе ненадежныхъ элементовъ, которые могли увлечь за собой и другихъ, подстрекнувъ ихъ на переворотъ и избіеніе офицеровъ съ цѣлью заслужить себѣ прощеніе у большевиковъ, ибо основную массу полка составляли красноармейцы. На вопросъ мой, докладывалъ ли онъ все это Начальнику Штаба генералу К., полк. N. отвѣтилъ, что онъ уже неоднократно излагалъ передъ послѣднимъ эти соображенія, но что Начальникъ Штаба сказалъ, что полкъ, согласно выработаннаго плана, можетъ оставить Архангельскъ только тогда, когда непріятельскіе авангарды подойдутъ къ городу, на что полк. N. отвѣтилъ, что непріятельскіе авангарды находятся не только въ городѣ, но и въ самомъ его полку, такъ какъ идетъ не національная, а гражданская война. Хотя мнѣ и трудно было вмѣшиваться въ чисто военныя дѣла, но я доложилъ Главнокомандующему соображенія полк. N., на

что послѣдовалъ отвѣтъ, что все это напрасныя волненія и войска будутъ своевременно уведены.

Въ городѣ въ эти дни царилъ образцовый порядокъ и жизнь шла своимъ чередомъ, какъ въ смыслѣ занятій, такъ и удовольствій. 15 Февраля въ торгово-промышленномъ собраніи организація «Отечество» во главѣ съ Е. П. Семеновымъ устроила концертъ и спектакль, весь сборъ съ котораго шелъ въ пользу воиновъ; веселившаяся публика была далека отъ мысли, что катастрофа уже виситъ надъ городомъ. 16 Февраля я встрѣтилъ проходившую по улицамъ Архангельска одну изъ лучшихъ нашихъ частей. Она имѣла такой блестящій видъ и такъ молодцевато шла подъ пѣсни, что вызывала разговоры прохожихъ о томъ, что навѣрно все благополучно, такъ какъ солдаты настроены хорошо и ведутъ себя образцово. Вся эта обстановка невольно вызывала мысль, что, можетъ быть, высшее командованіе и право и нѣтъ основаній для той тревоги, которую вызывали сообщенія представителей строя.

18 Февраля утромъ я вышелъ изъ управленія, чтобы освѣдомиться въ Штабѣ о нашемъ положеніи и встрѣтилъ на улицѣ полк. Ген. Штаба К., который, увидѣвъ меня, выразилъ удивленіе, что я не принимаю никакихъ мѣръ къ отъѣзду, такъ какъ положеніе фронта критическое. «Не медлите ни минуты, скорѣе нанимайте лошадей и вмѣстѣ съ вашими подчиненными покидайте городъ, вѣдь вы же знаете, что ждетъ всѣхъ васъ съ приходомъ большевиковъ». На мое замѣчаніе, что я согласно практикѣ, выработанной на фронтѣ во время національной войны, жду соотвѣтствующихъ распоряженій Штаба, онъ, махнувъ рукой, заявилъ: «Вы же знаете ген. К., я еще нѣсколько дней тому назадъ, когда очередные ледоколы отходили на Мурманъ, говорилъ ему о необходимости эвакуировать такія учрежденія, какъ судъ, присутствіе котораго съ военной точки зрѣнія не вызывается необходимостью, а служащіе подвергаются смертельной опасности, на что онъ заявилъ мнѣ, что эвакуація суда его не касается, такъ какъ вы непосредственно подчинены Главнокомандующему, а потому сами должны заботиться о ней». Къ этому полк. К. добавилъ, что оперативный отдѣлъ Штаба уже 16 числа выступилъ на Мурманъ. Разставшись съ полк. К., я немедленно заготовилъ соотвѣтствующіе документы для полученія денегъ и подводъ и, захвативъ съ собой Предсѣдателя суда, отправился къ Главнокомандующему. Мы застали ген. Миллера въ совершенно спокойномъ настроеніи, причемъ онъ, прочтя представленные мною документы, выразилъ неудовольствіе, что въ нихъ говорится объ эвакуаціи, заявилъ, что о ней не можетъ быть и рѣчи, а поэтому зачеркнулъ это слово и собственноручно написалъ: «Выѣздная сессія на Мурманъ». Видя, что оффиціальный оптимизмъ настолько овладѣлъ Главнокомандующимъ, что всякіе споры въ этомъ отношеніи будутъ совершенно безрезультатны, я рѣшилъ не возражать ему по поводу его резолюціи и вмѣстѣ съ Предсѣдателемъ суда прежде всего спѣшно отправился въ судъ для ликвидаціи нашихъ дѣлъ, такъ какъ послѣднія, попавъ въ руки большевиковъ, дали бы богатый матеріалъ для чрезвычайки въ отношеніи лицъ, фигурировавшихъ свидѣтелями по большевистскимъ дѣламъ. Не обращая никакого вниманія на то, что согласно официальной терминологіи мы отбывали только въ выѣздную сессію, я, взявъ всю отвѣтственность на себя, приказалъ немедленно сжечь всѣ дѣла Управленія Полевого Военнаго Прокурора и Военно-Окружнаго суда, каковая процедура и была закончена

въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Остальная часть дня была посвящена подготовкѣ къ предстоящему походу, для чего надо было обезпечить себя подводами и продовольствіемъ. Въ серединѣ дня ко мнѣ по телефону обратился Прокуроръ Архангельскаго Окружнаго Суда съ просьбой чиновъ гражданскаго судебнаго вѣдомства присоединиться къ намъ, такъ какъ ихъ предупредили объ отъѣздѣ въ послѣднюю минуту и перевозочными средствами не обезпечили. Хотя мнѣ было извѣстно, что мы не можемъ расчитывать на большое количество подводъ, но объ отказѣ въ такую минуту не могло быть и рѣчи, и я предложилъ чинамъ гражданскаго судебнаго вѣдомства прибыть на сборный пунктъ въ зданіе военно-окружнаго суда къ 9 часамъ вечера.

Предполагалось, что мы составимъ конвой у повозокъ съ женами и дѣтьми какъ нашихъ служащихъ, такъ и другихъ должностныхъ лицъ, отправляемыхъ Краснымъ Крестомъ, для чего необходимо было войти въ связь съ Главноуполномоченнымъ послѣдняго. Однако, въ теченіе дня не удалось установить съ нимъ связи, а поэтому я около 6 часовъ вечера отправился лично въ Штабъ для выясненія этого вопроса, а также чтобы попрощаться съ Главнокомандующимъ.

Тамъ я засталъ Главнокомандующаго уже совершенно въ другомъ настроеніи, онъ положительно осунулся и постарѣлъ за тотъ короткій промежутокъ времени, что прошелъ съ утренняго моего визита. Съ фронта пришли извѣстія, которыя свидѣтельствовали о полной катастрофѣ. Войска бросили позиціи и лишь небольшія группы въ нѣсколько сотъ человѣкъ, оставшихся вѣрными долгу, начали отходъ на Мурманъ. Хорошо, что непріятель не особенно насѣдалъ, и между нимъ и нами образовалась зона, въ которой шло усиленное братаніе. Я распрощался самымъ сердечнымъ образомъ съ Главнокомандующимъ; переживаемая имъ тяжелая душевная драма глубоко взволновала меня, такъ какъ я за свою совмѣстную работу съ нимъ проникся къ нему чувствомъ глубокаго уваженія и сердечной привязанности. И, не розыскавъ Главноуполномоченнаго Краснаго Креста, отправился домой.

Къ 9 часамъ вечера я прибылъ на сборный пунктъ, гдѣ вскорѣ собрались пожелавшіе эвакуироваться чины военнаго и гражданскаго вѣдомства, которыхъ оказалось 42 человѣка, въ томъ числѣ 8 чел. женщинъ и дѣтей.

Трудно передать то щемящее душу настроеніе, которое охватило насъ въ эти послѣдніе часы нашего пребыванія въ Архангельскѣ. Тутъ смѣшались вмѣстѣ и тревога за себя и за своихъ близкихъ сослуживцевъ въ связи съ малой вѣрой въ успѣшность предпринимаемаго нами похода, и сверлящая мозгъ мысль, что опять приходится терять родину и, можетъ быть, надолго обрекать себя на прозябаніе за границей, и чувство сожалѣнія о погибшихъ усиліяхъ и работѣ въ стремленіи принести пользу своему родному народу, еще разъ лишающему насъ своей поддержки и предоставляющему насъ своей собственной участи.

Въ городѣ царили еще полный порядокъ и тишина, магазины и кинематографы закрылись въ свои обычные часы. На улицахъ, на ряду съ нѣкоторыми ополченцами, преимущественно изъ демократическихъ слоевъ и взятыхъ въ ополченіе по мобилизаціи, патрулировали мѣстные офицеры и чиновники, пожелавшіе остаться въ Архангельскѣ, а также чины милиціи.

Около 10 часовъ вечера мимо зданія суда прошелъ въ полномъ порядкѣ запасный полкъ. Наконецъ-то его выпустили изъ города. Солдаты шли веселые и спокойные, еще не предчувствуя, какой крестный путь ожидаетъ ихъ впереди. Съ уходомъ полка городъ лишился лучшей охранявшей его части и темныя силы могли поднять свою голову. Однако, спокойствіе продолжало сохраняться и психологическій переломъ въ настроеніи преступныхъ элементовъ еще не наступилъ, они занимали пока выжидательное положеніе.

Подводы все еще не прибывали, что создавало среди поджидавшихъ ихъ довольно нервное настроеніе. Снѣгъ валилъ крупными и мокрыми хлопьями, дѣлая дорогу почти что непролазной. Возникало опасеніе въ успѣшности сухопутнаго путешествія съ женщинами и дѣтьми по колѣно въ снѣгу, а предстояло сдѣлать до Мурмана 500 верстъ. У Краснаго Креста никакихъ подводъ не собиралось и вскорѣ мы узнали, что женщины и дѣти были посажены имъ на паровую яхту «Ярославну», стоявшую у Соборной пристани, которая должна была идти на буксирѣ ледокола «Мининъ». Проводившій на Ярославну свою жену, военный прокуроръ С. принесъ свѣдѣніе, что тамъ мѣстъ достаточно и высказался за то, что намъ тоже слѣдуетъ двинуться морскимъ путемъ, такъ какъ сухопутьемъ мы не уйдемъ, ибо по полученнымъ свѣдѣніямъ вышедшіе 16 числа чины контръ-развѣдки, благодаря глубокому снѣгу, сдѣлали въ первый день всего 15 верстъ. Посовѣтовавшись съ предсѣдателемъ суда, я рѣшилъ отправиться на «Ярославну», гдѣ засталъ распоряжавшагося кап. I ранга Ч., назначеннаго комендантомъ «Ярославны»; онъ сразу же написалъ мнѣ записку съ разрѣшеніемъ посадить на яхту всѣхъ чиновъ какъ гражданскаго, такъ и военно-судебнаго вѣдомства. Къ моменту моего возвращенія на сборный пунктъ пришли подводы, которыхъ оказалось всего восемь, причемъ, когда на нихъ погрузили вещи и, главное, продовольствіе, то оказалось, что даже не всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ хватитъ мѣста на нихъ. Стало ясно, что сухопутьемъ мы не могли бы уйти никуда.

Съ винтовками въ рукахъ мы проконвоировали подводы до «Ярославны», гдѣ приступили къ погрузкѣ продовольствія и вещей, которая закончилась около часа ночи. Тогда еще не было яснаго сознанія, что, избѣгая сухопутнаго путешествія, мы избавляемъ себя отъ неминуемой смертельной опасности, это выяснилось значительно позже, когда мы уже находились за границей. Не могу не отмѣтить той преданности и вѣрности до конца, которую проявили писаря и солдаты военно-судебныхъ учрежденій. Въ теченіе дня они помогали укладывать и перетаскивать вещи, а ночью приняли самое дѣятельное участіе въ погрузкѣ продовольствія и вещей на «Ярославну». Прощаніе съ ними носило самый трогательный и сердечный характеръ.

Рядомъ съ «Ярославной» чернѣлъ силуэтъ ледокола «Мининъ». Исторія его случайнаго появленія въ рѣшительный для насъ моментъ въ Архангельскѣ не лишена интереса и я позволю себѣ съ ней подѣлиться. Высшее военное командованіе, какъ мы уже отмѣчали выше, было очень далеко отъ правильной оцѣнки нашего положенія, поэтому еще 15 Февраля, то-есть за три дня до катастрофы, ледоколы: «Канада», «Мининъ», «Русановъ» и «Сибиряковъ» были отправлены въ Мурманскъ для перевозки туда рабочихъ и доставки намъ оттуда продовольствія. Такимъ образомъ Архангельскъ остался при одномъ малосильномъ ледоколѣ «Сусанинъ». Хорошо еще, что передъ уходомъ ледоколовъ адмиралъ предупредилъ капитановъ ихъ, что

возможно ихъ экстренное возвращеніе по радіо въ Архангельскъ, въ силу чего наиболѣе опытный и лояльный изъ нихъ, капитанъ З., всю дорогу намѣчалъ себѣ обратный путь во льдахъ на случай экстреннаго вызова обратно въ Архангельскъ. Получивъ распоряженіе о возвращеніи, онъ, благодаря намѣченному имъ заранѣе пути, на сутки раньше появился въ Архангельскѣ, что намъ спасло жизнь.

Сразу же послѣ подхода «Минина» къ пристани, на него вошли морскіе офицеры и заняли всѣ машинныя и кочегарныя отдѣленія, взявъ подъ самый строгій контроль команду, часть которой была явно неблагонадежна и чрезвычайно подозрительно отнеслась къ требованію возвратиться въ Архангельскъ, такъ что капитану З. пришлось прибѣгнуть къ обману: онъ сказалъ, что ледоколы вызываются для принятія дополнительнаго груза и рабочихъ. Вмѣстѣ съ «Mининымъ» возвратилась и «Канада», которая пристала къ такъ-называемой Экономіи, находящейся въ шестидесяти верстахъ отъ Архангельска, гдѣ производилась обычно погрузка угля на суда и куда пролегала особая желѣзнодорожная вѣтка. Тамъ же стоялъ и «Сусанинъ», который долженъ былъ вмѣстѣ съ «Канадой» принять на себя часть направленныхъ туда больныхъ и бѣженцевъ.

Со вступленіемъ на «Ярославну» мы всѣ разбились на группы для несенія караульной службы около орудій и пулеметовъ, причемъ на меня, какъ на бывшаго артиллериста, выпало дежурство у носовой 75 милиметровой пушки, на которое я и вступилъ отъ 4 до 6 часовъ утра.

Никогда въ жизни не забыть мнѣ этого караула, какъ въ силу той сложной гаммы самыхъ разнообразныхъ настроеній и переживаній, нахлынувшихъ въ душу разомъ волной, такъ и благодаря той красивой панорамѣ, которая въ теченіе двухъ часовъ невольно отвлекала мое вниманіе отъ вихремъ проносившихся въ головѣ мыслей. Усталость и моментами охватывавшая дремота придавали всему переживаемому странный и фантастическій оттѣнокъ. Какимъ-то призрачнымъ, воздушнымъ, казался въ полумракѣ городъ, блиставшій передъ разлукой какой-то особой красотой. За выдвинутою впередъ пристанью дальняго плаванія выдѣлялись во мракѣ высокіе валы начинающагося бульвара, напоминавшіе по своимъ контурамъ бастіоны Петропавловской крѣпости, а за ними золотились высокіе купола собора. Гдѣ мы? Не на Невѣ ли? И мысль, радостно оторвавшись отъ жестокой дѣйствительности, несется къ далекому прошлому. Холодный порывъ вѣтра, дующаго съ Двины изъ необъятнаго покрытаго полнымъ мракомъ пространства, разгоняетъ миражи и возвращаетъ къ реальнымъ переживаніямъ момента. Въ городѣ царитъ таинственная, зловѣщая тишина, несмотря на то, что онъ не спитъ, а живетъ. Онъ притаился и съ трепетомъ ожидаетъ, что ему принесетъ грядущій день. Вдругъ издалека начинаютъ долетать скорбные и размѣренные звуки церковнаго звона, какъ будто хоронятъ кого-то близкаго, дорогого. Звонятъ въ подворьи Сурскаго женскаго монастыря на ночное богослуженіе... Послѣднія молитвы передъ предстоящими тяжкими испытаніями... Опять уносишься мыслями куда-то въ безконечность, пока холодный порывъ вѣтра или рѣзкій свѣтъ отъ яркаго рефлектора на носу яхты не возвратитъ къ суровой дѣйствительности. Начинаетъ свѣтать, появляется смѣна и благодатный сонъ погружаетъ утомленный мозгъ въ полное небытіе.

Когда я около восьми часовъ утра проснулся, то мнѣ сообщили, что Главнокомандующій уже прибылъ на «Мининъ». Онъ все стремился на фронтъ и состоявшимъ при немъ нѣсколькимъ офицерамъ едва удалось отговорить его отъ этого, такъ какъ фронта уже не существовало, а его по дорогѣ могли лишь схватить и арестовать начавшіе уже шевелиться злонамѣренные элементы. По пути изъ своей квартиры Главнокомандующій зашелъ въ зданіе Присутственныхъ мѣстъ въ свой служебный кабинетъ, а оттуда отправился на ледоколъ. На площади произошла встрѣча съ матросами, которые шли откуда-то съ узлами награбленныхъ вещей. Узнавъ Главнокомандующаго, они забурлили и послышались угрозы, но бросившійся на нихъ съ револьверомъ полк. Г. обратилъ ихъ въ бѣгство.

Городъ еще наканунѣ былъ переданъ въ руки исполнительнаго комитета рабочихъ. Не только Городская Дума, но даже Земское Собраніе, горделиво заявлявшее до того, что оно является единственнымъ законнымъ выразителемъ народной воли, отказались отъ принятія власти отъ Главнокомандующаго, заявивъ, что они не будутъ достаточно авторитетны для населенія. Пришлось обратиться къ рабочимъ въ лицѣ профессіональныхъ союзовъ, причемъ во главѣ исполнительнаго комитета сталъ предсѣдатель совѣта этихъ союзовъ рабочій Петровъ, только-что возвращенный съ Іоканги, который, между прочимъ, заявилъ Главнокомандующему, что онъ самъ боится большевиковъ и предпочелъ бы ихъ встрѣтить на Іокангѣ, а не во главѣ исполнительнаго комитета. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ состоялось соглашеніе о передачѣ власти, причемъ комитетъ выразилъ пожеланіе, чтобы возможно болѣе офицеровъ покинуло городъ, гарантируя, что къ этому не будетъ чиниться никакихъ препятствій, а также заявилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить эксцессовъ въ отношеніи офицеровъ, если послѣдніе удержатся отъ какихъ бы то ни было активныхъ выступленій. Оговорено было также, что не будетъ произведено никакой порчи имущества и продовольствія. По просьбѣ исполнительнаго комитета въ качествѣ Начальника гарнизона былъ оставленъ полковникъ Ген. Штаба К., который заранѣе вошелъ по этому поводу въ соглашеніе съ исполнительнымъ комитетомъ, давно уже подготовивъ въ соотвѣтствующихъ кругахъ почву для приведенія этого плана въ исполненіе.

Благоразуміе диктовало покинуть городъ еще до разсвѣта, но этого никакъ сдѣлать было нельзя, такъ какъ опоздали съ доставкой раненыхъ, которые прибыли только къ утру, когда уже было совершенно свѣтло. Запозданіе съ уходомъ вызвало притокъ къ судамъ частной публики, просившей взять ее съ собой. По возможности просьбы удовлетворялись, но всѣхъ конечно взять было невозможно, такъ какъ суда были уже переполнены до предѣловъ. На этой почвѣ происходили крайне тяжелыя сцены, оставившія во мнѣ на всю жизнь неизгладимо тяжелое впечатлѣніе.

Между тѣмъ, страсти въ городѣ разгорались. Уже были выпущены изъ тюрьмы на свободу арестанты и по улицамъ города ходили толпы рабочихъ и матросовъ съ красными флагами; они нападали на офицеровъ и срывали съ нихъ кокарды и погоны.

По дорогамъ черезъ Двину тянулись въ городъ крестьянскія подводы очевидно съ цѣлью поживиться чѣмъ-нибудь въ случаѣ разгрома имущества буржуевъ, а на встрѣчу имъ какъ группами, такъ и въ одиночку шли солдаты и матросы съ винтовками и безъ винтовокъ, но обязательно съ узлами,

спѣшившіе въ порядкѣ самовольной демобилизаціи удрать домой. Особенно сильное паломничество наблюдалось между берегомъ и броненосцемъ «Чесмой», съ котораго при дружномъ единеніи гражданъ и «красы и гордости революціи» началось хищеніе казеннаго имущества и гдѣ шли бурные митинги въ явно большевистскомъ духѣ. Около 10 часовъ утра на «Чесмѣ» взвился красный флагъ и велико было наше счастіе, что онъ не имѣлъ снарядовъ къ своимъ крупнымъ орудіямъ.

Обстановка диктовала поспѣшный уходъ, такъ какъ въ концѣ концовъ могла быть сдѣлана попытка атаковать стоявшіе у пристани суда, что могло бы имѣть весьма печальные результаты, но пришлось ожидать прибытія датчанъ-добровольцевъ, которыхъ Штабъ забылъ забрать съ собой. Возмущенный прибѣжалъ состоявшій при нихъ полк. Ц. и въ рѣзкой формѣ доложилъ, вѣрнѣе, прокричалъ съ «Ярославны» на «Минина» Начальнику Штаба ген. К., что мы покроемъ позоромъ себя передъ всей Европой, если бросимъ датчанъ на полный произволъ судьбы и предадимъ ихъ въ руки большевиковъ. Пришлось ждать датчанъ, а затѣмъ и забытыхъ кѣмъ-то доблестныхъ танкистовъ. Послѣдніе на танкѣ вмѣстѣ съ рядомъ слѣдовавшей командой преданныхъ солдатъ черезъ весь городъ прибыли къ самой пристани и, испортивъ орудіе и снявъ пулеметы, взошли на бортъ «Ярославны».

Передъ своимъ отъѣздомъ Начальникъ Штаба ген. К. принялъ еще одну послѣднюю мѣру къ укрѣпленію (?) Мурманскаго редюита. Въ послѣдней телеграммѣ Командующему войсками Мурманскаго района ген. С. онъ скрылъ отъ него паденіе Архангельскаго фронта, сообщивъ, что Главнокомандующій выѣхалъ къ войскамъ. Ген. С. и войска его узнали объ этомъ какъ изъ большевистскихъ радіо, такъ и по телеграфу черезъ Александровскъ, откуда на Мурманъ была передана телеграмма Архангельскаго Губернскаго Земскаго Собранія съ призывомъ къ войскамъ Мурманскаго района сложить оружіе, такъ какъ борьба прекращена.

Такимъ образомъ Скомороховъ успѣлъ приложить свою руку и къ развалу Мурманскаго фронта. Отъ него другого и ждать было нельзя, но насъ интересуетъ другой вопросъ. Почему Начальникъ Штаба ген. К. не выполнилъ своего долга и не предупредилъ ген. С. сначала о надвигавшейся катастрофѣ, а затѣмъ о томъ, что она уже насъ постигла, лишивъ его тѣмъ возможности принять спѣшныя мѣры; какъ къ парализованію проникновенія этихъ печальныхъ извѣстій извнѣ, такъ и къ удержанію въ связи съ этимъ своего фронта до подхода архангельскихъ войскъ.

Глава VI

Отходъ «Минина» и «Ярославны» и обстрѣлъ ихъ. Морской бой съ «Канадой». Судьба бойцовъ Архангельскаго фронта

Около 11 часовъ утра мы тронулись на буксирѣ у «Минина», безъ всякихъ усилій раскалывавшаго ровный рѣчной ледъ. Спокойно мы прошли мимо «Чесмы», откуда не рѣшились въ насъ стрѣлять изъ пулеметовъ и ружей, видя приготовленныя къ дѣйствію два нашихъ 75 милиметровыхъ орудія. Но какъ только мы поровнялись съ гнѣздомъ красныхъ, Соломбалой — предмѣстіемъ Архангельска, населеннымъ рабочими и гдѣ находились казармы

флотскаго полуэкипажа, какъ началась пулеметная и ружейная стрѣльба, которая сопровождала насъ и дальше при прохожденіи узкаго рукава Двины — Маймаксы, съ обѣихъ сторонъ которой расположены громадные лѣсопильные заводы. Въ стрѣльбѣ принимали участіе рабочіе и матросы, причемъ въ одномъ мѣстѣ стрѣлявшіе дошли до такой наглости, что бросились къ берегу съ винтовками въ рукахъ, крича «сдавайтесь» и сопровождая эти крики площадной бранью. Двумя выстрѣлами изъ кормового орудія «Ярославны» они были разсѣяны и обращены въ паническое бѣгство. Стрѣльба не имѣла для насъ серьезныхъ послѣдствій, былъ раненъ въ руку контръ-адмиралъ П. и получилъ легкое поверхностное раненіе въ область живота командиръ автомобильнаго дивизіона полк. К. Къ нашему счастію, измѣнники не располагали орудіями, замки съ которыхъ были своевременно сняты благодаря предусмотрительности завѣдывавшаго артиллерійскимъ снабженіемъ подполк. Я.

Къ $2^1/_2$ часамъ дня мы подошли къ Экономіи для взятія дополнительно угля и соединенія съ «Канадой» и «Сусанинымъ», но здѣсь ожидалъ насъ новый сюрпризъ: на «Канадѣ» и «Сусанинѣ» развѣвались красные флаги. Прибѣжавшіе вскорѣ оттуда по льду морскіе офицеры сообщили о происшедшей на Экономіи измѣнѣ. Оказалось, комендантъ Экономіи, какой-то прапорщикъ, напился пьянъ и никакихъ мѣръ къ предотвращенію мятежа не принялъ, занятія судовъ офицерскими командами по примѣру «Ярославны» и «Минина» почему-то произведено не было и въ результатѣ мы лишились возможности погрузиться углемъ, а также лишились перевозочныхъ средствъ въ видѣ двухъ ледоколовъ, что было особенно печально, такъ какъ мы были перегружены сверхъ предѣла. По принятіи доклада отъ прибѣжавшихъ съ Экономіи офицеровъ адмиралъ далъ сигналъ: «Канадѣ спустить красные флаги и слѣдовать за мной, иначе открываю огонь», послѣ чего мы медленно тронулись впередъ, но несмотря на произведенные 30 выстрѣловъ «Канада» за нами не послѣдовала.

Ночью мы достигли полосы ледяныхъ полей, причемъ состояніе льдовъ было таково, что стало ясно, что «Ярославнѣ» дальше не пройти, а поэтому морскимъ командованіемъ было отдано распоряженіе о переходѣ всѣхъ на «Мининъ».

Незабываемая картина. Темная непроглядная ночь, кругомъ ледяныя поля и среди нихъ два затерявшихся корабля съ потерявшими родину пассажирами. Суда стали рядомъ бокъ о бокъ и при яркомъ свѣтѣ кормового электрическаго фонаря «Минина» началась пересадка. Первыми для занятія караула перешли датчане, и фигуры ихъ часовыхъ въ остроконечныхъ мѣховыхъ шапкахъ съ винтовками на плечахъ замелькали по палубѣ, бросая на снѣгъ причудливыя тѣни и придавая всей картинѣ еще болѣе фантастическій видъ. Затѣмъ послѣдовала переноска раненыхъ, перешли женщины и дѣти, перегрузили продовольствіе, вещи и уголь и только послѣ всего этого перешли мужчины и команда. Лихорадочно кипѣла работа, продолжавшаяся три часа вмѣсто предположенныхъ шести, и ледоколъ, вмѣщающій нормально 120 человѣкъ, принялъ болѣе 1100 пассажировъ.

Пересадка подарила насъ еще новыми сильными впечатлѣніями. Вотъ на кормѣ «Минина», какъ разъ подъ мощнымъ электрическимъ фонаремъ, приготовляютъ основаніе для снятой съ «Ярославны» пушки, а тутъ же рядомъ, недалеко, доктора и сестры милосердія дѣлаютъ перевязку прапорщику П., которому, благодаря несчастной случайности, выстрѣлами изъ

пулемета при переноскѣ его раздробило обѣ ноги. Вмѣсто ногъ какіе-то кровавые куски мяса, а мужественный П. спокойно разсказываетъ мнѣ самъ о своемъ несчастіи, соболѣзнуя лишь о томъ, найдетъ ли онъ работу за границей безъ ногъ... Пересадка закончена и мы трогаемся дальше, оставляя среди льдовъ одинокой красавицу «Ярославну», горящую огнями...

Днемъ 20 Февраля были перехвачены радіо, которыми обмѣнялся красный Архангельскъ съ находившимися въ морѣ ледоколами «Русановымъ», «Сибиряковымъ» и «Таймыремъ». Они слѣдовали на Мурманъ и имѣли среди пассажировъ офицеровъ и другихъ служащихъ, которыхъ намъ необходимо было снять. Архангельскъ инструктировалъ ихъ не отвѣчать на наши радіо и ночью не поднимать опознавательныхъ огней. Еще до наступленія темноты они были обнаружены нами въ поляхъ такъ-называемыхъ торосовъ, то-есть наиболѣе сжатыхъ льдовъ, причемъ, когда стемнѣло, адмиралъ отдалъ имъ распоряженіе поднять опознавательные огни, что и было ими исполнено. Около 8 часовъ вечера «Мининъ» медленно, имѣя на готовѣ пулеметы, подошелъ къ нимъ и опять эта картина освѣщенныхъ ледоколовъ съ быстро двигающимися на нихъ вооруженными людьми среди окружавшей насъ мертвой ледяной пустыни производила незабываемое впечатлѣніе и могла бы служить прекраснымъ сюжетомъ для кинематографической фильмы.

Ночью началась перегрузка угля съ «Сибирякова» на «Мининъ», имѣвшій весьма ограниченные запасы, а около 11 часовъ утра, 21 Февраля, намъ пришлось пережить самыя интересныя и яркія по впечатлѣніямъ минуты, которыя въ тотъ моментъ показались долгими и полными драматизма. Вдали показалась «Канада» и скоро было перехвачено ея радіо въ Архангельскъ: «Вижу на горизонтѣ четыре судна, на предложеніе сдаться не отвѣчаютъ. Открываю огонь. Комиссары Дубровскій, Бубновскій и Николаевъ». Вскорѣ послѣ этого съ разстоянія въ 5 верстъ началась стрѣльба по «Минину». Мы занимали очень невыгодное положеніе рядомъ съ «Сибиряковымъ», не имѣя даже возможности открыть огонь. Пришлось спѣшно прекратить погрузку угля и отходить, а тѣмъ временемъ снаряды противника начали ложиться очень правильно и близко отъ «Минина». Первые выстрѣлы «Канады» были очень удачны. Недолетъ, еще недолетъ, перелетъ; мы по выраженію артиллеристовъ были «взяты въ вилку», пристрѣлка была закончена и можно было ожидать «суживанія вилки съ переходомъ на пораженіе». На мостикѣ, гдѣ я находился съ Главнокомандующимъ, и на палубѣ было спокойно, такъ какъ здѣсь находились только солдаты и офицеры, зато внизу въ переполненныхъ каютахъ среди женщинъ царило жуткое настроеніе и кое-гдѣ начиналась истерика. Положеніе было очень серьезное, такъ какъ было ясно, что попаданіе въ незащищенный броней ледоколъ могло вызвать пожаръ, создать панику и поставить командный составъ въ очень тяжелое положеніе, ибо на суднѣ, кромѣ военныхъ, находились женщины и дѣти. Однако дальнѣйшія событія развились для насъ чрезвычайно благопріятно.

Отойдя отъ «Сибирякова», мы начали отвѣчать изъ нашей кормовой 75 милиметровой пушки, что видимо было большимъ сюрпризомъ для непріятеля, который очевидно не зналъ, что мы сняли одно орудіе съ «Ярославны». Наша стрѣльба, судя по наблюденіямъ, была очень удачной и вскорѣ мы замѣтили, что «Канада» начинаетъ медленно разворачиваться къ намъ своимъ лѣвымъ бортомъ, причемъ во время этого поворота она потеряла направленіе и снаряды ея стали ложиться на четверть версты въ

сторону отъ насъ. Вначалѣ явилось предположеніе, что она имѣетъ другое болѣе мощное орудіе на кормѣ, изъ котораго имѣетъ въ виду обстрѣлять насъ, но затѣмъ стало ясно, что она совсѣмъ уходитъ.

Такъ счастливо закончился нашъ морской бой. Какъ я узналъ значительно позже за границей, причиной такого удачнаго исхода послужило попаданіе одного изъ нашихъ снарядовъ въ «Канаду».

Мы продолжали медленно продвигаться среди льдовъ, а остальные ледоколы, хотя и тронулись по приказу адмирала за нами, но постепенно стали отставать и къ вечеру мы ихъ потеряли изъ вида. Ночью пришлось остановить машины. Сжатіе льдовъ достигло такой силы, что даже могучій «Мининъ», лучшій изъ русскихъ ледоколовъ, не могъ съ ними справиться. Когда же утромъ 22 Февраля мы проснулись, то стали свидѣтелями новаго милосердія, проявленнаго къ намъ Всевышнимъ: вѣтеръ перемѣнился, льды разошлись и мы выбрались на чистую воду.

Днемъ 21 Февраля, около 5 часовъ, было перехвачено сообщеніе по радіо о возстаніи въ Мурманскѣ. Извѣстіе это произвело крайне тягостное впечатлѣніе, вызвавъ основательное опасеніе, что Мурманскому фронту не удастся продержаться до подхода архангельскихъ войскъ. Особенно тяжело было смотрѣть на Главнокомандующаго, который со времени нашего отбытія изъ Архангельска только и жилъ надеждой попасть на Мурманъ для встрѣчи тамъ нашихъ отступавшихъ войскъ.

Было ясно, что намъ придется слѣдовать прямо въ Норвегію и, такъ какъ былъ перехваченъ цѣлый рядъ радіо Архангельска Мурманску о томъ, чтобы были высланы суда для нашего задержанія, а въ Мурманскѣ имѣлся даже миноносецъ, то былъ принятъ цѣлый рядъ предосторожностей: «Мининъ» держался дальше отъ берега и огни ночью были потушены.

Въ ночь съ 23 на 24 февраля мы благополучно миновали меридіанъ Мурманска, 24 прошли Варде, а 25 утромъ вошли въ норвежскіе фіорды, гдѣ встрѣтили пароходъ «Ломоносовъ», на которомъ изъ Мурманска спаслось, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ, 25 бельгійцевъ добровольцевъ и двое англійскихъ офицеровъ летчиковъ. Часть пассажировъ съ «Минина» была переведена на «Ломоносовъ» и 25 февраля въ 4 часа дня мы подошли къ небольшому портовому городку Гаммерфесту. Еще когда мы были въ морѣ, съ «Минина» была дана депеша на норвежскую радіо-станцію Инге съ просьбой оказать намъ пріютъ въ Тромзе, наиболѣе крупномъ изъ сѣверныхъ норвежскихъ портовыхъ городовъ. Мы просили принять въ лазаретъ больныхъ и раненыхъ, а также дать возможность выйти на берегъ для отдыха женщинамъ и дѣтямъ, измученнымъ путешествіемъ, совершеннымъ въ невѣроятныхъ условіяхъ скученности при недостаткѣ продовольствія и прѣсной воды; кромѣ того необходимо было почистить ледоколъ и дать передохнуть мужчинамъ, большая часть которыхъ должна была спать на палубѣ. Еще въ пути возникали опасенія, какъ то встрѣтятъ насъ въ Норвегіи, причемъ почему то большинство придерживалось пессимистическихъ взглядовъ на предстоящія намъ перспективы, считая, что въ странѣ доминируютъ симпатіи къ краснымъ.

Однако, этимъ опасеніямъ суждено было очень скоро разсѣяться: намъ былъ оказанъ такой радушный братскій пріемъ, котораго никто изъ насъ не могъ даже предполагать. Какъ только мы подошли къ Гаммерфесту и городъ узналъ о нашемъ прибытіи, на пароходъ были присланы въ

громадномъ количествѣ продовольствіе, фрукты и шоколадъ, для чего многіе торговцы очистили положительно всѣ свои магазины, причемъ все это было предоставлено безвозмездно, такъ какъ норвежцы отказались принять какую бы то ни было плату. Вскорѣ на «Мининъ» прибыли бургомистръ, врачъ и полицеймейстеръ, причемъ бургомистръ на французскомъ языкѣ привѣтствовалъ Главнокомандующаго въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ, высказавъ радость и увѣренность, что со вступленіемъ «Минина» въ норвежскія воды всѣ несчастія для насъ кончились, такъ какъ мы находимся среди дружественнаго намъ норвежскаго народа. Къ этому бургомистръ добавилъ, что онъ очень сожалѣетъ, что мы не остановились въ Гаммерфестѣ и слѣдуемъ въ Тромзе, который уже готовъ принять насъ и гдѣ насъ конечно устроятъ съ большими удобствами, такъ какъ Тромзе куда больше Гаммерфеста.

Какъ Главнокомандующій, такъ и всѣ пассажиры «Минина» выразили горячую благодарность бургомистру Гаммерфеста за сердечный пріемъ, причемъ отъ пассажировъ сейчасъ же былъ составленъ благодарственный адресъ городу, опубликованный въ мѣстныхъ газетахъ. Одновременно съ этимъ была получена телеграмма городского самоуправленія Тромзе, что на экстренномъ засѣданіи единогласно, при участіи представителей рабочихъ, было рѣшено оказать намъ самый радушный пріемъ.

26 вечеромъ мы прибыли въ Тромзе, гдѣ тотчасъ же на «Мининъ» прибыли докторъ съ санитарнымъ персоналомъ и городскія власти. Раненые и больные были высажены на берегъ сразу же, а женщины и дѣти на слѣдующій день утромъ. И тѣ, и другія были окружены такою заботливостью, такимъ вниманіемъ, такимъ уходомъ, что мы архангельскіе бѣженцы не только что сами этого никогда не забудемъ, но нашъ нравственный долгъ заставляетъ насъ передать эти воспоминанія потомству, дабы будущая великая Россія никогда не забыла тѣхъ братскихъ чувствъ, которыя были проявлены къ ней въ дни павшаго на ея вѣрныхъ сыновъ бѣдствія, маленькой численно, но великой своей нравственной красотой и благородствомъ Норвегіей.

Всѣ высаженные на берегъ были расположены въ отличныхъ помѣщеніяхъ, кормили ихъ великолѣпно, дѣтей засыпали фруктами и сладостями и всѣхъ снабдили двумя, тремя комплектами бѣлья и одежды. Когда матери уходили въ городъ за покупками, норвежскія дамы заботливо няньчили ихъ дѣтей. Въ воскресенье помѣщенія бѣженцевъ украсились присланными горожанами живыми цвѣтами. На вечернемъ богослуженіи въ мѣстной церкви пасторъ произнесъ проповѣдь на тему: «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть», призывая жертвовать для русскихъ бѣженцевъ. Всюду въ магазинахъ и лавкахъ насъ встрѣчали особо привѣтливо, дѣлая намъ громадныя скидки и иногда отказываясь отъ принятія денегъ.

Когда на предложеніе Норвежскаго Правительства устроиться съ бѣженцами въ Трондъемѣ Главнокомандующій отвѣтилъ согласіемъ, то оттуда немедленно послѣдовалъ запросъ, сколько потребуется для бѣженцевъ одежды и бѣлья.

На свѣтломъ фонѣ оказаннаго намъ братскаго пріема въ Норвегіи нельзя не отмѣтить непристойнаго поведенія представителей «союзныхъ намъ вооруженныхъ силъ» въ лицѣ англійскихъ и бельгійскихъ офицеровъ на «Ломоносовѣ». Вступивъ добровольцами на русскую военную службу и, слѣдовательно, войдя въ составъ нашей арміи, они, спасшись изъ Мурманска на

захваченномъ ими для этого русскомъ пароходѣ, позволили себѣ объявить его своимъ призомъ и вошли по этому поводу въ пререканія съ Главнокомандующимъ. Руководителями въ этомъ дѣлѣ были двое англійскихъ офицеровъ. Главнокомандующему стоило большихъ хлопотъ уладить инцидентъ «съ союзниками» въ нейтральныхъ водахъ и путемъ сношенія съ Лондономъ, гдѣ находилась дирекція Мурманскаго пароходства, которому принадлежалъ «Ломоносовъ», добиться того, чтобы при посредствѣ норвежскихъ властей этимъ авантюристамъ было предложено покинуть пароходъ, который и былъ переданъ въ полное распоряженіе Главнокомандующаго.

28 февраля я покинулъ «Мининъ» и черезъ два дня выѣхалъ изъ гостепріимной Норвегіи въ Финляндію къ своей семьѣ. Одновременно съ этимъ «Мининъ» отправился въ Трондъемъ, гдѣ его пассажировъ ожидало такое же гостепріимство норвежцевъ, но только на болѣе продолжительный срокъ.

Архангельская эпопея закончилась, но не совсѣмъ. На пути изъ Архангельска на Мурманъ агонизировала горсть отборнѣйшихъ борцовъ...

Мнѣ остается очень немного добавить къ той картинѣ разложенія фронта, которая уже была описана выше. Необходимо только отмѣтить, что эксцессовъ въ отношеніи офицеровъ на фронтѣ почти не было. Лишь на Средь-Михреньгѣ, благодаря своей неуравновѣшенности, погибъ подполковникъ Ч., понуждавшій солдатъ, вопреки сложившейся обстановкѣ, къ дальнѣйшему сопротивленію большевикамъ. Въ общемъ солдатская масса разсталась съ офицерами дружелюбно. Въ одномъ изъ полковъ прощаніе носило дружескій характеръ. «Вы домой и мы домой», говорили солдаты и даже иногда старались добыть для офицеровъ подводы, желая имъ счастливаго и благополучнаго пути. Несомнѣнно во взаимоотношеніяхъ былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ и солдаты не видѣли въ офицерахъ «бѣлогвардейцевъ и золотопогонниковъ», посягающихъ отнять у народа свободу.

Пинежскій, Мезенскій и Печерскій районы, какъ то уже было предусмотрѣно въ эвакуаціонномъ планѣ, были предоставлены своей участи. Начальникъ Штаба К. надѣлилъ по этому поводу Командующаго Пинежско-Мезенскимъ раіономъ ген. П. правами командира отдѣльнаго корпуса, «для обезпеченія ему необходимыхъ широкихъ полномочій на предметъ самостоятельныхъ дѣйствій». Конечно, старикъ П. со всѣми своими чрезвычайными полномочіями, а также, къ сожалѣнію, и съ войсками попалъ въ руки большевиковъ. Войска Двинскаго раіона, вопреки планамъ Штаба, не успѣли присоединиться при отступленіи къ войскамъ Желѣзнодорожнаго раіона и принуждены были отойти на Архангельскъ, гдѣ и капитулировали, причемъ командовавшій ими ген. Д. попалъ вмѣстѣ съ офицерами въ тюрьму, гдѣ онъ навѣрно не разъ вспоминалъ добрымъ словомъ ген. К., ибо онъ всегда упорно твердилъ, что войскамъ Двинскаго раіона ни въ какомъ случаѣ не успѣть во время отойти съ боемъ на соединеніе съ войсками Желѣзнодорожнаго раіона.

Послѣднія съ 19 февраля начали свой крестный путь на Голгофу. Имъ пришлось на пути ликвидировать возстаніе въ гор. Онегѣ, что конечно потомъ тяжко отозвалось на ихъ участи. Они слѣдовали въ трехъ группахъ, причемъ послѣднюю составляли вышедшія изъ Архангельска части во главѣ съ ген. Б., бывшимъ Начальникомъ снабженія, а авангардъ шелъ подъ командой Командующаго войсками Желѣзнодорожнаго раіона ген. В.

Когда 27 февраля они подошли къ Сорокамъ — станціи на Мурманской желѣзной дорогѣ, то уже Мурманскаго фронта не существовало. Еще 23 февраля для высшаго военнаго командованія на Мурманѣ стало ясно, что больше медлить съ отходомъ въ Финляндію нельзя. Въ войскахъ, подъ вліяніемъ большевистскихъ радіо о развалѣ фронта, призыва Архангельскаго Губернскаго Земскаго собранія къ прекращенію вооруженной борьбы и возстаній въ тылу, въ Мурманскѣ и Александровскѣ, началось разложеніе. Вслѣдствіе этого, оставшіеся вѣрными долгу въ количествѣ около 1500 человѣкъ, перешли финляндскую границу, сдѣлавъ двухнедѣльный тяжкій переходъ черезъ полузамерзшія карельскія болота (ламбушки), гдѣ люди и лошади на каждомъ шагу проваливались по горло въ снѣгъ и воду. Временами имъ казалось, что нѣтъ никакой надежды выбраться и только нежеланіе попасть въ кровавыя руки врага толкало на новыя сверхчеловѣческія усилія, благодаря которымъ намѣченная цѣль была достигнута.

Войска Архангельскаго фронта были встрѣчены въ Сорокахъ красными бронепоѣздами и двумя красноармейскими полками. Предстояло послѣ тяжелаго пути принять бой, послѣ котораго продѣлать тотъ же походъ, что и мурманскимъ войскамъ, но при возможности и въ дальнѣйшемъ натолкнуться на новыя красныя силы. Послѣ военнаго совѣщанія рѣшено было капитулировать, для чего вошли въ переговоры съ Сорокскимъ совдепомъ, въ результатѣ чего въ руки красныхъ попало около полутора тысячи отборныхъ бойцовъ. Небольшая группа въ 11 человѣкъ ушла на лыжахъ и пробралась въ Финляндію. Изъ среды ея раздавались обвиненія, что капитуляція была произведена безъ достаточныхъ основаній и что шансы на успѣхъ въ случаѣ боевого столкновенія были, а также была возможность и уйти. Что касается ухода, то конечно этой группѣ въ нѣсколько человѣкъ только потому и удалось уйти, что главная масса сдалась и большевики занялись ею, но позволительно усумниться и въ возможности продолженія борьбы, имѣя за собой столько понесенныхъ уже лишеній и страданій и при томъ безъ увѣренности, что эта борьба послѣдняя. Если бы хоть какіе нибудь шансы на успѣхъ были, то очевидно, что они склонили бы къ принятію боя тѣхъ, кто до этого момента былъ образцомъ мужества и чуть ли не въ каждомъ очередномъ бою подвергалъ себя смертельной опасности, находясь всегда впереди атакующихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, если это была ошибка, то за нее заплочено кровью, которая въ данномъ случаѣ была пролита за спасеніе остальныхъ, такъ какъ взявшіе на себя разрѣшеніе вопроса о сдачѣ были впослѣдствіи разстрѣляны большевиками.

Мое глубочайшее убѣжденіе, что вопросъ долженъ идти не о тѣхъ, кто сдался, а о томъ, кто поставилъ этихъ доблестныхъ героевъ въ условія, которыя закончились сдачей, — кто зарывшись въ бумагу и оторвавшись отъ живой дѣйствительности, упорно проводилъ въ жизнь свои неосуществимые планы. Когда такіе господа въ условіяхъ мирной обстановки проливали въ порывахъ административнаго экстаза потоки чернилъ, то это вызывало въ большинствѣ случаевъ только скромный расходъ на послѣднія, не имѣя за собой обыкновенно никакихъ особенно серьезныхъ послѣдствій, но вѣдь тутъ пролились не чернила, а настоящая человѣческая кровь лучшихъ сыновъ родины. Какая гарантія, что и въ будущемъ участь новыхъ самоотверженныхъ бойцовъ не попадетъ опять въ такія же руки.

Этотъ вопросъ волновалъ какъ тѣхъ, кто уже разстрѣлянъ или испытываетъ тяжкія муки въ плѣну, такъ и тѣхъ, кто уцѣлѣлъ, но потерявъ еще разъ Родину, желаетъ чтобы въ будущей борьбѣ его руководителями были лица, которыя давали бы ему хоть слабую надежду, что, вступивъ подъ ихъ руководствомъ въ борьбу, онъ не будетъ въ рѣшительную минуту брошенъ на полный произволъ судьбы.

Отъ многихъ изъ нихъ я имѣлъ настойчивыя просьбы разсказать всю правду о томъ, какъ они боролись, какъ старались спасти Родину и почему изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Только во исполненіе этого дружескаго завѣта я и взялъ на себя смѣлость взяться за перо и привлечь вниманіе русскаго общества къ этимъ строкамъ, порой можетъ быть сухимъ и неуклюжимъ, но которыя могутъ быть цѣнны для каждаго русскаго человѣка не по литературнымъ своимъ качествамъ, а потому, что содержаніемъ ихъ является не фантазія и романъ, а самая настоящая суровая русская быль.

Я бы считалъ свой трудъ не законченнымъ, не сдѣлавъ изъ него тѣхъ выводовъ, которые напрашиваются сами собой при безпристрастномъ анализѣ всего изложеннаго выше фактическаго матеріала. Необходимо установить точно причины гибели бѣлаго фронта на Сѣверѣ для того, чтобы использовать скромный опытъ имѣвшей тамъ мѣсто борьбы и въ будущемъ не повторять завѣдомыхъ ошибокъ прошлаго.

Собственно говоря, главной причиной паденія нашего фронта послужила ликвидація всѣхъ остальныхъ, ибо Сибирская и Сѣверо-западная арміи къ моменту паденія нашего фронта уже не существовали, а на югѣ Деникинская армія тоже уже развалилась. Другихъ союзниковъ въ это время у насъ тоже не было, такъ какъ, хотя Финляндія, Польша и нѣкоторыя окраинныя государства находились еще въ состояніи войны съ совѣтской Россіей, но никакихъ активныхъ операцій не вели, а Эстонія какъ разъ въ этотъ моментъ приступила къ мирнымъ переговорамъ. Такимъ образомъ, мы были совершенно изолированы въ борьбѣ съ могучимъ врагомъ, что и дало ему возможность ликвидировать насъ. Правда, если бы мы были единодушны и защищали наши лѣсныя дефиле съ героизмомъ спартанцевъ при Ѳермопилахъ, то можетъ быть большевики и оставили бы насъ въ покоѣ, считая, что «игра не стоитъ свѣчъ» и предоставивъ намъ тѣмъ возможность досидѣть до того момента, когда у насъ появились бы болѣе активные союзники въ лицѣ Врангеля и Польши, но, увы, единодушія у насъ какъ разъ и не было и въ связи съ этимъ прискорбнымъ обстоятельствомъ необходимо перейти къ другимъ причинамъ нашего пораженія, неразрывно связаннымъ съ главной:

1) Отсутствіе въ народной массѣ идей здоровой государственности и недостаточное изжитіе ею большевизма.

Въ разрѣшеніи нашей участи въ неблагопріятномъ смыслѣ главная роль принадлежала народной массѣ, часть которой, благодаря преступной пропагандѣ какъ извнутри, такъ и извнѣ, стала на путь прямой измѣны и открытія фронта, а остальные, повѣривъ лозунгамъ немедленнаго мира, разошлись по домамъ. Тщетны были указанія, что мира они не получатъ и что вмѣсто

того, чтобы защищать родныя деревни будутъ посланы бороться за торжество третьяго интернаціонала на западный фронтъ и на Кавказъ, гдѣ большевики въ это время сосредоточивали свои силы: произошло то, что и въ національную войну, побѣдили шкурническіе инстинкты и штыкъ былъ воткнутъ въ землю. Могучее вліяніе на такого рода поведеніе оказало неизжитіе нѣкоторой частью населенія Области большевизма, такъ какъ за время своего перваго кратковременнаго пребыванія въ Области большевики не успѣли до конца произвести свои опыты, да и терроръ не имѣлъ въ то время широкаго примѣненія. Крестьяне мало вѣрили въ то, что до нихъ доберутся, и перемѣна режима въ ихъ представленіи сводилась къ тому, что вмѣсто волостной управы появится вывѣска волостного совдепа, гдѣ будутъ сидѣть тѣ же свои люди, что и въ земствѣ. Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что большая часть народной массы еще не достаточно испытала большевистскій режимъ, была мало проникнута идеями здоровой государственности, и лишенная политическаго руководительства стала довольно легкой жертвой искусной пропаганды, веденной какъ самими большевиками, такъ и ихъ пособниками у насъ. Не малую роль сыгралъ также страхъ отвѣтственности передъ сильнымъ врагомъ, который грозилъ жестокими репрессіями за продолженіе борьбы и требовалъ немедленной капитуляціи.

2) Неудовлетворительная постановка агитаціи и пропаганды.

Какъ я уже отмѣтилъ при изложеніи фактической части своего труда, наши руководящіе правительственные круги не дооцѣнивали всего значенія этого могучаго средства борьбы въ смыслѣ его исключительнаго вліянія на психологію массъ. Между тѣмъ у противника это дѣло было въ рукахъ отвѣтственныхъ коммунистическихъ дѣятелей и насколько важное значеніе они придавали ему, видно изъ того, что въ критическіе моменты они на фронтъ вмѣстѣ съ броневыми поѣздами двигали агитаціонные поѣзда имени Троцкаго и Ленина. Достаточно припомнить послѣдній фазисъ нашей борьбы на Сѣверѣ, чтобы понять, какого успѣха они достигли въ этой области.

3) Отсутствіе единаго національнаго противобольшевистскаго фронта.

Внутри Области все время шла ожесточенная политическая борьба, цѣлью которой одно время былъ захватъ власти со стороны эсеровскихъ круговъ. Другихъ поводовъ къ борьбѣ съ Правительствомъ у нихъ не было, ибо въ основу аграрной реформы былъ положенъ принципъ національзаціи земли съ передачей ея въ полное распоряженіе волостныхъ земствъ, а рабочій вопросъ также не имѣлъ характера остроты, въ виду удовлетворенія матеріальныхъ требованій и предоставленія свободнаго развитія профессіональному движенію. Конечно, Правительство не могло допустить открытой пропаганды большевистскихъ идей и призывовъ къ передачѣ всей власти совѣтамъ и, если эсеровскіе круги собирались послѣ выступленія къ власти предоставить у насъ рабочимъ свободу дѣйствій въ этомъ направленіи, то они конечно въ кратчайшій срокъ достигли бы тѣхъ же результатовъ, что и Временное Правительство въ періодъ его руководительства Керенскимъ. Ужасно было то, что правые эсеры, видимо придерживавшіеся искренно оборонческихъ тенденцій, служили обыкновенно только ширмой для пораженческихъ круговъ той же партіи, которые пользовались ими какъ прикрытіемъ для захвата власти, преслѣдуя при этомъ совсѣмъ другія цѣли, чѣмъ ихъ правые сотоварищи. Это особенно рельефно сказалось въ

періодъ нашего послѣдняго политическаго кризиса, когда сформированное изъ право-эсеровскихъ круговъ Правительство національной обороны просуществовало всего нѣсколько дней, ибо почва для паденія власти и торжества большевизма была подготовлена ихъ лѣвыми товарищами, стремившимися къ захвату власти не для продолженія борьбы, а для заключенія мира съ большевиками, и развалившими пропагандой на эту тему фронтъ. Плохо также обстояло дѣло и въ другихъ политическихъ партіяхъ, объединившихся у насъ въ правый буржуазный блокъ, не выдвинувшій изъ своей среды яркихъ лицъ и склонный къ мелкимъ партійнымъ дрязгамъ и препирательствамъ, съ нескрываемой тенденціей торгово-промышленныхъ круговъ охранять только свои спеціальные интересы.

4) Слабость Правительства и диллетантизмъ его членовъ.

Правительство, имѣя въ своемъ составѣ демократическихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ среды Союза Возрожденія Россіи, большая часть которыхъ принадлежала съ Н. В. Чайковскимъ къ народно-соціалистической партіи, старалось въ своей политической дѣятельности идти по равнодѣйствующей указанныхъ выше двухъ враждебныхъ теченій, что сказывалось въ компромиссномъ, половинчатомъ рѣшеніи многихъ вопросовъ, не удовлетворявшемъ ни ихъ правыхъ, ни лѣвыхъ политическихъ противниковъ и создававшемъ вокругъ Правительства общую враждебную атмосферу. Отсутствіе опредѣленности и твердости въ проведеніи своей программы и слабая тенденція къ самозащитѣ при несомнѣнномъ диллетантизмѣ большинства членовъ Правительства еще болѣе создавало впечатлѣніе непрочности временной власти и, когда населеніе въ критическій моментъ было поставлено передъ выборомъ между нею и другой, которая вовсе не была популярна и скорѣе наводила страхъ и ужасъ, но зато импонировала своей одерживающей побѣды силой, — оно, скрѣпя сердце, ввѣрило свою участь послѣдней.

5) Неспособность и бюрократизмъ высшаго военнаго командованія.

Отсутствіе напряженной планомѣрной работы и заботливости о войскахъ до ухода союзниковъ имѣло своимъ послѣдствіемъ непрерывные безпорядки въ войскахъ и подрывъ въ глазахъ союзнаго командованія нашего престижа, а наступившая послѣ ухода союзниковъ полоса упорной работы, къ сожалѣнію, носила на себѣ клеймо бюрократизма, рутины и косности при полной оторванности отъ реальной дѣйствительности, что имѣло своимъ послѣдствіемъ: а) веденіе военныхъ операцій въ масштабѣ, не соотвѣтствовавшемъ нашимъ скромнымъ силамъ, съ захватомъ отдаленныхъ отъ главнаго театра войны безлюдныхъ колоссальныхъ пространствъ, что привело къ удлиненію фронта и комуникаціонныхъ линій и обостренію продовольственнаго вопроса и б) оставленіе наше послѣ ухода союзниковъ въ Архангельскомъ раіонѣ безъ принятія какихъ либо разумныхъ мѣръ для обезпеченія эвакуаціи, что повлекло за собой гибель нашихъ лучшихъ бойцовъ, предоставленныхъ въ рѣшительный моментъ собственными силами выполнять неосуществимый планъ штаба по отходу на Мурманъ.

Перечисленныя причины, какъ каждая въ отдѣльности, такъ и особенно всѣ онѣ вмѣстѣ, несомнѣнно сыграли свою роль при ликвидаціи нашего фронта, однако, онѣ не имѣли бы рѣшающаго значенія, если бы мы въ отношеніи необходимыхъ для борьбы рессурсовъ — физической силы и прочаго, такъ не отставали отъ противника, или будь у насъ союзники, въ

видѣ ли другого фронта, или въ лицѣ дѣйствующихъ активно иностранныхъ державъ, хотя бы и не крупныхъ.

Нѣтъ надобности доказывать, что всѣ перечисленные нами факторы, оказавшіе воздѣйствіе на неудачный исходъ борьбы на Сѣверѣ, являются тяжелымъ наслѣдіемъ нашего прошлаго, знакомство съ которымъ, одного изъ нашихъ талантливыхъ государственныхъ дѣятелей, покойнаго С. Ю. Витте дало ему возможность еще въ періодъ заключенія портсмутскаго договора предсказать, что «слѣдующая война для Россіи — ея политическая катастрофа» («Былое» за 1918 годъ. Записки Коростовца).

На Сѣверѣ эти факторы гораздо меньше выявили свою силу, чѣмъ на другихъ бѣлыхъ фронтахъ, и для парализованія ихъ была произведена большая работа усиліями простыхъ русскихъ гражданъ безъ участія видныхъ политическихъ лидеровъ. Если бы такая работа въ соотвѣтствующемъ масштабѣ была произведена на другихъ бѣлыхъ фронтахъ, то врядъ ли мы были бы свидѣтелями ихъ катастрофы.

Произведенная на Сѣверѣ работа, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказала полную возможность государственнаго строительства на началахъ, положенныхъ въ основаніе бытія западно-европейскихъ демократій, несмотря даже на тяжелое наслѣдіе прошлаго, опровергая установившійся въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ взглядъ, что у насъ успѣхъ можетъ имѣть только режимъ организованнаго насилія, источникомъ котораго должна быть власть, стоящая внѣ организованной народной воли.

Правда, и у насъ были допущены крупныя ошибки, но вѣдь не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.

На совѣтской службѣ

М. Смильгъ-Бенаріо

«Ты долженъ, наконецъ, понять, сказалъ мой братъ, что большевики загубили Россію. Неужели тебѣ не ясно, что все то, что теперь у насъ происходитъ, ничего общаго съ соціализмомъ не имѣетъ. Вѣдь большевики довели нашу страну до полнаго культурнаго одичанія и систематически разгромили ея хозяйственную жизнь. Фабрики остановились, города почти вымерли, а голодающіе пролетаріи или разбѣжались по деревнямъ, или превратились въ красноармейцевъ, которые съ помощью винтовки должны насадить въ Россіи соціализмъ. Какъ же ты можешь работать совмѣстно съ тѣми преступными элементами, которые сидятъ нынѣ въ большинствѣ совѣтовъ? И вообще, какъ ты можешь оказывать помощь тому преступленію, которое совершается сейчасъ надъ Россіей?»

«Я хорошо знаю, отвѣтилъ я, что большевистская власть принесла съ собою много горя. Я знаю, что хозяйственная жизнь страны разрушается, знаю, что большевизмъ понемногу превращается во владычество отдѣльныхъ комиссаровъ, знаю также, что многіе изъ этихъ комиссаровъ люди съ темнымъ прошлымъ. Я, конечно, вижу, что всюду царитъ ужасъ, горе и несчастье, но, именно, поэтому я глубоко убѣжденъ, что мы интеллигенты и соціалисты должны работать вмѣстѣ съ большевиками. Ибо только такимъ образомъ мы сможемъ очистить революцію отъ той мрази, которая къ ней присосалась. Кромѣ того, ты какъ будто совершенно не принимаешь во вниманіе сущность большевизма, который стремится къ осуществленію идеала соціальной справедливости. Большевики были первыми, которые провозгласили лозунгъ всемірной соціальной революціи, — лозунгъ, давно забытый соціалистическимъ движеніемъ. Въ каждой революціи течетъ кровь, и если для уничтоженія капитализма и имперіализма, сущность которыхъ съ такой ясностью обнаружилась въ этой войнѣ, вмѣстѣ съ виновными должны пасть и невинные, то это не должно насъ оттолкнуть отъ осуществленія нашей конечной цѣли. Изъ-за какой-то особой интеллигентской чувствительности мы не должны останавливаться на полъ-дорогѣ, а должны продолжать борьбу во имя освобожденія порабощеннаго человѣчества».

«Все это очень красивыя слова, дорогой мой, но ты повидимому совсѣмъ не отдаешь себѣ отчета въ томъ, что тотъ путь, по которому идутъ большевики, совсѣмъ не ведетъ къ соціализму, а, тѣмъ болѣе, къ коммунизму. Если ты будешь продолжать работать съ этими людьми, которые скомпрометировали соціализмъ, то и на тебя падетъ доля вины за то, что сейчасъ совершается надъ Россіей и соціализмомъ».

«Ты меня все равно не убѣдишь. Я пойду своей дорогой, а ты иди своей. Я во многомъ не согласенъ съ большевиками, но сейчасъ мнѣ приходится выбирать между большевизмомъ и русской реакціей. И такъ какъ третьяго выхода я не вижу, то мнѣ ничего другого не остается дѣлать, какъ присоединиться къ большевистскому движенію».

Но братъ мой упорно стоялъ на своемъ: «А я тебѣ еще разъ говорю, что тотъ, кто работаетъ съ преступниками, самъ становится преступникомъ».

Разговоръ этотъ я велъ со своимъ братомъ въ серединѣ августа 1918 г. въ Петроградѣ. Я какъ разъ тогда вернулся изъ Москвы, гдѣ я 6 мѣсяцевъ работалъ въ народномъ комиссаріатѣ юстиціи въ отдѣлѣ государственнаго права, подъ руководствомъ профессора Рейснера.

Возвратившись по семейнымъ обстоятельствамъ въ Петроградъ, я, несмотря на предостереженіе моего брата, вновь рѣшилъ поступить на государственную службу. Я пошелъ къ петроградскому военному комиссару тов. Позерну. На основаніи рекомендацій, полученныхъ мною изъ Москвы, тов. Позернъ принялъ меня на службу въ качествѣ состоящаго для особыхъ порученій при петроградскомъ военномъ комиссаріатѣ. Такимъ образомъ я очутился въ центрѣ жизни красной арміи петроградскаго военнаго округа. Несмотря на тѣ разногласія, которыя я впослѣдствіи съ нимъ имѣлъ, я все же сохранилъ наилучшія воспоминанія о Позернѣ. Онъ внѣшне имѣетъ большое сходство съ бывшимъ императоромъ: тѣ же формы лица, та же бородка и та же любезная улыбка. Иной разъ, когда Позернъ въ полной военной формѣ принималъ парадъ, мнѣ казалось, точно передо мной стоитъ двойникъ убитаго государя. Позернъ является внѣ всякихъ сомнѣній одной изъ симпатичныхъ личностей среди большевистскихъ вождей. Человѣкъ желѣзной силы воли, онъ беззавѣтно отдался работѣ по организаціи красной арміи сѣверной области. Съ утра до поздней ночи онъ безъ отдыха работалъ въ военномъ комиссаріатѣ. Своей сердечностью и любезностью онъ крайне выгодно отличается отъ другихъ большевиковъ. Я ему былъ отъ души преданъ. И я признаюсь, что съ того времени, какъ я началъ сомнѣваться въ большевизмѣ, на меня большое вліяніе оказывало то обстоятельство, что Позернъ является большевикомъ. Ибо я говорилъ себѣ, что дѣло, за которое борется такой человѣкъ, не можетъ быть дѣломъ преступнымъ и несправедливымъ.

Но чѣмъ больше я работалъ въ военномъ комиссаріатѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе на меня стали находить сомнѣнія. Все чаще я сталъ чувствовать, что братъ мой, предостерегая меня отъ большевизма, былъ правъ. И если эти сомнѣнія не слишкомъ глубоко грызли сердце мое, то только потому, что у меня попросту не было времени отдаваться своимъ мыслямъ. Засѣданія, парады, допросы, ревизіи и служебныя поѣздки отнимали у меня цѣлый день, такъ что вечеромъ, возвращаясь поздно усталымъ домой, мнѣ было не до того, чтобы думать о правильности большевистскихъ методовъ. Иной разъ, правда, мнѣ казалось, точно судьба нарочно желаетъ мнѣ доказать, что въ томъ огромномъ преступленіи, которое совершалось надъ Россіей, лежитъ и доля моей вины. Я вынужденъ былъ силой обстоятельствъ быть свидѣтелемъ дикаго разгула большевистской власти.

Терроръ

Въ одно печальное туманное августовское утро сидѣлъ я въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Окна мои выходили на Дворцовую площадь. Направо находился Зимній Дворецъ, а налѣво помѣщалось огромное зданіе бывшаго генеральнаго штаба.

Я бесѣдовалъ съ начальникомъ личнаго отдѣла, какъ вдругъ неожиданно на площади раздались выстрѣлы. Мы подбѣжали къ окну и увидѣли, какъ за кѣмъ-то началась на велосипедахъ погоня. Я быстро сбѣжалъ внизъ.

«Что тутъ случилось?» спросилъ я стоявшихъ на площади нѣсколькихъ военныхъ.

«Урицкаго, предсѣдателя чрезвычайки, только-что убили», взволнованно отвѣтилъ одинъ солдатъ.

И дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ санитарный автомобиль и увезъ съ собой тѣло убитаго, еще недавно грознаго, предсѣдателя петроградской чрезвычайки. Смерть наступила моментально отъ пули попавшей въ голову.

Какъ извѣстно, убійцей Урицкаго оказался студентъ петроградскаго политехническаго института Каннегиссеръ. Каннегиссера я хорошо зналъ по институту, гдѣ мы работали на одномъ отдѣленіи. Покушеніе, а особенно личность убійцы меня крайне потрясли. Тяжело было у меня на сердцѣ, когда черезъ часъ взволнованно прибѣжалъ къ намъ въ комиссаріатъ тогдашній комиссаръ военнаго контроля, молодой коммунистъ Духвинскій, съ которымъ я былъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, и, захлебываясь отъ восторга, сталъ разсказывать, какъ подъ его руководствомъ былъ пойманъ Каннегиссеръ. Какъ извѣстно, послѣ убійства Урицкаго начался страшнѣйшій терроръ. Всякій, кто былъ въ тѣ страшные дни въ Петроградѣ, знаетъ, какая дикая разнузданность, какое своеволіе тогда царили въ столицѣ. Никто, за исключеніемъ коммунистовъ и отвѣтственныхъ служащихъ, не чувствовалъ себя въ безопасности. Вооруженные красноармейцы и матросы врывались въ дома и арестовывали лицъ по собственному усмотрѣнію. Не было и рѣчи о томъ, что арестованные имѣли хотя бы отдаленное отношеніе къ убійству или самому убійцѣ. Достаточно было, чтобы данное лицо получало хлѣбную карточку по четвертой категоріи, и его уже арестовывали. Арестованныхъ отправляли безъ всякаго предварительнаго допроса въ тюрьму, хотя вся ихъ вина состояла только въ томъ, что они были «буржуями» или интеллигентами. И эти ни въ чемъ не повинные люди считались заложниками.

Волна краснаго террора, какъ извѣстно, раскатилась затѣмъ по всей Россіи. Комиссаръ внутреннихъ дѣлъ Петровскій издалъ приказъ, по которому всѣ мѣстные совѣты обязаны были забирать опредѣленное количество гражданъ и разсматривать эту «буржуазную сволочь», какъ дословно было сказано въ томъ приказѣ, какъ заложниковъ. Въ случаѣ же если «контръ-революціонеры, буржуи и кулаки» осмѣлились бы въ данной мѣстности поднять возстаніе, то мѣстнымъ совѣтамъ предлагалось заложниковъ безжалостно разстрѣливать. Вся Россія стонала отъ большевистскаго террора. Никто не зналъ, что принесетъ ему ближайшій часъ.

«Мы убиваемъ цѣлые классы»

Жизнь въ Петроградѣ становилась все болѣе невыносимой. Тяжелая рука террора давила многострадальный городъ. Ежедневно происходили аресты и разстрѣлы, а власть не только не стремилась пріостановить массовое убійство, а наоборотъ, она лишь разжигала дикіе инстинкты солдатскихъ массъ. Предсѣдатель петроградской коммуны Зиновьевъ не испугался бросить въ массы лозунгъ: «Вы, буржуазія, убиваете отдѣльныхъ личностей, а мы убиваемъ цѣлые классы». И эти слова не остались пустой фразой. Послушная казенная пресса подхватила эти слова и сдѣлала все отъ себя зависящее, чтобъ разжечь въ массахъ жажду крови. Зиновьевъ и присные съ нимъ могли торжествовать побѣду.

Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Каннегиссера, я, придя рано утромъ въ комиссаріатъ, не встрѣтилъ Позерна, который всегда уже съ самаго ранняго утра сидѣлъ за своимъ столомъ. Я обратился къ управляющему дѣлами военнаго комиссаріата тов. Ильину-Женевскому съ вопросомъ, гдѣ Позернъ и когда онъ придетъ. Женевскій взглянулъ на меня вопросительно и спросилъ: «А вы что, развѣ ничего не знаете?» «Нѣтъ, а что такое случилось?» спросилъ я. Ильинъ тогда нагнулся ко мнѣ и тихо въ полголоса сказалъ мнѣ: «Позерна вызвали въ Кронштадтъ, тамъ ночью матросы ворвались въ тюрьму и безъ суда разстрѣляли арестованныхъ заложниковъ. Говорятъ, что разстрѣляли чуть ли не 500 человѣкъ».

Вскорѣ пришлось мнѣ почувствовать тяжесть террора и въ нашей собственной семьѣ. И какъ это почти что всегда бываетъ, весь ужасъ событій начинаешь болѣе сильно ощущать лишь тогда, когда подъ ихъ ударами падаютъ близкіе намъ люди, если имъ даже удается избѣгнуть смерти.

Однажды вечеромъ мнѣ по телефону позвонила моя невѣстка, и взволнованнымъ голосомъ сообщила мнѣ, что ея двоюродный братъ, пріятель моего брата, арестованъ. На ея просьбу я отвѣтилъ, что сдѣлаю все зависящее, чтобы спасти его отъ смерти. И, дѣйствительно, просьба моя и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ чрезвычайкѣ была небезуспѣшной: родственникъ моей невѣстки былъ черезъ недѣлю уже освобожденъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его освобожденія, мы съ братомъ посѣтили нашего родственника. Онъ сильно измѣнился, раньше это былъ человѣкъ съ всегда сіяющей улыбкой и имѣлъ, несмотря на свои пожилые годы, всегда бодрый и здоровый видъ. Теперь же передо мной стоялъ совсѣмъ другой человѣкъ, съ сѣдыми волосами и сгорбившейся подъ тяжестью лишеній послѣднихъ дней спиной. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ, рыдая, разсказалъ намъ слѣдующее:

«Ночью, въ два часа, я вдругъ услышалъ звонокъ съ чернаго хода. Меня сразу же охватило дурное предчувствіе. Вы, вѣдь, знаете, до чего у насъ въ эти дни истаскались нервы. Прислуга встала, но дверь не открыла, а побѣжала ко мнѣ въ спальню и сказала взволнованнымъ голосомъ: «Тамъ какіе-то люди требуютъ, чтобъ я отперла дверь, но я боюсь». Я быстро одѣлся и самъ открылъ дверь. Въ квартиру вошло нѣсколько вооруженныхъ людей.

«Вы гражданинъ Т., спросилъ одинъ изъ военныхъ, мы должны у васъ произвести обыскъ».

«Да, это я», отвѣтилъ я. — Обыскъ былъ произведенъ крайне поверхностно, причемъ ничего предосудительнаго не было найдено. Затѣмъ комиссаръ, руководившій обыскомъ, сталъ меня допрашивать и, между прочимъ, спросилъ меня, къ какой партіи я принадлежу. Несмотря на то, что я заявилъ, что я безпартійный, и несмотря также на то, что никакого оружія и ничего другого запрещеннаго у меня не было найдено, комиссаръ объявилъ меня арестованнымъ. На мой протестъ онъ заявилъ, что моя принадлежность къ буржуазному классу служитъ достаточнымъ поводомъ для моего ареста. Какъ я впослѣдствіи выяснилъ, въ ту ночь комиссаръ, придя въ нашъ домъ вмѣстѣ съ вооруженными красноармейцами, потребовалъ отъ дворника списокъ лицъ, получающихъ хлѣбныя карточки по четвертой категоріи. И на основаніи этого списка были произведены въ нашемъ домѣ обыски у «буржуевъ». Аресты онъ производилъ также по собственному усмотрѣнію.

Меня отвели въ мѣстный совдепъ и посадили въ комнату, наполненную всякими «контръ-революціонерами». Въ этой комнатѣ мы просидѣли цѣлый день безъ ѣды, и казалось, о нашемъ существованіи уже забыли. Но вотъ къ одиннадцати часамъ вечера появилась стража, и намъ приказали быть готовыми. Въ сопровожденіи стражи насъ отправили въ Дерябинскіе казармы. Прибывъ въ казармы, наша партія была размѣщена въ отдѣльныхъ камерахъ, которыя были уже до того биткомъ набиты. Мы всѣ расположились на сыромъ холодномъ полу. Несмотря на страшную усталость, никто изъ насъ не думалъ о снѣ. Мы собирались разговорами разсѣять мрачныя мысли, но ободрить другъ друга намъ не удавалось. Ибо мы всѣ знали, въ какомъ положеніи мы находимся и что намъ угрожало. На другое утро насъ вывели во дворъ, гдѣ уже выстроилась партія приблизительно въ сто человѣкъ. Черезъ нѣкоторое время явился комиссаръ тюрьмы, молодой человѣкъ, приблизительно 25 лѣтъ, съ лицомъ типичнаго преступника. Шапка у него была одѣта набекрень, за спиной находилась винтовка, сбоку висѣлъ наганъ, а въ рукѣ онъ держалъ нагайку, такъ что, глядя на него, казалось, что мы возвратились во времена старой царской Россіи. Комиссаръ сдѣлалъ выкличку, а затѣмъ онъ обратился къ намъ со слѣдующими словами: «Послушайте-ка вы, буржуи, васъ теперь отправятъ въ тюрьму. Ежели кто либо изъ васъ вздумаетъ бѣжать, то его ждетъ пуля».

И видно для того, чтобы придать своимъ словамъ больше вѣсу, комиссаръ выстрѣлилъ изъ нагана въ воздухъ.

Подъ сильнымъ конвоемъ насъ повели по улицамъ. Вскорѣ мы стали приближаться къ Петропавловской крѣпости. Когда мы ближе подходили къ ней, всякій спрашивалъ себя: «Неужели насъ поведутъ сюда?» И дѣйствительно, конвой повелъ насъ къ деревянному мосту, который отдѣляетъ крѣпость отъ города. Когда мы прошли черезъ мостъ, и за нами закрылись ворота, сердце мое сжалось отъ внутренней боли. «Заживо погребенные» — эту мысль можно было прочесть на блѣдныхъ лицахъ моихъ спутниковъ . . .

Меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими посадили въ одну изъ камеръ знаменитаго Трубецкого бастіона. Въ камерѣ было холодно, сыро и душно. Пребываніе въ ней было для насъ всѣхъ сплошнымъ страданіемъ. Мы все наше время проводили въ постоянномъ страхѣ за нашу жизнь. Рѣдко мы засыпали, ибо мы все ждали, что придутъ какъ-нибудь ночью за нами и насъ

выведутъ на разстрѣлъ. Каждую ночь, приблизительно къ тремъ часамъ утра, раздавались выстрѣлы въ крѣпости. Для насъ не было никакого сомнѣнія, что эти выстрѣлы обозначали: то разстрѣливались жертвы кроваваго террора. И каждый изъ насъ съ ужасомъ думалъ, что вотъ скоро придетъ и его чередъ, не въ эту, такъ въ слѣдующую ночь. До чего нервы мои въ эти дни пребыванія въ Трубецкомъ бастіонѣ были напряжены, объ этомъ можетъ судить лишь тотъ, кто самъ находился въ такомъ же положеніе, какъ и я. Сырость, недоѣданіе, ежеминутная боязнь разстрѣла, и вообще вся та мрачная обстановка, которая меня окружала, сдѣлали свое дѣло — какъ вы видите, въ эти нѣсколько дней я посѣдѣлъ и постарѣлъ. И всегда я спрашиваю себя, почему я долженъ былъ страдать, за что? Неужели потому только, что я владѣлецъ магазина? Вѣдь только въ этомъ и состоитъ моя единственная «вина». Да, мои друзья, кончилъ свой печальный разсказъ нашъ родственникъ. Такъ выглядитъ та свобода, къ которой годами стремился нашъ народъ».

И онъ грустно при этомъ улыбнулся...

Въ послѣдующіе дни я былъ настолько занятъ службой, что у меня совершенно не было времени отдаваться мыслямъ о происходящихъ событіяхъ.

Но черезъ нѣсколько дней мнѣ вновь пришлось услышать о происходящихъ въ Петроградѣ ужасахъ. Однажды утромъ я встрѣтилъ по дорогѣ въ комиссаріатъ сослуживицу, которая состояла издавна членомъ партіи большевиковъ. По ея заплаканнымъ глазамъ можно было сразу замѣтить, что ее постигло какое-то горе. Я спросилъ ее о причинѣ.

«Что за мрачныя и печальныя времена мы сейчасъ переживаемъ, сказала она — представьте себѣ, пять дней тому назадъ были арестованы четыре инженера съ Путиловской верфи. Одинъ изъ нихъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ. Сестра моя справлялась въ чрезвычайкѣ о судьбѣ своего мужа, но вѣдь туда простой смертный не можетъ пробраться. По ея просьбѣ я пошла на Гороховую, и что жъ вы думаете, мнѣ тамъ заявили, что этихъ четырехъ инженеровъ «по недоразумѣнію» разстрѣляли».

Если я порою отъ знакомыхъ или постороннихъ слышалъ о всякихъ большевистскихъ ужасахъ, то я ко всѣмъ этимъ разсказамъ относился довольно скептически, ибо я уже со времени своего пребыванія въ Москвѣ привыкъ къ тому, что какъ оппозиціонная пресса, такъ и обыватель любили преувеличивать тѣ ужасы, которые происходили съ момента октябрьскаго переворота въ нашей странѣ. Но въ данномъ случаѣ я долженъ былъ вѣрить, ибо передо мной стояла настоящая большевичка.

Въ тотъ же день къ обѣду пришелъ къ моей матушкѣ мой братъ. Я замѣтилъ, что онъ при себѣ имѣлъ свой револьверъ. Я его попросилъ отдать мнѣ на время револьверъ, ибо ношеніе оружія запрещено, а разрѣшеніе, полученное имъ раньше на ношеніе оружія, было уже недѣйствительнымъ. Но братъ мой ни за что не хотѣлъ отдать револьвера.

«Сейчасъ времена не такія, чтобы можно было спокойно разставаться съ оружіемъ».

Черезъ нѣсколько дней поздно вечеромъ меня вызвали по телефону.

У телефона находился мой добрый пріятель, бывшій членъ I-го Исполкома.

«Я сегодня былъ на Гороховой, сказалъ онъ, — и тамъ встрѣтилъ вашего брата. Онъ арестованъ и просилъ меня сообщить объ этомъ».

«Что такое? мой братъ арестованъ, воскликнулъ я, — да вы что, шутите?»

«Нѣтъ, я не шучу. Вы только не волнуйтесь, а подумайте, что сдѣлать, чтобъ его освободить».

Несмотря на поздній часъ, я немедленно поѣхалъ въ военный комиссаріатъ. «Тов. Позернъ не оставитъ меня въ бѣдѣ, — подумалъ я, — можетъ быть, онъ еще въ комиссаріатѣ». По дорогѣ я встрѣтилъ партію въ 30 человѣкъ, которыхъ вели подъ конвоемъ. Я подбѣжалъ къ арестованнымъ, почему-то думая, что среди нихъ можетъ быть и мой братъ. Я сквозь темноту внимательно всматривался въ лица арестованныхъ, но брата моего среди нихъ не было. Одинъ изъ конвойныхъ крикнулъ на меня: «Проходи, ну чего, людей не видѣлъ. Проходи».

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ нашемъ комиссаріатѣ. Я направился въ свой кабинетъ и составилъ прошеніе на имя Президіума Петроградской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Указавъ на мое положеніе въ военномъ комиссаріатѣ, я просилъ освободить брата моего подъ мое поручительство.

Затѣмъ я пошелъ въ кабинетъ къ Позерну. Позернъ, дѣйствительно, еще сидѣлъ за столомъ въ своемъ кабинетѣ и совѣщался какъ разъ съ военнымъ руководителемъ Петроградскаго гарнизона. Онъ на меня нѣсколько удивленно посмотрѣлъ, а потомъ, улыбаясь, сказалъ: «Въ такой поздній часъ вы ко мнѣ. Случилось что-нибудь особенное?»

«Нѣтъ, товарищъ, по службѣ ничего особеннаго не произошло, но нашу семью постигло большое горе. Моего брата сегодня вдругъ арестовали. Я совершенно не могу себѣ представить, какое вообще обвиненіе ему могутъ предъявить».

«Да, это непріятная исторія, сказалъ Позернъ, — ну, что жъ, надо будетъ кое-что для вашего брата сдѣлать».

Я попросилъ его тогда поддержать мою просьбу въ Чрезвычайную Комиссію объ освобожденіи моего брата. Позернъ внимательно прочелъ мое прошеніе, а затѣмъ сбоку написалъ: «Прошу Чрезвычайную Комиссію освободить изъ-подъ ареста брата нашего близкаго сотрудника, въ случаѣ если не имѣется конкретныхъ обвиненій».

Я его отъ души поблагодарилъ и съ радостнымъ сердцемъ побѣжалъ на телефонную станцію нашего комиссаріата вызвалъ оттуда по прямому проводу одного изъ членовъ Ч. К. и попросилъ его немедленно вынести внизъ для меня пропускъ, ибо, какъ извѣстно, безъ спеціальнаго пропуска въ Комиссію нельзя было попасть. Явившись въ Ч. К., я попросилъ доложить о себѣ кому-нибудь изъ членовъ президіума. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышелъ членъ президіума тов. Борщевскій, которому я передалъ прошеніе, съ просьбой по возможности немедленно освободить моего брата. Тов. Борщевскій обѣщалъ мнѣ немедленно навести справку, по какому поводу произведенъ арестъ моего брата. Я его поблагодарилъ и, нѣсколько успокоившись, пошелъ домой. Придя приблизительно уже къ тремъ часамъ ночи домой, я, физически и нравственно совершенно разбитый, бросился въ постель. Но несмотря на страшную усталость я не могъ заснуть, ибо мысли мои все время были направлены въ одну сторону: я думалъ о своемъ братѣ, сидѣвшемъ на Гороховой.

Вдругъ дрожь пробѣжала по тѣлу моему. «Боже мой, вѣдь онъ при себѣ, навѣрное, имѣлъ револьверъ, а ношеніе оружія простымъ смертнымъ

нынѣ подъ страхомъ разстрѣла запрещено. Его значитъ могутъ за это разстрѣлять».

И цѣлую ночь я провелъ безъ сна, въ страхѣ за судьбу своего брата. Рано утромъ меня разбудилъ звонокъ по телефону. Моему удивленію и радости моей не было границъ, когда я услышалъ голосъ брата. Онъ сообщилъ мнѣ, что еще ночью его вызвали на допросъ, а затѣмъ освободили изъ-подъ ареста.

Такимъ образомъ, мое прошеніе и заступничество Позерна сдѣлали свое дѣло. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста братъ мой былъ уже на свободѣ. Въ тѣ дни такое быстрое освобожденіе было большою рѣдкостью въ анналахъ петроградской чрезвычайки.

Всѣ эти переживанія личнаго характера вызвали во мнѣ сильное сомнѣніе въ правильности тѣхъ методовъ, съ которыми большевики хотѣли осуществить соціализмъ и углубить завоеванія революціи. Какъ убѣжденный демократъ и соціалистъ, я никогда всецѣло не былъ согласенъ съ методами большевистской партіи. Эпоха террора сдѣлала большевизмъ для меня еще болѣе чуждымъ. Я сталъ болѣе и болѣе критически относиться къ большевистскому движенію, причемъ я сталъ сталкиваться почти на каждомъ шагу съ случаями, которые мнѣ ясно доказывали, что наша революція подъ властью большевиковъ вырождается въ движеніе бунтовщическое и анархическое.

Принудительныя выселенія

Чтобы облегчить квартирную нужду бѣднаго населенія, большевики, какъ извѣстно, стали принудительно вселять семьи рабочаго населенія въ квартиры буржуазіи. Съ точки зрѣнія соціальной справедливости противъ такого вселенія, въ концѣ концовъ, ничего нельзя возразить, но для большевиковъ, повидимому, не столько имѣло значеніе облегчить положеніе бѣднаго населенія, какъ притѣснить такъ называемую буржуазію. Бывали часто случаи, что квартиры со всѣмъ имуществомъ просто реквизировались, а владѣльцы должны были очистить квартиры въ 24 часа. Въ Москвѣ, напримѣръ, какъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ, было въ теченіе 3-хъ дней выселено населеніе цѣлаго квартала, находившагося вблизи В. Ч. К. Что при этомъ выселялись не только буржуи, объ этомъ особенно упоминать не приходится. Въ Питерѣ реквизиціи и вселенія производились также не только въ «буржуазныхъ» кварталахъ. Къ буржуазіи принадлежала, вѣдь, также и наша интеллигенція. Учителя, врачи, адвокаты должны были часто очищать вмѣстѣ со семьями свои квартиры, причемъ часто выселяемымъ разрѣшалось брать лишь часть своего бѣлья. Такимъ образомъ, петербургская власть систематически потворствовала тому, чтобы подорвать матеріальное благосостояніе нашей интеллигенціи. И это въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ сравнительно такъ мало интеллигентныхъ силъ!

На мнѣ, между прочимъ, лежала обязанность просматривать и удостовѣрять правильность жалобъ на реквизиціи квартиръ и помѣщеній, совершавшихся военными властями въ Петроградѣ. При этомъ я довольно часто наталкивался на поистинѣ возмутительные случаи. Вотъ, характерный примѣръ. На Охтѣ стояло со временъ Екатерины Великой большое старинное зданіе, бывшее когда-то не то дворцомъ, не то помѣщичьей усадьбой. Въ этомъ зданіи находился домъ для умалишенныхъ.

Предсѣдатель мѣстнаго совѣта, который былъ одновременно и мѣстнымъ военнымъ комиссаромъ, рѣшилъ, что зданіе это великолѣпно подходитъ подъ казарму для мобилизованныхъ красноармейцевъ, и отдалъ распоряженіе очистить въ теченіе 4-хъ дней зданіе для нуждъ красной арміи. Какъ потомъ выяснилось, предсѣдатель мѣстнаго совѣта былъ въ лично враждебныхъ отношеніяхъ съ управляющимъ больницы. По жалобѣ комитета больницы я отправился выяснить на мѣстѣ положеніе вещей. Я установилъ, что въ той мѣстности былъ рядъ другихъ подходящихъ зданій, которыя могли быть реквизированы. Несмотря на то, что на основаніи моего доклада нашъ комиссаріатъ отдалъ приказъ реквизицію больницы не производить, пресѣдатель мѣстнаго совдепа все же рѣшилъ показать свою власть. Уже были посланы милиціонеры, которые должны были просто выкинуть на улицу несчастныхъ больныхъ. Въ послѣдній моментъ, благодаря моей угрозѣ привлечь предсѣдателя совѣта, какъ лицо военное, находящееся въ подчиненіи нашему комиссаріату, къ отвѣтственности и предать военно-революціонному суду, удалось снять реквизицію.

Впослѣдствіи я потребовалъ отъ подлежащихъ властей, чтобы Охтенскій военный комиссаръ, онъ же предсѣдатель мѣстнаго совдепа, былъ смѣщенъ со своей должности. Но такъ какъ онъ былъ старымъ коммунистомъ, то его не могли изъ-за такихъ «мелочей», какъ мнѣ объ этомъ дословно заявили, смѣстить. Этотъ отвѣтъ былъ характернымъ для выясненія сущности большевистской власти. Диктатура партіи силою вещей должна была превратиться въ безотвѣтственное владычество отдѣльныхъ лицъ.

Трудовая повинность для буржуазіи

Чтобы совершенно уничтожить буржуазію, какъ классъ, петроградская власть ежедневно придумывала новыя мѣры, направленныя противъ нея. Однимъ изъ такихъ мѣропріятій была трудовая повинность. Къ работамъ по трудовой повинности стали въ Петроградѣ, насколько я знаю, привлекать со временъ холерной эпидеміи. Послѣ этого перваго «опыта» Петроградскій Исполкомъ, главнымъ образомъ въ лицѣ своего предсѣдателя Зиновьева, сталъ обращаться въ районные совѣты съ просьбой о присылкѣ «буржуевъ» на работы, причемъ, какъ я потомъ узналъ, самъ Зиновьевъ давалъ районнымъ совѣтамъ слѣдующій добрый совѣтъ — въ случаѣ недостатка «рабочихъ силъ», просто ловить на улицахъ первыхъ попавшихся «буржуевъ». Такимъ образомъ, въ началѣ трудовая повинность имѣла совершенно неорганизованный и случайный характеръ. Но понемногу «дѣло» стало развиваться. Вскорѣ я получилъ «удовольствіе» ближе познакомиться съ постановкою дѣла привлеченія буржуазіи къ трудовой повинности.

Въ серединѣ октября 18-го года командующій 6-ой арміей, стоявшей на сѣверномъ фронтѣ, потребовалъ отъ нашего комиссаріата выслать для нуждъ арміи 800 рабочихъ, которые должны были строить дороги и рыть траншеи. Нашъ комиссаріатъ рѣшилъ для этой цѣли использовать лицъ, привлеченныхъ къ трудовой повинности. Позернъ отдалъ мнѣ распоряженіе, чтобы я взялся за проведеніе въ жизнь этого дѣла, но я категорически отказался отъ этого порученія.

«Вы знаете, товарищъ, мои политическія убѣжденія, — сказалъ я ему, — и вы поэтому поймете, почему я отказываюсь произвести такъ называемую

мобилизацію буржуазіи». Позернъ сразу же согласился съ моими доводами и попросилъ меня тогда вызвать члена совѣта I-го гор. района тов. Ряжкина, который руководилъ трудовой повинностью въ названномъ районѣ. Я переговорилъ съ Ряжкинымъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Позерну и обсудили всѣ возможности дѣла мобилизаціи буржуазіи. Ряжкинъ согласился произвести мобилизацію буржуазіи, причемъ увѣрилъ насъ съ Позернымъ, что онъ въ теченіе 8 дней сможетъ доставить къ Николаевскому вокзалу 800 «буржуевъ». Я, со своей стороны, вошелъ въ сношеніе съ желѣзнодорожнымъ отдѣломъ военнаго комиссаріата, дабы послѣдній къ указанному сроку приготовилъ вагоны для отправки рабочихъ.

Какъ потомъ выяснилось, «мобилизація» была произведена Ряжкинымъ слѣдующимъ способомъ: Въ совѣтъ были приглашены различные граждане, главнымъ образомъ изъ купеческаго сословія, якобы для регистраціи, въ случаѣ привлеченія ихъ въ будущемъ къ трудовой повинности. Когда же граждане приходили въ совѣтъ для регистраціи, ихъ арестовывали и отправляли въ Семеновскія казармы, гдѣ они должны были ждать отправки. Но несмотря на такой весьма «умный» способъ привлеченія къ трудовой повинности, все же 800 человѣкъ собрать не удалось. Тогда Ряжкинъ съ другими членами мѣстнаго совѣта, руководствуясь директивами, данными имъ въ свое время Зиновьевымъ, рѣшились на слѣдующій «замѣчательный» шагъ. За три дня до отправки на сѣверный фронтъ, былъ по приказу Ряжкина поздно вечеромъ оцѣпленъ Невскій проспектъ. И всѣхъ, кто случайно находился на этой улицѣ, и которые не могли предъявить партійный билетъ или удостовѣреніе отъ какого-нибудь государственнаго учрежденія, были арестованы и препровождены въ Семеновскія казармы. Среди «мобилизованныхъ» находились также и женщины. На слѣдующее утро женщины были освобождены, а мужчинъ оставили въ казармахъ. На третій день вся эта партія была отправлена въ Вологду, гдѣ ее, по соглашенію, долженъ былъ принять представитель 6-ой арміи.

Никто изъ мобилизованныхъ такимъ нѣсколько страннымъ, чтобы не сказать болѣе, путемъ не получилъ разрѣшенія привести въ порядокъ свои домашнія дѣла, попрощаться со своими родными или хотя бы только пріобрѣсти соотвѣтственную одежду и обувь. Ни Позернъ, ни я не имѣли никакого понятія о томъ, какъ производилась первая мобилизація рабочихъ для сѣвернаго фронта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки первой партіи въ Вологду, мнѣ пришлось съ одной комиссіей поѣхать въ Ямбургъ. Комиссія эта должна была ликвидировать конфликтъ, который произошелъ тамъ между мѣстнымъ совѣтомъ и военнымъ контролемъ. Комиссія состояла изъ 3-хъ лицъ: изъ представителя Ч. К., тов. Борщевскаго, представителя военнаго контроля и меня, въ качествѣ представителя Петроградскаго военнаго комиссаріата.

Во время поѣздки я разговорился съ Борщевскимъ и спросилъ его о Каннегиссерѣ, судьба котораго меня интересовала.

«Правда ли это, — спросилъ я его, — что Каннегиссеръ еще живъ?»

«Да, это правда», отвѣтилъ Борщевскій.

«Но чѣмъ же это можно объяснить, вѣдь его по-моему должны были давно разстрѣлять».

«Видите ли, сказалъ мнѣ Борщевскій, — мы его нарочно не разстрѣливаемъ. На кой чортъ мы его сейчасъ разстрѣляемъ. Пусть еще помучается нѣкоторое время. Разстрѣлять мы его всегда еще успѣемъ».

Мнѣ вспомнился одновременно другой разговоръ, который я нѣсколько времени до того велъ съ членомъ коллегіи народнаго комиссаріата юстиціи Козловскимъ. Мы говорили съ нимъ о тѣхъ порядкахъ, которые царили во Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Я спросилъ его тогда, почему комиссаріатъ юстиціи не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ тѣхъ преступныхъ и жестокихъ элементовъ, которые проникли въ чрезвычайку.

«Вѣдь нужно же произвести чистку чрезвычайки, сказалъ я, — вѣдь всѣ эти элементы прямо компрометируютъ нашу революцію».

«Да, товарищъ, это легко сказать, возразилъ мнѣ Козловскій, — но думаете ли вы, что такіе люди, какъ вы или я, годятся для чрезвычайки? Конечно нѣтъ! Мы сейчасъ ведемъ безпощадную борьбу, борьбу не на жизнь, а на смерть, съ контръ-революціей, и на такую борьбу мы, интеллигенты, не способны. На такую борьбу годятся лишь толстокожіе. Само собой разумѣется, что среди тѣхъ жестокихъ элементовъ, которые находятся въ чрезвычайкѣ, имѣются многіе съ довольно темнымъ прошлымъ. Противъ этого нельзя ничего сдѣлать. Мы должны съ этимъ примириться».

«Сдѣлать противъ этого кое-что можно, сказалъ я себѣ, — но просто противъ этого ничего не хотятъ сдѣлать».

Лишь впослѣдствіи мнѣ стало совершенно ясно, что вся система большевистскаго государственнаго правленія основана на томъ, что жестокимъ и преступнымъ элементамъ дается возможность развить свою «дѣятельность».

Въ Ямбургѣ мы остались два дня. Въ свободное время мы посѣщали семью одного стараго ямбургскаго еврея, знакомаго Борщевскаго. Мы при разговорѣ касались главнымъ образомъ политическихъ событій. Старикъ часто ставилъ намъ различные вопросы. Большей частью отвѣчалъ Борщевскій, который почти все время употреблялъ слова, какъ «безпощадный», «смерть», «разстрѣлъ» и т. д. При этомъ Борщевскій также говорилъ о необходимости въ борьбѣ со своими врагами прибѣгать иной разъ къ жестокимъ средствамъ. Онъ разсказалъ при этомъ нѣсколько случаевъ изъ своей «практики».

Старикъ внимательно его слушалъ и подъ конецъ сказалъ:

«Я ужъ старъ и сѣдъ, можетъ быть поэтому я и не могу понять такъ хорошо стремленія молодого поколѣнія. Я знаю, что въ прошломъ было много несправедливаго и плохого. Но я вамъ говорю: зло вы вашими способами не искорените. Надо въ первую очередь цѣнить человѣческую жизнь. Наша старая священная религія, наши пророки и ученые всегда говорили, что человѣческая жизнь есть высшее благо. Человѣкъ долженъ быть самоцѣлью, а не средствомъ. Да, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ Борщевскому, — вы улыбаетесь, а я вамъ говорю — дѣйствія ваши и вашихъ партійныхъ товарищей къ добру не приведутъ. Придетъ, можетъ быть, время, когда и вы вспомните мои слова. Царь и его слуги также безнаказанно дѣйствовали, какъ и вы сегодня это дѣлаете. И при самодержавіи человѣческая жизнь не имѣла цѣнности, и вы знаете сами, къ чему это привело. И я вамъ всѣмъ говорю: ваши взгляды и ваши дѣйствія, которые ведутъ лишь къ кровопролитію и одичанію, добрыхъ плодовъ не принесутъ».

Послѣ того какъ наша комиссія ликвидировала конфликтъ между ямбургскимъ совѣтомъ и военнымъ контролемъ, мы отправились на поѣздъ. Передъ отъѣздомъ у представителя военнаго контроля появилась «блестящая» мысль.

«Знаете что, товарищи, сказалъ онъ, — надо-ка поговорить съ завѣдующимъ продовольственнымъ отдѣломъ, можетъ, онъ намъ дастъ картошки».

Мы съ Борщевскимъ сразу же согласились на это предложеніе, пошли въ продовольственный отдѣлъ и, дѣйствительно, каждый изъ насъ получилъ оттуда полтора пуда картошки. Съ этой драгоцѣнной ношей мы сѣли въ поѣздъ и отправились въ Питеръ.

На Балтійскомъ вокзалѣ стоялъ, какъ на всѣхъ россійскихъ вокзалахъ, заградительный отрядъ. Солдаты этого отряда тщательно осматривали вещи всѣхъ выходившихъ пассажировъ. При видѣ того усердія, которое проявлялось солдатами по отношенію къ чужому багажу, я нѣсколько обезпокоился за судьбу нашей картошки. На мой вопросъ, не отнимутъ ли у насъ эту ношу, Борщевскій увѣренно заявилъ:

«Бросьте глупости говорить. Кто же посмѣетъ отнять у насъ нашу картошку?»

И дѣйствительно, несмотря на то, что каждый изъ насъ открыто несъ на плечахъ своихъ полтора пуда, насъ сразу же, какъ мы только предъявили наши удостовѣренія, пропустили безъ всякихъ препятствій. Какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ я протаскивалъ свой мѣшокъ съ картофелемъ, солдаты заградительнаго отряда набросились на какую-то женщину и отняли у нея муку, которую она несла съ собою. Женщина, какъ водится, подняла страшный крикъ, но ни слезы, ни просьбы ея не помогли.

Мы подошли къ ожидавшему насъ автомобилю и бросили въ него наши три мѣшка, но радостно на душѣ у меня не было. Мнѣ вдругъ стало ясно, насколько несправедливъ тотъ государственный порядокъ, при которомъ мы трое въ силу нашего служебнаго положенія имѣемъ возможность провезти необходимые жизненные продукты, въ то время, какъ у простого смертнаго, эти же самые продукты отнимались. Но дома меня встрѣтили при видѣ моей драгоцѣнной ноши съ такой искренной и великой радостью, что у меня сразу прошло то тяжелое чувство, которое я все время ощущалъ.

На слѣдующій день былъ парадъ петроградскаго гарнизона на Марсовомъ Полѣ. Я, если такъ можно выразиться, находился въ свитѣ военнаго комиссара. Войска прошли мимо насъ церемоніальнымъ маршемъ, они имѣли бодрый и хорошій видъ и казались дисциплинированными. На парадѣ присутствовалъ предсѣдатель петроградской коммуны, который послѣ парада обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Какъ всегда, рѣчь его была сплошной и низкой демагогіей. Я смотрѣлъ то на Зиновьева, то на эту солдатскую массу и спрашивалъ себя, кто въ общемъ заслуживаетъ больше презрѣнія — этотъ демагогъ, который возбуждаетъ толпу, или сама толпа, которая бурно привѣтствуетъ этого демагога.

По окончаніи парада я отправился въ военный комиссаріатъ Рождественскаго района, чтобы переговорить тамъ съ мѣстнымъ комиссаромъ по одному служебному дѣлу. Комиссара я тамъ не засталъ. Изъ отвѣтственныхъ служащихъ былъ только комендантъ на лицо. Я рѣшилъ пойти къ коменданту и передать ему то порученіе, которое я долженъ былъ выполнить. Патруль повелъ меня черезъ темный грязный корридоръ. Потомъ мы прошли по узкой деревянной лѣстницѣ и остановились около одной двери.

«Здѣсь комендантъ», сказалъ мнѣ солдатъ.

Я постучалъ. Вначалѣ я отвѣта не получилъ. Я постучалъ тогда еще разъ. Заспанный голосъ донесся изъ комнаты: «Войдите».

Я открылъ дверь и вошелъ въ комнату. Прямо передо мной у окна стоялъ столъ, на которомъ находились сабля и два револьвера. Налѣво въ углу стояли нѣсколько винтовокъ. Направо находилась кровать, на которой лежалъ мужчина въ военной формѣ; онъ остался лежать и при моемъ появленіи.

«Вы комендантъ?» спросилъ я.

«Да, я», отвѣтилъ онъ мнѣ, все еще продолжая лежать.

Я назвалъ себя. Онъ моментально вскочилъ съ постели и съ глубокимъ поклономъ и сладчайшей улыбкой попросилъ меня сѣсть.

«Простите меня, пожалуйста, если я только-что тутъ лежалъ», — сказалъ онъ. «Но знаете, я всѣ эти ночи такъ много работалъ, что я могу отъ трудовъ отдыхать только днемъ. Я видите ли — и тутъ его голосъ понизился — каждую ночь совершаю обыски въ нашемъ районѣ и арестовываю офицеровъ и другихъ контръ-революціонеровъ. Знаете, я ужъ тутъ напустилъ страху. Они меня здѣсь во! какъ боятся. Какъ только наступаетъ ночь, я сразу же иду на охоту».

И это слово, повидимому, ему самому очень понравилось, ибо онъ ехидно улыбнулся.

«Я, знаете, товарищъ, не то что другіе, которые берутъ отъ государства деньги и ничего не дѣлаютъ. Я, дѣйствительно, работаю, стараюсь, не за страхъ, а за совѣсть. И ежели я при этомъ и устаю, то все же у меня сознаніе, что я служу вѣрой и правдой совѣтскому правительству».

Я внимательно всматривался въ лицо коменданта. Это былъ типичный околоточный надзиратель или унтеръ-офицеръ стараго режима. По его жестокому и грубому лицу можно было сразу видѣть, что его профессія состоитъ въ томъ, чтобы мучить людей, попавшихъ въ его лапы. По всей его рабской манерѣ можно было въ немъ сразу увидѣть бывшаго «браваго» солдата. Какъ онъ, можетъ быть, въ свое время арестовывалъ революціонную молодежь, такъ онъ и теперь съ тѣмъ же равнодушіемъ арестовывалъ «контръ-революціонеровъ». Это былъ типъ, котораго можно было тогда, а навѣрно и теперь еще, часто встрѣтить въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Бывшіе полицейскіе, офицеры, унтеръ-офицеры и старые царскіе чиновники быстро освоились съ требованіями новаго времени и перекрасились въ красный цвѣтъ.

Посылка на принудительныя работы въ Вологду

Черезъ нѣкоторое время командующій 6-ой арміей Гиттисъ потребовалъ для нуждъ сѣвернаго фронта еще 500 человѣкъ. Нашъ комиссаріатъ вновь поручилъ дѣло мобилизаціи этихъ рабочихъ отдѣлу по трудовой повинности при первомъ городскомъ районѣ. Тов. Ряжкинъ обѣщалъ намъ доставить требуемое количество людей въ теченіе 7-ми дней. Какъ впослѣдствіи выяснилось, и эта партія была такимъ же «простымъ» способомъ мобилизована, какъ и первая.

Въ день отправки второй партіи въ Вологду тов. Позернъ попросилъ меня лично справиться въ первомъ городскомъ районѣ о ходѣ дѣла. Пріѣхавъ въ первый городской районъ, находившійся на Большой Московской,

я навелъ тамъ справки о положенiи вещей, причемъ Ряжкинъ мнѣ съ торжествомъ заявилъ, что удалось собрать 500 человѣкъ. Такъ какъ я хотѣлъ удостовѣриться, получили-ли мобилизованные отпущенные имъ изъ военно-хозяйственнаго управленiя съѣстные припасы, то я рѣшилъ отправиться въ Семеновскiя казармы. Лишь прибывъ въ казармы, я впервые узналъ о томъ, какимъ способомъ произошла мобилизацiя. Когда мой автомобиль въѣхалъ во дворъ казармы, первое, что я увидѣлъ, это было приблизительно 10 монаховъ, стоявшихъ у воротъ. Я спросилъ сопровождавшаго меня уполномоченнаго перваго гор. района, принадлежатъ ли эти монахи также къ числу мобилизованныхъ, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Вначалѣ я пошелъ къ такъ называемому секрѣтарю, у котораго находился списокъ «мобилизованныхъ». Я провѣрилъ этотъ списокъ и меня поразило наличiе въ немъ большого количества лицъ старше 45 лѣтъ. Послѣ того, какъ я пробылъ въ зданiи около часа и удостовѣрился въ томъ, что съѣстные припасы, отпущенные по приказу нашего комиссарiата, дѣйствительно были получены мобилизованными, я вышелъ во дворъ и намѣревался доложить о видѣнномъ тов. Позерну. Во дворѣ стояла уже громадная толпа. То были мобилизованные «буржуи», которые должны были быть отправлены на сѣверный фронтъ. Толпа инстинктивно поняла, что я являюсь представителемъ высшей власти. Меня моментально окружили и стали обращаться съ просьбой объ освобожденiи. Я былъ пораженъ и удивленъ тѣмъ, что я услышалъ. Изъ словъ отдѣльныхъ лицъ мнѣ стало ясно, что никакой мобилизацiи не было произведено, а что всѣ эти люди были незаконнымъ способомъ пойманы на улицѣ и отправлены въ казарму.

Я, конечно, не имѣлъ возможности пойти навстрѣчу просьбамъ мобилизованныхъ. Поѣздъ, съ которымъ они должны были отправиться на фронтъ, стоялъ уже наготовѣ. Но я все же рѣшилъ выслушать просьбы хотя бы нѣсколькихъ лицъ наудачу. Одинъ изъ просителей — пожилой мужчина, заявилъ мнѣ, что сынъ его сражается въ рядахъ красной армiи на чехословацкомъ фронтѣ и предъявилъ мнѣ соотвѣтствующiй документъ. Между тѣмъ, верховное командованiе красной армiи еще лѣтомъ издало приказъ о томъ, что ближайшiе родственники лицъ, находящихся на фронтѣ, освобождаются отъ трудовой повинности. Я спросилъ уполномоченнаго перваго гор. района, какимъ образомъ могло произойти, чтобы этого человѣка мобилизовали.

«Да, помилуй Богъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — гдѣ же у насъ было время въ такой короткiй срокъ заниматься такими дѣлами».

Тогда я заявилъ, что въ качествѣ представителя военной власти, я подъ своей отвѣтственностью объявляю просителя освобожденнымъ. Случайно находившагося тутъ же студента я также, на основанiи существовавшаго декрета отъ народнаго комиссарiата просвѣщенiя, освободилъ. Я велѣлъ обоимъ сѣсть въ автомобиль и хотѣлъ покинуть это мѣсто людского страданiя. Но какъ только другiе увидѣли, что я двоихъ освободилъ, всѣ бросились къ автомобилю и вновь окружили его. Поднялся страшный шумъ, всякiй сталъ просить о своемъ освобожденiи. Одинъ заявлялъ, что онъ совсѣмъ не «буржуй», другой заявлялъ, что онъ боленъ и т. д. Съ простертыми руками, съ умоляющимъ взоромъ стояли эти несчастные вокругъ меня.

Но что жъ я могъ сдѣлать? Вѣдь не могъ же я своей властью освободить всю эту толпу! Я далъ знакъ шофферу, и машина медленно покатилась.

Въ этотъ моментъ на подножку вскочилъ пожилой мужчина и крикнулъ съ раздирающимъ душу голосомъ: «Дорогой товарищъ, помилуйте меня, шестеро дѣтей оставилъ я дома». Не успѣлъ я еще отвѣтить, какъ сопровождавшій меня членъ совѣта ударомъ въ грудь столкнулъ просившаго съ подножки автомобиля. При этомъ онъ громко крикнулъ: «Да, оставите ли вы, наконецъ, насъ въ покоѣ», и прибавилъ затѣмъ крѣпкое русское ругательство. «Шестеро дѣтей», воскликнулъ еще разъ упавшій. Но машина уже быстро покатилась впередъ, и я оставилъ эту шумную несчастную толпу позади себя.

Въ этотъ день я окончательно порвалъ въ душѣ съ большевизмомъ. Для меня стало ясно, что я никогда, ни при какихъ условіяхъ не смогу пріять въ качествѣ догмата то издѣвательство надъ человѣческой личностью, которое вошло въ систему существующей власти . . .

Черезъ нѣсколько недѣль была образована центральная комиссія по трудовой повинности. Въ эту комиссію долженъ былъ войти также и представитель отъ военнаго комиссаріата. Тов. Позернъ спросилъ меня, не соглашусь ли я въ качествѣ таковаго войти въ эту комиссію. Несмотря на то, что я ясно сознавалъ, что должность эта совершенно не соотвѣтствуетъ ни моимъ политическимъ, ни моимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, я все же далъ свое согласіе. Я надѣялся, что, въ качествѣ члена центральной комиссіи по трудовой повинности, мнѣ удастся облегчить положеніе сосланныхъ на сѣверный фронтъ.

Когда я впервые, въ качествѣ оффиціальнаго представителя военнаго комиссаріата, пришелъ въ центральную комиссію, я сразу же могъ убѣдиться въ томъ, какого сорта «соціалисты» проявляютъ тамъ свою власть. Чтобы пройти въ комнату, гдѣ засѣдалъ президіумъ центральной комиссіи, надо было миновать залъ, въ которомъ находилось большое количество людей, въ большинствѣ женщинъ, которые наводили справки объ участи сосланныхъ, или же хотѣли подать соотвѣтствующія прошенія. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ въ залъ, изъ комнаты президіума выскочилъ секретарь комиссіи съ револьверомъ въ рукахъ и грозно крикнулъ: «Уйдете, или нѣтъ?»

Когда онъ меня увидѣлъ (онъ зналъ меня въ лицо по предыдущимъ моимъ посѣщеніямъ), онъ нѣсколько смутился и какъ наказанный школьникъ прошепталъ:

«Простите, товарищъ, я васъ и не замѣтилъ».

«Помилуй Богъ, отвѣтилъ я иронически, — не смущайтесь, продолжайте только вашу работу».

«Да, вѣдь, знаете, товарищъ, совершенно невозможно работать, когда вокругъ стоятъ всѣ эти ревущія женщины. У насъ рѣшено на ихъ прошенія отвѣта не давать. Я ужъ это имъ сотни разъ заявлялъ. А они все стоятъ на своемъ, и не уходятъ; такъ что же мнѣ остается дѣлать. Я рѣшилъ тогда прибѣгнуть къ этой игрушкѣ», сказалъ этотъ «коммунистъ», указывая на свой револьверъ.

Мнѣ удалось съ самаго начала уговорить своихъ товарищей по комиссіи, запретить ту охоту за людьми, которая въ тѣ дни совершалась чуть ли не ежедневно на улицахъ бывшей столицы. Кромѣ того, по моему настоянію, рѣшено было принимать всѣ прошенія, а также устныя жалобы въ центральную комиссію. Затѣмъ я сталъ собирать матеріалъ о тѣхъ, которыхъ

отправили на сѣверный фронтъ. При этомъ я натолкнулся на прямо невѣроятные случаи. Такъ напримѣръ, выяснилось, что всѣхъ тѣхъ, которыхъ поймали на улицѣ, не подвергли медицинскому осмотру. Такимъ образомъ были отправлены на сѣверный фронтъ много больныхъ, которые къ физическимъ работамъ совершенно не были способны. Среди тѣхъ, которыхъ потомъ удалось съ большимъ трудомъ освободить, были многіе, страдавшіе порокомъ сердца, было много чахоточныхъ и другихъ тяжко-больныхъ.

Что это значитъ, если власть находится въ рукахъ грубыхъ и полудикихъ людей, это показываютъ нѣкоторыя «глубоко-продуманныя рѣшенія», которыя постановляли члены совѣта перваго гор. района. Такъ напримѣръ, былъ вытребованъ въ совѣтъ, якобы для регистраціи, владѣлецъ одного ларька. Но онъ въ это время былъ какъ разъ въ деревнѣ. Его братъ, который былъ по профессіи баньщиковъ, пошелъ въ совѣтъ, чтобы тамъ навести справку, по какому поводу вытребовали его брата. Въ совѣтѣ ему заявили: «Ахъ, такъ, твоего брата, значитъ, нѣтъ; ну, что жъ? тогда ты можешь за него поработать». И этотъ ничего не предполагавшій баньщикъ былъ тутъ же схваченъ и отправленъ черезъ нѣсколько дней въ качествѣ «буржуя» на сѣверный фронтъ.

Другой примѣръ: въ совѣтъ пришелъ какой-то крестьянинъ, который хотѣлъ получить разрѣшеніе на выѣздъ изъ Петрограда. Онъ не зналъ, въ какой комнатѣ выдаютъ эти разрѣшенія. Онъ случайно вошелъ въ комнату, въ которой находилась мѣстная комиссія по трудовой повинности. На его вопросъ, гдѣ можно получить разрѣшеніе на выѣздъ, ему сказали, чтобы онъ подождалъ въ сосѣдней комнатѣ. Между тѣмъ, въ этой комнатѣ сидѣли вызванные якобы для регистраціи, которые должны были быть отправлены на сѣверный фронтъ. Черезъ нѣкоторое время пришли нѣсколько красноармейцевъ и отвели всѣхъ находившихся въ этой комнатѣ, а также и того, кто хотѣлъ получить пропускъ для выѣзда, въ Семеновскія казармы. Такимъ образомъ, несчастный, дѣйствительно, совершилъ путешествіе, но только не туда, куда онъ хотѣлъ, а на тяжелыя работы на сѣверный фонтъ.

На случаи такого рода я наталкивался на каждомъ шагу. И что меня больше всего возмутило при собираніи матеріаловъ о посылкѣ мобилизованной буржуазіи на сѣверный фронтъ, это то, что дѣйствительные капиталисты и спекулянты среди сосланныхъ совершенно не были привлечены къ трудовой повинности. Дѣйствительные капиталисты, по всей вѣроятности, во-время откупились.

Когда стало извѣстно среди населенія, что въ центральной комиссіи принимаютъ просителей, ко мнѣ ежедневно стали являться десятки людей съ прошеніями и жалобами. И почти всегда мнѣ приходилось наталкиваться на возмутительные случаи. Такъ я помню, какъ однажды ко мнѣ явилась одна бѣдная прачка, мужъ которой раньше служилъ курьеромъ у Сименса и Гальске и который также, въ качествѣ «буржуя», былъ отправленъ на работу. Въ ея прошеніи, полномъ орѳографическихъ ошибокъ, находились, между прочимъ, слѣдующія фразы: «Какъ раньше, такъ и теперь долженъ страдать простой рабочій. Буржуи же сидятъ у себя дома и спятъ въ теплой постели. Рабочій же долженъ мучиться. Если мой мужъ не вернется, то я съ моими дѣтьми скоро умру съ голоду».

Въ одномъ изъ другихъ прошеній сестра одного ремесленника писала: «Братъ мой однажды вечеромъ сидѣлъ въ трактирѣ. Вдругъ туда вошли

красноармейцы и арестовали всѣхъ, находившихся тамъ; между ними и моего брата. У брата не было какъ разъ соотвѣтствующаго удостовѣренія. Когда я на другой день узнала объ арестѣ моего брата, я пошла въ совѣтъ, чтобы выяснить недоразумѣніе. Но господинъ комиссаръ меня не принялъ, а велѣлъ прогнать вонъ. Черезъ три дня мой братъ, который къ тому же боленъ суставнымъ ревматизмомъ, былъ посланъ на работы въ Архангельскую губернію. Такимъ образомъ, я и мой тяжко-больной отецъ лишились единственнаго кормильца».

Однажды я натолкнулся даже и на такой возмутительный случай: ко мнѣ явилась жена одного безработнаго, бывшаго раньше на Путиловскомъ заводѣ. Она заявила, что она осталась съ четырьмя маленькими дѣтьми и не имѣетъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію. Такъ какъ я, несмотря на соотвѣтствующія удостовѣренія, имѣлъ основаніе не всегда вѣрить всему тому, что мнѣ сообщаютъ просители, то я довольно часто поручалъ мѣстнымъ районнымъ комиссіямъ удостовѣриться въ правильности тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ сообщались. Я поступилъ такимъ же способомъ и въ данномъ случаѣ. Районная комиссія Нарвскаго района, въ которомъ жила эта женщина, выяснила, что вся семья живетъ въ одной комнатѣ, въ сыромъ и полутемномъ подвальномъ помѣщеніи. И единственнаго кормильца этихъ бѣдныхъ людей отправили, въ качествѣ «буржуя», на работы въ Архангельскую губернію!

Когда, наконецъ, съ полной очевидностью выяснилось, что многіе изъ сосланныхъ были отправлены на работу совершенно неправомѣрнымъ способомъ, я сдѣлалъ командующему 6-ой арміи соотвѣтствующее заявленіе. На основаніи этого заявленія командующій арміей согласился немедленно освобождать всякаго, кто по моему мнѣнію былъ неправомѣрнымъ способомъ сосланъ на работы. Такимъ образомъ, мнѣ удалось понемногу вернуть многихъ сосланныхъ. По ихъ словамъ можно было установить приблизительно слѣдующую картину ихъ крестнаго пути:

Вечеромъ дня отправки изъ Петрограда всѣхъ ссылаемыхъ разставили въ ряды на дворѣ Семеновскихъ казармъ. Они были окружены сильнымъ конвоемъ. Передъ тѣмъ какъ двинуться въ путь къ Николаевскому вокзалу, начальникъ конвоя громкимъ голосомъ заявилъ: «Кто посмѣетъ выйти изъ рядовъ, тотъ будетъ немедленно разстрѣлянъ». Когда партія стала выходить изъ воротъ казармъ, на улицѣ уже стояли жены и дѣти ссылаемыхъ. Раздались душу раздирающіе крики. Жены бросились, было, къ своимъ дорогимъ роднымъ, но солдаты ихъ оттолкнули прочь. Одинъ молодой студентъ увидѣлъ среди отправляемыхъ своего старика отца. Со слезами на глазахъ онъ бросился на колѣни передъ начальникомъ отряда и сталъ его просить разрѣшить ему замѣстить отца. Начальникъ, тронутый самопожертвованіемъ юноши, великодушно согласился на эту просьбу. И сынъ отправился на работы вмѣсто своего больного отца. Точно стадо вьючныхъ животныхъ ихъ повели къ Николаевскому вокзалу. Ссылаемые не знали, зачѣмъ и куда ихъ ведутъ. Ибо для того, чтобы кто-нибудь все же не вздумалъ бѣжать, отъ отправляемыхъ скрыли мѣсто ихъ назначенія. Они даже не знали, хотятъ ли ихъ оставить въ Питерѣ или нѣтъ.

При отправкѣ транспорта на вокзалѣ произошла сцена, которая показываетъ, до какой низости можетъ дойти порой человѣкъ. Одинъ изъ отправляемыхъ, большой крѣпкій мужчина, по внѣшнему виду купецъ, попросилъ

начальника конвоя разрѣшить ему проститься со своими близкими, которые ожидали его на другомъ неоцѣпленномъ стражей перронѣ. Но начальникъ конвоя въ просьбѣ отказалъ, ибо боялся, что проситель не вернется. Тогда проситель заявилъ, что въ то время, пока онъ пойдетъ прощаться со своими родными, у поѣзда въ качествѣ заложника останется его 16-лѣтній приказчикъ. Начальникъ конвоя согласился на эту комбинацію. Купецъ, обѣщавъ вернуться черезъ нѣсколько минутъ, покинулъ перронъ. Но прошелъ часъ-другой, а онъ все не возвращался. Мальчикъ сталъ горько плакать, прося начальника конвоя его отпустить. Но начальникъ былъ неумолимъ:

«У меня нѣтъ времени искать теперь твоего хозяина, сказалъ онъ, — теперь ты поѣдешь вмѣсто него съ нами. Я тутъ не причемъ, я долженъ доставить столько людей, сколько у меня находится въ спискахъ».

Поѣздка продолжалась два дня и одну ночь. По прибытіи транспорта въ Вологду между начальникомъ конвоя и мѣстнымъ комендантомъ вокзала произошелъ въ присутствіи сосланныхъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

«Кого же это вы намъ тутъ привели?»

«А это питерскіе буржуи, которые присланы для работъ на фронтѣ».

«Что, буржуевъ, бѣлогвардейцевъ къ намъ привели? Да, что мы тутъ въ Вологдѣ съ ними будемъ дѣлать. Намъ тутъ самимъ ѣсть нечего».

Начальникъ конвоя стыдливо улыбнулся.

«Да, вамъ смѣшно, крикнулъ комендантъ. — а намъ для всей этой сволочи надо найти помѣщенія. Вы бы ужъ лучше ихъ сразу въ Питерѣ прикончили. Насъ только лишней работой заваливаете».

Партію прибывшихъ разставили въ рядъ и повели затѣмъ по улицамъ Вологды. Прохожіе останавливались; одни глядѣли съ злобной насмѣшкой, другіе съ сожалѣніемъ. Уличные мальчишки бѣжали за арестованными и кричали: «Питерскихъ буржуевъ ведутъ. Питерскихъ бѣлогвардейцевъ!»

Вскорѣ партія достигла того мѣста, гдѣ сосланные должны были быть размѣщены. То была знаменитая Вологодская тюрьма. Холодныя и сырыя камеры этой тюрьмы были первымъ пріютомъ этихъ физически и морально разбитыхъ людей.

Съ ними обращались, какъ съ самыми тяжкими преступниками, а по прибытіи въ Вологду бросили въ тюрьму. При этихъ обстоятельствахъ не удивительно, что уже въ первую ночь нѣсколько человѣкъ сошло съ ума, а нѣкоторые покончили съ собой...

Пребываніе въ Вологодской тюрьмѣ продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько дней сосланныхъ распредѣлили по различнымъ линіямъ фронта, гдѣ они подъ огнемъ англичанъ должны были совершать тяжелыя земляныя работы. Ихъ раздѣлили на отдѣльныя партіи по 10 человѣкъ въ каждой. Причемъ была введена круговая порука. Отдѣльные начальники, которые руководили работами, заявили, что если одинъ убѣжитъ, то остальные 9 будутъ разстрѣляны.

Одни должны были рыть траншеи, другіе прокладывать дороги и строить бараки для солдатъ. Работа эта была большей частью сопряжена съ опасностью для жизни. Часто сосланныхъ на работы красноармейцы заставляли выносить подъ огнемъ англичанъ пулеметы, оставленные во время боя. На сосланныхъ смотрѣли, какъ на ополченцевъ. И они должны были до конца похода оставаться въ арміи. Между тѣмъ, руководители 6 арміи

согласно декрета не имѣли права удерживать этихъ людей болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Но развѣ въ періодѣ диктатуры существуетъ право. «Какое намъ дѣло до законовъ, существующихъ въ Петроградѣ. У насъ свои законы! Вся власть на мѣстахъ!»

Работа и сопряженныя съ нею опасности не были главнымъ зломъ сосланныхъ. Они куда больше страдали отъ холода и голода. Въ легкой одеждѣ и въ тонкой обуви приходилось этимъ людямъ работать при страшныхъ морозахъ. Между тѣмъ, они отъ арміи не получали никакой соотвѣтствующей одежды. Ихъ мольбы оставались безъ отвѣта. Близкіе ихъ и родные отправлялись въ Вологду и привозили имъ съ собой необходимую теплую одежду. Но военныя власти отказывали въ дальнѣйшей отправкѣ вещей на линію фронта, подъ предлогомъ, что для буржуазіи фронтовая почта работать не можетъ. Солдатамъ же, находившимся въ Вологдѣ и отправлявшимся на фронтъ, вещи довѣрять также нельзя было. Ибо наши красноармейскіе «коммунисты» понимали коммунизмъ по-своему. «Все твое мое, а все мое только мое». Не даромъ уже тогда стали говорить въ народѣ про коммуну — «Кому „на", а кому нѣтъ».

Отъ голода приходилось сосланнымъ много страдать. Ибо имъ отпускалось весьма малое количество хлѣба, несмотря на то, что они должны были исполнять тяжелую физическую работу. У мѣстныхъ крестьянъ имъ почти ничего не удавалось купить, такъ какъ тѣхъ натравили на несчастныхъ «буржуевъ», которые въ своемъ огромномъ большинствѣ, въ дѣйствительности, таковыми совсѣмъ и не были. Комитеты бѣдноты видно уже и на далекомъ сѣверѣ начали проявлять свою «благотворную» дѣятельность по части натравливанія одного класса населенія на другой.

Изъ какихъ элементовъ, между прочимъ, эти комитеты бѣдноты состояли, видно хотя бы изъ слѣдующаго весьма характернаго факта, свидѣтелемъ котораго я былъ. Какъ извѣстно, въ концѣ 18 года въ Петроградѣ состоялся съѣздъ комбѣдовъ. На съѣздъ собралось болѣе 20 тысячъ человѣкъ. Это громадное количество пришлось распредѣлить по всѣмъ свободнымъ частнымъ и общественнымъ помѣщеніямъ Петрограда. Часть этой бѣдноты была распредѣлена и въ гостинницѣ «Франція», гдѣ я, въ качествѣ служащаго военнаго комиссаріата, имѣлъ комнату. Когда окончился съѣздъ и «бѣднота» разъѣхалась по домамъ, управляющій гостинницы выяснилъ, что делегаты взяли съ собой ножи, вилки, ложки и даже портьеры. На память! Какъ потомъ выяснилось, и въ другихъ гостинницахъ делегаты комбѣдовъ проводили свои коммунистическія идеи тѣмъ же своеобразнымъ способомъ.

Трудовая повинность въ Петроградѣ

Мнѣ пришлось въ центральной комиссіи по трудовой повинности не только заниматься вопросами, связанными съ ссылкою обѣихъ партій «рабочихъ» въ Вологду, но и организаціей трудовой повинности въ самомъ Петроградѣ. Когда была образована центральная комиссія по трудовой повинности, то уже почти во всѣхъ районахъ существовали мѣстныя комиссіи. Комиссіи эти были различнымъ образомъ организованы и каждая по-своему привлекала буржуазію къ трудовой повинности. Чтобы ввести хотя бы нѣкоторый порядокъ въ дѣло привлеченія къ трудовой повинности, необходимо

было выработать единый планъ и единый способъ привлеченія къ работамъ. Работа по организаціи трудовой повинности дала мнѣ возможность лично всмотрѣться въ работу, совершавшуюся районными комиссіями. Удручающее впечатлѣніе производили на меня предсѣдатели районныхъ комиссій. Это были въ большинствѣ грубые, жестокіе и невѣжественные люди, которые не умѣли, какъ слѣдуетъ, хотя бы подписать свое имя и которые, конечно, не имѣли никакого понятія, какъ организовать все дѣло. Въ особенности вспоминается мнѣ личность предсѣдателя Выборгской районной комиссіи, тов. Абрамова. Этотъ тов. Абрамовъ имѣлъ лицо типичнаго алкоголика и преступника. Люди, которымъ я имѣлъ полное основаніе вѣрить, увѣряли меня, что онъ при исполненіи своихъ обязанностей вѣчно въ пьяномъ состояніи. Кстати, этотъ самый Абрамовъ былъ впослѣдствіи, послѣ моего ухода, вмѣсто меня назначенъ предсѣдателемъ центральной комиссіи. Повидимому, и Зиновьевъ былъ того же мнѣнія, какъ и Козловскій, что на такого сорта должности годятся лишь преступники.

Ежедневно являлись къ намъ въ центральную комиссію съ жалобами на неправомѣрныя дѣйствія въ районныхъ комиссіяхъ. Особенно много было жалобъ на то, что районы привлекали къ трудовой повинности лицъ старше 50 лѣтъ. Насколько мѣстныя власти терроризировали населеніе, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Ко мнѣ однажды явился полуслѣпой и полуглухой старичокъ. Онъ былъ настолько слабъ, что его должна была провожать его внучка. Каково было мое удивленіе, когда я отъ него узналъ, что его привлекаютъ къ трудовой повинности. Онъ просилъ меня дать ему удостовѣреніе, по которому онъ не долженъ быть привлеченъ къ трудовой повинности. Въ этой просьбѣ я ему отказалъ, ибо считалъ выдачу такого удостовѣренія совершенно излишней. Но черезъ день онъ вновь явился и предъявилъ мнѣ бумагу, на основаніи которой онъ долженъ былъ явиться на работы. Послѣ этого я ему, конечно, выдалъ надлежащее удостовѣреніе.

Однажды Василеостровская районная комиссія послала на работы по выгрузкѣ дровъ партію въ 25 человѣкъ. Изъ нихъ 12 было старше 50, а 8 старше 55 лѣтъ. Я былъ возмущенъ, что Василеостровская комиссія привлекаетъ на работы только стариковъ. Я ихъ немедленно силою своей власти отъ работъ освободилъ, несмотря на то, что это вызвало нареканіе со стороны другихъ членовъ центральной комиссіи.

Однажды къ намъ въ комиссію была доставлена партія въ 35 человѣкъ, которую мы должны были распредѣлить по районамъ. Среди этой партіи находился одинъ старый татаринъ, который предъявилъ удостовѣреніе, изъ котораго было видно, что онъ уже отбылъ трудовую повинность въ Спасскомъ районѣ. Комиссія Спасскаго района отпустила его на нѣсколько дней для отдыха. Несмотря на это удостовѣреніе, его вмѣстѣ съ остальными схватили на улицѣ и продержали ночь въ тюрьмѣ. На его протесты членъ Петроградской районной комиссіи, въ предѣлахъ района котораго онъ былъ пойманъ, заявилъ ему: «Какое намъ дѣло до Спасскаго района. Ты пойманъ въ нашемъ районѣ и здѣсь твое удостовѣреніе недѣйствительно».

Татаринъ былъ крайне удивленъ, когда я ему по выясненію этого дѣла заявилъ, что онъ можетъ идти домой. Отъ радости онъ заплакалъ.

«Судъ надъ буржуями»

Однажды вечеромъ къ намъ въ комиссію были приведены десять человѣкъ изъ Вологды. Они были обвинены въ томъ, что они хотѣли подкупить начальника конвоя, отправлявшаго первую партію на сѣверный фронтъ. Послѣ того, какъ они въ Вологдѣ сидѣли цѣлый мѣсяцъ въ предварительномъ заключеніи, вологодскія власти рѣшили ихъ отправить въ распоряженіе нашей комиссіи. Мои товарищи по комиссіи рѣшили въ свою очередь отправить эти 10 человѣкъ въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ возражать противъ этого рѣшенія, ибо я хорошо зналъ, что въ чрезвычайной комиссіи ихъ ждетъ либо разстрѣлъ, либо, въ лучшемъ случаѣ, долгосрочное тюремное заключеніе. Я потребовалъ, чтобы предварительно мы выслушали этихъ 10 человѣкъ, а затѣмъ бы рѣшили, что съ ними сдѣлать. Мои товарищи вначалѣ не соглашались съ моимъ мнѣніемъ. Они ко мнѣ стали уже тогда относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, ибо я былъ для нихъ всегда слишкомъ мягокъ. Благодаря происходившимъ часто пререканіямъ, мои отношенія къ остальнымъ членамъ комиссіи становились все болѣе натянутыми. Но все же мнѣ удалось ихъ убѣдить произвести намъ самимъ допросъ присланныхъ въ наше распоряженіе. Допросъ выяснилъ слѣдующія обстоятельства:

Эти 10 человѣкъ, какъ и многіе другіе, были въ свое время вызваны въ комиссію по трудовой повинности І-го гор. района якобы для регистраціи. Но ихъ, конечно, и не думали регистрировать, а тутъ же, несмотря на протесты, арестовали и отправили въ Семеновскія казармы. Ихъ близкіе узнали объ ихъ печальной участи лишь тогда, когда они уже находились въ Вологодской тюрьмѣ. Такъ какъ обвиняемые по дорогѣ получали весьма мало продовольствія, а съ собой они ничего взять не успѣли, то они собрали между собой деньги, чтобы, какъ они заявили, по прибытіи въ Вологду имѣть возможность, какъ слѣдуетъ, поѣсть. Деньги эти они отдали начальнику конвоя съ просьбой позаботиться объ ихъ пропитаніи. Когда транспортъ прибылъ въ Вологду, всѣ 10 человѣкъ пошли въ сопровожденіи начальника конвоя на вокзалъ, гдѣ былъ заказанъ ими обѣдъ. Во время ѣды начальника конвоя вызвали къ поѣзду, гдѣ конвойные бросили ему обвиненіе, что онъ подкупленъ этими 10 лицами. Начальникъ конвоя понялъ, что дѣло принимаетъ для него непріятный оборотъ. Онъ заявилъ, что «буржуи» дѣйствительно его хотѣли подкупить, но онъ на это не согласился. А для того, чтобы конвойныхъ успокоить, онъ велѣлъ немедленно арестовать этихъ 10 человѣкъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ онъ пошелъ въ залъ вокзала, гдѣ обѣдали обвиняемые, и арестовалъ ихъ. По дорогѣ въ тюрьму одинъ изъ солдатъ заявилъ обвиняемымъ, что ихъ ведутъ на разстрѣлъ, ибо они пытались подкупить начальника конвоя. Но все же ихъ повели не на разстрѣлъ, а заперли въ тюрьму. На слѣдующій день въ тюрьмѣ ихъ посѣтилъ начальникъ конвоя и заявилъ, что онъ ходатайствовалъ за нихъ и что они будутъ въ скоромъ времени освобождены. Одинъ изъ несчастныхъ заключенныхъ изъ благодарности даже поцѣловалъ у начальника конвоя руку. Но несмотря на обѣщаніе имъ пришлось цѣлый мѣсяцъ пробыть въ Вологодской тюрьмѣ.

Въ объяснительной запискѣ къ этому дѣлу начальникъ конвоя заявлялъ, что эти 10 буржуевъ, дѣйствительно, хотѣли его подкупить, и что онъ

отъ нихъ деньги принялъ, но сдѣлалъ это только для того, чтобы имѣть доказательство противъ обвиняемыхъ. Меня крайне удивило то обстоятельство, что начальникъ конвоя лишь тогда рѣшилъ вернуть деньги, когда его товарищи по конвою стали обвинять его во взяточничествѣ. Кромѣ того, ясно было, что если бы у него совѣсть была чиста, онъ бы не посѣтилъ обвиняемыхъ въ тюрьмѣ и не ходатайствовалъ бы за нихъ. Также было ясно для меня и то, что обвиняемые, дѣйствительно, хотѣли подкупить начальника конвоя, ибо сумма въ 2 тысячи рублей, переданная ими начальнику конвоя, казалась мнѣ слишкомъ большой для одного обѣда, даже для 10 человѣкъ. Но съ другой стороны мнѣ казалось, что нельзя разсматривать, какъ преступленіе, попытку этихъ людей вернуться въ Петроградъ, принимая во вниманіе тѣ обстоятельства, при которыхъ они были взяты на работы. Я рѣшилъ поэтому, во что бы то ни стало, добиться освобожденія этихъ людей, тѣмъ болѣе, что мѣсяцъ пребыванія въ Вологодской тюрьмѣ можно было считать достаточнымъ наказаніемъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось убѣдить своихъ товарищей по комиссіи въ правотѣ моихъ доводовъ, и мнѣ не удалось добиться немедленнаго освобожденія этихъ людей, изъ которыхъ никто въ дѣйствительности къ буржуазному классу не принадлежалъ. Одинъ изъ нихъ къ тому же былъ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, другой чахоточнымъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, мы постановили слѣдующее: Передать ихъ дѣло не въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи, а въ районный судъ. При этомъ мы съ обвиняемыхъ взяли расписку, что они каждые три дня до разбора ихъ дѣла въ судѣ будутъ являться для регистраціи въ комиссію. Одновременно мы имъ заявили, что, если кто либо изъ нихъ сбѣжитъ, то всѣ остальные несутъ отвѣтственность по законамъ военнаго времени. Какъ ни суровъ былъ этотъ «приговоръ», я все же далъ подъ него свою подпись, ибо это была единственная возможность облегчить несчастнымъ ихъ страданія.

Но для того, чтобы дѣло этихъ десяти приняло на судѣ по возможности благопріятный для нихъ оборотъ, я лично зашелъ къ предсѣдателю суда, передалъ ему акты по этому дѣлу и соотвѣтственно его обработалъ. При прощаніи онъ мнѣ обѣщалъ дѣло этихъ десяти прекратить.

Въ одно воскресенье на Марсовомъ Полѣ состоялся парадъ. Въ этотъ день состоялся 1-ый выпускъ пролетарскихъ офицеровъ. Погода была мрачной. Шелъ дождь, но парадъ все же удался. Какъ въ старые времена, колонны прошли церемоніальнымъ маршемъ. По окончаніи парада Позернъ обратился съ рѣчью къ пролетарскимъ офицерамъ. Въ ней онъ, между прочимъ, указалъ, что основная задача этихъ новыхъ офицеровъ, вышедшихъ изъ рядовъ пролетаріата, это держать высоко знамя соціализма. Имъ суждено будетъ красное знамя революціи водрузить и въ другихъ странахъ.

Я стоялъ рядомъ съ Позерномъ и могъ хорошо поэтому слышать всю его рѣчь. «О какомъ это соціализмѣ говоритъ Позернъ, думалъ я, — о томъ соціализмѣ, за который боролись тысячи лучшихъ людей? Или, можетъ, онъ думаетъ, что эти офицеры должны съ помощью своихъ штыковъ насадить тотъ «соціализмъ», который царитъ у насъ въ центральной комиссіи по трудовой повинности?»

Вечеромъ въ честь красныхъ офицеровъ былъ данъ спектакль въ Маріинскомъ театрѣ. Долженъ былъ быть представленъ «Борисъ Годуновъ»

съ Шаляпинымъ въ главной роли. Такъ какъ мнѣ нужно было оставаться въ военномъ комиссаріатѣ, то я оттуда вмѣстѣ съ Позерномъ прямо поѣхалъ въ театръ. По дорогѣ мы разговорились о нашихъ служащихъ. Мы оба согласились на томъ, что у насъ въ комиссаріатѣ, какъ и всюду въ Россіи, плохо работаютъ, и что понемногу начинаетъ развиваться страшнѣйшій бюрократизмъ.

«Въ этомъ бюрократизмѣ, по-моему, главнымъ образомъ виновата сложная и плохо организованная система нынѣшняго государственнаго управленія», сказалъ я.

«Нѣтъ, не система виновата, возразилъ Позернъ, а главнымъ образомъ саботажъ интеллигенціи. Кромѣ того, все же нельзя забыть, что народъ еще не привыкъ къ самостоятельной дѣятельности».

«Да, товарищъ, отвѣтилъ я, горько улыбнувшись, — въ томъ-то и дѣло, что народъ нашъ еще не столько развитъ, чтобы взять всецѣло бразды правленія въ свои собственныя руки».

«Противъ этого можно еще спорить, но, конечно, многое могло бы быть у насъ лучше. Въ государственномъ механизмѣ многаго не хватаетъ».

«Мнѣ кажется, что нельзя съ такою рѣзкостью проводить свои идеи. Мы этой рѣзкостью пріобрѣтаемъ лишь излишнихъ враговъ. Многое, что сейчасъ совершается, можетъ быть дѣлаемо въ болѣе мягкихъ и менѣе грубыхъ формахъ».

«Ну, конечно, сказалъ Позернъ, иронически улыбаясь, — въ болѣе мягкихъ формахъ. Сразу же видно, что вы принадлежите къ соглашателямъ».

Въ этотъ моментъ машина подъѣхала къ театру и мы должны были оборвать нашъ разговоръ.

Въ залѣ Маріинскаго театра, гдѣ въ прежнія времена можно было встрѣтить лишь гвардейскихъ офицеровъ, представителей дворянства, дѣятелей финансоваго міра, надушенныхъ, элегантныхъ дамъ, сидѣли теперь солдаты, рабочіе и совѣтскіе служащіе въ ихъ простыхъ одеждахъ.

Передъ представленіемъ, къ присутствующимъ обратился съ рѣчью народный комиссаръ просвѣщенія, тов. Луначарскій. Онъ напоминалъ о тѣхъ тяжелыхъ временахъ, которыя нѣкогда переживала Россія въ царствованіе Бориса Годунова. Тогда было время, когда русскій народъ боролся за свою національную свободу. Теперь же онъ борется за свое соціальное освобожденіе. И какъ тогда, такъ и теперь народъ достигнетъ своего и на развалинахъ стараго капиталистическаго міра, полнаго соціальныхъ несправедливостей, онъ построитъ новый міръ, въ соотвѣтствіи съ идеалами соціализма. Онъ указалъ затѣмъ на то, какъ много уже сдѣлано для соціальнаго блага народа и что уже достигнуто съ октябрьской революціи во внѣшней и внутренней жизни Россіи. Необходимо еще многое совершить, для того чтобы укрѣпить завоеванія нашей соціальной революціи. Но съ другой стороны, можно уже и теперь съ увѣренностью сказать, что революція у насъ въ Россіи побѣдила.

«А вы, красные офицеры, — окончилъ свою рѣчь Луначарскій, — вы покажите врагамъ совѣтской республики, что русскій народъ сумѣетъ защищать свою революцію и свою независимость».

Послѣ рѣчи Луначарскаго начался спектакль. Какъ и всегда, «Борисъ Годуновъ» произвелъ на меня и въ этотъ разъ глубокое впечатлѣніе. Я уже

раньше слышалъ эту оперу, но никогда содержаніе ея меня такъ не затрагивало, какъ въ тотъ вечеръ.

И мнѣ вдругъ пришла мысль, что и я виновенъ въ одномъ большомъ преступленіи. Развѣ это не я, на основаніи приказа военнаго комиссаріата, поручилъ совѣту 1-го гор. района доставить на сѣверный фронтъ необходимое количество человѣческаго матеріала? И въ то время, какъ тамъ на сценѣ передъ глазами царя проходила картина его преступленія, я увидѣлъ предъ собою другую картину: Суровный холодный сѣверъ... Въ траншеяхъ стояли по колѣно въ водѣ, въ разорванныхъ одеждахъ, съ измученными лицами сотни несчастныхъ и совершали свою тяжелую работу. Вдали отъ своихъ близкихъ и друзей погибали тамъ эти мученики и жертвы человѣческаго озвѣренія... Я содрогнулся при этихъ мысляхъ.

Однажды вечеромъ ко мнѣ на квартиру явилась одна знакомая дама и разсказала слѣдующее:

«Четыре мѣсяца тому назадъ мой шуринъ, который служилъ въ Красномъ Крестѣ, былъ арестованъ якобы за спекуляцію. Теперь уже онъ 4 мѣсяца сидитъ въ Кронштадтской тюрьмѣ. Его до сихъ поръ ни разу не допросили. Нѣсколько дней тому назадъ его жена получила отъ него письмо. Въ немъ онъ пишетъ, что тѣло у него покрылось язвами, полученными имъ во время пребыванія въ тюрьмѣ. Изъ письма видно, что онъ въ отчаяніи. Если онъ еще пробудетъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, то я увѣрена, что онъ не выдержитъ, ибо у него къ тому же тяжелый порокъ сердца. Прошу васъ, помогите мнѣ. Можетъ, вы могли бы переговорить, съ кѣмъ нужно, объ этомъ дѣлѣ на Гороховой».

Я ей обѣщалъ сдѣлать все отъ меня зависящее.

На слѣдующій день я пошелъ въ чрезвычайную комиссію и велѣлъ о себѣ доложить члену президіума, тов. Чурину, у котораго находилось дѣло, о которомъ я хотѣлъ хлопотать. Онъ меня принялъ крайне любезно и затребовалъ немедленно акты по этому дѣлу. Но прошло не менѣе часа, пока, наконецъ, акты были найдены.

Когда тов. Чуринъ прочелъ документы, онъ заявилъ: «Да, послушайте, вѣдь этотъ же господинъ бывшій офицеръ».

«Да, во время войны онъ былъ офицеромъ», — отвѣтилъ я.

«Такъ что жъ вы хотите? Этимъ все сказано».

«Но, помилуйте, товарищъ, — возразилъ я, — я думаю, что принадлежность къ офицерскому сословію не является еще достаточной причиной, чтобы держать человѣка четыре мѣсяца безъ допроса».

«Я не понимаю, что вы отъ меня хотите? Вы же слышали, что этотъ человѣкъ бывшій офицеръ».

«По моему, это еще не есть преступленіе».

«Какъ вы можете мнѣ говорить такія вещи?» — сказалъ онъ, возвысивъ голосъ. «Если вы революціонеръ, то вы не должны такъ говорить».

Потомъ вдругъ неожиданно онъ спросилъ меня:

«Скажите, товарищъ, а вы коммунистъ?»

Разговоръ, повидимому, сталъ принимать для меня непріятный оборотъ. Послѣ нѣкотораго раздумья я спокойно отвѣтилъ:

«Нѣтъ, я не членъ коммунистической партіи».

«Вы не коммунистъ», — произнесъ Чуринъ, и онъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами. «Такъ какимъ образомъ, скажите мнѣ, пожалуйста, вы являетесь предсѣдателемъ центральной комиссіи по трудовой повинности?»

При этомъ вопросѣ я, откровенно говоря, почувствовалъ себя довольно неважно. Въ холодномъ тонѣ я отвѣтилъ:

«По всей вѣроятности, имѣлись основанія, почему меня районныя комиссіи избрали предсѣдателемъ. Но я вижу, что намъ съ вами больше не о чемъ говорить. До свиданія».

И съ этими словами я покинулъ чрезвычайку.

Я пошелъ пѣшкомъ домой. Мнѣ захотѣлось вдругъ курить, но папиросъ у меня не было. По карточкамъ уже цѣлый мѣсяцъ ни одной штуки нельзя было получить. На Невскомъ я замѣтилъ на различныхъ углахъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей, продававшихъ по безбожнымъ цѣнамъ хлѣбъ, шоколадъ, сахаръ, папиросы и тому подобныя вещи. Я подошелъ къ одной пожилой женщинѣ, которая продавала папиросы и спросилъ ее, сколько онѣ стоятъ.

«За деньги я не продаю», получилъ я въ отвѣтъ. «Я мѣняю папиросы лишь на хлѣбъ».

Я содрогнулся отъ этого отвѣта. Вотъ до чего дошла наша хлѣбородная Россія!

На углу Литейнаго и Невскаго продавцовъ было такъ много, что они образовали цѣлую толпу. Такъ какъ я никогда не имѣлъ возможности внимательно всмотрѣться въ уличную жизнь Петрограда, то я рѣшилъ использовать свободное время, которое я случайно тогда имѣлъ, и немножко потолкаться среди этой разношерстной толпы.

«Не хотите ли шоколаду, молодой человѣкъ», — спросила меня хорошо одѣтая дѣвушка.

Одновременно ко мнѣ подбѣжало еще нѣсколько человѣкъ и предложили мнѣ какую-то, съ позволенія сказать, дрянь. Въ толпѣ я замѣтилъ двухъ юныхъ гимназистовъ, въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ. Они громко предлагали прохожимъ свой товаръ — горячіе пирожки. Въ этотъ моментъ подошли къ мальчуганамъ нѣсколько кокотокъ; одна изъ нихъ спросила: «Сколько же стоитъ пирогъ?» «Пять рублей штука», заявилъ одинъ изъ гимназистовъ.

«Ишь ты, маленькій спекулянтъ, какую цѣну загнулъ. Можетъ быть, ты дешевле продашь», сказала она сладкимъ голосомъ и нѣжно прижалась къ мальчику. Въ этотъ моментъ проходило какъ разъ трое матросовъ.

«Ишь ты, какія хорошенькія дѣвочки», — крикнулъ одинъ изъ нихъ, а затѣмъ, подмигивая глазомъ, онъ сказалъ: «Пойдемте-ка съ нами, нечего вамъ тутъ безъ дѣла шататься». Кокотки немедленно оставили гимназистовъ вмѣстѣ съ ихъ пирожками и ушли съ матросами.

«Да, конечно», крикнулъ одинъ изъ мальчугановъ вдогонку уходившимъ кокоткамъ. «Какъ только увидите вашихъ кавалеровъ, такъ вы ужъ готовы все забыть», и при этомъ онъ выругался крѣпкимъ русскимъ словомъ.

Эта сценка лучше всякихъ словъ показывала, что заботы большевиковъ о подростающемъ поколѣніи, благодаря общему тяжелому положенію, въ которомъ находилась страна, фактически сводится къ нулю.

Вначалѣ октября 18-го года матушка и братъ мой покинули Петроградъ. Матушка моя уѣхала въ Германію къ своимъ родственникамъ, а братъ мой рѣшилъ переѣхать въ Вильну. Тамъ можно было еще кое-какъ прокормиться, ибо въ Петроградѣ становилось невозможнымъ жить съ женой и ребенкомъ. Когда я встрѣчалъ своего маленькаго племянника, то сердце мое всегда надрывалось отъ боли. Мальчикъ былъ блѣденъ и худъ. Несмотря на свои пять лѣтъ, голодъ заставлялъ его вдумываться въ то, что происходило. «Знаешь что, дядя, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — теперь нужно меньше ѣсть, ибо у насъ въ странѣ голодъ». Но не только голодъ заставилъ моего брата покинуть Петроградъ. Онъ былъ членомъ центральнаго комитета Плехановской группы «Единства» и, въ качествѣ такового, ему вновь могъ грозить арестъ. И такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ видовъ на будущее въ Питерѣ не было, то ему ничего другого не оставалось, какъ покинуть родной городъ. Вообще, къ этому времени началось повальное бѣгство изъ Питера. Кто только могъ, покидалъ голодную столицу. Изъ круга моихъ знакомыхъ и близкихъ я почти остался одинъ въ Петроградѣ. Улицы опустѣли. Бывшаго міровоrо города нельзя было узнать . . .

Вечеромъ 10 ноября пришли первыя извѣстія о германской революціи. Вечеромъ того же дня я долженъ былъ переговорить по одному дѣлу съ начальникомъ политическаго управленія военнаго комиссаріата Ильинымъ-Женевскимъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ къ Ильину, его тамъ еще не было. Я рѣшилъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ одинъ изъ служащихъ комиссаріата и спросилъ начальника Политическаго Управленія. Секретарь сказалъ, что онъ сейчасъ придетъ, но если проситель желаетъ, то онъ можетъ обратиться и ко мнѣ. Тогда служащій подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня, не могу ли я ему помочь въ томъ горѣ, которое его постигло. На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Изъ-за событій послѣдняго времени жена его лишилась разсудка. Ея помѣшательство произошло на религіозной почвѣ. Вначалѣ онъ помѣстилъ ее въ одной лечебницѣ для умалишенныхъ. Но въ виду того, что условія пребыванія въ больницѣ были ужасно тяжелыми, то онъ рѣшилъ взять ее обратно къ себѣ домой. Такъ какъ дома призоръ за ней былъ довольно слабый, то ей удалось однажды бѣжать изъ дому. Какъ потомъ оказалось, она сѣла въ поѣздъ по направленію въ Новгородъ. Въ Новгородѣ на вокзалѣ она была арестована агентами Новгородской чрезвычайки. При допросѣ она, какъ потомъ было занесено въ протоколъ, заявила, что она ниспослана Богомъ на землю проповѣдывать слово Божіе, для того, чтобы люди вновь стали думать о спасеніи души своей и ходить въ церковь. Вмѣсто того, чтобы на основаніи этого несвязнаго бреда передать ее на излеченіе въ лечебницу для умалишенныхъ, члены Новгородской чрезвычайной комиссіи не сочли даже нужнымъ подвергнуть ее медицинскому осмотру, а прибѣгли къ болѣе радикальному средству. Они постановили несчастную разстрѣлять.

«Я прошу васъ, закончилъ нашъ служащій свой печальный разсказъ, — помогите мнѣ, чтобы мнѣ выдали тѣло жены и чтобы я могъ ее похоронить. Вотъ это все, о чемъ я прошу».

Послѣ того, какъ онъ мнѣ предъявилъ соотвѣтствующіе документы, по которымъ я могъ провѣрить правдивость его разсказа, я обѣщалъ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ начальникомъ политическаго отдѣла.

Мнѣ вспомнился при этомъ другой случай, гдѣ также виновные не понесли должнаго наказанія. Нѣсколько дней до того, въ кабинетъ того же начальника управленія взволнованно вбѣжалъ одинъ изъ комиссаровъ Военнаго Контроля. На мой вопросъ о причинѣ его волненія, онъ мнѣ отвѣтилъ:

«Чортъ знаетъ, что такое! произошла довольно непріятная исторія. Представьте себѣ, изъ Пскова мнѣ переслали бумаги по дѣлу одного бѣлогвардейскаго шпіона на мое окончательное разсмотрѣніе. Я дѣло внимательно прочелъ и написалъ резолюцію: разстрѣлять. И вотъ теперь получаю изъ Пскова сообщеніе, что псковской отдѣлъ по недоразумѣнію разстрѣлялъ другого. На мой вопросъ, будутъ ли тѣ, которые виновны въ этомъ «недоразумѣніи», привлечены къ отвѣтственности, комиссаръ мнѣ сказалъ: «Гдѣ же тамъ ихъ привлекать къ отвѣтственности. Вѣдь не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ ежедневно мѣнять нашихъ уполномоченныхъ и служащихъ».

Взяточничество въ 1-омъ гор. районѣ

Для меня было, съ самаго начала моего пребыванія въ центральной комиссіи по трудовой повинности, ясно, что большое количество членовъ районной комиссіи, а также служащіе обогащаются, пользуясь существующимъ произволомъ. Я про себя рѣшилъ, что если я кого-либо изъ служащихъ поймаю съ поличнымъ, то я его немедленно передамъ въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи.

Центральная комиссія по трудовой повинности и комиссія 1-го гор. района находились въ одномъ и томъ же зданіи. Благодаря этому я имѣлъ возможность болѣе близко познакомиться съ работами комиссіи даннаго района. Я уже съ нѣкотораго времени сталъ обращать вниманіе на дѣйствія бывшаго секретаря центральной комиссіи Вомпаса, который сталъ членомъ районной комиссіи. Это былъ тотъ самый «герой», который съ револьверомъ въ рукахъ разгонялъ плачущихъ женщинъ. Хотя Исполкомъ мѣстнаго совдепа представилъ мнѣ его въ качествѣ убѣжденнаго коммуниста, я все же особеннаго довѣрія къ этому «коммунисту» не имѣлъ.

Среди многочисленныхъ просителей, пришедшихъ ко мнѣ съ просьбой объ освобожденіи ихъ близкихъ, сосланныхъ на работу въ Вологду, была и одна женщина, которая мнѣ предъявила медицинское свидѣтельство о болѣзни ея мужа. По этому свидѣтельству мужъ ея якобы страдалъ какой-то весьма тяжкой болѣзнью ногъ и поэтому, якобы, не былъ способенъ къ какой бы то ни было физической работѣ. Я прошеніе и свидѣтельство этой женщины переслалъ Вологодскимъ властямъ и попросилъ ихъ подвергнуть сосланнаго медицинскому осмотру, и въ случаѣ если окажется, что онъ, дѣйствительно, боленъ той болѣзнью, о которой говорилось въ прошеніи, немедленно его освободить. Для ускоренія его возможнаго освобожденія, я сообщилъ сущность дѣла по телеграфу.

Объ этомъ дѣлѣ я уже почти забылъ, какъ вдругъ я о немъ вспомнилъ изъ-за вмѣшательства Вомпаса.

Послѣдній черезъ нѣкоторое время явился ко мнѣ и сказалъ:

«Будьте добры, товарищъ, освободите тутъ одного сосланнаго, который недавно прибылъ сюда изъ Вологды. Его, видите ли, послали въ Питеръ закупить папиросы. Теперь же выяснилось, что человѣкъ этотъ боленъ, и вотъ онъ стремится использовать временное пребываніе въ Петроградѣ, чтобы его окончательно освободили отъ трудовой повинности. Когда онъ ко мнѣ пришелъ и разсказалъ въ чемъ дѣло, то я сказалъ ему, что онъ можетъ, пока что, оставаться въ Питерѣ. Вы товарищъ, надѣюсь, противъ этого ничего имѣть не будете. Мнѣ ужъ больно жалко его стало. Я думаю, что вы тоже рѣшите его освободить».

Я былъ крайне удивленъ, что какъ разъ Вомпасъ явился ко мнѣ просить за одного изъ сосланныхъ. Если бы кто-нибудь изъ другихъ товарищей обратился бы ко мнѣ съ такой просьбой, то у меня, навѣрное, не появилось задней мысли. Но чтобы человѣкъ, котораго я зналъ, какъ очень грубаго и жестокаго субъекта, явился бы ко мнѣ и сталъ просить за другого, это казалось мнѣ явленіемъ болѣе чѣмъ страннымъ. И я рѣшилъ, что тутъ что-то не въ порядкѣ. Я отвѣтилъ ему поэтому:

«Сосланный будетъ только въ томъ случаѣ освобожденъ, если совѣтскій врачъ удостовѣритъ его неспособность къ труду».

Когда я затѣмъ спросилъ Вомпаса о фамиліи того, о которомъ онъ такъ нѣжно заботился, то оказалось, что это тотъ самый, объ условномъ освобожденіи котораго я телеграфировалъ въ Вологду. Черезъ два дня, во время пріемныхъ часовъ, Вомпасъ меня вновь посѣтилъ, на этотъ разъ со своимъ протеже.

«Это и есть тотъ человѣкъ, сказалъ Вомпасъ, — о которомъ я уже говорилъ вамъ, товарищъ. Онъ боленъ, а потому его нельзя отправить обратно въ Вологду».

Я попросилъ тогда предъявить свидѣтельство совѣтскаго врача, но проситель предъявилъ мнѣ свидѣтельство, написанное частнымъ врачемъ.

«Къ чему вы предъявляете мнѣ эту бумагу, сказалъ я ему, — вѣдь вы очень хорошо знаете, что свидѣтельства частныхъ врачей недѣйствительны. Будьте поэтому любезны немедленно отправиться къ нашему врачу. Пусть онъ васъ подвергнетъ осмотру и напишетъ соотвѣтствующее свидѣтельство, а это свидѣтельство я пока-что оставлю у себя».

«А вамъ къ чему это свидѣтельство?» — спросилъ меня взволнованнымъ голосомъ Вомпасъ.

«На то у меня имѣются свои соображенія», отвѣтилъ я холодно.

«Вамъ не къ чему этотъ документъ, отдайте мнѣ его обратно», закричалъ Вомпасъ.

И съ этими словами онъ хотѣлъ вырвать изъ рукъ моихъ врачебное свидѣтельство просителя.

«Пожалуйста, не забывайтесь, документъ останется у меня».

Я поднялся со своего мѣста и далъ обоимъ понять, что разговоръ оконченъ.

Послѣ того, какъ Вомпасъ съ просителемъ ушли, я немедленно записалъ фамилію «больного» и рѣшилъ арестовать его, въ случаѣ если въ теченіе ближайшихъ трехъ дней онъ не явится ко мнѣ со свидѣтельствомъ совѣтскаго врача. Нервное и неожиданно человѣколюбивое поведеніе Вомпаса заставляли меня заключить, что онъ подкупленъ. Прошли три дня, проситель не приходилъ. Вомпасъ по всей вѣроятности ему посовѣтовалъ, не

являться больше въ комиссію. Онъ, повидимому, надѣялся на то, что я, будучи страшно обремененъ работой, по просту забуду это дѣло. Съ другой же стороны, достаточно было, чтобы Вомпасъ выдалъ просителю соотвѣтствующій документъ, и тотъ не могъ быть больше привлеченъ въ Петроградѣ къ трудовой повинности. Но я дѣла не забылъ. На четвертый день я отдалъ приказъ объ арестѣ уклонявшагося отъ трудовой повинности. Арестъ былъ произведенъ въ тотъ же день и уклонявшійся былъ въ сопровожденіи 2-хъ красноармейцевъ препровожденъ къ намъ въ комиссію. Арестованный былъ въ крайне угнетенномъ состояніи.

«Мнѣ извѣстно, — заявилъ я ему, — что вы, чтобы избѣжать трудовой повинности, подкупили одного изъ служащихъ районной комиссіи. Я вамъ совѣтую немедленно сказать мнѣ всю правду. Это въ вашемъ же интересѣ».

Но онъ категорически отрицалъ предъявленное ему обвиненіе.

«У меня здѣсь нѣтъ времени съ вами долго разговаривать, заявилъ я ему въ суровомъ тонѣ. Если вы мнѣ немедленно не скажете всю правду, то я велю васъ сегодня еще отправить въ Вологду».

«Помилуйте, господинъ комиссаръ, да какъ же вы можете меня, больного человѣка, послать вновь на работы. Вѣдь я же не могу работать. Ужъ тогда вы меня лучше прямо разстрѣлять велите».

«Я вамъ еще разъ заявляю: вы мнѣ должны разсказать всѣ обстоятельства подкупа. Если вы мнѣ не разскажете правды, то вы будете сосланы. Если же вы мнѣ скажете правду, то я вамъ здѣсь, въ присутствіи своего секретаря, даю обѣщаніе, что я васъ возьму подъ свое покровительство. Для меня важно искоренить взяточничество въ нашей комиссіи».

Послѣ нѣкотораго упорства арестованный мнѣ разсказалъ слѣдующее:

Когда онъ прибылъ въ Питеръ съ цѣлью закупить для нуждъ красной арміи папиросы, онъ рѣшилъ сдѣлать все отъ себя зависящее, чтобы остаться здѣсь. Такъ какъ несмотря на его болѣзнь, его уже разъ сослали на работы, то онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что освободиться отъ трудовой повинности закономѣрнымъ способомъ онъ не можетъ. Онъ поэтому сталъ узнавать, кто въ совѣтѣ беретъ взятку. Ему указали на нѣкого Таммера, работавшаго въ транспортномъ отдѣлѣ 1-го гор. района. Онъ пошелъ къ этому Таммеру и спросилъ его, нельзя-ли какимъ-либо способомъ освободиться отъ трудовой повинности. Таммеръ отвѣтилъ ему, что это возможно, но что это будетъ стоить двѣ тысячи рублей. На это предложеніе арестованный немедленно согласился. На слѣдующій вечеръ онъ явился вмѣстѣ съ Таммеромъ къ Вомпасу. Таммеръ повелъ разговоръ съ Вомпасомъ на эстонскомъ языкѣ, такъ что арестованный не могъ понять его содержанія. Послѣ этого разговора Таммеръ увѣрилъ арестованнаго въ томъ, что Вомпасъ обѣщалъ ему провести это дѣло. На слѣдующій день Таммеръ ему сказалъ, чтобы онъ принесъ медицинское свидѣтельство. Съ этимъ свидѣтельствомъ Вомпасъ явился съ нимъ ко мнѣ въ комиссію, гдѣ и произошла описанная выше сцена. Но такъ какъ попытка Вомпаса не удалась, то всѣ трое рѣшили въ этотъ вечеръ встрѣтиться въ кафе. Вомпасъ и Таммеръ обѣщали арестованному, что все, что въ дальнѣйшемъ нужно, они сдѣлаютъ сами безъ него и что ему не нужно будетъ приходить больше въ совѣтъ. Затѣмъ они ему дали удостовѣреніе, въ которомъ было сказано, что районная комиссія освобождаетъ его отъ трудовой повинности. Послѣ этотъ освобожденный передалъ Таммеру условленный «гонораръ».

Показанія арестованнаго были письменно изложены и имъ подписаны. Затѣмъ я ему заявилъ: «Теперь вы можете идти домой, вы свободны. Послѣ всѣхъ тѣхъ несправедливостей, которыя вамъ пришлось пережить за послѣднее время, вамъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ освободиться съ помощью взятки. Но что нашлись люди, которые использовали ваше тяжелое положеніе для своего обогащенія, это является наибольшей подлостью и низостью. Вомпасъ и Таммеръ будутъ привлечены мною къ отвѣтственности».

Въ тотъ же день я передалъ дѣло чрезвычайной комиссіи. При этомъ я заявилъ, что я, въ качествѣ предсѣдателя центральной комиссіи, освободилъ арестованнаго мною «буржуя» и объяснилъ причину этого моего поступка. Но членъ президіума, съ которымъ я разговаривалъ, не согласился съ моими доводами. «Необходимо арестовать и „буржуя"», заявилъ онъ.

«Я васъ прошу, пожалуйста, этого не дѣлать, сказалъ я, — ибо я попаду въ крайне неловкое положеніе. Вѣдь я ему обѣщалъ, что онъ къ отвѣтственности привлеченъ не будетъ».

«Да, товарищъ, но вы не имѣли права дать такое обѣщаніе, отвѣтилъ членъ президіума. Какъ мнѣ ни непріятно, но я долженъ буду и его арестовать».

Въ плохомъ настроеніи я вышелъ изъ чрезвычайной комиссіи. Такъ какъ было уже поздно, то я не могъ больше обѣдать въ нашемъ комиссаріатѣ, а потому я пошелъ въ «Медвѣдь», гдѣ находилась одна изъ многочисленныхъ «коммунистическихъ» столовыхъ, гдѣ за дешевую цѣну «счастливое населеніе» Петрограда могло получать обѣдъ. Передъ кассой стояла большая толпа людей, которая страшно шумѣла. Одни кричали, другіе ругались, третіе выражали свое неудовольствіе по той или иной причинѣ: въ общемъ передо мною стояли недовольные и злые люди. Голодъ измѣнилъ не только внѣшне петроградца, но также оказалъ вліяніе на измѣненіе его характера. Онъ сталъ какимъ-то меланхоличнымъ, замкнутымъ, недовольнымъ и озлобленнымъ.

Вернувшись домой, я вновь сталъ думать о тѣхъ трехъ, которыхъ должны будутъ этой ночью арестовать.

И вдругъ мнѣ пришла одна мысль. Я быстро подошелъ къ телефону и сталъ нервно перелистывать телефонную книжку. «Вѣрно, слава Богу, у него есть телефонъ». Я позвонилъ. Къ телефону подошла жена буржуя. Нѣсколько взволнованнымъ голосомъ сказалъ я: «У телефона предсѣдатель центральной комиссіи по трудовой повинности». И я при этомъ назвалъ свою фамилію. «Прошу васъ, передайте вашему мужу, чтобы онъ немедленно явился ко мнѣ на мою частную квартиру. Я хочу съ нимъ переговорить объ одномъ для него весьма важномъ дѣлѣ. Ему нечего бояться, онъ можетъ спокойно ко мнѣ явиться».

И дѣйствительно, черезъ часъ гражданинъ явился. Нѣсколько боязливо и смущенно онъ вошелъ въ мою комнату. Я попросилъ его сѣсть и при этомъ я замѣтилъ, какъ руки его дрожали. Внѣшне спокойно, но въ душѣ будучи крайне взволнованнымъ, я сталъ говорить:

«Я васъ къ себѣ попросилъ, чтобы вамъ заявить, что дѣло ваше находится нынѣ на Гороховой 2. Къ сожалѣнію, слѣдователь, у котораго находится ваше дѣло, не согласился съ моей точкой зрѣнія. Онъ рѣшилъ привлечь также васъ къ отвѣтственности. И поэтому вы сегодня ночью будете

на вашей квартирѣ арестованы. Я вамъ обѣщалъ, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы помочь вамъ въ вашемъ тяжеломъ положеніи. Слово свое я сдержу. Я вамъ совѣтую сдѣлать слѣдующее. Вы дома сегодня больше ночевать не должны. А сейчасъ вы пойдите домой, скажите вашей женѣ, въ чемъ дѣло, сдѣлайте ей соотвѣтствующія указанія и завтра же покиньте Петроградъ. А чтобы вамъ легче было скрываться, вотъ возьмите паспортъ на чужое имя».

И съ этими словами я ему передалъ одинъ изъ многочисленныхъ паспортовъ, которые находились въ Центральной комиссіи.

Я вамъ еще разъ хочу сказать лишь одно: «Если я самъ сейчасъ совершаю незаконный поступокъ, то только потому, что я разсматриваю вашъ проступокъ не какъ преступленіе. Какъ служащій, я васъ долженъ признать виновнымъ и привлечь къ отвѣтственности, но какъ человѣкъ, я васъ считаю жертвой нынѣшняго беззаконія, и именно поэтому мнѣ не хочется взять на свою совѣсть отвѣтственность за вашу жизнь».

Гражданинъ взялъ паспортъ и не промолвилъ ни слова. Съ удивленными глазами онъ смотрѣлъ на меня. Потомъ онъ всталъ и произнесъ тихимъ дрожащимъ голосомъ: «Такъ значитъ, я долженъ уѣхать изъ Питера?»

«Вамъ ничего другого не остается дѣлать, если вы еще сегодня не хотите сидѣть въ тюрьмѣ».

Онъ провелъ рукой по лбу и быстро затѣмъ произнесъ: «Да, конечно, вы правы, другого исхода нѣтъ».

Потомъ онъ схватилъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ:

«Спасибо».

Когда онъ ушелъ, мнѣ казалось, точно громадная тяжесть свалилась съ моихъ плечъ. Мнѣ стало вдругъ легко на душѣ. Я зналъ, почему: человѣкъ во мнѣ побѣдилъ чиновника.

Въ ту же ночь Таммеръ и Вомпасъ были арестованы. Но на слѣдующее утро, придя къ себѣ въ комиссію, я былъ крайне удивленъ, когда я узналъ, что Вомпаса освободили изъ чрезвычайной комиссіи. Когда я потребовалъ въ чрезвычайной комиссіи разъясненія, то слѣдователь, тов. Лебедевъ, мнѣ объяснилъ, что изъ допроса и изъ всего дѣла невозможно точно выяснить, что Вомпасъ также получилъ взятку.

«Въ то же время, сказалъ Лебедевъ, — Исполкомъ 1-го гор. района мнѣ звонилъ по телефону и заявилъ, что Вомпасъ хорошій коммунистъ и что его просятъ поэтому освободить. Такъ я его рѣшилъ тогда освободить».

Я обратилъ вниманіе тов. Лебедева на то, что Вомпасъ, внѣ всякихъ сомнѣній, также виновенъ въ полученіи взятки. Если и нельзя точно доказать, что онъ самъ лично взялъ деньги, то все же нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ съ Таммеромъ работалъ сообща. «Вѣдь я думаю, что чрезвычайной комиссіи извѣстно, замѣтилъ я, — что многіе, которые берутъ взятки, изъ осторожности совершаютъ сдѣлки черезъ агентовъ. Роль такого агента могъ играть въ данномъ случаѣ Таммеръ, тѣмъ болѣе, что послѣдній прямого отношенія къ нашей комиссіи не имѣетъ. И если все же Таммеръ дѣлалъ «дѣла» по освобожденію отъ трудовой повинности, то только потому, что онъ зналъ, что у него есть кто-то въ районной комиссіи, кто готовъ освобождать, и этотъ кто-то и былъ Вомпасъ. И ясно также, что онъ изъ одной любезности къ Таммеру на такое дѣло не могъ пойти».

«Да, вы, положимъ, правы, товарищъ, отвѣтилъ Лебедевъ, — но вѣдь все же нельзя доказать, что Вомпасъ былъ непосредственно подкупленъ. Кромѣ того, какъ я вамъ говорилъ, товарищъ, Исполкомъ за него просилъ, онъ незамѣнимый работникъ».

Послѣ такого отвѣта я считалъ лишнимъ бесѣдовать объ этомъ дѣлѣ съ товарищемъ Лебедевымъ.

Я покинулъ чрезвычайку съ тяжелымъ чувствомъ. Интриги противъ меня со стороны моихъ товарищей по комиссіи все увеличивались. Меня обвиняли всегда въ томъ, что я, якобы, слишкомъ мягокъ къ привлекаемымъ къ трудовой повинности. Между тѣмъ, мягкость моя состояла въ дѣйствительности только въ томъ, что я слѣдилъ за тѣмъ, чтобы районныя комиссіи исполняли инструкціи, изданныя въ свое время Петроградскимъ Совѣтомъ. Меня поэтому не смущали тѣ обвиненія, которыя порою бросали въ меня мои коллеги по комиссіи. Я, право, не изъ-за нихъ рѣшилъ пойти на службу въ центральную комиссію по трудовой повинности. Но, съ другой стороны, для меня было всегда ясно, что мое независимое и подчасъ оппозиціонное поведеніе рано или поздно приведетъ меня къ паденію и я вынужденъ буду покинуть свой постъ. А теперь, тѣмъ болѣе, я чувствовалъ, что я не долго еще останусь во главѣ нашихъ комиссій. Вомпасъ и его друзья изъ 1-го гор. совѣта уже позаботятся о томъ, чтобы меня вытравить изъ центральной комиссіи. Кромѣ того, и мое отношеніе ко всей Вологодской трагедіи вызвало недовѣріе ко мнѣ въ Петроградскомъ совѣтѣ. Въ верхахъ мной были недовольны. Я къ моей должности, повидимому, не «подходилъ».

Дѣло въ томъ, что я не только велъ переговоры съ командующимъ 6-ой арміи, который согласился на то, чтобы я могъ освобождать отдѣльныхъ лицъ, но я также сталъ пытаться вообще вернуть обѣ партіи, сосланныя въ Вологду такимъ поистинѣ возмутительнымъ и неслыханнымъ способомъ. Послѣ того, какъ я собралъ достаточно матеріала, изъ котораго видно было, какимъ образомъ произошла «мобилизація», я рѣшилъ предъявить весь этотъ матеріалъ Позерну и привлечь его на свою сторону. «Позернъ, думалъ я, является единственнымъ человѣкомъ, который мнѣ поможетъ. Онъ вѣдь долженъ понять, что съ точки зрѣнія элементарной государственной мудрости нельзя допустить, чтобы государство **обманнымъ способомъ завлекало гражданъ на военныя работы**».

Я поѣхалъ въ военный комиссаріатъ. Позерна какъ разъ не было въ зданіи. Но онъ долженъ былъ скоро прійти и поэтому я рѣшилъ его подождать. Случайно я встрѣтилъ Женевскаго. «Ахъ, товарищъ, сказалъ онъ, — какъ поживаете, давно васъ здѣсь не видно было. Ну, что слышно хорошаго?» «Вотъ счастливый случай, подумалъ я, — надо Женевскаго обработать! вѣдь онъ, какъ никакъ, тутъ важная птица!»

Я поэтому пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ его кабинетъ и разсказалъ ему, по какому дѣлу я желаю говорить съ Позерномъ. И для того, чтобы показать, какой невѣроятный произволъ царилъ при «охотѣ» на улицахъ на буржуазію и при отправкѣ на работу въ Вологду, я ему разсказалъ слѣдующій случай изъ моей «практики».

«Охота на Невскомъ какъ разъ подходила къ концу. Было арестовано около 500 человѣкъ. Среди нихъ были и женщины, которыхъ разставили

въ ряды и окружили конвоемъ. Въ этотъ моментъ случайно проходилъ молодой человѣкъ съ портфелемъ въ рукахъ. Когда онъ увидѣлъ нѣсколько необыкновенную даже и для тогдашнихъ временъ сцену, онъ остановился и сталъ съ любопытствомъ глядѣть, какъ отправляютъ буржуазію на работу. Постоявъ такъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ къ одному изъ конвойныхъ и спросилъ его, въ чемъ дѣло. Но солдатъ оттолкнулъ его прочь. Молодой человѣкъ нисколько не смутился и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ другому солдату. Тотъ оказался нѣсколько болѣе «энергичнымъ». Онъ схватилъ молодого человѣка за воротникъ, толкнулъ его въ стоявшую для отправки партію людей и произнесъ, смѣясь: «Ты хочешь знать, что случилось. Такъ вотъ, пожалуйста, сюда! Теперь ты узнаешь, куда тебя отправятъ». Такимъ образомъ несчастный долженъ былъ отправиться въ казармы. Три дня онъ ходилъ по двору казармы, держа все время портфель въ рукахъ, а на третій день онъ вмѣстѣ съ другими былъ отправленъ въ Вологду».

«Вотъ, занятная исторія, произнесъ Женевскій, — вѣдь это же прямо анекдотъ», и онъ сталъ смѣяться. Это было все, что онъ могъ мнѣ отвѣтить на мою просьбу о поддержкѣ моего дѣла. Для него, повидимому, этотъ случай не былъ страшнымъ примѣромъ того произвола, который царилъ у насъ въ Россіи, но всего только занятной исторіей, которая его совершенно не возмутила.

Я пошелъ затѣмъ къ Позерну, который къ тому времени уже возвратился въ комиссаріатъ, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ его принять мѣры къ возвращенію сосланныхъ обратно въ Петроградъ. Но велико было мое удивленіе, когда Позернъ мнѣ отвѣтилъ: «Что случилось, того не воротить. Эти люди необходимы на фронтѣ, а изъ-за какой-то гуманности мы не можемъ ослаблять нашу армію. Вы очень хорошо знаете, товарищъ, прибавилъ онъ, улыбаясь, что на слезы и мольбы мы въ нынѣшнее время обращать вниманія не можемъ».

Отвѣтъ этотъ тѣмъ болѣе меня возмутилъ, что я его слышалъ отъ Позерна.

«Рѣчь идетъ не о слезахъ, возразилъ я въ рѣзкомъ тонѣ, а въ первую очередь о томъ, что наше достоинство падаетъ въ глазахъ населенія. Такіе случаи, какъ такъ называемая «мобилизація» на трудовую повинность ни въ коемъ случаѣ не могутъ привести къ усиленію власти революціоннаго правительства. Наоборотъ, такими способами управленія мы сами себѣ роемъ могилу. Кромѣ того, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя у меня имѣются, я могу вамъ заявить, что сосланные никакой пользы своей работой не приносятъ. Вѣдь какіе же это, въ концѣ концовъ, рабочіе?»

«Простите, товарищъ, но объ этомъ дѣлѣ дальше съ вами разговаривать у меня нѣтъ времени. Вы больше ничего не имѣете мнѣ сообщить?»

«Нѣтъ», отвѣтилъ я, и вышелъ изъ кабинета.

Отношеніе Позерна къ этому дѣлу меня глубоко возмутило. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ власть имущихъ, который могъ бы мнѣ помочь въ возвращеніи сосланныхъ въ Вологду. Но я все же не унывалъ.

Я созвалъ собраніе изъ представителей всѣхъ районныхъ комиссій, гдѣ я внесъ предложеніе о томъ, что по постановленію районныхъ комиссій на центральную комиссію по трудовой повинности возлагается обязанность снестись съ надлежащими властями съ цѣлью возвращенія сосланныхъ на работы

на сѣверный фронтъ. Предложеніе это было принято представителями районныхъ комиссій единогласно. Съ этимъ постановленіемъ я вновь пошелъ къ Позерну и сообщилъ ему результатъ совѣщанія. Такъ какъ не подлежало никакому сомнѣнію, что командующій 6-ой арміей возвратитъ сосланныхъ только при условіи, если взамѣнъ пришлютъ другихъ рабочихъ, то я предложилъ Позерну, на основаніи постановленія нашего совѣщанія, провести мобилизацію буржуазіи въ Петроградѣ, по всѣмъ правиламъ европейскаго образца. Это тѣмъ болѣе легко можно было провести, что существовалъ законъ центральнаго правительства, по которому можно было произвести таковую мобилизацію. Мнѣ казалось, что при тогдашнихъ условіяхъ таковая мобилизація была единственнымъ выходомъ вернуть несчастныхъ. При нормальной мобилизаціи же такія дикія сцены, которыя произошли при отправкѣ первыхъ двухъ партій, не могли бы повториться.

Позернъ согласился на мое предложеніе и попросилъ меня, выработать соотвѣтствующій планъ мобилизаціи. Черезъ нѣсколько дней я таковой планъ разработалъ и передалъ Позерну. Онъ его нашелъ пріемлемымъ и передалъ для дальнѣйшей разработки въ мобилизаціонный отдѣлъ.

Я крайне былъ доволенъ ходомъ дѣла, ибо думалъ, что сосланные въ Вологду въ скоромъ времени смогутъ быть замѣнены мобилизованными и дѣйствительно экипированными людьми. Но я ошибся въ своихъ надеждахъ. Мобилизаціонный отдѣлъ нашего комиссаріата постановилъ призвать въ ополченіе лишь лицъ первыхъ трехъ годовъ — 99, 98 и 97. Когда мнѣ стало извѣстнымъ это рѣшеніе, я немедленно пошелъ въ комиссаріатъ и обратился къ начальнику мобилизаціоннаго отдѣла. Я ему объяснилъ, что мобилизація лишь трехъ возрастовъ ни къ какому результату не приведетъ, такъ какъ ясно, что 18- и 19-тилѣтнихъ адвокатовъ, акціонеровъ, банковыхъ директоровъ, фабрикантовъ, священниковъ и тому подобныхъ лицъ мы найдемъ весьма мало. Я поэтому потребовалъ, чтобы призваны были по меньшей мѣрѣ 10 возрастовъ. Это свое мнѣніе я также разъяснилъ второму военному комиссару Богатину, но безъ успѣха. Военный комиссаріатъ остался при своемъ мнѣніи, ибо Богатинъ надѣялся, что мобилизація трехъ возрастовъ дастъ по меньшей мѣрѣ 1000 человѣкъ. И что же въ дѣйствительности случилось? По всему Петрограду было призвано всего 8 человѣкъ.

У Зиновьева и Максима Горькаго

Послѣ этого печальнаго результата, военный комиссаріатъ постановилъ призвать въ ополченіе всю буржуазію до 40-лѣтняго возраста. Но пока должны были быть проведены всѣ мѣропріятія, связанныя съ такой мобилизаціей, должно было пройти не менѣе мѣсяца. Между тѣмъ, начались уже сильные холода. Большинство сосланныхъ должны были погибнуть въ своихъ легкихъ одеждахъ. Я поэтому рѣшилъ обратиться къ предсѣдателю Петроградской коммуны Зиновьеву и попросить его, чтобы онъ своей властью приказалъ вернуть сосланныхъ въ Питеръ. Я пошелъ въ Смольный и велѣлъ доложить о себѣ Зиновьеву. Меня принялъ Копяткевичъ, управляющій дѣлами совѣта комиссаровъ сѣверной области. Копяткевичъ заявилъ мнѣ, что Зиновьевъ долженъ какъ разъ поѣхать на собраніе коммунистической партіи и поэтому не можетъ меня принять. Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ передать Копяткевичу матеріалъ по моему дѣлу.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Зиновьева отвѣтъ, въ которомъ было сказано, что я долженъ вновь обратиться въ военный комиссаріатъ по этому дѣлу.

Я уже начиналъ сомнѣваться въ томъ, что сосланные смогутъ вернуться. Все же я разсчитывалъ на предстоящую мобилизацію буржуазіи. Но уже черезъ нѣсколько недѣль начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла мнѣ сообщилъ, что мобилизованные 18 возрастовъ буржуазіи должны будутъ быть отправлены на Западный фронтъ и поэтому о замѣнѣ сосланныхъ въ Вологду не можетъ быть и рѣчи. Когда я получилъ это сообщеніе, я понялъ, что спасти сосланныхъ невозможно. Большинство изъ нихъ были обречены на смерть.

Дѣятельность моя въ центральной комиссіи по трудовой повинности отнынѣ больше не имѣла смысла. Оставаться въ этомъ учрежденіи и сознавать одновременно, что никакой пользы никому я принести больше не смогу, было для меня невыносимо. Мои товарищи по комиссіи становились все болѣе подозрительными по отношенію ко мнѣ. Они стали открыто выражать недовольство по поводу моего отношенія къ дѣлу. Съ другой стороны и личные недруги мои изъ 1-го гор. района создали вокругъ меня атмосферу, при которой работать становилось совершенно невозможно. Я поэтому рѣшилъ подать въ отставку. Отставка была принята и вмѣсто меня былъ назначенъ предсѣдатель Выборгской комиссіи Абрамовъ, тотъ самый господинъ, характеристику котораго я уже выше далъ.

Я вновь возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ въ военный комиссаріатъ. Но, все же, то обстоятельство, что всѣ мои попытки, измѣнить постановку дѣла по трудовой повинности и возвратить сосланныхъ окончились неудачей, не давало мнѣ покоя. Я поэтому рѣшилъ какимъ-нибудь способомъ двинуть дѣло. Независимой прессы не существовало, а поэтому, публиковать данные о тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ комиссіяхъ по трудовой повинности, конечно, нельзя было. Разсчитывать на соотвѣтствующую кампанію прессы я такимъ образомъ не могъ.

Однажды я прочелъ въ «Сѣверной Коммунѣ», что Максимъ Горькій выбранъ въ президіумъ Петроградскаго Исполнительнаго Комитета. Мнѣ тотчасъ же пришла мысль обратиться къ нему, ибо я былъ увѣренъ, что Горькій используетъ свое оффиціальное положеніе, дабы помочь тѣмъ несчастнымъ, которые были сосланы въ Вологду. При помощи одного изъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ я собралъ необходимый матеріалъ, по которому можно было судить объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ такъ называемую мобилизацію. Съ этимъ матеріаломъ я пошелъ къ Горькому. На этотъ разъ я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Я разсказалъ обо всѣхъ подробностяхъ дѣла, о моихъ безуспѣшныхъ переговорахъ съ Зиновьевымъ и Позерномъ и, передавъ Горькому матеріалъ, попросилъ его предпринять соотвѣтствующіе шаги. Горькій отнесся крайне отзывчиво къ моимъ словамъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ уже раньше зналъ о тѣхъ неслыханныхъ сценахъ, которыя происходили въ связи съ привлеченіемъ буржуазіи къ трудовой повинности. Среди сосланныхъ на работу находился, по словамъ Горькаго, также извѣстный писатель Изгоевъ.

«Вообще, сейчасъ у насъ въ Питерѣ ужасные порядки. Вотъ, вчера пришла ко мнѣ одна моя знакомая, жена присяжнаго повѣреннаго, продолжалъ Горькій, — и попросила меня вступиться за ея мужа. Его обвиняютъ въ

томъ, что онъ принялъ участіе въ какомъ-то революціонномъ заговорѣ. Въ чрезвычайкѣ, куда повели моего знакомаго, его стали бить прикладами, и такъ какъ онъ человѣкъ уже пожилой, то онъ отъ побоевъ потерялъ сознаніе. Что касается вашего дѣла, то я передамъ его лично Ленину. Я черезъ нѣсколько дней ѣду въ Москву и возьму вашъ матеріалъ».

«А развѣ не цѣлесообразнѣе будетъ предпринять что-либо въ Петроградѣ», спросилъ я его.

«Вы же сами видѣли, отвѣтилъ Горькій, — что здѣсь ничего достигнуть нельзя. Въ Петроградѣ нынѣ произволъ возведенъ въ принципъ».

Я поблагодарилъ Горькаго за его участіе въ моей просьбѣ и заявилъ при прощаніи, что я готовъ, показанія свои при необходимости лично подтвердить и разъяснить. Послѣ этого разговора я началъ опять надѣяться, что, можетъ быть, удастся вернуть сосланныхъ въ Вологду.

Ужасы большевистской Россіи

До моего поступленія въ центральную комиссію по трудовой повинности я организовалъ Бюро печати при нашемъ комиссаріатѣ и завѣдывалъ имъ. Съ моимъ назначеніемъ въ центральную комиссію я, конечно, былъ вынужденъ оставить мою работу тамъ. Послѣ того, какъ я вернулся обратно въ военный комиссаріатъ, я по старой памяти часто захаживалъ въ свой бывшій отдѣлъ. Однажды, какъ-то придя въ Бюро печати, я засталъ тамъ нѣсколькихъ бывшихъ сослуживцевъ, изъ которыхъ одинъ обратился ко мнѣ: «Хотите ли, товарищъ, знать, что происходитъ у насъ на Руси? Вотъ, почитайте-ка!» И съ этими словами онъ передалъ мнѣ бюллетень бюро военныхъ комиссаровъ. Эти бюллетени издавались въ Москвѣ подъ редакціей предсѣдателя бюро, тов. Юречева. Въ нихъ помѣщались свѣдѣнія не для «печати». Когда-нибудь историкъ, который захочетъ получить полную картину о тѣхъ ужасахъ, которые творились въ нашей странѣ въ дни большевистскаго режима, долженъ будетъ непремѣнно использовать эти бюллетени.

Я началъ читать переданный мнѣ моимъ сослуживцемъ очередной бюллень. Въ немъ помѣщались свѣдѣнія о событіяхъ послѣдней недѣли.

«Въ Н—ской волости такой-то губерніи произошло возстаніе кулаковъ, которые натравили населеніе на совѣтскую власть. Съ помощью военныхъ мѣръ возстаніе удалось быстро подавить. Вожди возстанія разстрѣляны».

«Н—скій пѣхотный полкъ взбунтовался и перешелъ на сторону бѣлогвардейцевъ».

«Пѣхотный полкъ В . . . взбунтовался въ гор. Н. Солдаты убили командира полка, а затѣмъ разсѣялись съ оружіемъ въ рукахъ по городу. Въ городѣ начались грабежи и поджоги. Посланы войска для усмиренія».

«Солдаты одного петербургскаго пѣхотнаго полка разграбили при отправкѣ на фронтъ на станціи Н. поѣздъ съ съѣстными припасами. Этому открытому грабежу нельзя было воспрепятствовать».

«Въ Н—скомъ уѣздѣ, такой-то губерніи, крестьяне подъ вліяніемъ агитаціи мѣстныхъ кулаковъ разогнали комитетъ бѣдноты. Въ уѣздъ посланы войска и контръ-революціонеры понесутъ должное наказаніе».

«Въ такой-то волости Н—ской губерніи крестьяне отказались выдать урожай. При этомъ произошли кровавыя столкновенія между мѣстными крестьянами и продовольственнымъ отрядомъ. Крестьяне должны были сдаться. До сихъ поръ по постановленію уѣздной чрезвычайной комиссіи разстрѣляны 10 зачинщиковъ».

«Во многихъ деревняхъ такой-то губерніи крестьяне отказались поставлять лошадей для красной арміи. Крестьяне оказали пришедшимъ войскамъ карательнаго отряда упорное сопротивленіе, которое все же удалось быстро сломить. Особая комиссія, делегированная губернской чрезвычайкой, уже прибыла на мѣсто и начала дѣйствовать».

«Въ селѣ такомъ-то Н—ской губерніи мѣстные крестьяне отказались слѣдовать приказу о мобилизаціи. Село было подвергнуто артиллерійскому обстрѣлу. Послѣ этого крестьяне сдались. Слѣдствіе ведется ускореннымъ темпомъ».

И такъ далѣе безъ конца!

Здѣсь подавлено возстаніе, тамъ разстрѣляли нѣсколькихъ людей, въ другомъ мѣстѣ разрушены села и деревни, въ третьемъ грабятъ и убиваютъ — море огня и крови. Такова была картина Россіи въ началѣ 19-го года!

При чтеніи этого бюллетеня мнѣ невольно вновь пришли мысли о бѣгствѣ. Вѣдь оставаться дальше въ Россіи при томъ положеніи, при какомъ я находился, означало — работать на укрѣпленіе той самой власти, которая виновна во всѣхъ этихъ ужасахъ!

Черезъ нѣсколько дней я случайно имѣлъ возможность посѣтить балетъ въ Маріинскомъ театрѣ. Балетъ былъ еще единственнымъ мѣстомъ въ Петроградѣ, гдѣ я порою могъ забыть всѣ тѣ ужасы, которые меня окружали. По окончаніи спектакля, я при выходѣ изъ театра случайно встрѣтилъ одного изъ тѣхъ гражданъ, которыхъ мнѣ удалось освободить изъ Вологды. Онъ подобострастно мнѣ поклонился. Я его сразу же узналъ и спросилъ, какъ онъ поживаетъ.

«Спасибо, очень хорошо, отвѣтилъ онъ съ сладчайшей улыбкой на лицѣ, — я теперь работаю въ Смольномъ».

«Что такое? спросилъ я его съ удивленіемъ, — вы работаете въ Смольномъ?»

«Такъ точно, отвѣтилъ онъ, продолжая сладко улыбаться, — мнѣ удалось устроиться тамъ въ санитарномъ отдѣлѣ. Я теперь занимаюсь тѣмъ, что реквизирую въ магазинахъ и частныхъ квартирахъ мебель для санитарныхъ цѣлей».

Итакъ, человѣкъ, который только-что страдалъ подъ гнетомъ большевистской власти, изъ нужды идетъ на службу въ Петроградскій Совѣтъ, реквизируетъ у другихъ мебель, мучаетъ своихъ согражданъ и, можетъ быть, станетъ въ скоромъ времени даже коммунистомъ «по убѣжденію».

Черезъ нѣсколько дней, меня посѣтилъ одинъ товарищъ, пріѣхавшій изъ Вологды. Во время разговора я, между прочимъ, спросилъ его, не знаетъ ли онъ что-либо о судьбѣ сосланныхъ изъ Петрограда на военныя работы. Онъ мнѣ разсказалъ кое-что о нихъ, а затѣмъ вдругъ сказалъ: «Ахъ, да, между прочимъ, знаете, вы въ Вологдѣ среди отбывающихъ трудовую повинность сдѣлались своего рода знаменитостью. Всѣ сосланные

знаютъ васъ по фамиліи. Васъ тамъ вмѣстѣ съ тов. Ряжкинымъ ежедневно проклинаютъ. Сосланные считаютъ васъ обоихъ главными виновниками ихъ несчастій. Такъ что смотрите, прибавилъ онъ смѣясь, — въ Вологду ни ногой».

Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, чтобы помочь сосланнымъ, чтобы вернуть ихъ ихъ женамъ и дѣтямъ. Благодаря моимъ стараніямъ большая часть этихъ людей была освобождена. И вотъ теперь, вдругъ тѣ же самые люди проклинаютъ и ненавидятъ меня. Развѣ это не иронія судьбы? Меня ненавидятъ и проклинаютъ. И почему это? почему? Только потому, что всѣ эти люди знаютъ, что я стою во главѣ ненавистной центральной комиссіи.

«А я говорю тебѣ, — вспомнилъ я вдругъ слова своего брата, — что если ты работаешь совмѣстно съ тѣми, которые совершаютъ великое преступленіе надъ нашей родиной, то ты самъ становишься преступникомъ».

Довольно, я больше не выдержу. Вонъ изъ этого города, гдѣ я родился, который я когда-то любилъ, а теперь ненавижу. Лучше быть разстрѣляннымъ, лучше подвергнуть себя невозможнымъ страданіямъ, чѣмъ продолжать работать въ Петроградѣ.

Было одно обстоятельство, которое заставляло меня искать выходъ изъ того положенія, въ которомъ я находился, именно въ бѣгствѣ. Я находился на военной службѣ и не могъ поэтому покинуть службу. Передо мной стояла альтернатива: бѣжать или продолжать работать съ большевиками. Я предпочелъ первое.

Приготовленія къ бѣгству

На слѣдующее утро я отправился въ иностранный отдѣлъ комиссаріата внутреннихъ дѣлъ къ своему товарищу, который мнѣ какъ-то предложилъ оказать помощь въ случаѣ, если я захочу уѣхать изъ Россіи.

«Я пришелъ къ вамъ, сказалъ я своему товарищу, — чтобы напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи. Помогите мнѣ покинуть Питеръ и совѣтскую Россію».

Товарищъ мой сразу же согласился сдѣлать все обѣщанное и далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ. Я долженъ подать прошеніе на его имя, въ которомъ я подъ чужимъ именемъ, въ качествѣ германскаго подданнаго, прошу его, выдать мнѣ мои германскія бумаги, которыя я въ свое время передалъ иностранному отдѣлу, когда я хлопоталъ о принятіи моемъ въ русское подданство. Когда онъ получитъ мое прошеніе, онъ немедленно дастъ распоряженіе вернуть мнѣ требуемыя бумаги. При очередномъ докладѣ завѣдующій паспортнымъ отдѣленіемъ заявитъ ему, что такихъ бумагъ не удалось найти и что они, вѣроятно, затеряны. Онъ тогда распорядится выдать мнѣ соотвѣтствующее удостовѣреніе, въ которомъ будетъ сказано, что мои нѣмецкія бумаги, которыя я въ свое время подалъ въ иностранный отдѣлъ, потеряны.

«На основаніи этого удостовѣренія вамъ германскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выдастъ бумагу, въ которой будетъ сказано, что вы въ качествѣ германскаго подданнаго находитесь подъ защитой германской республики. Затѣмъ уже вы, въ качествѣ нѣмца, сможете потребовать, чтобы васъ отправили на родину».

Предложеніе мнѣ очень понравилось. Я сразу же на него пошелъ. Тутъ-же, въ присутствіи моего товарища, я написалъ прошеніе на имя иностраннаго отдѣла, а товарищъ сейчасъ-же написалъ резолюцію о томъ, чтобы мнѣ выдали требуемыя бумаги.

На третій день я явился въ иностранный отдѣлъ и попросилъ доложить обо мнѣ завѣдующему паспортнымъ отдѣломъ. Такъ какъ я съ измѣненіемъ моей фамиліи превратился въ простого смертнаго, то мнѣ пришлось весьма долго ждать, пока, наконецъ, завѣдующій соизволилъ меня принять. Я назвалъ свою новую фамилію и спросилъ его съ нѣмецкимъ произношеніемъ, не можетъ ли онъ мнѣ вернуть просимые документы.

«Ахъ, это вы, господинъ . . . ., произнесъ онъ, — видите, къ сожалѣнію, я вамъ долженъ сообщить, что ваши бумаги не найдены, они, по всей вѣроятности, затеряны у насъ».

«Такъ что же мнѣ дѣлать, спросилъ я его опечаленнымъ голосомъ. – Я хочу поѣхать къ себѣ на родину».

«Вамъ абсолютно не о чемъ безпокоиться. Мы выдадимъ вамъ удостовѣреніе, въ которомъ мы подтвердимъ, что ваши нѣмецкія бумаги затеряны. Еще разъ прошу васъ: не безпокойтесь. Мы считаемъ нашей обязанностью помочь вамъ въ вашемъ тяжеломъ положеніи».

Вечеромъ того же дня я вновь пошелъ въ иностранный отдѣлъ, на этотъ разъ къ моему товарищу. Какъ разъ въ это время къ нему пришелъ представитель германскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Товарищъ мой принялъ его въ моемъ присутствіи и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

«Случай этотъ принципіальный, говорилъ онъ. — Мы должны съ вами прійти къ соглашенію по поводу такихъ удостовѣреній, выданныхъ нашимъ комиссаріатомъ. Въ данномъ же случаѣ, я думаю, вы выдадите просителю нѣмецкій паспортъ. Изъ-за потери его документовъ, онъ фактически находится между небомъ и землей».

Представитель германскаго совѣта поставилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣтилъ на нѣмецкомъ языкѣ, и затѣмъ мнѣ сказалъ, чтобы я зашелъ въ консульство.

На слѣдующій день я въ назначенный часъ зашелъ въ бывшее германское консульство. Представитель германскаго совдепа встрѣтилъ меня крайне любезно. Онъ повелъ меня къ секретарю германскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Отто Перцу. На основаніи объясненій сопровождавшаго меня представителя германскаго совѣта, господинъ Перцъ велѣлъ выдать мнѣ германскій паспортъ. Потомъ я пошелъ въ канцелярію консульства, гдѣ одинъ изъ служащихъ записалъ мою фамилію, а также данныя о моемъ рожденіи и постоянномъ мѣстопребываніи. Служащій сказалъ мнѣ, что я могу зайти черезъ два дня и мнѣ будетъ выданъ паспортъ. И дѣйствительно, черезъ два дня я въ карманѣ своемъ уже имѣлъ паспортъ. Я немедленно отправился на Мойку, гдѣ во дворцѣ бывшихъ князей Юсуповыхъ находился отдѣлъ германскаго консульства, отправлявшій германскихъ подданныхъ изъ Россіи въ Германію. Предъявивъ свой документъ о принадлежности своемъ къ германской имперіи, я попросилъ служащаго отдѣла записать меня на слѣдующій поѣздъ, съ которымъ отправляютъ германскихъ подданныхъ въ Германію.

Черезъ нѣсколько дней меня вызвалъ по телефону мой бывшій ученикъ, которому я когда-то давалъ частные уроки. «Простите меня, пожалуйста, что я вамъ помѣшалъ, но дѣло въ томъ, что позавчера арестовали моего отца. Можетъ, вы будете такъ любезны и предпримете какіе-нибудь шаги для его освобожденія».

Я за послѣднее время настолько привыкъ ко всякимъ просьбамъ, что я даже не выразилъ своего сожалѣнія по поводу ареста отца моего ученика; и довольно сухо спросилъ: «За что же вашего отца арестовали?» «Его обвиняютъ въ спекуляціи, но я васъ увѣряю, что это ложь», отвѣтилъ онъ мнѣ.

Такъ какъ я зналъ, что отецъ моего бывшаго ученика довольно крупный мануфактурный торговецъ, то я, конечно, не повѣрилъ увѣреніямъ моего ученика. Но въ виду его настойчивыхъ просьбъ сдѣлать что-нибудь въ пользу отца, я попросилъ его разсказать мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ и по поводу чего произошелъ арестъ. И я узналъ слѣдующее: За день до ареста къ нимъ на квартиру явились два мѣшечника и предложили купить 10 фунтовъ масла по 70 рублей за фунтъ. Отецъ моего ученика хотѣлъ купить лишь 5 фунтовъ, но мѣшечники на это не согласились. Они хотѣли продать или все, или ничего. Но такъ какъ покупатель отъ такой, повидимому, для него невыгодной сдѣлки отказался, то мѣшечники ушли ни съ чѣмъ. Казалось бы, на этомъ исторія и кончилась. Но вотъ черезъ два часа мѣшечники вновь явились, и на этотъ разъ въ сопровожденіи представителя мѣстной комендатуры. Представитель этотъ заявилъ отцу моего ученика, что онъ обязанъ купить предложенный ему товаръ, иначе его ждутъ непріятности. Отецъ ученика, зная существующіе порядки, рѣшилъ въ споръ съ представителемъ власти не входить и согласился немедленно купить весь товаръ. Онъ заплатилъ за товаръ, а «продавцы», получивъ деньги, удалились. Но какъ только они ушли, въ квартиру вошли трое солдатъ въ сопровожденіи того самаго представителя мѣстной комендатуры, который только-что былъ вмѣстѣ съ двумя мѣшечниками. Вошедшіе заявили, что хозяина квартиры подозрѣваютъ въ закупкѣ съѣстныхъ припасовъ для перепродажи со спекулятивными цѣлями. Чтобы провѣрить правильность этихъ подозрѣній, пришедшіе должны произвести обыскъ. Обыскъ далъ «благопріятные» результаты. У отца ученика нашли 10 фунтовъ только-что купленнаго масла. Масло «реквизировали», а отца моего ученика арестовали и отправили по обвиненіи въ спекуляціи въ мѣстную комендатуру.

Несмотря на то, что я за послѣднее время всякіе виды видалъ и поэтому меня ужъ больше почти ничего не удивляло, мнѣ все же казалось, что даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ такого рода случай является невѣроятнымъ. Я обѣщалъ моему ученику снестись съ мѣстной комендатурой и тутъ же поставилъ его въ извѣстность, что я просить объ освобожденіи отца не буду, а лишь спрошу, такъ ли обстоитъ дѣло, какъ онъ мнѣ разсказалъ. Я немедленно вызвалъ по телефону коменданта даннаго района и разсказалъ ему обстоятельства ареста отца моего бывшаго ученика и потребовалъ, чтобы онъ сейчасъ же провѣрилъ, соотвѣтствуетъ-ли разсказъ дѣйствительности.

Приблизительно черезъ часъ комендантъ сообщилъ мнѣ по телефону, что, къ сожалѣнію, все то, что мной передано, соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

«Тотъ человѣкъ, который сопровождалъ двухъ мѣшечниковъ, оказался однимъ изъ моихъ помощниковъ. Я ему сдѣлалъ строгій выговоръ, а арестованнаго немедленно велѣлъ отпустить. Я крайне сожалѣю, что подобный случай могъ произойти. Я позабочусь уже о томъ, чтобы такіе случаи больше не повторялись».

Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ одинъ изъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ по центральной комиссіи. Взволнованнымъ голосомъ онъ сообщилъ мнѣ, что по желанію комиссіи по трудовой повинности 1-го гор. района рѣшено потребовать, чтобы я далъ отчетъ о своей дѣятельности чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Узнавъ объ этомъ, я понялъ, что мнѣ недолго осталось быть на свободѣ, ибо, если меня захотятъ загубить, а это видно хотятъ, то не трудно найти соотвѣтствующее обвиненіе.

Если я еще до этого сообщенія, которое сдѣлалъ мнѣ одинъ изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ, думалъ оставить Россію, потому что я не могъ болѣе продолжать работать на государственной службѣ, то теперь я долженъ былъ думать о бѣгствѣ для того, чтобы избѣжать серьезной опасности. Поэтому я рѣшилъ въ тотъ же день явиться въ германское консульство, чтобы тамъ вновь переговорить объ отъѣздѣ. Я велѣлъ о себѣ доложить члену германскаго совѣта, господину В. О немъ мнѣ какъ-то упомянулъ одинъ германскій военноплѣнный, сражавшійся на чехо-словацкомъ фронтѣ. Я сказалъ члену совѣта, что меня якобы направилъ къ нему тов. Х. Когда я ему разсказалъ, что я желаю поскорѣе вернуться въ Германію, онъ мнѣ сказалъ: «Къ сожалѣнію, я не могу вамъ помочь. Транспортъ съ германскими плѣнными отправляется лишь черезъ мѣсяцъ. Однако, мнѣ удалось убѣдить его отправить меня съ военноплѣнными, отправляемыми послѣзавтра.

Въ день отъѣзда, когда послѣднія приготовленія къ нему уже были окончены, я въ послѣдній разъ пошелъ въ военный комиссаріатъ. Я долго оставался въ немъ. Мнѣ не хотѣлось уходить изъ этихъ огромныхъ помѣщеній, гдѣ я въ короткое время такъ много пережилъ. Въ послѣдній разъ я взглянулъ изъ большого пріемнаго зала на Дворцовую Площадь, на Александровскую колонну, на мрачное огромное зданіе Зимняго Дворца и затѣмъ отправился домой.

Вечеромъ я поѣхалъ на Финляндскій вокзалъ. Извозчикъ взялъ съ меня за проѣздъ отъ Таврической улицы на Финляндскій вокзалъ 80 рублей. Два года тому назадъ эта сумма казалась какой-то дикой. Нынѣ же, когда въ Совдепіи привыкли считать только десятками тысячъ, насъ эта сумма уже больше не удивляетъ. На вокзалѣ собрались уже германскіе плѣнные, отправлявшіеся въ Германію. Тутъ же находились и бѣжавшіе изъ германскаго плѣна русскіе солдаты, большею частью бѣлоруссы, которые съ нашимъ поѣздомъ отправлялись къ себѣ на родину. Я обратился къ представителю германскаго совѣта, находившемуся на вокзалѣ, и онъ мнѣ подтвердилъ, что имя мое значится въ спискѣ. Отправлялся я въ качествѣ

пѣхотинца какого-то баденскаго полка. При этомъ сообщеніи я не могъ удержаться отъ улыбки.

Вещи мои были провѣрены представителями военнаго контроля, причемъ у меня отняли нѣсколько кусковъ мыла и фунтъ чая. Послѣ просмотра моихъ вещей, служащій военнаго контроля спросилъ меня, не имѣю ли я при себѣ денегъ. Я ему предъявилъ 1000-ый билетъ. Остальныя деньги въ количествѣ 5000 рублей были частью спрятаны, частью зашиты въ моей шинели.

Насъ помѣстили въ хорошо отопленный санитарный вагонъ. До Орши поѣздка длилась 4 дня. Чѣмъ болѣе мы отдалялись отъ Питера, тѣмъ менѣе мы испытывали голодъ. Въ Витебскѣ, напримѣръ, несмотря на хлѣбную монополію, на рынкѣ продавали открыто хлѣбъ по 6 рублей за фунтъ. По сравненію съ Петербургскими цѣнами, гдѣ за хлѣбъ уже платили 20 руб. за фунтъ, хлѣбъ въ Витебскѣ казался крайне дешевымъ. Кромѣ того, и это было самое главное, въ Витебскѣ хлѣба можно было достать сколько угодно, въ то время какъ въ Питерѣ можно было добыть хлѣбъ лишь со страшными трудностями. Неудивительно поэтому, что изъ Питера понаѣхало много народу для закупки продуктовъ. Люди сидѣли со своими мѣшками на крышахъ, на подножкахъ и даже между вагонами. Сцены, имѣвшія мѣсто на желѣзной дорогѣ, напоминали времена демобилизаціи. На вокзалѣ въ Витебскѣ стояла громадная толпа, которая вмѣстѣ съ своими мѣшками стремилась вернуться въ Петроградъ. Люди въ буквальномъ смыслѣ слова брали штурмомъ поѣздъ, уходившій въ Петроградъ, и дрались изъ-за полученія мѣста въ вагонѣ. Тѣ дикія сцены на Витебскомъ вокзалѣ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ, какъ бы символизировали собой то хаотическое состояніе, въ которомъ находилась наша несчастная родина.

До Орши транспортъ нашъ власти въ общемъ оставляли въ покоѣ. Лишь въ Оршѣ члены чрезвычайной комиссіи провѣряли наши паспорта. Къ счастью, эта провѣрка прошла для меня весьма благополучно. Послѣ того, какъ мы цѣлый день простояли на этой станціи, мы продолжали свой путь. Поѣздка изъ Минска въ Пинскъ продолжалась цѣлую недѣлю, несмотря на то, что разстояніе между этими двумя городами сравнительно было небольшое. Эта часть пути была для насъ всѣхъ положительно физическимъ мученіемъ. Мы сидѣли въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ, наполненныхъ навозомъ, причемъ вагоны были настолько набиты людьми, что по ночамъ мы совершенно не могли лежать и были настолько стиснуты, что чувствовали себя, точно сельди въ бочкѣ. Но все же отъ этой тѣсноты мы не такъ страдали, какъ отъ холода. Вагоны были нетоплены. Съ обоихъ сторонъ дуло. Въ какихъ условіяхъ мы ѣздили, видно хоть бы изъ того, что дальнѣйшая ѣзда зависѣла въ высокой мѣрѣ отъ того, помогали-ли мы собирать дрова для локомотива или нѣтъ. Однажды даже ночью къ нашему вагону подошелъ машинистъ и сталъ кричать хриплымъ голосомъ: «Эй вы, ребята, выходите дрова рубить. Чѣмъ больше нарубите, тѣмъ скорѣе мы можемъ двинуться дальше».

По дорогѣ нѣсколько людей заболѣли. То были главнымъ образомъ бѣженцы, возвращавшіеся изъ восточныхъ губерній въ свои родныя бѣлорусскія и польскія деревни. Больные должны были оставаться въ вагонѣ. Чтобы предохранить себя отъ заразы, я и находившіеся со мной германскіе военноплѣнные весь день почти безъ перерыва курили.

Наконецъ, послѣ тяжелой недѣльной поѣздки мы достигли Пинска. Здѣсь на наше счастье находился германскій военный транспортъ, пришедшій изъ Украйны и направлявшійся въ Германію. Мы, «военноплѣнные», распрощались съ бѣженцами и пересѣли въ германскій вагонъ. Нѣмецкіе солдаты встрѣтили своихъ сородичей весьма сердечно. Насъ хорошо накормили, и мы впервые смогли немножко отдохнуть. Изъ Пинска германскій транспортъ направился черезъ Кобринъ, Брестъ-Литовскъ, Бѣлостокъ къ пограничному городку Простkенъ.

Городокъ этотъ, находящійся у самой границы, носилъ на себѣ еще слѣды великой войны. Но все же среди полуразрушенныхъ зданій виднѣлись уже заново выстроенныя и выкрашенныя. Мнѣ казалось, что этотъ городокъ является символомъ нашего времени. Великое столкновеніе народовъ разрушило и разбило старую жизнь. На ея развалинахъ родится новая, болѣе справедливая. Крестный путь, который приходится теперь пройти нашему народу, когда-нибудь окончится и наступятъ иныя времена. Много горя и несчастія мнѣ пришлось пережить, много подлаго и ужаснаго мнѣ пришлось увидѣть, но все же я не потерялъ надежды, что, несмотря на все, въ странѣ нашей въ концѣ концовъ восторжествуетъ истиная свобода и соціальная справедливость...

Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г.

Андрея Левинсона

30-го декабря 1919 года выѣхалъ я изъ Петербурга въ Барнаулъ. Рѣшился я на эту поѣздку изъ побужденій личныхъ и частныхъ, которыя и объясню; офиціальнымъ же поводомъ для нея послужило возникшее въ то время предположеніе объ эвакуаціи на Востокъ одного изъ учебныхъ заведеній, гдѣ я состоялъ профессоромъ.

Еще въ первый годъ революціи, тотчасъ послѣ переворота, рѣшился я отправить жену свою и малютку дочь, только-что переболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ, на поправку къ роднымъ, на Алтай. Жена вернулась уже въ Февралѣ 1918 года подъ вліяніемъ грозныхъ слуховъ о Петербургѣ и страховъ за меня, остававшагося тамъ; лѣтомъ, когда должна была схлынуть волна демобилизаціи, мы намѣревались вмѣстѣ съѣздить за дочкой.

Но вотъ, въ маѣ выступили чехи, и на два года между нами и ребенкомъ легла подвижная полоса фронта. Дважды пыталась жена перейти эту полосу; въ первый разъ въ Самарѣ, освобожденіе которой казалось въ тѣ дни предрѣшеннымъ; во второй — въ Тюмени, также пережившей было канунъ эвакуаціи послѣ пресловутаго «провала» красныхъ у станціи Пѣтухово; оба раза напрасно. Ѣздила она въ Сибирь — въ качествѣ организатора губернскаго отдѣла «Центропечати». Только лишь дошло до насъ извѣстіе о паденіи Омска, а вслѣдъ за тѣмъ и о возстаніяхъ партизанъ въ Новониколаевскѣ и въ Барнаулѣ, я собрался въ дорогу разыскивать, — а то и спасать ребенка и близкихъ людей. На этотъ разъ жена смогла послѣдовать за мною — въ тридцатидневный путь, едва не ставшій для нее роковымъ — уже подъ видомъ «научнаго сотрудника» одного изъ моихъ коллегъ. Такъ и насъ, устойчивыхъ петербуржцевъ, захватилъ смерчъ, носившій столичную интеллигенцію изъ конца въ конецъ Россіи, чтобъ прибить ее, наконецъ, къ чужимъ берегамъ.

По всему этому не надобно и объяснять, что ѣхалъ я не какъ досужій наблюдатель, а тѣмъ паче не какъ дѣйственный участникъ совершавшагося на моихъ глазахъ; я былъ поглощенъ огромной тревогой за самое мнѣ дорогое и не въ меньшей мѣрѣ большими трудностями предпріятія нашего. Не велъ я и записей видѣнному и слышанному.

Но не могъ я, конечно, не вобрать въ себя — каждой порой существа своего — столь небывалыхъ, столь разительныхъ впечатлѣній, какъ не могли

и личныя тягчайшія невзгоды заслонить зрѣлища безпримѣрнаго человѣческаго страданія, обступившаго насъ вплотную.

Непритязательное описаніе пережитого, въ порядкѣ временной послѣдовательности — и есть предметъ этихъ страницъ; ни политическаго исповѣданія, ни домысловъ о значеніи событій онѣ не заключаютъ. То всего лишь сѣрыя и окровавленныя лоскутья русской современности, черты — то трагическія, то тривіальныя — нашего потрясеннаго бытія.

Воспоминаніе о первомъ перегонѣ Петербургъ—Вятка сплошное и тусклое, съ незначущими инцидентами. Кругомъ осколки былыхъ навыковъ культурнаго быта: загрязненный и переполненный вагонъ международнаго общества. Все привычное, хоть искаженное. Нашъ попутчикъ, латышъ-курсантъ, будущій «красный командиръ», что-то отмалчивается. Я присматриваюсь: вѣдь престижъ курсантовъ, побѣдителей Юденича подъ Пулковымъ, значителенъ; они сегодня фавориты власти. Чѣмъ больше приближаемся мы, однако, къ полосѣ заградительныхъ отрядовъ, тѣмъ живѣе становится нервическая озабоченность нашего сосѣда; онъ то и дѣло бормочетъ что-то о забытыхъ имъ, самыхъ яко бы важныхъ, документахъ.

Встревоженъ онъ недаромъ. При каждомъ обходѣ — та же игра; изъ багажа его извлекается то мѣшокъ съ солью, то кипа ассигнацій. Литеръ его на проѣздъ сомнительной подлинности; онъ робѣетъ и, ворча, отдаетъ товаръ; когда же изъ-подъ нашего сидѣнія вытаскиваются куски «мануфактуры», спрятанные туда спутникомъ нашимъ, и мы едва не попадаемъ въ бѣду.

Въ корридорѣ на мѣшочкѣ съ сухарями сидитъ батюшка-вегетаріанецъ съ лицомъ мужицкаго Христа; обликъ поразительный, но вялыя рѣчи довольнаго собою самоучки.

Послѣ Вологды мы начинаемъ слегка голодать. Жена, бывалая путешественница, лишь за мѣсяцъ до того возвращавшаяся по той же Сѣверной дорогѣ, опрометчиво утверждала, что все необходимое мы достанемъ на станціяхъ у крестьянъ, выходящихъ къ поѣзду. Опытъ ея, однако, устарѣлъ. Совѣтская организація голода успѣла упразднить и этотъ источникъ. Лишь любезности подрядчика-дровяника обязаны мы были тѣмъ, что встрѣтили Новый Годъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ. Въ Вяткѣ мы покинули вагонъ, послѣднюю связь съ столицей; отнынѣ мы вступали въ кругъ новаго, невѣдомаго для петербуржца быта, — быта Совѣтской Россіи.

Мы на вокзалѣ; медленно приближаемся къ досчатому закутку, гдѣ чека провѣряетъ и штемпелюетъ пропуски; кругомъ сѣрая съ рѣдкой пестринкой, солдатская, по преимуществу, толпа. Здѣсь впервые я пораженъ необщимъ видомъ иныхъ жуткихъ фигуръ. То люди съ призрачнымъ очертаніемъ и выраженіемъ глазъ безумнымъ или, я сказалъ бы, потустороннимъ. Такъ представляю я себѣ евангельскаго Лазаря, воскрешеннаго, но уже смердѣвшаго, съ глазами заглянувшими въ смерть. Это — тифозные красноармейцы, выписанные изъ лазаретовъ въ отпускъ на завтра по минованіи кризиса.

Близъ вокзала негласная продажа съѣстного; для насъ — жадная и жалкая радость отъ кусковъ жирной горячей говядины и ржаныхъ калачей.

Контроль пройденъ; на наши командировки поставленъ комендантомъ штампъ «делегатскій вагонъ». Однако, въ составѣ единственный классный

вагонъ — штабной: онъ доступенъ лишь дѣльцамъ съ военными командировками. Черезъ вагонъ — теплушка, даже безъ лѣсенки; на ней надпись мѣломъ: «делегатскій»; въ щель двери протягивается чья-то могучая рука, дѣлаю усилiе, и я въ теплушкѣ. По правдѣ, я пораженъ до полной безпомощности; теплушка мнѣ вновѣ; на фронтѣ — дальше пригородной запасной части — я не бывалъ. Забрались мы не поздно и успѣли примоститься на верхнихъ нарахъ, въ углу у оконца. Смущенье приходитъ, и я начинаю различать лица тѣхъ, съ кѣмъ придется коротать четырехдневный путь до Перми. Товарищей по заключенію, ибо теплушка зимой — катящійся острогъ, общая камера съ прогулками на стоянкахъ.

Сразу становится яснымъ, кто будетъ хозяиномъ въ вагонѣ. То высокій парень съ волчьей челюстью и тяжелымъ взглядомъ, матросъ. На немъ кожаная куртка, красные жандармскіе шнуры тянутся къ кобурѣ нагана. Выраженіе жилистой силы и ненасытной жестокости; нельзя не думать, глядя на этого кронштадтца, о потопленныхъ баржахъ съ офицерами-заложниками. Грубо и презрительно третируетъ онъ пестрое населеніе теплушки, но выноситъ на себѣ почти весь трудъ по отапливанію вагона.

Товарищи нашего старосты или, какъ прозвали его, «коменданта» — молодой матросикъ, приземистый Адонисъ въ свитерѣ, видѣвшій въ Берлинѣ ноябрьскую революцію, да двое длиннобородыхъ молчальниковъ-эстонцевъ. Все — «балтфлотцы», ходоки за продовольствіемъ для командъ. Впрочемъ, какъ выяснилось позже, ихъ единственный мандатъ — винтовка. То авантюристы, вольные трапперы въ дѣвственныхъ лѣсахъ Новой Россіи.

Непосредственные сосѣди наши по нарамъ — люди иной формаціи; то мобилизованные на заготовки лабазники и приказчики съ Калашниковской биржи. Возглавляетъ ихъ сѣдоусый съ бравой жандармской выправкой человѣкъ; оказалось, бывшій брантмейстеръ, позже зять извѣстнаго петербургскаго буфетчика-милліонера, а сегодня командировочный, подрядчикъ. Совершенно напрасно я тѣшу себя «бѣлогвардейскими» нашептываніями ему; элегантный пожарный, съ выхоленными усами, членъ Петроградскаго Совѣта и «сочувствующій».

Прочіе — купцы изъ Островскаго, въ поддевкахъ. Намъ они причинили всѣ, какія возможно, страданія ненавистнической грубостью своею; ихъ спортомъ было — вытѣснять насъ съ тѣсныхъ и безъ того наръ.

Тутъ умѣстно будетъ объяснить, что я и вообще во всю почти дорогу непроизвольно навлекалъ на себя ненависть или хотя бы подозрительное недоброжелательство окружающихъ. Тому виною было то неистребимо столичное и «барское», что угадывалось безъ труда, покрой одежды, молчаніе, почитаемое за брезгливость, вѣжливость, сходившая за иронію, инстинктивное мое «отлыниваніе» отъ дровяной страды. Правда, когда мнѣ случалось браться за работу съ пилой или тамъ топоромъ, явная моя безпомощность задѣвала еще обиднѣе. Званіе же профессора, прямо таки спасительное при сношеніяхъ съ властями, вызывало у попутчиковъ скорѣе недобрыя чувства. Все это обрекло меня — по уговору съ женой — на нѣмыя роли, что и выдвигаетъ ее на первый планъ въ этихъ запискахъ.

Третья группа путниковъ: народные учители, переселявшіеся на счастливый, сытый Востокъ; пришли они послѣдніе и такъ и просидѣли четыре ночи на доскахъ, вокругъ печи; народъ безотвѣтный.

Путь до Перми продолжался четверо сутокъ; простои на каждомъ полустанкѣ, ночевки въ «депо»; хожденіе гурьбой къ дежурному по станціи, злорадные отвѣты: «это вамъ, товарищи, не восемьнадцатый годъ!» или грозные окрики: «я вызову вооруженную силу», въ общемъ же — циническое равнодушіе сословія сразу привелигированнаго и фрондирующаго къ судьбѣ всего, что не есть «желѣзнодорожникъ». Случалось, что намъ обѣщали дать паровозъ, если мы наберемъ дровъ своими силами; но стоило пассажирамъ погрузить дрова, какъ паровозъ подавался подъ другой составъ.

Оставалось одно: искать пропитанія. Товарообмѣнъ на станціяхъ совершался контрабандой подъ страхомъ набѣга милиціи. Да и стояли мы тамъ, гдѣ это не ожидалось. Однако за соль и табакъ (коихъ у меня не было) добывали молоко и «буханки» ржаного хлѣба; дѣлились между собою, но съ нами никогда.

Мѣняли и матросы; хлопотали о молокѣ, а пока старушка копошилась, унесли два пуда свинины. Поѣздъ задержали, приходила милиція въ круглыхъ барашковыхъ шапкахъ съ околышами; у насъ кой-кто видѣлъ, какъ прятали мясо, но объявить не рѣшались, какъ не посмѣли милиціонеры усумниться въ гнѣвномъ отрицаніи «коменданта».

Цѣлые сутки на раскаленной печкѣ варился этотъ трофей, дабы не испортилась свинина; мы всѣ сидѣли точно въ духовой печи.

Однако и у насъ бывали удачи; стрѣлочникъ, опознавшій жену мою, уступилъ за шитое полотенце хлѣба, огурцовъ и творога. Въ другой разъ, когда мы, уйдя отъ сытыхъ сосѣдей, стоически шагали по перрону, раздался изъ сумрака радостный голосъ: «Здравствуйте, барыня!» То оказался профессіональный мѣшечникъ, которому жена въ ту поѣздку «спасла сухари». Онъ уступилъ намъ за 100 рублей мороженнаго зайца, бородачъ-матросъ распласталъ его топоромъ, одолжилъ намъ походный котелокъ, немного соли... Словомъ, счастливый вечеръ. Я много говорю о томъ, что ѣли, и буду; умолчать изъ смущенія объ этомъ огромномъ, главномъ значило бы исказить перспективу.

Въ другую ночь я вышелъ изъ нашего пекла и бродилъ по путямъ (нѣтъ ничего томительнѣй безсонницы въ раскаленной, закрытой, а главное, неподвижной теплушкѣ) и набрелъ подъ буферомъ между вагонами встрѣчнаго эшелона на какую-то массу. То былъ совсѣмъ юный красноармеецъ въ припадкѣ возвратнаго тифа; онъ былъ выписанъ изъ госпиталя послѣ второго припадка и самостоятельно пробирался «на родину». Его подняли. Черезъ нѣсколько минутъ составъ тронулся. Для какого будущаго спасъ случай этого мальчика?

Не всѣ такъ удачливы. Ужъ на обратномъ пути мы подобрали солдата, «бѣлогвардейца», котораго переѣхалъ нашъ маршрутный поѣздъ; въ морозную ночь онъ тайкомъ забрался на тормазъ, на ходу задремалъ и упалъ. Ему раздробило суставы одной руки и одной ноги. Онъ лежалъ на полу нашей теплушки въ лужѣ крови (боль должна была быть непереносимая) и вяло, и скучно твердилъ голосомъ безъ выраженія: «Тѣ гнали, эти гонятъ... вотъ теперь руку...»

Мы не могли помочь; довезли его до ближайшаго пріемнаго покоя Да что въ томъ? Тамъ всего деревянная койка и надпись: ни медикаментовъ, ни даже санитара.

Въ вагонѣ только и разговоровъ, что о паровозѣ, да еще о панацеяхъ отъ тифа. Кто провелъ вокругъ шеи и кистей магическіе круги пахучимъ бергамотовымъ масломъ, кто зашилъ въ подкладку френча пакетъ съ нафталиномъ. И мы что-то предпринимали. Зато какъ заныло сердце, когда я протянулъ женѣ для экспертизы первую снятую съ себя вошь. Я, хоть и валялся въ баракахъ во время войны, никогда не видалъ вши. Значитъ и я вытянулъ билетъ въ лотереѣ смерти. А кругомъ говорятъ, что банкъ играетъ безъ проигрыша. Будь — что будетъ, лишь бы ѣхать, лишь бы вертѣлись колеса!

Но вотъ и послѣдній разъѣздъ; дальше составъ не пойдетъ; мостъ черезъ Каму взорванъ. Молчаливый крестьянинъ привязываетъ нашу поклажу къ салазкамъ, мы слѣдуемъ за нимъ по полуразрушенному рельсовому пути, а потомъ по льду рѣки — на станцію.

Жму руку женѣ, такъ счастливъ морознымъ воздухомъ, огромными линіями пейзажа, изъ-черна зеленой массы лѣсовъ на волнистыхъ холмахъ, широкой рѣкой; мнѣ кажется, что я вышелъ изъ долголѣтней тюрьмы, что четырехдневное чистилище въ теплушкѣ послѣднее испытаніе, которымъ мы купили у судьбы удачу, что черезъ четыре, ну шесть дней — мы у цѣли! Вѣдь Петербургъ — такъ безконечно далекъ...

Пока я поддерживаю санки на крутомъ, замерзшемъ откосѣ, насъ настигаетъ высокій, согбенный человѣкъ въ штатскомъ пальто, съ тяжелой сумкой черезъ плечо. Другую сумку несетъ за нимъ веселый оборванецъ: это дешевле санокъ. Еще въ Вяткѣ меня остановило это аскетически исхудалое узкое лицо съ печальными глазами, гдѣ мелькали уже знакомые по столькимъ глазамъ искорки безумія. Оказалось, что онъ предпочелъ простой вагонъ делегатскому и проѣхалъ эти четыре дня съ 70 красноармейцами (насъ «делегатовъ» было всего 40). На нарахъ сидѣли въ три ряда; его единственнымъ отдыхомъ было — упереться ногами въ потолокъ теплушки.

Ш. — красный офицеръ. Нѣкогда владѣлецъ пароходства и бѣговой конюшни, инженеръ-изобрѣтатель, позже прапорщикъ военнаго времени. Далѣе тюрьма, мобилизація, походъ на Колчака, бѣгство подъ Ишимомъ во время паники красныхъ, эвакуація въ Петроградъ, — сыпнякъ и плевритъ. Ѣдетъ онъ на Челябинскъ въ Златоустъ къ женѣ; вѣнчался онъ за нѣсколько недѣль до отправки на Востокъ; у него дочь, которой онъ еще не видѣлъ. Онъ еще очень слабъ. Но меланхолическій его стоицизмъ непоколебимъ. Черезъ недѣлю, двѣ опять въ часть, едва ли въ штабъ. А тамъ, что Богъ дастъ. Разбѣжится команда, его разстрѣляетъ военкомъ; настигнутъ казаки, зарубятъ краснаго командира.

Но вотъ пятиверстный нашъ радостный путь пройденъ и уже смеркается, когда мы достигаемъ вокзала, его смрадныхъ, заплеванныхъ залъ. Здѣсь начинается прифронтовая полоса; требуются новые штампы. Пока попутчикъ наводитъ справки, ждемъ въ буфетѣ; пью изъ жестяной кружки горячую бурду. «Смотрите, не садитесь къ столу», говорятъ мнѣ, «непремѣнно заползутъ».

Иду къ кассѣ становиться въ «хвостъ». Но не такъ это просто. Полъ передъ кассами устланъ копошащимися, какъ черви, тѣлами въ сѣрыхъ шинеляхъ. Тотъ лежитъ въ повалку: спящій? больной? трупъ? Другой съ обезьяньимъ, сморщившимся въ кулачокъ желтымъ лицомъ и глазами маніака автоматическимъ и виртуознымъ движеніемъ руки ловитъ и щелкаетъ

на ногтѣ неисчислимыхъ насѣкомыхъ; онъ не подвинется, чтобъ дать дорогу даже матросу; полная нирвана.

Жена прячетъ меня, предъявляетъ наши командировки знакомому, по счастью, коменданту, намъ отмѣчаютъ нумерованные мѣста въ вагонѣ 4-го класса. Я тамъ — блаженство лежанія на деревянной лавкѣ; сутки до Екатеринбурга проходятъ во снѣ и какъ во снѣ; даже гложущая мысль о пищѣ замираетъ, хоть «обѣтованная земля», край хлѣба и мяса, чаемый отъ самой Вологды, словно убѣгаетъ отъ насъ впередъ, чѣмъ дальше продвигаемся мы на Востокъ. Разговоровъ никакихъ; съ нами ѣдутъ на службу студенты-медики; они на сторожѣ, да и мы тоже.

Въ Екатеринбургѣ обычный церемоніалъ; вагонъ идетъ дальше на Тюмень; мы рѣшаемся остаться. Тюмень и Челябинскъ предѣльные пункты правильнаго сообщенія. Дальше вчерашній фронтъ, царство случайности, куда еще не ступала нога штатскаго. Не иду на станцію, чтобъ не пропали вещи и чтобъ не видѣть тифозныхъ; читаю въ мѣстномъ листкѣ, что ихъ зарегистрировано 5.000; городъ относительно благополученъ по тифу. Я опять голоденъ. Возвращается жена съ билетами на Тюмень и кускомъ бѣлаго хлѣба; купить нельзя было, но она видѣла, какъ за окошечкомъ жевалъ кассиръ, попросила; онъ устыдился очень и далъ.

Намъ бы и ѣхать, да тутъ затесался матросикъ-«военкомъ». Онъ де изъ Тюмени; тамъ заторъ; о продвиженіи на Омскъ и думать нечего. Въ панникѣ мы спѣшимъ на перронъ; челябинскій почтовый давно ушелъ, но стоитъ подъ парами поѣздъ члена Реввоенсовѣта Максимова. Жена ведетъ переговоры съ щеголемъ-комендантомъ; тотъ галантно соглашается взять, но внезапно озадаченъ появленіемъ вслѣдъ за «ассистенткой» и самого профессора. Новый торгъ, побѣда, протаскиваемъ подъ составами нашъ багажъ и вотъ мы въ отдѣленіи перваго класса, на малиновомъ бархатѣ, гдѣ на нижней лавкѣ уже дремлетъ новый пріятель нашъ Ш. Поѣздъ трогается, несется впередъ; мелькаютъ станціи, гдѣ тотчасъ у вагоновъ выставляется караулъ. Покупаемъ у мальчишекъ молоко и классическія шаньги — съ картофелемъ вмѣсто творога. Словомъ, мы идемъ въ гору, отъ самой Перми намъ везетъ. Вотъ и Челябинскъ, этотъ первый азіатскій городъ, желанная «Силяба», это Эльдорадо наступавшихъ на Востокъ крестьянъ-красноармейцевъ, которымъ агитаторы сулили здѣсь какое-то волшебное изобиліе, — и первое, что бросилось мнѣ въ глаза на перронѣ, былъ плакатъ: «Движеніе на Омскъ пріостановлено до особаго объявленія». Нашъ экстренный поѣздъ привезъ насъ въ западню.

Мы осторожно минуемъ вокзалъ и, выйдя въ боковую калитку, беремъ — за сто рублей — извозчика. Рѣшили ѣхать по адресу, указанному Ш.; мы сами никого въ городѣ не знаемъ. Навстрѣчу намъ несутся съ лихостью санки; развѣваются длинныя уши бѣлыхъ заячьихъ шапокъ, слышна гармоника: святочное гулянье. Вотъ и городъ, широкія улицы, приземистые дома, на главной улицѣ каменные, даже въ стилѣ московскаго «декаданса» съ Петровки, но главное амбары, запертые амбары безъ конца. Огромный, вымершій лабазъ. Два базара: красный и зеленый — заколочены. Монастырь, обнесенный стѣной, поэтичный, за городомъ; въ городѣ соборъ. Москва въ тысячу разъ болѣе Азія, красочная и картинная, чѣмъ этотъ азіатскій городъ. Тула, что ли, только безбожная, безъ золотыхъ главъ и колоколенъ. Театръ, круглой постройки, деревянный ампиръ. Мы узнаемъ, что

онъ превращенъ въ лазаретъ, какъ и всѣ кинематографы; въ городѣ числятся 20.000 тифозныхъ, а сколько больныхъ таятся изъ фатализма, изъ суевѣрнаго — а то и разумнаго страха передъ больницей.

Мы пріѣхали; знакомая Ш. выѣхала, какъ и вообще всѣ «совѣтскіе служащіе», сорвавшіеся съ мѣстъ столичные интеллигенты уже потянулись изъ этой временной столицы красной Сибири въ завоеванный только-что Омскъ. Извозчикъ торопитъ, но куда·дѣваться въ совѣтскомъ городѣ, да еще въ праздникъ?

Но вѣдь мы «отвѣтственные работники», хоть и сомнительнаго рода, а въ командировкѣ моей предусмотрительно упомянутъ даже не наркомъ, а болѣе могущественный товарищъ наркома. Ѣдемъ къ коменданту города. Мой посолъ — жена, и что жъ, посольство удачное. Черезъ нѣсколько минутъ «все устроено», мы пересажены съ нашего извозчика на казеннаго (натуральная повинность), самъ милѣйшій комендантъ застегиваетъ полость, понеслись, остановились у особняка, высокій флегматичный матросъ встрѣчаетъ насъ на порогѣ, часовой сторонится, красноармейцы несутъ наши вещи въ маленькую съ выбѣленными стѣнами комнату, другіе уже тащатъ двѣ деревянныя койки.

Мы «дома», въ губкомдезертирѣ (губернскій комиссаріатъ по борьбѣ съ дезертирствомъ), комиссаръ котораго и оказываетъ намъ самое широкое и тактичное гостепріимство. Сладкія булки, холодный гусь, возможность снять съ себя всевозможные свитеры, меланхолическое удовлетвореніе при констатированіи малочисленности угнѣздившихся въ нижнемъ платьѣ паразитовъ, размышленія о томъ, какъ намъ не везетъ и все-таки въ концѣ концовъ везетъ, новый, легкомысленный подсчетъ срока, нужнаго для окончанія пути, — вотъ сонмъ впечатлѣній, увѣнчанныхъ двѣнадцатичасовымъ сномъ.

На слѣдующее утро ѣдемъ на вокзалъ, справляться у дежурнаго по станціи, обходить составы въ чаяньи оказіи. И такъ три дня — напрасно. Въ городѣ, утратившемъ значеніе, ни дѣлать, ни видѣть нечего; прицѣниваться къ бѣлому хлѣбу, свининѣ, четвертямъ молока сразу надоѣло; жилищемъ нашимъ, гдѣ рядомъ благодушно, какъ мнѣ показалось, судитъ дезертировъ бывшій мировой судья, а внизу, въ тѣсной камерѣ содержатся не то безпечные, не то забитые арестанты, мы тяготимся крайне; жить въ каталажкѣ потѣшно, но и стыдно. Пробуемъ обратиться къ этапному коменданту, дежурный телефонируетъ ему, тотъ вызываетъ насъ къ себѣ на домъ; чудно ему, что обратился штатскій, профессоръ. Оказывается — подъ френчемъ коменданта — матросъ балтфлота; помочь выѣхать онъ не можетъ, но очень сердечно проситъ «быть гостями». Петербургскій профессоръ для кронштадца прежде всего «землякъ» на чужой сторонѣ. Жены бесѣдуютъ о нарядахъ, о достоинствахъ японской «фанзы». На слѣдующій день матросикъ съ «Авроры» съ отеческой гордостью показываетъ мнѣ свой этапъ о 14-и учрежденіяхъ; столовая, баня, ночлежный пунктъ; по письменному его предписанію меня брѣютъ (всѣ парикмахеры города мобилизованы); вижу впервые верблюдовъ въ упряжкѣ. Но мы недаромъ «побираемся» на станціи; находимъ санитарную летучку, ждущую отправки на востокъ; намъ разрѣшаютъ грузиться. Мы пріѣзжаемъ ночевать.

Ничего не скажу о новыхъ нашихъ сожителяхъ, ибо спустя сутки мы всѣ почти перебираемся въ другую «летучку», гдѣ намъ и суждено вмѣстѣ прожить цѣлыхъ 8 дней. Составъ этотъ, не имѣющій при себѣ больныхъ,

но везущій грузъ кожи, назначенъ въ первую очередь. Но здѣсь порядки строже. Старшій врачъ, человѣкъ съ университетскимъ значкомъ съ жестокимъ формализмомъ отказываетъ намъ въ мѣстѣ, наконецъ требуетъ формальнаго предписанія отъ мѣстнаго «пачэвака» (начальникъ эвакуаціоннаго пункта, предметъ каламбуровъ: «почевалъ у пачэвака»). Впереди — полчаса, ищемъ въ морозной мглѣ. Тамъ съ первыхъ словъ получаемъ требуемое и я еще до отправки успѣваю принять участіе въ обязательномъ спортѣ: похищенія мерзлыхъ 48-вершковыхъ дровъ съ штабелей. Это необходимость и обычай, передъ которымъ спасуютъ бдительность и винтовки охраны. Нерѣдко одинъ составъ обкрадываетъ другой, чтобъ не замерзнуть.

Ночью, послѣ томительной неизвѣстности, поѣздъ трогается. Это мѣрило нашего самочувствія; колеса стучатъ, значитъ намъ все нипочемъ. Занимаемъ, преодолѣвая затаенный эгоизмъ попутчиковъ нашихъ, мѣста на полкахъ вагона 4-го класса; мы посторонніе и будто бы мѣшаемъ; такъ и во весь путь добрососѣдскія отношенія то и дѣло смѣняются рѣзкимъ «отталкиваніемъ» по отношенію къ намъ, чужимъ и чуждымъ.

Ѣдутъ изъ Москвы врачи ускореннаго выпуска, сестры, санитары, лекпомы (фельдшера, нынѣ по уловляющей простодушныя самолюбія табели о рангахъ — лекарскіе помощники) изъ отпуска по болѣзни, «военкомы» — коммунисты — къ своимъ частямъ и госпиталямъ.

Врачей съ нами трое; одинъ — польскій еврей, упитанный и полный заботъ о своей особѣ, соединяетъ сложную діалектику оправданія большевизма въ его идейномъ стержнѣ со сладкой мечтой на правахъ польскаго подданнаго сняться съ учета и уѣхать за границу; другой — близорукій, задумчивый и нерасторопный, но доброты явно безконечной, душою далекъ отъ насъ; его прямое призваніе талмудическая экзегетика; война помѣшала его раввинскому экзамену.

Третій — красивый, курчавый, почти еще мальчикъ — мечтатель практическій. Онъ служитъ самой призрачной, самой капризной изъ богинь — спекуляціи. Учитываетъ уплату натурой за частные визиты, шансы, связанные съ недостаткомъ врачей въ Сибири. Онъ будетъ посылать своему шурину продовольственныя посылки отъ имени подчиненныхъ красноармейцевъ, для перепродажи на Сухаревкѣ. До окончанія войны сдѣлаетъ полъ милліона. Есть и маленькія средства для оборота.

Впрочемъ, и раввинъ везетъ кой-какія сбереженія, зашитые въ папаху. Мы называемъ его «золотая голова», но не въ воздаяніе его умственнымъ способностямъ, какъ полагаютъ военкомы. Жена секретничаетъ съ врачами на еврейскомъ языкѣ, который сходитъ за французскій и ставится ей на видъ, какъ буржуазная замашка. Въ общемъ, всѣмъ троимъ — тяжело на душѣ; ѣдутъ они въ тайгу, и тайгу совѣтскую, спасать, гдѣ нельзя спасти, да и почти нельзя спастись.

Ѣдетъ сестра, тоже еврейка, стриженная съ чудесными замученными черными глазами; еще очень слаба послѣ тифа. Она изъ интеллигентной харьковской семьи, кажется курсистка, доброволецъ германской войны. О ней съ несказанной, по-женски деликатной заботливостью печется санитаръ, красивый, съ твердымъ подбородкомъ и мощнымъ торсомъ юноша, простой парень и вмѣстѣ рыцарь. Въ мелочный и брюзгливый бытъ слишкомъ длительнаго пути вносятъ они строгость и умиленіе большой любви. Но еще

передъ Омскомъ этого богатыря-сидѣлку снимаютъ съ поѣзда: воспаленіе легкихъ и плевритъ.

Прочіе хозяева вагона, низшій медицинскій персоналъ — народъ грубый и суетный, погруженный въ любованіе своими галифэ, ѣду или ревнивое ухаживаніе за пассажиркой, бѣлокурой и голубоглазой, съ высокимъ птичьимъ щебетаніемъ и короткими птичьими мыслями. Ѣдетъ эта «плавающая-путешествующая» невѣдомо зачѣмъ изъ Ташкента черезъ Самару въ Омскъ, и видимо, послѣ мѣсяцевъ пути, не торопится доѣхать; впереди, какъ позади, развалины; что и дѣлать ей, какъ не бродяжить по летучкамъ, подобно стольким «каликамъ-перехожимъ», что неустанно и безцѣльно бродятъ сегодня по пепелищу Россіи.

Каждый изъ этихъ бывалыхъ людей встрѣчаетъ насъ сакраментальнымъ, какъ масонское привѣтствіе вопросомъ. Тифомъ болѣли? — Нѣтъ. — Ну, будете болѣть; мы всѣ болѣли.

Наши военкомы люди не одинаковой складки. Иванъ Ивановичъ, чернобородый, румяный, съ волчьими зубами латышъ, лишняго не говоритъ, но хватка у него крѣпкая. Смотришь, а онъ уже примостился во второмъ классѣ, гдѣ можно распаковать погребецъ съ водкой и лакомствами. Ни слова пропаганды или хвастовства. Рудокопъ, молча и флегматично разрабатывающій благодарную жилу.

Другой, петербургскій слесарь, полякъ, съ чахоткой, схваченной въ тюрьмѣ, истериченъ и сварливъ, то любезенъ, то запальчивъ. Для этого обреченнаго человѣка коммунизмъ — месть за бѣдность, за болѣзнь, за собственную незначительность. То злобится, то размякнетъ. Однажды въ душную ночь отказалъ слегка занемогшей женѣ моей въ глоткѣ воды — за буржуазность; въ другой разъ — онъ на побѣгушкахъ. Везетъ онъ жену главнаго врача своего госпиталя, который гдѣ-то между Челябинскомъ и Омскомъ. Московская дама съ лорнетомъ; ни разу за 8 дней не сняла она въ жаркомъ вагонѣ ватнаго костюма; закуталась отъ вшей и всю дорогу лежала больная отъ страха.

Послѣдняя и очень картинная фигура: казакъ-мусульманинъ въ мурмолкѣ и съ красными лампасами, столь находчиво возвращенными большевиками строптивому казачеству. Умница, силачъ и краснобай, онъ колетъ дрова шашкой, разсказываетъ намъ о пропагандѣ у восточныхъ народовъ, пьетъ четвертями молоко. Слушая его, видишь мысленно сонмы степныхъ всадниковъ, несущихся на Европу подъ знаменемъ пророка по манію большевиковъ. Большевикъ — большой человѣкъ, богатырь, освободитель отъ европейцевъ, посланецъ Аллаха, гроза невѣрныхъ...

Дни текутъ однообразно. Какъ всегда главный интересъ: закупка съѣстного на станціяхъ. Мы всѣ немного больны отъ жирной свинины, пироговъ съ мясомъ... Разговоры трафаретные; обязательная условная ложь — считать другъ друга лояльными коммунистами; мнѣ же и вообще запрещено женою говорить: что-то есть въ невиннѣйшихъ замѣчаніяхъ моихъ изобличающее врага. Впрочемъ мнѣ и жена не жена; совмѣстныя командировки супруговъ воспрещены декретомъ; она — моя ассистентка; недаромъ истеричный военкомъ предлагаетъ ей въ минуту малодушія бросить «профессора» и ѣхать въ другомъ направленіи; онъ же броситъ жену врача, которую везетъ къ мужу, своему сослуживцу.

Съ каждымъ днемъ мы ближе къ мѣстамъ недавнихъ боевъ; однако, слѣды войны немногочисленны или неявны; на Уралѣ мы видѣли разбитые вагоны подъ откосами. Здѣсь — изрѣдка ряды загражденій, разбитыя водокачки, въ Курганѣ обгорѣлый вокзалъ. На станціяхъ стада «перебѣжчиковъ». Доктрина ихъ не сложна. Паекъ, что у тѣхъ, то у этихъ примѣрно одинъ, только у Колчака строже, а за слово «товарищъ» — шомполъ. Главное, не хотѣлось уходить далеко; какъ только фронтъ отрѣзалъ этихъ пермяковъ и вотяковъ отъ своей губерніи — они и перешли.

Другая разновидность участниковъ войны: плѣнные бѣлогвардейцы, отпущенные по домамъ. О нихъ придется разсказывать не разъ. Поступали съ ними такъ: отпускали на свободу, не снабжая ни литерами на проѣздъ, ни аттестатами на довольствованіе при этапахъ.

Впервые мы увидѣли бѣлогвардейцевъ на одной изъ станцій около Петропавловска. Они облѣпили паровозъ маршрутнаго поѣзда, слѣдующаго съ Востока. Вѣтеръ страшный, лица обмерзли, но спинамъ тепло. Ѣхали которые уже сутки безъ пищи. Мы всѣ отдали имъ все, что запасли, вплоть до сухихъ корокъ. Страшны были эти голодные среди окружающаго изобилія! Другой мелкій путевой инцидентъ. Однажды дверь въ вагонъ открывается, кто-то невидимый вталкиваетъ сѣрую фигуру въ шинели, пришелецъ падаетъ на лавку.

Это тифозный. Врачи и сестры нашли его полузамерзшимъ на тормазѣ своего вагона, сжалились надъ нимъ, испугались за себя и «подкинули» его намъ.

Но не тутъ то было. Оставить тифознаго у насъ значитъ заразить еще не болѣвшихъ, а главное лишиться мѣста въ поѣздѣ. Нашъ вагонъ санитарный, при первомъ признакѣ инфекцій онъ будетъ безпощадно очищенъ отъ пассажировъ, и мы будемъ брошены на глухой станціи, среди несчастныхъ, уныло ломящихся въ каждый поѣздъ: «нельзя ли довезти? Мнѣ недалеко, до Омска . . .» Послѣ яростныхъ пререканій жуткій гость возвращенъ первоначальнымъ хозяевамъ.

Наканунѣ Новаго года по старому стилю мы крѣпко засѣли въ большомъ базарномъ селѣ. Идемъ осматривать мясной базаръ, сотни подводъ, тысячи тушъ. Но насъ уже зовутъ попутчики наши, врачи. Мы всѣ приглашены чай пить къ мѣстнымъ сестрамъ милосердія; скоро мы всѣ въ сборѣ въ каморкѣ сестрицъ, за самоваромъ; сестры столичныя и куда какъ рады рѣдкимъ гостямъ.

Какъ закинула ихъ въ эту глушь совѣтская фортуна? Онѣ продвигались съ летучкой на фронтъ, проѣздомъ ихъ сняли съ поѣзда и назначили на эпидемію. Черезъ полчаса они вспрыскивали камфару тифознымъ ребятишкамъ. На десятки, а то и сотни верстъ, налицо былъ единственный фельдшеръ. Каждаго заболѣвшаго онъ добросовѣстно помѣщалъ въ баракъ, отчего всѣ больные сыпнымъ получали возвратный и наоборотъ, а больные, положимъ, испанкой — и тотъ, и другой. Зато безъ медицинской помощи не оставался никто.

Было тѣсно; одна изъ сестеръ, дюжая и веселая, съ зычнымъ смѣхомъ усадила на колѣни младшаго изъ врачей и душила его огромными руками. Другая конфузилась, да и мы тоже. Въ этихъ медвѣжьихъ объятьяхъ — тоска обездоленной по молодости и любви.

Молодому же коллегѣ и вообще повезло въ этихъ мѣстахъ; у него былъ полонъ ротъ пломбъ и парнишки на базарѣ ходили за нимъ грубой: «Смотри-ка: мужикъ съ золотыми зубами!»

Послѣ чая ужинъ въ агитпунктѣ, онъ же коммунистическій клубъ; некрашенные столы и скамьи, кабацкій хриплый граммофонъ, два плаката противъ Колчака, засиженные мухами, и хоть бы одна газета. Мы уходимъ къ себѣ въ эшелонъ, не доѣвъ жаренныхъ куропатокъ; мрачный юморъ этого пиршества томителенъ. Спѣшимъ забраться на полки и встрѣчаемъ Новый годъ въ раздумьи о томъ грозномъ, что для многихъ изъ насъ впереди.

Къ Иртышу подъѣзжаемъ позднимъ вечеромъ. Мостъ взорванъ. Эшелонъ, когда настанетъ его очередь, «передадутъ» частями по льду. Утромъ мы, не дождавшись, наряжаемъ подводу и ѣдемъ на станцію Омскъ, минуя городъ, котораго я такъ и не увидѣлъ. Каждый старается тронуться незамѣтно и найти оказію ранѣе и помимо прочихъ. За нами скачутъ лишь двое «красныхъ командировъ», только что выпущенныхъ съ московскихъ курсовъ, но столь безцвѣтныхъ, что я забылъ упомянуть о нихъ раньше. Щегольскіе френчи, шпоры и традиціонныя длинныя съ прорѣхою шинели, былая гордость юнкеровъ; въ каждомъ движеніи, взглядѣ дѣтская, самолюбивая радость: «я офицеръ».

Омскъ, вокзалъ. Нѣсколько сотъ верстъ до Ново-Николаевска, двѣсти съ чѣмъ-то по вѣткѣ до Барнаула — и мы у цѣли.

Складываемъ багажъ у заколоченной уже мѣсяцъ кассы; въ буфетъ пройти нельзя; тамъ идетъ мытье половъ. Въ главномъ же помѣщеніи на лавкахъ, на полу, подъ плакатомъ «губчекатифа» съ санитарными заповѣдями, копошится солдатская масса, стоя, сидя, лежа (на полу нельзя, такъ на перилахъ кассы). Спустя часъ толпу перегоняютъ въ буфетъ и начинаютъ мыть сулемой и карболкой залъ; сизифовъ трудъ. Сбыть же эту толпу отпускныхъ, отсталыхъ, больныхъ, перебѣжчиковъ, бѣлогвардейцевъ, дезертировъ, безъ изъятія покрытыхъ паразитами некуда; на западъ не движется ни одинъ поѣздъ.

Мы сначала идемъ по ложному пути; намъ указываютъ, что на сортировочной, верстахъ въ двухъ отъ вокзала, стоитъ летучка; но пока мы колеблемся двинуться съ вещами, сердобольный желѣзнодорожникъ сообщаетъ таинственно, что собирается экстренный составъ для комиссара путей сообщенія Сибревкома тов. Воинова, слѣдующаго срочно въ Томскъ. Вскорѣ и разрѣшеніе примкнуть получено; какое счастіе! По разсчету мы въ 36 часовъ въ Ново-Николаевскѣ, а тамъ — рукой подать.

Однако, посадка не обходится безъ треволненій. Воиновъ распоряжается прицѣпить для пассажировъ классный вагонъ; пока что намъ лишь условно разрѣшаютъ присѣсть съ вещами въ служебномъ вагонѣ. Но классный — боленъ, вагончикъ для артельщиковъ идетъ лишь до перваго депо; приходится оставаться тамъ, куда забрались. Къ намъ присоединяется интеллигентъ въ пенснэ и штатской шубѣ; по тому, какъ онъ настойчиво стучится въ салонъ-вагонъ «министра», умозаключаемъ, что нашъ конкурентъ «шишка» и большевикъ. Съ нимъ — еще двое спутниковъ.

Но дѣло еще не выиграно. Въ вагонѣ помѣщаются четыре бригады: двѣ смѣны кондукторовъ и двѣ машинистовъ. Они требуютъ, чтобъ мы покинули вагонъ, самочинно провѣряютъ наши командировки, разрѣшеніе,

данное намъ Воиновымъ признавать отказываются: «онъ намъ не начальникъ, теперь начальниковъ нѣтъ». Мало того, машинисты отказываются везти, если постороннихъ не удалятъ. Не припомню, какъ дѣло обошлось, но мы остались.

Здѣсь приходится сказать: выводъ за 30, а позже еще 18 дней пути — не жди человѣчности отъ желѣзнодорожниковъ. «Утечека» (желѣзнодорожная чрезвычайка) сжалится и даже хлѣбомъ накормитъ голодныхъ, милиція усадитъ въ поѣздъ внѣ очереди женщину съ ребенкомъ (и то, и другое знаю изъ опыта,) но желѣзнодорожникъ никогда.

Они одни выше закона. Ихъ палладіумъ — плакатъ: «Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ техническія распоряженія желѣзнодорожнаго начальства». Ни у кого не видѣлъ я такого цинизма и такого ожесточенія. Заматерѣлые комиссары ублажаютъ желѣзнодорожниковъ взятками. Что тутъ: месть за все перенесенное въ 17 и 18 годахъ во время возвращенія арміи по домамъ, неимовѣрно тяжелый трудъ среди окружающей праздности, сознаніе своей незамѣнимости, а потому и неприкосновенности, но безпримѣрный эгоизмъ, желчный и агрессивный, этого сословія оставляетъ въ тѣни даже холодную безпощадность крестьянъ къ голодному горожанину.

Конечно, замѣчанія эти не систематическія обобщенія, а эмпирическіе выводы, — но продуманные вполнѣ. Мы, посторонніе, впятеромъ примащиваемся наверху, въ крайнемъ отдѣленіи, занимая «второй и третій ярусъ»; насъ не видно и не слышно; пусть о насъ забудутъ. Межъ тѣмъ, напоръ желающихъ ѣхать все усиливается, но допущенъ только членъ союза коммунистической молодежи, придурковатый, но не безъ хитрости паренекъ. При немъ тощій свертокъ газетъ: онъ «везетъ литературу». Позже, кажется въ Барабинскѣ, садятся еще милиціонеръ при винтовкѣ и ввѣренный ему арестантъ-«самогонщикъ», котораго онъ везетъ въ Ново-Николаевскъ судиться въ ревтрибуналѣ. Преступникъ безпеченъ, какъ фаталистъ, солдатикъ же томится отвѣтственностью, да и выдано ему всего сухарей на три дня.

Наши сосѣди, мнимые большевики, на самомъ дѣлѣ кооператоры. Тотъ, что въ пенснэ, бывшій городской голова одного изъ городовъ западной Сибири, журналистъ и редакторъ газеты; онъ соціалъ-демократъ меньшевикъ, при Колчакѣ былъ смѣщенъ и посаженъ въ тюрьму; ново-николаевское возстаніе вернуло ему свободу. Въ Омскѣ былъ по вызову Сибревкома, предлагавшаго ему отвѣтственный постъ и поручившаго ему ревизію; отъ службы онъ пока отказался и ѣхалъ къ семьѣ. Первый его спутникъ — инспекторъ союза кредитныхъ товариществъ, юристъ, ушедшій въ кооперацію, второй — инструкторъ и бывшій машинистъ. Впервые за весь путь между ними и нами протянулись нити взаимной пріязни и солидарности, — столь облегчившей намъ надвигавшіяся бѣдствія. Для городского головы профессоръ не былъ уже тѣмъ экзотическимъ существомъ, раздражающимъ парадоксомъ, что для всѣхъ въ дорогѣ; онъ читалъ и помнилъ мои статьи. Здѣсь, за три слишкомъ тысячи верстъ отъ столицы испыталъ я прочность профессіональнаго братства.

Уже три почти недѣли до меня не доходили политическія новости; наше — быстрое по обстоятельствамъ времени — передвиженіе опережало почту, да и слишкомъ мы были озабочены. Тутъ мы узнали, что пришла телеграмма о снятіи блокады. Мы лишь улыбнулись предполагаемой совѣтской уткѣ.

Пока что мы ѣдемъ и очень быстро; на станціяхъ, даже въ депо при смѣнѣ паровозовъ, гдѣ менѣе призелигерованный поѣздъ ночевалъ бы непремѣнно, стоимъ не болѣе получаса; опять на перронахъ продаютъ съѣстное, но мы не запасаемся; вѣдь завтра мы въ Николаевскѣ, да еще сохранились купленные въ Омскѣ вязка бѣлыхъ баранокъ и пироги. Погода, какъ и во всю дорогу, мягкая и ясная. Но чѣмъ ближе мы къ Чулыму (послѣднее депо передъ цѣлью), тѣмъ больше она омрачается. Поднимается въ таігѣ буранъ, заметаетъ путь. Всю ночь мы слышимъ, какъ паровозъ борется со стихіей, какъ колеса, словно по песку, скрипятъ по снѣгу, какъ для новаго разбѣга осаживается назадъ поѣздъ; когда заснешь, то и дѣло просыпаешься отъ зловѣщей недвижности поѣзда и гула вьюги въ степи. Утро ясное и морозное застаетъ агонію поѣзда; напрасны усилія; паровозъ зарывается въ сугробъ, но «взять» его не можетъ. Всѣхъ вызываютъ на очистку пути отъ быстро леденѣющаго и твердѣющаго барьера: команду красноармейцевъ охраны, жильцовъ служебнаго вагона. И что жъ, путь расчищенъ, мы медленно продвигаемся, доѣзжаемъ до разъѣзда, къ вечеру послѣ длительныхъ маневровъ опять трогаемся въ путь и окончательно застрѣваемъ за версту отъ слѣдующаго.

Выгнаны на очистку заноса мѣстные крестьяне, но гдѣ имъ справиться; телеграммой вызвана подмога изъ Ново-Николаевска, но когда мобилизованные на повинность «буржуи» дороются до насъ черезъ 70 верстъ заносовъ? Правда, мы еще не понимаемъ значительности препятствія. Какъ водится, первая забота — о хлѣбѣ насущномъ. Сколько насъ дорога не учитъ, а мы всегда попадаемъ въ просакъ, отъ излишняго оптимизма. Намъ давно ѣсть нечего и насъ поддерживаетъ лишь плотная торбочка хлѣбосольныхъ кооператоровъ.

Выходимъ — по глубокому снѣгу — на развѣдку, выслѣживать пищу, за нами, какъ индѣйцы, крадутся другіе, выслѣживая насъ. Деревня далеко, а на станціяхъ начинаютъ голодать, ибо отъ дня паденія Омска нѣтъ движенія грузовъ.

Главный нашъ конкурентъ — старикъ-еврей въ вытертой поддевкѣ; какъ оказывается, крупный хищникъ колчаковской эпохи, подрядчикъ, комиссіонеръ и ростовщикъ; одинъ изъ красноармейцевъ опознаетъ въ немъ «хозяина»: работалъ у него на заводѣ. И нынѣ у него хлопотъ полонъ ротъ, карманы полны денегъ и мандатовъ, онъ ѣдетъ что-то скупать за счетъ ревкома. Но странно, желѣзнодорожники и красноармейцы смотрятъ на перелицованнаго буржуя съ любовной какой-то насмѣшливостью, безъ злобы. Онъ даже популяренъ.

Сначала пьемъ чай въ будкѣ стрѣлочника, посовѣщавшись, пить или не пить, ибо за перегородкой — больные дѣти. Потомъ заводимъ знакомство съ женой дорожнаго мастера и заполучаемъ хоть и не гуся, но зато картошку съ подливкой отъ гуся, съѣденнаго вчера опередившимъ насъ на этотъ разъ заводчикомъ.

Но намъ хочется не ѣсть, а ѣхать. Постепенно мы уясняемъ себѣ положеніе. То, что мы видимъ, освѣщается черезъ то, что мы слышимъ долгими вечерами, которые бригады, непривычные къ правильному сну, заполняютъ толками о только что вихремъ пронесшихся событіяхъ.

На всемъ протяженіи отъ Чулыма до Николаевска, на 60 верстъ впереди насъ, на 30 позади тянется почти непрерывная «лента» поѣздовъ. Они еще

за недѣлю до бурана забивали оба пути, по вторую ленту уже успѣли «растаскать». Вокругъ этого сплошного почти вала и уплотнившегося заносъ, не сдерживаемый деревянными щитами, давно сломанными на дрова. Вагоны замело до крышъ.

Поѣзда слѣдуютъ другъ за другомъ подчасъ на разстояніи всего пяти саженей. Составъ ихъ разнообразенъ: пульмановскіе вагоны дальневосточнаго экспресса, просто классные, санитарные, теплушки, цистерны, платформы, груженныя автомобилями, ящиками съ шрапнелью, необозримымъ, неисчислимымъ добромъ. Наши попутчики, конвоиръ и винокуръ, раздобыли себѣ по полевому телефону изъ открытаго вагона, груженнаго драгоцѣнными аппаратами, но охрана конфисковала. Дальше еще цистерны, холодильники, салонъ-вагоны, больные паровозы, взятые на буксиръ, вагоны безъ конца, тысячи вагоновъ — и въ нихъ ни души. Лишь изрѣдка, черезъ десять, черезъ пятнадцать эшелоновъ надъ какимъ-либо вагономъ вьется дымокъ, какъ надъ юртой самоѣда, это скудная и запоздалая охрана. Разительна недвижность этихъ паровозовъ, моторовъ, вагоновъ всей структурой своей выражающихъ движеніе!

Вспоминается исторія Шерлокъ Хольмса объ «исчезнувшемъ экстренномъ поѣздѣ». Исторію же этихъ сотенъ поѣздовъ, вышедшихъ изъ Омска и никуда не пришедшихъ, мы постепенно узнаемъ.

По вечерамъ мы, лежа на своихъ полкахъ, прислушиваемся къ бесѣдѣ желѣзнодорожниковъ; ораторы: угрюмый и вялый сивоусый оберъ-кондукторъ и другой кондукторъ, помоложе, тучный и злобный, съ обликомъ мясника. Этотъ послѣдній сегодня ярый большевикъ со всѣмъ аппаратомъ октябрьскаго краснорѣчья, здѣсь еще не затрепаннаго («довольно пили нашу кровь» и т. п.). Машинисты больше слушаютъ. Злорадство и бахвальство разсказчиковъ — лучшее ручательство за страшную правду.

Крупные подрядчики и импортеры Омска тревожились давно, несмотря на заявленіе правителя о томъ, что столица Сибири сдана не будетъ. Они исподволь готовились къ длительному бѣгству среди зимы. За ихъ счетъ производилось оборудованіе теплушекъ, обшиваніе досками, конопаченіе. Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ зарабатывали по 18-и тысячъ въ день при стоимости бѣлаго хлѣба въ 40 копѣекъ фунтъ. Когда тонкая цѣпь защитниковъ стала все быстрѣе осѣдать и поддаваться къ Омску, «буржуи» съ семьями и имуществомъ двинулись въ путь, купивъ у машинистовъ согласіе везти. Но на первой же станціи ихъ ожидалъ новый ультиматумъ поѣздной команды: уплатить контрибуцію въ 100 или 50 тысячъ или выгружаться; этотъ шантажъ повторялся непрерывно; лишь очень богатые или очень удачливые составы куда-либо продвинулись; остальные застряли въ пути и положили начало безмѣрной катастрофѣ эвакуаціи.

Когда стало яснымъ, что Омску не сдобровать, поднялись всѣ; не только «буржуи», но ремесленники, рабочіе, совершенные бѣдняки, очертя голову, бросились въ грозную неизвѣстность — таковы были паника и ненависть. И въ это стихійное движеніе бѣженства приказъ объ эвакуаціи арміи, учрежденій въ полномъ составѣ, интендантскихъ складовъ, офицерскихъ и чиновничьихъ семей влилъ еще огромную силу и огромную массу движущагося матеріала. Мы знаемъ, что то спасеніе, которое мерещилось на востокѣ было призрачнымъ; что навстрѣчу отступающей громадѣ поднялся Ново-

Николаевскъ. Но и безъ возстанія въ тылу могъ ли этотъ караванъ, на десятки верстъ растянувшійся по обѣимъ колеямъ, куда-либо дойти?

Видимо Богъ поразилъ безумьемъ побѣжденную власть. То, что нельзя было вывезти, сжигалось. Зашедшій погрѣться въ нашъ теплый уголъ красноармеецъ разсказываетъ, что вагоны съ тяжело-раненными военноплѣнными были также подожжены и что онъ самъ спасся черезъ окно. Безумецъ или хвастунъ? Но этотъ разсказъ слышалъ я позже изъ многихъ устъ.

Что же сталось съ этимъ городомъ на колесахъ? И объ этомъ знаю лишь, что довелось услышать за эти ночи въ заносѣ. Цѣлые вагоны вымирали отъ тифа, отъ холода, отъ голода, особенно дѣти. Уйти было некуда, а нужды слишкомъ много. То и дѣло, вооруженные крестьяне, «партизаны» или просто хозяева, производили налеты, грабили и убивали защищавшихся. По всему пути, подъ снѣгомъ, штабели обобранныхъ, незакопанныхъ труповъ; что за смрадъ будетъ по веснѣ!

Такъ мирно толковали у насъ въ вагонѣ и, повидимому, то правда. Тому порука — лента мертвыхъ поѣздовъ со сгинувшими людьми.

Межъ тѣмъ, дни идутъ, и выручки не видно. Запасы опять на исходѣ, намъ тяжко въ духотѣ и угольной пыли вагона; пока мы въ пути, надъ нами виситъ зараза. Да чѣмъ ближе цѣль, тѣмъ больше одолѣваютъ нетерпѣніе и тревога. Мы съ кооператорами рѣшаемъ пробираться дальше во что бы то ни стало. До ближайшаго торговаго села 10 верстъ. А оттуда въ Ново-Николаевскъ 55 на лошадяхъ.

Дорожный мастеръ предоставляетъ для жены моей и вещей подводу пригнаннаго на очистку пути крестьянина: плетенный коробъ. Мы мужчины идемъ пѣшкомъ то по путямъ, то по близлежащей шоссейной дорогѣ. Послѣ отвратительной тоски нашего плѣна въ заносѣ хорошо, почти весело шагать «по шпаламъ». — День солнечный, небо синее, тайга подъ снѣгомъ алая на солнцѣ съ фіолетовыми тѣнями. Слегка морозитъ, но отъ мѣрной ходьбы тепло.

Безпредѣльнымъ кажется одиночество въ пустынѣ, но вотъ все чаще на горизонтѣ появляются черныя точки, въ одиночку и небольшими группами. Они приближаются: это люди съ черными отъ стужи и истощенія лицами (такія лица въ средневѣковыхъ изображеніяхъ смерти, когда еще не знали анатоміи), въ рваныхъ шинеляхъ, съ руками безъ рукавицъ, запрятанными въ рукава, безъ привычнаго солдатскаго мѣшка за плечами. Нѣкоторые перевязаны окровавленными, грязными, покоробившимися тряпками. Эти люди — то, что осталось отъ арміи адмирала Колчака, менѣе чѣмъ за годъ до того подходившей къ Самарѣ и Казани.

Красный побѣдитель поступилъ съ ними съ дьявольской гуманностью. Разоружилъ и отпустилъ на всѣ четыре стороны. И вотъ эти пермскіе, вятскіе, приволжскіе идутъ домой по сибирской магистрали за двѣ, за три тысячи верстъ, среди зимы и среди тайги.

Кто несчастнѣе, они или тѣ 70.000, что заперты въ тифозный карантинъ военнаго городка въ Ново-Николаевскѣ, окруженные наведенными на нихъ орудіями? И тутъ, и тамъ почти вѣрная смерть. Но у этихъ пѣшеходовъ есть хоть надежда, хоть маячитъ передъ ними фата-моргана родного села.

На нихъ нѣтъ ничего, кромѣ отребья шинели, остатковъ сапогъ; они до чиста ограблены партизанами. Идутъ они врозь въ надеждѣ легче про-

кормиться, не напугать крестьянъ. Но тѣ и безъ того баррикадируются отъ жуткихъ гостей: даромъ кормить не хотятъ (да и накормишь ли тысячи?). Боятся грабежей.

Единственное прибѣжище этой арміи призраковъ — станціонныя зданія, пустыя, нетопленныя. Единственный шансъ ускорить путь, взобраться тайкомъ на тормазъ вагона. Но до мѣста, гдѣ желѣзнодорожное движеніе возстановлено, идти тысячу слишкомъ верстъ. Да и не дай Богъ въ морозную ночь задремать на тормазѣ: пробужденія нѣтъ.

Не разъ наша охрана расталкивала полуокоченѣвшихъ людей, забравшихся къ намъ ради иллюзіи убѣжища. А черныхъ точекъ все больше; многіе идутъ изъ Тайги, прошли уже сотни верстъ. Погода къ нимъ милостива, но что станется съ ними завтра, когда грянутъ морозы?

До смертнаго часа буду помнить эту разорванную цѣпь людей, тянущихся на западъ мимо нескончаемой «ленты» отступленія, замерзшаго на рельсахъ лицомъ къ востоку.

Только свидѣтели отхода Великой Арміи изъ Москвы въ 12-мъ году видѣли подобное, думается мнѣ. Но все же та катастрофа была осѣнена мрачнымъ воскрыльемъ Наполеоновской славы. Объ этихъ сгинувшихъ русскихъ крестьянахъ знаетъ одна тайга.

Но мы уже у цѣли, въ конторѣ кооперативнаго склада. Сторожъ топитъ печь, ребятки бѣгутъ за молокомъ, только хозяйка не встаетъ съ постели; ей что-то «неможется». Мы предпочитаемъ не разспрашивать. Заказываемъ на завтра лошадей, ужинаемъ, согрѣваемся глоткомъ водки и укладываемся всѣ пятеро на ночлегъ, разостлавъ на полу плэды и шубы.

Утромъ насъ будятъ засвѣтло; намъ предстоитъ шестичасовой путь. Наскоро напившись чаю, выходимъ на дворъ: дыханье захватываетъ отъ мороза. Справляемся по реомюру: 40 слишкомъ градусовъ. То давно ожидаемый переломъ погоды; вѣдь конецъ января. Конечно, мы рѣшаемъ ѣхать. На мнѣ зимнее пальто на ватинѣ и шелку, ботинки и мелкія калоши, на женѣ легчайшее пальто, на ватинѣ лишь до пояса, съ обезьяней шалью, очень элегантное, модель отъ француза, и ботинки безъ всякихъ калошъ.

Въ вагонахъ тепло, да и неоткуда было взять другую одежду. Артельщики въ собачьихъ, лохматыхъ дохахъ улыбаются. Наконецъ, одинъ изъ кооператоровъ ссужаетъ меня высокими сапогами, которые самъ смѣнилъ на катанки; жена пялитъ на манто полушубокъ хозяйки, той самой, что почему-то лежитъ въ постели — и съ Богомъ, въ путь.

Мы усѣлись на сѣнѣ въ нашей кошевкѣ, укрылись, чѣмъ могли, какъ будто бы согрѣлись, но ненадолго; такъ холодно, что и сказать нельзя. Сведенныя въ неудобной позѣ ноги стынутъ и болятъ невыносимо. Неужто проѣхали всего пять верстъ, быть не можетъ. Выглядываю изъ-подъ шали, въ которую спряталъ лицо. Въ утреннемъ полумракѣ не видать ничего, только по высокой желѣзнодорожной насыпи, уже освѣщенной солнцемъ, мимо брошенныхъ поѣздовъ, попадающихся теперь уже рѣже, движутся черныя точки. Это «вяцкіе» идутъ домой, покорные стихійной тоскѣ по роднымъ мѣстамъ, съ фатализмомъ безподобнымъ и губительнымъ. И каждый разъ, когда терзаемый стужей, я выглядываю изъ-подъ шарфа — на горизонтѣ движутся маленькіе черные автоматы.

Но вотъ наконецъ деревня, большая, о 40 дворахъ. Подъѣзжаемъ къ первому, стучимся: «У васъ больныхъ нѣтъ?» — «Какое нѣтъ, почитай всѣ

больные». Колесимъ отъ дома къ дому; всюду одинъ отвѣтъ. Пока поднимаешь ноги какъ гири, топчешься, но не согрѣться никакъ. Ну что жъ, заходимъ въ тифозную избу. И точно, на печи лежитъ на брюхѣ скелетъ и смотритъ на насъ знакомыми глазами «съ того свѣта». Флегматичный старикъ мямлитъ: «вотъ второй заболѣлъ, а старшого на той недѣлѣ схоронили».

Мы узнаемъ, что въ деревняхъ вдоль магистрали тифъ повальный, не минуетъ никого. Врача ни одного, медикаментовъ никакихъ. Цѣлыя семьи лежатъ въ бреду и некому подать воды, затопить печь; а вѣдь надо еще расколоть ледъ, нарубить дровъ. Сосѣди либо боятся зачумленной избы, либо сами валяются.

Я такъ изнемогъ, что съ отчаяніемъ присаживаюсь на лавку. Чай пить мы не рѣшаемся, лицомъ къ лицу со смертью. Черезъ десять минутъ ѣдемъ дальше.

На второмъ привалѣ — совершенно то же.

Наконецъ послѣ шести самыхъ мучительныхъ часовъ моей жизни, вдали показывается городъ. Мы движемся уже среди цѣлаго обоза подводъ, навстрѣчу попадается отрядъ красноармейцевъ въ полушубкахъ, выѣзжаемъ на проспектъ, вотъ и правленіе, спутники наши объясняются, насъ ведутъ въ комнатку одного изъ управляющихъ, появляется самоваръ, японскій желтый сахаръ и водка, къ которой тянусь, потому что чувствую въ ней спасеніе. Спасибо кооператорамъ: безъ нихъ не миновать бы намъ страшнаго Ново-Николаевскаго вокзала и безплодныхъ скитаній въ городѣ, подобномъ переполненной до нельзя больницѣ, въ поискахъ за жилищемъ.

Вотъ и въ нашей комнатѣ на дняхъ лишь находился больной, сынъ добрѣйшаго хозяина нашего, бѣлый офицеръ, нынѣ отправленный въ Барнаулъ.

Ново-Николаевскъ вспоминаю какъ въ туманѣ. Все время меня била сильнѣйшая лихорадка, ходилъ какъ оглушенный, качаясь, но не поддавался. Всѣ силы души напрягалъ, чтобы не «сдать» такъ близко отъ цѣли. Тѣмъ болѣе, что мѣстный кооператоръ утверждалъ, что видѣлъ въ Барнаулѣ, въ аптекѣ, провизора, по описанію напоминавшаго моего шурина; надежда найти своихъ крѣпнетъ.

Но трудно мнѣ, и друзья-попутчики, ложась рядомъ со мною на полъ, осторожно косятся на меня. Не хотятъ меня огорчать, но я имъ страшенъ.

Жена всѣ дни лежитъ на куцомъ диванчикѣ; она устала, ей «ничего не хочется».

Брожу по городу, покупаю у «ходи» чай по 150 рублей за фунтъ, но все вижу, какъ сквозь пелену. Что это было, тифъ, перенесенный на ногахъ, или просто нездоровье, по сей день не знаю. Насѣкомыми мы были покрыты. Здѣсь, на 25-ый день пути, первая баня.

Захожу побриться — мечта цѣлой недѣли. Парикмахеръ, еврей, несмотря на плосконосое татарское лицо и свѣтлые волосы, разсказываетъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ до возстанія. Видно у него огромная потребность подѣлиться тѣмъ ужасомъ, отъ котораго бритва дрожитъ въ его рукѣ и кривятся губы.

Чѣмъ тревожнѣе становились вѣсти съ запада, тѣмъ ожесточеннѣе репрессіи со стороны войскъ атамана Анненкова, занимавшихъ (если я вѣрно запомнилъ) городъ.

Всѣмъ евреямъ (ихъ тамъ горсть и никакого антагонизма они не вызывали) было предписано зарегистрироваться — на предметъ собственной безопасности. Каждый день за кѣмъ-либо приходилъ нарядъ казаковъ и тотъ не возвращался. Однажды пришли за его шуриномъ, владѣльцемъ парикмахерской. Взяли и его сестру, на шестомъ мѣсяцѣ беременности. Ихъ обвиняли въ связи съ коммунистами. Самого разсказчика спасли сосѣди и мало-типичный обликъ. Больше онъ своихъ не видалъ.

Послѣ переворота его вызвали опознавать трупы, онъ шурина такъ и не нашелъ, сестру же узналъ по одеждѣ и животу. Голова была начисто снесена ударомъ шашки...

Каждый день мы справляемся о поѣздѣ въ Барнаулъ, но вѣтка занесена; наконецъ отправка назначена. Не безъ усилія поднимаю жену, ѣдемъ на Алтайскій вокзалъ. Тутъ ужъ я дѣйствую силою своей «нарядной» командировки; кооператоры, которымъ ѣхать не полагается (они направляются къ семьямъ), жмутся сзади. И точно, дежурный предупредительно указываетъ номеръ и мѣсто нахожденія еще не поданнаго вагона, по просьбѣ моей выдаетъ оправдательную записку, и мы тащимся грузиться. Въ теплушкѣ уже сидятъ 7 человѣкъ: уѣздное Чека, направляющееся къ мѣсту службы; имъ досаденъ нашъ приходъ, но скоро насъ уже тридцать человѣкъ, стѣны вагона потрясаются ударами тщетно ищущихъ мѣста, тяжелая дверь все время ходитъ, пропуская мольбы и угрозы, а вмѣстѣ и гложущій, рѣжущій, невыносимый холодъ.

Нашъ товарный вагонъ изрѣшетенъ щелями, отверстій для трубы два, одно лишь пропускаетъ стужу. Жена забирается наверхъ, также и кооператоры, завертываются въ одѣяла; пытаюсь улечься и я, но не могу вынести холода. Сажусь на доску позади печурки; когда она накаляется до красна, ногамъ становится теплѣе, но дымятся и коробятся чужіе сапоги. Съ обѣихъ сторонъ я прижатъ сосѣдями. Вновь приходится, уже въ четвертый или пятый разъ, уживаться съ попутчиками. Т а к и х ъ у н а с ъ е щ е н е б ы л о.

Чекисты, за исключеніемъ предсѣдателя, народъ смирный. Тотъ начинаетъ съ криковъ: «Вонъ женщинъ!» Такъ и вообще военные: отъ комиссаровъ до дезертировъ привыкли считать передвиженіе въ поѣздахъ своей исключительной прерогативой. Наши бумаги слегка укрощаютъ его. Но во всю ночь продолжаются хвастливыя и грубыя рѣчи о ненужности интеллигенціи и всемогуществѣ мозолистыхъ рукъ, которыми онъ задираетъ меня и запугиваетъ двухъ прижавшихся другъ къ другу гимназистокъ. «Дорогу строили не инженеры, а десятники, всѣхъ выгонимъ землю пахать...» Банальный крикунъ; смотрю на него съ томительной скукой.

Зато другая группа приковываетъ все вниманіе, на которое способна моя затравленная и опустошенная лишеніями послѣднихъ дней мысль.

Это «партизаны», знаменитые «роговцы», та буйная сила, которая пріуготовила паденіе Колчака и легкое торжество красной арміи. Кто они? Таежный народъ, звѣроловы, браконьеры, бродяги, такъ и не изжившіе бунтарскаго хмѣля, а тамъ, за ними, темная и злобная деревня, кряжистый эгоизмъ и ненависть ко всему городскому, чужому, «россійскому».

Что подняло ихъ съ пиками въ рукахъ противъ режима, утвердившаго ихъ собственническія права?

Отчасти безчинства атамановъ, поборы, побои, безпорядокъ и хищничество, чинимые самовольно мѣстной воинской властью и которому я встрѣ-

тилъ въ пути и позже множество свидѣтелей. Но лишь отчасти. Пороки колчаковской власти, ея слабость въ центрѣ и безсиліе на огромной периферіи повредили ей меньше, чѣмъ ея добродѣтели, заключенное въ ней организующее начало. Мятежная вольница тайги возстала противъ порядка, противъ порядка какъ таковаго. Такъ, много мѣсяцевъ послѣ совмѣстной побѣды надъ Колчакомъ неприступные горные поселки бросали вызовъ «россійскимъ» краснымъ, объявивъ у себя «анархію», выставивъ пулеметы и закапывая живымъ въ землю совѣтскихъ инструкторовъ.

Когда саранча эта спускалась съ горъ на города, съ обозами изъ тысячи порожнихъ подводъ, съ бабами, — за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью — граждане молились о приходѣ красныхъ войскъ, предпочитая расправу, которая поразитъ меньшинство, общей гибели среди партизанскаго погрома. Нуженъ былъ Троцкій съ опытомъ его и умѣньемъ чтобъ постепенно организовать разложеніе вчерашнихъ соратниковъ; каждая же вспышка непокорности грозитъ не только большевизму, но самому бытію городовъ. Ужасна была борьба городовъ, подобныхъ Кузнецку, куда красная армія пришла слишкомъ поздно.

Но это обобщенія, не безъ вліянія пережитаго позже. Пока же, сидя на доскѣ, присматривался я къ живописнымъ фигурамъ меня окружавшимъ. Памятенъ мнѣ особо одинъ, охотникъ: могучія плечи, распирающіе кожухъ, голубые, холодные, нагло и весело улыбающіеся глаза (такіе глаза у Долохова въ «Войнѣ и мирѣ»), орлиный носъ, вьющіеся русые усы, безпечная, изящная осанка: не то «Кожанный чулокъ», не то Соловей-разбойникъ.

Разсказываетъ урывками, какъ жгли церкви, чтобъ не стрѣляли съ колоколенъ (или не наблюдали), поддавали жару попамъ. Онъ добродушенъ по-своему, самъ предлагаетъ женѣ моей одѣяло, но въ то же время жизнь и кровь человѣческая ему явно нипочемъ.

Тянется зимняя ночь. Наконецъ, и жена сползаетъ съ наръ; ее мучитъ отмороженный палецъ ноги. Молодой «комполкъ» (командиръ полка) съ четырьмя звѣздами на рукавѣ, прапорщикъ военнаго времени, только-что переведенный съ Архангельскаго фронта, совѣтуетъ ей разуться совершенно и согрѣть ногу у печки, потомъ даритъ ей теплые шерстяные носки. Онъ былъ контуженъ въ германскую войну, много пережилъ съ тѣхъ поръ — и видимо такъ и не пришелъ въ себя послѣ контузіи. Говоритъ что-то о полярной войнѣ, о замерзаніи.

Но и эта ночь минула. Днемъ прибыли на станцію Черепаново, чистенькую; я одинъ обѣдалъ въ опрятномъ буфетѣ, отдыхая оть вагона. И вдругъ нечаянная радость; одинъ изъ кооператоровъ выхлопоталъ намъ доступъ въ служебное отдѣленіе почтоваго вагона. Съ несказаннымъ облегченіемъ покидаемъ свою теплушку подъ ироническіе возгласы чекистовъ и обѣщаніи на мѣстѣ нѣкоторые элементы «пощупать и почистить».

Женѣ моей достается койка; лежитъ она какъ пластъ, не ѣстъ, а въ глазахъ мелькаетъ — до ужаса уже знакомое мнѣ по столькимъ глазамъ — выраженіе потусторонней пустоты. Только ночью она, на стоянкѣ, проситъ пить; но водокачки не нахожу; собираю въ чайникъ нечистый отъ угольной пыли снѣгъ и подаю ей горстями. Потомъ сплю, скрючившись на чемоданахъ, спустивъ ноги на полъ, устланный храпящими тѣлами. Но и этотъ безцѣнный покой взбудораженъ тревогой. У вагона загораются буксы. Дой-

деть ли онъ или придется выходить, проситься обратно къ чекистамъ? Доходитъ.

Мы въ Барнаулѣ. За нами ровно 30 дней пути. Беремъ сообща подводу, ѣдемъ 5 верстъ среди мглистаго утренняго тумана, по дорогѣ оставляемъ попутчиковъ нашихъ, звонимъ въ аптеку, гдѣ 2 года тому назадъ служилъ мой шуринъ. Насъ встрѣчаетъ дежурная помощница: братъ жены не состоитъ здѣсь больше, но онъ въ городѣ, тутъ же и дѣвочка наша; всѣ живы.

Посылаютъ слугу за шуриномъ; онъ пріѣзжаетъ за нами на подводѣ, нѣсколько минутъ, и мы въ домѣ. Сидимъ на стульяхъ, родные наши сидятъ противъ насъ и плачутъ. Мы и не сознаемъ, что на насъ страшно смотрѣть. Плачетъ и жена. «А гдѣ жъ отецъ?» — «Отецъ въ Канскѣ, уѣхалъ».

Уже послали за врачемъ. Онъ, еще не сбросивъ шубы, констатируетъ у жены тифъ. Я это зналъ четыре дня.

Тесть мой однако не уѣхалъ. Его на дняхъ похоронили. Старикъ поѣхалъ съ товаромъ въ Канскъ (или какой-то другой городъ), но никогда не было ему удачи. Выступили партизаны, и онъ двѣ недѣли скитался, прячась въ лѣсу, и голодалъ. Наконецъ, добрался до желѣзной дороги, пріѣхалъ домой, хворалъ 4 дня и скончался. Дочку нашу застали здоровой, выросшей. Я отдалъ ей куклу, Матрешку изъ Московскаго кустарнаго склада, которую хранилъ для нея съ мая 18-го года.

Мой разсказъ законченъ. Многое пришлось увидать и узнать за семь недѣль жизни въ городѣ, за 18 дней обратнаго пути, хоть и безъ всякаго сравненія болѣе благополучного. Но это ужъ другая стадія, впечатлѣніями которой когда-нибудь подѣлюсь съ читателемъ, если найдетъ онъ что-нибудь для себя нужное въ данномъ разсказѣ о поѣздкѣ по семейнымъ дѣламъ изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920-го года.

Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 гг.

Л. Л—ой

I

Графъ Пирро

Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ удалось какимъ-то чудомъ выбраться изъ Совѣтской Россіи, я привыкла дѣлить людей на двѣ категоріи. Одна изъ нихъ это тѣ, которые, правда, знаютъ по наслышкѣ о томъ, что тамъ происходитъ, интересуются, — пожалуй, даже сочувствуютъ, но относятся ко всему этому, приблизительно такъ, какъ мы въ свое время относились къ газетнымъ сообщеніямъ о чумѣ въ Азіи.

Ужасно, люди гибнутъ сотнями, тысячами..., да ничего не подѣлаешь: Слава Богу, далече! Лишь бы карантинъ былъ хорошій. Эти люди, когда узнаютъ, что я русская и недавно оттуда, относятся ко мнѣ сочувственно и хорошо. «Неправда ли, тамъ ужасно?» — спрашиваютъ они на языкѣ тѣхъ странъ, визу куда мнѣ удалось получить, и, обыкновенно, не дождавшись отвѣта, продолжаютъ: «слава Богу, что хоть вамъ удалось оттуда выбраться: здѣсь вы отдохнете и забудете». Но есть еще и другіе, есть тѣ, которые были тамъ сами. Они знаютъ, что выбраться оттуда еще недостаточно, что забыть нельзя. Они помнятъ, какъ обливалось кровью сердце у нихъ, когда они спасали свою жизнь и оставляли тамъ своихъ близкихъ, свои семьи, своихъ друзей. Они понимаютъ также, что, выбравшись оттуда, надо продолжать жить здѣсь, а жизнь это вещь во всѣхъ отношеніяхъ очень сложная.

Вотъ, когда эти люди спрашиваютъ меня о томъ, что дѣлается тамъ, и съ дрожью въ голосѣ называютъ лицъ, фамиліи которыхъ мнѣ, по большей части, незнакомы, тогда мнѣ дѣлается больно и досадно, что я такъ мало знаю и такъ мало могу имъ разсказать.

Мнѣ жилось въ Кіевѣ при большевикахъ относительно легче, чѣмъ остальнымъ. Объясняется это тѣмъ, что неожиданно для самой себя я очутилась служащей Китайскаго Исполнительнаго Комитета и Союза Китайскихъ гражданъ; впрочемъ, такъ это учрежденіе называется теперь, а прежде, когда я въ него поступала, это было просто Китайское Консульство.

Случилось это вотъ какъ: Въ день прихода въ Кіевъ Совѣтской власти, въ первыхъ числахъ февраля 1919 года, половина нашего дома была реквизирована штабомъ какой-то дивизіи или полка, не помню. Пришли они рано утромъ, человѣкъ 15; отдѣлили для себя, разумѣется, не спрашивая насъ, нѣсколько парадныхъ комнатъ, а намъ разрѣшили оставаться въ на-

шихъ спальняхъ. Обѣщали, что насъ стѣснять ни въ чемъ не будутъ, лишь бы имъ не мѣшали работать; словомъ, мы остались очень довольны нашими новыми постояльцами.

Вечеромъ я сидѣла одна въ столовой, братъ же домой не вернулся, а изъ сосѣднихъ комнатъ доносились смѣхъ и пѣнье, тамъ, очевидно, было очень весело. Дѣйствительно, солдаты ограбили какой-то буржуйскій погребъ, перепились и вскорѣ одинъ изъ нихъ явился въ столовую ко мнѣ делегатомъ: «чего-ты, бабочка, одна сидишь, иди въ наши аппартаменты чай пить». Я обѣщала сейчасъ прійти и незамѣтно чернымъ ходомъ, захвативъ почему-то, даже и теперь не могу понять почему, котиковую шапку брата, улизнула изъ дому.

Дѣло было зимой, вечеромъ, въ первый день занятія города большевиками; на улицахъ было пустынно и жутко, и я рѣшила зайти въ ближайшій къ намъ домъ моего дяди, гдѣ помѣщалось Китайское Консульство. Передъ своимъ бѣгствомъ въ Одессу, мой дядя, по примѣру прочихъ, пожелалъ заручиться какой-нибудь охраной для своего имущества. Вспомнилъ объ этомъ слишкомъ поздно, всѣ европейскіе консула уже размѣстились по особнякамъ въ Липкахъ, и на его долю никого не оставалось. Кто-то сказалъ ему, что на окраинѣ города, на Васильковской, кажется, улицѣ живетъ китаецъ, по всѣмъ видимостямъ, — консулъ, и будетъ, вѣроятно, очень радъ найти лучшее помѣщеніе. Мой дядя немедленно поѣхалъ за нимъ, привезъ на извозчикѣ и водворилъ у себя. Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ и семья дяди, и всѣ мы, бывавшіе тамъ, не переставали ухаживать за консуломъ. Я и теперь не могу вспомнить безъ смѣха нашихъ разговоровъ. «А что, чаю много пьютъ въ Китаѣ?» освѣдомлялись мы по очереди. «Цай? пьютъ цай; китайцы очень рюбятъ цай». Его манера не выговаривать большинства буквъ, произносить *р* вмѣсто *л*, которое вообще отсутствуетъ въ китайскомъ языкѣ, а, въ особенности, его необыкновенно комическій внѣшній видъ забавляли насъ, а онъ добродушно смѣялся вмѣстѣ съ нами, не понимая причины нашего веселья.

Вотъ, подъ охрану къ этому мандарину, я и отправилась теперь, въ трудную минуту.

Китаецъ принялъ меня въ высшей степени привѣтливо, пригласилъ также по телефону моего брата, и мы остались жить тамъ. Для большей правдоподобности я стала корреспонденткой, а братъ юрисконсультомъ консульства. Кромѣ насъ двухъ, штатъ состоялъ изъ консула самого, его лакея-китайца (бывшаго впослѣдствіи одно время его замѣстителемъ) и молодого человѣка, — котораго дядя передъ отъѣздомъ помѣстилъ въ одной изъ комнатъ, — произведеннаго теперь въ секретари. Впрочемъ, кіевляне вскорѣ всѣ узнали о существованіи нашего учрежденія; консулъ, по своему добродушію, никому не отказывалъ, и число служащихъ очень увеличилось. Появились врачи, корреспонденты, машинисты, курьеры, завѣдующіе канцеляріей, всего по нѣскольку экземпляровъ. Многіе поселились въ домѣ, благо пустыхъ комнатъ много было, и кончилось дѣло такъ, что однажды, поздно вечеромъ, когда мы, собравшись всѣ вмѣстѣ, распрашивали консула, любятъ ли китайцы чай, у подъѣзда позвонили. Курьеры, врачи и корреспондентки попрятались, вышелъ отворить лакей-китаецъ. Выяснилось, что пришли изъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи за скрывающимися въ консульствѣ частными людьми. Консулъ насъ не выдалъ, поѣхалъ объясняться, но въ результатѣ

число служащихъ принужденъ былъ сократить. Зато оставшіеся стали пользоваться полной безопасностью.

Въ то время большевикамъ никто еще не угрожалъ, французская авантюра лопнула, добровольцы были загнаны далеко на Кавказъ, и Совѣтская власть чувствовала себя очень крѣпко. Какъ и всегда въ такое время, они особой жестокости не проявляли, разстрѣловъ почти не было, а занимались они, главнымъ образомъ, тѣмъ, что выматывали у населенія душу своими приказами. Первый знаменитый приказъ былъ о выселеніи буржуевъ изъ ихъ квартиръ въ лачуги и о вселеніи туда бѣдноты. Послѣдняя отнеслась къ этому очень недовѣрчиво, и мнѣ лично кажется, что вселить бѣдноту и выселить буржуазію было одинаково трудно. Буржуевъ вообще не нашлось. Всѣ жители города Кіева оказались честными тружениками въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія Совѣтской власти, всѣ были снабжены бумагами, ни къ кому не придерешься!

Я пропускаю весь этотъ періодъ, какъ не представляющій особаго интереса для читателей, потому что такіе большевистскіе приказы знаютъ, въ сущности, всѣ, а мнѣ хочется остановиться на одномъ эпизодѣ, который рисуетъ довольно ярко способы борьбы съ буржуазіей, практиковавшіеся въ Совдепіи.

Это было позже, лѣтомъ 1919 года, когда началось наступленіе добровольцевъ. Непосредственной угрозы Кіеву еще не было, но Совѣтская власть насторожилась и рѣшила взяться, какъ слѣдуетъ быть, за борьбу съ контръреволюціей.

Однажды вечеромъ нашъ богдыханъ явился домой въ особенномъ возбужденіи. Понять что-нибудь изъ его рѣчи было довольно трудно, но послѣ долгаго и терпѣливаго усилія, мы выяснили, что число представителей иностранныхъ государствъ въ Кіевѣ увеличилось. Пріѣхалъ назначенный туда консулъ Бразиліи графъ Пирро, и черезъ нѣсколько дней мы устраиваемъ банкетъ въ его честь. Будутъ всѣ представители Европы и Азіи, а такъ какъ я хорошо знаю англійскій языкъ, то занимать его сіятельство, посла Бразиліи, буду я.

Мои знакомые, которымъ я разсказала о высокой чести, выпадающей мнѣ на долю, стали относиться ко мнѣ съ особымъ почтеньемъ. Нѣкоторые просили доставить имъ мѣста въ новомъ консульствѣ, которое должно было только сорганизоваться и будетъ нуждаться въ служащихъ. Особенно приставалъ ко мнѣ одинъ мой пріятель, недавно только сидѣвшій въ Ч. К. за то, что имѣлъ сахарный заводъ, и больше тамъ сидѣть не хотѣвшій. У него были, правда, доказательства, что онъ вовсе не сахарозаводчикъ, а скромный ученикъ драматической студіи, но ему хотѣлось чего-нибудь повѣрнѣе: артистамъ большевики перестали довѣрять, что-то ужъ очень много ихъ оказалось.

Я обѣщала, что если Его Бразильское Сіятельство вообще снизойдетъ до разговора со мной, то я попрошу о мѣстѣ для него. Словомъ, ждали мы съ большимъ нетерпѣніемъ и вотъ, наконецъ, наступилъ торжественный день.

Съ утра мы всѣ были въ приподнятомъ настроеніи. На банкетѣ въ честь пословъ мы никогда не бывали, а при большевикахъ всякое развлеченье особенная рѣдкость. Пріѣхалъ именитый гость съ большимъ опозданіемъ. На террасѣ въ саду собрались уже представители всѣхъ державъ и всячески выражали свое удивленіе по этому поводу. Нашъ консулъ, имѣвшій особенно комическій видъ въ бѣломъ шелковомъ костюмѣ, не нахо-

дилъ себѣ мѣста. Человѣкъ онъ былъ съ очень большой амбиціей, и еще немного, вѣроятно, предложилъ бы мнѣ, какъ корреспонденткѣ, писать приказъ о мобилизаціи въ Китаѣ. Наконецъ, въ припадкѣ негодованія, онъ совсѣмъ ушелъ изъ дому. Гости тоже собирались расходиться, какъ вдругъ появился графъ Пирро.

Я привѣтствовала его на англійскомъ языкѣ, но онъ прервалъ меня, сказавъ, что хорошо понимаетъ по-русски и не хочетъ утруждать меня разговоромъ на чужомъ языкѣ. Разыскался и представитель Небесной Имперіи, и мы всѣ пошли къ столу.

Какъ я уже сказала, занимать высокаго гостя выпало на мою долю; всякій легко пойметъ, что приступила я къ этому не безъ нѣкоторой робости. Я считала новаго консула человѣкомъ очень большевистскаго направленія и высказывать открыто свои мысли побаивалась. Кромѣ того, меня нѣсколько смущалъ его странный тонъ и манера держать себя за столомъ. Впрочемъ, неумѣнье обращаться съ ножемъ и вилкой можно было, пожалуй, отнести на счетъ его бразильскаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ! Почемъ я знаю? Можетъ быть, въ Бразиліи принято ѣсть варенье ножемъ.

Разговоръ между нами, разумѣется, начался съ того, гдѣ лучше — въ Бразиліи или Россіи, и хорошо ли въ Бразиліи вообще. Графъ отвѣчалъ съ большой готовностью и сейчасъ же далъ мнѣ понять, что раньше ему въ Россіи очень нравилось, а теперь, увы, уже не то. Этой темы я развивать не хотѣла и перешла къ тому, какъ хорошо онъ говоритъ по-русски. Это даже не было лестью съ моей стороны. Я помню, какъ искренно удивилась, когда на предложеніе китайца налить ему вино, графъ добродушно отвѣчалъ: «валяйте, валяйте, голубчикъ». Въ отвѣтъ на высказанное мною удивленіе, графъ объяснилъ, что жилъ въ Россіи очень долго, и потому привыкъ къ нѣкоторымъ чисто русскимъ оборотамъ рѣчи, но зато есть слова, представляющія для него непреоборимыя затрудненія.

«Какія же напримѣръ?» полюбопытствовала я, ожидая услышать что-нибудь очень сложное.

«Да вотъ, хотя бы: вилка. Никакъ сказать не могу».

Вилка! Такое легкое слово, казалось бы! Но у графа, дѣйствительно, получалось «филька». Это было тѣмъ болѣе странно, что все остальное онъ произносилъ съ даже непривычной для моего Кіевскаго уха чистотой рѣчи. Но всѣ эти мелочи я вспомнила только потомъ. Графъ пилъ очень много и былъ очень веселъ. Воспользовавшись этимъ, я рѣшила исполнить данное мной обѣщаніе и освѣдомилась, есть ли въ Бразильскомъ консульствѣ свободныя вакансіи.

«Никого у меня еще нѣтъ», оживленно сказалъ графъ. Вотъ не посовѣтуете ли вы кого-нибудь? Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!»

Такой удачи я никакъ не ожидала и, разумѣется, отвѣтила, что если графъ согласенъ положиться на мою рекомендацію, то я могу предложить ему опытнаго секретаря.

«Непремѣнно, непремѣнно! Да вотъ, еще корреспондентка намъ нужна. Не хотите ли вы взять это мѣсто?

«Нѣтъ, не могу, я вѣдь уже состою на службѣ въ Китайскомъ консульствѣ».

«Ахъ, да, правда! Въ такомъ случаѣ посовѣтуйте мнѣ кого-нибудь, только, тутъ графъ нагнулся ближе ко мнѣ и, продолжая въ конфиденціальномъ

тонѣ, — только не большевиковъ. Вамъ я могу сказать по секрету, — я ихъ ненавижу!»

«Во всякомъ случаѣ, не больше моего, радостно отозвалась я. — Можете быть совершенно спокойны, я вамъ дамъ буржуевъ чистѣйшей воды».

«Ну да, буржуевъ, и вообще контръ-революціонеровъ. Вѣдь у меня они всѣ будутъ въ полной безопасности».

Я была въ восторгѣ отъ моего новаго знакомаго. Мы условились, что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра новый секретарь будетъ уже на службѣ, и заговорили о другомъ. Подъ вліяніемъ моей благодарности графу, я рѣшила даже закрыть глаза на то, что, какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго разговора, онъ когда-то съѣлъ на пари сразу шесть гусей.

«Мало ли что можно соврать подъ вліяніемъ вина, думала я, — а все-таки онъ хорошій человѣкъ, и у него можно будетъ многихъ устроить».

Обѣдъ подходилъ къ концу, графъ пилъ и веселился все больше и больше.

Наконецъ встали.

«Мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, не отойдите ли вы со мной въ сторону», съ этими словами обратился ко мнѣ мой второй сосѣдъ за столомъ, пожилой человѣкъ, служащій одного изъ консульствъ, нынѣ трагически погибшій.

«Вы такъ были поглощены графомъ Пирро, что меня совсѣмъ не замѣтили, — улыбаясь, сказалъ онъ, а между тѣмъ я хочу вамъ дать хорошій совѣтъ. Не поступайте къ нему на службу. Объ этомъ, кажется, у васъ рѣчь шла?»

«Я и не собиралась, — удивленно отвѣчала я, поступаетъ одинъ мой знакомый».

«Ну, вотъ видите! Такъ знаете что? Послушайтесь стараго человѣка и не посылайте къ нему вашего знакомаго».

«Да отчего же?»

«Это все равно, отчего. Не спрашивайте меня ни о чемъ, я вамъ все равно не отвѣчу. А дальше поступайте, какъ хотите. Я свой долгъ исполнилъ».

Я призадумалась. Очень ужъ соблазнительно было это мѣсто для моего балансировавшаго надъ Ч. К. знакомаго, но и въ тонѣ моего новаго собесѣдника звучало что-то внушавшее довѣріе къ нему. Я рѣшила никого на службу въ Бразильское Консульство не опредѣлять и обѣщала ни передъ кѣмъ не упоминать о данномъ мнѣ совѣтѣ.

Прошло нѣсколько дней; и вдругъ, на всѣхъ улицахъ города Кіева появилось расклеенное объявленіе о томъ, что графъ Пирро снабженъ особыми полномочіями и что всѣ служащіе Бразильскаго Консульства находятся подъ особымъ покровительствомъ Совѣтской Республики.

Меня чуть камнями не забросали. Какъ! я знакома съ графомъ Пирро и не могла никому ни въ чемъ помочь, никого къ нему опредѣлить!

«Да вы просто не хотѣли», говорили мнѣ. «Сказали бы лучше прямо, что оставляете эту протекцію на всякій случай для себя. Такъ не поступаютъ».

Приходилось, скрѣпя сердце, отмалчиваться. Я, впрочемъ, и сама не была убѣждена въ томъ, что поступила правильно, не использовавъ ни для кого всѣхъ имѣвшихся у меня возможностей.

Между тѣмъ, дѣла большевиковъ стали хуже. Добровольцы наступали, и въ связи съ этимъ терроръ усилился. Хожденіе по улицамъ было разрѣшено только до одиннадцати часовъ вечера. Однажды ко мнѣ пришла моя знакомая. Арестовали ея брата, ему угрожало быть разстрѣляннымъ, или, въ лучшемъ случаѣ, увезеннымъ заложникомъ въ Москву, и она просила меня поговорить съ всесильнымъ бразильскимъ графомъ. Я не могла и не хотѣла ей отказать и позвонила ему по телефону, — просить объ аудіенціи. Онъ подошелъ самъ, я тотчасъ же узнала его голосъ.

«Графа нѣтъ дома», сказалъ онъ мнѣ.

«А когда онъ придетъ?»

«Не знаю, придетъ ли сегодня вообще, а кто говоритъ?»

Я назвала себя.

«Ахъ, такъ, ну что же, приходите».

«Да вѣдь его дома нѣтъ?»

«А вы придите въ одиннадцать часовъ, тогда застанете», смѣясь, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Я повѣсила трубку и извинилась передъ моей знакомой въ томъ, что ничего не могу сдѣлать.

Съ графомъ Пирро мнѣ лично больше сталкиваться не приходилось, а что произошло дальше, я думаю, для читателей ясно вполнѣ. Въ Бразильское Консульство дѣйствительно поступило много людей, считавшихъ себя, въ виду усилившагося террора, въ особенной опасности. Графъ Пирро всѣхъ принялъ съ распростертыми объятіями, и всѣ они были въ свое время арестованы и, по большей части, разстрѣляны. Въ числѣ прочихъ погибла г-жа Поплавская, совсѣмъ еще молодая женщина, служившая у него, кажется, секретаремъ. Графъ Пирро, зная, что у нея мужъ во Франціи, предложилъ ей туда поѣхать, возможность ее туда послать у него была, а такъ какъ онъ выдавалъ себя за ярастнаго врага большевизма, то предложилъ ей взять съ собой какой-то будто бы необходимый тамъ шифръ. Они вмѣстѣ выбрали ея дорожное платье, вмѣстѣ этотъ шифръ туда и зашили. Всѣ эти подробности мнѣ разсказывалъ теперь въ Варшавѣ одинъ изъ товарищей Поплавскаго по консульству, впослѣдствіи сидѣвшій съ ней въ одной камерѣ и освобожденный по спеціальному приказанію Раковскаго.

Выходя изъ дому на вокзалъ, Поплавская почувствовала себя плохо и, зайдя въ ближайшій подъѣздъ, гдѣ былъ телефонъ, вызвала графа. Она просила его разрѣшить ей отложить отъѣздъ, такъ какъ у нея плохое предчувствіе. «Всѣ женщины таковы», отвѣчалъ ей Пирро, «сначала усиленно добиваются чего-нибудь, а потомъ, когда приходитъ исполненіе — пугаются». Затѣмъ онъ спросилъ ее, откуда она говоритъ, и задержавъ ее немного разговорами у телефона, въ концѣ концовъ, все-таки посовѣтовалъ ѣхать, такъ какъ другой такой возможности можетъ и не быть.

Не успѣла Поплавская отойти отъ телефона, какъ была арестована и отправлена въ Ч. К.

На допросѣ, сознавая отлично, что этимъ себя губитъ, она назвала Пирро провокаторомъ, а допрашивавшихъ ее негодяями.

На разстрѣлъ она пошла, какъ на праздникъ, говорилъ мнѣ ея товарищъ.

Эта исторія и происшедшіе въ связи съ ней аресты надѣлали много шума въ Кіевѣ. Дѣло получило большую огласку и большевики спохва-

тились, что такого способа борьбы съ контръ-революціей въ программѣ ихъ партіи нѣтъ. Въ газетѣ появились сообщенія о какой-то организаціи, выдававшей себя за бразильское консульство и поставившей себѣ цѣлью свержение совѣтской власти. Во главѣ стоялъ нѣкто, называвшій себя графомъ Пирро и разстрѣлянный будто бы въ первую очередь. Я лично слышала потомъ отъ нѣкоторыхъ большевиковъ, что онъ передъ приходомъ деникинскихъ войскъ бѣжалъ въ Москву на автомобилѣ Петерса, бывшаго предсѣдателя московской Ч. К., пріѣзжавшаго тогда въ Кіевъ для наведенія революціоннаго порядка. Кто былъ Пирро, въ точности установить не удалось. Одни считали его маленькимъ агентомъ Кіевской чрезвычайки. Другіе — ихъ было много, думали, что это былъ самъ Петерсъ.

Разсказанное мной случилось давно, два года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ произошло очень много событій. Изъ Совѣтской Россіи утекло много крови и воды. Мнѣ хочется теперь, когда я здѣсь, когда я могу болѣе или менѣе спокойно, вспоминать о перенесенномъ тамъ, подѣлиться съ читателями еще кое-какими воспоминаніями. Пусть простятъ мнѣ нѣсколько безсвязную форму: все это было слишкомъ сильно пережито.

II

Добровольцы

Канонада, канонада всякій день, всякій часъ! Отъ нея нельзя никуда скрыться, о ней нигдѣ нельзя забыть! Что бы мы ни дѣлали, о чемъ бы ни говорили, она сопутствуетъ каждому нашему поступку, каждому нами сказанному слову.

Съ тѣхъ поръ, какъ добровольцы заняли Кіевъ, мы не имѣли ни минуты покоя. Я помню хорошо тотъ день, когда они вошли въ городъ, и, особенно, ту ночь, которая этому предшествовала. Тогда тоже гремѣли орудія, но подъ ихъ грохотъ звенѣли стаканы, и, собравшись всѣ вмѣстѣ, мы пили за тѣхъ, кого считали своими избавителями.

Утромъ все стихло, на улицахъ было пусто, изрѣдка пробѣжитъ, догоняя свою часть, какой-нибудь запоздавшій солдатъ-большевикъ. Съ испуганнымъ, злымъ выраженіемъ онъ озирается вокругъ, онъ чувствуетъ, что всѣ, даже вчерашніе друзья, стали ему врагами. Бываютъ случаи, что его тутъ же убиваютъ.

Добровольцы стали входить въ городъ часамъ къ 11 утра. Я вышла на Крещатикъ немного позже, улицы были запружены радостнымъ, праздничнымъ народомъ. Войска проходили разукрашенныя цвѣтами, офицеры изрѣдка говорили рѣчи, благодарили за то сочувствіе, съ которымъ ихъ встрѣчаютъ, скромно просили прощенья въ томъ, что такъ долго заставляли себя ждать.

Августовское солнце казалось весеннимъ и еще прибавляло красоты и веселья.

Общій энтузіазмъ захватилъ и меня, я тоже купила цвѣты и стала въ сторонѣ, не рѣшаясь подать ихъ. Но вотъ проходитъ какая-то часть.

Цвѣтовъ у нихъ нѣтъ, ихъ ведетъ человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, съ винтовкой черезъ плечо. Толпа стоитъ и смотритъ на нихъ. Я рѣшаюсь, подхожу къ идущему впереди и протягиваю ему свои цвѣты. Онъ съ изумленьемъ и благодарностью смотритъ на нихъ, потомъ беретъ ихъ, снимаетъ шляпу и цѣлуетъ мнѣ руку. Взволнованная, я отхожу въ сторону.

«Вы знаете, кому дали цвѣты?» спрашиваетъ меня какой-то господинъ на тротуарѣ.

«Не все ли равно кому? Добровольцамъ».

«Это раскаявшаяся большевистская часть, перешедшая на сторону добровольцевъ».

«Ну такъ что же! Я не жалѣю о томъ, что сдѣлала по невѣдѣнью. Если они чистосердечно отказались отъ своего прошлаго, въ которое, можетъ быть, были вовлечены, то мои цвѣты у нихъ вполнѣ на мѣстѣ».

Я иду дальше, картина все та же, всюду царитъ радость, знакомые при встрѣчѣ поздравляютъ другъ друга, цѣлуются; нѣкоторые, говорятъ, даже христосуются. Но уже есть тѣнь на картинѣ, уже ползетъ откуда-то и раздается все громче и громче грозное для жителей города и гибельное для добровольцевъ слово «жидъ».

Днемъ я выхожу на Печерскъ; тамъ будутъ, будто бы, встрѣчать самого Деникина. Манифестаціи проходятъ одна за другой; вотъ впереди одной идетъ дама, въ рукахъ она держитъ національный флагъ. Большая, плоская, некрасивая, она кричитъ на всю улицу: «Господа, кто за Деникина, идите за мной. Петлюра его не впускаетъ въ городъ, въ нашъ городъ! Господа, идите за мной, этого нельзя допустить!»

Машинально я вмѣшиваюсь въ толпу. Идемъ по направленію къ Лаврѣ. Неужели Петлюра, дѣйствительно, не впускаетъ Деникина? И, если это правда, то какъ же мы, съ этой дамой во главѣ, можемъ ему помѣшать?

А въ толпѣ уже одинъ только разговоръ, одна общая для всѣхъ тема: «жидъ». Ненависть къ нимъ объединила всѣхъ, и какая ненависть: «жиды, жидовка, комиссаръ, комиссарши». «Бить, рѣзать, грабить». Нѣкоторые, болѣе мягкіе, вспоминаютъ варшавскій бойкотъ. Но всѣ, безъ исключенія, отожествляютъ евреевъ съ большевиками, и всѣ, безъ исключенія, требуютъ для нихъ наказанія.

У дворца мы останавливаемся. Оттуда выходитъ духовенство, поютъ «вѣчную память». Всѣ снимаютъ шапки, женщины доходятъ до истерики, военные салютуютъ. И никто не хочетъ понять, что нельзя манифестировать у Царскаго дворца, когда по ту сторону Днѣпра стоятъ еще большевики.

Съ приходомъ Деникинскихъ войскъ я перешла изъ Китайскаго Исполкома въ нашъ домъ, тоже по Левашевской улицѣ, и была твердо убѣждена, что съ китайской службой уже навсегда покончила.

На другой день я пошла туда за нѣкоторыми забытыми вещами. У самаго исполкома свалка, окружили кого-то, одѣтаго въ грузинскую форму, и бьютъ его. За него хватается и старается защитить своимъ тѣломъ женщина; бьютъ и ее. «Что такое, въ чемъ дѣло?» спрашиваю. «Чекиста поймали», радостно гогочетъ толпа. «Да почемъ же они знаютъ, что это чекистъ?» «Ну какъ же, того вся улица знала, тоже папаху носилъ».

Два офицера пытаются отстоять его; говорятъ, что чекистовъ надо арестовывать, а не избивать на улицѣ. Ихъ не слушаютъ, еще немного будутъ бить и ихъ.

Толпа стремится куда-то, увлекая за собой своихъ жертвъ. На мостовой остаются слѣды крови. Я слышала потомъ, что ихъ растерзали обоихъ и что избили заступавшихся за нихъ офицеровъ. Думаю, впрочемъ, что послѣднее неправда. — Первое время по приходѣ добровольцевъ, настроеніе въ Кіевѣ было очень тяжелое. Особенно плохо приходилось живущимъ въ Липкахъ. На Садовую улицу, гдѣ были Ч. К., совершались настоящія паломничества, и сопровождались они всегда избіеніями евреевъ и чекистовъ. Послѣдніе, разумѣется, наблюдали все это съ другой стороны Днѣпра, а страдали невинные: пользуясь общимъ озлобленіемъ, люди сводили между собой свои счеты и мстили другъ другу.

Однажды, неподалеку отъ Ч. К., я встрѣтила г-на Н., богатаго помѣщика, постоянно жившаго въ Кіевѣ. Прежде я его мало знала, но при большевикахъ онъ какъ-то обращался ко мнѣ, прося сохранить въ Исполкомѣ его картины. Я это сдѣлала, и съ тѣхъ поръ мы ближе познакомились. Теперь онъ стоялъ на углу Левашевской и Институтской, съ нимъ нѣсколько мужиковъ. «Всѣхъ перерѣзать надо, — говорилъ Н. Сколько они христіанской крови пролили, сколько надъ нами издѣвались».

«Да что, баринъ! Слышно, уже на Слободкѣ убили 70 человѣкъ».

«Что 70, мало! Всѣхъ надо истребить! Довольно они надъ нами царствовали».

Я остановилась послушать. Увидя меня, Н. отвернулся. Я не хочу долго описывать именно это настроеніе. Все это уже достаточно часто ставилось въ вину добровольцамъ, и я думаю, что они сами впослѣдствіи поняли, какую ошибку совершили, поддерживая и даже отчасти раздувая ненависть къ евреямъ среди кіевлянъ. Мнѣ хочется разсказать теперь о томъ, какъ мы пережили тяжелые дни 1—5 октября, о которыхъ здѣсь, Европа, вѣроятно, даже не узнала.

Послѣ того, какъ угомонилась немного Кіевская черная сотня, мы стали жить въ городѣ, подъ защитой добровольческихъ властей болѣе или менѣе спокойно. Былъ одинъ случай, правда, что большевистская флотилія подошла по Днѣпру совсѣмъ близко къ Кіеву и даже обстрѣляла его, но намъ это объяснили случайнымъ недосмотромъ берегового дозора, и это скоро было забыто, тѣмъ болѣе, что человѣческихъ жертвъ за собой почти не повлекло. Канонада нѣсколько ослабѣла, да и мы къ ней привыкли постепенно и нашли ей объясненіе: «Да какъ вы то себѣ представляли, говорили мы другъ другу, — какъ только Кіевъ будетъ занятъ, большевики сложатъ оружіе и война прекратится? Ясно, что разъ продолжаются военныя дѣйствія, то и канонада иногда бываетъ слышна. Надо помнить, что Кіевъ это линія фронта».

Перваго октября рано утромъ я проснулась отъ особенно близкихъ разрывовъ. Я не придала этому значенія, мысленно повторила сама себѣ всѣ только-что приведенныя объясненія и собралась заснуть дальше. Въ тотъ день какъ разъ мнѣ поставили въ комнату керосиновую печку, и я радовалась непривычному въ Кіевѣ теплу.

Однако грохотъ поневолѣ дѣйствовалъ на нервы. Я встала, одѣлась. Всѣ домочадцы уже собрались въ залѣ, выглядѣвшей особенно разоренно и неуютно послѣ того, какъ въ ней очень долго квартировали большевистскія части.

«Что случилось, въ чемъ дѣло?» спрашиваемъ другъ друга. Никто ничего не знаетъ; говорятъ, какая-то банда подошла близко къ городу и обстрѣливаютъ ее изъ Кіева. «Да вѣдь стрѣляютъ не только отсюда, бываютъ и разрывы», говоритъ другой. Надо вспомнить, что и тогда уже, и особенно теперь, не было ни одного кіевлянина, не сумѣвшаго бы отличить выстрѣлъ отъ разрыва и даже тотъ сортъ орудія, изъ котораго стрѣляютъ.

«Ну такъ что же? ясно, что банда отвѣчаетъ. Вѣдь теперь у всякаго мужика есть своя пушка».

Смотримъ въ окна. На улицахъ много народу, стоятъ, собравшись въ кучку, воспитанницы Института съ узелками въ рукахъ. Я выхожу изъ дому и спрашиваю ихъ, что онѣ здѣсь дѣлаютъ.

«Насъ распустили домой», говорятъ онѣ. «Отчего?» «Не знаемъ отчего; кажется, большевики въ городѣ, и мы не знаемъ, куда намъ идти».

Мой братъ, какъ разъ въ то время, купилъ квартиру въ Пассажѣ и жилъ тамъ, отдѣльно отъ матери и меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ является и накидывается на насъ: «Вы еще здѣсь, забирайте скорѣе цѣнности и ѣдемъ ко мнѣ». «Да что же такое, наконецъ, случилось?» «Никто не знаетъ, что именно, кто-то наступаетъ на городъ; неизвѣстно, банда ли, или правильныя большевистскія части, и добровольцы уходятъ въ Дарницу».

Начинается поспѣшное складываніе вещей, братъ торопитъ насъ: слово банда всѣхъ особенно пугаетъ; ясно, что первымъ долгомъ, какъ и всегда, пострадаютъ Липки, гдѣ мы имѣемъ несчастье жить. Наконецъ, собрались и переходимъ въ Пассажъ. Тамъ начинаются обычныя въ такихъ случаяхъ обсужденія, какая комната изъ имѣющихся на лицо наиболѣе безопасная. Раздумываютъ надъ тѣмъ, съ какой изъ четырехъ сторонъ свѣта идетъ наступленіе, затѣмъ чуть ли не съ компасомъ въ рукѣ эта сторона разыскивается. Теперь мы уже знаемъ, куда ядро попасть логически не должно, что отнюдь не мѣшаетъ ему иногда именно тамъ и разорваться. Нѣкоторые кіевляне имѣли еще обыкновеніе заставлять окна матрацами, но мы до этого не доходили.

Мы усаживаемся всѣ вмѣстѣ въ облюбованномъ нами помѣщеніи; идутъ обычные разговоры, высказываются догадки о томъ, кто это пытается взять городъ; высчитывается количество воды и то, на сколько времени ея можетъ хватить. Жилецъ моего брата заходитъ къ намъ и предлагаетъ изобрѣтенный имъ способъ утоленія жажды, — сосать морковь. Я съ негодованіемъ отвергаю, лучше я сама пойду за водой на Днѣпръ. «Все это одни разговоры, — философски говоритъ жилецъ. Никуда вы не пойдете, а сами придете ко мнѣ за морковью».

Ночь проходитъ въ пріятномъ невѣдѣніи того, кто на насъ наступаетъ, и что, въ сущности, въ городѣ происходитъ. Канонада стихла, только изрѣдка раздается звукъ пулемета. Утромъ, часовъ въ 10, я не выдерживаю и выхожу изъ Пассажа на Меринговскую. «Вы куда?» спрашиваетъ меня прохаживающійся взадъ и впередъ около дома добровольческій офицеръ, въ походной формѣ, съ винтовкой въ рукахъ. «Къ себѣ домой, на Левашевскую». «Лучше не ходите, не спокойно». «Развѣ тамъ большевики?» «Нѣтъ, большевиковъ мы отогнали, но слышите стрѣльбу? Все-таки лучше не выходите». Дѣйствительно, пулеметъ раздается отовсюду. Я все-таки иду, слишкомъ ужъ тяжело взаперти. Прихожу домой, и узнаю отъ знакомыхъ, что

вчера приходили большевики, съѣли нашъ обѣдъ, велѣли открыть наши шкафы, посмотрѣли, что въ нихъ, но ничего не взяли, сказали, что идутъ за возомъ, еще вернутся. Шкафы запирать запретили, видимо надѣются поживиться, какъ слѣдуетъ быть. «Какіе большевики? — удивляюсь я, — вѣдь сейчасъ въ городѣ добровольцы!» «Не знаю, только вчера были большевики».

Въ совершенномъ недоумѣніи я ухожу въ Пассажъ. Тамъ уже тоже кое-кто отважился выйти на улицу; разсказываютъ, что большевики, воспользовавшись веселымъ настроеніемъ выпившаго подъ праздникъ добровольческаго караула, ворвались вчера въ городъ, и добровольцы, застигнутые врасплохъ, должны были отступить въ Дарницу, но теперь вернулись и отбили Кіевъ. Къ вечеру начинаетъ лить дождь, и предсѣдатель домового комитета въ Пассажѣ проситъ жильцовъ пріютить у себя, — кто сколько можетъ, — стоявшихъ во дворѣ добровольческихъ солдатъ и накормить ихъ. Всѣ, конечно, соглашаются съ восторгомъ. Къ намъ приходятъ двое; мы ихъ усаживаемъ, просимъ пить съ нами чай и раздѣлить нашъ скудный ужинъ. Солдаты благодарятъ, и за столомъ начинается общій разговоръ, сначала о томъ, изъ какихъ они губерній, долго ли на службѣ, а потомъ о большевикахъ. Солдаты ихъ ненавидятъ отъ всей души, и мы, съ радостью, удостовѣряемся, что признаковъ разложенія въ добрарміи нѣтъ. Спрашиваемъ, хорошо ли большевики дерутся. Тема оказывается выбранa неудачно: «Да что, — говоритъ одинъ, — эти срулики только удирать умѣютъ, развѣ это войска. Только что много ихъ, оттого мы и отступили. Да и наши хороши: перепились и не замѣтили, что большевики у самаго носа».

Разговоръ обрывается; послѣ нѣкотораго времени другой солдатъ, человѣкъ, повидимому, свѣтскій, котораго молчаніе тяготитъ, говоритъ, задумчиво глядя въ окно: «Ишь, дождь какой! Вотъ теперь бы на Подолѣ забраться жидовъ рѣзать. Самая подходящая погода».

Мнѣ наши гости окончательно перестаютъ нравиться, брату тоже, и, поднявшись съ мѣста, онъ предлагаетъ имъ пойти отдохнуть. Солдаты, видимо, соображаютъ, что тутъ что-то не ладно, и одинъ изъ нихъ, вызвавъ жильца брата на кухню, спрашиваетъ его, не евреи ли мы.

«Вотъ тамъ не хорошо вышло, — говоритъ онъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, — люди насъ пріютили, обогрѣли, а мы ихъ такъ поблагодарили! Скажите имъ, что мы этого не думали, что это только разговоръ нашъ солдатскій такой».

Квартирантъ нашъ все передаетъ дословно; это насъ примиряетъ нѣсколько съ нашими гостями, и прощаемся мы съ ними дружелюбно. Они, сконфуженные, особенно задушевно благодарятъ насъ за гостепріимство. Богъ съ ними, можетъ быть, это, въ самомъ дѣлѣ, только слова.

На дргуой день, на утро Кіевъ принимаетъ болѣе или менѣе обычный видъ. На улицѣ масса войскъ, вызванныхъ изъ-подъ Воронежа. Праздничное настроеніе нарушается только массой арестованныхъ, которыхъ водятъ подъ конвоемъ по улицамъ. Мы знаемъ хорошо, что ихъ ожидаетъ, знаемъ также, что не всѣ они виноваты. Боже мой, когда же въ Россіи перестанетъ литься кровь, бѣлая, красная — всякая! И какъ много пролилось ея въ послѣдующіе дни, тѣ дни, когда выла Кіевская улица, когда банды солдатъ, переходя изъ дома въ домъ, на глазахъ у начальства грабили, насиловали, убивали! Эти дни Шульгинъ назвалъ пыткой страха для евреевъ. Я не стану входить

здѣсь въ оцѣнку такого опредѣленія; о немъ въ свое время уже достаточно было говорено; скажу только, что однимъ страхомъ пытка не ограничивалась.

Вскорѣ послѣ этого мы съ матерью перешли изъ Пассажа въ нашъ домъ и жили тамъ довольно одиноко, съ двумя старыми слугами. Поэтому я была даже довольна, когда однажды утромъ пришелъ офицеръ съ реквизиціонной карточкой на четыре комнаты для команды телефонистовъ, человѣкъ въ 15. Офицеръ этотъ съ университетскимъ значкомъ на груди и Георгіемъ въ петлицѣ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Впослѣдствіи до самаго послѣдняго дня паденія Кіева, у насъ жили добровольцы. Я знаю, что, вообще говоря, ихъ принято бранить, и я сама выше говорила о нихъ достаточно много дурного. Тѣмъ большею радостью будетъ для меня указать, что тѣ изъ нихъ, которые жили у насъ, а ихъ было много, оставили по себѣ самое лучшее воспоминаніе. Это были по большей части кадровые офицеры, люди, продѣлавшіе весь германскій походъ, и я сама была свидѣтельницей того, какъ, во время царящаго тогда общаго разгула, жившіе у насъ въ залѣ полковники сами стирали и сушили у камина свое бѣлье, обѣдали изъ солдатскаго котла и ужинали суррогатами кофе съ чернымъ хлѣбомъ. — Послѣдніе шесть недѣль отъ 5-го октября до взятія Кіева большевиками были для меня, и, кажется, для очень многихъ, самымъ тяжелымъ временемъ, за всю революцію. Мы безнадежно цѣплялись за добровольческую армію, сознавая, что цѣпляемся за пустое мѣсто, что спасти насъ они не могутъ, что они еще вѣрнѣе обречены на гибель, чѣмъ мы.

Канонада гремѣла, свѣта, воды и дровъ не было, и при стеариновыхъ огаркахъ собирались мы вмѣстѣ, баюкая себя надеждами и, въ то же время, высчитывая, сколько времени пройдетъ до тѣхъ поръ, когда большевики фатально должны будутъ войти. Я вспоминаю также послѣднюю недѣлю, — недѣлю перемѣны власти, вспоминаю факелами горящіе большіе дома, вспоминаю разставленные по улицамъ пулеметы и раненыхъ офицеровъ, и солдатъ, которыхъ въ послѣдніе минуты, подъ свистъ большевистскихъ пуль уносили на вокзалъ.

Мнѣ вспоминается также, какъ въ первый день взятія города большевиками я шла изъ Пассажа домой съ подругой. По улицамъ проходили войска, оборванные, голодные и все же грозные. Мы остановились смотрѣть на нихъ, и вотъ одинъ изъ нихъ выдѣлился изъ общей массы, пьяный, шатаясь подошелъ ко мнѣ и схватилъ меня за руку: «Гдѣ ваши цвѣты?» спросилъ онъ. Я смотрѣла на него, ничего не понимая. «Цвѣты ваши гдѣ?» повторилъ онъ. «Добровольцамъ, небось, подносили, а намъ не хотите?» Я вырвала руку и пошла прочь отъ него. «Вотъ изъ-за этихъ каракулей нѣту житья сѣрымъ шинелямъ!» крикнулъ мнѣ вдогонку другой, хотя я была въ простомъ суконномъ пальто.

Два дня еще послѣ взятія города большевиками продолжалась артиллерійская стрѣльба. Одни говорили, что это добровольческій поѣздъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, отстрѣливается, и что весь составъ этого поѣзда впослѣдствіи погибъ. Другіе объясняли это наступленіемъ на большевиковъ частей генерала Шиллинга, шедшаго будто бы изъ Одессы на соединеніе; и не слушая этихъ слуховъ, ни во что больше не вѣря, ни на что не надѣясь, мы бродили среди догоравшихъ домовъ въ тщетныхъ поискахъ хлѣба, мѣста и дровъ.

III

Отъ поляковъ до большевиковъ

«Да вставай же ты, ради Бога, скорѣе, поляки уходятъ».

Съ этими словами ворвалась ко мнѣ въ комнату Марья Семеновна, бывшая няня моей двоюродной сестры, носившая въ свое время на рукахъ и меня, теперь служившая домоправительницей въ Китайскомъ Исполнительномъ Комитетѣ.

«Куда они уходятъ?» — полюбопытствовала я, со сна еще плохо понимая, что мнѣ говорятъ.

«Да, что ты, Богъ съ тобой, сдурѣла, что ли? Куда уходятъ! А кто ихъ знаетъ — куда, въ Польшу навѣрное, чтобъ имъ на томъ свѣту на мосту провалиться».

«Смотри, смотри, вонъ уже автомобили ѣдутъ!»

Я привыкла къ такимъ сенсаціямъ, приносимымъ, обыкновенно, Марьей Семеновной съ базара, поэтому извѣстіе на меня особаго впечатлѣнія не произвело. Однако, я встала и подошла къ окну.

Наша Левашевская улица, дѣйствительно, имѣла не совсѣмъ обычный видъ. Часто проѣзжали грузовики, сновали взадъ и впередъ автомобили, проходили съ озабоченнымъ видомъ польскіе офицеры.

Наша парадная дверь была открыта настежь. Пусть читатель не удивляется; со времени прихода поляковъ, у насъ въ Китайскомъ Исполкомѣ, поселился съ женой польскій главнокомандующій Смилгъ-Рыдзъ.

«А вѣдь, знаете, Марья Семеновна, дѣйствительно, похоже на то, что уходятъ! А что нашъ генералъ дѣлаетъ?»

«Да ужъ съ 6 утра въ штабъ поѣхалъ, весь домъ на ногахъ, это я только тебя будить пожалѣла. А генеральша тамъ чего-то съ деньщиками ссорится!»

«Ну, если ссорится, значитъ, все въ порядкѣ».

«Тебѣ все смѣхъ, подожди, вотъ придутъ большевики, тогда посмѣешься!»

«Да вѣдь вы же, Марья Семеновна, сами твердили, что лучше свое плохое, чѣмъ чужое хорошее?»

«Такъ то — я, а ты вѣдь буржуйка, вамъ плохо будетъ!»

«Ничего, Марья Семеновна, мы ихъ не впустимъ, отобьемъ!»

На самомъ дѣлѣ, мнѣ, дѣйствительно, было не до смѣху. Неужели уходятъ? Казалось совершенно немыслимымъ пережить еще одинъ приходъ Совѣтской власти, не хотѣлось даже на одну минуту допустить такую возможность. Тѣмъ болѣе это было ужасно для насъ, что мой братъ за два дня до того уѣхалъ по дѣлу въ Житоміръ, и теперь намъ угрожала возможность быть надолго отрѣзанными отъ него.

Я поспѣшно одѣлась и вышла на улицу, направляясь въ Пассажъ, гдѣ была квартира моего брата. Внѣшній видъ улицъ, когда я спускалась въ городъ, былъ тотъ же, что и всегда, и я немного успокоилась. Можетъ быть, мнѣ это все казалось, думала я, вѣдь это же немыслимо, чтобы такое побѣдное войско и вдругъ такъ скоро удрало. Вчера еще я говорила съ польскими офицерами, и ничего особенно страшнаго отъ нихъ не

слыхала. Фронтъ былъ по прежнему близко отъ Кіева, но ничего угрожающаго не наблюдалось.

Въ Пассажѣ я нашла мою невѣстку лежащей въ слезахъ на диванѣ; рядомъ съ ней газета.

«Что съ тобой?»

«Да вотъ, прочти, былъ налетъ на Житоміръ».

Въ газетѣ, дѣйствительно, сообщалось о томъ, что войска Буденнаго произвели налетъ на Житоміръ, что гдѣ-то произошелъ прорывъ польскаго фронта, но что теперь дѣла поправились и положеніе возстановлено.

Я безуспѣшно пыталась утѣшить невѣстку:

«Пустяки, мало ли что бываетъ, военное счастіе перемѣнчиво. Да и чего же ты теперь, заднимъ числомъ, плачешь; вѣдь Житоміръ опять занятъ поляками?»

Когда женщина любитъ, то ея политическія убѣжденія сильно страдаютъ отъ этого:

«Ты пойми, чего я боюсь, — горько плача говорила мнѣ невѣстка, — вѣдь можетъ такъ случиться, что тамъ опять будутъ большевики, а здѣсь останутся поляки, и тогда мы отъ Феди будемъ отрѣзаны».

«Такъ ты чего же хочешь, чтобы и здѣсь были большевики?»

«Да, ужъ, разумѣется, лучше такъ, чѣмъ, чтобы мы были подъ разной властью».

«Ну такъ можешь радоваться, твое желаніе, кажется, будетъ исполнено, и мы всѣ соединимся подъ властью Московскаго совдепа. Поляки уходятъ!»

Это моей невѣсткѣ тоже не понравилось, и она продолжала плакать еще горше.

Такъ какъ квартира брата находится въ центрѣ города, то туда обыкновенно сходятся всѣ знакомые. На этотъ разъ пріемъ начался рано, — признакъ перемѣны власти. Люди приходили, каждый со своими новостями, утѣшительными или нѣтъ, въ зависимости отъ ихъ темперамента.

Первымъ пришелъ инженеръ Н., человѣкъ по характеру добрый и веселый. Мы обрадовались, и не безъ основанія. Извѣстія были самыя утѣшительныя.

«Что вы это, Богъ съ вами, Надежда Павловна, плакать вздумали? И не стыдно вамъ? Это вы прочли о налетѣ на Харьковъ? Такъ вѣдь радоваться надо, а не плакать!»

«Радоваться? Почему? Что тутъ такого веселаго?»

«Дѣло не въ весельи, а въ томъ, что теперь поляки за умъ возьмутся, они увидѣли, что все же и съ большевиками считаться надо. Прежде они думали, что это такъ, дрянь одна, голытьба, а не войско, а теперь уже будутъ осторожны. А, вѣдь, это вы, я надѣюсь, сами понимаете, что большевикамъ съ поляками не справиться. Вы польское войско видали? Видали ихъ конницу татарскую съ полумѣсяцами?»

«Видали. Видали конницу. А вотъ вы-то видали, что сейчасъ на улицѣ дѣлается?»

«Это, что автомобили ѣздятъ? Да, помилуйте, не стыдно вамъ такъ паникѣ поддаваться. Кажется, ужъ достаточно насмотрѣлись, могли бы привыкнуть. Ясно, что разъ всѣ штабы здѣсь, то извѣстіе о налетѣ на

Житоміръ должно было обсуждаться. Въ связи съ этимъ принимаются мѣры, поэтому усиленное движеніе!»

«Ну, что жъ, тѣмъ лучше, значитъ, по вашему, опасности никакой?»

«Да, конечно же, никакой. Базарные слухи! Вы лучше меня обѣдать пригласите, а то безъ меня опять въ уныніе впадете».

«Непремѣнно, непремѣнно останьтесь».

Сѣли обѣдать. Во время вареников съ вишнями снова звонокъ. Пришелъ еще одинъ знакомый.

Вошелъ. Молча пожалъ намъ руки. Молча опустился на стулъ. Аппетитъ у насъ пропалъ сразу.

«Ну что, Петя, что слышно?» робко спрашиваю я.

«Ничего! Что же можетъ быть слышно! Все пропало!»

«Что пропало? Неужели Житоміръ взятъ обратно большевиками?»

«А вы, какъ думали, что они пришли, понюхали и ушли? Конечно, взятъ, и Кіевъ эвакуируется самымъ настоящимъ образомъ. Самое позднее послѣзавтра здѣсь будутъ большевики. Это неважно, что мы погибнемъ, туда намъ и дорога; обидно только, что такъ неожиданно все это стряслось!»

«Ты бы въ гости пошелъ куда-нибудь, — совѣтую ему я, — а то сѣлъ здѣсь, какъ грибъ, и только тоску наводишь!»

«Какіе тамъ гости, — отмахивается онъ, — не до гостей теперь. А, если вы не хотите правдѣ въ глаза смотрѣть, то я, конечно, могу уйти».

Моя невѣстка снова горько плачетъ.

«Мнѣ кажется, что вы, Петръ Михайловичъ, слишкомъ мрачно смотрите на вещи, — вмѣшивается Н., — во-первыхъ, Кіевъ еще не эвакуируется, во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно, что на помощь идетъ изъ Варшавы армія Пилсудскаго, и, наконецъ, если бы поляки и ушли, то не надолго. Ясно, что Антанта не потерпитъ . . .»

«Подите вы съ вашей Антантой», хоромъ накидываемся на него мы всѣ.

Послѣ этого наступаетъ молчаніе. Бродимъ по квартирѣ, смотримъ въ окна. Изрѣдка обмѣниваемся нетуѣшительными вопросами: «Вы, Надежда Павловна, мукой запаслись?» — «Мукой-то запаслась, да вотъ сахару мало». — «Ничего, я вамъ достану, у меня два пуда, одинъ я вамъ пришлю!» — «Цѣлый пудъ? Зачѣмъ мнѣ такъ много?» — «Да берите, мало ли что можетъ случиться, если «они» будутъ обстрѣливать городъ, то ужъ ничего не достанешь!»

Часовъ въ 6 мы выходимъ на улицу. Обманывать себя нечего. Городъ представляетъ картину самой обычной форменной эвакуаціи. Автомобильное движеніе съ утра еще усилилось. Военныхъ масса, и видъ у всѣхъ самый растерянный. У меня такое чувство, что вотъ, кажется, жизнь готова отдать, лишь бы они остались, а въ глубинѣ души не могу не позлорадствовать: «Ага, вошли сюда чуть ли не церемоніальнымъ маршемъ, всѣхъ побѣдили, а передъ оборваннымъ голоднымъ русскимъ войскомъ, небось, удираете!» Это же чувство написано въ глазахъ у многихъ, но высказать его никто не рѣшается. Слишкомъ ужъ много горя и бѣдствій для всѣхъ несутъ съ собою наши родные войска!

Къ вечеру я возвращаюсь домой, то-есть въ Китайское Консульство. Въ комнатѣ Марьи Семеновны уже собралось обычное общество: она, я, секретарь и живущая внизу старуха-старьевщица. Та успѣла принести съ Еврейскаго базара самыя свѣжія политическія новости, и мы теперь ихъ будемъ сообща разбирать.

«А что, Любовь Александровна, правда, что поляки уходятъ?»

«Говорятъ, что да, — неохотно отвѣчаю я, присаживаясь на постель, — а у васъ на базарѣ, что слышно?»

«Да вотъ, разсказываютъ, не знаю — правда ли, будто Петлюра воззваніе выпустилъ къ народу. Не хотѣли, говоритъ, нѣмцевъ, не хотѣли поляковъ, такъ вотъ же турокъ къ вамъ приведу. Будете всѣ подъ турецкой властью».

«Глупости», говорю я и вспоминаю Антанту, которая, по словамъ Н., вмѣшается и не допуститъ владычества большевиковъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что если большевики придутъ, то на этотъ разъ, кромѣ какъ на турокъ, которыхъ приведетъ Петлюра, дѣйствительно, разсчитывать не на кого. И самое ужасное то, что, вѣроятно, мы всѣ скоро въ этихъ турокъ увѣруемъ. Вѣдь жить въ безнадежности нельзя.

Дни идутъ, идутъ, какъ всегда передъ приходомъ Совѣтской власти. Въ тупомъ отчаяніи бродятъ люди по городу, запасаясь продуктами и утѣшая себя въ то же время самыми нелѣпыми слухами:

Идетъ на помощь армія Пилсудскаго, заключается союзъ поляковъ съ нѣмцами, наступаютъ откуда-то уже давно несуществующіе добровольцы.

Каждое утро, просыпаясь, я спрашиваю Марью Семеновну, тутъ ли еще генералъ Смилгъ-Рыдзъ, и получаю обычно въ отвѣтъ, что тутъ, но дома опять не ночевалъ. Все въ штабѣ. Скверно!

Знакомые польскіе офицеры, прощаясь съ нами, обѣщаютъ скоро вернуться; говорятъ, чтобы мы не отчаивались, что неудачи временныя, что отступаютъ они недалеко и не на долго.

Съ Житоміромъ связи никакой и, что тамъ дѣлается, намъ совершенно неизвѣстно.

Въ послѣдній день пребыванія въ городѣ поляковъ, въ 11 часовъ утра, я случайно подошла къ окну своей комнаты, на Левашевской улицѣ.

«Вы бы, барышня, лучше въ погребъ ушли, а то сейчасъ весь кварталъ взрывать будутъ», посовѣтовалъ мнѣ дворникъ.

«Кто? Зачѣмъ?»

«Извѣстно кто, поляки. Еще большевиковъ ругаютъ, а сами хуже ихняго поступаютъ».

Народъ, повидимому, почувствовалъ, что уже пора направить свои симпатіи въ сторону большевиковъ, и я ничуть не удивляюсь, если по деревнямъ будутъ стрѣлять въ спину отступающимъ полякамъ, — какъ и всякой отступающей власти, — независимо отъ нея самой.

«Да для чего же взрывать-то?»

«А у нихъ снаряды остались въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, такъ не хотятъ большевикамъ оставлять, а людей имъ развѣ жалко. Хуже собакъ съ нами поступаютъ».

Улица, дѣйствительно, вымерла, возможно, что это правда. Мы спускаемся всѣ въ подвалъ и какъ разъ во время. Черезъ минуту раздается оглушительный взрывъ и со звономъ летятъ стекла въ нашемъ и сосѣднемъ домахъ. Потомъ другой, третій, такъ продолжается нѣсколько часовъ.

Когда я часа въ 4 выхожу изъ дому, весь тротуаръ покрытъ стеклами. Польскихъ солдатъ почти незамѣтно, только въ Царскомъ саду стоятъ нѣсколько орудій и 2—3 человѣка при нихъ. Повидимому, еще не успѣли вывезти.

Въ Пассажѣ я застаю Н. На его добродушномъ лицѣ написано желаніе утѣшить и сознаніе совершенной невозможности этого.

«Вы не теряйте надежды, — говоритъ онъ мнѣ. Знаете, вѣдь мосты всѣ взорваны, такъ мнѣ одинъ знакомый военный, специалистъ по этой части, объяснилъ это тѣмъ, что поляки сконцентрировали всѣ свои войска на нашу сторону Днѣпра и будутъ здѣсь защищаться. Имъ вѣдь нужно только денька два продержаться, а тамъ подкрѣпленіе придетъ изъ Варшавы».

«Знаю, армія Пилсудскаго. Только держаться некому, Смилгъ-Рыдзъ уже на автомобилѣ уѣхалъ».

Онъ замолкаетъ.

Эту ночь городъ проводитъ безъ власти. Мы, Кіевляне, впрочемъ, къ этому привыкли и не очень смущаемся. Мы отлично знаемъ, что вотъ уже скоро три года, какъ ничего, кромѣ непріятностей, отъ власти не имѣли. Въ такихъ случаяхъ на улицахъ появляются какіе-то неизвѣстные молодые люди съ повязками на рукахъ. Грабятъ ли они сами, или защищаютъ отъ грабителей, въ точности никому неизвѣстно. Говорятъ, что есть настоящіе, которые защищаютъ, и поддѣльные, которые грабятъ. Справиться объ этомъ, въ случаѣ надобности, можно по бездѣйствующему телефону въ какомъ-то учрежденіи, которое тоже иногда оказывается поддѣльнымъ. По-моему, самое лучшее — это стараться ихъ избѣгать.

Ночуемъ мы, моя мать и я, въ Пассажѣ, въ большихъ домахъ всегда безопасно, а на слѣдующее утро на улицахъ появляются «они». По прежнему, кажется страннымъ и непонятнымъ, что эта кучка оборванныхъ людей взяла городъ, городъ, гдѣ столько здоровыхъ, сильныхъ мужчинъ, гдѣ всѣ такъ жадно стремятся къ освобожденію и ничего не хотятъ для этого сдѣлать.

Я вытаскиваю изъ ящика свою, мирно отдыхавшую тамъ въ теченіе мѣсяца, китайскую бумагу и выхожу съ ней на улицу. Тянутся обозы, идутъ истомленные голодные солдаты. Пока ихъ еще мало. Объясняется это на самомъ дѣлѣ отсутствіемъ мостовъ, а люди, вродѣ Н., будутъ объяснять близостью поляковъ и неувѣренностью въ обладаніи городомъ большевиковъ, и мы будемъ вѣрить, потому что вѣрить надо, иначе жить нельзя.

Организуется власть; какъ изъ рога изобилія сыплется приказъ за приказомъ.

«Мы ушли не надолго, мы пришли навсегда», красуется гордая надпись на стѣнахъ университета. А мы, Кіевляне, снова покорно вдѣли головы въ ярмо и готовы ждать, ждать од безконечности, пока кто-нибудь — все равно кто — только не мы сами, освободитъ насъ.

IV

Дѣло Агѣева

«Не хотите ли пойти со мной завтра въ судъ на дѣло Агѣева», предложилъ мнѣ мой хорошій знакомый тов. Р., комендантъ одного изъ городовъ на югѣ Россіи. Большевистскій судъ! Я себѣ этого совсѣмъ не представляла. Не въ подвалъ же Чрезвычайной Комиссіи онъ хочетъ меня повести.

«А что это за дѣло такое и гдѣ оно будетъ разбираться?» — «Ну, какъ, неужели вы не знаете? Дѣло бывшаго комиссара по Артиллеріи XII Арміи, обвиняется во взяточничествѣ, содержательствѣ игорныхъ домовъ, разглашеніи впередъ за деньги приказовъ и т. д. Вашъ Кіевскій продуктъ, можете на него порадоваться. Слушаться оно будетъ въ купеческомъ клубѣ. Приходите непремѣнно, посмотрите красный бомондъ. Билетъ я вамъ достану».

«А что ему угрожаетъ?»

«Разстрѣлъ, конечно. Да вѣдь негодяй же такой, что, ей-Богу, жалѣть о немъ не приходится».

Какой бы Агѣевъ ни былъ негодяй, но видѣть, какъ человѣка будутъ приговаривать къ смертной казни мнѣ не хотѣлось, а съ другой стороны, очень ужъ любопытно было посмотрѣть обстановку ихъ суда. Я колебалась, колебалась и, въ концѣ концовъ, все-таки приняла предложеніе.

Мы пришли на другой день часовъ въ 11 утра. Дѣло давно уже началось и залъ былъ переполненъ, но благодаря моему спутнику, мы получили мѣста, какъ разъ за скамьей подсудимаго. Я до такой степени была поражена тѣмъ, что увидала, что долго не могла прислушиваться къ объясненіямъ Агѣева, во время которыхъ мы какъ разъ вошли.

Мнѣ всего одинъ разъ до того пришлось быть въ судѣ, это было въ Кіевѣ же на дѣлѣ Бейлиса, и я могу смѣло сказать, что теперешняя обстановка нисколько не уступала въ торжественности бывшей при царѣ. Тотъ же громадный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, тѣ же канделябры на немъ, тѣ же стенографистки по бокамъ, тѣ же пристава, безшумно наблюдающіе за порядкомъ, только называются они теперь комендантами. Вмѣсто царскихъ портретовъ по стѣнамъ висѣли, если не ошибаюсь, портреты Ленина и народнаго комиссара юстиціи. Я не говорю уже о предсѣдателѣ и членахъ суда; на ихъ лицахъ было написано то же сознаніе своего долга и права судить и приговаривать, какое было у ихъ царскихъ предшественниковъ; одѣты они были въ штатское платье.

Публика также представляла большой интересъ. Были жены, то-есть то, что называется женами въ Совдепіи, всѣхъ членовъ суда. Въ туалетахъ онѣ, повидимому, не стѣснялись и одѣты были, хотя и неумѣло, чувствовалось отсутствіе привычки къ этому, но по большей части богато. Нѣкоторые носили довольно дорогіе мѣха. Кромѣ нихъ, публика состояла изъ высшихъ большевистскихъ сановниковъ и небольшого количества частныхъ лицъ. Словомъ то, что мой спутникъ назвалъ краснымъ бо-мондомъ.

Постепенно, однако, я освоилась съ обстановкой и стала прислушиваться къ тому, что говорилъ Агѣевъ. Наканунѣ я успѣла все-таки разспросить о немъ, его многіе знали, такъ какъ онъ былъ кіевляниномъ по происхожденію и всю свою жизнь провелъ въ Кіевѣ. Выяснилось, что, строго говоря, очень жалѣть о немъ, дѣйствительно, не стоило. Кромѣ всего того, что разсказалъ мнѣ о немъ Р., я узнала, что онъ былъ провокаторомъ. Незадолго передъ своимъ арестомъ онъ спровоцировалъ трехъ банкировъ-валютчиковъ, въ очень маленькомъ масштабѣ, затѣмъ взялъ у нихъ взятку, остался недоволенъ ею и выдалъ ихъ Ч. К. Говорили, что этой взяткой онъ долженъ былъ подѣлиться съ кѣмъ-то изъ чекистовъ, не захотѣлъ этого сдѣлать и на этомъ попался самъ. До революціи онъ былъ карточнымъ шулеромъ. Свои объясненія Агѣевъ давалъ довольно спокойно и

даже гладко, повидимому, тяжести ожидавшаго его приговора не сознавалъ. Напиралъ очень много на свои заслуги передъ революціей, на то, что былъ неоднократно раненъ, конечно, категорически отрицалъ всѣ предъявленныя ему обвиненія; а состояли они въ томъ, во-первыхъ, что онъ очень много и азартно игралъ въ карты, во-вторыхъ, что зная о томъ, что будетъ приказъ о реквизиціи портсигаровъ для награжденія ими красныхъ героевъ, предупредилъ объ этомъ ювелировъ и взялъ съ нихъ взятку золотыми вещами. Разсказывая о тѣхъ жертвахъ, которыя принесъ на алтарь революціи, Агѣевъ прежде всего остановился на томъ, что во время эвакуаціи большевиковъ, передъ приходомъ войскъ Деникина, не могъ захватить свою жену, которая осталась въ Кіевѣ и была разстрѣляна добровольцами.

«Замучили они ее, мою Марусеньку, руки ей отрубили. Я ей говорилъ: Марусичка... тутъ слезы, кажется, не очень искренніе, помѣшали ему продолжать.

«Да почему же вы ее съ собой не эвакуировали?» спросилъ его предсѣдатель.

«Я не могъ захватить свою жену, когда на пароходѣ не было мѣста, даже для товарищей».

«Неужели же вы, комиссаръ арміи, не могли найти мѣста для своей жены, когда люди, занимающіе самыя незначительныя должности, отлично находили мѣста для своихъ женъ!»

«Да вѣдь она и сама не хотѣла ѣхать, у насъ сынъ въ красной арміи тоже раненъ былъ, онъ отъ насъ былъ тогда отрѣзанъ, и она не хотѣла ѣхать, пока не получитъ извѣстій о немъ».

«Значитъ, теперь уже выходитъ, что она сама не хотѣла, а не то, что мѣста не было. А теперь, скажите, были ли вы тогда уже знакомы со своей второй женой?»

«Да, былъ».

«А были ли вы уже тогда съ ней въ близкихъ отношеніяхъ? Предупреждаю васъ, на этотъ вопросъ вы можете не отвѣчать».

«Отчего же. Нѣтъ, не былъ».

Давая дальше объясненія по поводу найденныхъ у него при обыскѣ золотого портсигара и кольца, Агѣевъ заявилъ, что вещи эти онъ дѣйствительно взялъ, но что онѣ ему были необходимы:

«Вѣдь вы же, товарищи, знаете, какъ дорога жизнь», вкрадчивымъ голосомъ говорилъ онъ, обращаясь къ членамъ суда, «можетъ быть, этого и не слѣдовало дѣлать, можетъ быть, это была ошибка съ моей стороны, но я хотѣлъ послать эти вещи въ деревню обмѣнять на муку. Такъ дешевле выходитъ».

«Значитъ вы, обвиняемый Агѣевъ, имѣете обыкновеніе для дешевизны обмѣнивать на муку чужіе портсигары?» холоднымъ и язвительнымъ тономъ допрашивалъ предсѣдатель, не глядя на него и поглаживая красивыя бѣлыя руки.

Агѣевъ самъ, обращаясь къ суду, говорилъ вначалѣ «товарищи», но и предсѣдатель и члены суда называли его обвиняемымъ или «подсудимый Агѣевъ».

Обращались они съ нимъ вообще очень рѣзко, не давали говорить, поминутно обрывали, и въ ихъ тонѣ чувствовалось уже, каковъ будетъ приговоръ. Агѣевъ, который вначалѣ старался держаться съ ними на равной

ногѣ и былъ какъ будто спокоенъ, сталъ, повидимому, самъ сознавать это. Онъ нервничалъ все больше и больше, часто пилъ воду, хватался за голову, и жалко, и противно было слышать умоляющій голосъ, которымъ онъ обращался къ трибуналу, прося дать ему возможность что-нибудь пояснить.

«Почему же чужіе портсигары? Это былъ мой, я купилъ его, но не успѣлъ заплатить сразу, такъ какъ не зналъ его вѣса. Такія вещи вѣдь расцѣниваются на золотники».

«А развѣ у этого ювелира, по какой-нибудь злой случайности, не было вѣсовъ для взвѣшиванія, вѣдь обычно они бываютъ въ такомъ магазинѣ?»

«Можетъ быть, и были, но у меня съ собой денегъ не было».

«Такъ какъ же именно, подсудимый Агѣевъ, деньги у васъ отсутствовали, или вѣсы въ магазинѣ?»

«И то, и другое, да вѣдь это не важно же, товарищи, вѣдь на слѣдующій день я заплатилъ сполна!»

«Вопросъ о томъ, заплатили ли вы, выяснится изъ свидѣтельскихъ показаній».

Упоминая о своихъ заслугахъ передъ революціей, Агѣевъ съ особенной настойчивостью остановился на томъ, что добровольно выслѣдилъ и даже самъ на автомобилѣ доставилъ въ Ч. К. 3-хъ, впослѣдствіи разстрѣлянныхъ банкировъ-валютчиковъ. Но и тутъ предсѣдатель оборвалъ его:

«Скажите, обвиняемый, зачѣмъ собственно вы, занимающій такое трудное и отвѣтственное мѣсто, какъ комиссаръ арміи, отдавали драгоцѣнныя минуты своего времени ловлѣ спекулянтовъ? Вѣдь вы же не членъ Чрезвычайной Комиссіи или Особаго Отдѣла?»

«Я — коммунистъ», гордо произнесъ въ отвѣтъ Агѣевъ, повидимому, сильно расчитывая на эффектъ этой фразы, но мнѣ кажется, хотя предсѣдатель промолчалъ, эффектъ отъ нея былъ обратный тому, котораго ожидалъ подсудимый. Слишкомъ очевидно для всѣхъ было, что причина провокаціи не лежала въ чисто партійныхъ убѣжденіяхъ Агѣева.

Агѣевъ много и съ пафосомъ говорилъ о вѣрѣ своей въ конечное торжество революціи, о томъ, какъ старался всѣ силы отдать на служеніе ей, на то, чтобы когда-нибудь въ, можетъ быть, близкомъ будущемъ достигнуть диктатуры пролетаріата.

«Обвиняемый, вы обнаруживаете полную политическую безграмотность», снова и съ особой рѣзкостью оборвалъ его предсѣдатель, «диктатура пролетаріата не будетъ, она есть; черезъ диктатуру пролетаріата мы идемъ къ общему равенству».

«Я знаю, я ошибся», испуганно пролепеталъ Агѣевъ и, какъ гимназистъ, приподнявшись черезъ минуту съ своего мѣста, поправился: «я думалъ — въ міровомъ масштабѣ».

Разсказывая о заблужденіяхъ своего прошлаго, Агѣевъ особенно настаивалъ на томъ, что шулеромъ никогда не былъ. Онъ много и азартно игралъ въ карты, былъ даже при старомъ режимѣ зарегистрированъ, но не какъ шулеръ, а какъ профессіональный игрокъ. Но все это было до революціи, а потомъ онъ поступилъ въ партію коммунистовъ и навсегда порвалъ съ своимъ прошлымъ.

«А между тѣмъ, вы продолжали играть и потомъ», сказалъ ему кто-то изъ членовъ суда. «Тѣмъ болѣе вы съ вашимъ прошлымъ должны были быть осторожнымъ, разъ революція уже одинъ разъ простила васъ».

«Революція меня не прощала, мнѣ не въ чемъ было просить прощенія. Мои ошибки были обычныя заблужденія, свойственныя молодости, а не преступленія».

Въ показаніяхъ и отвѣтахъ Агѣева замѣчалась странная двойственность. Наряду съ нѣкоторымъ нахальствомъ, иногда почти грубостью, онъ при первой попыткѣ оборвать его, обнаруживалъ совершенную растерянность.

«Скажите, обвиняемый Агѣевъ, вотъ вы говорите, что совершенно перестали играть въ карты, а между тѣмъ и свидѣтельскими показаніями установлено, и вы сами подтвердили, что ходили въ тайные игорные дома?»

«Я ходилъ туда изъ чувства долга. Мы получили свѣдѣнія, что такіе дома существуютъ, что тамъ крупно играютъ и я хотѣлъ эти свѣдѣнія провѣрить».

«А скажите, пожалуйста, обвиняемый, развѣ принято при исполненіи такихъ обязанностей брать съ собою женъ? Вѣдь вамъ, какъ коммунисту, было вѣроятно тяжело и противно ходить въ эти дома, такъ зачѣмъ же вы жену съ собою брали?»

«Я ходилъ туда обычно послѣ театра, нарочно въ такое время, когда могъ застать самую крупную игру и не хотѣлъ жену оставлять одну дома».

«Но сами-то вы не играли?»

«Нѣтъ, не игралъ».

«А между тѣмъ, облава застала васъ съ картами въ рукахъ».

«Я хотѣлъ, чтобы меня не стѣснялись и продолжали играть и при мнѣ».

«Васъ заставали и видѣли тамъ играющимъ очень часто. Впрочемъ, все это выяснится изъ свидѣтельскихъ показаній».

Послѣ объясненій Агѣева былъ объявленъ двадцатиминутный перерывъ и судъ въ полномъ составѣ удалился. Обвиняемаго также увели. Видъ у него въ достаточной степени жалкій и, хотя преступленій за нимъ было много, смотрѣть на него было все же тяжело. Мой спутникъ, который встрѣчалъ его раньше изящнымъ красавцемъ во флотской формѣ, говорилъ, что онъ неузнаваемъ. Въ публикѣ съ нетерпѣніемъ ждали свидѣтельскихъ показаній. Ожидалось много разоблаченій, и говорили, что свидѣтели окончательно погубятъ Агѣева. Особенно интересовало всѣхъ показаніе предсѣдателя Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи тов. Павлова. Въ залѣ передавали другъ другу фразу, будто бы принадлежавшую Агѣеву. Когда Павловъ, удивлявшійся его тратамъ, спросилъ его: «да гдѣ же ты деньги берешь?» Агѣевъ отвѣтилъ ему: «тамъ же, гдѣ и ты». Между прочимъ, въ первой части процесса, предсѣдатель спросилъ Агѣева, правда ли, что онъ хвасталъ, что на ты съ Павловымъ. Агѣевъ въ ту минуту, какъ разъ настроенный комбативно, отвѣчалъ: «на ты я съ нимъ не былъ, а если бы и былъ, то не вижу чѣмъ тутъ хвастать».

Перерывъ закончился и послѣ громогласно превозглашеннаго комендантомъ: «судъ идетъ, прошу встать», засѣданіе возобновилось. Начался допросъ свидѣтелей.

«Пригласить свидѣтеля товарища Павлова», сказалъ Ивановъ.

Предсѣдатель Чрезвычайной Комиссіи, какъ человѣкъ очень занятой, допрашивался первымъ.

Въ залѣ водворилось особое жуткое молчаніе.

Тихой, спокойной походкой, съ палкой въ рукахъ, если не ошибаюсь, шляпой на головѣ, Павловъ подошелъ къ столу. Всѣ, не отрывая глазъ,

смотрѣли на него. Страшно было подумать, какъ всецѣло всѣ мы, и публика, и подсудимый, и даже судьи, сидящіе за краснымъ столомъ, находились во власти этого человѣка.

Небольшого роста, тонкій, изящный, съ пожалуй даже красивымъ лицомъ; а между тѣмъ, въ его манерѣ стоять, опершись на палку, въ его тихомъ, мѣрномъ голосѣ, въ его увѣренныхъ рѣдкихъ жестахъ, было что-то невообразимо отталкивающее.

«Скажите, пожалуйста, товарищъ», особенно мягко обратился къ нему предсѣдатель, «знакомъ ли вамъ подсудимый?»

«Да, я знаю его», тихо, не глядя на Агѣева, отвѣчалъ Павловъ. «Это бывшій комиссаръ XII Арміи Агѣевъ».

«Приходилось вамъ съ нимъ встрѣчаться?»

«Да, онъ приходилъ ко мнѣ по дѣлу и одинъ разъ даже оставался пить чай у меня. Къ тому же мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ въ кабинетѣ комиссіи, при допросахъ обвиняемыхъ».

«Какое впечатлѣніе онъ производилъ на васъ?»

«Я всегда считалъ Агѣева нравственно нечистоплотнымъ человѣкомъ».

Я не могу вспомнить точно и въ ихъ послѣдовательности всѣ отвѣты Павлова, но помню хорошо, что эту фразу онъ произнесъ своимъ спокойнымъ голосомъ, не глядя на подсудимаго, не менѣе 3-хъ разъ. Жутко звучалъ въ устахъ предсѣдателя Ч. К. аттестатъ о нравственной нечистоплотности, и жутко было представить себѣ, что на слѣдующій день въ подвалѣ на Екатерининской улицѣ будетъ сидѣть, ожидая своей очереди быть разстрѣляннымъ, Агѣевъ.

«Простите, пожалуйста, товарищъ Павловъ, вотъ вы сказали, что встрѣчались съ Агѣевымъ у себя въ кабинетѣ. Такъ вотъ, намъ хотѣлось бы знать, практикуется ли это теперь вообще, что лицо, не имѣющее отношенія къ комиссіи, даже, если занимаетъ такой отвѣтственный постъ, какой занималъ Агѣевъ, присутствуетъ при допросахъ».

«Такіе пріемы практиковались всегда; они называются очной ставкой».

«Благодарю васъ, товарищъ, теперь мнѣ ясно, значитъ Агѣевъ присутствовалъ въ комиссіи только при его очныхъ ставкахъ. Но не обнаруживалъ ли онъ вообще, частнымъ образомъ въ бесѣдахъ съ вами особаго интереса къ нѣкоторымъ дѣламъ?»

«Да, онъ очень интересовался дѣломъ банкировъ».

«Вы, можетъ быть, вспомните, тов. Павловъ, не удивлялъ ли васъ исключительный интересъ Агѣева къ этому дѣлу?»

«Очень удивлялъ».

«Товарищъ Павловъ, вспомните», умоляющимъ голосомъ заговорилъ, вставая съ своего мѣста Агѣевъ, «не говорилъ ли я вамъ, что вообще хочу поступить на службу въ Чр. Комиссію».

«Говорили».

«Не объяснилъ ли я этого жаждой мщенья за разстрѣлянную жену?»

«Причинъ вашихъ я не помню».

«Больше никто не имѣетъ вопросовъ?» — вмѣшался предсѣдатель, очевидно не желавшій отнимать время у Павлова. «Благодарю васъ, товарищъ!» Послѣ Павлова показывали еще другіе низшіе служащіе и агенты Ч. К. Все ими сказанное сводилось къ проявленному Агѣевымъ исключительному интересу къ дѣлу банкировъ, и съ каждымъ показаніемъ Агѣевъ все больше и больше

терялъ самообладаніе. Не спрашивая позволенія предсѣдателя, иногда не вставая съ мѣста, онъ самъ обращался съ вопросами къ свидѣтелямъ. «Кто здѣсь предсѣдатель, вы или я», крикнулъ на него, наконецъ, потерявшій терпѣніе Ивановъ. «Простите меня, ради Бога, я такъ нервничаю», умоляющимъ голосомъ сказалъ Агѣевъ. Воду онъ выпилъ всю, а другой никто не подавалъ ему. Казалось, что даже у сидѣвшаго съ нимъ рядомъ защитника по назначенію было къ нему только гадливое чувство. Держа въ рукахъ графинъ, онъ жалобно озирался на публику, тогда комендантъ суда подалъ ему воду и онъ сталъ снова пить стаканъ за стаканомъ. Особенно волновался Агѣевъ при выясненіи вопроса о томъ, былъ ли онъ шулеромъ, и, мнѣ кажется, послѣднимъ свѣтлымъ мгновеніемъ его жизни было, когда одинъ изъ агентовъ судугроза (судебно-уголовнаго розыска), подтвердилъ, что оттискъ большого пальца правой руки брался не только у шулеровъ, но и у профессіональныхъ игроковъ. Когда давали показанія ювелиры, предупрежденные Агѣевымъ о готовящейся у нихъ реквизиціи вещей, тотъ изъ нихъ, у котораго Агѣевъ, будто бы, купилъ портсигаръ, заявилъ, что деньги за него и на другой день не получилъ.

Агѣевъ всплеснулъ руками.

«Да вѣдь вы на предварительномъ слѣдствіи показали, что вамъ Агѣевъ на слѣдующій день заплатилъ», спросилъ его предсѣдатель.

«Ну да, я показалъ», отвѣтилъ ювелиръ — крошечный толстый человѣчекъ, старавшійся, мнѣ кажется, нарочно усилить комизмъ своего акцента и отвѣтовъ: «Мы съ нимъ оба сидѣли въ Ч. К., такъ онъ ко мнѣ подошелъ на дворѣ и говорилъ: «скажи, что я тебѣ заплатилъ, а не то тебѣ плохо будетъ», такъ я испугался и сказалъ, какъ онъ велѣлъ».

«Чего же вы испугались?»

«Чего я испугался? вы посмотрите на меня, а потомъ на него, такъ вы увидите, чего я испугался».

Дѣйствительно, контрастъ между красивой и рослой фигурой Агѣева и маленькимъ ювелиромъ былъ большой. Въ публикѣ раздался смѣхъ, а между тѣмъ, съ этимъ показаніемъ оборвалась послѣдняя нить, привязывавшая человѣка къ жизни.

Очень тяжелое впечатлѣніе произвело показаніе второй жены Агѣева. Нарочно ли, или по незнанію языка, она была полька, она только отяготила обвиненіе. На предложенный ей обвинителемъ вопросъ, была ли она въ интимныхъ отношеніяхъ при жизни его первой жены, она, несмотря на данное ей разрѣшеніе не отвѣчать, отвѣтила утвердительно. Она держала себя вполнѣ спокойно. А онъ жадно, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на нее. Это была маленькая, неказистая, скромно одѣтая женщина. Когда она уходила, онъ долго провожалъ ее глазами, а потомъ, понимая уже, повидимому, что ждетъ его, спросилъ предсѣдателя, разрѣшено ли ему будетъ съ ней проститься.

Во время допроса какого-то свидѣтеля, обвинителю подали записку, и онъ, прочтя ее, обратился къ предсѣдателю съ заявленіемъ, что ему извѣстно о томъ, что въ залѣ находится человѣкъ, лично давшій Агѣеву взятку въ 300.000. Это произвело очень большое впечатлѣніе. «Выйдите тотъ, кто далъ эту взятку», истерически крикнулъ Агѣевъ. Предсѣдатель велѣлъ ему молчать подъ какой-то угрозой, — не знаю въ сущности, чѣмъ

еще ему можно было угрожать, а затѣмъ пошептался съ членами и произнесъ, чеканя каждое слово:

«Верховный революціонный трибуналъ своей властью гарантируетъ прощенье и полную безопасность тому, кто далъ взятку Агѣеву, пусть онъ выйдетъ».

Наступило гробовое молчаніе. Никто не выходилъ. Агѣевъ, упавъ головой на столъ, громко зарыдалъ.

Въ залѣ раздался крикъ: «Разбойники, палачи, за что вы его мучаете, будьте вы прокляты».

«Товарищъ комендантъ, выведите изъ залы суда сидящаго во второмъ ряду и арестуйте его», холоднымъ голосомъ приказалъ Ивановъ.

Агѣевъ приподнялся.

«Господинъ предсѣдатель, простите его, это мой сынъ».

Ивановъ наклонилъ голову:

«Я это знаю. Въ свое время онъ будетъ освобожденъ».

Молодого человѣка увели изъ залы, несмотря на его сопротивленіе. Больше оставаться я не могла. Мы ушли.

Очевидцы процесса, остававшіеся до конца, разсказывали, что нѣсколько времени спустя у Агѣева сдѣлался припадокъ сумасшествія: «кровь, кровь, всюду кровь», кричалъ онъ, стряхивая и вытирая платкомъ руки. Нѣкоторые считали это симуляціей. Судъ совѣщался недолго и вынесъ смертный приговоръ. Агѣевъ уже пришелъ въ себя и выслушалъ его спокойно и съ достоинствомъ. Онъ просилъ разрѣшенія оставшіеся ему 48 часовъ провести въ обществѣ сына и жены. Это ему было позволено.

Въ Кіевѣ усиленно говорили, что въ теченіе этихъ 48 часовъ изъ Харькова пришелъ приказъ о помилованіи и о замѣнѣ наказанія, но что по нѣкоторымъ причинамъ Агѣева предпочли разстрѣлять. Въ Харьковъ же было отвѣчено, что помилованіе пришло слишкомъ поздно.

Екатеринославскія воспоминанія

(Августъ 1918 г. — іюнь 1919 г.)

Г. Игренева.

I

Я пріѣхалъ въ Екатеринославъ въ эпоху гетманскаго режима. Поѣздка скорымъ поѣздомъ изъ Харькова продолжалась 6 часовъ. Изъ Кіева до Екатеринослава можно было доѣхать въ 12. Могло ли тогда придти въ голову, что Екатеринославъ вскорѣ окажется мѣстомъ, на долгое время отрѣзаннымъ отъ остального міра!

Жизнь въ Екатеринославѣ била ключомъ. Офиціальная украинско-галиційская «мова» совершенно игнорировалась населеніемъ, непонимавшимъ ее. Нѣмецкая оккупація, тягостная и жестокая въ деревняхъ, въ городѣ ощущалась мало. Послѣ совѣтской голодовки поражала баснословная дешевизна цѣнъ на съѣстные припасы и громадное изобиліе ихъ на рынкахъ. Екатеринославъ былъ заваленъ бѣлыми булками, молочными продуктами, колбасами, фруктами и считался въ продовольственномъ отношеніи самымъ благодатнымъ пунктомъ Украины. Моего преподавательскаго оклада въ Университетѣ, 450 рубл. въ мѣсяцъ, съ излишкомъ хватало на жизнь. — Первые два съ половиною мѣсяца жили совершенно спокойно. Занятія во вновь открытомъ университетѣ наладились и шли съ большимъ успѣхомъ. Посѣщаемость лекцій на юридическомъ факультетѣ доходила до 500—600 человѣкъ. Спокойствіе въ городѣ нарушалось только слухами о происходящихъ въ деревняхъ крестьянскихъ возстаніяхъ и о необычайной жестокости, съ которой австрійскія оккупаціонныя войска ихъ подавляли. Несмотря на оккупацію, нѣмецкія газеты до Екатеринослава почти не доходили. Поэтому извѣстіе, что Германія проситъ мира, напечатанное въ вечернихъ телеграммахъ, издававшихся австрійскимъ военнымъ штабомъ, было для всѣхъ полной неожиданностью. Послѣдовавшія затѣмъ сообщенія о ноябрскомъ революціонномъ взрывѣ и переворотѣ 11-го ноября вызвали въ городѣ большое возбужденіе. Спокойнѣе всего отнеслись къ этимъ извѣстіямъ стоявшія въ городѣ войска. Въ ихъ средѣ незамѣтно было никакого волненія. Элегантные австрійскіе офицеры попрежнему продолжали эффектно возсѣдать въ самыхъ роскошныхъ, по екатеринославскому масштабу, кафэ и гордо прогуливаться по главнымъ улицамъ. Солдаты попрежнему вытягивались въ струнку и отдавали честь. По настроенію войскъ нельзя было предпологать, что въ ихъ государствахъ произошла грандіозная катастрофа. Въ первое время казалось, что на Украинѣ остается все по старому.

Вскорѣ по заключеніи перемирія между Антантой и нѣмецкими государствами, по городу стали ходить слухи, что союзники рѣшили послать войска на Украину для борьбы съ сѣверно-русскимъ большевизмомъ. Каждый день въ газетахъ печатались фантастическія извѣстія о прибывшихъ въ Одессу и Новороссійскъ громадныхъ дессантахъ французскихъ и англійскихъ войскъ. Слухи были подтверждены офиціальнымъ обращеніемъ французскаго военнаго аташе въ Одессѣ «къ населенію южной Россіи», расклееннымъ на всѣхъ столбахъ города. Воззваніе объявляло большевиковъ внѣ закона и призывало всѣ слои населенія оказывать поддержку союзническимъ войскамъ

въ предстоящей борьбѣ съ «красными варварами». Екатеринославское населеніе откликнулось на воззваніе съ большимъ воодушевленіемъ. Различныя общественныя организаціи созывали особыя совѣщанія для обсужденія плана встрѣчи союзныхъ войскъ; происходили принципіальные споры о текстѣ привѣтственныхъ адресовъ и формахъ поддержки. Одновременно командующій добровольческой арміей — генералъ Деникинъ объявилъ мобилизацію офицеровъ, и гетманъ Скоропадскій пытался войти съ нимъ въ соглашеніе. — Войскъ Антанты въ Екатеринославѣ ожидали со дня на день. Екатеринославскія газеты сообщали, что англійскіе и французскіе солдаты уже въ Александровскѣ, даже въ Синельниковѣ (въ 25 верстахъ отъ Екатеринослава) . . .

Но союзныя войска не приходили, а въ газетахъ стали появляться тревожныя извѣстія, что нѣмцы, ссылаясь на условія перемирія, по которымъ ихъ войска должны очистить всѣ занятыя мѣстности, собираются уходить изъ Украйны. Эти слухи вскорѣ были подтверждены официальнымъ заявленіемъ нѣмецкаго совѣта солдатскихъ депутатовъ въ Кіевѣ. Требованіе Антанты, чтобы нѣмецкія войска продолжали оставаться на Украинѣ, несмотря на всѣ угрозы, было рѣшительно отклонено нѣмецкими совѣтами. Нѣмцы энергично готовились къ возвращенію на родину. — Предстоящій уходъ оккупаціонныхъ войскъ сразу замутилъ на Украинѣ всѣ перспективы. Гетманская власть потеряла немедленно свою устойчивость.

II

Первымъ проявленіемъ тревожнаго настроенія въ Екатеринославѣ была студенческая политическая забастовка, направленная противъ гетманскаго режима. Соціалистичеекія партіи единодушно стали вести агитацію въ пользу немедленнаго сверженія гетмана и возстановленія республики. Въ это время (дѣло было въ самомъ концѣ ноября) пришли первыя извѣстія о возстаніи галиційскихъ стрѣлковъ подъ предводительствомъ Петлюры, поддержанномъ украинскимъ крестьянствомъ. Нѣмецкіе совѣты солдатскихъ депутатовъ поспѣшили объявить о своемъ нейтралитетѣ, и движеніе вскорѣ приняло широкій масштабъ. Главная масса «петлюровцевъ» обложила Кіевъ и черезъ короткое время добилась успѣха: гетманъ былъ низложенъ и бѣжалъ. — Въ Екатеринославъ петлюровцы вошли совершенно мирно. Они заняли нижнюю часть города, прилегающую къ вокзалу (Екатеринославъ расположенъ на склонѣ высокаго холма.) Въ верхней части города продолжалъ сохраняться гетманскій режимъ, защищаемый 8-ымъ офицерскимъ корпусомъ, объявившимъ о своемъ присоединеніи къ добровольческой арміи. Австрійскія войска были совершенно равнодушны. Такое положеніе длилось цѣлую недѣлю и продолжалось даже послѣ того, какъ Кіевъ былъ взятъ Петлюрой и провозглашена Украинская Директорія. — Петлюровцы были добродушные малые. Разодѣтые въ опереточные зипуны, они распѣвали національныя пѣсни, красиво гарцовали на своихъ лошадяхъ, стрѣляли въ воздухъ, проявляли большую склонность къ спиртнымъ напиткамъ, однако никого не трогали. Казалось, что все обойдется мирно. Ничто не предвѣщало вооруженнаго столкновенія. Но оно все же внезапно произошло.

Въ одну изъ ночей въ первыхъ числахъ декабря я былъ разбуженъ громкой командой: «пли», раздавшейся подъ самымъ окномъ (я жилъ въ первомъ этажѣ). Не успѣлъ я вскочить, какъ раздалась оглушителнная ружейная и пулеметная трескотня, которая затѣмъ не прекращалось до вечера слѣдующаго дня. Пули стучали, какъ дождь, по крышѣ нашего дома. Какъ впослѣдствіи оказалось, въ нашемъ дворѣ стояла команда петлюровцевъ, а на противоположномъ углу улицы расположились солдаты 8-го корпуса. — Столкновеніе между войсками, цѣлую недѣлю мирно уживавшимися въ одномъ городѣ, было настолько неожиданно, что никто изъ жителей нашего дома не могъ догадаться, кто собственно сражается. Высказывались предположенія о большевистскомъ возстаніи и о сраженіи австрійскихъ войскъ съ явившимися, наконецъ, союзническими солдатами. Недоумѣніе разсѣялось только уже днемъ,

когда къ намъ явились солдаты для обыска, они оказались петлюровцами и были по обыкновенію очень добродушны. Мы узнали отъ нихъ, что бой возникъ потому, что 8-ой корпусъ не захотѣлъ добровольно уйти изъ Екатеринослава, мотивируя свой отказъ необходимостью охранять мирныхъ жителей отъ грабежей. Кровопролитіе было остановлено вмѣшательствомъ австрійскаго командованія, которое пригрозило обстрѣлять городъ тяжелой артиллеріей. Дерущіеся вняли этому аргументу и 8-ой корпусъ на слѣдующій день мирно ушелъ. Впрочемъ, часть его солдатъ осталась и перешла къ петлюровцамъ. Перебѣжничество затѣмъ повторялось при каждой смѣнѣ режима. Петлюровцы торжествовали побѣду. Національные украинскіе зипуны загарцовали на главныхъ улицахъ города. Стало весело, шумно и пьяно. Гайдамаки пѣли, плясали, но главнымъ образомъ стрѣляли, не въ людей, а просто такъ себѣ, въ воздухъ. Днемъ еще было сносно, но ночью становилось жутко. Нельзя было пройти нѣсколько шаговъ по улицѣ, чтобы передъ ухомъ не просвистѣла пуля. Бывали и жертвы, особенно дѣти . . . Въ учрежденіяхъ, управляемыхъ петлюровцами, господствовала полная безтолковщина. Одно учрежденіе не подозрѣвало о существованіи другого; каждое вѣдомство въ отдѣльности непосредственно сносилось съ Кіевомъ. Ежедневно публиковались приказы о мобилизаціи, которые въ тотъ же вечеръ отмѣнялись. Такъ по крайней мѣрѣ разъ пять объявлялась мобилизація студенчества и ни разу не приводилась въ исполненіе. Изъ учрежденій были изгнаны всѣ служащіе не владѣвшіе «украинской мовой».— Городъ былъ полонъ всевозможныхъ чудесныхъ слуховъ о Махно и его разбойничьей шайкѣ, свившей себѣ гнѣздо въ Гуляй-Полѣ (Екат. губ.). Въ народѣ говорили, что Махно требуетъ отъ петлюровцевъ, чтобы его впустили въ Екатеринославъ всего лишь на три дня: за это время онъ обѣщаетъ ввести новый анархо-коммунистическій строй — отобрать все у богатыхъ и отдать бѣднымъ. Разсказывали, что Махно благородный человѣкъ и «врагъ лишь жидамъ и нѣмцамъ», а населенію его нечего бояться. Я слушалъ всѣ эти толки и не придавалъ имъ никакого значенія, не подозрѣвая даже о той реальной силѣ, которой уже тогда обладалъ Махно. Но прежде, чѣмъ пришлось въ этомъ убѣдиться, въ Екатеринославѣ произошло еще одно сраженіе: бой между петлюровцами и австрійцами. Петлюровцы потребовали у стоявшихъ въ городѣ австрійскихъ частей, чтобы они сдали оружіе передъ эвакуаціей на родину. Нѣмцы категорически отказались и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою воинскую честь. Ожесточенная ружейная и пулеметная стрѣльба длилась цѣлые сутки. Среди мирныхъ жителей было не мало жертвъ. Побѣдили конечно петлюровцы, ибо австрійцы только оборонялись: у нихъ не было достаточно сильныхъ стимуловъ для борьбы до конца. — Сильное впечатлѣніе производило зрѣлище, какъ гайдамаки срывали погоны у австрійскихъ офицеровъ. Гордые оккупаторы, союзники державы едва не побѣдившей всю Европу, склонялись передъ толпой полупьяныхъ украинскихъ стрѣлковъ, представлявшихъ совершенный нуль въ военномъ отношеніи. Такъ повернулась къ нимъ судьба. Вскорѣ послѣ своего разоруженія нѣмцы исчезли. Тихо и незамѣтно вышли изъ Екатеринослава австрійскія части, послѣ своего позора не показывавшіяся больше на улицахъ. Ихъ уходъ обыватель почувствовалъ только впослѣдствіи, когда черезъ недѣлю послѣ ихъ исчезновенія на Екатеринославъ напалъ Махно.

III

Кто такой Махно? И въ чемъ секретъ его стихійной силы въ Екатеринославщинѣ? Этотъ вопросъ не разъ приходилъ въ голову за время пребыванія въ Екатеринославѣ: имя Махно ни у кого не сходило съ языка. — Изъ разспросовъ мнѣ удалось узнать лишь слѣдующія подробности изъ его біографіи. Родомъ изъ Гуляй-Поля, по одной версіи — народный учитель, по другой — рабочій, онъ въ 1902 г., за убійство родного брата съ корыстной цѣлью, былъ приговоренъ Екатеринославскимъ окружнымъ судомъ къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ Въ 1905 году неожиданно снова появился на

горизонтѣ, объявилъ себя анархистомъ, участвовалъ въ какихъ то экспропріяціяхъ и потомъ снова потерялся изъ виду. Вынырнулъ снова только въ 1917 г. въ качествѣ предсѣдателя Гуляй-Польскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Пытался организовать гуляй-Польскую анархическую коммуну. Послѣ прихода нѣмцевъ на Украину становится однимъ изъ вождей крестьянскихъ повстанческихъ бандъ, ведущихъ партизанскую борьбу противъ оккупаціонныхъ войскъ. Это доставило ему широкую популярность среди крестьянъ Екатеринославской губерніи. Послѣ подавленія повстанческаго движенія организуетъ болѣе тѣсную разбойничью шайку, съ которой совершаетъ рядъ крупныхъ грабежей. Перемѣна режима не оказываетъ вліянія на его дѣятельность, и въ петлюровской сумятицѣ онъ продолжаетъ съ успѣхомъ свою работу. На собранные путемъ грабежей деньги Махно скупаетъ у австрійскихъ солдатъ всякое вооруженіе, въ томъ числѣ тяжелую артиллерію и громадные запасы ручныхъ гранатъ. Превосходно вооруженная разбойничья шайка прочно обосновывается на родинѣ своего вождя — въ Гуляй-Полѣ и объявляетъ насильственную мобилизацію крестьянъ ближайшихъ деревень. Такъ организовалъ Махно свое войско, которое онъ повелъ на завоеваніе Екатеринослава. Послѣ ухода австрійскихъ войскъ, городъ былъ открытъ для его нападенія. Махно всѣ ждали и все-таки не вѣрили, что онъ придетъ. Какъ то не вѣрилось, что въ XX-омъ вѣкѣ возможно завоеваніе большого, крупнаго центра шайкой разбойниковъ. Петлюровскія власти увѣряли, конечно, что махновцы разбѣгутся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Но событія не заставили себя долго ждать. Ровно черезъ недѣлю послѣ ухода австрійцевъ (это было въ серединѣ декабря) по городу пронесся слухъ, что Махно занялъ Синельниково и ведетъ наступленіе на желѣзнодорожный мостъ черезъ Днѣпръ — соединительное звено между Екатеринославомъ и правобережной Украиной. Къ вечеру городъ наполнился отступающей петлюровской кавалеріей. Когда раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы съ женой отправились на ближайшій рынокъ, чтобы запастись припасами передъ предстоящимъ событіями, петлюровскіе солдаты настойчиво предлагали публикѣ разойтись, предупреждая, что сейчасъ будетъ открыта пальба по желѣзнодорожному мосту, уже занятому Махновцами. Дѣйствительно, на рыночной площади были разставлены тяжелыя орудія. Не успѣли мы нѣсколько отойти отъ площади, какъ грянули первые оглушительные удары. Пятеро сутокъ съ этого момента, безъ передышки, шла ожесточенная артиллерійская пальба. Что пришлось пережить за эти безумные дни, не поддается описанію. Махновцы, занявъ при первой же атакѣ вокзалъ, буквально засыпали городъ артиллерійскими снарядами. Въ первый же день зданіе духовной семинаріи, въ которой помѣщались гуманитарные факультеты университета, получило 18 пробоинъ, изъ нихъ 8 на вылетъ. Два снаряда попали въ общежитіе семинаристовъ, къ счастью въ это время были каникулы, и убито было всего нѣсколько человѣкъ. Снаряды разрывались въ частныхъ квартирахъ; каждый день приносилъ извѣстія о новыхъ жертвахъ и разрушеніяхъ. Въ воздухѣ стоялъ невыносимый гулъ отъ пальбы. Стекла въ окнахъ дребезжали и лопались. Дома тряслись такъ сильно, что падали картины со стѣнъ. Мы лежали на полу въ передней, не имѣвшей оконъ, совершенно изнуренные отъ безсонныхъ ночей и безпрерывнаго гула. Но моральное состояніе было хуже физическаго. Махно день за днемъ бралъ все новыя улицы. Петлюровцы въ безпорядкѣ отступали. Подъ властью разбойника . . . что ждетъ впереди? Все явственнѣе къ звукамъ артиллерійской пальбы примѣшивались ружейные залпы и стукъ пулеметовъ. На четвертый день Махно занялъ всю нижнюю часть города и повелъ наступленіе на гору. Снаряды стали разрываться надъ нашими головами; къ звукамъ взрывовъ присоединился свистъ пролетающихъ шрапнелей и лязгъ ихъ осколковъ о камни мостовой. Пули дождемъ сыпались на крышу. Всѣ жители дома собрались въ казавшейся сравнительно болѣе безопасной передней перваго этажа. Думали о смерти и молчали. Стрѣляли такъ сильно, что уже нельзя было различать ударовъ. Къ 7 ч. вечера стрѣльба внезапно затихла. Сосѣди отправились наверхъ. Вдругъ постучали въ дверь. На мой вопросъ, кто тамъ, раздался грубый голосъ: «А ну, ка, открой!» Я открылъ и невольно отшатнулся: на меня направлены

были дула нѣсколькихъ ружей. Въ квартиру ворвалось гурьбой человѣкъ 10, съ ногъ до головы вооруженныхъ молодцовъ, обвѣшанныхъ со всѣхъ сторонъ ручными гранатами; одѣты они были въ самые разнообразные костюмы: одни — въ обычныя солдатскія шинели, другіе въ роскошныя енотовыя шубы, очевидно только что снятыя съ чужихъ плечъ, третьи, наконецъ, въ простые крестьянскіе зипуны. На испуганный вопросъ подоспѣвшихъ хозяевъ квартиры (я снималъ у нихъ только комнаты): кто вы? раздался отвѣтъ: «петлюровцы!», и послышался дружный хохотъ: «Небось обрадовались; а мы вашихъ любимчиковъ въ порошокъ истерли и въ Днѣпръ сбросили. Поиграли и будетъ. Мы — махновцы и шутокъ не любимъ». «Намъ квартира эта нужна; выбирайся отсюда поскорѣй», прибавилъ предводитель отряда. — Хозяйкѣ квартиры удалось убѣдить незванныхъ гостей, что переднихъ двухъ комнатъ и прихожей будетъ вполнѣ достаточно для ихъ цѣлей. Мы перебрались въ заднія комнаты. Въ квартиру прибывали все новые и новые махновскіе солдаты. Они безцеремонно проникли и въ слѣдующія комнаты и сѣли за столъ, на которомъ стояла кое какая снѣдь. Наши дамы вѣжливо потчевали ихъ, стараясь разыграть радушныхъ хозяекъ... Махновскіе гости, угощавшіеся за столомъ, были очень разнаго типа. Одинъ изъ нихъ смуглый брюнетъ, съ ярко бѣлыми зубами, весь еще былъ опьяненъ только-что пролитой кровью. Онъ хвасталъ все время своими подвигами, не выпуская изъ рукъ револьвера, которымъ онъ только что, по его разсказамъ, пристрѣлилъ буржуя и буржуйку; «такіе глупые», прибавилъ онъ, жутко улыбаясь: «все время пищали»... Другой, блѣдный и изможденный, въ желѣзной австрійской каскѣ, сосредоточенно молчалъ, водя своими стеклянными глазами прирожденнаго убійцы. Внезапно онъ вытащилъ изъ голенища гамаши, очевидно, только что снятые съ убитой, и обращаясь къ моей женѣ, сказалъ, ухмыляясь: «Возьми,барышня, на память, кажется, женскіе чулки». Жена стала увѣрять, что ей не нужно этого подарка, что видимо задѣло страшнаго кавалера. Положеніе спасъ нашъ хозяинъ, который взялъ гамаши для своей дочери. — Совсѣмъ иного типа, чѣмъ остальные, былъ другой махновецъ: по виду мірный сельскій пахарь, лѣтъ 45, одѣтый въ обычное крестьянское платье, онъ поминутно крестилъ свой ротъ, приговаривалъ послѣ каждаго проглоченнаго куска: «Спасибо хозяину и хозяйкѣ». Невольно возникало недоумѣніе, какъ затесался этотъ мирный человѣкъ въ буйную разбойничью ватагу; повидимому, это была жертва насильственной махновской мобилизаціи.

Въ столовую вошелъ самъ начальникъ отряда (какъ потомъ оказалось, пулеметной команды) — солдатъ съ совершенно неопредѣленнымъ выраженіемъ лица; онъ пришелъ звать своихъ товарищей на смѣну и, отказавшись отъ угощенія, сталъ насъ просвѣщать: «Нашъ батька», повѣдалъ онъ намъ: «самъ генералъ: онъ царской арміи подпоручикъ. Онъ коммунистъ настоящій, не то что петлюровцы, жидами купленные. Махно каждому позволяетъ взять по одной парѣ всего, сколько нужно, чтобы на себѣ носить. А кто больше возьметъ, тѣхъ всѣхъ разстрѣливаетъ. Мы только жидовъ и нѣмцевъ рѣжемъ — они то и есть главные буржуи». «А ты, не жидовка ли будешь?» грозно спросилъ онъ у нашей хозяйки, типичной хохлушки-брюнетки, и вразумительно помахалъ передъ ней палицей, въ которую была вдѣта ручная граната. Хозяйка показала на образа, висѣвшіе на стѣнѣ, и гроза миновала. — Махновцы, сидѣвшіе въ столовой, ушли на смѣну, и ихъ начальникъ позволилъ намъ запереть на крючокъ дверь изъ столовой въ половину квартиры, занятую отрядомъ. Всю ночь отдѣльные солдаты дергали за двери въ надеждѣ пограбить, но при окликахъ уходили, ничего не отвѣчая. Во дворъ къ намъ былъ поставленъ пулеметъ, который стучалъ всю ночь; какъ оказалось, его чинили и пробовали. Мы всѣ, конечно, не спали и прислушивались. У махновцевъ слышно было безпрерывное движеніе и шопотъ; только впослѣдствіи мы узнали, что въ нашей квартирѣ былъ избитъ прикладами и чуть не разстрѣлянъ врачъ — сосѣдъ, который, повѣривъ, что пришедшіе солдаты петлюровцы, сталъ поносить махновцевъ. Его цѣлую ночь продержали подъ дулами ружей, ежеминутно угрожая убить, а онъ ползалъ на колѣняхъ и молилъ о пощадѣ; наконецъ его избили и подъ утро вытолкнули на улицу . . .

На разсвѣтѣ пріютившаяся у насъ пулеметная команда выстроилась въ боевой готовности передъ домомъ; на другомъ концѣ площади стояли еще петлюровцы. Послѣ ухода махновцевъ мы нашли подъ кроватью цѣлую кучу ручныхъ гранатъ. Шкафъ былъ взломанъ и все платье, и бѣлье изъ него украдено. Мы поспѣшили позвать солдатъ, чтобы вернуть имъ оставленные на память бомбы.

Припасы всѣ были съѣдены, и жена рѣшилась, пользуясь затишьемъ, выйти на площадь поискать продовольствія. Махновцы, стоявшіе тамъ, узнали ее и пустили пройти: «А, ты изъ того дома будешь? ну иди, иди; только скорѣй! А то стрѣлять надо. Мы подождемъ, но немного». Когда черезъ минутъ 10 жена вернулась, раздобывъ хлѣба, дѣйствительно началась отчаянная стрѣльба. Однако, это стрѣляла не наша знакомая махновская команда, а палила тяжелая артиллерія подоспѣвшихъ на помощь изъ Кременчуга петлюровскихъ частей. Махновцы въ безпорядкѣ разбѣгались. Имъ не удалось даже, какъ слѣдуетъ, пограбить города, не говоря уже о попыткѣ Махно организовать совмѣстно съ коммунистами совѣтскую власть. Единственное, что Махно успѣлъ въ Екатеринославѣ: это разстрѣлять прокурора окружного суда Аверьянова — своего обвинителя въ дѣлѣ о братоубійствѣ. — Къ вечеру махновскіе отряды окончательно были изгнаны изъ Екатеринослава и разсыпались по Екатеринославской губерніи, гдѣ стали интенсивно продолжать свою дѣятельность. Объ ихъ окончательной ликвидаціи силами петлюровцевъ нельзя было и думать: слишкомъ сильные корни пустилъ Махно въ украинскомъ крестьянствѣ и слишкомъ дезорганизованы были петлюровцы. Тѣмъ не менѣе, они торжественно праздновали побѣду и прославляли происшедшія событія, какъ проявленіе крѣпости своего режима. Во всѣхъ газетахъ были напечатаны длиннѣйшія оффиціальныя сообщенія, рѣшавшія вопросы государственнаго управленія въ категоріяхъ, свойственныхъ политической мысли «Запорожской Сѣчи»... Населеніе сидѣвшее, 6 дней взаперти, хлынуло на полуразрушенныя улицы, засыпанныя осколками снарядовъ, обвалившейся штукатуркой домовъ, стекольными осколками; мертвецы всѣ были подобраны; за то поражало количество труповъ лошадей и собакъ . . . Петлюровцы хоронили павшихъ и . . . стрѣляли въ воздухъ. А населеніе ждало новаго нападенія Махно. Но оно не произошло. Очередной обстрѣлъ Екатеринослава былъ уже произведенъ регулярными частями совѣтской красной арміи.

IV

Еще дней за 10 до нападенія махновцевъ Екатеринославъ оказался отрѣзаннымъ отъ Харькова. По оффиціальной версіи вслѣдствіе занятія части желѣзнодорожнаго пути махновцами и разрушенія на этомъ промежуткѣ телеграфа. Вскорѣ послѣ «побѣды» петлюровцевъ надъ махновцами изъ Кіева пришли сильно запоздавшія извѣстія, что совѣтскія войска предприняли наступленіе на Украину и заняли Бѣлгородъ (являвшійся въ тѣ времена границей между Украиной и Великороссіей). Петлюровское правительство сообщало, что оно отправило большія силы противъ большевиковъ, и нѣсколько разъ оповѣщало объ одержанныхъ ими побѣдахъ, правда въ совершенно неопредѣленномъ тонѣ. Между тѣмъ, въ населеніи сталъ упорно ходить слухъ, что Харьковъ занятъ большевиками. Петлюровскія власти потребовали у мѣстныхъ газетъ напечатанія категорическихъ опроверженій этихъ слуховъ. Опроверженія уже были набраны и напечатаны, но . . . не успѣли газеты выйти*, какъ неожиданно началась ожесточенная артиллерійская пальба (послѣ трехнедѣльнаго отдыха). Какія войска наступаютъ на Екатеринославъ, было для населенія совершенной загадкой. О большевикахъ никто не думалъ, такъ какъ отъ Харькова до Екатеринослава больше 200 верстъ, и казалось чудовищнымъ, чтобы петлюровскія власти рѣшились скрывать отъ населенія приближеніе красной арміи, которое не могло быть внезапнымъ. Обыватель терялся въ догадкахъ, а тѣмъ

* Это было вечеромъ, а газеты выходили по утрамъ.

временемъ палили все сильнѣе и сильнѣе; снаряды снова стали разрываться въ городѣ и разрушать зданія. Снова пришлось пережить 5 кошмарныхъ дней тяжелаго артиллерійскаго боя. Не буду повторять его описанія . . . Нова была только полная неизвѣстность: жители томительно недоумѣвали, кто новый завоеватель. На вопросы объ этомъ петлюровскіе солдаты лѣниво отвѣчали: «А кто его знаетъ! Все одно — врагъ». Въ самый день, когда разбитые на голову петлюровцы бѣжали изъ Екатеринослава, по городу усиленно распространялись слухи, что пришли добровольческія войска, а по другой версіи даже французскіе солдаты, неожиданно прибывшіе въ Одессу послѣ столь долгаго запозданія. Меньше всего ждали большевиковъ. А между тѣмъ, это были они. Въ городъ вступила регулярная красная армія подъ командой Дыбенко. Оказалось, что Харьковъ уже больше мѣсяца былъ подъ властью большевиковъ. Махновцы фигурировали, какъ мы только теперь узнали, въ качествѣ повстанческаго авангарда совѣтскихъ войскъ. — Населеніе Екатеринослава насторожилось и притаилось. Никто не рѣшался выходить на улицу. Но вскорѣ обыватель ощутилъ нѣкоторое облегченіе, такъ какъ почувствовалъ организованную армію и твердую власть. По сравненію не только съ махновцами, но и съ петлюровцами, красноармейцы производили необычайно дисциплинированное впечатлѣніе. Красноармейское офицерство ничѣмъ по виду не отличалось отъ обычнаго: оно щеголяло по улицамъ въ изысканныхъ воинскихъ нарядахъ и каталось на лихачахъ. Солдаты держались въ страхѣ и повиновеніи и производили забитое впечатлѣніе. Выдѣлялись китайцы, которые пытались грабить; послѣ нѣсколькихъ разстрѣловъ на мѣстѣ преступленія они притихли. Въ общемъ первые дни прошли такъ спокойно, что населеніе начало благословлять совѣтскій режимъ, положившій конецъ естественному состоянію. Однако вскорѣ пришлось познакомиться и съ обратной стороной медали. На 5-ый день въ Екатеринославъ пріѣхала изъ Харькова чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей и стала напряженно работать. Пошли безконечные аресты и разстрѣлы безъ суда. Хватали направо и налѣво всѣхъ, кто попадалъ подъ руки, не только былыхъ приверженцевъ гетмана, но даже и петлюровцевъ. Многихъ разстрѣливали тутъ же въ чрезвычайкѣ, послѣ перваго же допроса, часто по недоразумѣнію . . . Не было ни одной интеллигентной семьи, въ которой никто не былъ бы арестованъ. Справокъ объ арестованныхъ не давали; чрезвычайная комиссія охранялась двойной цѣпью патруля, который никого не пропускалъ въ ея стѣны . . . Дѣятельность «Ч. К.» такъ доминировала въ городѣ, что дѣлала какъ то незамѣтной власть наскоро сорганизованнаго президіума екатеринославскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Однако, и эту власть обыватель почувствовалъ вскорѣ, и прежде всего въ продовольственномъ отношеніи. Послѣ учрежденія городского комиссаріата продовольствія въ Екатеринославѣ замѣтно стали таять запасы. Прежде всегда (даже непосредственно послѣ сраженій) заваленный припасами рынокъ сразу опустѣлъ. Цѣны росли ежедневно и съ бѣшенной быстротой. За первые 3 недѣли они поднялись вдвое и стали затѣмъ рости въ геометрической прогрессіи. Причины этого на первый взглядъ страннаго явленія были чрезвычайно просты. Раздавъ населенію продовольственныя карточки, на которыя нельзя было получить никакихъ продуктовъ, даже хлѣба, такъ какъ продовольственно-кооперативнаго аппарата наладить еще не удалось, комиссаріатъ продовольствія сталъ энергично бороться съ свободой торговли. Екатеринославъ былъ оцѣпленъ заградительными отрядами, отбиравшими безжалостно у крестьянъ всѣ продукты, которые они пытались привести въ городъ. Между тѣмъ, громадные городскіе запасы продовольствія стали быстро раскупаться всякими закупочными отрядами, нахлынувшими съ сѣвера. При помощи такой системы богатый въ продовольственномъ отношеніи центръ плодороднѣйшаго края былъ превращенъ въ короткій срокъ въ голодную пустыню. И такъ какъ въ городѣ не существовало налаженной кооперативной организаціи, положеніе населенія начало становиться хуже, чѣмъ на сѣверѣ. Вѣдь заработки были несоизмѣримо ниже и, хотя большевики и повысили немедленно по прибытіи тарифныя ставки вдвое, но угнаться за ростомъ цѣнъ онѣ, конечно, не могли. Къ тому же

у совѣтскихъ органовъ въ Екатеринославѣ не было достаточно денежныхъ знаковъ. Деньги печатались въ Москвѣ и съ большими задержками доходили до Украины. Служащіе всѣхъ вѣдомствъ цѣлыми мѣсяцами оставались безъ жалованія. Въ особенно тяжеломъ положеніи оказались преподаватели учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ. Имъ съ момента прихода большевиковъ (въ концѣ января) до мая ни разу не выплачивали жалованья. Отдѣльныя учрежденія посылали своихъ ходатаевъ въ Харьковъ и Кіевъ, и наиболѣе расторопные изъ нихъ возвращались съ деньгами, менѣе же счастливые съ пустыми карманами . . . Понятно, какова была при такихъ условіяхъ жизнь. —

Изъ множества реформъ, съ головокружительной быстротой предпринятыхъ большевиками, разскажу только о молніеносныхъ преобразованіяхъ въ области народнаго просвѣщенія, которыя я непосредственно наблюдалъ. Комиссаромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ студентъ II-го курса горнаго института, который очень энергично принялся за дѣло. Прежде всего была предпринята реформа средней школы. Въ серединѣ учебнаго года были закрыты 8-ые классы, и юноши переведены въ высшія учебныя заведенія; вмѣсто аттестатовъ имъ были выданы удостовѣренія, что они «прослушали курсъ гимназіи». Въ каждомъ учебномъ заведеніи созваны были педагогическіе совѣты для перевыборовъ преподавателей подъ личнымъ контролемъ юнаго комиссара. Передъ выборами комиссаръ обращался къ каждому преподавателю съ вопросомъ: «Изложите Ваше политическое и педагогическое credo». Въ качествѣ полноправныхъ сочленовъ педагогическихъ совѣтовъ, даже при рѣшеніи чисто учебныхъ дѣлъ, были, кромѣ учащихся, привлечены и служители. На замѣчаніе одного изъ участниковъ такого совѣта, что въ сѣверной Россіи совѣтскій уставъ среднихъ учебныхъ заведеній не предусматриваетъ такого состава, комиссаръ отвѣтилъ: «Но вѣдь мы стремимся создать нѣчто болѣе совершенное». — Въ каждой гимназіи были учреждены коммунистическія ячейки среди учениковъ: «для надзора надъ проведеніемъ въ жизнь совѣтскихъ мѣропріятій относительно школы». Главную обязанность этихъ ячеекъ составляло доносить на преподавателей. Благодаря дѣятельности коммунистическихъ ячеекъ учебная жизнь въ школахъ была совершенно нарушена. Въ составъ ячеекъ вошли всѣ наиболѣе лѣнивыя и испорченныя дѣти, въ надеждѣ такимъ путемъ уклониться отъ учебы, что имъ дѣйствительно удавалось блестяще. Въ серединѣ урока неожиданно вставали цѣлыя группы учениковъ и безмолвно направлялись къ выходу; на изумленный вопросъ учителя: «куда вы?» — неизмѣнно раздавался отвѣтъ: «на засѣданіе коммунистической ячейки». И учителю оставалось только смириться . . . Въ Университетѣ и Горномъ Институтѣ «реформы» не зашли такъ далеко. Все дѣло тамъ свелось къ устраненію выборной администраціи во главѣ съ ректоромъ; на ихъ мѣсто были назначены единоличные комиссары — коммунисты. Комиссаромъ Университета былъ назначенъ студентъ I-го курса — мальчикъ лѣтъ 17-ти. Не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ взяться за управленіе Университетомъ, онъ передалъ всѣ дѣла завѣдующему канцеляріей правленія — старому и опытному канцеляристу, а самъ только то и дѣлалъ, что произносилъ агитаціонныя рѣчи на . . . засѣданіяхъ факультетовъ и совѣта профессоровъ. Онъ призывалъ профессоровъ «присоединиться къ революціи», не поясняя болѣе подробно, въ чемъ такое присоединеніе должно заключаться, и угрожалъ въ противномъ случаѣ репрессіями; но власти своей комиссаръ проявить не успѣлъ, скоро ему пришлось думать о бѣгствѣ. Въ Кіевѣ былъ выработанъ планъ полнаго преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній, но большевики въ Екатеринославѣ не дожили до его осуществленія.

V

Уже на второй мѣсяцъ большевистскаго владычества на Украинѣ снова вспыхнуло крестьянское повстанческое движеніе, превратившееся уже здѣсь въ традицію. Махно измѣнилъ большевикамъ и «объявилъ себя независимымъ». Между Кіевомъ

и Екатеринославомъ орудовали банды «Зеленаго» и «Ангела». Сообщеніе съ Кіевомъ такимъ образомъ было нарушено. Обнаружились первые признаки наступленія Деникина, занявшаго Луганскъ. Обыватель снова сталъ ждать событій, а чрезвычайка ежедневно разстрѣливала за распространеніе ложныхъ слуховъ. Колчакъ въ это время былъ въ апогеѣ своихъ военныхъ успѣховъ: ждали общерусскаго переворота. Отрѣзанные отъ Кіева и плохо связанные съ Харьковомъ совѣтскіе правители Екатеринослава совершенно были лишены денегъ; безконечныя затрудненія съ полученіемъ жалованья усиливали вѣру въ непрочность положенія.

Каждый день распространялись слухи о занятіи Петрограда бѣлыми, о прорывѣ Колчака въ Москву, о занятіи Кіева поляками . . . Мы жили отрѣзанными отъ всего міра и не было никакой возможности провѣрять слухи. Екатеринославскія совѣтскія газеты почти не печатали телеграммъ изъ Россіи; они сообщали только о ежедневныхъ забастовкахъ и революціяхъ въ Западной Европѣ. — Тяжело было жить въ удушливой атмосферѣ совершеннаго отрыва отъ остальнаго свѣта, закупореннымъ въ замкнутый кругъ Екатеринославской совѣтской сатрапіи. Такъ длилось мѣсяца два (апрѣль-май). Денегъ не было. И всѣ ждали, ждали, сами не зная чего . . . И дѣйствительно снова грянули пушки. На этотъ разъ къ Екатеринославу подступилъ атаманъ Григорьевъ съ взбунтовавшимися частями красной арміи. Григорьевъ, кадровый офицеръ царской службы, игралъ замѣтную роль при петлюровскомъ режимѣ, въ качествѣ командующаго одной изъ украинскихъ частей. При наступленіи большевиковъ на Кіевъ, онъ перешелъ на ихъ сторону и былъ назначенъ начальникомъ одной изъ красноармейскихъ дивизій, наступавшихъ на Крымъ и Одессу. Здѣсь онъ сразу отличился своими быстрыми военными успѣхами, которые заключались въ занятіи безъ боя эвакуируемыхъ бѣлыми мѣстностей. — Когда намѣтилось рѣзкое недовольство большевиками украинскихъ крестьянъ и началось повстанческое движеніе, Григорьевъ объявилъ себя лѣвымъ эс-эромъ. Выставивъ лозунгъ: «Долой комиссаровъ и жидовъ! Да здравствуютъ истинные совѣты!» — Григорьевъ пріобрѣлъ большую популярность среди своихъ солдатъ. Снесшись предварительно съ Махно, онъ снялъ свою дивизію съ южнаго фронта и повелъ вѣрныхъ ему красноармейцевъ на завоеваніе Екатеринослава, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ Махно[1]). По дорогѣ Григорьевъ занялъ Кременчугъ, гдѣ было совершенно избіеніе комиссаровъ и устроенъ еврейскій погромъ. Большевикамъ было чего бояться. Получивъ извѣстіе о приближеніи Григорьева, они рѣшили эвакуировать городъ. Въ одинъ вечеръ съ быстротой молніи изъ Екатеринослава исчезли всѣ совѣтскіе дѣятели. Безпрерывно тянулись по главной улицѣ города повозки, нагруженныя совѣтскимъ добромъ. Эвакуированы были даже совѣтскія вывѣски, такъ что черезъ нѣсколько часовъ въ Екатеринославѣ не было даже слѣда пребыванія коммунистовъ. Въ городѣ оставались только красноармейскія части, заявившія о своемъ нейтралитетѣ. «Кто придетъ, за тѣмъ и будемъ»,флегматично заявляли они и, луща сѣмячки, спокойно сидѣли въ казармахъ. Городъ остался безъ власти. На стѣнахъ были расклеены прокламаціи, призывавшія присоединиться къ Григорьеву. — Обороняли Екатеринославъ отъ «григорьевцевъ» главнымъ образомъ отряды коммунистической молодежи, состоявшія изъ мальчиковъ отъ 12 до 17 лѣтъ. Стрѣльба на этотъ разъ локализировалась въ одной части города; тамъ, гдѣ жилъ я, было безопасно. Я наблюдалъ издали за разрывомъ снарядовъ и гулялъ по спокойному городу, отдыхавшему безъ власти. Григорьевъ было уже занялъ часть города, но тутъ подоспѣли надежныя коммуническія части (латышскіе стрѣлки) изъ Харькова, и григорьевцы были прогнаны. Коммунисты торжественно со всѣмъ своимъ скарбомъ въѣхали обратно въ городъ . . . и снова развѣсили всѣ совѣтскія вывѣски. Екатеринославскій гарнизонъ тутъ же отрекся отъ Григорьева. Жизнь вошла въ обычную колею, что для Екатеринослава означало: напряженное ожиданіе новаго боя въ городѣ, въ атмосферѣ, насыщенной кровавыми слухами . . . Ждали Махно, Григорьева, Деникина, еврейскихъ погромовъ.

[1]) Впослѣдствіи Махно собственноручно убилъ Григорьева, очевидно усмотрѣвъ въ немъ опаснаго конкурента.

Всѣ эти имена и понятія страннымъ и жуткимъ образомъ переплелись между собой. Удушливые пары національной ненависти стояли надъ Екатеринославскимъ болотомъ и отравляли воздухъ. «Бей жидовъ и коммисаровъ» — было самымъ популярнымъ лозунгомъ среди населенія края, и вожди различныхъ теченій не гнушались на него опереться. «Махновцы», «григорьевцы», «деникинцы», всѣ безъ различія смотрѣли на еврейскій погромъ, какъ на единоспасающее средство отъ большевисткаго ига. Гипнозъ этого настроенія былъ такъ великъ, что ему поддавались даже нѣкоторые высокопросвѣщенные общественные дѣятели либеральнаго толка. Тягостно воспоминаніе о разговорахъ, которые приходилось вести съ ними въ этой связи. «Ну что же! еврейскій погромъ, такъ погромъ! Если иначе нельзя, то пусть хотя бы такъ. Если еврейскій погромъ сталъ неизбѣжнымъ путемъ сверженія большевиковъ, то его нельзя не принять съ радостью» . . . Было жутко отъ этихъ словъ, жутко за людей, которыя ихъ произносили . . . А атмосфера становилась все болѣе спертой. Давленіе ея было такъ сильно, что помимо военныхъ событій, чисто морально и психологически невозможно было ничего дѣлать. Я чувствовалъ, что задыхаюсь отъ удушья гнилыми парами Екатеринославщины, и далъ себѣ зарокъ уѣхать во что бы то ни стало. Тянуло въ Петроградъ, на который по слухамъ наступалъ англійскій дессантъ. Вотъ бы пробраться туда, пока не поздно! Выбраться изъ заколдованнаго махновскаго края и забыть поскорѣй о немъ! Это была единственная мечта . . . Каждый день распространялся слухъ, что Синельниково занято какими-то войсками. Дѣйствительно, съ Харьковомъ (не говоря уже и Кіевѣ, который былъ отрѣзанъ давно) регулярнаго сообщенія не было. Узнавъ, что организуется студенческій эшелонъ для отъѣзда изъ Екатеринослава, я поспѣшилъ къ нему присоединиться и въ товарномъ вагонѣ, прицѣпленномъ къ воинскому поѣзду, выѣхалъ изъ Екатеринослава. Когда мы проѣзжали Павлоградъ, я узналъ, что въ 12 верстахъ отъ станціи идетъ напряженный бой съ деникинскими частями. Нашъ поѣздъ былъ послѣднимъ. На слѣдующій день Павлоградъ былъ взятъ Деникинымъ, а когда я доѣхалъ до мѣста назначенія (Петрограда), я прочелъ въ газетахъ о занятіи имъ Екатеринослава. Этому городу предстояло пережить въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ не меньшее число боевъ и перемѣнъ, чѣмъ здѣсь описанные. Махно, конечно, былъ всегда въ центрѣ этихъ событій.

Документы

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. А. Лукомскаго.*

Телеграмма предсѣдателя Государственной Думы на имя Главнокомандующаго сѣвернаго фронта генералъ-адъютанта Рузскаго**. 27 февраля 1917 года.

«Волненія, начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры. Основы ихъ недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику; но главнымъ образомъ полное недовѣріе къ власти, неспособной

---

* Послѣ составленія описанія Государственнаго переворота по своимъ воспоминаніямъ и по тѣмъ документамъ, которые у меня сохранились, я получилъ нѣкоторыя дополнительныя данныя и цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ этому періоду, вывезенныхъ генераломъ Рузскимъ изъ Пскова на Кавказъ.

Къ сожалѣнію среди этихъ документовъ нѣтъ нѣкоторыхъ важныхъ телеграммъ, которыми обмѣнялись между собой генералъ Алексѣевъ и генералъ Рузскій. Такъ напримѣръ, нѣтъ телеграммы отъ генерала Рузскаго, которой, по приказанію Государя, на штабъ Верховнаго Главнокомандующаго возлагалось порученіе о составленіи проекта Манифеста объ отреченіи отъ престола.

Приводимые ниже документы показываютъ, что я, въ своихъ «воспоминаніяхъ», допустилъ нѣсколько серьезныхъ ошибокъ:

1. Телеграмма генерала Алексѣева на имя Главнокомандующихъ, въ которой указывалось, что создавшаяся обстановка требуетъ отреченія Государя отъ престола, послана не до пріѣзда Государя въ Псковъ, а уже во время пребыванія тамъ Его Величества.

2. Распоряженіе объ отправленіи войскъ съ сѣвернаго и западнаго фронтовъ для подавленія мятежа въ Петроградѣ было отдано вечеромъ 27 февраля (12 марта).

3. Генералъ Ивановъ, съ Георгіевскимъ батальономъ, прибылъ въ Царское Село не 28 февраля (13 марта), а 1/14 марта.

4. Дѣятельность генерала Иванова въ Царскомъ Селѣ и Петроградѣ и не могла привести къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, ибо 2/15 марта онъ получилъ телеграмму отъ Государя ничего не предпринимать до пріѣзда Государя въ Царское Село и до личнаго доклада.

Въ ночь съ 1 14 на 2/15 марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе вернуть обратно на фронтъ войска, посланныя въ Петроградъ.

5. Увѣдомленіе о томъ, что изъ Петрограда въ Псковъ отправляется депутація къ Государю, было получено въ Ставкѣ не 1/14, а 2/15 марта.

6. О составленіи проекта манифеста объ отреченіи отъ престола генералъ Рузскій могъ сообщить въ Ставку лишь 2 15 марта, послѣ 15 часовъ.

7. Изъ поѣзда, съ которымъ 8/21 марта Государь уѣхалъ изъ Могилева, былъ удаленъ только адмиралъ Ниловъ.

Графу Фредериксу и генералу Воейкову еще раньше было сообщено генераломъ Алексѣевымъ, по требованію изъ Петрограда, что имъ не разрѣшается ѣхать въ Царское Село вмѣстѣ съ Государемъ. А. Л.

** Сокращенныя названія въ телеграммахъ: «Наштаверх, Главкосѣв и проч. мною замѣнены полными наименованіями: Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Главнокомандующій сѣвернаго фронта и т. д. А. Л.

вывести страну изъ тяжелаго положенія. На этой почвѣ несомнѣнно разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣной пролитія крови мирныхъ гражданъ, но которыхъ, при повтореніи, сдержать будетъ невозможно. Движеніе можетъ переброситься на желѣзныя дороги и жизнь страны замретъ въ самую тяжелую минуту. Заводы, работающіе на оборону въ Петроградѣ, останавливаются за недостаткомъ топлива и сырого матеріала, рабочіе остаются безъ дѣла, и голодная, безработная толпа вступаетъ на путь анархіи, стихійной и неудержимой. Желѣзнодорожное сообщеніе по всей Россіи въ полномъ разстройствѣ. На югѣ изъ 63 доменныхъ печей работаютъ только 28 ввиду отсутствія подвоза топлива и необходимаго матеріала. На Уралѣ изъ 92 доменныхъ печей остановились 44, и производство чугуна, уменьшаясь изъ дня въ день, грозитъ крупнымъ сокращеніемъ производства снарядовъ.

Населеніе, опасаясь неумѣлыхъ распоряженій власти, не везетъ зерновыхъ продуктовъ на рынокъ, останавливая этимъ мельницы, и угроза недостатка муки встаетъ во весь ростъ передъ арміей и населеніемъ.

Правительственная власть находится въ полномъ параличѣ и совершенно безпомощна возстановить нарушенный порядокъ. Россіи грозитъ униженіе и позоръ, ибо война при такихъ условіяхъ не можетъ быть побѣдоносно окончена. Считаю единственнымъ и необходимымъ выходомъ изъ создавшагося положенія безотлагательное призваніе лица, которому можетъ вѣрить вся страна и которому будетъ поручено составить правительство, пользующееся довѣріемъ всего населенія. За такимъ правительствомъ пойдетъ вся Россія, одушевленная вполнѣ вѣрой въ себя и въ своихъ руководителей. Въ этотъ небывалый по ужасающимъ послѣдствіямъ и страшный часъ иного выхода на свѣтлый путь нѣтъ, и я ходатайствую передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ поддержать это мое убѣжденіе передъ Его Величествомъ, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедленіе смерти подобно. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко.»

Отмѣтка на телеграммѣ генерала Рузскаго:

«Очень жаль, что съ 24 по 27 февраля неудосужились сообщить о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождающагося недовольства, грозящаго волненіями, а также и объ агитаціи среди рабочихъ и гарнизона Петрограда. Объ этомъ тоже не потрудились, можетъ быть и съ цѣлью, сообщить на фронтъ.»

Телеграмма генерала Рузскаго.

Ставка. Его Императорскому Величеству Государю Императору.

«Почитаю долгомъ представить на благовоззрѣніе Вашего Величества полученную мною отъ предсѣдателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положеніе въ столицѣ и внутри Государства, вызывающее тревогу за судьбу Родины. Хотя армія остается проникнутой сознаніемъ долга и желанія довести войну до побѣднаго конца, тѣмъ не менѣе на ней непосредственно начинаютъ отражаться послѣдствія продовольственной и желѣзнодорожной неурядицъ, а доходящія на фронтъ свѣдѣнія о тяжеломъ кризисѣ, переживаемомъ населеніемъ, и о волненіяхъ въ Петроградѣ могутъ въ будущемъ создать условія весьма неблагопріятныя.

Нынѣ армія заключаетъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ классовъ, профессій и убѣжденій, почему она не можетъ не отразить въ себѣ настроеніе страны. Поэтому дерзаю всеподданнѣйше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочныя мѣры, которыя могли бы успокоить населеніе, вселить въ него довѣрье и бодрость духа, вѣру въ себя и свое будущее. Эти мѣры, принятыя теперь, наканунѣ предстоящаго оживленія боевой дѣятельности на фронтѣ, вольютъ новыя силы въ армію и народъ для проявленія дальнѣйшаго упорства въ борьбѣ съ врагомъ; позволяю себѣ думать, что при существующихъ условіяхъ мѣры репрессіи могутъ скорѣй обострить положеніе, чѣмъ дать необходимое, длительное удовлетвореніе. № 1147. Рузскій. 27 февраля.»

. Телеграмма военнаго министра

«Ставка. Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, копія Главнокомандующему Сѣвернаго фронта.

Положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ; военный мятежъ немногими оставшимися вѣрными долгу частями погасить пока не удается, напротивъ того, многія части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары, бороться съ коими нѣтъ средствъ. Необходимо спѣшное прибытіе дѣйствительно надежныхъ частей, при томъ въ достаточномъ количествѣ для одновременныхъ дѣйствій въ различныхъ частяхъ города. 197. Бѣляевъ. 27 февраля.»

Разговоръ по аппарату начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба сѣвернаго фронта:

«У аппарата Начальникъ Штаба. Доложите объ этомъ генералу Данилову.

У аппарата генералъ Даниловъ.

Здравствуйте Юрій Никифоровичъ. Ссылаюсь на телеграмму Главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ Военнаго министра отъ сегодняшняго числа № 197.

·Государь Императоръ повелѣлъ:

Генералъ-адъютанта Иванова назначить Главнокомандующимъ Петроградскаго военнаго округа; въ его распоряженіе, возможно скорѣй, отправить отъ войскъ сѣвернаго фронта въ Петроградъ два кавалерійскихъ полка, по возможности изъ находящейся въ резервѣ 15-й дивизіи, два пѣхотныхъ полка изъ самыхъ прочныхъ, надежныхъ, одну пулеметную команду Кольта для Георгіевскаго батальона, который ѣдетъ изъ Ставки. Нужно назначить прочныхъ генераловъ, такъ какъ, повидимому, генералъ Хабаловъ растерялся, и въ распоряженіе генерала Иванова нужно дать надежныхъ, распорядительныхъ и смѣлыхъ помощниковъ. Войска нужно отправить съ ограниченнымъ обозомъ и организовать подвозъ хлѣба и припасовъ распоряженіемъ фронта, такъ какъ трудно сказать, что творится сейчасъ въ Петроградѣ и возможно ли тамъ обезпечить войска заботами мѣстнаго гарнизона. Обстоятельства требуютъ скораго прибытія войскъ, поэтому прошу очень соотвѣтствующихъ распоряженій и сообщите мнѣ, какіе полки будутъ назначены, для увѣдомленія генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля съ Георгіевскимъ батальономъ. Такой же силы нарядъ послѣдуетъ отъ западнаго фронта, о чемъ иду говорить съ генераломъ Квѣцинскимъ*.

Минута грозная и нужно сдѣлать все для ускоренія прибытія прочныхъ войскъ. Въ этомъ заключается вопросъ нашего дальнѣйшаго будущаго. До свиданія. Алексѣевъ.»

«Могу ли предложить одинъ вопросъ? Даниловъ.»

«Если не продолжительный, то слушаю.»

«Сколько слѣдуетъ послать генераловъ, въ качествѣ помощниковъ генерала Иванова? такъ какъ я понялъ, что во главѣ каждой бригады пѣхотной и кавалерійской нужно имѣть по одному генералу, то должны ли быть отправлены бригадные командиры дивизій, или же генералы могли бы быть посланы отъ другихъ частей; тогда былъ бы шире выборъ и можно было бы отправить особъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ. Даниловъ.»

«Конечно, было бы лучше, если бы оба генерала имѣли подъ командой свои полки, хорошо имъ извѣстные и на которые они могли бы имѣть нравственное вліяніе; но рѣшеніе этого вопроса я предоставляю Вамъ въ зависимости отъ того, кто командуетъ тѣми частями, кои отправятся въ Петроградъ. Ничего не имѣю, если поѣдутъ начальники дивизій, такъ какъ имъ прійдется подчинить тѣ запасныя части Петроградскаго гарнизона, которыя останутся вѣрными своему долгу. Алексѣевъ.»

«Слушаю, понялъ и будетъ исполнено. Даниловъ. 21 часъ 27 февраля.»

---

* Былъ Начальникомъ Штаба Западнаго фронта.

Телеграмма начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Алексѣева, на имя всѣхъ Главнокомандующихъ, посланная 28 февраля (13 марта):

«Сообщаю для оріентировки: Двадцать шестого въ тринадцать часовъ сорокъ минутъ получена телеграмма генерала Хабалова о томъ, что двадцать пятаго февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся въ различныхъ частяхъ города, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими частями. Около семнадцати часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты запѣли революціонныя пѣсни и выкинули красные флаги. На предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, и былъ раненъ одинъ рядовой. Взводъ драгунъ спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около восемнадцати часовъ въ нарядъ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошелъ относительно спокойно. Двадцать пятаго февраля бастовало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Генераломъ Хабаловымъ было объявлено о воспрещеніи скопленія народа на улицахъ и подтверждено, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силой оружья. По донесенію генерала Хабалова съ утра двадцать шестого февраля въ городѣ спокойно. Двадцать шестого въ двадцать два часа получена телеграмма отъ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, сообщавшаго, что волненія, начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры и что начало безпорядковъ имѣло въ основаніи недостатокъ печеннаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику. Двадцать седьмого Военный Министръ всеподданнѣйше доноситъ, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ волненія твердо и энергично подавляются оставшимися вѣрными своему долгу ротами и батальонами. Бунтъ еще не подавленъ, но Военный Министръ выражаетъ увѣренность въ скоромъ наступленіи спокойствія, для достиженія коего принимаются безпощадныя мѣры.

Предсѣдатель Государственной Думы двадцать седьмого, около полудня, сообщаетъ, что войска становятся на сторону населенія и убиваютъ своихъ офицеровъ.

Генералъ Хабаловъ двадцать седьмого около полудня всеподданнѣйше доноситъ, что одна рота запасного батальона Павловскаго полка двадцать шестого февраля заявила, что не будетъ стрѣлять въ народъ. Командиръ батальона этого полка раненъ изъ толпы. Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынскаго полка отказалась выходить противъ бунтовщиковъ и начальникъ ея застрѣлился. Затѣмъ эта команда, съ ротой этого же полка, направилась въ расположеніе другихъ запасныхъ батальоновъ и къ нимъ начали присоединяться люди этихъ частей. Генералъ Хабаловъ проситъ о присылкѣ надежныхъ частей съ фронта. Военный Министръ къ вечеру двадцать седьмого февраля сообщаетъ, что батарея, вызванная изъ Петергофа, отказалась грузиться на поѣздъ для слѣдованія въ Петроградъ. Двадцать седьмого февраля, между двадцати однимъ часомъ и двадцатью двумя, дано указаніе Главнокомандующимъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ отправить въ Петроградъ съ каждаго фронта по два кавалерійскихъ и по два пѣхотныхъ полка съ энергичными генералами во главѣ бригадъ и по одной пулеметной командѣ Кольта для Георгіевскаго батальона, который приказано направить двадцать восьмого февраля въ Петроградъ изъ Ставки.

По Высочайшему повелѣнію Главнокомандующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ съ чрезвычайными полномочіями и подчиненіемъ ему всѣхъ министровъ назначенъ генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Двадцать седьмого, около двадцати четырехъ часовъ, мною сообщено Главнокомандующимъ о необходимости подготовить мѣры къ тому, чтобы обезпечить во что бы то ни стало работу желѣзныхъ дорогъ.

Двадцать седьмого, послѣ девятнадцати часовъ, Военный Министръ сообщаетъ, что положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ. Военный мятежъ немногими вѣрными долгу частями погасить не удается, и войсковыя части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары. Петроградъ объявленъ въ

осадномъ положеніи. Двадцать восьмого, въ два часа, послана телеграмма отъ меня Главнокомандующимъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ о направленіи въ Петроградъ, сверхъ уже назначенныхъ войскъ, еще по одной пѣшей и конной батареѣ отъ каждаго фронта.

Двадцать восьмого, въ три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московскаго военнаго округа о принятіи необходимыхъ мѣръ на случай, если безпорядки перекинутся въ Москву и объ обезпеченіи работы желѣзнодорожнаго узла и прилива продовольствія.

Двадцать восьмого февраля, въ часъ, отъ генерала Хабалова получена телеграмма на Высочайшее имя, что онъ возстановить порядка въ столицѣ не могъ. Большинство частей измѣнило своему долгу и многіе перешли на сторону мятежниковъ. Войска, оставшіяся вѣрными долгу, послѣ борьбы въ продолженіи всего дня, понесли большія потери.

Къ вечеру мятежники овладѣли большей частью столицы и оставшіяся вѣрными присягѣ небольшія части разныхъ полковъ стянуты у Зимняго Дворца.

Двадцать восьмого февраля, въ два часа, Военный Министръ сообщаетъ, что мятежники заняли Маріинскій Дворецъ и тамъ находятся члены революціоннаго правительства. Двадцать восьмого февраля, въ восемь часовъ двадцать пять минутъ, генералъ Хабаловъ доноситъ, что число оставшихся вѣрными долгу уменьшилось до шестисотъ человѣкъ пѣхоты и до пятисотъ всадниковъ при пятнадцати пулеметахъ и двѣнадцати орудіяхъ, имѣющихъ всего восемьдесятъ патроновъ и что положеніе до чрезвычайности трудное.

Головной эшелонъ пѣхотнаго полка, отправляемый съ сѣвернаго фронта, подойдетъ къ Петрограду примѣрно къ утру перваго марта.

Государь Императоръ, въ ночь съ 27 на 28 февраля, изволилъ отбыть въ Царское Село. По частнымъ свѣдѣніямъ революціонное правительство вступило въ управленіе Петроградомъ, объявивъ въ своемъ манифестѣ переходъ на его сторону четырехъ гвардейскихъ запасныхъ полковъ, о занятіи арсенала, Петропавловской крѣпости, главнаго артиллерійскаго управленія.

Только что получена телеграмма Военнаго министра, что мятежники во всѣхъ частяхъ города овладѣли важнѣйшими учрежденіями. Войска подъ вліяніемъ утомленія и пропаганды бросаютъ оружіе, переходятъ на сторону мятежниковъ, или становятся нейтральными. Все время на улицахъ идетъ безпорядочная стрѣльба; всякое движеніе прекращено; появляющихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ на улицахъ разоружаютъ.

Министры всѣ цѣлы, но работа министерствъ, повидимому, прекратилась.

По частнымъ свѣдѣніямъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта Щегловитовъ арестованъ. Въ Государственной Думѣ образовался совѣтъ лидеровъ партій для сношенія революціоннаго правительства съ учрежденіями и лицами; назначены дополнительные выборы въ Петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отъ рабочихъ и мятежныхъ войскъ.

Только что получена отъ генерала Хабалова телеграмма, изъ которой видно, что фактически вліять на событія онъ больше не можетъ. Сообщая объ этомъ, прибавляю, что на всѣхъ насъ легъ священный долгъ передъ Государемъ и Родиной сохранить вѣрность долгу и присягѣ въ войскахъ дѣйствующихъ армій, обезпечить желѣзнодорожное движеніе и приливъ продовольственныхъ запасовъ. 1813. Алексѣевъ. 28 февраля.»

Телеграмма помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго Клембовскаго съ передачей копіи телеграммы генерала Алексѣева:

«Главнокомандующимъ. Копія телеграммы генерала Алексѣева генералъ-адъютанту Иванову въ Царское Село: Частныя свѣдѣнія говорятъ, что 28 февраля Петроградѣ наступило полное спокойствіе, войска примкнули Временному Правительству

полномъ составѣ, приводятся порядокъ. Временное Правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянко засѣдаетъ Государственной Думѣ; пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное Временнымъ Правительствомъ, говоритъ о необходимости монархическаго начала Россіи и необходимости новыхъ выборовъ для выбора и назначенія Правительства. Жду нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить ему изложенное и просьбу принять эти пожеланія народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы вашихъ дѣйствій; переговоры приведутъ умиротворенію, дабы избѣжать позорной междуусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы и пустить въ ходъ работы.

Воззваніе новаго министра путей сообщеній Бубликова къ желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите Его Величеству все это и убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно хорошему концу, который укрѣпитъ Россію. 1833. Алексѣевъ. 1846. Клембовскій. 28 февраля 1917 года.

Телеграмма Главнокомандующему сѣвернаго фронта отъ Предсѣдателя Государственной Думы:

«Временный комитетъ членовъ Государственной Думы сообщаетъ Вашему Высокопревосходительству, что, ввиду устраненія отъ управленія всего состава бывшаго совѣта министровъ, Правительственная власть перешла въ настоящее время къ временному комитету Государственной Думы. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко. 1 марта 1917 года.

Телеграмма Дворцоваго Коменданта:

Изъ Старой Руссы. Псковъ. Генералъ-адъютанту Рузскому:

«Его Величество слѣдуетъ черезъ Дно-Псковъ. Прошу распоряженія о безпрепятственномъ проѣздѣ. 95. Дворцовый Комендантъ Воейковъ. 13 ч. 5 м. 1 марта.»

Телеграмма на имя генерала Алексѣева отъ начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Ввиду ожидающагося черезъ два часа прослѣдованія черезъ Псковъ поѣзда Лит. Главнокомандующій сѣвернаго фронта проситъ оріентировать его срочно, для возможности соотвѣтвующаго доклада, откуда у начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго свѣдѣнія заключающіяся телеграммѣ 1833. 1 марта 15 ч. 45 м. 1193. Даниловъ.»

Телеграм ма генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго на имя начальника штаба сѣвернаго фронта:

«По приказанію Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго передаю для доклада Главнокомандующему сѣвернаго фронта съ просьбою генералъ-адъютанта Алексѣева доложить Государю.

Первое — въ Кронштадтѣ безпорядки. Части ходятъ по улицамъ съ музыкой. Вице адмиралъ Курошъ доноситъ, что принять мѣры къ усмиренію съ тѣмъ составомъ, который имѣется въ гарнизонѣ, онъ не находитъ возможнымъ, такъ какъ не можетъ ручаться ни за одну часть.

Второе — генералъ Мрозовскій сообщаетъ, что Москва охвачена возстаніемъ и войска переходятъ на сторону мятежниковъ.

Третье — адмиралъ Непенинъ доноситъ, что онъ не призналъ возможнымъ протестовать противъ призыва временнаго комитета и такимъ образомъ Балтійскій флотъ призналъ Временный Комитетъ Государственной Думы. Свѣдѣнія, заключающіяся

въ телеграммѣ 1833, получены изъ Петрограда изъ различныхъ источниковъ и считаются достовѣрными.

Если будетъ хоть малѣйшее сомнѣніе, что литерные поѣзда могутъ не дойти до Пскова, надлежитъ принять всѣ мѣры для доставленія доклада по принадлежности, пославъ хотя бы экстреннымъ поѣздомъ съ надежнымъ офицеромъ и командой нижнихъ чиновъ для исправленія пути, если бы это имѣло мѣсто.

Генералъ Алексѣевъ нездоровъ и прилегъ отдохнуть, почему я и подписываю эту телеграмму. 1 марта 1917 г. 17 ч. 15 м. Лукомскій.»

Разговоръ по прямому проводу помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба сѣвернаго фронта:

«Здѣсь у аппарата генералъ Болдыревъ.»

«У аппарата генералъ Клембовскій.»

«Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Великій князь Сергѣй Михайловичъ просятъ Главнокомандующаго всеподданнѣйше доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятія тѣхъ мѣръ, которыя указаны въ телеграммѣ генерала Алексѣева Его Величеству, такъ какъ имъ это представляется единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Такъ какъ Главнокомандующій, повидимому, держится тѣхъ же взглядовъ, какъ и начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, то исполненіе просьбы ихъ не представитъ затрудненія для него и, быть можетъ, закончится успѣшно.

Великій князь Сергѣй Михайловичъ, съ своей стороны, полагаетъ, что наиболѣе подходящимъ лицомъ былъ бы Родзянко, пользующійся довѣріемъ.

Передайте пожалуйста все это на вокзалъ Главнокомандующему по возможности безотлагательно до прихода поѣзда. Клембовскій.»

«Здравія желаю Ваше Высокопревосходительство. Приказаніе Ваше будетъ точно исполнено и безпамедлительно; поѣздъ Его Величества пока еще не прибылъ. Не будетъ ли еще какихъ либо указаній съ вашей стороны? Болдыревъ.»

«Могу лишь прибавить одно — время не терпитъ, есть много вопросовъ, которые надлежитъ разрѣшить, между тѣмъ обращаться не къ кому. Клембовскій. 1 марта 1917 г. 17 ч. 45 м.»

Телеграмма генерала Алексѣева, посланная въ Псковъ на имя Государя 1-го марта:

«Его Императорскому Величеству.

Ежеминутно растущая опасность распространенія анархіи по всей странѣ, дальнѣйшаго разложенія арміи и невозможности продолженія войны при создавшейся обстановкѣ настоятельно требуютъ немедленнаго изданія Высочайшаго акта, могущаго еше успокоить умы, что возможно только путемъ призванія отвѣтственнаго министерства и порученія составленія его предсѣдателю Государственной Думы.

Поступающія свѣдѣнія даютъ основаніе надѣяться на то, что думскіе дѣятели, руководимые Родзянко, еще могутъ остановить всеобщій развалъ и что работа съ ними можетъ пойти, но утрата всякаго часа уменьшаетъ послѣдніе шансы на сохраненіе и возстановленіе порядка и способствуетъ захвату власти крайними лѣвыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликованіе изъ Ставки нижеслѣдующаго манифеста:

«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Грозный и жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы для борьбы съ нашей Родиной. Близокъ рѣшительный часъ. Судьбы Россіи, честь геройской нашей арміи, благополучіе народа, все будущее дорогого намъ отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Стремясь сильнѣе сплотить всѣ силы народныя для скорѣйшаго достиженія побѣды, я призналъ необходимымъ призвать отвѣтственное передъ представителями народа Министерство, возложивъ образованіе его на предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ всей Россіи.

Уповаю, что всѣ вѣрные сыны Россіи, тѣсно объединившись вокругъ престола и народнаго представительства, дружно помогутъ доблестной арміи завершить ея великій подвигъ.

Во имя нашей возлюбленной Родины призываю всѣхъ русскихъ людей къ исполненію своего святого долга передъ нею, дабы вновь явить, что Россія столь же несокрушима, какъ и всегда, и что никакія козни враговъ не одолѣютъ ее. Да поможетъ намъ Господь Богъ.» 1865. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. 1 марта 1917 г.»*

Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Для свѣдѣнія докладываю: оба литерныхъ поѣзда Псковѣ. Дальнѣйшій ихъ маршрутъ не выясненъ. 1 марта 22 ч. 30 м. 1213. Даниловъ.»

Разговоръ начальника штаба сѣвернаго фронта по прямому проводу со штабомъ Петроградскаго военнаго округа (1 марта въ 23 ч. 30 м.)

«У аппарата начальникъ штаба армій сѣвернаго фронта генералъ Даниловъ. Съ кѣмъ я говорю?»

«Съ помощникомъ начальника штаба Петроградскаго округа полковникомъ Сиреліусомъ.»

Генералъ Даниловъ, по порученію генерала Рузскаго, просилъ выяснить, когда предсѣдатель Государственной Думы можетъ подойти къ аппарату, чтобы переговорить съ Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта по крайне срочному и отвѣтственному дѣлу.

М. В. Родзянко, черезъ полковника Сиреліуса, отвѣтилъ, что будетъ у аппарата въ $2^1/_2$ часа ночи (съ 1 на 2 марта).

Телеграмма Государя на имя генералъ-адъютанта Иванова въ Царское Село:

«Надѣюсь прибыли благополучно.

Прошу до моего пріѣзда и доклада мнѣ никакихъ мѣръ не предпринимать. Николай. 2 марта 0 ч. 20 м.»**

---

* Эта телеграмма была доложена Государю генераломъ Рузскимъ 1/14 марта въ $23^1/_2$ часа. Государь согласился подписать этотъ манифестъ и опубликовать его 2/15 марта. Но послѣдующія событія показали, что принятое Государемъ рѣшеніе уже не достигнетъ успокоенія и манифестъ не былъ опубликованъ.

** Такимъ образомъ, если бъ генералу Иванову и удалось приступить къ какимъ либо рѣшительнымъ мѣрамъ для подавленія мятежа, то эта телеграмма должна была его заставить ничего не предпринимать до пріѣзда Государя.

Тогда же, т. е. въ ночь съ 1/14 на 2/15 марта, послѣ доклада генерала Рузскаго, Государь приказалъ вернуть на фронтъ всѣ тѣ части, которыя были двинуты въ Петроградъ для подавленія мятежа силой.

Телеграмма генералъ-квартирмейстера штаба сѣвернаго фронта на имя генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго:

«Начальникъ штаба поручилъ мнѣ сообщить для доклада помощнику начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

Первое, что въ два съ половиной часа сегодня второго марта Главнокомандующій сѣв. фронта будетъ говорить по аппарату съ Предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко по особому уполномочію Его Величества. Есть надежда на благопріятное разрѣшеніе.

Второе — у насъ имѣются свѣдѣнія, что гарнизонъ Луги перешелъ на сторону комитета. Эшелоны войскъ, предназначенные распоряженіе генералъ-адъютанта Иванова, задержались Царскимъ поѣздомъ между Двинскомъ и Псковомъ. Ввиду событій Лугѣ возникаетъ вопросъ о ихъ обратномъ возвращеніи, о чемъ Главнокомандующій сѣв. фронта будетъ имѣть всеподданнѣйшій докладъ у Государя. Генералъ Даниловъ уѣхалъ на вокзалъ доложить Главнокомандующему о времени разговора его по аппарату съ предсѣдателемъ Гос. Думы. Псковъ. 2 марта 0 ч. 50 м. 1215. Болдыревъ.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта командующему пятой арміей, помощнику начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго и начальнику военныхъ сообщеній сѣвернаго фронта:

«Ввиду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги и нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ, и разрѣшенія Государя Императора вступить Главнокомандующему сѣв. фронтомъ сношеніе предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направленныя станцію Александровскую, обратно Двинскій раіонъ, гдѣ расположить ихъ распоряженіемъ командующаго пятой арміей. 1 ч. 2 марта. 1216. Даниловъ.»

Разговоръ по прямому проводу генерала Рузскаго съ Родзянко. Начало разговора 3 ч. 30 м. 2 марта 1917 г.

«Доложите генералу Рузскому, что подходитъ къ аппарату предсѣдатель Гос. Думы Родзянко.»

«У аппарата генералъ-адъютантъ Рузскій.»

«Здравствуйте, Михаилъ Владиміровичъ, сегодня около 7 ч. вечера прибылъ въ Псковъ Государь Императоръ.

Его Величество при встрѣчѣ мнѣ высказалъ, что ожидаетъ вашего пріѣзда.

Къ сожалѣнію, затѣмъ выяснилось, что Вашъ пріѣздъ не состоится, чѣмъ я былъ глубоко огорченъ. Прошу разрѣшенія говорить съ Вами съ полной откровенностью — это требуетъ серьезность переживаемаго времени. Прежде всего я просилъ бы Васъ меня освѣдомить, сообщивъ истинную причину отмѣны Вашего прибытія въ Псковъ. Знаніе этой причины необходимо для дальнѣйшей бесѣды. Рузскій.»

«Здравствуйте, Николай Владиміровичъ, очень сожалѣю, что не могу пріѣхать; съ откровенностью скажу — причины моего непріѣзда двѣ: во первыхъ эшелоны, высланные Вами въ Петроградъ, взбунтовались; вылѣзли въ Лугѣ изъ вагоновъ; объявили себя присоединившимися къ Государственной Думѣ; рѣшили отнимать оружье и никого не пропускать, даже литерные поѣзда; мною немедленно приняты были мѣры, чтобы путь для проѣзда Его Величества былъ свободенъ; не знаю, удастся ли это.

Вторая причина — полученныя мною свѣдѣнія, что мой пріѣздъ можетъ повлечь за собой нежелательныя послѣдствія; невозможность оставить разбушевавшіяся народныя страсти безъ личнаго присутствія, такъ какъ до сихъ поръ вѣрятъ только мнѣ и исполняютъ только мои приказанія. Родзянко.»

«Изъ бесѣдъ, которыя Его Величество велъ со мной сегодня, выяснилось, что Государь Императоръ сначала предполагалъ предложить Вамъ составить министерство,

отвѣтственное передъ Его Величествомъ, но затѣмъ, идя на встрѣчу общему желанію законодательныхъ учрежденій и народа, отпуская меня, Его Величество выразилъ окончательное рѣшеніе, и уполномочилъ меня довести до Вашего свѣдѣнія объ этомъ, — дать отвѣтственное передъ законодательными палатами министерство, съ порученіемъ Вамъ образовать кабинетъ. Если желаніе Его Величества найдетъ въ Васъ откликъ, то спроектированъ манифестъ, который я сейчасъ же передамъ Вамъ. Манифестъ этотъ могъ бы быть объявленъ сегодня 2 марта съ помѣткой «Псковъ». Не откажите въ Вашихъ соображеніяхъ по всему изложенному. Рузскій.»

«Я прошу Васъ проектъ манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что здѣсь происходитъ; настала одна изъ страшнѣйшихъ революцій, побороть которую будетъ не такъ легко; въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, я неуклонно, при каждомъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, предупреждалъ Государя Императора о надвигающейся грозѣ, если не будутъ немедленно сдѣланы уступки, которыя могли бы удовлетворить страну. Я долженъ Вамъ сообщить, что, въ самомъ началѣ движенія, власти, въ лицѣ министровъ, стушевались и не принимали рѣшительно никакихъ мѣръ предупредительнаго характера; немедленно же началось братаніе войскъ съ народными толпами; войска не стрѣляли, а ходили по улицамъ, и толпа имъ кричала — «ура!» Перерывъ занятій законодательныхъ учрежденій подлилъ масла въ огонь и, мало по малу, наступила такая анархія, что Гос. Думѣ вообще, а мнѣ въ частности, оставалось только попытаться взять движеніе въ свои руки и стать во главѣ, для того чтобы избѣжать такой анархіи, при такомъ разслоеніи, которое грозило бы гибелью Государству.

Къ сожалѣнію, мнѣ это далеко не удалось; народныя страсти такъ разгорѣлись, что сдержать ихъ врядъ ли будетъ возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убиваютъ своихъ офицеровъ; ненависть къ Государынѣ Императрицѣ дошла до крайнихъ предѣловъ; вынужденъ былъ, во избѣжаніе кровопролитія, всѣхъ министровъ, кромѣ военнаго и морского, заключить въ Петропавловскую крѣпость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня, такъ какъ агитація направлена на все, что болѣе умѣренно и ограничено въ своихъ требованіяхъ; считаю нужнымъ Васъ освѣдомить, что то, что предполагается Вами — не достаточно и династическій вопросъ поставленъ ребромъ.

Сомнѣваюсь, чтобы съ этимъ можно было справиться. Родзянко.»

«Ваши сообщенія, Михаилъ Владиміровичъ, дѣйствительно рисуютъ обстановку въ другомъ видѣ, чѣмъ она рисовалась здѣсь, на фронтѣ. Если страсти не будутъ умиротворены, то вѣдь нашей родинѣ грозитъ анархія на долго и это, прежде всего, отразится на исходѣ войны; между тѣмъ, затративъ столько жизней на борьбу съ непріятелемъ, нельзя теперь останавливаться на полдорогѣ и необходимо довести ее до конца, соотвѣтствующаго нашей великой Родинѣ; надо найти средство для умиротворенія страны.

Прежде передачи Вамъ текста манифеста не можете ли Вы мнѣ сказать, въ какомъ видѣ намѣчается рѣшеніе династическаго вопроса. Рузскій.»

«Съ болью въ сердцѣ буду теперь отвѣчать, Николай Владиміровичъ.

Еще разъ повторяю — ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ, рѣшилъ твердо — войну довести до побѣднаго конца и въ руки нѣмцамъ не даваться.

Къ Государственной Думѣ примкнулъ весь Петроградскій и Царскосельскій гарнизоны; то же повторяется во всѣхъ городахъ; нигдѣ нѣтъ разногласія; вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа, и грозныя требованія отреченія въ пользу сына, при регенствѣ Михаила Александровича, становятся опредѣленнымъ требованіемъ.

Повторяю, съ страшной болью передаю Вамъ объ этомъ, но что же дѣлать; въ то время, когда народъ въ лицѣ своей доблестной арміи проливалъ свою кровь и несъ неисчислимыя жертвы — Правительство положительно издѣвалось надъ нами; вспомните освобожденіе Сухомлинова; Распутина и всю его клику; вспомните Маклакова,

Штюрмера, Протопопова; всѣ стѣсненія горячаго порыва народа помогать по мѣрѣ силъ войнѣ; назначеніе князя Голицына; разстройство транспорта, денежнаго обращенія; непринятіе никакихъ мѣръ къ смягченію условій жизни; постоянное измѣненіе состава законодательной палаты въ нежелательномъ смыслѣ; постоянные аресты, погоня и розыскъ несуществовавшей тогда еще революціи — вотъ тѣ причины, которыя привели къ этому печальному концу.

Тяжелый отвѣтъ передъ Богомъ взяла на себя Государыня Императрица, отвращая Его Величество отъ народа.

Его присылка генерала Иванова съ георгіевскимъ батальономъ только подлила масла въ огонь и приведетъ только къ междуусобному сраженію, такъ какъ сдержать войска, не слушающія своихъ офицеровъ и начальниковъ, нѣтъ рѣшительно никакой возможности; кровью обливается сердце при видѣ того, что происходитъ. Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ. Остановите ненужныя жертвы. Родзянко.»

«Все, что Вы, Михаилъ Владиміровичъ, сказали, тѣмъ печальнѣй, что предполагавшійся пріѣздъ Вашъ какъ бы предрѣшалъ возможность соглашенія и быстраго умиротворенія Родины; Ваши указанія на ошибки, конечно, вѣрны, но вѣдь это ошибки прошлаго, которыя въ будущемъ повторяться не могутъ, при предполагаемомъ способѣ разрѣшенія переживаемаго кризиса; подумайте, Михаилъ Владиміровичъ, о будущемъ; необходимо найти такой выходъ, который далъ бы немедленное умиротвореніе. Войска на фронтѣ съ томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что дѣлается въ тылу, а начальники лишены авторитетнаго слова сдѣлать имъ надлежащее разъясненіе. Переживаемый кризисъ надо ликвидировать возможно скорѣй, чтобы вернуть арміи возможность смотрѣть только впередъ въ сторону непріятеля. Войска въ направленіи Петрограда съ фронта были отправлены по общей директивѣ изъ Ставки, но теперь этотъ вопросъ ликвидируется; генералъ-адъютанту Иванову нѣсколько часовъ тому назадъ Государь Императоръ далъ указаніе не предпринимать ничего, до личнаго свиданія; эти телеграммы посланы черезъ Петроградъ и остается только пожелать, чтобы онѣ скорѣй дошли до генерала Иванова.

Равнымъ образомъ Государь Императоръ изволилъ выразить согласіе, и уже послана телеграмма, два часа тому назадъ, вернуть на фронтъ все, что было въ пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какія только возможно мѣры, и было бы въ интересахъ Родины и той отечественной войны, которую мы ведемъ, желательнымъ, чтобы починъ Государя нашелъ бы отзывъ въ сердцахъ тѣхъ, кои могутъ остановить пожаръ. Рузскій.» (Затѣмъ передается проектъ манифеста, предложеннаго генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ.)

«Если будетъ признано необходимымъ внести какія либо частичныя поправки, сообщите мнѣ, равно какъ и объ общей схемѣ таковаго. Въ заключеніе скажу, Михаилъ Владиміровичъ, я сегодня сдѣлалъ все, что подсказывало мнѣ сердце и что могъ для того, чтобы найти выходъ для обезпеченія спокойствія теперь и въ будущемъ, а также, чтобы арміямъ въ кратчайшій срокъ обезпечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть въ кратчайшій срокъ; приближается весна, и намъ нужно сосредоточить всѣ наши усилія на подготовкѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и на согласованіе ихъ съ дѣйствіями нашихъ союзниковъ; мы обязаны думать также о нихъ; каждый день, скажу болѣе, каждый часъ въ дѣлѣ водворенія спокойствія крайне дорогъ. Рузскій.»

«Вы, Николай Владиміровичъ, истерзали въ конецъ и такъ растерзанное сердце; по тому позднему часу, въ который мы ведемъ разговоръ, Вы можете себѣ представить, какая на мнѣ лежитъ огромная работа, но, повторяю Вамъ, я самъ вишу на волоскѣ, и власть ускользаетъ у меня изъ рукъ; анархія достигаетъ такихъ размѣровъ, что я вынужденъ былъ сегодня ночью назначить временное правительство.

Къ сожалѣнію, манифестъ запоздалъ; его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно, о чемъ я просилъ Государя Императора; время упущено и возврата нѣтъ; повторяю Вамъ еще разъ: народныя страсти разгорѣлись въ области

ненависти и негодованія; наша славная армія не будетъ ни въ чемъ нуждаться; въ этомъ полное единеніе всѣхъ партій, и желѣзнодорожное сообщеніе не будетъ затруднено; надѣемся также, что послѣ воззванія временнаго правительства крестьяне и всѣ жители повезутъ хлѣбъ, снаряды (?!) и другіе предметы снаряженія; запасы весьма многочисленны, такъ какъ объ этомъ всегда заботились общественныя организаціи и особое совѣщаніе.

Молю Бога, чтобы Онъ далъ силы удержаться хотя бы въ предѣлахъ теперешняго разстройства умовъ, мыслей и чувствъ, но боюсь, какъ бы не было еще хуже.

Больше ничего не могу Вамъ сказать; помогай Вамъ Богъ, нашему славному вождю, въ битвѣ уничтожить проклятаго нѣмца, о чемъ въ обращеніи, посланномъ къ арміи отъ комитета Государственной Думы, говорится опредѣленно въ видѣ пожеланія успѣховъ и побѣдъ. Желаю Вамъ спокойной ночи, если только вообще въ эти времена кто либо можетъ спать спокойно. Глубокоуважающій Васъ и душевно преданный Родзянко.»

«Михаилъ Владиміровичъ, еще нѣсколько словъ; дай, конечно, Богъ, чтобы Ваши предположенія въ отношеніи арміи оправдались, но имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно; что если анархія, о которой Вы говорите, перекинется въ армію и начальники потеряютъ авторитетъ власти?

Подумайте, что будетъ тогда съ родиной нашей? Въ сущности конечная цѣль одна — отвѣтственное передъ народомъ министерство и есть для сего нормальный путь для достиженія цѣли — въ перемѣнѣ порядка управленія Государствомъ. ДайБогъ Вамъ здравія и силъ для Вашей отвѣтственной работы. Глубоко уважающій Васъ Рузскій.»

«Николай Владиміровичъ, не забудьте, что переворотъ можетъ быть добровольный и вполнѣ безболѣзненный для всѣхъ, и тогда все кончится въ нѣсколько дней; одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу. Желаю всего лучшаго. Родзянко.»

«Дай Богъ, чтобы все было такъ, какъ Вы говорите. Послѣднее слово: скажите Ваше мнѣніе, нужно ли выпускать манифестъ? Рузскій.»

«Я право не знаю, какъ Вамъ отвѣчать; все зависитъ отъ событій, которыя летятъ съ головокружительной быстротой. Родзянко.»

«Я получилъ указаніе передать въ Ставку объ его напечатаніи, а по сему это и сдѣлаю, а за тѣмъ пусть, что будетъ. Разговоръ нашъ доложу Государю. Рузскій.»

«Ничего противъ этого не имѣю и даже прошу объ этомъ. Родзянко.»

Разговоръ оконченъ въ $7^1/_2$ часовъ (утра) 2 марта и переданъ въ Ставку Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Телеграмма Государя:

«Начальнику Штаба. Ставка.

1865. Можно объявить представленный манифестъ*, помѣтивъ его Псковомъ. 1223. Николай. 2 марта 5 ч. 15 м.»

Разговоръ по телеграфу генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба сѣвернаго фронта:

Начало разговора 9 часовъ 2 марта 1917 года.

«У аппарата генералъ Даниловъ.»

«Здравствуй, Юрій Никифоровичъ, у аппарата Лукомскій.

Генералъ Алексѣевъ проситъ сейчасъ же доложить Главнокомандующему, что необходимо разбудить Государя и сейчасъ же доложить ему о разговорѣ генерала Рузскаго съ Родзянко.

Переживаемъ слишкомъ серьезный моментъ, когда рѣшается вопросъ не одного Государя, а всего Царствующаго Дома и Россіи. Генералъ Алексѣевъ убѣдительно проситъ безотлагательно это сдѣлать, такъ какъ теперь важна каждая минута и всякіе этикеты должны быть отброшены.

---

* Объ образованіи отвѣтственнаго министерства.

Генералъ Алексѣевъ проситъ, по выясненіи вопроса, немедленно сообщить оффиціально и со стороны высшихъ военныхъ властей сдѣлать необходимое сообщеніе въ арміи, ибо неизвѣстность хуже всего и грозитъ тѣмъ, что начнется анархія въ арміи.

Это оффиціально, а теперь прошу тебя доложить отъ меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убѣжденію, выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ, ибо, по полученнымъ свѣдѣніямъ, дворецъ въ Царскомъ Селѣ занятъ войсками, какъ объ этомъ вчера уже сообщалъ вамъ генералъ Клембовскій. Если не согласятся, то, вѣроятно, произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будутъ угрожать Царскимъ дѣтямъ, а затѣмъ начнется междуусобная война, и Россія погибнетъ подъ ударами Германіи, и погибнетъ династія. Мнѣ больно это говорить, но другого выхода нѣтъ. Я буду ждать твоего отвѣта. Лукомскій.»

«Генералъ Рузскій черезъ часъ будетъ съ докладомъ у Государя и поэтому я не вижу надобности будить Главнокомандующаго, который только что, сію минуту, заснулъ и черезъ полчаса встанетъ; выигрыша во времени не будетъ никакого. Что касается неизвѣстности, то она, конечно, не только тяжка, но и грозна, однако, и ты, и генералъ Алексѣевъ отлично знаете характеръ Государя и трудность получить отъ него опредѣленное рѣшеніе; вчера, весь вечеръ, до глубокой ночи, прошелъ въ убѣжденіи поступиться въ пользу отвѣтственнаго министерства. Согласіе было дано только къ двумъ часамъ ночи, но, къ глубокому сожалѣнію, оно, какъ это въ сущности и предвидѣлъ Главнокомандующій, явилось запоздалымъ; очень осложнила дѣло посылка войскъ генералъ-адъютанта Иванова; я убѣжденъ, сожалѣю, почти въ томъ, что несмотря на убѣдительность рѣчей Николая Владиміровича и прямоту его, едва ли возможно будетъ получить опредѣленное рѣшеніе; время безнадежно будетъ тянуться, вотъ та тяжкая картина и та драма, которая происходитъ здѣсь.

Между тѣмъ исполнительный комитетъ Государственной Думы шлетъ рядъ извѣщеній и заявляетъ, что остановить потокъ нѣтъ никакой возможности. Два часа тому назадъ Главнокомандующій вынужденъ былъ отдать распоряженіе о томъ, чтобы не препятствовали распространенію заявленій, которыя клонятся къ сохраненію спокойствія среди населенія и къ приливу продовольственныхъ средствъ; другого исхода не было.

Много горячихъ доводовъ высказалъ генералъ Рузскій въ разговорѣ съ Родзянко въ пользу оставленія во главѣ Государя съ отвѣтственнымъ передъ народомъ министерствомъ, но видимо время упущено и едва ли возможно разсчитывать на такое сохраненіе.

Вотъ пока все, что я могу сказать.

Повторяю — отъ доклада генерала Рузскаго я не жду опредѣленныхъ рѣшеній. Даниловъ.»

«Дай Богъ, чтобы генералу Рузскому удалось убѣдить Государя. Въ его рукахъ теперь судьба Россіи и Царской Семьи. Лукомскій.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Главнокомандующихъ фронтами (генералу Рузскому была послана копія этой телеграммы):

«Его Величество находится Псковѣ, гдѣ изъявилъ свое согласіе объявить манифестъ идти на встрѣчу народному желанію учредить отвѣтственное передъ палатами министерство, поручивъ предсѣдателю Государственной Думы образовать кабинетъ.

По сообщеніи этого рѣшенія Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта предсѣдателю Гос. Думы, послѣдній, въ разговорѣ по аппарату, въ три съ половиной часа второго сего марта, отвѣтилъ, что появленіе такого манифеста было бы своевременно 27 февраля; въ настоящее же время этотъ актъ является запоздалымъ, что нынѣ наступила одна изъ страшныхъ революцій; сдерживать народныя страсти трудно; войска деморализованы. Предсѣдателю Гос. Думы хотя пока и вѣрятъ, но онъ опасается, что сдержать народныя страсти будетъ невозможно. Что теперь династическій вопросъ

поставленъ ребромъ и войну можно продолжать до побѣдоноснаго конца лишь при исполненіи предъявленныхъ требованій относительно отреченія отъ престола въ пользу сына при регенствѣ Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйшихъ колебаній повыситъ только притязанія, основанныя на томъ, что существованіе арміи и работа желѣзныхъ дорогъ находится фактически въ рукахъ петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала; продолжать до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ; спасти независимость Россіи и судьбу династіи. Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣной дорогихъ уступокъ. Если Вы раздѣляете этотъ взглядъ, то не благоволите ли телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Его Величеству черезъ Главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ, извѣстивъ меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковой для существованія Россіи и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мысли и цѣлей и спасти армію отъ колебаній и возможныхъ случаевъ измѣны долгу. Армія должна всѣми силами бороться съ внѣшнимъ врагомъ, а рѣшеніе относительно внутреннихъ дѣлъ должно избавить ее отъ искушенія принять участіе въ переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху. 2 марта 1917 г. 10 ч. 15 м. 1872. Алексѣевъ.»*

Разговоръ по прямому проводу помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба сѣвернаго фронта (утромъ 2 марта 1917 г.):

«Извѣстно ли вамъ о прибытіи сегодня конвоя Его Величества въ полномъ составѣ въ Государственную Думу съ разрѣшенія своихъ офицеровъ и о просьбѣ депутатовъ конвоя арестовать тѣхъ офицеровъ, которые отказались принять участіе въ возстаніи? Извѣстно ли также о желаніи Государыни Императрицы переговорить съ предсѣдателемъ исполнительнаго комитета Государственной Думы и, наконецъ, о желаніи Великаго Князя Кирилла Владиміровича прибыть лично въ Государственную Думу, чтобы вступить въ переговоры съ исполнительнымъ комитетомъ? Клембовскій.»

«Нѣтъ, эти извѣстія намъ неизвѣстны. Болдыревъ.»

«Въ Москвѣ по всему городу происходятъ митинги, но стрѣльбы нѣтъ.

Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Вр. Правительству.

Арестованы Штюрмеръ, Добровольскій, Бѣляевъ, Войновскій Кригеръ, Горемыкинъ, Дубровинъ, два помощника градоначальника и Климовичъ. Исполнительный комитетъ Гос. Думы обратился къ населенію съ воззваніемъ возить хлѣбъ, всѣ продукты на станціи желѣзныхъ дорогъ для продовольствованія арміи и крупныхъ городовъ. Петроградъ раздѣленъ на раіоны, въ которые назначены раіонные комиссары. Представители (?) арміи и флота постановили признать власть исполнительнаго комитета

---

* По своему содержанію эта телеграмма вполнѣ опредѣленно подсказывала Главнокомандующимъ отвѣтъ, который начальникъ штаба желалъ, чтобы они сообщили Государю.

Среди документовъ, находящихся нынѣ въ моемъ распоряженіи, нѣтъ даже намека на то, что этотъ запросъ главнокомандующимъ сдѣланъ генераломъ Алексѣевымъ по просьбѣ генерала Рузскаго, какъ я объ этомъ излагаю въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

Это тѣмъ болѣе странно, что я пользуюсь документами, вывезенными генераломъ Рузскимъ изъ Пскова на Кавказъ. Казалось бы, что если эта телеграмма явилась слѣдствіемъ переговоровъ между генералами Алексѣевымъ и Рузскимъ, то у послѣдняго, въ его документахъ, должно было быть какое нибудь на это указаніе.

Во всякомъ случаѣ, повторяю, какъ это и изложено въ моихъ воспоминаніяхъ, я, на основаніи словъ генерала Алексѣева, считалъ, что не онъ является иниціаторомъ этого запроса, посланнаго Главнокомандующимъ. А. Л.

Гос. Думы впредь до образованія постояннаго правительства. Все изложенное надо доложить Главнокомандующему для всеподданнѣйшаго доклада. Клембовскій.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Государя Императора, переданная 2 марта 1917 г. въ 14 ч. 30 м.:

«Всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству, полученныя мною на Имя Вашего Императорскаго Величества телеграммы:

Отъ Великаго Князя Николая Николаевича:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ меня поддержать его мнѣніе, что побѣдоносный конецъ войны, столь необходимый для блага и будущности Россіи и спасенія династіи, вызываетъ принятіе сверхмѣры.

Я, какъ вѣрноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимымъ колѣннопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россію и Вашего Наслѣдника, зная чувство святой любви Вашей къ Россіи и къ Нему.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменьемъ, передайте ему — Ваше наслѣдіе.

Другого выхода нѣтъ. Какъ никогда въ жизни, съ особо горячей молитвой молю Бога подкрѣпить и направить Васъ. Генералъ-адъютантъ Николай.»

Отъ генералъ-адъютанта Брусилова:

«Прошу Васъ доложить Государю Императору мою всеподданнѣйшую просьбу, основанную на моей преданности и любви къ Родинѣ и Царскому Престолу, что, въ данную минуту, единственный исходъ, могущій спасти положеніе и дать возможность дальше бороться съ внѣшнимъ врагомъ, безъ чего Россія пропадетъ, — отказаться отъ престола въ пользу Государя Наслѣдника Цесаревича при регенствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Другого исхода нѣтъ; необходимо спѣшить, дабы разгорѣвшійся и принявшій большіе размѣры народный пожаръ былъ скорѣе потушенъ, иначе повлечетъ за собой неисчислимыя катастрофическія послѣдствія. Этимъ актомъ будетъ спасена и сама династія въ лицѣ законнаго наслѣдника. Генералъ-адъютантъ Брусиловъ.»

Отъ генералъ-адъютанта Эверта:

«Ваше Императорское Величество, начальникъ штаба Вашего Величества передалъ мнѣ обстановку, создавшуюся въ Петроградѣ, Царскомъ Селѣ, Балтійскомъ морѣ и Москвѣ и результатъ переговоровъ генералъ-адъютанта Рузскаго съ предсѣдателемъ Государственной Думы.

Ваше Величество, на армію въ настоящемъ ея составѣ при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ разсчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именемъ спасенія Россіи отъ несомнѣннаго порабощенія злѣйшимъ врагомъ родины при невозможности вести дальнѣйшую борьбу. Я принимаю всѣ мѣры къ тому, чтобы свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ столицахъ не проникали въ армію, дабы оберечь ее отъ несомнѣнныхъ волненій. Средствъ прекратить революцію въ столицахъ нѣтъ никакихъ.

Необходимо немедленное рѣшеніе, которое могло бы привести къ прекращенію безпорядковъ и сохраненію арміи для борьбы противъ врага.

При создавшейся обстановкѣ, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству вѣрноподданный умоляетъ Ваше Величество, во имя спасенія Родины и династіи, принять рѣшеніе, согласованное съ заявленіемъ предсѣдателя Государственной Думы, выраженномъ имъ генералъ-адъютанту Рузскому, какъ единственно видимо способное прекратить революцію и спасти Россію отъ ужасовъ анархіи. Генералъ-адъютантъ Эвертъ.»

Всеподданнѣйше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять рѣшеніе, которое Господь Богъ внушитъ

Вамъ; промедленіе грозитъ гибелью Россіи. Пока армію удается спасти отъ проникновенія болѣзни, охватившей Петроградъ, Москву, Кронштадтъ и другіе города, но ручаться за дальнѣйшее сохраненіе воинской дисциплины нельзя.

Прикосновеніе же арміи къ дѣлу внутренней политики будетъ знаменовать неизбѣжный конецъ войны, позоръ Россіи и развалъ ея.

Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ея цѣлости, независимости, ради достиженія побѣды соизволите принять рѣшеніе, которое можетъ дать мирный и благополучный исходъ изъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжелаго положенія.

Ожидаю повелѣній. 2 марта 1917 г. 1878. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ.»

Телеграмма генерала Сахарова на имя Главнокомандующаго сѣвернаго фронта, копія генералу Алексѣеву:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ передалъ мнѣ преступный и возмутительный отвѣтъ предсѣдателя Государственной Думы Вамъ на высокомилостивое рѣшеніе Государя Императора даровать странѣ отвѣтственное министерство и просилъ главнокомандующихъ доложить Его Величеству черезъ Васъ о рѣшеніи даннаго вопроса въ зависимости отъ создавшагося положенія. Горячая любовь моя къ Его Величеству не допускаетъ душѣ моей мириться съ возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переданнаго Вамъ предсѣдателемъ Думы. Я увѣренъ, что не русскій народъ, никогда не касавшійся Царя своего, задумалъ это злодѣйство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своихъ преступныхъ цѣлей. Я увѣренъ, что арміи фронта непоколебимо стали бы за своего Державнаго Вождя, если бы не были призваны къ защитѣ Родины отъ врага внѣшняго и если бы не были въ рукахъ тѣхъ же государственныхъ преступниковъ, захватившихъ въ свои руки источники жизни арміи. Переходя къ логикѣ разума и учтя создавшуюся безвыходность положенія, я, непоколебимо вѣрный подданный Его Величества, рыдая вынужденъ сказать, что, пожалуй, наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ для страны и для сохраненія возможности биться съ внѣшнимъ врагомъ является рѣшеніе пойти на встрѣчу уже высказаннымъ условіямъ, дабы промедленіе не дало пищи къ предъявленію дальнѣйшихъ, еще гнуснѣйшихъ, притязаній. Яссы, 2 марта. 13 317. Генералъ Сахаровъ.»

Всѣ эти телеграммы были доложены Государю генераломъ Рузскимъ между 14 и 15 часами 2/15 марта.

Государь, выслушавъ докладъ генерала Рузскаго, рѣшилъ отречься отъ престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича и составилъ нижеслѣдующія двѣ телеграммы:

Телеграмма Государя предсѣдателю Государственной Думы:

«Предсѣдателю Государственной Думы. Петроградъ. Нѣтъ той жертвы, которую я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родной матушки Россіи. Посему я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при мнѣ до совершеннолѣтія, при регенствѣ брата моего Великаго князя Михаила Александровича. Николай.»

Телеграмма Государя Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

«Наштаверхъ Ставка.

Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына.

Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно. Николай.»

Въ дѣйствительности, обѣ эти телеграммы не были отправлены по назначенію.

Послѣ ихъ подписанія, Государю, выходившему изъ вагона въ 15 ч. 10 м., было доложено о выѣздѣ въ Псковъ депутатовъ (А. И. Гучкова и В. В. Шульгина).

Государь приказалъ телеграмму на имя предсѣдателя Государственной Думы задержать до прибытія депутатовъ, а телеграмму на имя генерала Алексѣева взялъ обратно; въ 15 ч. 45 м. Государь потребовалъ возвратить ему и телеграмму на имя М. В. Родзянко о согласіи отречься отъ престола въ пользу сына.

Во всякомъ случаѣ документально устанавливается, что рѣшеніе отречься отъ престола принято было Государемъ еще до разговора съ депутатами, выѣхавшими изъ Петрограда.

Телеграмма Помощника Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго на имя Начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Телеграмма 1223 объ объявленіи манифеста не приводится въ исполненіе въ ожиданіи дальнѣйшихъ указаній послѣ доклада Главнокомандующаго сѣвернаго фронта.

Очень прошу оріентировать начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ какомъ положеніи находится вопросъ. Изъ вашего штаба сообщили, что литерные поѣзда стоятъ въ Псковѣ и нѣтъ никакихъ распоряженій относительно отправленія. Между тѣмъ получены извѣстія, что начальникъ штаба эксплоатаціоннаго отдѣла сѣверо-западныхъ дорогъ инженеръ Гаваловъ отдалъ распоряженіе по линіи объ отправленіи литерныхъ поѣздовъ къ Двинску. Прошу сообщить, что извѣстно. 2 марта 1917 г. 1886. Клембовскій.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева:

«Около 19 часовъ Его Величество приметъ члена Государственнаго Совѣта Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выѣхавшихъ экстреннымъ изъ Петрограда.

Государь Императоръ въ длительной бесѣдѣ съ генералъ-адъютантомъ Рузскимъ, въ присутствіи моемъ и генерала Саввича, выразилъ, что нѣтъ той жертвы, которой Его Величество не принесъ бы для истиннаго блага родины. Телеграммы Ваши и Главнокомандующихъ были всѣ доложены. 2 марта 1917 г. 1230. Даниловъ.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева:

«1886. Литерные поѣзда стоятъ Псковѣ. Дѣйствительно одно время возникло предположеніе у Государя проѣхать черезъ Двинскъ въ Ставку, но вскорѣ эта мысль была оставлена ввиду вторичной бесѣды съ Его Величествомъ генерала Рузскаго, о которой я уже донесъ начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, а также ввиду выяснившагося прибытія изъ Петрограда депутатовъ. Чтобы не загромождать Ставку противорѣчивыми свѣдѣніями, сообщаю только достовѣрно выяснившееся и въ этомъ отношеніи прошу мнѣ оказать довѣріе, что ничего важнаго не пропущу сообщить.

По поводу манифеста не послѣдовало еще указанія Главнокомандующему, потому что вторичная бесѣда съ Государемъ обстановку видоизмѣнила, а пріѣздъ депутатовъ заставляетъ быть осторожнымъ съ выпускомъ манифеста. Необходимо лишь подготовиться къ скорѣйшему выпуску его, если потребуется. Вѣрнѣе думать, что Государь Императоръ прослѣдуетъ изъ Пскова въ Царское Село, но окончательное рѣшеніе будетъ принято только послѣ выясненія результатовъ пріѣзда Гучкова и Шульгина. 2 марта 18 часовъ. 1237. Даниловъ.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Государя Императора:

«Получена слѣдующая телеграмма: «Временный комитетъ Государственной Думы, образовавшійся для возстановленія порядка въ столицѣ, принужденъ былъ взять свои руки власть ввиду того, что, подъ давленіемъ войска и народа, старая власть никакихъ мѣръ для успокоенія населенія не предпринимала и совершенно устранена. Настоящее время власть будетъ передана Временнымъ комитетомъ Государственной Думы Временному Правительству, образованному подъ предсѣдательствомъ князя Георгія Евгеніевича Львова.

Войска подчинились новому правительству не исключая состоящихъ .... (пропускъ) .... войскъ, а также находящихся Петроградѣ лицъ Императорской фамиліи, и всѣ слои населенія признаютъ только новую власть.

Необходимо для установленія полнаго порядка, для спасенія столицы отъ анархіи, командировать сюда на должность главнокомандующаго Петроградскимъ военнымъ округомъ доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы популярно и авторитетно глазахъ населенія. Комитетъ Государственной Думы признаетъ такимъ лицомъ доблестнаго, извѣстнаго всей Россіи героя, командира двадцать пятаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Корнилова. Во имя спасенія родины, во имя побѣды надъ врагомъ, во имя того, чтобы неисчислимыя жертвы этой долгой войны не пропали даромъ наканунѣ побѣды, необходимо срочно командировать генерала Корнилова въ Петроградъ. Благоволите срочно снестись съ нимъ и телеграфировать срокъ пріѣзда генерала Корнилова Петроградъ. Предсѣдатель Вр. комитета Гос. Думы М. Родзянко. 2 марта. 1582.»

Всеподданнѣйше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества исполнить ее во имя того, что въ исполненіи этого пожеланія можетъ заключаться начало успокоенія столицъ и водвореніе порядка въ частяхъ войскъ, составляющихъ гарнизонъ Петрограда и окрестныхъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ симъ прошу разрѣшенія отозвать генералъ-адъютанта Иванова въ Могилевъ. 2 марта 1917 г. 1890. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ.»

Государь на этой телеграммѣ положилъ резолюцію: «Исполнить.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

«Поѣздъ депутатами Гучковымъ, Шульгинымъ запаздываетъ и ожидается не ранѣе 22 часовъ. Такимъ образомъ окончательное рѣшеніе вновь откладывается на нѣсколько часовъ. Какъ только все выяснится, немедленно будетъ сообщено для доклада начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Телеграмма генералъ-адъютанта Алексѣева о генералѣ Корниловѣ въ 20 часовъ 20 м. отправлена для врученія Государю Императору. Проектъ манифеста* отправленъ въ вагонъ Главнокомандующаго.

Есть опасеніе, не оказался бы онъ запоздалымъ, такъ какъ имѣются частныя свѣдѣнія, что такой манифестъ, будто бы, опубликованъ Петроградѣ распоряженіемъ Временнаго Правительства. Повторяю — послѣднія свѣдѣнія частнаго характера. Псковъ 2 марта 20 ч. 35 м. 1231. Даниловъ.»

Телеграмма вице-адмирала Непенина на имя генераловъ Алексѣева и Рузскаго — для доклада Государю Императору:

«Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновеніи флотъ и ввѣренныя войска. Въ Ревелѣ положеніе критическое, но не теряю еще надежды его удержать.

Всеподданнѣйше присоединяюсь къ ходатайствамъ Великаго Князя Николая Николаевича и Главнокомандующихъ фронтами о немедленномъ принятіи рѣшенія, формулированнаго предсѣдателемъ Гос. Думы. Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ часовъ, то это повлечетъ за собой катастрофу съ неисчислимыми

* Составленный въ Ставкѣ, по приказанію Государя, объ отреченіи отъ престола.

бѣдствіями для нашей Родины. 20 ч. 40 м. 2 марта 1917 г. 260. Вице-адмиралъ Непенинъ.»

Поѣздъ съ депутатами (А. И. Гучковымъ и В. В. Шульгинымъ) прибылъ въ Псковъ около 22 часовъ 2/15 марта.

Государь сейчасъ же принялъ депутатовъ и въ 24 часа (со 2/15 на 3/16 марта) были подписаны манифестъ объ отреченіи отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича и указы Правительствующему Сенату о назначеніи князя Георгія Евгеніевича Львова предсѣдателемъ совѣта министровъ, а Великаго Князя Николая Николаевича — Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Указы Сенату были помѣчены 2/15 марта 14-ю часами, а манифестъ 15-ю часами на томъ основаніи, что первоначальное рѣшеніе Государя объ отреченіи отъ престола состоялось 2/15 марта въ 15 часовъ.

Манифестъ (переданъ изъ Пскова по телеграфу Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, всѣмъ Главнокомандующимъ и командующимъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ):

«Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать на Россію новое тяжкое испытаніе.

Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьбы Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думой, признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя Верховную власть.

Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благославляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами Государственными въ полномъ ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будетъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенароднаго испытанія и помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями Народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ 2 марта 1917 г. 15 часовъ.»

Указъ Правительствующему Сенату:

«Князю Георгію Евгеніевичу Львову повелѣваемъ быть предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ. 2 марта 1917 г. 14 часовъ.»

Указъ Правительствующему Сенату:

«Намѣстнику Нашему на Кавказѣ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу повелѣваемъ быть Верховнымъ Главнокомандующимъ. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ. 2 марта 1917 г. 14 часовъ.»

Расписка А. И. Гучкова и В. В. Шульгина:

«Высочайшій манифестъ отъ 2 марта 1917 года получили. Подписи: Александръ Гучковъ, Шульгинъ. 2 марта 1917 года въ 24 часа.»

Телеграмма А. И. Гучкова и В. В. Шульгина на имя начальника главнаго штаба въ Петроградъ:

«Просимъ передать Предсѣдателю Думы Родзянко: Государь далъ согласіе на отреченіе отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича съ обязательствомъ для него принести присягу конституціи.

Порученіе образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно Верховнымъ Главнокомандующимъ назначается Великій Князь Николай Николаевичъ. Манифестъ послѣдуетъ немедленно Псковѣ. Какъ положеніе Петроградѣ? Гучковъ. Шульгинъ. 3 марта.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева; копія Главнокомандующимъ фронтами и командующимъ арміями сѣвернаго фронта:

«Его Величествомъ подписаны указы правительствующему сенату о бытіи предсѣдателемъ совѣта министровъ князю Георгію Евгеніевичу Львову и Верховнымъ Главнокомандующимъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу. Государь Императоръ изволилъ затѣмъ подписать актъ отреченія отъ престола съ передачей таковаго Великому Князю Михаилу Александровичу. Его Величество выѣзжаетъ сегодня, примѣрно въ два часа, на нѣсколько дней въ Ставку черезъ Двинскъ.

Манифестъ и указы передаются по телеграфу дополнительно. 3 марта. 1244. Даниловъ.»

Разговоръ по прямому проводу ген. Рузскаго съ М. В. Родзянко и кн. Львовымъ:

Въ пять часовъ 3 марта генералъ Рузскій былъ вызванъ къ прямому проводу предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко и княземъ Львовымъ.

«У аппарата генералъ Рузскій.»

«Здравствуйте, Ваше Высокопревосходительство, чрезвычайно важно, чтобы манифестъ объ отреченіи и передачѣ власти Великому Князю Михаилу Александровичу не былъ опубликованъ до тѣхъ поръ, пока я не сообщу Вамъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что съ великимъ трудомъ удалось удержать болѣе или менѣе въ приличныхъ рамкахъ революціонное движеніе, но положеніе еще не пришло въ себя и весьма возможна гражданская война. Съ регенствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича помирились бы можетъ быть, но воцареніе его, какъ Императора, абсолютно непріемлемо. Прошу Васъ принять всѣ зависящія отъ Васъ мѣры, чтобы достигнуть отсрочки. Родзянко.»

«Родзянко отошелъ, у аппарата стоитъ князь Львовъ.»

«Хорошо. Распоряженіе будетъ сдѣлано, но насколько удастся пріостановить распоряженіе, сказать не берусь, въ виду того, что прошло слишкомъ много времени.

Очень сожалѣю, что депутаты, присланные вчера, не были въ достаточной степени освѣдомлены съ той ролью и вообще съ тѣмъ, для чего они пріѣзжали. Во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано все, что въ человѣческихъ силахъ въ данную минуту. Прошу вполнѣ ясно освѣтить мнѣ теперь же все дѣло, которое вчера произошло, и послѣдствія, могущія отъ этого быть въ Петроградѣ. Рузскій.»

«У аппарата Родзянко. Дѣло въ томъ, что депутатовъ винить нельзя. Вспыхнулъ неожиданно для всѣхъ насъ такой солдатскій бунтъ, которому еще подобныхъ я не видѣлъ и которые, конечно не солдаты, а просто взятые отъ сохи мужики и которые

всѣ свои мужицкія требованія нашли полезнымъ теперь заявить.* Только слышно было въ толпѣ — «земли и воли», «долой династію», «долой Романовыхъ», «долой офицеровъ» и начались во многихъ частяхъ избіенія офицеровъ. Къ этому присоединились рабочіе, и анархія дошла до своего апогея. Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ удалось прійти только къ ночи сегодня къ нѣкоторому соглашенію, которое заключается въ томъ, чтобы было созвано черезъ нѣкоторое время Учредительное собраніе для того, чтобы народъ могъ высказать свой взглядъ на форму правленія, и только тогда Петроградъ вздохнулъ свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно.

Войска, мало по малу, въ теченіе ночи приводятся въ порядокъ, но провозглашеніе Императоромъ Великаго Князя Михаила Александровича подольетъ масла въ огонь, и начнется безпощадное истребленіе всего, что можно истребить.

Мы потеряемъ и упустимъ изъ рукъ всякую власть, и усмирить народное волненіе будетъ некому.

При предложенной формѣ — возвращеніе династіи не исключено, и желательно, чтобы, примѣрно до окончанія войны, продолжалъ дѣйствовать Верховный Совѣтъ и нынѣ дѣйствующее временное правительство. Я вполнѣ увѣренъ, что, при такихъ условіяхъ, возможно быстрое успокоеніе, и рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, такъ какъ несомнѣнно произойдетъ подъемъ патріотическаго чувства, все заработаетъ въ усиленномъ темпѣ и побѣда, повторяю, можетъ быть обезпечена. Родзянко.»

«Я распоряженія всѣ сдѣлалъ, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространеніе, такъ какъ имѣлось въ виду этой мѣрой поскорѣй дать возможность арміи перейти къ спокойному состоянію въ отношеніи тыла. Вчера Императорскій поѣздъ, или вѣрнѣе уже сегодня, такъ какъ событія протекли ночью, ушелъ черезъ Двинскъ въ Ставку, и такимъ образомъ центръ дальнѣйшихъ переговоровъ по этому важному дѣлу долженъ быть перенесенъ туда, такъ какъ, по закону, начальникъ штаба, въ случаѣ отсутствія Верховнаго Главнокомандующаго, замѣщаетъ его должность и дѣйствуетъ его именемъ. Кромѣ того, необходимо установить аппаратъ Юза томъ мѣстѣ, гдѣ засѣдаетъ новое правительство въ Петроградѣ, дабы обезпечить вамъ удобство сношеній со Ставкой и мною. Прошу также, два раза въ день, въ опредѣленное время, сообщать мнѣ о ходѣ дѣлъ лично, или черезъ довѣренныхъ лицъ, имена которыхъ желалъ бы знать. Рузскій.»

«Я въ точности выполню Ваше желаніе и аппаратъ Юза будетъ поставленъ, но прошу Васъ, въ случаѣ прорыва свѣдѣній о манифестѣ въ публику и въ армію, по крайней мѣрѣ, не торопиться съ приведеніемъ войскъ къ присягѣ. Къ вечеру сегодня дамъ Вамъ и всѣмъ Главнокомандующимъ дополнительныя свѣдѣнія о ходѣ дѣла. Скажите мнѣ пожалуйста, когда выѣхалъ Гучковъ? Родзянко.»

«Гучковъ выѣхалъ сегодня ночью изъ Пскова около трехъ часовъ.

О воздержаніи приведенія къ присягѣ въ Псковѣ я сдѣлалъ еще вчера распоряженіе; немедленно сообщу о томъ арміи моего фронта и въ Ставку.

У аппарата былъ, кажется, князь Львовъ. Желаетъ ли онъ со мной говорить? Рузскій.»

«Николай Владиміровичъ, все сказано. Князь Львовъ ничего добавить не можетъ. Оба мы твердо надѣемся на Божью помощь, на величіе и мощь Россіи и на доблесть и стойкость арміи и, не взирая ни на какія препятствія, на побѣдный конецъ войны. До свиданія. Родзянко.»

«Михаилъ Владиміровичъ, скажите для вѣрности, такъ ли я Васъ понялъ: значитъ, пока все остается по старому, какъ бы манифеста не было, а равно и о порученіи князю Львову сформировать министерство. Что касается Великаго Князя Николая Николаевича (назначеннаго) Главнокомандующимъ повелѣніемъ Его Величества, отданнымъ Указомъ Государемъ Императоромъ, то объ этомъ желалъ бы знать также Ваше мнѣніе. Объ этихъ указахъ сообщено было вчера очень широко по просьбѣ депутатовъ, даже въ Москву и, конечно, на Кавказъ. Рузскій.»

* Угловатость фразы вызвана, повидимому, ошибками телеграфиста. Прим. ред.

«Сегодня нами сформировано правительство съ княземъ Львовымъ во главѣ, о чемъ всѣмъ командующимъ фронтами посланы телеграммы. Все остается въ такомъ видѣ: Верховный Совѣтъ; отвѣтственное министерство; дѣйствія законодательныхъ палатъ до разрѣшенія вопроса о конституціи Учредительнымъ собраніемъ.

Противъ распространенія Указовъ о назначеніи Великаго князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ ничего не возражаемъ. До свиданія. Родзянко.»

«Скажите, кто во главѣ Верховнаго Совѣта? Рузскій.»

«Я ошибся, не Верховный Совѣтъ, а Временный комитетъ Государственной Думы подъ моихъ предсѣдательствомъ. Родзянко.»

«Хорошо. До свиданія. Не забудьте сообщить въ Ставку, ибо дальнѣйшіе переговоры должны вестись въ Ставкѣ, а мнѣ надо сообщать только о ходѣ и положеніи дѣла. Рузскій.» 3 марта 1917 г. 6 часовъ.

Телеграмма генерала Алексѣева на имя всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами:

«Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, убѣдительно проситъ задержать всѣми мѣрами и способами объявленіе того манифеста, который сообщенъ этой ночью, ввиду особыхъ условій, которыя я Вамъ сообщу дополнительно. Прошу сдѣлать распоряженіе, ознакомивъ съ манифестомъ только старшихъ начальствующихъ лицъ. Прошу отвѣта. 3 марта 1917 г. 6 часовъ 45 м. 1913. Алексѣевъ.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Главнокомандующихъ сѣвернаго, западнаго, юго-западнаго и Румынскаго (генералу Сахарову) фронтовъ:

«Семь часовъ. 3 марта.

Предсѣдатель Государственной Думы, вызвавъ меня по аппарату, сообщилъ, что событія Петроградѣ далеко не улеглись, положеніе тревожно, неясно, почему настойчиво проситъ не пускать въ обращеніе манифеста, подписаннаго 2 марта, сообщеннаго уже Главнокомандующимъ, и задержать обнародованіе этого манифеста.

Причина такого настоянія болѣе ясно и опредѣленно изложена предсѣдателемъ Думы разговорѣ по аппарату съ Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта; копія этого разговора только что сообщена мнѣ. Съ регенствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича, говоритъ Родзянко, быть можетъ помирились бы, но кандидатура Великаго Князя, какъ Императора, ни для кого не пріемлема и вѣроятна гражданская война.

На запросъ, почему депутаты, присланные Псковъ для рѣшенія именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко отвѣтилъ Главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ, что неожиданно, послѣ, повидимому, отъѣзда депутатовъ, въ Петроградѣ вспыхнулъ новый солдатскій бунтъ, къ солдатамъ присоединились рабочіе, анархія дошла до своего апогея. Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ, удалось къ ночи 2 марта придти къ нѣкоторому соглашенію, суть коего: черезъ нѣкоторое время, не ранѣе полугода, собрать Учредительное собраніе для опредѣленія формы правленія; до того времени власть сосредоточивается въ рукахъ Временнаго комитета Государственной Думы, отвѣтственнаго министерства, уже сформированнаго, при дѣйствіи обѣихъ законодательныхъ палатъ. Родзянко мечтаетъ и старается убѣдить, что при такой комбинаціи возможно быстрое успокоеніе, рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, произойдетъ подъемъ патріотическихъ чувствъ, все заработаетъ усиленнымъ темпомъ.

Нѣкоторыя, уже полученныя, свѣдѣнія указываютъ, что манифестъ уже получилъ извѣстность и мѣстами распубликованъ; вообще немыслимо удержать въ

секретѣ высокой важности актъ, предназначенный для общаго свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что между подписаніемъ и обращеніемъ Родзянко ко мнѣ прошла цѣлая ночь.

Изъ совокупности разговоровъ Предсѣдателя Думы Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта и мною позволительно прійти къ выводамъ:

Первое — Государственной Думѣ и ея Временномъ комитетѣ нѣтъ единодушія; лѣвыя партіи, усиленныя совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, пріобрѣли сильное вліяніе.

Второе — на Предсѣдателя Думы и Временнаго комитета Родзянко лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказываютъ мощное давленіе, и въ сообщеніяхъ Родзянко нѣтъ откровенности и искренности.

Третье — цѣли господствующихъ надъ предсѣдателемъ партій ясно опредѣлились изъ вышеприведенныхъ пожеланій Родзянко.

Четвертое — войска Петроградскаго гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всѣхъ, не исключая умѣренныхъ элементовъ Временнаго Комитета.

Очерченное положеніе создаетъ грозную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи, ибо неизвѣстность, колебанія, отмѣна уже объявленнаго манифеста, могутъ повлечь шатаніе умовъ въ войсковыхъ частяхъ и тѣмъ разстроить способность борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, а это ввергнетъ Россію безнадежно въ пучину крайнихъ бѣдствій, повлечетъ потерю значительной части территоріи и полное разложеніе порядка въ тѣхъ губерніяхъ, которыя останутся за Россіей, попавшей въ руки крайнихъ лѣвыхъ элементовъ.

Получивъ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича повелѣніе въ серьезныхъ случаяхъ обращаться къ нему срочными телеграммами, доношу ему все это, испрашиваю указаній, присовокупляя: первое — суть настоящаго заключенія сообщить предсѣдателю Думы и потребовать осуществленія манифеста во имя Родины и Дѣйствующей арміи; второе — для установленія единства во всѣхъ случаяхъ и всякой обстановкѣ созвать совѣщаніе Главнокомандующихъ Могилевѣ.

Если на это совѣщаніе изволитъ прибыть Верховный Главнокомандующій, то срокъ будетъ указанъ Его Высочествомъ. Если же Великій Князь не сочтетъ возможнымъ прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта. Такое совѣщаніе тѣмъ болѣе необходимо, что только что получилъ полуофиціальный разговоръ по аппарату между чинами морского главнаго штаба, суть коего: обстановка Петроградѣ 2 марта значительно спокойнѣй, постепенно все налаживается, слухи о рѣзнѣ солдатами офицеровъ — сплошной вздоръ, авторитетъ временнаго правительства, повидимому, силенъ; слѣдовательно основные мотивы Родзянко могутъ оказаться невѣрными и направленными къ тому, чтобы побудить представителей арміи неминуемо присоединиться къ рѣшенію крайнихъ элементовъ, какъ къ факту совершившемуся и неизбѣжному. Коллективный голосъ высшихъ чиновъ арміи и ихъ условія должны, по моему мнѣнію, стать извѣстными всѣмъ и оказать вліяніе на ходъ событій.

Прошу высказать Ваше мнѣніе; быть можетъ, Вы сочтете нужнымъ запросить и командующихъ арміями, равно сообщить, признаете ли соотвѣтственнымъ съѣздъ Главнокомандующихъ. Могилевъ 1918. Генералъ Алексѣевъ.»*

Телеграмма Главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ на имя генерала Алексѣева:

«1918. Первое — считаю необходимымъ объявленіе манифеста, ибо скрыть его нельзя, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ Ревелѣ, онъ уже объявленъ. Присяга только по выходѣ акта о вступленіи на престолъ.

* Передавъ для отправки эту телеграмму, генералъ Алексѣевъ, проходя къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ: «Никогда себѣ не прощу, что повѣрилъ въ искренность нѣкоторыхъ людей, послушался ихъ, и послалъ телеграмму Главнокомандующимъ по вопросу объ отреченіи Государя отъ Престола.» А. Л.

Второе — потребовать отъ новаго правительства воззванія къ арміи и населенію.

Третье — для установленія единства дѣйствій необходимо, чтобы штабъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ въ полномъ контактѣ съ правительствомъ и чтобы только Ставка, а не органы правительства, давала необходимыя и своевременныя указанія Главнокомандующимъ фронтами.

Четвертое — для установленія успокоенія Главнокомандующіе должны оставаться на мѣстахъ.

Это единственная авторитетная власть на мѣстахъ, къ помощи которой всѣ обращаются. Во всякомъ случаѣ до фактическаго вступленія въ Главнокомандованіе Великаго Князя, сборъ Главнокомандующихъ не соотвѣтственъ.

Пятое — Командующимъ арміями обстановка внутри Имперіи мало извѣстна, поэтому запрашивать ихъ мнѣніе считаю лишнимъ. 3 марта 16 часовъ. 1254. Рузскій.»

Меморандумъ Эстонскаго Правительства Верховному Совѣту

Въ отвѣтъ на ноту Верховнаго Совѣта отъ 4-го Декабря 1919 года изъ Парижа, переданную эстонскому правительству черезъ посредство Начальника Французской Миссіи въ Эстоніи, Эстонское Правительство имѣетъ честь дать нижеслѣдующее объясненіе.

Всегдашнимъ стремленіемъ правительства Эстонской Республики было идти навстрѣчу всѣмъ пожеланіямъ союзныхъ и Дружественныхъ государствъ постолько, посколько это совмѣстимо съ жизненными интересами Эстонскаго Правительства и народа.

Въ данномъ случаѣ Эстонское правительство также приняло всѣ мѣры для удовлетворенія желаній Верховнаго Совѣта. Но, исполняя это, Эстонское правительство не можетъ не считаться съ существующими условіями, при которыхъ ему приходится работать въ данный моментъ. Эстонскій народъ, защищающій самостоятельность и благосостояніе своего государства былъ принужденъ въ теченіе болѣе года поддерживать съ сверхчеловѣческими усиліями кровавую борьбу съ превосходящими его во много разъ военными силами Совѣтской Россіи.

Эстонское правительство обращалось много разъ къ Мирной Конференціи, а также и къ Правительствамъ Союзныхъ и Дружественныхъ Державъ съ настоятельной просьбой оказать эстонскому народу въ его героической борьбѣ противъ силъ Совѣтской Россіи, кромѣ щедро оказываемой матеріальной и военной помощи, также помощь политическую, обезпечивъ ему самостоятельность его государства.

Подобное признаніе дѣйствовало бы на поднятіе духа и храбрости Эстонской Арміи въ своей противобольшевистской борьбѣ; оно дало бы возможность Эстонскому Правительству заключить конвенціи съ Балтійскими и другими государствами, оно облегчило бы Эстонскому Правительству развитіе его внѣшней торговли и оздоровленіе экономической жизни, урегулировавъ финансовую политику, оно дало бы Эстонскому народу увѣренность, что панрусскія правительства Колчака и Деникина и русская Сѣверо-Западная армія, сражающаяся подъ ихъ знаменами, которыя всегда высказывали враждебныя отношенія къ самостоятельности окраинныхъ государствъ, въ частности къ таковой Эстоніи, если бы достигли власти, не напали бы на Эстонію, не нарушили бы ея независимости, за которую нашъ народъ проливалъ свою кровь и приносилъ неисчислимыя жертвы.

Надо признать, что ни Мирная Конференція, ни Союзныя и Дружественныя Правительства не удовлетворили до сихъ поръ просьбы о признаніи самостоятельности Эстоніи. Напротивъ, начальники и все командованіе русской Сѣверо-Западной Арміи не переставали повторять, что они разсчитываютъ уничтожить самостоятельность Эстоніи при первой имъ представившейся возможности.

Тѣмъ не менѣе, Эстонское Правительство и Армія со своимъ Верховнымъ командованіемъ, удовлетворяя союзныя и дружественныя правительства, оказывали

активную помощь Сѣверо-Западной Арміи до тѣхъ поръ, пока русская Сѣверо-Западная Армія сражалась противъ военныхъ силъ правительства Совѣтской Россіи. Но когда въ теченіе послѣднихъ недѣль подъ давленіемъ войскъ Совѣтской Россіи, Сѣверо-Западная Армія, дезорганизованная и деморализованная, отошла къ границамъ Эстоніи въ районъ позицій нашей арміи, возникъ серьезный вопросъ для Правительства и Главнокомандованія Арміи, а именно возможно ли допустить, чтобы массы враждебныхъ и деморализованныхъ военныхъ наводнили тылъ эстонской арміи.

Чтобы оцѣнить важность этого вопроса съ точки зрѣнія Эстонскаго Правительства и Главнокомандованія Арміи, нужно принять во вниманіе, кромѣ привходящихъ обстоятельствъ, съ одной стороны характеръ и настроеніе Сѣверо-Западной Арміи, съ другой отношеніе Эстонской Арміи и народа къ Сѣверо-Западной Арміи.

Не надо забывать, что это бывшій Сѣверный Корпусъ, который служилъ основой для русской Сѣверо-Западной Арміи. Этотъ Корпусъ былъ сформированъ въ 1918 году во время нѣмецькой оккупаціи на средства ипопеченіемъ нѣмецкаго высшаго командованія.

Когда въ началѣ этого (1919) года русскіе большевики начали военныя дѣйствія противъ Эстонской Республики и заняли Псковскую область, Сѣверный корпусъ былъ разбитъ при первомъ же столкновеніи съ красной арміей и былъ принужденъ отступить, чтобы спасти остатки своей арміи.

Тогда же нѣкоторыя воинскія части подъ командованіемъ графа Ливена ушли въ Курляндію. Другой отрядъ, въ составѣ приблизительно 3500 человѣкъ, спасся на Эстонскую территорію, гдѣ поступилъ подъ защиту Эстонской Арміи, которая побѣдоносно наступала. Поведеніе Сѣвернаго Корпуса на Эстонской территоріи было съ самаго начала подозрительнымъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Эстонская Армія сосредоточивала всѣ свои силы для изгнанія со своей территоріи кровожадныхъ массъ большевиковъ, стали циркулировать слухи и появляться признаки, доказывающіе, что въ намѣренія командировъ Сѣвернаго Корпуса входитъ движеніе на Ревель съ цѣлью сверженія Временнаго Правителрства, — обуздывавшаго феодальные элементы Прибалтійскихъ нѣмцевъ — и захвата при помощи этихъ же нѣмецкихъ элементовъ власти въ Эстоніи. Только благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ Эстонскимъ Главнокомандованіемъ и Временнымъ Правительствомъ, такія печальныя неожиданности были предотвращены. Въ то же время тотъ фактъ, что отряды Сѣвернаго Корпуса, находящіеся въ тылу Эстонской Арміи подъ ея защитой, употребляли свое оружіе исключительно для грабежей въ деревняхъ и терроризированія жителей, способствовалъ возникновенію чувства обиды въ народныхъ массахъ.

Руководствуясь сильнымъ желаніемъ Союзныхъ и Дружественныхъ Правительствъ, Эстонское Правительство взяло на себя продовольствованіе Сѣвернаго Корпуса, подчиненнаго съ военной точки зрѣнія Главнокомандующему Эстонской Арміи. Этотъ послѣдній провелъ въ немъ надлежащую реорганизацію и помогъ ему образоваться въ боеспособную военную силу, такъ что весной 1919 года Сѣверный Корпусъ при помощи Эстонскихъ войскъ смогъ предпринять свою военную операцію противъ Петрограда. Тогда же генералъ Лайдонеръ, Главнокомандующій Эстонской Арміей сложилъ съ себя права командира Сѣвернаго Корпуса, который, развернувшись въ Сѣверо-Западную Армію, развивалъ свое побѣдоносное наступленіе къ востоку отъ Ямбурга, имѣя составъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

Къ сожалѣнію, нужно признать, что командиры русской арміи скоро показали неспособность къ поддержанію порядка и поднятію боеспособности ихъ Армій, сообразно обстоятельствамъ. Такъ же они не сумѣли создать и поддержать въ тылу арміи твердый государственный порядокъ. Недостаточно было терроризировать мирное населеніе. Нужно было понять стремленіе народа, пережившаго всѣ волненія революціи. У командировъ русской арміи недоставало здраваго смысла, чувства равновѣсія и хладнокровія, необходимаго государственнымъ людямъ. Но это были качества, которыхъ политическіе дѣятели и командиры арміи не выказали даже въ моментъ созданія Сѣверо-Западнаго Правительства послѣ крушенія первой операціи

противъ Петрограда. Несостоятельность Сѣверо-Западной Арміи, какъ боеспособной силы, и неспособность ея командировъ, какъ государственныхъ организаторовъ, выяснилась съ наибольшей очевидностью въ моментъ окончательнаго крушенія Сѣверо-Западной Арміи послѣ ея послѣднихъ операцій противъ Петрограда.

Правительство Эстоніи, Эстонскій Народъ и Армія, которая, помогая Сѣверо-Западной Арміи, принимая участіе въ стратегической задачѣ, начала наступленіе противъ большевистской арміи въ районѣ Красной Горки и на Псковскомъ фронтѣ, убѣдилась, что никакая помощь, ни танки, ни другой матеріалъ, щедро доставленный Сѣверо-Западной Арміи Союзными и Дружественными Державами, не могли придать ей боеспособность.

Однако, командиры Сѣверо-Западной Арміи, доказывая свою несостоятельность, какъ боеспособная сила, никогда не отказывались отъ высоко-политической игры.

Также признано, что русская Сѣверо-Западная Армія поддерживала сношенія съ русской Западной Арміей, которая подъ командованіемъ Бермонта принимала участіе во всѣхъ махинаціяхъ нѣмцевъ и балтійцевъ, а также въ военныхъ дѣйствіяхъ нѣмецкаго ландвера противъ Эстонской Республики. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно для Эстонской Республики, что даже командирамъ Сѣверо-Западной Арміи не были чужды германскія интриги, что установлено въ особенности судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу сен. Нейдгардта, который совмѣстно съ германскими военными попробовалъ прошлымъ лѣтомъ наладить прямое сообщеніе со Штабомъ Сѣверо-Западной Арміи при помощи аэроплана.

Кромѣ того, командованіе Сѣверо-Западной Арміи назначало на отвѣтственные посты реакціонеровъ, дружественно расположенныхъ по отношенію къ нѣмцамъ и провозглашающихъ по отношенію окраинныхъ государствъ и ихъ народовъ возстановленіе Великой Россіи. Эти элементы выказывали глубокую враждебность по отношенію Балтійскихъ окраинныхъ государствъ и въ особенности по отношенію самостоятельности Эстоніи, какъ государства. Вслѣдствіе этихъ намѣреній даже русскіе солдаты стали выказывать враждебныя тенденціи по отношенію къ Эстоніи. Командиры Сѣверо-Западной Арміи, въ частности, открыто высказывали угрозы по адресу Эстоніи, утверждая, что послѣ взятія Петрограда они двинутся на Ревель.

Ввѣ вышеуказанные факты извѣстны во всѣхъ подробностяхъ Эстонской Арміи, а также и широкимъ массамъ населенія. Это враждебное отношеніе русскаго имперіализма по отношенію къ независимости Эстоніи, какъ государства, всегда освѣщалось эстонской прессой, которая, благодаря всеобщему образованію населенія, имѣетъ большое вліяніе на умы арміи и народа.

Такимъ образомъ глубокое недовѣріе по отношенію къ Сѣверо-Западной арміи распространилось въ рядахъ эстонской арміи и въ массахъ населенія. До тѣхъ поръ, пока Сѣверо-Западная армія принимала участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ на русской территоріи, она разсматривалась, какъ союзная. Надѣялись, что даже, если Сѣверо-Западная Армія послѣ одержанныхъ побѣдъ пожелала бы повернуть свое оружіе противъ Эстоніи, мы всегда были бы въ состояніи защищаться противъ «бѣлыхъ» русскихъ войскъ такъ, какъ это мы дѣлали противъ красныхъ войскъ. Эстонская Республика могла бы также надѣяться, что Союзныя и Дружественныя Правительства не остались бы безразличными, видя русскихъ имперіалистовъ, повернувшихъ свое оружіе противъ Эстоніи.

Теперь, когда русская Сѣверо-Западная Армія, деморализованная и дезорганизованная, отступила въ паникѣ до границъ Эстонской Республики, послѣ своей послѣдней экспедиціи противъ Петрограда, положеніе вещей сильно измѣнилось. Было бы безумнымъ самоубійствомъ, по мнѣнію раздраженнаго общества и Эстонской Арміи, разрѣшить такимъ дезорганизованнымъ и враждебнымъ массамъ перейти границы Эстонской Республики, а тѣмъ болѣе собраться въ тылу Эстонской Арміи, которой нужны всѣ ея силы для отраженія бѣшенныхъ атакъ военныхъ силъ русскихъ совѣтовъ.

Для Эстонскаго Правительства было очевидно, что пребываніе Русской Сѣверо-Западной Арміи въ тылу Эстонской Арміи вызвало бы бунтъ въ Эстонской Арміи, слѣдствіемъ чего было бы крушеніе нашего фронта, что вызвало бы смуты и безпорядокъ во внутренней жизни Республики и дало бы свободный доступъ большевистскому движенію въ Эстонію и оттуда на Западъ.

Для предупрежденія всего этого Эстонское Правительство издало приказъ, по которому всѣ воинскія части русской Сѣверо-Западной Арміи, дезертирующія съ противобольшевистскаго фронта и спасающіяся на эстонскую территорію, были бы обезоружены. Личный составъ разоруженныхъ войскъ разсматривался, какъ иностранцы, подчиненные распоряженіямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Разоруженные отряды русской Сѣверо-Западной Арміи были сосредоточены въ Вирскомъ уѣздѣ (Везенбергѣ) въ окрестностяхъ Нарвскаго фронта и размѣщены въ деревняхъ и имѣніяхъ, гдѣ они могутъ устроиться въ гигіеническихъ условіяхъ. Американская продовольственная миссія взяла на себя удовлетвореніе Сѣверо-Западной Арміи продовольствіемъ, какъ она это дѣлала до сихъ поръ, такъ какъ Эстонская Республика не имѣетъ достаточнаго количества зерна для удовлетворенія насущныхъ нуждъ своего народа. Продовольствованіе Русской Сѣверо-Западной Арміи, какъ фактически и раньше, находится въ рукахъ американской продовольственной Миссіи.

Эстонскія военныя и гражданскія власти дѣлаютъ все, что онѣ находятъ возможнымъ и нужнымъ дѣлать. Имъ совершенно невозможно снабжать части русской Сѣверо-Западной Арміи одеждой, такъ какъ Эстонское Правительство не имѣетъ ея въ достаточномъ количествѣ. Сверхъ того Сѣверо-Западная Армія была богата снабжена продовольствіемъ и обмундированіемъ Союзными и Дружественными Державами.

Эстонское Правительство отнюдь не намѣрено распустить въ данный моментъ личный составъ воинскихъ частей русской Сѣв.-Западн. Арміи, пока потребности зимней стоянки этого не потребуютъ.

Не исключена возможность того, что для предоставленія имъ возможности заработка, Эстонское Правительство окажется принужденнымъ распредѣлить ихъ по другимъ округамъ, такъ какъ, принимая во вниманіе свой малый запасъ продовольствія, Эстонское Правительство не можетъ допустить, чтобы столь большія массы кормились, не давая въ обмѣнъ своей работы. Сверхъ того, принимая во вниманіе настоящія обстоятельства и господствующее настроеніе въ Эстонской Арміи и обществѣ, Эстонское Правительство никакъ не можетъ предположить, что до тѣхъ поръ, пока политическія и военныя обстоятельства на территоріи Эстоніи этого не потребуютъ, было бы отдано Сѣв.-Зап. Арміи оружіе и она была бы реорганизована въ боеспособную часть.

При такихъ обстоятельствахъ Эстонское правительство не можетъ упускать изъ виду, въ связи съ общей безопасностью своей страны, гарантій, которыя заключались бы въ признаніи независимости Эстонской республики и обезпеченіи этой независимости въ будущемъ со стороны панрусскихъ правительствъ Колчака и Деникина, подъ флагомъ котораго ведетъ борьбу Сѣв.-Зап. Армія, и въ признаніи «de jure» Союзными и Дружественными Державами, или ихъ именемъ Верховнымъ Совѣтомъ.

Такое признаніе со стороны Союзныхъ и Дружественныхъ Правительствъ имѣло бы результатомъ слѣдующее: русскія Правительства совмѣстно съ русскими Арміями, поддерживаемыми Союзными и Дружественными Правительствами, не посмѣли бы повернуть оружіе противъ Эстонской Республики, и оно бы дало бы увѣренность Эстонскому Народу и Арміи, увеличивъ энтузіазмъ послѣдней въ ея борьбѣ съ превосходными силами большевистскихъ войскъ; такое признаніе установило бы международныя отношенія Эстоніи, которая могла бы заключить соглашеніе съ сосѣдними Балтійскими Государствами объ организаціи единаго фронта противъ Совѣтской Россіи; Эстонія имѣла бы возможность улучшить свои финансы, консолидируя свою внѣшнюю торговлю и легче получая военное снаряженіе.

Чтобы имѣть возможность ясно установить свое отношеніе къ остатку Сѣв.-Зап. Арміи или рѣшить, какое принимать участіе въ случаѣ ея реорганизаціи, Правительство Эстоніи принуждено просить Верховный Совѣтъ не отказать сообщить ему, согласенъ ли онъ признать независимость и автономію Эстоніи. Опредѣленное рѣшеніе этого вопроса со стороны Верховнаго Совѣта крайне необходимо Правительству Эстоніи въ данный моментъ, чтобы опредѣлить свои отношенія къ Правительству Совѣтской Россіи.

Благодаря помощи союзныхъ и дружественныхъ державъ, Эстонскій народъ велъ въ теченіе болѣе года ожесточенную и кровавую борьбу съ превосходными силами большевиковъ. Народъ и Національная Армія сдѣлали сверхчеловѣческія усилія во имя идеи самостоятельности страны. Къ тому же два мѣсяца тому назадъ Совѣтское Правительство сдѣлало Эстонскому мирное предложеніе, открыто заявляя, что оно готово признать самостоятельность и автономію Эстоніи и утказаться отъ всяческихъ наступательныхъ дѣйствій противъ нея.

Принимая во вниманіе чрезвычайно тяжелое экономическое положеніе страны, послѣ болѣе чѣмъ пятилѣтней войны, и принимая во вниманіе утомленность Національной Арміи и страстное желаніе народа освободиться отъ тяжелаго бремени постоянной войны, Правительство Эстоніи не можетъ отклонить это мирное предложеніе, не давши повода къ предположенію, что оно совершенно безразлично къ окончанію войны.

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, Правительство открыто заявило о своемъ рѣшеніи принять предложеніе Правительства Совѣтской Россіи и начать въ Юрьевѣ переговоры съ ея представителями.

Въ то же время Эстонское Правительство объявило, что эти переговоры не имѣютъ цѣлью установленія между Эстонской Республикой и таковой же Совѣтской Россіи мира въ полномъ смыслѣ этого слова, но лишь прекращеніе состоянія войны, тогда какъ всякія сношенія дипломатическія, консульскія, почтовыя, а также путей сообщенія и торговыя должны согласоваться съ принципами, принятыми Союзными и Дружественными Державами въ отношеніи Республики Совѣтской Россіи, такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Эстонская Республика желала бы дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Союзными и Дружественными Державами.

По этимъ причинамъ Эстонское Правительство желало бы знать какъ можно скорѣй мнѣніе Верховнаго Совѣта по всѣмъ вышеизложеннымъ вопросамъ, дабы быть въ состояніи урегулировать справедливымъ образомъ свои отношенія къ Сѣв.-Зап. Арміи, а также принять твердую позицію въ мирныхъ переговорахъ съ представитеками Совѣтской Россіи.

Дана въ Ревелѣ, 16-го декабря 1919 года.

Премьеръ-Министръ: (подпись) Теннисонъ.
Министръ Иностранныхъ Дѣлъ: (подпись) Биркъ.

Содержаніе

Документы

Содержанiе I и II томовъ «Архива Революцiи»

Томъ I

Задачи Архива. — В. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ—Вятка въ 1919—20 гг. — Н. Неклюдовъ, Предсказанiе русской революцiи. — К. Крамаржъ, Основы Конституцiи Россiйскаго Государства. — Докладъ о положенiи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованiе сѣверно-западного правительства (Доклады Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). — Письмо ген. Гофа ген. Юденичу. — Послѣднiе дни Л. Андреева. — Описанiе польскаго отступленiя въ августѣ 1920 года.

Томъ II

Къ исторiи Манифеста 17-го октября (Записки Н. И. Вуича и кн. Оболенскаго). — Ген. Лукомскiй, Изъ воспоминанiй. — А. Дроздовъ, Интеллигенцiя на Дону. — Р. Гуль, Кiевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленiе отъ Одессы. — I. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ. — Журналъ Засѣданiя Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апрѣля 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ-фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

Предполагоемое содержанiе IV тома

Послѣднiе дни стараго режима (по матерiаламъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiи Временнаго Правительства). Александра Блока. —

Воспоминанiя А. Лукомскаго. —

25 октября 1917 г. (Воспоминанiя защитника Зимняго дворца). А. Синегуба. —

Отъ Москвы до Берлина. Часть II. А. Донского. —

Врангелевская эпопея. Ал. Валентинова. —

Документы и письма:

1. Письмо Вел. кн. Александра Михаиловича къ Николаю II въ январѣ 1917 г.
2. Докладная записка Н. Римскаго-Корсакова о мѣрахъ къ предупрежденiю революцiи.
3. Денежные документы ген. М. Алексѣева и др.

Напечатано издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ